

The Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

NATIONS AND NATIONALISM
IN THE MUSLIM EAST

Moscow
IVRAN
2015

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ
НА МУСУЛЬМАНСКОМ ВОСТОКЕ**

Москва
ИВ РАН
2015

УДК 94(5)
ББК 66.2(07)+ 66,4(07); -38*63.3
Н84

Ответственные редакторы
В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко

Редколлегия:
Н.М. Мамедова, С.Н. Каменев, С.Ф. Орешкова

Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред.
В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко; Институт востоковедения РАН. — М.:
ИВ РАН, 2015. — 488 с.
ISBN 978-5-89282-661-7

Книга посвящена исключительно актуальной и теоретически сложной проблеме нации и национализма в мусульманском мире. Авторы пытаются найти ответы на вопросы, вызванные современной международно-политической ситуацией, выявляют причины и особенности кризиса наций-государств, эволюции системы государственности в ареале к югу от границ России. В сборнике анализируются темы распространения на Ближнем и Среднем Востоке радикальных течений и военизированных движений, разгула терроризма, подъема этнического национализма и сепаратизма. Предложены новые ракурсы в подходе к феномену национализма на мусульманском Востоке, анализу социально-экономического развития государств региона, изучению исторических аспектов национализма, державности и этничности в мусульманской среде. Акцент сделан на политико-идеологической специфике и особенностях социально-политического и социокультурного развития Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана, а также Сирии, Ирака, Ливана, Ливии. Особое внимание уделено проблеме курдов и курдского национализма. В книге освещаются важнейшие проблемы международных отношений в нестабильной зоне перекрещивающихся геополитических и экономических интересов региональных и глобальных сил.

Издание адресовано ученым, дипломатам, преподавателям, экспертам, журналистам, аспирантам, студентам, всем, интересующимся современным положением на Ближнем и Среднем Востоке, состоянию и перспективам эволюции одного из наиболее беспокойных регионов мира.

ISBN 978-5-89282-661-7

© Коллектив авторов, 2015

© Институт востоковедения РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	8

Раздел I

Национализм, нации-государства и современная ситуация на Среднем и Ближнем Востоке

<i>Белокреницкий В.Я.</i> Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана).	15
<i>Мамедова Н.М.</i> Социально-экономическая модель Ирана (к вопросу о региональной неравномерности экономического развития)	35
<i>Ульченко Н.Ю.</i> Национальные особенности экономической модели Турции	46
<i>Каменев С.Н.</i> Динамика и перспективы развития национального хозяйства Пакистана	59
<i>Окимбеков У.В.</i> Демографические и экологические проблемы современного Афганистана	75
<i>Малышева Д.Б.</i> Радикальный исламизм как внешнеполитический вызов нациям-государствам Центральной Азии	83
<i>Труевцев К.М.</i> Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств.	93
<i>Косач Г.Г.</i> Палестинский национализм: становление и эволюция.	116
<i>Сарабьев А.В.</i> Халифатисты versus «национально ориентированные» исламисты: к постановке проблемы	130

Раздел II

Исторические аспекты проблемы нации и национализма

<i>Орлов В.В.</i> Самоотождествление в арабском мире: этническое, профессиональное, национальное.	147
<i>Орешкова С.Ф.</i> К вопросу об этнической идентификации мусульманских народов: османский опыт	159
<i>Витол А.В.</i> (Санкт-Петербург). Вхождение Турции в «европейский концерт»: европейское понимание и конфликт с исламом	164
<i>Болдырев А.В.</i> Российский фактор в этнополитических процессах в Османской империи в середине XIX в.	171
<i>Шлыков В.И.</i> Языковая политика кемалистов в раннереспубликанский период	185

<i>Раванди-Фадаи Л.М.</i> Этнос, нация, национализм: иранский взгляд	193
<i>Черешнева Л.А.</i> (Липецк). Региональный мусульманский национализм в Индии в 1947 – 1949 гг. (на примере княжества Хайдарабад)	207

Раздел III

Политико-идеологическая специфика в странах региона

<i>Карякин В.В.</i> Деградация светских государственных институтов в странах арабского мира в свете активности исламского фундаментализма	219
<i>Киреев Н.Г.</i> Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции	229
<i>Шлыков П.В.</i> Национальная модель демократии и гражданского общества в Турции: динамика и основные детерминанты	241
<i>Ягудин Б.М.</i> Кемализм и формирование политико- идеологических основ «Третьей Республики» в Турции	257
<i>Гибадулин И.Р.</i> (Казань). Мортаза Мотаххари и идеология иранского национализма	265
<i>Хас К.</i> (Турция). Проблема выбора национальной идеологии Кыргызстана и Таджикистана после обретения независимости.	278

Раздел IV

Национальные особенности современного социально-политического и культурного развития

<i>Сажин В.И.</i> Национально-психологические особенности населения Ирана	291
<i>Каменева М.С.</i> Персидский язык как фактор национальной интеграции Ирана	297
<i>Серенко И.Н.</i> Урдуизация пакистанской системы образования как составная часть национальной политики государства.	303
<i>Замараева Н.А.</i> Армия и демократические институты в современном Пакистане.	312
<i>Лукьянов Г.В.</i> Регулярная армия как институт национального государства в Ливии.	328

Раздел V

Этнический национализм и этнические движения

<i>Рыжов И.В., Бородина М.Ю.</i> (Нижний Новгород). Этнические проблемы в современном Иране	345
<i>Вертяев К.В.</i> Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии	361

<i>Гаджиев А.Г.</i> Проблемы национальных меньшинств в Турции (по материалам отчетов Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути к членству)	375
<i>Нессар М.О.</i> Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане	379
<i>Горбунова Н.М.</i> Перманентный кризис в Ливане: роль этноконфессионального фактора	384

Раздел VI

Исламский фактор и тенденции развития международных отношений в регионе

<i>Иванова И.И.</i> Турция на Ближнем Востоке: концепции реагирования на вызовы региональных акторов	393
<i>Свистунова И.А.</i> Отношения Турции с Иракским Курдистаном в контексте процесса трансформации понятия национальной идентичности в Турции	403
<i>Петросян В. (Армения).</i> Перспективы сотрудничества Турции и Регионального правительства Курдистана	413
<i>Уразова Е.И.</i> Совет сотрудничества тюркских государств (Тюркский Совет) — новое интеграционное объединение в Евразии . . .	429
<i>Федорова И.Е.</i> Элементы паниранизма во внешней политике Ирана	437
<i>Махнёв С.Д. (Нижний Новгород).</i> Реакция нерегиональных игроков на первый этап «арабской весны» в Египте	443
<i>Мелкумян Е.С.</i> Совет сотрудничества арабских государств Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов	455
<i>Волкова С.Л.</i> Экономическое сотрудничество Турции и республик Российской Федерации с преобладающим мусульманским населением	465
<i>Сучков М.А. (Пятигорск).</i> Влияние ИГИЛ на российский Северный Кавказ	479
Contents	485

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблематика нации и национализма остается одной из самых актуальных и широко обсуждаемых в отечественной и мировой научной литературе. Современная обстановка в мусульманском мире с ее все большей размытостью и проницаемостью государственных границ придает теме этнических общностей, национализма и национального государства первостепенную значимость. Впрочем, и раньше соотношение ислама и национализма вызывало неизменный исследовательский интерес. Поскольку национализм современного типа как идеология и политический феномен возник в Европе в рамках западнохристианской традиции в эпоху просвещения, его проекция на исламский ареал должна была, по определению, привести к большому своеобразию внешне сходных явлений. В действительности так и произошло, и не исключено, что наблюдаемые нами сегодня на Ближнем и Среднем Востоке острые и противоречивые социально-политические процессы — следствие экстраполяции явлений, порожденных в одной культурно-цивилизационной среде, на во многом не похожую социальную реальность.

Разработка проблематики нации и национализма как в общетеоретическом плане, так и применительно к отдельным регионам и странам интенсивно продолжается в нашей науке¹. Этому способствовала, в частности, программа исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Нация и государство в мировой истории», выполнявшаяся в 2012–2014 гг. Результаты работы по этой программе ряда сотрудников Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН перекликаются с темой организованной этим Центром научной конференции «Нации и национализм в мусульманском мире (на примере Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана, этнического Курдистана, соседних стран и регионов)»². Доклады, прочитанные на конференции, состоявшейся в ноябре 2014 г., легли в основу большинства статей данного сборника³.

Нужно отметить, что настоящая книга уже девятая, подготовленная Центром по теме: «Ислам и мусульманский Восток на южных рубежах России». В 2001 г. были опубликованы две первые книги серии под названием «Ислам и политика» и «Мусульманские страны у границ СНГ»; в 2004 г. из печати вышел сборник «Ислам на современном Востоке», в 2005 г. — другой сборник «Ислам и общественное развитие в начале XXI века»; в 2010 г. появилась книга «Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции»; в 2011 г. при поддержке РГНФ была издана монография «Исламский фактор в истории и современности». Седьмой и восьмой сборники вышли в 2012 и 2014 гг. — соответственно «Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии» и «Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке».

Прежде чем кратко характеризовать содержание книги, хотелось бы вернуться к проблемам и вопросам, которые организаторы конференции поставили перед ее вероятными участниками. Далеко не все темы, намеченные для анализа и обсуждения, получили как на конференции, так и на страницах данного издания полное освещение и глубокую разработку, что оставляет простор для дальнейших исследований и дискуссий.

Оргкомитет предложил обсудить десять тематических блоков:

I. Нации, национализм и ислам. Формирование современных наций-государств после окончания мировых войн XX в. Панисламизм и антиколониальные движения. Особенности суннитской и шиитской модели правления и отличия форм правления в шиитских и суннитских государствах. Идеиная борьба по вопросу о формировании современных (территориальных) наций в исламском мире.

II. Турция. Идеологии паносманизма, панисламизма и турецкого национализма. Появление и эволюция турецкого национального государства. Противоречие между этническим и гражданским национализмом как одна из основных проблем внутривосточного развития Турецкой Республики.

III. Иран. Формирование гражданской нации и национального государства в Иране. Этничность и национализм. Сохранение имперского комплекса в общественном сознании, его влияние на национальную и конфессиональную политику государства, на особенности внешнеполитической стратегии.

IV. Этнический Курдистан. Специфика курдского национального движения. Интегральный и партикуляристский курдский национализм. Проблемы курдов и курдских регионов в Турции, Иране, Сирии и Ираке. Перспективы автономного Иракского Курдистана.

V. Афганистан. Преобразование трайбалистской афганской империи в национальное государство. Афганский национализм, национализм пуштунов и афганское государство. Исламский радикализм (*талибанизм*) и перспективы Афганистана. Значение этнического фактора, проблема фрагментации и возможного фактического распада страны.

VI. Пакистан. Мусульманский поток в индийском национально-освободительном движении. Трансформация национальной идеи и национализма после создания Пакистана. Субнациональные (этнические, этнорегиональные) идеологии и движения. Религиозные идеологические течения и национализм.

VII. Регион к югу от границ СНГ. Этнические группы (этничности) и национализм. Кроссграничные этнические группы и перспективы геополитической трансформации региона. Перетекание исламских радикальных идеологий через границы.

VIII. Нация как общественно-экономический организм. Экономический фундамент современных наций. Ускорение экономического роста и усиление государственного национализма. Национально-государственные особенности экономической модели в Турции, Иране и других странах региона. Экономические кризисы и их влияние на национальное единство, проблема центра и окраин. Демографо-экологические проблемы и судьба «разрушающихся» наций-государств.

IX. Национализм в исторической ретроспективе. Досовременные государственные образования (исламские империи) и этногенеалогия наций.

X. Мирополитические процессы и национализм в мусульманском ареале. Международный контекст существования наций-государств в исламском мире. Влияние внешних факторов и прямого воздействия извне на прочность современных государств. Вызовы со стороны глобальных и региональных сил. Внешнеполитические стратегии мусульманских государств и проблема сохранения национального государства.

Составившие настоящее издание статьи группируются по шести разделам, которые в определенной степени согласуются с приведенными выше блоками. В статьях первого из них — «Национализм, нации-государства и современная ситуация на Среднем и Ближнем Востоке» — рассмотрены две группы вопросов: во-первых, национальные особенности экономической политики и социальной динамики в Турции, Иране, Пакистане и Афганистане (статьи *Н.М. Мамедовой* о неравномерности иранского социально-экономического развития, *Н.Ю. Ульченко* об особенностях национальной модели Турции, *С.Н. Каменева* о специфике и перспективах развития национального хозяйства Пакистана, *У.В. Окимбекова* о демографо-экологических проблемах Афганистана) и во-вторых, специфика национализма и наций-государств на современном мусульманском Востоке. Этот круг проблем, так или иначе, затронут в статьях *В.Я. Белокреницкого*, уделившего основное внимание тому примеру национализма в исламской стране, который дает Пакистан, *Д.Б. Малышевой*, рассмотревшей радикальный исламизм как внешнеполитический вызов странам Центральной Азии, *К.М. Труевцева*, обосновавшего тезис о ближневосточном регионе как эпицентре противостояния современного панисламизма и национального государства, *Г.Г. Косача*, проследившего становление, эволюцию и своеобразие феномена палестинского национализма, *А.В. Сарабьева*, поставившего вопрос о политико-идеологических различиях между халифатистами и «национально-ориентированными» исламистами.

Во второй раздел — «Исторические аспекты проблемы нации и национализма» — вошли статьи *В.В. Орлова* о самоотождествлении в арабском мире, *С.Ф. Орешковой* об османском опыте этнической идентификации, *А.В. Витола* (Санкт-Петербург) об истории вхождения Турции в «европейский концерт», *А.В. Бодырева* об этнополитических процессах в Османской империи XIX в., *В.И. Шлыкова* о языковой политике кемалистов в Турции, *Л.М. Раванди-Фадая* об иранском взгляде на этносы, нации и национализм, *Л.А. Черешневой* (Липецк) о мусульманском национализме в Индии первых лет независимости.

Третий раздел — «Политико-идеологическая специфика в странах Востока» — включает статьи *В.В. Карякина* о деградации светских государственных институтов в странах арабского мира, *Н.Г. Киреева* об исламо-турецком синтезе в государственной идеологии Турции, *П.В. Шлыкова* о национальной модели демократии и гражданском обществе в Турции, *Б.М. Ягудина* о формировании политико-идеологических основ кемалистского режима в той же стране, *И.Р. Гибадулина* (Казань) об идеях М. Мотакхари и идеологии иран-

ского национализма, *К. Хаса* (Турция) о выборе национальной идеологии независимыми республиками Центральной Азии (Кыргызстаном и Таджикистаном).

Раздел четвертый отдан статьям по национальным особенностям современного социально-политического и культурного развития мусульманских стран рассматриваемого региона. Статья *В.И. Сажина* посвящена некоторым особенностям национальной психологии иранцев, *М.С. Камневой* — персидскому языку как фактору национальной интеграции Ирана, *И.Н. Серенко* — урдуизации пакистанской системы образования как важной составной части государственной политики, *Н.А. Замараевой* — отношениям между армией и демократическими институтами в сегодняшнем Пакистане, *Г.В. Лукьянова* — регулярной армии как институту национального государства в Ливии.

В пятом разделе представлены статьи по этническому национализму и этно-национальным движениям. *И.В. Рыжов* и *М.Ю. Бородина* (Нижний Новгород) осветили этнические проблемы современного Ирана, *К.В. Вертяев* выявил специфические черты курдского национального движения, актуальные в связи с текущими событиями в Турции и Сирии. *А.Г. Гаджиев* на материалах Еврокомиссии рассмотрел проблему национальных меньшинств в Турции, *М.О. Нессар* — этноплеменной фактор и его роль в политической практике современного Афганистана, *Н.М. Горбунова* — роль этноконфессионального фактора в ливанском кризисе.

Заключительный, шестой, раздел — «Исламский фактор и тенденции международных отношений в регионе» — составили статьи, посвященные в той или иной мере наиболее жгучим вопросам текущего политического момента в ареале Среднего и Ближнего Востока. Статья *И.И. Ивановой* посвящена политике Турции в условиях глубокого кризиса, охватившего Сирию, Ирак и весь Ближневосточный регион. Особенности крайне существенных для обстановки в регионе отношений Турции с Иракским Курдистаном рассмотрены в статье *И.А. Свистуновой*. Близкой теме, перспективам сотрудничества Анкары с Региональным (Иракским) правительством Курдистана, посвящена статья *В. Петросяна* (Армения). *Е.И. Уразова* охарактеризовала начало деятельности нового интеграционного объединения в Евразии — Совета сотрудничества тюркских государств. В статье *И.Е. Федоровой* выявляются элементы паниранизма во внешней политике Тегерана. *С.Д. Махнёв* (Нижний Новгород) рассмотрел реакцию нерегиональных игроков на первый этап «арабской весны» в Египте. *Е.С. Мелкумян* посвятила свою статью Совету сотрудничества арабских государств Залива как институту обеспечения региональной безопасности, *С.Л. Волкова* дала обзор экономического сотрудничества Турции с некоторыми республиками РФ, а *М.А. Сучков* (Пятигорск) затронул вопрос о влиянии ИГИЛ на российский Кавказ.

В.Я. Белокреницкий,

Н.Ю. Ульченко.

Примечания

¹ См., например: Трансграничные вызовы национальному государству (ред. С. Панарин). СПб, 2015.

² См. книги, подготовленные в рамках программы: Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии. М., 2013; Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность. М., 2015; Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М., 2013; Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М., 2014.

³ Подробный отчет о конференции см: Восток/Oriens. 2015. №. 2. С. 139–149.

Раздел I

**НАЦИОНАЛИЗМ, НАЦИИ-ГОСУДАРСТВА И
СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ
НА СРЕДНЕМ И БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

*В.Я. Белокреницкий**

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИЗМА И НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ НА ВОСТОКЕ, В ИСЛАМСКОМ МИРЕ (ПРИМЕР ПАКИСТАНА)

Резюме. В статье обосновывается продуктивность подхода к национализму и нации-государству на Востоке как к феномену, который принципиально отличается от похожего явления на Западе. В основе различия лежит характерное для восточных стран соединение власти и собственности и господство носителей власти (бюрократии) над гражданским обществом (буржуазией, средним классом). Анализируя исламский вариант восточного национализма, автор подчеркивает его надэтничность и суперрелигиозность, т. е. «растворенность» в исламе как национализма территориального, странового типа, так и фундаменталистского сверхнационализма. Пакистанский национализм появился в ходе антиколониальной борьбы в Индии и может служить характерным примером мусульманского национализма с первостепенной ролью ислама, антиимпериалистической направленностью и верховенством бюрократического начала над буржуазным. Пакистан как нация-государство восточного образца отличается авторитарной сутью правления, гипертрофированной ролью военной бюрократии и подспудными центробежными тенденциями.

Ключевые слова: национализм и нация-государство на Востоке и Западе, власть-собственность, исламский национализм, пакистанское государство и национализм.

Summary. The author tries to prove the fruitfulness of the approach of differentiating between nationalism and nation-states in the East and in the West. The core difference lies in the phenomenon of combination of power and property in the eastern (non-western) countries and in the dominance of state power holders (bureaucracy) over the civil society (bourgeoisie, middle class). While analyzing the Islamic version of the Eastern nationalism the author underlines its super ethnicity and utter religiosity. The latter means that nationalism of the territorial, country-oriented type and of the fundamentalist nature are both 'dissolved' in Islam. The Pakistani nationalism has been formed in the wake of the freedom struggle in India and may serve as an example of Muslim nationalism with the preeminent role of Islam, antiimperialist orientation and predominance of bureaucracy over bourgeoisie. As a nation-state of the Eastern mould Pakistan stands distinguished by authoritarian essence of governance, hypertrophied role of the military bureaucracy and undercurrent centrifugal tendencies.

Tags: nationalism and nations-states in the East and West, power-property, Islamic nationalism, Pakistani state and nationalism

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран БСВ, зам. директора Института востоковедения РАН

В современной науке концепции национализма используются в разных аспектах и в рамках различных дисциплин. В западной литературе национализм трактуется с позиций политической этнологии и социальной антропологии, сравнительной политики, политической географии и политической экономики, цивилизационной парадигмы и стратегической геополитики. В отечественной литературе тоже представлены так или иначе такие подходы к национализму. Ведущие позиции в изучении национализма занимают этнографы и этнологи (В.А. Тишков и др.)¹. В рамках исследования сравнительной политологии и комплексного мирового регионоведения вышла серия работ под редакцией А.Д. Воскресенского, где представлена трактовка национальных особенностей политических систем и политической культуры стран Востока². Примечательны книги В.С. Малахова по национализму как политической идеологии и Ф. А. Попова по сепаратизму³. Что касается политэкономического, международно-политического и цивилизационного подходов, то они представлены большим числом работ на тему глобализации и наций-государств⁴.

Государственный (гражданский) и этнический национализм

Наиболее существенным и общепризнанным моментом, который отличает использование термина «национализм» в обширнейшей литературе по этому вопросу, является различие между его государственным (гражданским, гражданско-территориальным) и этническим вариантами. Как отмечают В.А. Тишков и В.А. Шнирельман, анализируя историю развития этого понятия в период после Второй мировой войны, «гражданский национализм», основанный на понятии «народа» как территориального сообщества и понятии «нации» как многокультурной политической общности, считается нормой в современную эпоху. Из этой аксиомы исходит вся международно-правовая практика⁵. Вместе с тем в определенных исторических условиях этнический национализм, в рамках которого не «демос» (население страны), а «этнос» (население, связанное не со страной как общей территорией, а с происхождением как основой общей культуры) выступает субъектом идентификации⁶. При этом очевидно коренное противоречие между связанными с государственным и этническим национализмом основополагающими принципами — нерушимостью границ суверенного, признанного мировым сообществом государства и правом наций на самоопределение.

Стремясь найти выход из концептуальной двойственности в трактовке понятия «национализм», вышеназванные авторы предложили «забыть об этносе», отказаться от данной категории анализа, сосредоточившись на государстве и этничности. При этом ими выделяются два типа национализма — гражданский, политический, и культурный, этнический, или, добавим, этнорелигиозный, а также нации двух типов: нация-государство и нация-этническая общность. Отметив возможность такого терминологического компромисса, авторы отдают предпочтение определению национализма как идеологии и основанной на ней политической практике, «...которые базиру-

ются на том, что коллективные общности под названием нации являются естественной и легитимной основой организации государств... (курсив В.Т. и В.Ш.)»⁷. Иными словами, они и подобранный ими авторский коллектив капитальной монографии «Национализм в мировой истории» сделали акцент на понятии нации-государства и национализма государствообразующего типа, хотя отдельные ее статьи и посвящены этнонационализму⁸.

Этнический (этноконфессиональный) национализм получил большее отражение в другой, более поздней, книге той же во многом группы авторов «Этничность и религия в современных конфликтах». Главный упор в ней сделан на конфликте, партикулярному национализму уделяется лишь относительно небольшое внимание, нет развернутого анализа этого явления, раскалывающего существующие государства и нацеленного на создание новых наций-государств⁹.

Подданныческий национализм на Востоке

Хотя как эти, так и многие другие отечественные и зарубежные исследования по национализму учитывают особенности регионов, культур и цивилизаций, они обычно отличаются стремлением к универсализации. Феномен и идеология современного национализма в обеих его формах — государственной и этнической — возникли, как известно, в Западной Европе в Новое время и с тех пор «прокидываются» на остальной мир без принципиальных поправок. Между тем в отечественной историко-философской литературе сложилась традиция противопоставления, дуализма Запада и Востока, возникшая еще в сер. XIX в., в трудах славянофилов и западников, в XX в. она преломилась через призму особого, азиатского, пути развития в раннем и позднем советском марксизме и достигла нашего времени благодаря работам неопочвеников (А.С. Панарина, А.Г. Дугина и др.) и востоковедов-дихотомистов. Последние видят историю мира сквозь призму характеристики Запада как «социальной мутации», т. е. отклонения от общей нормы. Притом что эту общую норму олицетворяет Восток — «мировая деревня». В наиболее полном и завершенном виде данная концепция представлена работами китаиста по первой своей специальности Л.С. Васильева (см. его двухтомную неоднократно переиздававшуюся книгу-учебник «История Востока» и 6-томную «Всеобщую историю»), а также трудами автора концепции социоестественной истории Э.С. Кульпина (Кульпина-Губайдулина)¹⁰.

Подход к проблемам современного развития мира с позиций различий между Востоком и Западом ныне становится все более распространенным. Опираясь, по существу, на те же в основе своей наблюдения и заключения, А.Д. Воскресенский и его коллеги разработали весьма изощренный набор аргументов, обосновывающих глубокую специфику политической культуры, политической системы и политического процесса на Востоке. Особенности восточной политики они объясняют господством государства над обществом, доминированием государственной и общественной собственности, отсутствием гражданского общества, а также безличных социальных взаимоотно-

шений, защиты прав собственности, справедливости, равенства¹¹. Особенно важно, что равные права и равное уважение не предоставляются меньшинствам разного вида, в том числе женщинам, а также этническим и религиозным маргиналам.

Характерно, что отечественные политологи используют наработки западных ученых, публиковавших свои работы еще в 1970-х гг. (Л. Пай), а также современных авторов (Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст), предложивших концепцию закрытых обществ с естественным и ограниченным доступом населения к политическим благам (восточных) и обществ открытого социально-политического доступа (западных). Эти разработки свидетельствуют о вышедшем на видное место интересе мировой науки к незападным, прежде всего восточным, обществам, попыткам специалистов расширить понимание исторической эволюции за счет учета культурно-цивилизационной и макрорегиональной особенности.

Распространяя вышеотмеченные подходы на изучение наций и национализма, легко заметить, что государственный и этнический национализм в восточном варианте имеет принципиальные отличия от западного. Связаны они не столько с культурой и историей, сколько с социологией, социальной зрелостью общества, степенью его социально-экономического развития. Национализм на Западе возник с подъемом среднего класса, городских средних слоев и сформировался как *гражданский*, между тем как в остальном мире, не исключая, естественно, ареал исламской религии и исламизированной культуры, господствовал *подданнический* национализм, связанный с безусловной подчиненностью общества носителям власти, с принижением положением средних торгово-предпринимательских слоев.

Согласно Л.С. Васильеву и разделяющим его мнение авторам, исторически выработались две модели сочетания власти и собственности: на Западе — власть, зависящая от собственности, а на Востоке — собственность, зависящая от власти; там сложилась «власть-собственность»¹².

В государствах Востока не было и нет граждан, а есть подданные. Это подданные старых империй, патримониальных (самодержавных) государственных образований, и современных, существующих в наше время «национальных государств». Для Запада характерен другой тип государства, где имеется гражданское общество, которое заставляет власть считаться с ним и, более того, формирует и контролирует ее. При этом крупные частные интересы в современных условиях, промышленный и финансовый капитал все более довлеют над властью, образуя с ней определенный синтез, своего рода «собственность-власть». Вместе с тем в западном ареале, служащем основой «мирового города», гражданское общество как множество разнообразных элементов — профессиональных, добровольных, локальных, церковных и прочих союзов и ассоциаций — сохраняет свободу и самостоятельность. Подчеркнем, что западная и восточная модель нации-государства — суть идеальные типы. В реальной (пусть и умозрительной) действительности между ними пролегает континуум подтипов, тяготеющих к одному из них.

Более того, в сегодняшнем мире наблюдается тенденция к конвергенции и гибридизации. Западные сообщества размываются притоком носителей иной, восточной, традиции. Восточные государства становятся более «городскими» (не только чисто демографически, но социокультурно и экономически), более открытыми внешнему миру и подверженными его «разлагающему» влиянию. Но в предельном случае, в идеале, различия остаются. В конкретной действительности открытость или, лучше сказать, приоткрытость восточного, особенно исламского, общества ведет, как правило, к его отталкиванию от Запада, стремлению утвердить свою культуру и ее мировую значимость, а в сердцевине общественной жизни — тяготением к традиционным основам, фундаменту, регрессивной архаике.

Прежде чем перейти от общих рассуждений к конкретным примерам, затронем еще один теоретический аспект. В работах Э.С. Кульпина немалое значение придается предложенным К. Юнгом в начале XX в. понятиям «коллективное бессознательное» и «безличностное общественное бессознательное»¹³. Хотя «бессознательное» трудно поддается строгим дефинициям, оно сохраняет свое эвристическое значение и находит отражение в популярных ныне категориях исторической памяти и национального менталитета. Такая терминология, не апеллируя к «темной сфере» человеческой психики, служит для обозначения стержня, константы общественной, национальной самоидентификации. При этом для нас важно то, что коллективное бессознательное, национальный идентитет, как правило, различны на сегодняшнем Западе и Востоке.

Если на Западе (в Западной Европе, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии) интегральное (тоталитарное, мобилизующее массы) сознание (и подсознание) оттеснено на обочину общественной психологии (менталитета), то в других странах и регионах (на Востоке) тотальность остается в центре национального самосознания или легко может быть актуализирована, чтобы занять место в нем. Ключевую роль в мобилизации играет государство, обладающее наиболее широкими и мощными средствами воздействия через целенаправленную информацию (пропаганду), а также, в случае необходимости, и с помощью контроля над информационным полем, включающим киберпространство. Впрочем, в нынешнюю технологическую эпоху национальное государство, особенно не доминантного, а зависимого типа, вынуждено делить сферу контроля над информацией с внешними и внутренними конкурентами и противниками. Отсюда сложности в проведении мобилизационной политики теми незападными государствами, которые недостаточно сильны с точки зрения экономической и информационной самодостаточности. Но такая слабость может быть до определенной степени преодолена опорой на феномен коллективного бессознательного, на объединяющую массы людей историческую память и общий национальный менталитет.

Характерно при этом, что менталитет может опираться как на узкую этническую основу, так и на более широкий суперэтнический (этно-региональный, этнотерриториальный) базис. Иначе говоря, на Востоке может наблюдаться тотально националистическая мобилизация как на надэтнической, в том чис-

ле конфессиональной (этно- или суперэтно-), так и на собственно этнической основе.

Исламский вариант восточного национализма

Известно, что с доктринальной точки зрения понятия «ислам» и «национализм» предстают несовместимыми. Ислам по идее отрицает национализм, считая нацию-государство временной и преходящей формой человеческого общежития. Хотя различия между людьми перед лицом Аллаха (этнические, расовые, культурные и др.) не признаются существенными для верующих, в главной книге ислама, Коране, упоминаются существовавшие в истории народы и отведенная им через пророков миссия. Однако после конечного пророчества Мухаммада разница между народами стирается, и проповедь *асабийя* (племенной и любой другой солидарности, в том числе этнической и национально-государственной) отвергается в пользу универсальности, всеобщности, во имя преодоления всех границ между людьми.

Следует заметить, что национализм как современная идеология, так же как и исламизм или панисламизм, возник как реакция на колониальное господство европейцев, и потому отношения между идеологиями национализма и исламизма, как подчеркивает З.И. Левин, были одновременно тесными и противоречивыми¹⁴. Возникнув на волне антиколониального возрождения, обе идеологии (исламизм, да и собственно ислам, который нередко приравнивается к идеологии или самодостаточной основе для нее) сосуществовали и конкурировали друг с другом. При этом многие исламисты, или, по терминологии того же автора, исламские максималисты, признавали трактовку национализма как синонима патриотизма, любви к родине и допустимость борьбы за государство как защитника мусульман от покушений иноверцев¹⁵. Допуская «национализм ислама», исламисты «классического» периода призывали в то же время не останавливаться на укреплении «национальных кварталов», но всегда иметь в виду конечную цель построения «исламского государства» как стирающего, перекрывающего все национальные, государственные границы.

По этой причине либерально настроенные проповедники в странах с мусульманским меньшинством полагают, что нации (народы) не должны в принципе «обладать» государством, а формирование последних не должно строиться на базе таких мотивов и эмоций, как страх, гнев и чувство притеснения (виктимизации) со стороны других наций. Постулируя такие положения, либералы вместе с тем признают, что национализм и национальные государства в современном мироустройстве — это реальность, а для изменения такого положения требуется не только осознание присущих ему угроз и изъянов, но и выработка новых представлений о значении жизни, роли человека и человечества. Ислам, по их мнению, как нельзя лучше подходит для решения задач гуманизации и глобализации, поскольку проявляет терпимость к другим религиям и защищает интересы меньшинств через принципы мультикультурализма¹⁶.

Консервативно и ретроградно ориентированные исламские теоретики, исходя из тех же положений, призывают к преодолению пороков современности путем копирования образцов идеального прошлого, порядков времен Пророка и двух первых после его смерти поколений мусульман (*ас-салаф ас-салих*). Именно салафизм и ряд других течений в рамках ислама оказываются на практике трудно совместимыми с национализмом. Исламский воинствующий (максималистский) фундаментализм, выступая против светского и ограниченного этнотерриториально исламского национализма, отвергает не только его, но и порождаемые им современные социально-политические институты¹⁷.

Сущность такого национализма, как отмечает, например, М. Моаддель, состоит в провозглашении ислама единственной основой легитимности и источником законной власти, достижении единства религии и политики при исламском правлении, поощрении нетерпимости к другим верованиям помимо ислама, утверждении превосходства мужчин, введении ограничений на вовлеченность женщин в общественную сферу и отрицании западной культуры как упаднической, декадентской¹⁸.

Помимо максималистских форм политического ислама, получивших распространение на Большом Ближнем Востоке (прежде всего в Ираке и Сирии, а также в Афганистане, Пакистане, Йемене, Ливии, ряде других афро-азиатских государств и в отдельных регионах, например на Кавказе), существуют более умеренные его разновидности. Умеренные типы политизированного ислама развивались параллельно и в тесной взаимосвязи с радикальными. Более того, первоначально именно умеренные течения задавали тон в исламизме. Выступая за возрождение величия ислама и «халифат» как «великую родину мусульман», умеренные исламисты не отвергают, как мы уже отмечали, патриотизм и национализм, поскольку они служат укреплению режимов власти, при которых создаются благоприятные возможности для проповеди идеалов исламизма¹⁹.

Если эти различия между умеренными и радикалами (максималистами) можно считать инструментальными, т. е. касающимися путей достижения единой цели, то некоторые другие отличия выявляются из отношения к реальным проблемам. Так, умеренные исламисты не отрицают, принципиально и тотально, западную по происхождению, господствующую в сегодняшнем мире культуру-цивилизацию. Они признают научные, технические и некоторые социальные достижения неисламского мира. Социальный вопрос связан главным образом с более либеральным отношением к положению женщин в обществе, допустимости их образования, работы вне дома и профессиональной деятельности. Умеренные сторонники исламской идеологии акцентируют отмеченную выше роль территориального национального государства как защитника мусульман, гаранта их престижа и достойного положения среди других наций в мире, а также устроителя внутренних исламских порядков, способствующих созданию условий для соблюдения правил и норм, приличествующих мусульманам²⁰.

Именно такая программа действий лежала в основе главных идейно-религиозных течений, возникших в мусульманской среде в колониальный период, на этапе ослабления и распада системы колониализма. Существенно, что умеренно-исламистские движения в период между двумя мировыми войнами на первых порах в целом проигрывали в популярности светским, вполне либеральным идеологическим направлениям. Однако к концу периода исламская окрашенность антиколониальных движений в странах с преобладающим или большим присутствием мусульман в населении заметно усилилась. После окончания Второй мировой войны она приобрела еще более выраженный характер.

Антиколониальный национализм отличался естественной государственно-центричностью. Национальное освобождение виделось как создание «своего» процветающего и мощного государства, где преимущественное положение займут представители местных, «национальных» элит. В арабском мире эти настроения и ожидания осложнялись наличием панарабизма, окрашенного по преимуществу в светские тона. Иной характер массовые политические движения против власти заморских колонизаторов, видимо, и не могли принять, хотя представления о значимости целей достижения процветания и могущества, очевидно, не были одинаковыми у выразителей отдельных национально-освободительных сил. Государственноцентризм объяснялся отмеченными выше особенностями восточного общества (подчиненным положением средних слоев), а также наследием и образцами колониальной власти, которая имела заметные черты восточного авторитаризма, управляя во многом бесконтрольно, самочинно и возвышаясь над местными верхами и зарождающимся буржуазно-рыночным обществом.

Пакистанский национализм и особенности пакистанской нации

Пример Пакистана представляется весьма типичным для исламского мира. В то же время в нем есть и немалое своеобразие. Новое государство образовалось путем расчленения обширной английской колонии на полуострове Индостан и прилегающей к нему материковой, северной, части²¹. Поскольку Индостаном (Индией) на протяжении почти всего второго тысячелетия нашей эры управляли главным образом мусульманские династии, представленность мусульманской элиты в верхних слоях местного общества в середине–конце XIX в., когда оформлялось антиколониальное течение, была весьма высокой. Хотя доля мусульман в индийском населении оценивалась в середине XX столетия примерно в 25%, в народонаселении собственно Британской Индии она, видимо, приближалась к трети. Напомним, что помимо прямого правления англичане установили в Индии косвенный режим — через местных правителей-князей. На княжескую Индию приходилась до двух пятых территории и одна пятая населения. Основная часть подданных княжеств состояла из немусульман. Единственным крупным исключением было княжество Джамму и Кашмир, но и там по переписи 1941 г.

насчитывалось всего 4 млн человек (три миллиона из них были мусульмане). Опираясь на завышенные оценки доли мусульман в населении Индии, признанный «отец-основатель» Пакистана М.А. Джинна (1876–1948) в конце 1920-х гг. требовал (от лица Всеиндийской мусульманской лиги) предоставления мусульманам не менее трети мест в центральном законодательном собрании²².

Будучи долгое время сторонником единства Индии, М.А. Джинна лишь в конце 1930-х гг. пришел к мысли о возможности борьбы за отдельное мусульманское государство на ее территории. Большое влияние на него в этом вопросе оказал крупнейший поэт и мыслитель мусульманской Индии М. Икбал (1877–1938). Исследователи его творчества и общественной деятельности выявляют в них три периода. На начальном этапе (до 1906 г.) Икбал был горячим сторонником единства Индии, совместных действий представителей всех конфессий по укреплению страны и подготовки условий для достижения независимости. На втором этапе (до середины 1920-х гг.) в центре его внимания оказалась судьба общей родины мусульман — халифата — в эти годы он выступал с панисламистских позиций, а после распада османского халифата в 1923–1924 гг. горько упрекал арабские народы в предательстве и партикуляризме. Отринув ушедшие в тень панисламистские идеи, Икбал с конца 1920-х гг. стал сторонником мусульманского национализма. Борьба за освобождение от колониального господства представлялась ему многосложным процессом, где мусульманам отведено хоть и не первое, но важное и отдельное место. Будучи по происхождению панджабцем, чей род корнями уходит в Кашмир, Икбал ощущал виртуальное единство северо-западной части Индии с ее преобладающим мусульманским населением и наследием исламской культуры. В 1930 г., выступая в качестве президента на малолюдном годичном съезде Мусульманской лиги в Аллахабаде, Икбал заявил об обоснованности требований мусульман о создании «мусульманской Индии». Проявляя верное интуитивное предвидение, он провозгласил, что хотел бы видеть «Панджаб, Северо-Западную пограничную провинцию, Синд и Белуджистан объединенными в одно государство». Из речи следует, что под государством он имел в виду «самоуправляемую территорию в рамках Британской империи или вне ее рамок», т. е. на этапе после ухода англичан. Конечную цель («во всяком случае, для мусульман северо-запада страны») он видел в образовании консолидированного мусульманского государства²³. Таким образом, Икбал на последнем этапе развития своих представлений по национальному вопросу встал на позиции сторонника территориального исламского национализма.

В то же время он не отбрасывал идеи солидарности мусульман как в пределах Индии, так и в мировом, планетарном масштабе. Пакистанский исследователь его воззрений С.К. Фатими видит заслугу Икбала в том, что он органически соединил идеи исламского универсализма и территориального национализма. Воззрения Икбала, отмечал он, можно представить себе в виде трех концентрических кругов — в центре находится территориальный

национализм, окруженный более широким кругом исламской солидарности и еще более обширным пространством «притесняемого человечества»²⁴.

Нужно подчеркнуть, что мотив эксплуатации, притеснения большинства человечества его меньшей эксплуататорской частью служит характерным отличием (маркером) исламской и панисламистской антиимпериалистической идеологии. Она коренится в умонастроениях мусульман, сложившихся в колониальную эпоху²⁵.

Для взглядов М.А. Джинны этот аспект был малохарактерен. Проект Пакистана, отстаиваемый Джинной, не носил антизападного характера, хотя Икбал, как уже отмечалось, оказал на него серьезное влияние в 1936–1937 гг., написав ему в тот период (незадолго перед смертью) восемь писем с изложением своих убеждений и программных установок. Икбал просил Джинну возглавить движение по защите интересов мусульман в Индии вплоть до создания там отдельного мусульманского государства. Одновременно он завещал придать движению социальный, антикапиталистический характер, призывая его к тому, чтобы оно отвечало чаяниям и надеждам простых людей²⁶.

Вскоре после кончины Икбала Джинна издал его письма к нему со своим предисловием. Воздавая должное значению идей поэта-философа, Джинна признал, что его собственные взгляды на «конституционные проблемы Индии» после глубоких размышлений стали близки к представлениям Икбала²⁷.

Существенное влияние на формирование идеологии пакистанского национализма оказал также Рахмат Али Чоудхури, который изобрел само название «Пакистан». Надо отметить, что «провидения» мусульманского территориального образования появлялись в качестве более или менее случайных мотивов в статьях и памфлетах различных авторов во время и после окончания Первой мировой войны. Катализатором нового этапа спекуляций на этот счет стали конференции «круглого стола», состоявшиеся в 1930–1932 гг. в Лондоне. На них шла речь о новом конституционном устройстве Индии. Из-за жестких расхождений между индийскими участниками конференции, в частности представителями княжеской Индии, неприкасаемых каст, мусульман, среди которых были и Икбал, и Джинна, проект Индийской федерации не получил полного одобрения, но в 1932 г. британским парламентом был принят «Коммунный приговор» (решение о религиозных куриях при голосовании в провинциальные законодательные собрания), а в 1935 г. колониальные власти опубликовали и частично (без федеральной части, для которой требовалось согласие князей) ввели в действие Закон об управлении Индией. Лондонские обсуждения подвигли одного из политически активных мусульман, заканчивавших в Кембридже свое образование, выдвинуть идею создания мусульманской федерации под названием Пакистан. В письме, распространенном в конце января 1933 г., панджабец весьма скромного происхождения Р.А. Чоудхури, подписавшийся как основатель «Пакистанского национального движения», и еще трое обучавшихся в Англии мусульман выступили с призывом «от имени 30 млн мусульман, проживающих в Панджабе, СЗПП (Афганской провинции), Кашмире, Синде и Белуджистане», признать отдельный национальный статус территории на северо-западе Индии, где мусуль-

мане были в большинстве (общее число жителей региона они оценивали в 40 млн человек)²⁸.

В отличие от Икбала, Чоудхури был мало кому известен, и Джинна длительное время отказывался от использования изобретенного им термина. Следует подчеркнуть, что, хотя в трактовке расхождений между двумя «нациями» индусов и мусульман у Джинны и Чоудхури было много общего, «отец-основатель» Пакистана не мыслил будущее государство территориально смещенным на северо-запад Индии. В его представлении Пакистан должен был состоять из двух больших территорий, «обнимающих» Индию с востока и запада²⁹.

Чоудхури тоже был недоволен разделом Пенджаба и выпадением Кашмира из его схемы и, появившись в Пакистане весной 1948 г., уже после смерти Джинны, раскритиковал политику его властей, а спустя полгода уехал в Англию, где вскоре и закончил свои дни. Отметим, что у него, как и у Икбала, территориальный национализм совмещался и своеобразно растворялся в исламе. Чоудхури выдвигал планы образования 10 мусульманских государств (*миллатов*) в Индии и на Цейлоне, объединенных в конфедерацию под названием Пакистанское содружество наций³⁰.

Возвращаясь к особенностям восточного национализма на примере Пакистана, следует отметить его неглубокие социальные корни, малую представленность в его фундаменте убеждений и ожиданий среднего класса. Северо-западные районы колониальной империи относились к числу наименее продвинутых в социально-экономическом отношении индийских регионов. На это обстоятельство не раз обращалось внимание в зарубежной и отечественной литературе³¹.

Но к окончанию колониального периода на территории, сформировавшей Пакистан, появилось городское предпринимательство, товарное земледелие, а также очаги новой социальной инфраструктуры (образование, медицина) и обслуживающие их профессиональные слои³². Формирование средних городских слоев и переселение в города в период после раздела 1947 г. представителей такого рода групп из более развитых регионов Северной и Центральной Индии создали условия для складывания достаточно представительного гражданского общества. Именно в его недрах укоренились ростки пакистанского национализма с присущим ему априори восточным, подданническим своеобразием. Оно было усилено обстоятельствами рождения Пакистана как доминиона, генерал-губернаторства, возникшего в муках раздела, расчленения Индии, на фоне страданий миллионов людей.

Консолидация новой нации происходила в условиях начавшихся межобщинных столкновений в Кашмире, споров с Индией из-за него и военных действий там. Хотя масштабы боев между воинскими частями пакистанской и индийской армий в 1947 – 1948 гг. были невелики, они оказали существенное воздействие на пакистанское общественное мнение, приучая его к вере в доблесть собственных войск и необходимость соединения гражданской власти и военной силы. Весьма скоро к гражданско-военному союзу постарались присоединиться религиозные политические деятели, «открывшие» для

себя страну для проповеди исламского национализма и превращения ее в теократию или в «государство ислама»³³.

Наконец, важнейшей особенностью не только национализма мобилизационного типа, но и новой нации стало соединение власти и собственности в социально близком сегменте общества. Этому процессу способствовал уход колонизаторов и ослабление созданного ими состоятельного слоя, состоявшего из английских предпринимателей средней руки и местных посредников-компрадоров. Ему благоприятствовал так-же рост политической роли и общественной значимости гражданских администраторов и военных чинов, происходивших из образованной части земельной и городской аристократии, прослойки владельцев крупной недвижимой собственности (в колониальный период из наследуемой, признаваемой по обычаю и традиции, она превратилась в регистрируемую и защищаемую в суде частную собственность). Переехавшие в западную часть тогдашнего Пакистана семейства купцов и торговцев составили еще одну группу престижа и влияния, достаточно сплоченную, поскольку происходили они в основном из соседней с Синдом области Гуджарат и принадлежали к членам давно сложившихся и влиятельных гуджаратских мусульманских торговых каст³⁴.

На формирование и эволюцию пакистанского национализма мощное воздействие оказал государственный патернализм. Население внезапно появившегося государства оказалось в сильнейшей зависимости от государственного аппарата и его политики. При этом на нижнем ярусе общественной пирамиды продолжали действовать традиционные, закрепленные в колониальный период механизмы саморегулирования — деревенские и городские советы и органы власти на местах (чиновники низшего ранга, старосты и старейшины). На верхнем социальном ярусе, который образовался во многом заново, по причине массовой замены немусульманского городского населения мусульманским государство с самого начала довлело над обществом. Экономическая система, утвердившаяся в Пакистане, как и в большинстве других освободившихся от колониализма стран Азии и Африки, получила в литературе название государственного капитализма. Государство взращивало и поощряло частный национальный капитал, и при этом само занималось как регулированием рынка, так и участием в его функционировании, которое на бумаге ограничивалось законодательно, но регламентировалось на практике, как правило, традиционным, характерным для восточного общества путем.

Со временем в Пакистане, как и в других странах Востока, появились госкорпорации в базовых отраслях экономики, во главе которых были поставлены чиновники общего профиля. Коммерциализация деятельности госсектора сопровождалась широко распространившейся коррупцией — оказанием государственных услуг представителям частного сектора за определенную плату (взятку, откат). Значительные масштабы приобрел государственный рэкет, т. е. вымогательство денег под незаконными предложениями. К этому надо добавить разворовывание средств из казны и систематическую неуплату, а также неполную выплату налогов на доходы и прибыли³⁵.

Различного рода воровские и коррупционные схемы и разрастание вследствие этого теневой, нелегальной экономики можно считать прямым результатом функционирования системы «власть-собственность», иными словами, сочленения властных полномочий и привилегий в сфере отношений собственности.

В Пакистане азиатский госкапитализм оказался тесно сопряжен с гипертрофированной ролью вооруженных сил и частными интересами военной корпорации. Военный деловой комплекс превратился в своего рода государство в государстве, пользующееся особыми льготами и привилегиями. Созданные военными фонды («Фауджи фаундейшен», «Бахриа», «Шахин», Армейский благотворительный фонд и др.) приобрели значительные финансовые активы и заняли видное место в корпоративном бизнесе³⁶.

Привилегированное положение военной бюрократии закреплено идеологически. Одной из опор пакистанского национализма с самого начала стал постулат о доблести и несокрушимости вооруженных сил. С этим пропагандистским тезисом непосредственно связан другой краеугольный камень насаждаемого государством национализма — заверения о поддержке Пакистаном права «народа Кашмира» на самоопределение. Официальная пропаганда навязывает мысль о том, что население индийской части бывшего княжества Джамму и Кашмир в случае плебисцита, о возможности проведения которого заговорили после первой пакистано-индийской войны конца 1940-х гг., выскажется за присоединение к Пакистану³⁷.

Для пакистанского варианта восточного национализма характерны также еще две особенности — склонность к возведению на пьедестал политических лидеров и соединение патриотизма, чувства любви к родине, с исламом. Первая черта приводит к персонификации или персонализации представлений о власти, наделении особенными свойствами политических лидеров. М.А. Джинна получил от соратников титул *каид-и азам* (великий вождь) еще до образования государства, а Учредительное собрание Пакистана на первой сессии в августе 1947 г. приняло решение об обязательном добавлении этого почетного титула к его имени. «Наследовавшего» ему мантию Лиакат Али Хана называли *каид-и мимлат* (вождь нации), а З.А. Бхутто — *каид-и авам* (вождь народа). «Отцами нации» становились на время их правления и другие ее руководители, память о которых, как правило, не исчезает из поля общественного сознания после их смерти или отставки³⁸.

Что касается второй особенности, то она проявляется многообразно, в частности через закрепленное в конституции название Исламская Республика и прописанные в конституции различные нормы, превращающие ислам, по сути, в государственную религию. Рассуждая гипотетически, пакистанский национализм может принять в будущем крайние исламистские формы. В случае «талибанизации» страны, т. е. победы в ней сил радикального ислама, республика трансформируется в исламское государство с вытекающими отсюда тяжелыми последствиями для внутренней безопасности и обстановки в регионе. Взятый в сумме этих особенностей, актуальных и виртуальных, па-

кистанский национализм предстает ярким порождением «власти-собственности» в ее исламской ипостаси.

Кроме того, следует подчеркнуть, что внешний, номинальный демократизм существующей политической системы скрывает факт подчиненного, сублимированного положения частного капитала по отношению к власти. Беспомощность даже крупного бизнеса перед государством ярко проявилась в начале 1970-х гг., когда правительство З.А. Бхутто провело национализацию свыше 30 предприятий в ключевых отраслях промышленности, всех компаний по страхованию жизни, коммерческих банков и других частных учреждений. Фирмы и торговые дома, которым принадлежали эти заведения, и в зарубежной, и в отечественной литературе поспешили отнести к разряду монополистических³⁹. Однако «монополисты» оказались не способны отстоять свои права, были вынуждены терпеть колоссальные для себя убытки. Многие из них предпочли уехать из Пакистана, переведя остатки своего бизнеса и капитала в другие страны. Оставшийся в Пакистане крупный частный бизнес пошел на сделку с бюрократией, превратившись в «олигархов», зависящих от благоволения властей. Образование тандема власти-собственности на примере Пакистана выглядит, может быть, более наглядно, чем в других странах, но тенденции к сращиванию частного и государственного корпоративного секторов имеют на Востоке более или менее универсальный характер.

При этом за государством в этом симбиозе сохраняется несомненный приоритет. В условиях коррумпированного госкапитализма борьба за власть превращается в борьбу за деньги, собственность и капитал. Характерно, что деловые организации Пакистана последний раз заявили о себе в качестве отдельной общественно-политической силы в 1993 г. Тогда они выступили на стороне своего «собрата», потомственного промышленника Н. Шарифа. Будучи первым премьер-министром из числа крупной городской буржуазии, Шариф вступил в конфликт с президентом (высшей гражданской бюрократией) и армией и, несмотря на поддержку «коллеги по цеху», проиграл⁴⁰.

В дальнейшем частный капитал нашел более приемлемым для себя встраивание в систему отношений власти-собственности. Одним из результатов этого (возможно, не самым существенным, но наглядным) явилось то, что, по оценкам некоторых независимых источников, вторым по размерам собственности человеком в Пакистане в конце 2000-х гг. был тогдашний президент А.А. Зардари, принадлежащий, как и его жена, бывший премьер-министр Б. Бхутто, убитая в 2007 г., к потомственным крупным землевладельцам. По приводимым данным, Зардари располагал собственностью в 1,8 млрд долл., будучи владельцем большого числа сахарных заводов и другой собственности в агропромышленной сфере. На четвертом месте в том же списке находился нынешний премьер-министр Н. Шариф, который вместе с братом Шахбазом, сегодня главным министром Пенджаба, имел активы величиной в 1,4 млрд долл. Считается, и вероятно не без оснований, что оба семейства преуспели благодаря сочетанию контроля над властью и собственностью⁴¹.

Поскольку в природе отношений власти с собственниками в Пакистане не наблюдалось за последние десятилетия существенных подвижек, элита страны оставалась по основному своему составу по существу неизменной. Власть, несмотря на формальную демократию, сохраняла во многом персонализированный характер, опираясь, применяя терминологию М. Вебера, не столько на рациональные процедуры, сколько на традиции и личную харизму⁴².

Заметим вместе с тем, что власть-собственность не остается единственной формой власти на современном Востоке. В более продвинутых странах, в том числе в такой, как Пакистан (по данным на 2014 г., он занимает 27-е место в мире по величине валового национального продукта), она дополняется властью рынка и закона, но опять же до определенного предела. Перерождение в либерально-демократическую общественно-политическую структуру требует длительного времени, и остается открытым вопрос, способна ли в принципе восточная, в частности, пакистанская власть-собственность к такой метаморфозе.

Анализ развития Пакистана как характерного примера восточного капитализма и связанного с ним национализма будет неполным, если не упомянуть о проявлениях на его почве этнического национализма, тоже весьма специфического, отличного от классических образцов, известных в Европе конца XIX — начала XX в.

Пакистан как нация состоит из нескольких крупных этнических групп. Прежде всего это панджабцы, составляющие около 60% населения и ассоциирующие себя со стержневой по местоположению (бассейн Инда и его притоков) провинцией Панджаб. Затем пуштуны — примерно 15%; в основном они проживают на территории провинции Хайбер-Пахтунхва (хайберско-пуштунской) и в высокогорной области вдоль границы с Афганистаном. Далее по численности, немного уступая пуштунам, идут синдхи, жители внутренних районов южной провинции Синд. Менее 10% составляют проживающие в крупных городах той же провинции урдуязычные в основном мухаджирсы (переселенцы из Индии после 1947 г. и их потомки) и белуджи — основное население расположенной к западу от Синда пустынной провинции Белуджистан.

Сложная этнорегиональная структура Пакистана с самого начала порождала разговоры о возможном распаде страны. Тем более что процесс национальной консолидации, занявший первые два десятилетия в истории страны, был осложнен сепаратистскими выступлениями в Белуджистане и пуштунских землях⁴³. Отличительной чертой этносепаратизма был его по большей части регрессивный характер, проявлявшийся в социальном происхождении его лидеров (главным образом представителей господствующих на местах землевладельческих кланов и родов) и в идеологии, сочетающей популизм, нередко облаченный в левую фразеологию, с опорой на племенные традиции и феодальную автономию. Некоторые изменения произошли лишь в последнее время, когда сепаратистское движение в Белуджистане, например, приобрело немалое число сторонников среди нарождающегося среднего класса⁴⁴. Однако общая его слабость не позволяет рассчитывать на

изменение регрессивной сути этно-национальных движений, смысл которых заключается в борьбе за ту же власть-собственность, но в меньших территориальных масштабах.

Ответом на угрозы сепаратизма и его крайней формы — сецессионизма — служит наблюдающаяся с 1970-х гг., т. е. со времени окончания первичной консолидации Пакистана, растущая панджабизация военной и гражданской элиты. Имеется в виду выдвижение на первые политические роли представителей численно преобладающей и материально экономически наиболее богатой этнической общности. Впрочем, о чистой панджабизации речь не идет. Скорее, наблюдается процесс усиления сплоченности общепакистанской элиты, где наиболее крупным компонентом всё в большей степени становятся панджабцы.

Обоснование идеи единства Пакистана с культурно-исторической и территориально-экологической точек зрения недавно предложена известным пакистанским адвокатом и политическим деятелем, членом руководства Пакистанской народной партии Э. Ахсаном в книге «Индская сага и создание Пакистана»⁴⁵. Впервые изданная в 1996 г. и неоднократно затем переиздававшаяся, она получила в стране широкую известность, о чем свидетельствует переиздание ее в переводе на урду — главный язык средних по образованности слоев. Лейтмотив книги в наличии особой территории — долины Инда и прилегающих к ней земель. Прослеживая историю Индского бассейна, автор проводит мысль, что религиозные и этнические различия отступают на второй план перед общим генотипом, каким является «человек Инда» — продукт многие века складывавшихся черт характера, социальной психологии и исторической памяти. Именно эти базовые обстоятельства, действуя подспудно в качестве предпосылки, способствовали, по мнению Э. Ахсана, успеху борьбы за Пакистан. Отводя исламу второстепенную роль, он видит корни прочности страны в этих ее особенностях, не зависящих от принадлежности «человека Инда» к панджабцам, синдхам, пуштунам или белуджам. Общая история, сходство традиционного образа жизни, экономической и социальной деятельности отличают область Инда от остальной части Индии и придают населению отличные от индийского базовые черты⁴⁶.

Представляется, что автор этой концепции во многом прав, отводя социоэкологическим и ментальным факторам важную подспудную роль в человеческой истории. Кстати, он не первый, кто обратил внимание на зависимость эволюции отдельных частей Индии от их природно-климатических и экологических особенностей⁴⁷. Однако судьба Пакистана зависит не только от подспудно действующих причин, но и от конкретной политической практики. Отмеченные выше слабости и изъяны пакистанского капитализма и пакистанской демократии не снимают вопросов относительно будущего страны, заставляя отдельных экспертов подвергать сомнению способность Пакистана как нации-государства противостоять центробежным тенденциям и сохранять верность идеалам национального единства.

Заключение

Усиление с началом XXI в. крайних форм фундаментализма и его антипода в виде этнического либо этноконфессионального партикуляризма обостряет проблему будущего современных мусульманских политических образований. Наблюдаемые там центробежные тенденции разрушают государственные границы. Причем деструкция идет не по линии собственно этнических различий, а по водоразделу сектантского, этнического и этносектантского противостояния. На большом геополитическом пространстве между Египтом и Индией наблюдается феномен диффузии власти, ослабления государства как аппарата узаконенного насилия. Отчетливо выявляются два яруса политики: верхний ярус — государство и городское, открытое общество — и нижний ярус — низовая демократия (племенная, общинная) и сельское закрытое общество. Радикальная вооруженная оппозиция (подпольный исламский интернационал) действует на стыке нижнего и верхнего ярусов. Боевые группы («Исламское государство», «Аль-Каида» и т. п.) стремятся к разрушению существующего порядка и добиваются немалых успехов, используя исторически сложившиеся трещины и разломы.

Вырисовываются три альтернативных варианта развития ситуации. Первый из них — дальнейшее «проседание» государств, усиление хаоса и междоусобицы, усложнение мозаики «теневых» территориально-политических формирований. Альтернатива этому варианту — ужесточение авторитарных режимов, демонстративный отказ от имитации западных моделей, формирование антизападных по идеологии, при этом сложных по реальным интересам региональных блоков и ассоциаций. Третий вариант — укрепление гибридных форм государственности, авторитарно-электоральных, имитационно демократических при экономическом росте на смешанной, в том числе интенсивной наукоемкой, основе. Этот вариант не исключает постепенные и частичные социальные преобразования, учитывающие национальные традиции, особенности менталитета и политической культуры.

Примечания

- ¹ Национализм в мировой истории. М., 2007.
- ² Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. М., 2011; Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007.
- ³ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005; Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М., 2012.
- ⁴ Из последних работ см., например: Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток-Oriens, 2014. № 4. С. 5–20.
- ⁵ Национализм в мировой истории. С. 13.
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Романенко С.А. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980–1990-е годы) // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 408–451.
- ⁹ Этничность и религия в современных конфликтах. М., 2012.

- ¹⁰ Васильев Л.С. Всеобщая история в 6 томах. М., 2012; Кульпин Э.С. Восток. Природа — технологии — ментальность на Дальнем Востоке. М., 2009.
- ¹¹ Мировое комплексное регионоведение. М., 2014. С. 261–262, 269. Для иллюстрации приведем только одну цитату: «...в восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (римского права), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот» (Там же. С. 261).
- ¹² Вот что пишет о выявлении этого феномена Л.С. Васильев: «Впервые этот термин был в моих работах предложен, а само понятие обосновано в начале 80-х годов. Корни его уходят в глубокую древность и сводятся к праву старшего в примитивно-первобытном коллективе перераспределять по своему усмотрению общее достояние группы... Вначале это еще не была власть... Однако со временем и по мере усложнения общества и начала процесса политогенеза ... обстоятельства изменились... Возникло четкое представление о власти, которая резко возвышалась, возвеличивала, а затем и сакрализовала ее носителя... Сохранение такой власти... предполагало борьбу за стабильность и противодействие в уже сложившемся государстве любому непредвиденному развитию, особенно в сфере экономики. Развивались ремесло и торговля, города богатели, де-факто возникала в конечном счете и частная собственность, но условий для появления буржуазии не было потому, что частная собственность рассматривалась как покушение... на редистрибуцию всего достояния государства... Это и было нормой мировой деревни, общества восточного типа. (курсив наш. — Л. В.) — Васильев Л. С. Законы эволюции и проблемы человечества // Научные доклады ВШЭ НИУ. М., 2011. С. 17–18.
- ¹³ Кульпин Э.С. Социоестественная история. От метода — к теории, от теории — к практике. Волгоград, 2014. С. 197–207.
- ¹⁴ Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. М., 1988. С. 3–9.
- ¹⁵ З.И. Левин проследживает это отношение прежде всего на примере взглядов основателя ассоциации «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банни. — Там же. С. 102–107.
- ¹⁶ Imam Shakir, Zaid. Scattered Pictures: Reflections of an American Muslim//http://www.newislamdirections.com/nid/articles/islam_and.pdf, p. 3–5.
- ¹⁷ «Исламизм, — резюмирует З.И. Левин, — сущность фундаментализма в недавно вышедшей работе, — это идеология мусульманского максимализма, глобальный теократический проект с идеей провиденциальной избранности мусульман как спасителей человечества. Его социально-политический идеал — «государство ислама»». — Левин З.И. Очерки природы исламизма. М., 2014. С. 8; О развитии фундаменталистской концепции и политической практики см. также: Сикоев Р. Р. Панисламизм. Истоки и современность. М., 2010.
- ¹⁸ Moaddel, Mansur. Modalities of National Sovereignty: Territorial Nationalism versus Islamic Fundamentalism in Muslim-Majority Countries//University of Michigan, PSR Research Report, www.psc.isr.umich.edu, pdf. P. 20.
- ¹⁹ Левин З.И. Ислам и национализм. С. 91–119; Он же. Очерки природы исламизма. С. 25–26. Мы здесь специально не употребляем ставшее с 2014 г. широко известным название «Исламское государство» (ИГ) или Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), поскольку речь идет не только об этой вооруженной группировке, но и о других подобного типа организациях, прежде всего «Аль-Каиде», «Талибан», «Аш-Шаабе» и т. п. Их идеология и активизация рассмотрены в ряде других статей данного тома.
- ²⁰ Там же. С. 9–10; Moaddel, Mansur. Modalities of National Sovereignty. P. 22–23.
- ²¹ Современный анализ истоков пакистанского национализма и идейно-политической борьбы за создание Пакистана выполнен А. Л. Филимоновой. В книге этого автора содержится тщательный обзор историографии вопроса с акцентом на недавние и позднейшие исследования. — См.: Филимонова А. Л. Идея национальной идентичности: опыт Пакистана. М., 2013. С. 39–61.
- ²² Wolpert S. *Jinnah of Pakistan*. Delhi: Oxford University Press, 1988. P. 95.

- ²³ Цит. по: Iqbal M. Jinnah, and the Pakistan. The Vision and the Reality Syracuse: Syracuse University Press, 1979. P. 195–196.
- ²⁴ Fatimi S.K. Islamic universalism and territorial nationalism in Iqbal's thought. An article by Professor S. Qudratullah Fatemi, Director, RCD Cultural Institute (Pakistan Branch), October 1976. P. 2, 9 // www.allamaiqbal.com/publications/review/oct76/3.htm
- ²⁵ Вот что пишет о корнях мусульманской нетерпимости по отношению к западному империализму Р. Г. Ланда: «Начатая в XV в. португальской экспансией эра колониализма резко противопоставила Запад и весь Восток. Однако на отношениях мира ислама с Европой это сказалось в наибольшей степени, так как все бедствия колониализма мусульмане воспринимали сквозь призму тысячелетней традиции войн, политической и религиозно-идеологической борьбы с переменным успехом... Дольше других жителей Востока общавшиеся и сражавшиеся с европейцами мусульмане и обид на них, и претензий к ним накопили больше, чем, например, индуисты, буддисты или конфуцианцы. Поэтому мусульмане и были особенно упорны в антиколониальном сопротивлении иноверцам из Европы, в неприятии всего от них исходящего, в отстаивании своей самобытности, в исполнении роли твердых последователей и хранителей традиций религиозного, духовного и культурного наследия прошлого». — Ланда Р. Г. Культурно-историческая почва исламского экстремизма // Исламский фактор в истории и современности. М., 2011. С. 30.
- ²⁶ Ahmed A. S. Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. The Search for Saladin. L., N.Y.: Routledge, 1997. P. 73–78.
- ²⁷ Ibid. P. 75.
- ²⁸ Now or Never. Are we to live or perish for ever? Cited in: Allana G. Pakistan Movement Historical Documents. Karachi: University of Karachi, [1969]//http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00islamlinks/txt_rahnatal... Retrieved. 05.03.2015.
- ²⁹ Ahmed A. S. Jinnah, Pakistan and Islamic Identity. P. 109–115.
- ³⁰ Подр. см.: Белокреницкий В.Я. Территориальность как фактор создания и сохранения Пакистана // Под небом Южной Азии. Т. 3 (в печати).
- ³¹ Достаточно привести выдержку из монографии Ю.В. Ганковского, хорошо оттеняющую факт отставания ныне пакистанских регионов: «Вследствие различия в уровне социально-экономического развития отдельных частей субконтинента ... формирование буржуазных наций началось на северо-востоке (в Бенгалии) раньше, чем на северо-западе (в Панджабе, Синде и особенно в пуштунских землях и Белуджистане». — Ганковский Ю.В. Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории). М., 1954. С. 240–241.
- ³² См.: Белокреницкий В.Я. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития. М., 1988. С. 54–61.
- ³³ Речь идет прежде всего об авторе концепции теодемократии А.А. Маудуди, известном теоретике-фундаменталисте и политическом деятеле, основавшем в 1941 г. в Индии партийную организацию Джамаати ислами (Исламское общество). Он не поддерживал движения за Пакистан, но, переехав туда в 1948 г., повел борьбу за трансформацию страны из светского мусульманского государства в исламское. — См.: Плешов О. В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003. С. 40–44, 212–218.
- ³⁴ См.: Левин С. Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970. С. 17–45.
- ³⁵ О хронической проблеме низкой собираемости налогов см. например: Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический анализ. М., 2014. С. 215–228.
- ³⁶ См: Siddiq A. Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy. Karachi: Oxford University Press, 2007; Nawaz S. Pakistan's Security Complex//Pakistan — Consequences of Deteriorating Security in Afghanistan. Stockholm, 2009. P. 15–31.
- ³⁷ Плешов О. В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. С. 51–55.
- ³⁸ Белокреницкий В.Я. Персоналистский авторитаризм в Пакистане (к вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте)//Восток/Oriens, 2005. № 6. С. 74–92.

³⁹ См., например: White L. *Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan*. Princeton: Princeton University Press, 1974; Левин С.Ф. Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане. М., 1983.

⁴⁰ Белокреницкий В.Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана XX век*. М., 2008. С. 373.

⁴¹ Haq's Musings. Who Owns Pakistan? // <http://www.riazhaq.com/2007/12/whoowns-pakistan.html> Retrieved 22.02.2015. P. 8.

⁴² После крупнейшего немецкого социолога М. Вебера, как отмечают отечественные политологи, принято выделять три типа внутривнутриполитического господства — рационально-легальный, традиционный и харизматический. — См.: Категории политической науки. М., 2002. С. 109–112.

⁴³ См.: Ганковский Ю.В. *Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане*. М., 1967.

⁴⁴ Grare F. *Balochistan. The State Versus the Nations*. Wash.: Carnegie Endowment, 2013. P. 8–10.

⁴⁵ Ahsan A. *The Indus Saga and the Making of Pakistan*. Lahore: Nehr Ghar, 2001.

⁴⁶ Ibid. P. 349.

⁴⁷ Достаточно назвать книгу современных немецких индологов, где подобные соображения обосновывает Х. Кульке. См.: Kulke H., Rothermund D. *A History of India*. 5th Edition. L., Taurus, 2010.

*Н.М. Мамедова**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИРАНА (К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ)

Резюме. В статье рассматриваются особенности формирования иранской модели социально-экономического развития. Этот процесс осложняется разнообразием национально-демографического, культурного и природно-географического ландшафта Ирана. Особое внимание уделено региональным проблемам экономического развития, влиянию демографической ситуации на социально-экономическую политику, анализу государственных мер по выравниванию экономического потенциала национальных провинций, поднятию в них жизненного уровня населения.

Ключевые слова: неравномерность регионального развития, этнические меньшинства, ВВП, национальная политика.

Summary. This article examines certain aspects of the Iranian government's evolving strategy for socioeconomic development, a project complicated by the varied ethno-demographic, cultural and natural-geographic landscape of the country. Special attention is devoted to an analysis of problems facing regional economic development, the impact of demographic factors on socio-economic policy, and state measures aimed at equalizing the economic potential of rural areas inhabited by ethnic minorities and improving their standard of living.

Tags: uneven regional development, ethnic minorities, GDP, national policy.

Главными критериями эффективности социально-экономической модели стран являются динамика экономического развития, показатели общенациональной производительности труда и создание наиболее оптимальной отраслевой структуры. В Иране после окончания ирано-иракской войны в результате изменения социально-экономической модели с жестко централизованной («тоухидной») на более либеральную модель рост экономики постепенно стал набирать темпы. Стимулом для изменения малоэффективной модели, позволявшей обеспечивать минимальные потребности населения и расходы на ведение войны, стало также резкое падение цен на нефть ко времени окончания войны. В 1988 г. и без того низкий уровень ВВП снизился по сравнению с 1987 г. на 14%. Переход к политике экономической либерализации позволил стране выйти из затяжного экономического кризиса и повысить динамику экономического роста. С 1989 г. начали увеличиваться и цены на нефть. Это обеспечило Ирану увеличение ВВП уже к 1990 г. в три раза¹. Темпы роста ВВП вплоть до 2011 г., т. е. до введения широкомасштабных санкций, включая запрет на импорт иранской нефти и отключение иранских

* Мамедова Нина Михайловна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором Ирана Института востоковедения РАН.

банков от системы SWIFT, были положительными даже в периоды кризисов 1994 г., 1998 г. и 2008 г. В 1990-е гг. экономический рост превышал 3%, а в 2000–2008 гг. он составил 6%, т. е. почти вдвое выше среднемирового уровня. Накануне мирового кризиса 2008 г. темпы роста ВВП превысили 6%. При этом наиболее быстрыми темпами росли отрасли реального сектора. При среднегодовом темпе роста ВВП за десятилетие перед мировым кризисом в 6% темпы роста промышленности, включая нефтяную, составили 6,9%, а обрабатывающей отрасли — как наиболее показательного индикатора модернизации страны — почти 10%². Даже в условиях формирования международного режима санкций, начиная с 2006 г., Ирану удалось достаточно безболезненно для экономики преодолеть мировой кризис 2008–2009 гг. В 2010 г. прирост ВВП составил 6,6%³. Но уже в 2011 г. темпы роста ВВП снизились до 3,9%, а в 2012 г. — до минусовых показателей (до –6,6%). Отрицательная динамика продолжилась и в 2013 г. –1,9%⁴, что случилось впервые за 20 лет. Конечно, главной причиной снижения экономической динамики стал ужесточившийся санкционный режим со стороны США и ЕС, к которому стали присоединяться и другие страны.

Однако не последнюю роль сыграл и характер сформировавшейся социально-экономической модели, которая, несмотря на предпринятые меры по ее либерализации, продолжала сохранять, во-первых, бюрократически-клановый характер и высокий уровень включенности государства и духовенства в экономику, а во-вторых, чрезмерную зависимость от экспорта энергоресурсов. Кризис в экономике стимулировал проведение новых либеральных реформ, главными из которых стали отмена государственных субсидий на поддержание цен на ряд товаров, в том числе на хлеб и электроэнергию, и проведение приватизации большей части государственных компаний и банков. Тем не менее до сих пор эти реформы до конца не завершены, и радикальных изменений в характере социально-экономической модели Ирана не произошло. В условиях усиливавшейся изоляции страны от мировых рынков и централизации политической власти приватизация привела не столько к расширению участия частного сектора в экономике, сколько к укреплению в ней компаний, тесно связанных с административно-государственными структурами, в том числе с КСИР (Корпусом стражей Исламской Революции). Не удалось преодолеть и сырьевой характер иранской модели и улучшить конкурентную среду как основу для формирования инновационной экономики. В приватизационных процессах все большую роль стали играть структуры, связанные с государством, например различные пенсионные фонды, и особенно компании КСИР. Именно санкционный режим, запустивший процесс милитаризации экономики, во многом способствовал тому, что место вышедших из Ирана иностранных компаний стали занимать компании КСИР. При этом из приватизационных списков практически были исключены исламские фонды, которые сами стали приобретать акции приватизируемых компаний и смогли увеличить свою собственность. Как и в большинстве стран в период мирового кризиса, усугубленного в Иране санкционным режимом, доля государственного сектора в ВВП повысилась. По индексу глобальной конкурентоспособности Иран с 66 места в 2012–2013 гг. опустился до 82 места в 2013–2014 гг.⁵. Согласно рейтингу стран по степени благоприятности условий для предпринимательской деятельности (Doing business), главным об-

разом мелких и средних предпринимателей, Иран в 2014 г. оказался на 152 месте (из 189 стран)⁶. Усиление роли полугосударственных структур в экономике, в том числе структур, связанных с находящимся у власти духовенством, увеличили и степень коррупционности, ставшей одной из черт иранской экономической модели. По индексу восприятия коррупции Иран с 133 места в 2012 г. опустился до 144 в 2013 г.⁷.

Объем ВВП уменьшился с 514,1 млрд долл. в 2011 г.⁸ до 368,9 млрд долл. в 2013 г.⁹. Однако по уровню дохода на душу населения (5780 долл. по обменному курсу) Иран продолжал оставаться (в 2013 г.) в группе стран с доходом выше среднего по миру уровня. Практически не изменилось и соотношение государственного и частного секторов в ВВП. В 2010/11 г. доля государственного сектора составляла 30,6%, а в 2012/13 г., когда темпы роста ВВП стали отрицательными, — 31,1%, увеличившись всего на 0,5%, что можно отнести и за счет статистической погрешности¹⁰. В результате санкций ЕС на импорт иранской нефти, даже до начала падения цен на нефть на мировом рынке, доля нефти в 2013 г. в ВВП сократилась до 10% (в 2010 г. — 17%), доля обрабатывающей промышленности, которая раньше была приблизительно равной доле нефти, превысила 17%, строительства — 7%. Доля сельского хозяйства составила 6–7%¹¹. За 2000–2011 гг. изменения в структуре обрабатывающей промышленности произошли за счет повышения удельного веса высокотехнологичных отраслей — машиностроения и нефтехимии¹². Таким образом, отраслевая структура экономики, несмотря на значительную роль в ней нефтяного сектора, характерна для стран с развитым промышленным потенциалом.

Особенности иранской экономической модели в целом отражаются и на внутрирегиональных особенностях иранской экономики. Но и они, в свою очередь, не могут не влиять на характер общенациональной модели.

Общезвестно, что на формирование национальных моделей, помимо характера политической власти, оказывают влияние разные факторы — природно-географические, национально-демографические, экономические, цивилизационно-культурные, включая влияние экономической культуры. Для Ирана учет всех этих факторов особенно актуален, они обусловили зависимость экономики от экспорта энергоресурсов; к тому же страна эта многонациональная, в которой до сих пор сохраняются элементы и традиционной, и кочевой культуры.

Разнообразие национально-демографического, культурного и природно-географического ландшафта является серьезной почвой для развития сепаратистских движений и одной из наиболее сильных угроз для политической стабильности. Это отчетливо подтверждает опыт национального сепаратизма в Иране в XX в. и наличие сепаратистских настроений в XXI в.

Создание и функционирование единой социально-экономической модели в рамках многонационального государства всегда требовало соответствующего идеологического обоснования. В шахский период таким обоснованием была концепция паниранизма, в основе которой лежало обращение к общеиранской культуре и единой иранской нации, в которую включались все народы, кроме исповедующих христианство. Даже административное деление страны было подчинено целям политической и экономической централизации, и название останов (провинций), иногда (например, в 30–50-е гг.)

даже не было привязано к национальным территориям. И хотя впоследствии многие из останов стали носить названия, связанные с проживанием на их территориях отдельных народов (Курдистан, Азербайджан, Лурестан и т.п), границы не были проведены с учетом проживания всего этноса.

После революции 1979 г. культурно-идеологическим обоснованием единства страны стало обращение к исламу, так как абсолютное большинство иранского населения, включая разные национальности, — мусульмане, а конфессиональные меньшинства не имеют сколько-нибудь больших обособленных территорий и фактически растворены среди остального населения страны. Фактор общеиранского культурного наследия использовался режимом главным образом для распространения влияния Ирана извне, но в последнее десятилетие — и во внутренней политике. Отчетливо стало проявляться признание роли культуры национальных и конфессиональных меньшинств в создании общеиранской культуры как фактора, объединяющего все народы Ирана. В определенной мере отражением этого стал призыв, т. е. фактически фетва рахбара страны Али Хаменеи от 20 марта 2014 г., о необходимости построения «экономики сопротивления» путем не только экономического, но и культурного джихада. Одной из главных задач культурного джихада является противостояние западным поведенческим нормам в повседневной жизни, отказ от расточительства, особенно среди руководства страны, так как это противоречит исламским принципам умеренности и справедливости. Как мы видим, главные направления политики культурного джихада связаны не столько с культурой как таковой, сколько с противодействием социально-экономическому влиянию Запада как общей для всех народов Ирана целью. О сохраняющейся актуальности этно-национальной проблемы в настоящее время свидетельствует тот факт, что впервые в Иране при вновь избранном в 2013 г. президенте Хасане Роухани введен пост специального помощника по делам национальных меньшинств и конфессий.

Однако для реального единства населения необходим относительно одинаковый уровень экономического развития различных регионов страны, так как одной из проблем экономики Ирана является неравномерность регионального развития, которая сложилась еще в шахский период и стала одной из причин революции и всплеска национальных движений после нее. Поэтому одной из задач исламского режима является ликвидация этой неравномерности. Проблема отсталости ряда провинций, особенно с преобладанием национальных меньшинств, органично связана с проблемой прав человека и поэтому находится в поле деятельности Комитета по ликвидации расовой дискриминации Генеральной Ассамблеи ООН. Еще в 2004 г. Комитет выражал «озабоченность по поводу ограниченного осуществления политических, экономических, социальных и культурных прав арабских, азербайджанских, белуджских, курдских общин, особенно в отношении жилья, образования, свободы выражения мнений и вероисповедания, здоровья и занятости, несмотря на экономический рост в государстве»¹³. В 2004 г. Высший совет культурной революции принял «Хартию прав и обязанностей женщин в Исламской Республике Иран», в которой (пункт 10) закрепляется «право иранских женщин носить национальную одежду, говорить на национальных диалектах и практиковать местные обычаи и традиции при условии, что они не противоречат добрым нравам»¹⁴. После формирования правительства Х. Роухани

стал разрабатываться новый Гражданский кодекс, в котором определенное место уделено правам национальных меньшинств. Однако в специальном докладе ООН о правах человека в ИРИ, опубликованном в марте 2014 г., отмечается, что этот проект не содержит правовых основ, способных решить проблему дискриминации в отношении национальных и религиозных меньшинств¹⁵. В докладе Генерального секретаря ООН в августе 2014 г. также указывалось, что конфессиональные и этнические меньшинства Ирана «часто подвергаются дискриминации из-за своего этнического происхождения, религиозных убеждений или инакомыслия»¹⁶. В докладе было отмечено, что президент Ирана Х. Роухани, признав воздействие санкций на страну, заявил о том, что санкции стали также одной из причин нарушений прав, в том числе экономических и социальных, что они привели к сбоям в распределении продовольствия, создали препятствия функционированию базовых систем здравоохранения и образования. А это не могло не отразиться на положении в провинциях, экономика которых в значительной степени зависит от импортных поставок и экспорта энергоносителей.

Арсенал методов, применяемых в последние годы иранским руководством для решения проблемы неравномерности регионального экономического развития, довольно разнообразен. Это и инфраструктурные общенациональные проекты, и меры по равномерному размещению промышленности, связанной с переработкой нефти и газа, создание промышленных зон и парков и т. д. За счет бюджетных средств, начиная с 2002 г., еще при правительстве Хатами был составлен план сбалансированного регионального развития и стали выделяться целевые средства из бюджета на развитие отсталых регионов. Большая часть ассигнований, выделенных в 2002–2005 гг., пришлось на провинции, большинство населения которых составляют этнические группы. Наиболее высокий уровень ассигнований (более 8% всех выделенных средств) пришелся на Систан и Белуджистан, а также на Кухгилуйе и Бойерахмед — самый маленький по численности населения остан в Иране, населенный лурами и курдами.

Из 33 останов национальные меньшинства преобладают в населении 14 останов. Это следующие останы:

Таблица 1

**Останы с преобладанием населения,
относящегося к национальным меньшинствам**

Название провинции	Этническая группа
Западный Азербайджан	азербайджанцы, курды
Восточный Азербайджан	азербайджанцы
Ардебиль	азербайджанцы
Систан и Белуджистан	белуджи
Голистан	туркмены
Северный Хорасан	курды, туркмены
Хузестан	арабы, луры
Чахармахаль и Бахтиярия	луры
Кухгилуйе и Бойерахмед	луры, курды

Таблица 1 (продолжение)

Название провинции	Этническая группа
Лурестан	луры
Элам	луры и курды
Керманшах	курды
Курдистан	курды, азербайджанцы
Зенджан	азербайджанцы

Большинство этих останов, кроме тех, которые являются нефтедобывающими или газодобывающими, по уровню подушевого размера ВВП отстают от общего странового уровня. В рамках плана сбалансированного регионального развития в 2002–2005 гг. свыше 50% всех ресурсов было выделено на инфраструктурные проекты и создание промышленных предприятий в депрессивных районах, в первую очередь в тех, где проживают этнические меньшинства. В деревнях, где проживает более 20 семей, к середине 2000-х гг. были построены дороги, школы, системы подачи питьевой воды, электроснабжения и телефонной связи.

После прихода к власти правительства Махмуда Ахмадинежада (2005–2013) внимание к развитию национальных окраин еще более усилилось. Стремясь заручиться поддержкой их населения, М. Ахмадинежад часто выезжал в отсталые национальные провинции, впервые в истории Ирана стал практиковать проведение в них заседаний правительства, а в 2005 г. меджлис ратифицировал поправку к статье 8 международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Продолжилась практика включения в планы развития специальных статей о поддержке наиболее отсталых районов. На развитие депрессивных провинций, а также нефте- и газодобывающих провинций стало отчисляться 2% от нефтяных доходов. Был создан Фонд для предоставления беспроцентных кредитов в целях обеспечения занятости в отсталых районах. Большое внимание уделялось кочевым племенам.

Эту же политику проводит и Х. Роухани. Так, в октябре 2014 г. правительство специально на цели сбалансированного развития регионов выделило провинциям субсидий в 1,4 млрд долл.¹⁷. Решается задача по добровольному расселению кочевых общин, по обеспечению упорядоченной миграции кочечевого населения страны. Только в первой половине 2000-х гг. было добровольно расселено более чем 21 тыс. семей кочевников. При Иранской организации по делам кочевников создана сеть кооперативов для улучшения обеспечения кочевого населения необходимыми товарами.

И определенные сдвиги в сглаживании разрыва в уровне экономического развития регионов, безусловно, есть. Это подтверждает сделанный на базе национальной статистики расчет ВВП на душу населения в каждой из провинций Ирана и соотношения с общенациональной производительностью¹⁸.

**Неравномерность экономического развития останов
(по доле в ВВП страны и по отношению
к общенациональной производительности страны)
(по ВВП на душу населения), взятой за 1**

Останы	ВВП на душу на- селения в 2010 г., млн риалов	% к нац. поду- шевому ВВП – 2011 г.	% к нац. поду- шевому ВВП – 2010 г.	% к нац. поду- шевому ВВП – 2006 г.	% к поду- шевому ВВП – 2004 г.
Страна	63,2	1,0	1,0	1,0	1,0
Вост. Азербайджан	44,0	0,37	0,7	0,68	0,74
Зап. Азербайджан	28,8	0,7	0,5	0,48	0,47
Альборз	92,2	1,34	1,4	1,9	1,9
Ардебиль	35,0	0,72	0,55	0,53	0,57
Исфаган	60,6	0,96	0,97	0,93	0,99
Элам	87,7	1,6	1,3	1,45	0,91
Бушер	115,7	1,91	2,0	1,6	2,46
Техран	110,0	2,29	1,4	1,31	1,46
Чахармахаль и Бахтиярия	35,7	0,67	0,6	0,5	0,49
Южный Хорасан	36,9	0,58	0,6	0,54	0,44
Хорасан Разави	40,9	0,62	0,6	0,61	0,56
Сев. Хорасан	35,8	0,56	0,6	0,58	0,52
Хузестан	135,7	2,15	2,2	2,54	2,39
Зенджан	40,6	0,82	0,66	0,65	0,66
Семнан	63,5	1,07	1,0	0,94	0,95
Систан и Белуджистан	10,6	0,36	0,3	0,28	0,29
Фарс	41,6	0,65	0,7	0,68	0,7
Казвин	54,2	0,94	0,8	0,85	0,8
Кум	40,5	0,6	0,6	0,61	0,68
Курдистан	30,3	0,6	0,5	0,46	0,49
Керман	43,1	0,7	0,7	0,77	0,64
Керманшах	40,1	0,62	0,6	0,53	0,56
Кухгилуйе и Бойерохмед	160,3	2,68	2,6	4,23	4,33
Голестан	33,6	0,65	0,6	0,53	0,61
Гилян	41,4	0,97	0,66	0,61	0,65
Лурестан	31,5	0,6	0,5	0,49	0,49
Мазендеран	54,5	0,7	0,9	0,77	0,82
Центральный	62,2	0,95	1,0	1,08	1,15

Останы	ВВП на душу населения в 2010 г., млн риалов	% к нац. подушевому ВВП – 2011 г.	% к нац. подушевому ВВП – 2010 г.	% к нац. подушевому ВВП – 2006 г.	% к подушевому ВВП – 2004 г.
Хормозган	53,2	0,66	0,8	0,88	1,06
Хамедан	37,8	0,6	0,6	0,56	0,62
Йезд	63,0	1,0	1,0	0,9	1,0

Рассчитано по: Сальнамее амарие кешвар 1390 (Iran Statistical Yearbook). С. 878–880; Statistical Pocketbook of Iran 1390. P. 145.

Например, была улучшена ситуация в Лурестане, Курдистане, что отразилось и на жизни кочевого населения этих провинций. Однако совершенно очевидна сохранившаяся на 2011 г. отсталость Систана и Белуджистана (треть общенационального уровня дохода), Южного и Северного Хорасана (не достигает 60% от общего уровня), сложная ситуация сохраняется и в азербайджанских районах. Да и повышение доходности Курдистана дало возможность лишь повысить уровень до 60% от общенационального. Остается проблема включенности кочевой цивилизации в современную социально-экономическую модель в Иране, так как, согласно переписи племен в 2009 г., их насчитывается 1,2 млн человек (1,6% населения), и это главным образом население в возрасте 15–19 лет.

Данные таблицы 2 и график совершенно отчетливо показывают, что, несмотря на определенные сдвиги, разрыв между уровнем экономического развития останов остается огромным.

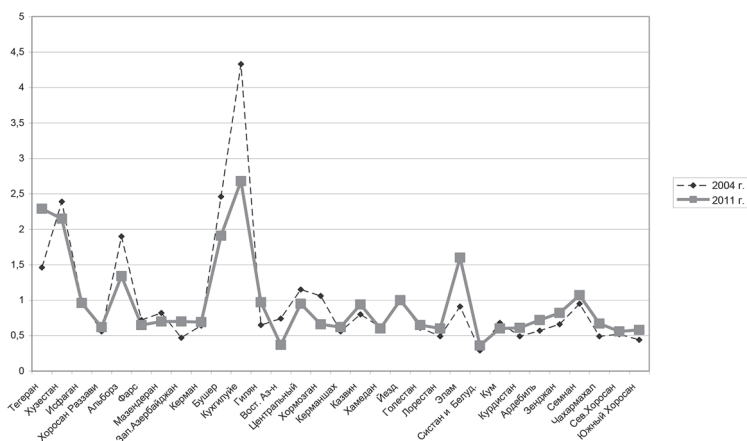

График. ВВП на душу населения по останам (по данным таблицы 2).

Остается высоким разрыв в доходах городских и сельских семей, особенно в национальных провинциях. Согласно переписи 2009 г., в целом по стране этот разрыв в доходах городской и сельской семьи составлял 1,8:1, а в таких провинциях, как Южный Хорасан и Хормозган — 2,3:1, Хорасан Рави — 2,1:1, Хузестан — 1,9:1¹⁹. Неожиданные всплески дохода провинций связаны, как правило, с реализацией проектов по строительству в них энергетических объектов (например, в Кухгилуйе и Бойероахмеди).

Крайне неравномерно размещено промышленное производство. Это касается не только добычи природных ископаемых, но и отраслей обрабатывающей промышленности. Большая часть предприятий с числом занятых свыше 10 человек находится в центральных районах страны. Согласно промышленной переписи 2010/11 г., из 15,3 тыс. предприятий на долю Тегерана пришлось 18,6%, Исфагана — 12,3%, Мешхеда — 7,1%, т. е. почти половина всех предприятий относительно крупной промышленности пришлось всего на три остана из 33. В Тегеране и Исфагане сконцентрирована треть крупных фабрик и заводов, с числом занятых более 100 человек²⁰. На долю Тегерана в 2011/12 г. пришлось 24% всего промышленного производства, на долю Исфагана — 14%, Арака (Центрального остана) — 5,4%, Мешхеда (остана Хорасан-Рави) — 4%. А промышленное производство в Курдистане, в Систане и Белуджистане едва достигло 0,3% от объема производства страны²¹.

В последние годы одним из приоритетных направлений экономического развития стало расширение сети свободных экономических и особых (специализированных) зон, которые создаются по периметру границ и в остальных провинциях страны. В настоящее время в Иране действуют 7 свободных экономических зон: «Кешм», «Киш», Чабахар», «Бендер-Энзели», «Арас», «Арванд» и «Маку». Все большее значение придается созданию особых, или специализированных, экономических зон (ОЭЗ). Их создано 16, и большая часть — в провинциях с преобладанием этнических меньшинств. Активно работают ОЭЗ «Селфчеган», «Сирджан», «Бендер-Бушер», «Бушер», «Шахид Раджаи» (в Бендер-Аббасе), «Ами-рабад» (на каспийском побережье), «Серахс» (на границе с Туркменией и Афганистаном, которая курируется крупнейшим вакфом страны «Астане –Кодс» в Мешхеде), «Электроэнергетики и электроники в Ширазе», «Парс», или Ассалуе (превращающаяся в своеобразный энергетический хаб на юге страны по мере освоения газового месторождения «Южный Парс»), авиатранспортная «Пайам», «Нефтехимическая» (Бендер-Имам Хомейни), «Халидже Фарс» (провинция Хормозган), «Горнорудная и металлургическая» (Бендер-Аббас), «Иезд», «Лурестан». В плане правительства открытие еще более десяти ОЭЗ.

Вновь востребованной стала идея разбить страну на ряд крупных административных единиц, наделенных большей самостоятельностью, чем останы, в том числе в финансовом отношении. Возможно, что при таком варианте хозяйственно-административного деления противоречия между национальными территориями окажутся менее заметными.

Безусловной особенностью социально-экономической модели Ирана является реализация ее в условиях исламского правления. Факто-ром, работающим на сближение центра и национальных территорий, является социальная политика государства, особенно в области здравоохранения, образования и социальной защиты. Большой эффект имеет благотворительная деятельность исламских фондов, особенно Комитета имама Хомейни, в значительной мере направляемая в отдаленные провинции. Только в 2012 г. деятельностью этого фонда было охвачено 5,5 млн человек, т. е. более 7% населения страны. В остане Кухгилуйе и Бойеро-ахмед от этого исламского фонда помощь получили около 15% населения остана, в Систане и Белуджистане — более 10% населения, Курдистане — около 9%²².

Расширение системы разных ступеней образования происходит в стране главным образом за счет увеличения школ, колледжей и высших учебных заведений в провинциях. В 2013 г. по индексу человеческого развития Иран вошел в группу стран с высоким уровнем человеческого развития (75-е место) главным образом за счет ожидаемой продолжительности обучения и по количеству лет, потраченных на него.

В последние пять лет на формирование национальной социально-экономической модели решающее влияние оказывает санкционный режим. Это влияние разнопланово. С одной стороны, оно, особенно в начале 2010-х гг., было фактором, объединяющим население центра и регионов, различные слои общества. Однако по мере ухудшения экономической ситуации, особенно ограничения доходов от нефти, часть которых законодательно шла на развитие районов добычи нефти, а также на помощь депрессивным районам, напряженность в отношениях между центральной властью и регионами стала нарастать. Заявленная в 2014 г. цель построения «экономики сопротивления» в определенной мере должна решить, помимо сохранения и увеличения экономического потенциала в условиях санкций, и проблему сохранения общенационального единства. Рахбар вновь напомнил, что главной целью экономического развития является социальная справедливость для всех народов страны, а одним из главных условий успешного построения «экономики сопротивления» — самое широкое участие всего народа. Эти обращения религиозного лидера «работают» на национальное единство.

Однако пока ситуация в экономике не меняется, доходы от нефти сократились из-за санкций, а также из-за падения цен на нефть втрое. Возможности правительства Хасана Роухани по выделению субсидий на развитие отсталых провинций сократились. Безработица, инфляция, падение уровня жизни стали реальными проблемами жизни на всей территории страны, но особенно на периферии. В результате усиливаются позиции сторонников М. Ахмадинежада, продолжающего делать ставку на поддержку национальных окраин. Многогое будет зависеть от результатов ведущихся переговоров по ядерной программе.

Экономический подъем в результате возможного снятия санкций может стать фактором национального сплочения, во всяком случае на краткосрочную или даже среднесрочную перспективу. Сохранение санкционного режима в корне может изменить ситуацию. Представляется, что при нынешнем

состоянии экономики апелляция к внешнему фактору как виновнику ухудшения жизни населения, особенно в провинциях, перестанет работать. В этом случае этно-национальный сепаратизм, особенно в районах с разделенным населением, вновь станет тормозом не только на пути формирования общенационального экономического, но и общенационального политического пространства.

Примечания

- 1 International Monetary Fond. 2009 World Economical Outlook. Iran GDP.
- 2 2012 World Development Indicators. P. 215.
- 3 IMF. World Economic Outlook. October 2014. Statistical Appendix. P. 189.
- 4 Ibid.
- 5 2013 World Economic Forum. The Global Competitiveness Index 2013–2014 rankings and 2012–2013 comparisons. P. 15.
- 6 Ведение бизнеса 2014: понимание регулирования деятельности мелких и средних предприятий. Вашингтон. www.World Bank. DOI:10.1596/978-0-8213-9615-5.
- 7 Transparancy International (Индекс восприятия коррупции). www.gtmarket.ru/news/2012/12/05/5198
- 8 2013 World Development Indicators. Table 4.2.
- 9 2014 World Development Bank. www.data.worldbank.org/country/iran-islamic-republic/
- 10 Рассчитано по: The Central Bank of IRI. Economic Trends. 1392, Q4. P. 5.
- 11 Ibid. P. 3.
- 12 Доля текстильной и пищевой промышленности уменьшилась с 16 до 12%, соответственно возросла доля машиностроения и транспортного оборудования — с 20 до 23% и нефтехимической отрасли — с 19 до 20%. World Bank 2014. World Development Indicators : Structure of Manufacturing. Economy. Table 4.3.
- 13 ООН. Доклад Комитета по ликвидации расовой дискриминации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Нью-Йорк, 2010. С. 87. www.CERD/C/IRN/18-19.
- 14 Там же. 18 и 19 доклады ИРИ. С. 3.
- 15 UN Special Rapporteur on the situation of the human rights in the Islamic Republic of Iran. 13.03.2014. — Mode of access: <http://shaheedoniran.org/english/dr-shaheeds-work/latest-reports/march-2014-report-of-the-special-rapporteur/#note8>.
- 16 Положение в области прав человека в Исламской Республике Иран. Доклад Генерального секретаря ООН. Генеральная Ассамблея. 69 сессия. 12 августа 2014 г. www.refworld.org.ru/docid/54119efa4.html.
- 17 www.iran.ru. 24.10.2014.
- 18 По данным: Iran Statistical Yearbook 1390. P. 878–880.
- 19 Рассчитано по: Summary Results of the Urban and Rural Household Income and Expenditure. Survey 2009.
- 20 Рассчитано по: Iran Statistical Yearbook 1390. P. 343.
- 21 Расчет по объему добавленной стоимости: Iran Statistical Yearbook 1390. P. 357.
- 22 Расчет по :Iran Statistical Yearbook 1390. P. 624.

Н.Ю. Ульченко*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ТУРЦИИ

Резюме. В статье выдвигается гипотеза происхождения устойчивой приверженности современной экономической политики Турции популистским принципам. Под последними подразумевается активное перераспределение мобилизованных государством внутренних и внешних ресурсов в пользу играющих важную роль в электоральной поддержке действующего правительства групп интересов, но в ущерб соблюдению основных макроэкономических балансов, в первую очередь бюджетно-налоговой политики. В качестве одной из важных предпосылок подобной специфики экономической политики Турции в республиканский период автор рассматривает глубоко укоренившуюся еще в османские времена социальную традицию, когда и были заложены основы актуального в национальном менталитете и по сей день государственного патернализма. В итоге реализация модели догоняющего развития в Турции получила свою национальную специфику, заключающуюся в невозможности жесткого игнорирования нужд внутреннего рынка и потребностей избирателя.

Ключевые слова: османский социальный идеал, османская социальная традиция, Турецкая Республика, перераспределительная политика государства, экономический популизм.

Summary. The author puts forward the hypothesis of the origin of sustained commitment of republican Turkey's economic policy to populist principles. The latter implies an active redistribution of internal and external resources mobilized by the government in favor of interest groups playing important role in electoral support of the incumbent government in spite of the fact that fundamental macroeconomic balances, primarily fiscal is broken. As one of the important prerequisites of such specific features of economic policy of Turkey in the Republican period, the author examines the deep-rooted since the Ottoman period national social tradition. As a result state paternalism is still actual in Turkish mentality. That is why the implementation of models of catching-up development in Turkey has its national specific features that prevent from strict neglect of the needs of the domestic market and the interest of local voter.

Tags: Ottoman social ideal, the Ottoman social tradition, the Republic of Turkey, the redistributive policies of the state, economic populism

Большинство исследователей сходится во мнении, что экономическая жизнь Османской империи обуславливалась приоритетом государственной собственности и контролем государства за распределением ресурсов и хозяйственной деятельностью населения. Так, отечественный специалист по

* Ульченко Наталья Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Сектором Турции Института востоковедения РАН.

экономической истории Османской империи С.М. Иванов писал: «Экономический строй султанской Турции в классический период (XV–XVI вв.) ее существования можно охарактеризовать как систему распределительных отношений... Товарные отношения были производными от распределительных, существовали в ограниченных рамках, дополняли, но отнюдь не преобладали над экономическими функциями государства по регулированию всех стадий воспроизводственного процесса»¹.

И позже, вплоть до 1838 г., существовала система государственной регламентации, которая предусматривала вмешательство государства в производство, торговлю и ценообразование². По англо-турецкому договору 1838 г. предусматривалась ликвидация системы государственного вмешательства. Но, как отмечает российский востоковед Н.Г. Киреев, в условиях формальной отмены она сохранялась в иных формах — через систему откупов, налогов, новых монополий и т. п. Он обращает внимание на то обстоятельство, что и турецкие историки разделяют мнение о многообразных способах вмешательства центральной власти в экономическую жизнь империи, признавая, что в феодальном османском государстве сложилась система патернализма «государства-батюшки»³.

Что касается причин традиционно высокой экономической активности государства в Турции, то, например, болгарский исследователь Н. Тодоров считает, что такого рода система контроля над экономикой отвечала военным нуждам⁴.

Признавая возможную значимость этого обстоятельства ввиду того, что «османский образ жизни и мысли формировались под воздействием многих факторов», мы склоняемся к тому, чтобы, согласившись с С.М. Ивановым, признать важнейшим из них ислам: «...классическая османская экономическая доктрина строилась на гибком сочетании взаимообусловленных и взаимопроникающих государственных установлений (канунов) и шариатских норм»⁵. Именно под влиянием ислама сформировался социально-теократический идеал османов. Отечественный историк-востоковед Н.А. Иванов писал: «...османизм исходил из фундаментальных принципов ислама, в частности из его социально-этической и моральной доктрины, особенно тех ее аспектов, которые окружали человека труда романтическим ореолом и подчеркивали обязанность мусульманского правительства проявлять заботу о слабых, угнетенных и обездоленных... Попытки реализовать эту модель и создать универсальное государство всеобщего благоденствия предопределяли особый характер экономической и социальной политики Порты»⁷.

В рамках классической экономической доктрины значительное место занимает идея богоугодного предела имущества богатых в пользу бедных, идея сохранения и передачи материальных ресурсов для обеспечения благосостояния будущих поколений, улучшения условий жизни общины, благополучия которой приоритетно по сравнению с благополучием отдельного индивида. С.М. Иванов цитирует известного турецкого историка Х. Инаджыка, согласно которому «убеждение в том, что благотворительность и милосердие угодны Аллаху..., определяло экономическое поведение мусульман при ре-

шении важнейших хозяйственных вопросов во всех мусульманских странах, а османские турки были особенно ревностны в исполнении этих религиозных предписаний⁷. «Став обладателем богатства..., мусульманин должен был прежде всего внести закят — выделить деньги на общественные нужды и помочь бедствующим единоверцам, сделать пожертвования или даже основать вакф, затем позаботиться о бедных членах общины, оказать им материальную помощь, добровольно распределить среди них часть полученного имущества и т. п. В отличие от западного христианства этот бескорыстный альтруизм отнюдь не являлся в исламе чисто этическим учением, имея, по существу, силу государственного закона», — отмечал Н.А. Иванов⁸.

Стремясь уравнять население в распределении богатства и собственности, государство тем самым выполняло одну из основных функций и предписаний ислама, хотя одновременно пресекало возможность возникновения и легализации крупных состояний. Но зато, по словам С.М. Иванова, каждый человек живо ощущал свою принадлежность к своей семье, роду, религиозно-ремесленному братству, наконец, государству, которые были способны (каждый раз при соответствующих обстоятельствах) выполнять по отношению к нему определенные патерналистские функции, создавать вокруг мусульманина своеобразный кокон патерналистских отношений⁹. Эту мысль разделяет и Н.А. Иванов: «...ремонт и строительство мечетей, содержание школ, библиотек и имаретов, устройство домов для вдов и сирот, общественных прачечных, городских бань и лечебниц — все это финансировалось за счет вакуфных имуществ... значительные средства отпускались... на такие специфические османские расходы, как выделение денег на приданое девушкам-сиротам, на похороны бедняков, на одежду и питание учащихся, организацию детских весенних экскурсий...»¹⁰.

Признавая, что эта система социальных отношений и связей ограничивала свободу человека, С.М. Иванов отмечает, что в то же время она создавала ощущение некоего психологического комфорта, внутренней и внешней защищенности перед лицом чужого и зачастую враждебного мира¹¹.

Таким образом, сложившаяся в Османской империи экономическая традиция, казалось бы, придавала вполне органичный характер этатистской политике 1930-х гг., в рамках которой государство, отреагировав на мировой экономический кризис и приняв во внимание слабость национальной буржуазии, активно занялось предпринимательской деятельностью в целях проведения индустриализации и обеспечения подъема национальной экономики. Н.Г. Киреев, считая проявлением османского этатизма систему мероприятий феодального государства по постепенной капиталистической трансформации экономики империи, тем самым признает преемственный характер государственной экономической политики 1930-х гг. Уточняя содержание османского этатизма, он определяет его как особенный способ перехода турецкого общества от восточного феодализма к одной из форм восточного капитализма, в рамках которой османская бюрократия и осуществляла этатистские мероприятия и одновременно включалась в предпринимательскую деятельность¹².

Вместе с тем этатизм 1930-х гг. имел и специфические черты. Н.Г. Киреев пишет: «Очевидно, что того этатизма, который осуществлялся в Турции... в 30-е годы XX века в Османской империи еще не было, т. е. не было активной деятельности государства в области экономики, однозначно направленной на развитие капиталистических отношений»¹³. Схожую мысль высказывает и известный турецкий специалист по экономической истории Турции Ш. Памук: «При переходе от османской системы к республике существенно изменились экономическая роль государства и цели государственного вмешательства. В XIX веке... экономические инициативы государства по большей части были направлены на обеспечение нужд самого государства. Но, начиная с ранних лет республики, основная цель экономического развития заключалась в том, чтобы найти способы создания частного сектора»¹⁴. Однако в условиях слабости национального частного капитала государство, в опережение его становления, приняло на себя, очевидно временно, функции по созданию крупных промышленных предприятий — того самого машинного производства, которое служит одним из важных отличий капиталистического уклада.

М. Кемаль хотя и принял на вооружение политику госкапитализма, по всей видимости, осознавал важность оглядки на социальную традицию османов. Об этом свидетельствует включение в число шести базовых принципов кемализма, сформулированных в начале 1930-х гг., наряду с этатизмом (*девлетчилик*) и принципа народности (*халкчилык*). Последний, кстати, в англоязычной литературе известен как популизм (*populism*). Пожалуй, содержание этого принципа наименее «однозначно» и наиболее вариативно. Так, согласно советскому историку А.Ф. Миллеру, принцип народности «декларировал народный суверенитет и, вместе с тем, отрицание наличия классов и классовой борьбы в Турции»¹⁵. Отечественный исследователь Д.Е. Еремеев отмечает, что по мере развития Турции по капиталистическому пути в рамках этого принципа усиливался акцент на бесклассовости турецкого общества: «В Турции нет классов..., а есть люди различных занятий и профессий, одинаково необходимые друг другу и всему обществу»¹⁶. В этой интерпретации уже слышны отголоски утопического социального идеала османов, но, пожалуй, наиболее отчетливо они различимы в трактовке принципа народности турецким исследователем С. Динчем: «Если кратко определять народность, то это принцип, который в рамках ответственности государства предполагает при использовании государственных ресурсов в первую очередь иметь в виду интересы народа. Наряду с приданием важного значения повышению благосостояния экономически уязвимых слоев, в первую очередь крестьянства, кемалистское понимание народности опирается на отказ от классовой борьбы и укрепление солидарности различных групп общества на основе разделения труда между ними»¹⁷. Таким образом, проповедуемая принципом народности межклассовая солидарность, как это было в дореспубликанские времена, должна была бы опираться на государственную перераспределительную политику.

Но успех индустриализации в отсталом аграрном государстве имеет свою высокую цену: по мере начала ее осуществления в государственной эконо-

мической политике произошло неизбежное смещение акцента со сферы распределения на сферу производства, что было чревато забвением интересов потребления государственного, но в первую очередь частного. На наш взгляд, именно в этом заключалась существенная часть новаций республиканского этатизма. И действительно, поставив во главе угла «высшие экономические интересы нации», правительство основанной М. Кемалем Народно-республиканской партии, опираясь на политический авторитаризм, закрыло зародившиеся еще в османское время профсоюзы, создав ситуацию, в рамках которой на протяжении двадцати первых лет республики невозможно было создавать организации рабочих. Н.Г. Киреев отмечает, что авторитарный характер регулирования трудовых отношений в период правления НРП не вызывает сомнения у турецких авторов¹⁸. Несмотря на неполный характер статистики, характеризующей динамику заработной платы в 1930-е гг., имеющиеся данные свидетельствуют о снижении ее среднего уровня на 12% в 1933 г. против 1932 г. и о сохранении тенденции к снижению в 1934 г.¹⁹. При ограниченности использования внешних займов основным источником финансирования индустриализации в Турции стали внутренние источники, которые государство мобилизовало через усиление налогового бремени, возлагавшегося главным образом на работающее население страны. Об этом свидетельствует заметный рост поступлений от косвенных налогов, которые к 1939 г. по сравнению с 1923 г. выросли почти в 5 раз²⁰.

Как и в практике большинства стран, период интенсивной индустриализации в Турции был не слишком щадящим для сельского хозяйства страны. П.П. Моисеев писал, что в 1930-е гг. турецкая деревня служила источником накопления для развития отраслей городской экономики²¹. По оценкам, приводимым Ш. Памуком, разрыв в уровне доходов между городом и деревней в 1930-е гг. достиг максимального уровня за 200 лет наблюдений, составив порядка 6 раз²².

Весьма простым оказался и секрет урегулирования проблемы дефицита внешней торговли в условиях мировой экономической депрессии: турецкие власти просто ограничили объем импорта резко снизившимися экспортными доходами. Понятно, что в условиях только начинавшегося проведения импортозамещающей индустриализации это привело к резкому оскудению потребительского рынка.

Итак, совершенно очевидно, что в 1930-е гг. в Турции наблюдалось развитие экономики мобилизационного типа, что привело к утрате социальной составляющей, направленной в той или иной мере на поддержание всеобщего благоденствия.

В 1948 г., спустя 25 лет после знаменитого Измирского экономического конгресса, в Стамбуле состоялся второй экономический конгресс, которому, впрочем, правительство отказалось присвоить официальный статус. Тем не менее в нем приняли участие свыше 1000 делегатов, представлявших в том числе министерства и университетские экономические круги. Участники конгресса выступили с резкой критикой политики этатизма. Особенно сильное недовольство высказывали представители рабочих и фермерских хозяйств.

Знаменательно, что среди пожеланий, высказанных в адрес государства, значилось и требование «избегать увеличения неравенства», в том числе путем снятия инициатив на пути развития частного предпринимательства. По существу, выражалось недоверие способности государства проводить эффективную распределительную политику²³.

Резкое изменение направленности экономической политики государства в 1930-е гг., ослабление ее социальной ориентированности, по всей видимости, стало одной из основных причин сокрушительного поражения правящей партии на выборах 1950 г., т. е. практически сразу же после ослабления авторитарного прессинга, создания многопартийной системы и появления у граждан республики возможности хотя бы ограниченного выбора.

Разочарование избирателей деятельностью правительства НРП и ожидание активных действий властей в сфере перераспределения во многом определили характер последующей экономической политики страны.

Как отмечал турецкий экономист З. Ониш, переход к парламентской демократии в 1950-х гг., происшедший в условиях крайнего неравенства в распределении доходов, означал, что государство попало под прессинг популизма, порожденного надеждами на процесс вторичного перераспределения. Результатом этого постоянного давления стало формирование (точнее, возвращение. — Н.У.) так называемого маломощного государства всеобщего благополучия²⁴. Общественные ожидания дополнительно подогревало следующее обстоятельство. Ввиду того, что переход к демократии во многом был простимулирован извне в опережение естественного хода социально-политической эволюции, политическая система страны оказалась слабо подготовленной к функционированию в новых условиях, что проявлялось в отсутствии или слабом общественном влиянии непартийных институтов. В связи с этим, как отмечал российский турколог В.И. Данилов, накал межпартийной борьбы, в рамках которой реализовывался весь потенциал общественно-политического противостояния, оказался исключительно высоким²⁵. В итоге в Турции сформировался тип демократии, который Р. Кауфман и Б. Сталингс охарактеризовали как «переходную» (transitional democracies). Формируясь в условиях перехода от авторитарного режима к демократическому, она лишь спустя несколько смен правительства имеет шанс трансформироваться в консолидированную демократию²⁶. Переходные демократии особенно склонны к проведению популистской экономической политики²⁷, что связано с неустойчивым характером многопартийной системы, завышенными экономическими ожиданиями сторонников победившей партии, ограниченными временными горизонтами правительств и т. д. Во всех вышеперечисленных проявлениях Турция продемонстрировала опыт, схожий с тем, что пережили страны Латинской Америки. Но в случае Турции завышенные экономические ожидания избирателей, очевидно, опирались еще и на глубоко укоренившуюся традицию проведения властями социально ориентированной экономической политики.

Давление на власти по вопросу заработной платы З. Ониш рассматривал как «важный фактор на макроэкономической арене» Турции, обусловленный

наличием институциональной структуры, в рамках которой, по крайней мере в государственном секторе экономики, наблюдалось фактическое доминирование профсоюзов²⁸.

Первый профсоюз рабочих — Конфедерация рабочих профсоюзов Турции — был основан в 1952 г. Конституция 1961 г. содержала важную поправку, предоставившую право создания профсоюзов без предварительного получения разрешения властей. В конце 1960-х и в 1970-е гг. профсоюзное движение получило дальнейшее развитие: в 1967 г. была создана Конфедерация революционных рабочих профсоюзов на базе профсоюзов, вышедших из Конфедерации рабочих профсоюзов в знак протеста против соглашательской позиции руководства последней. В 1975 г. была создана Конфедерация националистических рабочих профсоюзов, а в 1977 г. — Конфедерация справедливых рабочих профсоюзов. Так, в справочнике «Турецкая Республика» отмечалось: «Современный этап рабочего движения в Турции характеризуется непрерывной наступательной борьбой трудящихся за свои социально-экономические права, ставшей важным фактором общественно-политической жизни страны»²⁹.

В условиях острой межпартийной борьбы и развития институтов по выдвиганию требований групп интересов (профсоюзов) со второй половины XX в. в Турции устанавливается система политического правления, при которой имманентным свойством экономической политики становится стремление купить благосклонность избирателя любой, часто чрезмерно высокой для правительства (национального бюджета) ценой. Турция вступила в период хронических бюджетных дефицитов. В условиях подконтрольности Центрального банка исполнительной власти³⁰ эмиссия стала важным способом их финансирования. Ряд турецких исследователей видит основное отличие начавшегося после 1950 г. периода в том, что Центральный банк стал рассматриваться как источник предоставления правительству и другим государственным организациям беззалоговых кредитов³¹. Последнее обстоятельство не замедлило привести к синхронизировавшимся с пересмотром фискальной политики изменениям в кредитно-денежной сфере³².

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста денежной массы (M1), %

1931– 1939	1946– 1950	1951– 1960	1963– 1970	1971– 1980	1981– 1990	1991– 2000	2001– 2010
4,75	-1,3	24,7	13,5	34,9	40,7	77,3	31,9

Среднегодовые по периодам темпы роста денежной массы после 1950 г. становятся настолько существенно выше, что позволяют уверенно говорить о смене качественных характеристик кредитно-денежной политики и придании ей устойчиво расширительного характера.

Таким образом, выстраивается модернизационная траектория, для которой 1950 г. представляется точкой отсчета для начала популистской политики чрезмерных правительственных трат, наращивания денежной массы и уско-

рения инфляции. Следует добавить, что расточительство правительств, приобретшее имманентный характер, поддерживалось и за счет практически постоянного использования внешних источников финансирования.

Конечно, на протяжении второй половины XX в. выделяются периоды, которые отличались некоторыми вариациями проводившейся экономической политики и особенностями в понимании основных целей и направлений использования избыточных по сравнению с бюджетными доходами правительственных трат. Так, 1950-е гг. стали периодом активной поддержки крестьянского населения на тот момент еще аграрной Турции и инвестиционного бума. Ввод в строй новых предприятий наряду с либерализацией импорта должен был обеспечить видимые подвижки в благосостоянии рядовых турок и убедить их в правильности выбора в пользу новой политической альтернативы — Демократической партии. Столь безоглядная активность правительства ожидаемо привела к кризису 1959 г., выход из которого Турция нашла, впервые обратившись к кредитному сотрудничеству с МВФ.

В 1960-е гг. наблюдалось некоторое «усмирение» бюджетных расходов, однако и тогда речь шла лишь о сокращении размеров дефицита. В 1970-е гг. бюджетные траты вновь начали бесконтрольно расти, к чему турецкое правительство подталкивала дешевизна международного кредита: как и страны Латинской Америки, Турция охотно пользовалась возросшим предложением нефтедолларов, тогда как страны Запада, занятые структурной перестройкой экономики и снижением ее энергоемкости после нефтяного шока 1973 г., демонстрировали вялый спрос на кредиты, поддерживая дешевизну заемных средств на международных рынках. Одно из важных направлений возросших бюджетных расходов в Турции в этот период было связано с субсидированием цен на нефть на внутреннем рынке. Часто сменявшие друг друга и совершенно неуверенные в своем будущем правительства стремились любой ценой избежать принятия непопулярного решения о росте внутренних цен на нефтепродукты. Одновременно довольно высокого уровня достигли расходы на заработную плату в госсекторе. По мнению турецких исследователей, в рамках модели импортозамещения заработная плата, будучи элементом издержек, вместе с тем являлась составляющей спроса, который обеспечивал поддержку процесса производства³³.

Между тем в турецкой экономике нарастали тревожные тенденции. Становившийся все более острым дефицит валютных доходов наряду с постепенным выходом из рецессии экономики США лишили Турцию жизненно важного для нее притока внешнего финансирования, и экономика страны в 1979–1980 гг. вновь оказалась поражена кризисом.

В 1980-е гг. в стране по-прежнему сохранялась проблема дефицита госфинансов и инфляции, но связаны они были главным образом со структурной перестройкой экономики страны, проводившейся премьером Т. Озалом. Следует заметить, что на годы премьерства Т. Озала приходится редкий для Турции период снижения реального уровня заработной платы, что было жестко необходимо в условиях перехода к экспортно ориентированной модели роста. Одновременно Т. Озал создал систему целевых внебюджетных фондов,

направленных на решение определенных, представлявшихся ему наиболее важными задач — поощрение экспорта, приватизация государственных предприятий, строительство доступного жилья в городах и решение проблемы кварталов бедности (*гедже конду*), где обосновывались переселенцы из деревень. Уникальность Т. Озала как премьер-министра состояла в том, что он сумел сочетать меры, направленные на поддержание своей популярности среди избирателей, с запуском процессов модернизации, т. е. довольно болезненной структурной перестройки экономики. Но парламентские выборы 1987 г. показали недовольство избирателей нерешенностью проблемы роста цен. И хотя Т. Озалу удалось сохранить пост премьер-министра, правительство было вынуждено снизить темпы прироста денежной массы. Применение этой меры в условиях, когда приверженность властей антиинфляционной политике вызывала в обществе серьезные сомнения, обернулась стагнацией.

Понуждаемые популистской гонкой последователи Т. Озала на посту премьер-министра, чтобы разогреть экономику и остаться у власти, перешли к использованию безоглядного фискального стимулирования через рост реальной заработной платы в государственном секторе и выплату высоких процентов держателям государственных долговых обязательств. В качестве источника финансирования бюджетных дефицитов в страну через систему национальных банков стали привлекаться «горячие деньги» с внешних рынков. Возникла опасная привязка турецкой экономики к объемам их притока, что и стало причиной кризисов, пережитых в 1994, 1999 и 2001 гг. К началу 2000-х гг. стало возможным говорить о формировании специфических черт турецкой экспортно ориентированной модели, которые особенно четко просматриваются при сравнении с модернизационной траекторией Южной Кореи.

В Турции с ее рано сложившимися демократическими традициями правительства, особенно в 1990-е гг., не рискуя переломить сложившийся тренд проведения популярной у избирателей экономической политики, несмотря на состоявшийся было переход к стратегии роста на основе экспорта, были вынуждены поддерживать сравнительно высокий уровень потребления. В итоге относительная емкость внутреннего рынка на протяжении всего времени после 1980 г. оставалась весьма внушительной (доля только частного потребления в ВВП составляла около 70%)³⁴. Политика сознательного расширения внутреннего рынка при довольно большой численности населения оказывалась достаточной альтернативой для местных производителей. В итоге Турция могла позволить себе не вступать в столь жесткую конкуренцию на международном рынке в стремлении нарастить экспорт, как это была вынуждена делать Южная Корея, что позволяло откладывать техническую модернизацию промышленности и усилия по развитию высокотехнологичных производств, а заодно и рост финансирования НИОКР. Таким образом, экономическую модель Турции с конца 1980-х гг. можно интерпретировать как *непоследовательно экспортно ориентированную* (курсив наш. — Н. У.), периодически перенастраивавшуюся в пользу внутреннего рынка.

Период правления в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) (с 2002 г. по настоящее время) принято считать весьма успешным для экономики страны, поскольку в течение этого времени уверенный рост сопровождался на первый взгляд решением ряда застарелых проблем экономического развития — бюджетного дефицита и хронической инфляции.

Но позволяют ли успехи Турции в сфере финансовой стабилизации говорить о смене модели роста в период правления ПСР? По всей видимости, нет. Во-первых, развитие происходило на фоне заметного снижения нормы сбережений, составлявшей в последние годы 15% и менее против 19% в конце 1990-х гг.³⁵. То есть наблюдалось еще более активное использование ранее действовавших механизмов расширения внутреннего потребления. Во-вторых, развитие Турции после 2002 г. происходило на фоне неуклонного роста дефицита по счету текущих операций платежного баланса. В 2002 г. он составлял всего 1,5 млрд долл. К 2011 г. он достиг своего максимального значения — 77 млрд долл., что соответствовало более 10% ВВП страны³⁶. В 2012–2013 гг. его значения снизились, что совершенно неслучайно совпало с падением темпов экономического роста. Следовательно, сократившиеся вследствие дальнейшего падения нормы сбережений инвестиционные возможности национальной экономики поддерживались за счет внешнего финансирования. При этом нерешенной осталась главная проблема экономики страны — неспособность самостоятельно поддерживать экономический рост и его зависимость от средств, поступающих извне. Таким образом, сущностные механизмы поддержания экономического роста в стране принципиально не изменились по сравнению с периодом 1990-х гг.: в 2000-е гг., хотя и при относительно сбалансированном бюджете, также происходило расширение потребления, но в основном за счет механизма потребительского кредита, объем которого в 2010–2011 гг. возрастал ежегодно не менее чем на треть³⁷, и, следует особо подчеркнуть, механизмов социальной помощи, оказываемой по линии государства. Неизбежно возникавший при этом дефицит сбережений (и, соответственно, инвестиций) компенсировался за счет внешних источников финансирования, точнее — зарубежных займов частного сектора. Но масштаб их использования значительно вырос, а модель двух дефицитов — бюджетного и по счету текущих операций (если условно считать сегодняшний турецкий бюджет бездефицитным, хотя в действительности речь идет о снижении дефицита, но не о его полном преодолении) — сменилась моделью одного — дефицита по счету текущих операций, но значительно возросшего по объему.

В случае вполне вероятного снижения доступности внешнего финансирования вопрос об экономических перспективах страны окажется жестко увязан с ее способностью к повышению сбережений и самофинансированию инвестиций. Но повышение сбережений неизбежно приведет к сужению внутреннего рынка, а значит, лишив экономику действовавшего до последнего времени драйвера роста, оставляет открытым вопрос о более последовательной ориентации на экспорт и поиске своей более эффективной ниши в системе международной торговли.

Требования к новой модели роста Турции позволяют выявить ее сравнение по некоторым важнейшим параметрам экономического и социального развития с Южной Кореей, которая в сегодняшней Турции рассматривается в качестве государства-прототипа³⁸ (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Некоторые показатели социально-экономического развития
Турции и Южной Кореи**

	Турция	Южная Корея
ВВП на душу населения (дол. США, текущие цены, 2012)	10 666	22 590
Доля добавленной стоимости, созданной в промышленности (% , 2012)	27	39
Объем высокотехнологичного экспорта (млрд дол., 2012)	2	121
Доля товаров высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспорта обрабатывающей промышленности (% , 2012)	1,8	26,2
Доля расходов на научные исследования и научно-технические разработки (средний % от ВВП за 2005 – 2011 гг.)	0,84	3,74
Доля валовых сбережений (% ВВП, 2012)	14	31
Сальдо по счету текущих операций платежного баланса (млрд дол., 2012)	- 48	+ 43
Численность населения (млн чел., 2012)	74	50

Составлено по базам данных Всемирного банка: <http://data.worldbank.org/indicator>

Итак, Турецкая Республика, имея заметное преимущество по численности населения, одновременно демонстрирует более чем двукратное отставание по показателю ВВП на душу населения. Турции не удастся решить проблему значительного дефицита по счету текущих операций, тогда как для Южной Кореи характерно выраженное преобладание валютных доходов над расходами. Последнее обстоятельство вполне объяснимо с учетом масштабов абсолютного и относительного отставания Турции по экспорту высокотехнологичной продукции, которое, в свою очередь, следует связывать со значительно более низкими затратами на научные исследования и разработки.

Таким образом, повторение успеха Южной Кореи требует и повторения опыта жесткого ограничения потребления, роста инвестиций и структурной перестройки промышленности.

Но как мы попытались показать, препятствия на пути к осуществлению необходимых перемен могут оказаться для Турции более серьезными, чем это кажется на первый взгляд. Сложности на пути осознания новых экономических вызовов вполне способны создать прочные, берущие свое начало еще в османском прошлом традиции покровительственного отношения государства к частному потреблению и его неформальной ответственности за защиту благополучия граждан, которые при их неумеренном использовании

несут угрозу подмены политики структурных реформ политикой экономического популизма.

Примечания

- 1 Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века). С.-Пб., 2005. С. 15.
- 2 Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. М., 1991. С. 50.
- 3 Там же. С. 52–53.
- 4 Там же. С.53.
- 5 Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе. С. 18.
- 6 Иванов Н.А. Основные черты османского социально-теократического идеала и его роль при завоевании арабских стран в 1516–1574 гг. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М., 2008. С. 203.
- 7 Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе. С. 19.
- 8 Иванов Н.А. Социальные аспекты традиционного ислама // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. С. 198–199.
- 9 Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе. С. 216.
- 10 Иванов Н.А. Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XV–XVII вв. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. С. 353.
- 11 Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе. С. 216.
- 12 Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С. 66–67.
- 13 Там же. С. 50.
- 14 Pamuk Ş. Türkiye'nin 200 Yıllık İktisadi Tarihi. Büyüme, kurumlar ve bölüşüm. İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2014. S. 213.
- 15 Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. Москва — Ленинград, 1948. С. 160–161.
- 16 Еремеев Д.Е. Становление республиканской Турции (1918–1939). М., 2004. С. 190.
- 17 Dinç S. Atatürkçü Düşünce sistemine göre Halkçılık ilkesi/ Atatürk İlkeleri ve İnkılâp Tarihi II, Atatürkçülük. Ankara, 1986 // http://turkoloji.cu.edu.tr/ATATURK/arastirmalar/sait_dinc_ataturkcucu_dusuncu_sistemi_devletcilik.pdf
- 18 Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С. 77.
- 19 Türkiye Ekonomisinin 80 Yılı. İstanbul: İstanbul Ticaret Odası, 2004. S. 59–60.
- 20 Ibid. S. 59.
- 21 Моисеев П.П. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., 1994. С. 22.
- 22 Pamuk Ş. Türkiye'nin 200 Yıllık İktisadi Tarihi. S. 329.
- 23 См. подробнее: Parasız İ. Türkiye ekonomisi. Bursa, EZGİ kitabevi, 2003. S. 101–102.
- 24 Öniş Z. State and Market. The political economy of Turkey in Comparative Perspective. İstanbul: Boğaziçi University Press, 1999. P. 469.
- 25 См. подробнее: Данилов В.И. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества // Эволюция политических систем на Востоке. М., 1999. С. 188–189.
- 26 См.: Kaufman R., Stallings B. The political Economy of Latin America Populism. / The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1991. P. 26.
- 27 Под популистской экономической политикой имеется в виду акцентирование внимания правительства на ускорении роста и перераспределении доходов, игнорирующего риски инфляции, финансового дефицита и прочие. См. подробнее: Dornbusch R., Edwards S. The Macroeconomics of Populism// The Macroeconomics of populism in Latin America. P. 9.
- 28 Öniş Z. State and Market. P. 443.

- ²⁹ Турецкая Республика. Справочник. М., 1975. С. 388–389.
- ³⁰ Новый закон о Центральном банке Турецкой Республики, определивший его независимый от исполнительной власти статус, был принят лишь в 2004 г.
- ³¹ Bakir C. Merkezdeki Banka. Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankasi ve Uluslararası Bir Karsilastirma. Istanbul: Istanbul Bilgi Universitesi Yayınları 173, 2007. S. 45.
- ³² Составлено и рассчитано по: Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. Volume-2. From the Foundation of the Republic to the Present. İstanbul: İstanbul Stock Exchange, 1999. S. 139, 254, 290; İktisadi Rapor 1985. Ankara, Türkiye Ticaret, Sanayi Deniz Ticaret Odaları ve Ticaret Borsaları Birliği, 1985. S. 186; Economic Report 1994. Ankara: UCCET, 1995. S. 45; Economic Report 1995. Ankara: UCCET, 1996. S. 56. Ekonomik Rapor 2001. Ankara: TOBB, 2002. S. 76; Economic Report 2004. Ankara: UCCET, 2005. S. 67; Ekonomik Rapor 2006. Ankara: TOBB, 2007. S. 64; Ekonomik Rapor 2008. Ankara: TOBB, 2009. S. 90; Ekonomik Rapor 2011. Ankara: TOBB, 2012. S. 208.
- ³³ Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi 1908-2002. 7. Baskı. Ankara, İMGE Kitabevi, 2003. S. 123–124.
- ³⁴ Подсчитано по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, 2012. S. 748; База данных Турецкого статистического общества: <http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>
- ³⁵ См. База данных Турецкого статистического общества // <http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>
- ³⁶ Ekonomik Rapor 2004. S. 108; Ekonomik Rapor 2010. Ankara: TOBB, 2011. S. 14; Ekonomik Rapor 2012. Ankara: TOBB, 2013. S. 207.
- ³⁷ Bankalarımız 2009. Ankara: Türkiye Bankalar Birliği, 2010. S. 1–39; Banks in Turkey 2010. Ankara, The Banks Association of Turkey, 2011. P. 1–39; Banks in Turkey 2011. Ankara: The Banks Association of Turkey, 2012. P. 1–41.
- ³⁸ См., например: Oniş Z. The State and Economic Development in Contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism and Beyond // Turkey between East and West. New Challenges for a Rising Regional Power. Oxford, 1996. P. 163, 171.

С.Н. Каменев*

ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ПАКИСТАНА

Резюме. После прихода к власти в стране правительства Наваз Шарифа в мае 2013 г. обозначилась тенденция изменения в постановке задач развития национальной экономики: акцент был сделан на достижении больших темпов экономического роста, нежели на решении социальных проблем (сокращение неравенства в распределении доходов и борьба с возрастающей бедностью были отнесены на второй план). Темпы роста национального хозяйства страны составили, по официальным данным в истекшем, 2013/14 г., около 4% и запланированы на 2015–2017 гг. в размере более 5%. При этом государство намерено активно содействовать развитию агросферы и индустрии, а также заметно увеличить экспорт и замедлить рост импорта с целью сокращения значительного отрицательного сальдо торгового баланса; одновременно довести валютные резервы страны до 22 млрд долл.

Правительство намерено создавать лучшие условия для большего притока валюты от пакистанцев, работающих за границей. А главное — попытаться решить две основные проблемы экономики страны — энергетическую, привлекая при этом финансовые ресурсы международных организаций — Азиатского банка развития, МВФ, Всемирного банка, а также усилить борьбу с уклонением от налогообложения.

Пакистан стремится расширить политическое и экономическое сотрудничество с США, Китаем, Евросоюзом, а также улучшить свои отношения с Индией.

Ключевые слова: Пакистан, экономика, темпы роста, энергетический кризис, реформа налогообложения.

Summary. The economic trends have been changed after coming to power Nawaz Sharif's government in May 2013: a significant emphasis has been placed on achieving prompt economic growth rather than to solve social issues (reducing income inequality and poverty). In accordance with the official data the growth rates reached 4 percent in 2013–14 and forecast for 5 percent in 2015–2017. For these purposes Pakistani leadership intends to promote agriculture and industry and to significantly increase export and slow down growth of import in order to shrink visible negative trade balance and increase consequently the country's foreign exchange reserves up to \$22 bln.

At the same time the government intends to create better conditions for foreign exchange inflow from Pakistanis working abroad. Simultaneously the government tries to solve the main two problems of the economy, existing for several years — power crisis, thus attracting the resources of international

* Каменев Сергей Наумович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Сектором Пакистана Института востоковедения РАН.

financial institutions as Asian Development Bank, IMF and World Bank and to struggle tax evasion.

Pakistan seeks to expand cooperation with different countries including USA, China, EU and to improve his relations with India as well.

Tags: Pakistan, economics, growth rates, power crisis, tax reform.

Основная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основе анализа состояния национального хозяйства Пакистана в 2010–2015 гг. выявить приоритеты социально-экономического развития страны, а также определить роль внутри- и внешнеэкономических факторов, влияющих на этот процесс, равно как и воздействие политической составляющей на весь ход экономического роста пакистанского государства в ближайшей перспективе, включая меняющуюся ситуацию в Южно-Азиатском и Центрально-Азиатском регионах.

Весьма часто можно встретить утверждение, что Пакистан, как и некоторые другие страны Азии, из года в год переживает серьезный экономический кризис либо постоянно находится в тяжелом экономическом положении. Такая формулировка соответствует истине лишь частично, поскольку у экономических экспертов вполне резонно может возникнуть вопрос: а какое государство не испытывает трудности в экономике?! Да-же благополучные Скандинавские страны, государства Северной Америки имеют свои экономические (иногда труднорешаемые) проблемы. Другое дело, что проблемы проблемам рознь.

Если посмотреть на основные макроэкономические показатели Пакистана, то окажется, что темпы экономического роста, по официальным данным, несколько превысили 4% в 2013/14 финансовом году¹ по сравнению с 3,7% в предыдущем финансовом году. А рост промышленности после некоторого застоя почти достиг 6% (в предыдущем 2012/13 г. индустриальные отрасли показали весьма незначительный рост в размере лишь 1,4%; пакистанская официальная статистика включает в позицию «промышленность», помимо непосредственно крупной и мелкой промышленности, горнодобывающую отрасль, а также энергетику и строительство). Прирост добавленной стоимости в агросфере был на уровне немногим более 2% по сравнению с почти 3% в 2012/13 г. (что было обусловлено весьма неблагоприятными погодными условиями — очередным сильным наводнением осенью 2014 г.)². И тем не менее даже продолжающийся уже не один год серьезный энергетический кризис все же не смог негативно повлиять как на рост национального хозяйства в целом, так и основных его отраслей. В целом по темпам роста Пакистан формально даже опередил, например, более благополучную Турцию, где рост ВВП составил в 2013 г. чуть меньше 4%, хотя в первой декаде нынешнего столетия колебался на уровне 6%. Здесь нельзя не сказать о том, что общий экономический потенциал Турции заметно выше аналогичного пакистанского.

При рассмотрении основных макроэкономических показателей следует сделать две оговорки. Первая из них заключается в том, что почти все статистические данные из года в год исчисляются на основе лишь 9 месяцев

того или иного финансового года, включая, естественно, и темпы роста всех отраслей национального хозяйства Пакистана. Это означает, что 3 месяца (апрель, май, июнь) выпадают из процесса статистического учета, будь это благоприятный или неблагоприятный в экономическом отношении период. А подсчет добавленной стоимости за эти 3 месяца осуществляется простейшей экстраполяцией предыдущих данных за 9 месяцев.

Второй фактор потенциальной статистической погрешности (или лучше сказать некорректности) заключается в приукрашивании пакистанскими официальными органами реальной экономической ситуации в стране. Об этом свидетельствуют исправленные во многих случаях в последующие (после того или иного финансового года) годы данные об основных макроэкономических показателях. Аналогичной точки зрения придерживаются и эксперты ведущих международных финансовых институтов, таких как МВФ, Всемирный банк, АзБР, которые осуществляют на регулярной основе анализ состояния национального хозяйства Пакистана, целью которого в первую очередь является рассмотрение возможностей предоставления (или непредоставления) ему займов и кредитов. В частности, в данном конкретном случае они полагают, что реальные темпы экономического роста Пакистана в 2013/14 г., например, были на уровне 3,5%, но никак не превысили 4%, как это декларируется в официальных документах пакистанского правительства³.

Тем не менее проводившая регулярный мониторинг национального хозяйства Пакистана (как в 2013 г., так и в 2014 г.) команда экспертов МВФ посчитала ситуацию в экономике страны как удовлетворительную, в результате чего было принято решение этой международной финансовой организации предоставить Пакистану в порядке помощи значительную сумму в размере 6,6 млрд долл. в виде нескольких траншей в течение 3 лет (2013–2016)⁴.

Мы полагаем, что экономический рост даже ниже официальных данных в размере 3,5% нельзя считать незначительным. Если исходить из официальной статистики прироста численности населения в размере в среднем 2% в год, то это означает увеличение среднедушевого дохода на уровне 1,5%, что в абсолютном исчислении соответствует показателю по итогам 2013/14 г. в размере почти 1,4 тыс. долл.⁵ Для сравнения отметим, что в Индии, например, этот показатель составил в 2014/15 г. 1427 долл.⁶.

Однако здесь существуют сомнения иного рода, связанные с достоверностью данных о численности населения Пакистана, что, соответственно, ставит под вопрос достоверность расчетов среднедушевых макроэкономических показателей. Формально на 1 июля 2014 г. население достигло цифры в 188 млн человек (6-е место после Китая, Индии, США, Индонезии и Бразилии)⁷. Но, по мнению ряда экспертов, темпы роста населения в Пакистане реально были выше 2% в среднем в год в нынешнем столетии, и численность его составляет сейчас где-то на уровне 210 млн человек⁸. Ко всему прочему, это означает существенное омоложение пакистанской нации — дети в возрасте до 14 лет составляют примерно 45% населения страны.

Вопрос о необходимости проведения очередной, 6-й по счету, переписи населения страны стоит на повестке дня давно, на это не раз обращали вни-

мание руководства Пакистана как пакистанские, так и зарубежные экономисты и политики. По мнению политологов, нежелание руководства Пакистана провести перепись населения страны было обусловлено политическими соображениями. В частности, заметной миграцией населения из пакистанских провинций Пенджаб и Хайбер Пахтунхва в Синд (преимущественно в Карачи, Хайдерабад, Сукур). А это могло реально продемонстрировать неадекватное предоставление мест по провинциям в парламенте исходя из реально существующей численности их населения (меньшее — в первую очередь в Пенджабе), а не в соответствии с последней переписью 1998 г., которая, естественно, показывала явно бoльшую численность пенджабского населения, нежели сейчас⁹.

Возвращаясь к макроэкономическим показателям соседних с Пакистаном стран, заметим, что в Иране, по официальным данным, экономический рост в 2012/13 финансовом году достиг 5,4%, однако Всемирный банк подсчитал этот параметр на уровне менее 2%. И далее спрогнозировал рост иранской экономики на уровне 1,8% в 2015 г. и 2% в 2016 г., в то время как иранские официальные лица подсчитали перспективный рост на 2015–2016 гг. в размере свыше 5%¹⁰.

Представляется, что макроэкономическая ситуация в другой соседней с Пакистаном стране — Индии — носит более реальный характер. Здесь темпы экономического роста достигали в 2005–2010 гг. в среднем 5% в год, превышая в отдельные годы 6% и занимая по этому показателю второе место в мире после Китая. Экономический рост Индии, как полагают эксперты Всемирного банка, может превысить в 2016–2017 гг. 7% в среднем в год, что означает, что Китай может перейти на второе место, уступив первенство Индии¹¹.

Следует заметить, что правительство Нарендра Модии решило пойти по иному пути (в отличие от Пакистана) с целью несколько повысить на бумаге темпы экономического роста — задним числом пересчитать в 2015 г. основные макроэкономические параметры путем изменения базы факторных цен — перейти с 2004/05 г. на 2011/12 г., что априори повышает темпы экономического роста в последующие годы. Необходимость перерасчета мотивировалась руководством Центрального статистического бюро министерства финансов Индии тем, что в «оборот вводились новые данные, а также применялась улучшенная методология подсчета, которая точнее позволяла исчислить экономические показатели»¹².

Представляется, что это было сделано по политическим соображениям, с целью показать заметный рост индийской экономики после прихода к власти в стране в мае 2014 г. Бхаратия Джаната Партия. С точки зрения экономической ситуации в стране вовсе не было оснований для подобной операции. Обычно подобная акция осуществляется после 20–25 лет в связи с инфляционными процессами в экономике, существенными изменениями в условиях торговли на мировом рынке, а также рядом других причин. В данном случае ничего такого не происходило. Сами индийские экономисты отмечали необоснованность данного перерасчета, который, тем не менее, сразу проде-

монстрировал формальный рост экономики. Если до указанного пересчета (как свидетельствует статистика основного официального экономического документа правительства Индии «Economic Survey 2013–14») темпы экономического роста Индии составили в 2013/14 г. 4,7%, то после изменения расчетной базы цен темпы роста мгновенно достигли в том же финансовом году почти 7%¹³.

Возвращаясь к Пакистану, следует заметить, что среди основных общенациональных проблем экономики страны выделяются две — энергетический кризис и крайне слабая эффективность налоговой системы, которые напрямую или опосредованно затрагивают интересы всех слоев населения. И, как провозгласил в ходе своей предвыборной кампании Наваз Шариф, главная работа правительства в сфере национального хозяйства должна сконцентрироваться именно на преодолении сложного энергетического кризиса и реформировании всей системы налогообложения в стране.

Энергетический кризис обусловлен острой нехваткой электроэнергии и газа в стране, и в течение 2005–2015 гг. эта проблема практически все время имела тенденцию к обострению. Неудивительно, что пакистанская оппозиция активно использовала этот аргумент, чтобы доказать неспособность руководства страны обеспечить поступательное развитие экономики Пакистана. Одним из последних серьезных выступлений оппозиции на этом направлении стало так называемое «протестное движение» во второй половине 2014 г. под руководством лидера партии «Движение за справедливость» Имран Хана и богослова Тахируль-Кадри¹⁴. Оппозиционеры ставили в вину правящим кругам (после якобы серьезных нарушений в проведении выборов в мае 2013 г.) отсутствие действенных мер по решению энергетической проблемы.

Остроту нараставших сложностей в энергетике невозможно отрицать. По этой причине, в частности, рост индустриального сектора составил в 2012/13 г., как показано выше, лишь 1,4%, а в 2010/11 г. был менее 3%. Нехватка электричества и газа сказывается, естественно, и на агросфере, и на нормальном функционировании производственной инфраструктуры, и даже на сфере услуг. С 2007 г. в Пакистане началось так называемое «веерное» отключение подачи электричества, которое первоначально происходило в течение 2–3 часов в день как в городах, так и в сельской местности. Однако уже в 2011 г. оно выросло до 4 часов в день, в последующие два года достигло уже 6 часов, а в первой половине 2014 г. увеличилось до 8 часов в день. Во второй половине 2014 г. отключение электричества достигло в среднем 12 часов в день в крупных городах и 18–20 часов (!) в небольших городах и в сельской местности. Как отмечали пакистанские эксперты, только в Панджабе эффективность работы текстильной промышленности, начиная с 2011 г., ежегодно снижалась из-за этого на 40%¹⁵. Аналогично падало производство и в других отраслях экономики.

Нехватка электроэнергии вызывала немалое недовольство практически всех слоев населения, что вело к нарастанию социальной напряженности, поскольку не работали любые электроприборы (а у средне- и высокодоход-

ных групп населения — мощные кондиционеры и холодильники). Постоянный рост импорта электрогенераторов и наполнение ими внутреннего рынка не мог компенсировать потребности электричества в быту; тем более такой способ не был приемлем для низкодходных слоев населения в силу дороговизны электроприборов. Использовать электрогенераторы в промышленных масштабах было нецелесообразно в силу их недостаточной мощности¹⁶. В конечном итоге в городах страны (в первую очередь в крупных) неоднократно вспыхивали стихийные митинги и демонстрации, нередко переходящие в погромы офисов электрокомпаний — поставщиков и распределителей электроэнергии¹⁷.

Импорт электроэнергии из Ирана и Индии не мог, естественно, решить энергетический кризис; к тому же подписанное еще в 2002 г. соответствующее соглашение с Ираном истекло в конце 2014 г., и последующие пакистано-иранские переговоры по этому вопросу не привели к его пролонгации¹⁸. По мнению многих пакистанских и зарубежных экспертов (включая автора этих строк), если правительство Наваз Шарифа не преодолеет (как было обещано еще в 2014 г.) энергетический кризис к 2017 г., то не исключено, что ему придется уйти в отставку¹⁹.

Новая энергетическая политика, принятая после прихода к власти правительства Наваз Шарифа, наметила несколько перспективных направлений для борьбы с энергетическим кризисом²⁰. В первую очередь предполагалось шире использовать на ТЭС имеющийся в стране уголь с целью возместить нехватку газа (перевод в качестве топлива с газа на уголь) и повисить таким образом эффективность уже имеющихся мощностей действующих ТЭС. Одновременно намечено ускорить сооружение уже строящихся гидроэлектростанций, таких как Даймер Бхаша, Нилум Джелам, ввод в строй 4-го и 5-го энергоблоков на уже действующей ГЭС Тарбела и др. Тем более что АзБР, Китай, Кувейт и некоторые другие страны уже приняли решение о выделении необходимых средств на эти цели. Далее решить вопрос об импорте электричества из Центрально-Азиатского региона путем сооружения линии электропередач мощностью 1000 кВТ — проект CASA-1000; увеличить импорт сжиженного газа из арабских стран и ускорить сооружение двух газопроводов — из Ирана и Туркменистана (проект ТАПИ — Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия).

Однако основная часть положений Новой энергетической политики носит явно перспективный характер и позволит решить в той или иной степени энергетическую проблему в лучшем случае через 2–3 года. Тем более что, если, например, газопровод из Ирана в Пакистан может вступить в строй уже в 2016 г. (особенно в случае успешного завершения переговоров с западными странами по ядерной программе Ирана), то проекты CASA-1000 и ТАПИ уже много лет остаются лишь на бумаге.

И проблема здесь заключается не столько в нехватке финансирования этого проекта (так, Азиатский банк развития, Всемирный банк, Исламский банк развития и американское Агентство по международному развитию готовы, например, в совокупности выделить 1,1 млрд долл. на проект CASA-1000),

сколькo в объективном отсутствии возможности сооружения газопровода и линии электропередач на территории Афганистана в связи с продолжающейся активностью там боевиков.

Еще в 2005 г. Движение Талибан выступило с угрозами срыва строительства газопровода ТАПИ, если в нем будут участвовать американские и западные компании, а также международные финансовые институты, где главенствуют западные банкиры (в первую очередь подразумевался Азиатский банк развития, финансирующий строительство энергетических объектов в Южной и Центральной Азии, а также Всемирный банк). Об этом на весь мир сообщил тогда официальный представитель Движения Талибан муфтий Латифулла Хакими²¹. Затем подобные угрозы терактов по поводу строительства ЛЭП CASA-1000 и газопровода ТАПИ на территории Афганистана зазвучали с завидной регулярностью, и представляется, что после завершения вывода войск НАТО из Афганистана в декабре 2014 г. (даже при условии присутствия там после этого небольшого контингента американских войск) опасность терактов не только не сохраняется в полной мере в 2015 г. и в последующие годы, но еще больше усиливается²².

Ко всему прочему, надо учитывать то обстоятельство, что даже если гипотетически предположить, что проект CASA-1000 будет реализован, то это никак не решит энергетические проблемы Пакистана, поскольку поставки электроэнергии реально могут осуществляться лишь несколько месяцев в году (когда достаточно воды в водохранилищах), а в остальное время и Таджикистан, и Кыргызстан сами испытывают нехватку электроэнергии.

В конце 2014 г. Пакистан провел международную конференцию по возможностям привлечения инвестиций в страну, в рамках которой министр финансов Исаак Дар определил основные задачи в области экономики на ближайшие 2–3 года²³. Среди них:

- достижение темпов экономического роста в размере 7% (эта цель вызывает немалые сомнения с учетом низких темпов роста ВВП в предыдущие годы — 2,6% в 2010 г., в среднем 3,7% в 2011–2013 гг., немногим выше 4% — в 2014 г.);

- решение всех проблем в области энергетики в 2015–2017 гг.;

- удержание темпов роста инфляции в рамках «одной цифры» (эта задача в целом выполнима, исходя из того, что, по официальным данным, инфляция составила в 2013/14 г. 8%, а в предыдущем — 7,4%);

- удержание бюджетного дефицита на уровне 4% (эта задача является трудновыполнимой исходя из того, что с 2010 г. этот параметр неизменно несколько превышал 6%, а в 2012/13 г., например, был выше 8%);

- повышение валютных резервов страны до 22 млрд долл. (здесь также возникают некоторые сомнения, поскольку на начало 2015 г. валютные резервы страны составляли 13 млрд долл., на начало 2014 г. — 8,5 млрд долл., на начало 2013 г. — 13,5 млрд долл.; кроме того, нет солидного источника для столь значительного роста валютных запасов страны);

- рост индустриальных отраслей экономики на уровне 8% (такое тоже маловероятно, учитывая отсутствие в Пакистане необходимых благоприятных

ятных условий для столь высокого роста этого сектора; в предыдущие годы рост индустрии составлял 5,8% в 2014 г., 1,4% — в 2013 г., 2,5% — в 2012 г., 4,7% — в 2011 г. и 3,4% — в 2010 г.);

— сокращение государственного долга до 55% ВВП (маловероятно, учитывая постоянные заимствования у международных финансовых институтов и на двусторонней основе);

— повышение нормы собираемости налогов до 15% ВВП (такое возможно, но вероятно не до 15%, а несколько ниже, поскольку именно низкая собираемость налогов является второй — после энергетики — серьезной проблемой в экономике страны, и именно на повышение собираемости налогов постоянно обращают внимание руководства Пакистана эксперты МВФ и Всемирный банк при предоставлении ему экономической помощи);

— увеличение экспорта Пакистана до 32 млрд долл. (такое значительное повышение вызывает серьезные сомнения — даже при самых благоприятных погодных условиях, обеспечивающих хороший сбор урожая хлопка (товары хлопковой группы составляют основу экспорта страны, примерно 2/3 всего объема вывоза); в 2010–2014 гг. экспорт страны колебался на уровне 25 млрд долл.);

— рост затрат на образование и здравоохранение до 4% от ВВП (такой резкий рост практически невозможен, в настоящее время расходы на эти цели составляют 2% от ВВП).

Наш скептицизм в отношении выполнения поставленных задач отнюдь не означает низкий уровень дальнейшего развития пакистанской экономики. В данном случае руководство страны чрезмерно зависило планку своих возможностей и поставило перед собой явно нереальные, практически недостижимые цели, которые носят очевидный «пиаровский» характер и призваны максимально привлечь в страну иностранные инвестиции. Однако задача такого рода пока что невыполнима в силу опасений зарубежных инвесторов в проведении против них террористических акций.

Говоря о сложных социальных проблемах Пакистана (в первую очередь в области образования и здравоохранения), хотелось бы подчеркнуть, что в публикуемом ежегодно Международной организацией «Legatum Institute» (изучает уровень благосостояния наций) Индексе национального благополучия Пакистан по итогам 2014 г. занял 127-е место из 142 государств мира, которые составляют 95% населения нашей планеты и дают в совокупности 97% всего мирового ВВП²⁴. Для всех стран приняты во внимание 79 социальных и экономических показателей, объединённых в 8 основных групп. Причем бóльшая их часть — это именно «социально-жизненные» параметры, а не экономические. И именно по таким показателям, как личная безопасность и личная свобода, Пакистан находится в самом конце этой рейтинговой таблицы (соответственно 139-е и 135-е места), в то время как по экономическим условиям хозяйствования страна занимает 107 место.

Для сравнения отметим, что в худшем положении из государств региона находится разве что Афганистан, занимая 137-е место, а вот Турция, например, опережает многие азиатские страны и находится на 86-м месте (почти

по всем показателям эта страна опережает многие страны Востока и только по одному находится на одном из последних мест — это свобода личности). Иран занимает 107-ю позицию, поскольку свобода и безопасность личности там почти не соблюдаются. А Индия находится на 102-м месте, при этом по возможностям экономического хозяйствования и уровню управления она приближается к странам Евросоюза.

Возвращаясь к социально-экономическим планам пакистанского руководства, хотелось бы подчеркнуть, что правительство Наваз Шарифа реально стремится решить крайне сложную задачу — повысить налоговую квоту до 15%, в первую очередь путем устранения (или хотя бы сокращения) лазеек для уклонения от налогообложения. По мнению ряда пакистанских экспертов (до выхода в отставку часть из них работала в Федеральном бюро доходов, имея, таким образом, реальное представление об уровне уклонения от уплаты налогов), 70% доходов, получаемых в различных секторах экономики и подлежащих налогообложению, ускользают от уплаты налогов. В результате казна теряет ежегодно 1 триллион рупий (1 млрд долл.)²⁵. Из ста процентов населения, которые обязаны уплачивать подоходный налог, это делает лишь 1%²⁶.

Некоторые предпринимательские слои пакистанского общества мотивируют неуплату налогов крайне сложной процедурой платежа, необычайно громоздкой системой уплаты налогов, недостаточным временным лагом для оформления всех необходимых документов, ссылаясь при этом на то, что даже составляемые периодически Всемирным банком рейтинговые таблицы указывают на этот факт. В соответствии с ними Пакистан по степени сложности налоговых платежей занимал в 2015 г. 172-е место из 189 государств мира²⁷. Заметим при этом, что Индия, например, занимает в этой «табели о рангах» 156-е место, Иран — 124-е, Турция — 56-е место. Но самое любопытное заключается в том, что Афганистан занимает здесь 79-е место, настолько там проще система уплаты налогов.

В 2014 г. налоговая квота Пакистана являлась одной из самых низких в Южной Азии. Как официально заявил министр финансов страны Исаак Дар, «... отношение налогов к ВВП сократилось до 9%, в то время как в 1998–1999 гг. оно составило 14,5%»²⁸. Проблема налоговой системы страны заключается еще и в том, что сама ее структура до сих пор остается весьма архаичной, характерной для слаборазвитых государств — свыше $\frac{2}{3}$ в общей сумме налогов составляют косвенные налоги и лишь около $\frac{1}{3}$ — это прямые налоги²⁹.

Как отмечалось выше, возможности повышения экспорта весьма ограничены, в 2010–2014 гг. он имел лишь едва заметную тенденцию к росту. Однако импорт страны неизменно повышался — 31 млрд долл. в 2010 г., 36 млрд — в 2011 г., 40 млрд — в 2012 г., 44 млрд — в 2013 г. и 45 млрд долл. в 2013/14 г.³⁰. При этом неизменно около $\frac{1}{3}$ всего объема импорта составляли нефть и нефтепродукты. Естественно, что итогом такого дисбаланса был и остается рост отрицательного сальдо торгового баланса. При этом другой важный источник поступлений валюты в Пакистан — доходы от пакистанцев, работающих за границей, — не был в состоянии обеспечить покрытие тор-

гового дефицита, несмотря на стабильно растущий приток валюты. В этом заключается еще одна причина крайней заинтересованности Пакистана во внешней помощи, которая частично идет на покрытие растущего импорта.

И еще одну важную социальную проблему хотелось бы осветить — это безработица и неполная занятость.

В соответствии с официальной пакистанской статистикой трудоспособное население насчитывало в 2014 г. примерно 65 млн человек, а уровень безработицы был определен в размере 6,2% (хотя нам представляется, что эти цифры занижены). При этом безработица в сельской местности повысилась только за последний 2014 г. с 4,7 до 5,5%, а в городе число безработных стабильно находилось в последние несколько лет на уровне 8%³¹. Заметим, что в 2006 г., например, в Пакистане был зафиксирован такой же уровень безработицы, как и в 2014 г., т. е. 6,2%³². Больше всего безработных было среди женского населения (9%), в то время как безработица среди мужчин колебалась на уровне 5,4%. В этой связи едва ли можно считать обеспокоенными выдвигавшиеся оппозицией в рамках протестного движения осенью 2014 г. обвинения в адрес правительства по поводу высокой и постоянно растущей безработицы и неспособностью создать новые рабочие места.

Для сравнения хотелось бы привести данные по уровню безработицы в ряде соседних государств, в первую очередь в Индии, где этот параметр достиг 9% в 2013 г.³³. При этом в стране наблюдается весьма высокий экономический рост, превышающий в последние годы 6% в среднем в год, который, казалось бы, вполне мог бы способствовать созданию новых рабочих мест. В Бангладеш, где темпы экономического роста заметно ниже, уровень безработицы в течение последних 6 лет колеблется на уровне 5%³⁴. На Шри-Ланке этот показатель в последние три года составляет в среднем 4,5%³⁵.

Было бы некорректным считать, что правительство не принимает меры для сокращения уровня безработицы и неполной занятости (в Пакистане, равно как и во многих других странах, весьма развита сезонная занятость в сельском хозяйстве, преимущественно во время сбора урожая тех или иных культур; в первую очередь это характерно для женской сезонной занятости в сельской местности).

Правительство неоднократно принимало так называемые Программы переобучения сельского и городского неработающего населения (в первую очередь для женщин, полугодовые/годовые курсы) с целью профессиональной переподготовки или обучения профессиям, востребованным в тот или иной период времени³⁶. При этом учитываются потребности не только агросферы, но и возможности работы в кустарной промышленности, строительстве, даже в розничной торговле. Особое внимание такого рода Программы занятости уделяют молодежи в возрасте от 15 до 30 лет, организованы и действуют на постоянной основе специальные компьютерные курсы с целью обучения начальной компьютерной грамотности. С целью расширения ее возможностей для молодежи подобная Программа была пересмотрена в 2013 г., уже после прихода к власти правительства Наваз Шарифа. В общей Программе по расширению занятости населения в указанном году

впервые было зафиксировано предоставление беспроцентных кредитов для организации производства в мелком промышленном секторе экономики, на что выделялось в общей сложности 3,5 млрд рупий (курс рупии составлял по состоянию на 1 июля 2013 г. 100 рупий за 1 доллар США)³⁷.

Естественно, что эти и некоторые другие меры, направленные на расширение занятости и сокращение уровня безработицы в стране, представляют собой своего рода паллиатив, поскольку лишь стабильный экономический рост во всех отраслях, в первую очередь в сельском хозяйстве, сможет обеспечить реальное сокращение безработицы. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что существуют иные, объективные, факторы, способные свети практически на нет усилия руководства Пакистана на этом направлении. Имеются в виду такие негативные природные явления, как наводнения и засухи, которые наносят существенный ущерб в первую очередь сельскому хозяйству (случается, что после такого стихийного бедствия на полях практически нечего собирать). В 2010 г., например, ущерб от наводнения, носившего характер национальной трагедии, составил 10 млрд долл., несколько меньшие по своим масштабам наводнения произошли и в 2011, 2012 и 2013 гг., а наводнение осенью 2014 г. почти сравнялось по своим масштабам с аналогичным в 2010 г. По предварительным данным, ущерб от него достиг почти 8 млрд долл.

Однако далеко не только природные катаклизмы оказывают крайне негативное воздействие на социально-экономическое развитие Пакистана, хотя они носят объективный характер и избежать их практически невозможно (правда, руководство страны пытается принять превентивные меры по снижению ущерба от наводнений, но пока что малоуспешно). Речь идет о значительных убытках, обусловленных крупномасштабными политическими акциями, такими, например, как «Марш миллионов» в начале января 2013 г. (спровоцированный и не принесший никаких результатов его организатору — богослову Тахируль-Кадри, а также его участникам) или протестное движение во второй половине 2014 г. (которое также подготовил этот клерикал совместно с лидером партии «Движение за справедливость» бывшим известным профессиональным крикетёром Имран Ханом).

В ходе последней политической акции уже через 2 недели после начала серьезного противостояния правительства и оппозиции (в начале сентября 2014 г.) министр финансов Пакистана Исаак Дар заявил в своем выступлении по телевидению, что прямые убытки уже тогда составили 450 млрд рупий (4,5 млрд долл.), однако буквально через неделю министр торговли Хуррам Дастгир Хан «поправил» своего коллегу, отметив, что общие потери (от заметного замедления производства в ряде отраслей экономики, ухудшения условий торговли для Пакистана на внешних рынках, а также сокращения притока иностранных инвестиций из-за боязни инвесторов расширить производство в силу ухудшения внутривнутриполитической обстановки) достигли 800 млрд рупий (8 млрд долл.)³⁸. Кроме того, по самым приблизительным подсчетам такого рода, масштабные протестные акции сокращают как минимум на 0,5% прирост ВВП в конкретном финансовом году (по приблизительным подсчетам

МВД Пакистана, в правительственной зоне в Исламабаде в период с 14 августа до 16 декабря 2014 г. ежедневно находились от 14 тыс. до 30 тыс. человек)³⁹.

Среди внешнеполитических факторов, которые оказывают либо явно сдерживающее воздействие на экономический рост Пакистана, либо, наоборот, способствуют этому процессу, следует назвать в первую очередь противостояние с Индией, с одной стороны, а с другой — как фактор роста расширяющегося сотрудничества во многих областях с Китаем, а также практически постоянная поддержка Пакистана со стороны США как на международной арене, так и в экономической области.

Нерешенность в течение многих десятилетий ряда проблем, существующих между Индией и Пакистаном (Кашмирский вопрос, раздел вод р. Инд и его притоков, принадлежность ледника Сиачин и некоторые другие), несомненно оказывают негативное влияние на поступательное развитие экономики обоих государств, но, естественно, намного большее отрицательное воздействие этих нерешенных проблем испытывает, конечно, Пакистан.

В первую очередь это обусловлено стремлением Пакистана хоть в какой-то степени соблюсти паритет в военной области, что неизбежно ведет к росту военных расходов страны (хотя паритет с Индией в этой сфере, равно как и во многих других областях, объективно невозможен). Военные расходы Индии составили в 2014 г. 38,35 млрд долл.⁴⁰, в то время как Пакистан в соответствии с бюджетом 2014/15 г. выделил на эти цели 7 млрд долл.⁴¹. (Сюда не входит часть закупок вооружения за рубежом, которая осуществляется в счет целевых военных кредитов.) Почти пятикратный разрыв в военных расходах не позволяет, во-первых, Пакистану соперничать в военном отношении с Индией, а во-вторых, ограничивает возможности направления имеющихся и без того ограниченных ресурсов на экономическое развитие реального сектора экономики, в первую очередь производственной инфраструктуры.

Напряженность в пакистано-индийских отношениях существенно сдерживает и рост торговых связей между двумя странами. Двусторонняя торговля уже в течение 3 лет находится практически на одном и том же уровне — около 3 млрд долл.⁴². Еще в 2012 г. экономические эксперты и Индии, и Пакистана прочили увеличение объема двусторонней торговли в 2014 г. как минимум до 7 млрд долл.⁴³, что, как видно из данных 2015 г., так и осталось на бумаге. Так и не был в полной мере предоставлен Пакистаном режим наибольшего благоприятствования в торговле с Индией — в частности, не был кардинально сокращен список запрещенных к экспорту и импорту товаров.

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов о явном ускорении в развитии российско-пакистанских отношений после прихода к власти Наваз Шарифа. Здесь следует выделить 2 существенных обстоятельства.

Первое — готовность России начать военно-техническое сотрудничество с Пакистаном, чего настойчиво добивался Исламабад в течение многих лет и от чего ранее всегда уходила Москва. Речь идет о поставках российских ударных вертолетов Ми-35, что было озвучено в апреле 2014 г.⁴⁴. Причины

принятия такого решения вполне понятны, учитывая ситуацию в Украине, а также изменение геополитической ситуации в регионе в целом после ухода из Афганистана войск НАТО и реальную возможность усиления там террористической деятельности. Как и следовало ожидать, оно вызвало неприкрытую негативную реакцию с индийской стороны. Однако, как весьма справедливо отметил в редакционной статье японский журнал «Дипломат», прошли времена, когда яйца клали только в одну корзину, и неудивительно, что исходя из своих собственных интересов США, Израиль, Франция поставляют оружие Индии, а Россия готова поставлять оружие Пакистану⁴⁵.

Нельзя не отметить, что практически такими же словами охарактеризовала позицию Пакистана по отношению к России (и к Китаю) пресс-секретарь МИД Тасним Аслам после двухдневного визита в Индию в конце января 2015 г. президента США Барака Обамы, который (визит. — С. К.) вызвал серьезную настороженность пакистанского руководства после данных в Дели множества обещаний Вашингтона по сотрудничеству в области атомной энергетики и в военной сфере. «Пакистан не хочет хранить все яйца в одной корзине, мир многополярен, и в наших интересах — работать со всеми странами и налаживать отношения», — заявила пресс-секретарь⁴⁶.

Здесь же уместно сказать о том, что впервые в истории российско-пакистанских отношений в апреле 2014 г. были проведены совместные учения по отработке борьбы с терроризмом на море, когда российский большой противолодочный корабль «Маршал Шапошников» и пакистанский фрегат «Асват» провели совместные действия в этом направлении. А в октябре того же года с аналогичными целями в Карачи побывал российский фрегат «Ярослав Мудрый».

Но, конечно, наиболее важным событием в сфере российско-пакистанских отношений стал визит в Пакистан министра обороны РФ Сергея Шойгу и его переговоры с главой военного ведомства Пакистана Хаваджой Асифом, а также беседа с премьер-министром Наваз Шарифом. По итогам встреч было заключено рамочное Соглашение о двустороннем военно-техническом сотрудничестве, подтверждена готовность сторон провести конкретные переговоры о продаже ударных вертолетов Ми-35. Кроме того, были обсуждены и другие возможные пути расширения двустороннего военно-технического сотрудничества. Среди них были названы увеличение обмена делегациями в этой сфере, участие в военных учениях в качестве наблюдателей, подготовка военных кадров, обмен опытом в миротворческой деятельности, а также в борьбе с терроризмом и пиратством⁴⁷.

И второе. После введения санкций против России пакистанские торгово-промышленные круги восприняли это событие как своего рода руководство к действию с точки зрения возможности расширения наших двусторонних торгово-экономических отношений (пока что объем товарооборота между нашими странами остается на весьма низком уровне — в 2014 г. он составил лишь 560 млн дол.). Председатель пакистано-российского Делового совета, функционирующего под эгидой Федерации торгово-промышленных палат Пакистана, Фарук Афзал заявил в этой связи, что «санкции Евросо-

юза, Австралии, Канады и других стран против Москвы являются прекрасной возможностью для пакистанских экспортеров укрепиться на российском продовольственном рынке»⁴⁸.

Неудивительно в этой связи, что Президент РФ В.В. Путин, выступая в конце июня 2014 г. на церемонии вручения верительной грамоты от пакистанского посла Захир Джинджуа, заметил, что «мы придаем большое значение развитию сотрудничества с Исламской Республикой Пакистан. Российские компании готовы к реализации перспективных проектов, в том числе в энергетике и металлургической промышленности — отраслях, которые создавались с помощью специалистов из нашей страны»⁴⁹. Среди других важнейших направлений сотрудничества с Пакистаном Путин назвал борьбу с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков.

Есть основания полагать, что результатом такого нарастающего взаимодействия может наступить новая эпоха в наших двусторонних отношениях.

Примечания

¹ Финансовый год в Пакистане начинается 1 июля календарного года и завершается 30 июня следующего года.

² Pakistan Economic Survey 2013–14. Government of Pakistan, Islamabad, 2014. P. III.

³ The Nation. 20.07.2014.

⁴ Dawn. 5.09.2013; The Daily Times. 11.09.2013; The News. 20.12.2013; The News. 18.03.2014; The Daily Times. 18.12.2014.

⁵ Здесь пакистанские статистические органы используют не прямую методологию расчетов (деление ВВП в текущих рыночных ценах на численность населения страны и перевод полученного среднедушевого дохода в рупиях — в доллары по текущему курсу, т. е. по состоянию на конец марта данного календарного года), а осуществляют они перерасчет среднедушевого ВВП с учетом экстраполяции на предстоящие неучтенные 3 месяца и исчисление по предполагаемому курсу рупии к доллару по состоянию на 1 июля данного календарного года. Нам представляется, что такой подсчет некорректен и не дает правильной оценки реального дохода на душу населения страны. Поэтому едва ли можно согласиться с утверждением главного официального экономического издания «Pakistan Economic Survey 2013–14», что «доход на душу населения вырос в текущем году на 3,5%» и составил 1386 долл. Реально такой рост составил, как отмечено выше, лишь 1,5%. (Pakistan Economic Survey 2013–14. Government of Pakistan. Islamabad, 2014. P. VI; Pakistan Economic Survey 2012–13. Government of Pakistan. Islamabad, 2014. P. V).

⁶ Economic Survey 2014–15. Vol. II. Government of India. New Delhi, February 2015. P. 12.

⁷ Population Projections for the Year 2007–2030. Government of Pakistan. Ministry of Planning, Development and Reforms. Islamabad, 2007.

⁸ Abdul Sattar Khan. Population shoots up by 47 percent since 1998 // The News International. 29.02.2012; Shahid Javed Burki. Not Quite Yet a Failed Economy // Economic & Business Review (Karachi). 2.07.2012.

⁹ Census delays. Dawn. 8.11.2014.

¹⁰ World economies — Turkey, Iran // Economic & Business Review (Karachi). 30.02.2014.

¹¹ World economies — India, China // Economic & Business Review (Karachi). 26.05.2014.

¹² Economic Survey 2014–15. Vol. I. Government of India, New Delhi, February 2015. P. 6.

¹³ Economic Survey 2013–14. Government of India. Chapter 1. New Delhi. The State of the Economy. P. 2; The Hindu. 31.01.2015; The Indian Express. 31.01.2015.

- ¹⁴ См., например: Замараева Н.А. Пакистан: противостояние оппозиции и гражданской администрации усиливается. Интернет-сайт www.iimes.ru. 12.09.2014.
- ¹⁵ Engr Hussain Ahmad Siddiqui. Rising electricity load-shedding // *Economic and Business Review* (Karachi). 20.10.2014; *Business Recorder*. 4.11.2014.
- ¹⁶ Aamir Shafaat Khan. Generator imports rise 20 pc in seven months. *Dawn*. 22.02.2015.
- ¹⁷ Информационное агентство «Энергетика и ЖКХ». http://ejnews.ru/news_zhkh/2014/07/23/V_Pakistane_nachalis_besporyadki_izza_otklyucheniya_elektroenergii_24644. 23.07.2014.
- ¹⁸ Ali Syed. Pak fears power cut off from Iran as import deal expires in Dec. // *Pakistan Observer*. 26.09.2014.
- ¹⁹ Zofeen T. Ebrahim. Pakistan's energy crisis could topple government, warns expert // *Dawn*. 9.03.2015.
- ²⁰ Engr Hussain Ahmad Siddiqui. Whither power generation policy? // *Economic & Business Review* (Karachi). 11.08.2014.
- ²¹ Интернет-сайт www.gundogar.org. 20.05.2005.
- ²² В июне 2014 г. заинтересованные государства начали обсуждать альтернативный проект сооружения ЛЭП из Таджикистана в Пакистан через Ваханский коридор (высокогорная провинция Бадахшан в Афганистане). Проект не является новым, он был разработан еще в 90-х гг. прошлого столетия, но так и остался на бумаге. Маршрут этой ЛЭП в случае реализации будет пролегать от Рогунской ГЭС через Хорог на востоке Таджикистана и далее через Ваханский коридор в пакистанский Читрал.
- ²³ Investment conference. *Business Recorder*. 2.11.2014.
- ²⁴ The 2014 Legatum Prosperity Index. Интернет-сайт <http://www.li.com/docs/default-source/publications/2014-legatum-prosperity-index.pdf?sfvrsn=4>
- ²⁵ M. Iqbal Patel. Addressing tax evasion // *Economic & Business Review* (Karachi). 2.12.2013.
- ²⁶ Farhan Bokhari. Analysis: Taming the Economy // *Dawn*. 2.06.2014.
- ²⁷ World Bank Group. Paying Taxes 2015: Global Picture. Интернет-сайт <http://www.slideshare.net/pierre969/pwc-paying-taxes-2015>.
- ²⁸ *Business Recorder*. 29.01.2014. M. Iqbal Patel. Addressing tax evasion // *Economic & Business Review* (Karachi). 2.12.2013.
- В 1990–1993 гг., когда у власти в стране находилось правительство Наваз Шарифа, налоговая квота составляла 10,9%, в 1993–1996 гг. (время правления Беназир Бхутто) она несколько повысилась — до 11,5%, в следующий период правления Мусульманской лиги Наваз Шарифа (1996–1999) она составила в среднем 11%, в последующие годы, вплоть до 2014 г., отношение налогов к ВВП колебалось на уровне 10–11%. (Khaleeq Kiani. Fiscal deficit: a historical legacy // *Economic & Business Review* (Karachi). 10.06.2013).
- ²⁹ Рассчитано по: *Pakistan Economic Survey 2013–14*. Government of Pakistan. Islamabad, 2014. P. 60–61.
- ³⁰ Информация почерпнута из «*Pakistan Economic Survey*» за 2010–2014 гг.
- ³¹ *Pakistan Economic Survey 2013–14*. Government of Pakistan. Islamabad, 2014. P. XII–XIII.
- ³² Parveen Zaiby. Employment strategy, problems and policies // *Business & Finance Review* (Karachi). 6.10.2008.
- ³³ Информационный сайт «*EREPORT.ru*. Мировая экономика». <http://www.ereport.ru/stat.php?count=india&razdel=country&table=ueecia>. 12.09.2014.
- ³⁴ Информационный сайт «*EREPORT.ru*. Мировая экономика». <http://www.ereport.ru/stat.php?count=bangladesh&razdel=country&table=ueecia>. 22.01.2015.
- ³⁵ Интернет-сайт <http://ru.tradingeconomics.com/srilanka/unemploymentrate>. 21.01.2015.

- ³⁶ Pakistan Economic Survey 2013–14. Government of Pakistan. Islamabad, 2014. P. 189–191.
- ³⁷ Ibid. P. 191.
- ³⁸ Loss! What loss??? // Business Recorder. 9.09.2014.
- ³⁹ Daily Times. 17.09.2014; Imran's call for strike tantamount to terrorism // The News. 5.12.2014.
- ⁴⁰ Из еженедельного бриффинга пресс-секретаря МИД'а Пакистана Тасним Аслам // Imaduddin. Pakistan supports only reforms in Security Council: FO. Business Recorder. 29.01.2015.
- ⁴¹ Federal Budget 2014–15. Budget in Brief. Government of Pakistan. Islamabad, 2014. P. 25.
- ⁴² Status Paper on India–Pakistan Economic Relations. Prepared by Loknath Acharya, Ashima Marwaha. New Delhi, February 2012. Indian HC visits KCCI Free Indo-Pak trade key to prosperity // Dawn. 9.12.2012; India, Pakistan have potential to become growth opportunity: Indian HC // Daily Times. 21.02.2015.
- ⁴³ Business Recorder. 14.04. 2012.
- ⁴⁴ Общероссийская еженедельная газета «Военно-промышленный курьер» (ВПК). <http://vpk-news.ru/articles/20658>. 10.06.2014.
- ⁴⁵ Saurav Jha. Russia's Strategic Pakistan Play // The Diplomat (Япония). 31.07.2014.
- ⁴⁶ The Nation. 30.01.2015.
- ⁴⁷ Русская служба Новостей РСН 107.0 <http://rusnovosti.ru/news/353096/>. 20.11.2014.
- ⁴⁸ Daily Times. 24.08.2014.
- ⁴⁹ Цит. по: Информационное агентство Neftegaz.ru. <http://neftegaz.ru/news/view/126215/>. 27.06.2014.

У.В. Окимбеков*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АФГАНИСТАНА

Резюме. Статья посвящена вопросу демографии и связанным с ней социально-экологическим проблемам в Афганистане. В частности, рассматривается вопрос дефицита питьевой и поливной воды в разных районах Афганистана, загрязнения подземных водных течений в результате нерационального их использования. Затрагивается вопрос сокращения площадей лесных массивов и его экологические последствия.

Ключевые слова: Афганистан, Кабул, питьевая вода, подземные водные ресурсы, численность населения, экосистема, лесные массивы.

Summary. The article focuses on demography and associated social and environmental problems in Afghanistan. It discusses in particular shortage of drinking and irrigation water in different parts of Afghanistan, pollution of underground water currents due to irrational of their use. Touches upon question of reducing forest areas and its environmental impacts.

Tags: Afghanistan, Kabul, drinking water, groundwater resources, population, ecosystem, forest tracts.

Афганистан — одна из самых слабо развитых стран мира с высокими темпами роста населения. Точные статистические данные по стране отсутствуют, поскольку комплексная перепись населения там никогда не проводилась. Власти и международные организации при разработке планов развития исходят из оценочных данных Центрального статистического управления Афганистана, что позволяет в общих чертах оценить происходящие в стране процессы.

Отметим, что на всем протяжении прошлого столетия численность афганского населения выросла в несколько раз, а темпы ее роста колебались с небольшими амплитудами. По приблизительным данным, в начале XX в. на территории Афганистана жили порядка 4–7 млн человек¹, в 1937 г. — 10,9 млн, в 1950 г. — 12 млн², в 1961 г. — 13,9 млн³, в 1979 г. — 15,5 млн⁴, в 1987 г. — 16,1 млн человек⁵. Добавим, что первая и единственная перепись населения в Афганистане проводилась в 1979 г., однако она не охватила всех, и данные за этот год также не являются совершенными.

Экономика Афганистана и до начала гражданской войны (1979) не развивалась должным образом, а дестабилизация внутривнутриполитической обстановки разрушила все ее основы. Следовательно, высокие темпы роста численности населения на фоне стагнирующего народного хозяйства и тотальной

* Окимбеков Убайд Вафабекович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока (ЦИСБСВ) ИВ РАН.

безграмотности породили массу социально-экономических и экологических проблем. Афганская экономика сегодня сильно зависима от импорта, а нерациональное использование природных ресурсов может привести к отрицательным последствиям, связанным с загрязнением окружающей среды и нарушением баланса экосистемы.

До 1957 г. Афганистан за счет внутренних производителей удовлетворял спрос на продовольственные товары (за исключением сахара и чая). В дальнейшем объемы импорта начали расти и в течение 10 лет повысились с 40 до 97 тыс. т в год⁶. За последние четыре десятилетия XX в. в экономике Афганистана трудно обнаружить заметные положительные тенденции, в то время как население выросло почти в два раза. Для сопоставления приведем данные по сельскому хозяйству — основному сектору национальной экономики. По сравнению с 1960 г. в 2000 г. посевы пшеницы сократились на 10%, риса — на 61%, кукурузы — более чем в 5 раз, а ячменя — в 2,8 раза⁷. Население за этот период увеличилось с 14 млн⁸ до 20 млн (без учета беженцев в соседних странах).

В 90-е гг. размер посевных площадей неуклонно сокращался и опустился до уровня 60-х гг., соответственно сократился объем производства и урожайность зерновых. В 2000 г. производство зерна по сравнению с 1960 г. уменьшилось почти в два раза, в частности пшеницы — в полтора раза, кукурузы — в шесть раз, ячменя — в пять и риса — в 1,4 раза⁹.

После свержения режима талибов в 2001 г. в Афганистан начала поступать многомиллиардная международная гуманитарная и экономическая помощь, однако обстановка в экономике остается сложной. Страна, как и прежде, сталкивается с множеством проблем — в первую очередь с дефицитом водных, земельных и энергетических ресурсов. Нерешенность этих ключевых вопросов оставляет экономику Афганистана зависимой от помощи извне, приводит к конфликтным ситуациям среди жителей разных селений и районов, отрицательно влияет на окружающую среду. Достаточно отметить, что из-за неразвитости системы ирригации аграрный сектор при засухе теряет до 50% урожая.

За последние 30 лет население Афганистана удвоилось и, соответственно, вырос спрос на ресурсы, прежде всего земельные, водные и топливные. Отсутствие современной оросительной системы по всей стране ограничило темпы экстенсивного развития поливного земледелия за счет наземных водных источников. В этих условиях основную нагрузку приняли на себя подземные водные течения. В результате в большинстве провинций чрезмерная эксплуатация привела к снижению их уровня, высыханию колодезев. Отсутствие доступа к наземным водным источникам заставляет крестьян местами добывать поливную воду на глубине 100–150 м при помощи водяных помп, работающих на основе дизельного топлива. Такой способ не является выходом из сложившейся ситуации, поскольку дефицит горючего и низкая покупательная способность крестьян создают дополнительные трудности.

Ситуация с доступом к питьевой и поливной воде по всей стране становится критической. Даже в тех местах, где наземные водные ресурсы име-

ются в достаточном количестве, отсутствие инфраструктуры не позволяет эффективно их использовать. За последние годы были реализованы проекты в разных частях Афганистана, над другими, более крупными по масштабам, работа продолжается. Предстоит приложить еще много усилий, чтобы окончательно разрешить эту проблему.

Рассмотрим ситуацию с водопользованием в некоторых провинциях.

Фарах является одной из тех провинций страны, где проблема нехватки питьевой и поливной воды ощущается особенно остро. С каждым годом население сталкивается с большими трудностями. Ситуация осложняется еще тем, что летом температура воздуха поднимается до 45 градусов, что приводит к возникновению и распространению среди младенцев диареи и других видов инфекционных заболеваний. Главная причина дефицита воды — снижение уровня подземных течений. Власти провинции утверждают, что 95% из 650 кярезей (подземные водосборные галереи) высохли. В последние годы идет строительство плотины Бахшабад, с возведением которой надеются, что уровень подземных вод, вероятно, поднимется с 8 до 4 метров¹⁰.

В провинции Нимруз и Гур питьевая вода доставляется в перевозных ёмкостях для продажи. Здесь также в результате повсеместной эксплуатации подземных источников наблюдается снижение их уровня. Практически все родники и колодцы в этих провинциях высохли¹¹. Местные власти предпринимают меры по стабилизации ситуации с открытием доступа к наземным источникам. Афганские власти выделили 12 млн долл. на отвод 45-километрового канала для обеспечения центра провинции Нимруз — г. Зарандж — питьевой водой, однако в течение прошедших четырех лет работы еще не завершились¹². Для решения аналогичных проблем в Гуре реализуется проект, способный обеспечить питьевой водой 2300 хозяйств¹³.

В Сарипуле 60% жителей городских местностей не имеют доступ к чистой воде. Здесь, как и в большинстве провинций, спрос удовлетворяется за счет подземных источников. Было построено 110 средних и глубоких колодцев, планируется возвести еще 300, чтобы удовлетворить спрос населения. В сельских местностях провинции в основном используют родниковую воду, и проблема стоит не так остро, как в центре¹⁴. Порой вред источникам наносят природные стихии, что приводит к негативным для жителей последствиям. Так, в результате селевых паводков в четырех волостях провинции разрушились 305 колодцев¹⁵.

Особенно острая ситуация с доступом к водным источникам сложилась в Кабуле. Осложнилась также и экологическая обстановка в городе. Основная причина — рост численности населения, а также отсутствие необходимой инфраструктуры. В 1961 г. число жителей города составило 400 тыс.¹⁶, в 1979 г. — 919 тыс.¹⁷, по последним данным 2013 г. — свыше 4 млн, а по сообщениям афганских СМИ — свыше 6 млн. По информации Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев, население Кабула ежегодно увеличивается за счет репатриантов и переселенцев на 100 тыс. По их данным, в город ежедневно въезжают 50 семей, состоящих в среднем из 7 человек. Городские власти с имеющимися ограниченными возможностями не спо-

собны обеспечить население всей необходимой инфраструктурой. Сотрудники муниципальных учреждений и организаций не хватает на то, чтобы обслуживать всех жителей города. Число чиновников за последние годы не изменилось и осталось на уровне тридцатилетней давности, в то время как число горожан выросло в четыре раза¹⁸.

Система водоснабжения и канализации афганской столицы со времен 80-х гг. не была усовершенствована, оставшаяся часть морально устарела или вышла из строя. В большинстве районов города санитарные условия не отвечают введенным нормам. По состоянию на 2011 г. только 30% жителей Кабула имеют доступ к чистой питьевой воде. Проблема заключается в том, что параллельно со снижением уровня подземных вод происходит и процесс их загрязнения. Повсеместное несанкционированное строительство влиятельными и состоятельными горожанами ям для сточной воды рядом с колодцами питьевой воды приводит к их загрязнению. Вопросы экологии и загрязнения окружающей среды при этом особо кого-либо не интересуют, когда речь идет о доступе к такому жизненно важному ресурсу, как вода. Власти также фиксируют несанкционированные случаи возведения скважин в коммерческих целях¹⁹, что, по данным санитарных служб города, приводит к вспышкам инфекционных заболеваний²⁰. В результате всего этого Кабул превращается в потенциальный источник распространения различных видов опасных заболеваний.

Отсутствие инфраструктуры и неправильная эксплуатация подземных водных источников ускоряет процесс их загрязнения и окружающей среды. Афганские СМИ следующим образом характеризуют ситуацию в городе: «Безмерное расширение Кабула, перенаселенность и нелегальное строительство жилых домов становятся причиной реальной угрозы для подземных водных течений. Самовольное бурение скважин без координации действий с соответствующими правительственными учреждениями повышает уровень этой угрозы, что в ближайшем будущем может столкнуть Кабул с большими проблемами дефицита подземных водных источников. Их объем оценивается в 32 млн кубических метров, что хватает только на 1 млн человек»²¹.

Для снятия нагрузки с подземных источников и полного обеспечения столицы питьевой водой власти ищут пути использования наземных ресурсов, в основном вод рек. Последние годы идут разговоры вокруг плана строительства плотины Шахтут на реке Майдан, способной обеспечить чистой водой до 9 млн человек, однако практические меры еще не предпринимались²².

С проблемой отсутствия питьевой воды сталкиваются и социальные учреждения, в частности школы. Не везде и не всегда имеется пункт питьевой воды, и в жаркий сезон, когда дети школьного возраста употребляют некачественную воду, это приводит к вспышке таких инфекционных заболеваний, как брюшной тиф, диарея и даже кожных заболеваний.

Подобных примеров можно привести из жизни каждого афганского района, так как по всей стране 40 тыс. деревень страдают от нехватки питьевой воды²³. Однако не везде можно решить проблему дефицита воды при помощи подземных источников. В некоторых местах, особенно в северных

регионах, по данным российских специалистов, грунтовые воды соленые или сильно минерализованы, что не позволяет использовать их в хозяйственных целях²⁴. Однако афганские исследователи с этим не согласны и утверждают, что на севере уровень соли варьируется от 3 до 35 граммов в литре, что позволяет использовать эти воды в целях орошения²⁵.

С подобными проблемами сталкиваются и кочевники, поскольку рост численности населения, заминирование полей, контроль маршрута передвижения племен теми или иными группировками сужают ареал их кочевания. В провинции Вардак, например, начиная с 2007 г., периодически происходят конфликты между кочевыми племенами и оседлыми хазарейцами из-за получения доступа к земельным угодьям. Хозяйства обеих групп являются относительно малообеспеченными. Половина кочевников живет ниже черты бедности. При талибах данный вопрос был разрешен в пользу кочевников, однако в новых условиях власти пока не могут найти выхода из этой ситуации. В провинции Балх кочевые племена помимо того, что влиятельные лица захватывают их пастбища, испытывают дефицит питьевой воды, а зимние морозы осложняют им жизнь. Только в 2013 г. в период холодов они потеряли свыше 20 тыс. голов скота, и каждый год данная проблема возникает вновь. В летний сезон кочевники сталкиваются с нехваткой воды, поскольку, потеряв пастбища, они теряют доступ к источникам питьевой воды, находящиеся там²⁶.

В Афганистане также нерешенными остаются проблемы, связанные с обеспечением населения энергетическими ресурсами, так как повсеместное использование древесины, запасы которой ежегодно сокращаются и находятся на грани истощения, приводит к уничтожению лесных массивов. В годы войны биомасса превратилась в единственный источник энергии для большей части населения. И по сей день, несмотря на негативные последствия рубки лесов, продолжается эффективное использование древесины как энергоресурса.

Более 85% прямого потребления энергии в Афганистане приходится на долю биомассы, из них около 75% — древесины²⁷. Ежегодный объем энергии биомассы (древесина, навоз, солома), используемой в Афганистане, эквивалентен 2,5 млн т нефтепродуктов²⁸, что чуть больше ежегодного импортируемого объема дизельного топлива и бензина.

В середине XX в. общая площадь лесов Афганистана оценивалась в пределах 3,1–3,4 млн га, а за последние 20 лет сократилась в три раза и, по последним данным, составляет всего 1,0–1,3 млн га. Из них 0,5 млн га имеют 10% плотности и 0,05 млн га — 50%. Лесные массивы особо сильно пострадали в период 90-х гг. Интенсивность уничтожения лесов все еще находится на том же уровне и между 2000 и 2005 гг. ежегодные темпы сокращения составили 3%. Основная масса лесов расположена в восточных провинциях — Нуристан, Кунар и Нангархар, — где с 1978 по 2002 г. их площадь сократилась на 50%. Это происходит по двум главным причинам. Во-первых, резкое сокращение объемов добычи каменного угля, природного газа, импорта нефтепродуктов привело к увеличению спроса на альтернативные источники,

главным из которых стала древесина. Во-вторых, в 1992–2002 гг. лес как строительный материал начали всеми возможными путями экспортировать в Пакистан. Сами талибы использовали лесоматериалы как источник дохода. По оценочным данным, объем экспорта составил порядка 50–200 грузовиков в день, или 150–500 тыс. м³ в год²⁹.

За последние 10 лет, несмотря на значительный ежемесячный рост объема добычи угля, сведение лесных массивов продолжается. В провинциях Герат и Бадгис — до 50%³⁰, а по всей стране 75% лесов уже уничтожено. Лес и до сих пор используют не только в качестве топлива, но и продолжают поставлять в Пакистан по контрабандным каналам³¹. В случае двух указанных провинций добавим, что здесь леса состоят из дикорастущих фисташек — одной из основных статей экспорта Афганистана. До 80-х гг. общая площадь составляла 93 тыс. га, из которых к настоящему времени 60 тыс. га сведено на нет³².

Дефицит электроэнергии создает в крупных городах проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды. В том же Кабуле жители в зимний период используют все виды сгораемых материалов, включая пластику, в качестве топливных ресурсов. В результате этого в начале и конце дня город покрывается дымом, на улицах ощущается дефицит кислорода. Афганские источники отмечают, что основную массу жителей столицы составляют переселенцы, и ввиду того, что большинство не знакомо с культурой городской жизни, перед властями города встают вопросы загрязнения окружающей среды и вспышки различных видов заболеваний. Со своей стороны, власти не предпринимают меры по решению этих проблем³³.

В афганском правительстве на всех уровнях обсуждаются вышеуказанные проблемы, но частичные предпринимаемые практические меры пока не приносят ощутимые результаты. Строительство крупных гидросооружений из-за нестабильной обстановки во всех провинциях затягивается, но даже их завершение не приведет к ее нормализации. Проблемы доступа к водным, земельным и энергетическим ресурсам, порожденные ростом населения, могут со временем еще больше актуализировать вопросы, связанные с загрязнением окружающей среды и нарушением баланса в экосистеме. Министерство здравоохранения и представители афганского парламента предупреждают, что при сохранении нынешних темпов через 20 лет численность афганского населения достигнет 60 млн³⁴. Совместно с международными организациями власти проводят семинары на тему планирования семьи, другие соответствующие мероприятия и пытаются оказывать воздействие на демографическую ситуацию в стране. В условиях тотальной безграмотности, особенно среди женского населения, эффект от них будет минимальным.

За последние годы в разных частях страны были осуществлены проекты по строительству ирригационных сооружений, колодцев и иных видов точек доступа к питьевой и поливной воде, построены или установлены электростанции, но кризисная ситуация осталась неизменной. У властей был уникальный шанс, когда силы коалиции взяли на себя частичную заботу по обеспечению безопасности, решить некоторые проблемы, реализовывать

намеченные планы по строительству ирригационных и других объектов. В нынешних условиях с уходом из страны части иностранных подрядных компаний и специалистов, а также сокращением объемов внешней помощи вероятность решения рассматриваемых вопросов снижается.

Примечания

- 1 Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. М., 1973. С. 16.
- 2 <http://www.afghanpaper.com/info/joghrafiya/jameiat.htm>
- 3 Лобашев А.И. Сельское население и сельское хозяйство Афганистана в цифрах. М., 1967. С. 18.
- 4 Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА. Кабул, 1980. С. 1.
- 5 Афганистан сегодня. Справочник. Душанбе, 1988. С. 10.
- 6 Ray S. Fox. Agriculture in Afghanistan's Economy. Agricultural Economist, Foreign Regional Analysis Division, Far East Branch, [б. м.], 1967. P. 1.
- 7 Лобашев А. И. Указ. соч. С. 34, 39.
- 8 Там же. С. 18.
- 9 Там же. С. 39.
- 10 (Со строительством плотины Бахш-абад жители Фараха избавятся от невыносимой жары) www.pajhwok.com 23.07.2013 دنېباى یم تاجن اسرف تقاط یمرگ زا هارف مدرم «دابأ شخې» دنې رامع اې
- 11 (Объявление чрезвычайного положения в связи с нехваткой питьевой воды в Нимрузе) www.bbc.co.uk 29.07.2013 زورم ین رد یندیماشأ بآ اوبېک ېپ رد یرارطضا تیعضو مالع ا
- 12 (Жители Заранджа выражают недовольство в связи с откладыванием проекта подачи питьевой воды) www.afghannews.ir 26.08.2014 یندیماشأ بآ «ژورپ لېمکت مدع ب چرز مدرم ضار تع ا
- 13 (Проблемы дефицита чистой воды жителей Гура решатся при помощи проектов подачи воды) www.pajhwok.com 05.07.2014 دوش یم ل ح یناسر بآ یاه ژورپ قیرط زا روغ مدرم یحص بآ لکشم
- 14 (60% жителей Сарипула не имеют доступ к чистой питьевой воде) tnews.ir 19.11.2014, ۶۰ دنراند ینسر تسد یحص یندیماشأ بآ ب لپرس
- 15 (Сотни домохозяйств в Сарипуле нуждаются в чистой воде) mail.infoafghan.com 03.05.2014, یندیماشأ بآ
- 16 Лобашев А.И. Указ. соч. С.18.
- 17 Краткий статистический сборник. С. 2.
- 18 (Население Кабула ежегодно увеличивается на 100 тыс. человек) tkg.af 04.06.2012, دنباک تیعمج ب نت
- 19 (Загрязнение подземных вод Кабула вызывает опасения) www.dailyafghanistan.com 1390 دلبنس 3 تسا هتخ ینگن ارب ار اهن ارگن
- 20 (Нехватка чистой питьевой воды и отсутствие канализации в районах) www.farda.af ۱۳۹۱ توح ۱۳ قطنم رد نویس از یناناک مدع و یحص
- 21 (40% населения Афганистана не имеет доступ к чистой питьевой воде) www.dailyafghanistan.com ۱۳۹۲ ل م ح ۲۰ دنراند ینسر تسد یندیماشأ یحص بآ ب ناتسن اغفا
- 22 (Официальные лица министерства энергетики и водных ресурсов: для 5 млн жителей Кабула необходимо 150 млн куб.метров чистой питьевой воды) یارب: بآ و ژورن ترازو تامقم (

<http://www.bakhtarnews.com.af/dari/social/item/10900> تسرا زاین یندیماشا ای حص بآب عکم رتم نویلم حاجنپ و دصکی هب لباک رهش مدنشاب نویلم جنپ

23 مردم دصرد لهچ (40% населения Афганистана не имеет доступ к чистой питьевой воде) www.dailyafghanistan.com ۱۳۹۲ لم ح ۲۰ دنرادن یسرتسد یندیماشا ای حص بآب نانتسن اغفا

24 Гарбовский Э. А. Инженерная гидрология рек Афганистана. Ленинград, 1989. С. 17–18.

25 Raphy Favre, Golam Monowar Kamal. Watershed Atlas of Afghanistan. First Edition, Working Document for Planners. Kabul, January, 2004. P. 79.

26 (Убайди: В Балхе влиятельные лица узурпировали сотен джарибов площадей пастбищ кочевников) یدیب ع 28.10.2014. دنادرک ب صغ غلب رد ار اه یچوک یاهرچ لام بی رج ادص نادنمروز: <http://www.radioghaznawyan.com>

27 Technical Assistance to the Islamic Republic of Afghanistan for Preparing the Natural Gas Development Project. Asian Development Bank. October 2005. P. 1; Peter Meisen, Parnijan Azizy. Rural Electrification in Afghanistan How do we electrify the villages of Afghanistan? (PDF doc.). March 2008. P. 5.

28 Afghanistan's environment 2008. United Nations Environment Programme. P. 26.

29 Ibid. P. 16.

30 (Власти говорят, что 50% фисташковых лесов провинций Герата и Бадгиса уничтожены) ۲۷ تسرا دوش دوبان سی غداب و تاره یاه تالی الو رد هتسپ یاه لگن ج دص رد حاجنپ مک دن یوگ یم تام اقم www.tolonews.com ۱۳۸۹ دسا

31 (75% лесных массивов Афганистана уничтожены) 75 دوش دوبان نانتسن اغفا یاه لگن ج دص رد 25.05.2009. www.bbc.co.uk/persian/afghanistan

32 (Лесные массивы Бадгиса находятся на грани уничтожения) رد سی غداب هتسپ تال گن ج www.salamwatandar.com 18.10.2011. تسرا یدوبان فرش

33 (Кабул — город, покрытый дымом) 15, 1393 4.02.2015 <http://www.etilaatroz.com> ولد دود زا مدی شوپ رهش ،لباک

34 (Через 20 лет численность населения Афганистана достигнет 60 млн) «دسر یم نویلم 60 هب رگی لاس 20 ات 23.02.2013 <http://www.dw.de>

*Д.Б. Малышева**

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ КАК ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ НАЦИЯМ-ГОСУДАРСТВАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Резюме. Радикализация ислама — один из серьезнейших вызовов развитию национальных государств в постсоветской Центральной Азии. Это явление подрывает целостность центральноазиатских государств, их светские устои. Для транснациональных организаций, ставящих своей целью образование халифата («Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир», «Исламское государство»), нет понятия «государственные границы», тем более что в Центральной Азии они такие же уязвимые, как на Ближнем и Среднем Востоке. Идеология национализма (этнонационализма) становится в Центральной Азии своего рода противовесом феномену радикального исламизма. Однако и национализм может нести в себе угрозу не менее жестокого насилия, нежели религиозный экстремизм.

Ключевые слова: национальные государства, Центральная Азия, радикальный исламизм, исламистские движения, «Хизб ут-Тахрир», «Таблиги Джамаат», Исламское движение Узбекистана, «Исламское государство».

Summary. The radicalization of Islam is one of the most serious challenges to the development of nation-states in the post-Soviet Central Asia. This phenomenon tends to undermine both the territorial integrity of the Central Asian states and their secular foundations. There is no concept of «borders» for such transnational organizations of the militant Islam as al-Qaeda, Hizb ut-Tahrir, Islamic State and others, which are aiming to create the Caliphate in the areas (Central Asia, the Middle East) with vulnerable state borders. The ideology of nationalism (ethnonationalism) in Central Asia becomes a kind of a counterbalance to the phenomenon of radical Islamism. However, nationalism may lead to violence, no less cruel than religious extremism.

Tags: nation-states, Central Asia, radical Islamism, Islamist movement, Hizb ut-Tahrir, Tablighi Jama'at, the Islamic movement of Uzbekistan, Islamic State.

Проблема радикализации ислама ставится в Центральной Азии на одно из первых мест в ряду вызовов развитию национальных государств. И это не является преувеличением, хотя, разумеется, помимо экстремистских форм ислама, в Центральной Азии формируются и действуют другие его разновидности и течения — ислама умеренного, легального, старающегося вписаться в общественную жизнь.

И, тем не менее, существование религиозно-политических объединений, деятельность которых объективно оказывает деструктивное воздействие на процесс формирования в Центральной Азии национальных государств — объ-

* Малышева Дина Борисовна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

активная реальность, и не считаться с ней было бы ошибочным. О каких же местных и иностранных организациях радикального толка идёт речь применительно к Центральной Азии?

Это — «Братья мусульмане», действующие в странах региона через сеть своих подразделений, таких, например, как «Общество социальных реформ», обнаруженное, в частности, в Южном Казахстане¹. Это — «Товба», «Комитет мусульман Азии», «Адолат» (Справедливость), «Солдаты ислама» (*Islam Lashkarlari*) и другие. Но наибольшую известность приобрела «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения), а также «Таблиги Джамаат» и Исламское движение Узбекистана (ИДУ).

Несмотря на свое палестино-иорданское происхождение и расположенную в Лондоне штаб-квартиру, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (ХТ) глубоко укоренилась в Центрально-Азиатском регионе. Этому благоприятствуют обширные международные ресурсы партии и умелая пропаганда, имеющая в Центральной Азии свою специфику: ввиду того, что технические возможности Интернета в ряде государств региона ограничены, ХТ широко использует такой метод распространения своих идей, как рассылку фотокопий листовок (*shabnama*, или «ночные письма»)².

ХТ выступает за установление в Центральной Азии исламского халифата и введение шариата, и эта организация запрещена, как экстремистская, во всех государствах Центральной Азии, России и Китае. Тем не менее действующие в подполье многочисленные ячейки ХТ представляют для центрально-азиатских властей предмет особого беспокойства, тем более что источники финансирования ХТ остаются неясными. Мно-гие следы ведут к частным донорам в государствах Персидского залива, где, как известно, проживает много выходцев из Центральной Азии, преимущественно узбеков. Обращает на себя внимание, что запрет в Казахстане ХТ сопровождался заявлениями властей о том, что это «помогло закрыть пути, которые использовались для доставки из-за границы денег и литературы, распространяющей экстремистские идеи»³.

Внимания заслуживает и деятельность в регионе «Таблиги Джамаат» (Сообщество проповедников ислама), организационный центр которого находится в Пакистане. Основанное в Индии в 1927 г. под влиянием деобандизма⁴ богословом Мауланой Мухаммадом Ильсом Кандхалави изначально в знак протеста против британского колониализма и с целью укрепления веры среди сторонников ислама, «Таблиги Джамаат» ставит своей задачей распространение ислама во всех уголках мира, намереваясь добиваться объединения мусульман. Последователи движения не занимаются исламским призывом в среде немусульман, атеистов или людей других верований, они работают среди «этнических мусульман», т. е. тех, кто по традиции исповедует ислам. От деобандизма таблигисты восприняли и такой постулат: главное для мусульманина — верность его религии, а лояльность к государству — дело вторичное.

Деятельность «Таблиги Джамаат» одобряется и поддерживается многими авторитетными мусульманскими учеными, которые считают, что «Сооб-

щество» выполняет миссию по возрождению ислама в мире. Однако же на практике это объединение, запрещающее теологические и политические разногласия, обнаруживает нетерпимость к другим формам вероисповедания, в том числе к шиизму. Обвиняют «Таблиги Джамаат», заявляющего о себе как о мирной и аполитичной организации, и в связи с международными экстремистскими организациями, с рядом террористических группировок, такими как «Аль-Каида», «Харкат-уль Моджахеддин» (Движение моджахеддинов), «Харкат-уль-Джихад-е-Ислами» (Движение исламского джихада) и другими, которые, вполне возможно, только использовали «Таблиги Джамаат» в качестве прикрытия для подготовки террористических актов в Пакистане и Индии⁵.

В связи с полной закрытостью «Таблиги Джамаат» в распространении информации о своей деятельности по отношению к нему возникает, в том числе и в Центральной Азии, вполне оправданное недоверие. И хотя таблигисты позиционируют себя как сообщество, которое распространяет ислам мирным путем, движение признано экстремистским и официально находится под запретом на территории США, Российской Федерации, во всех странах Центральной Азии⁶, за исключением Кыргызстана, где число сторонников движения растет. Так, по информации Духовного управления мусульман Кыргызстана, в 2011 г. по всей республике на даават (проповедь) «Таблиги Джамаат» вышло 6270 человек, в 2012 г. таковых было уже 9313, а в мае 2013 г. их насчитывалось уже 1325 человек⁷.

Основанием для запрета «Таблиги Джамаат» в центральноазиатских государствах явились, во-первых, опасения, что обучение молодежи в частных, неподконтрольных властям, медресе Бангладеш и Пакистана может привести в перспективе к их использованию по возвращении на родину для реализации панисламистских целей организации и задач политического характера. Опасение вызывает и угроза вовлечения членов «Таблиги Джамаат» в деятельность по распространению радикальных взглядов, что рождает в Центральной Азии отношение к этой организации как к своего рода площадке для подготовки будущих террористов.

Основанное в 1996 г. на базе движения «Адолат» Исламское движение Узбекистана (ныне — Исламское движение Туркестана) после того, как его выдавили из Центральной Азии, нашло прибежище в Афганистане, и в настоящее время оно базируется в основном в Южном Вазиристане. Не представляя собой единого организационного целого, ИДУ распадается на ряд мелких подразделений, насчитывающих в общей сложности, по некоторым подсчетам, до 2,5 тыс. человек. Свои последние по времени операции в Центральной Азии ИДУ совершило в 2009–2010 гг., взяв на себя ответственность за «баткенские события» — вооруженные нападения на Кыргызстан и Узбекистан. Но и в 2010 г. таджикские власти утверждали, что им пришлось отражать атаки ИДУ в долине Рашт и Хорогане⁸.

Известно также о сотрудничестве ИДУ с движением Талибан и «Аль-Каидой», о вовлечении ИДУ, а также отколовшегося от него Исламского союза джихада (ИСД) в международную джихадистскую деятельность. Так, в начале

октября 2014 г. глава ИДУ Усмон Гози заявил о присоединении организации к боевикам провозглашенного на части территории Сирии и Ирака «Исламского государства» (ИГ); почти весь 2014 г. ИДУ проверяло на прочность туркменские погранотряды в провинции Фарьяб на северо-западе Афганистана на границе с Туркменистаном; от имени ИДУ появилось также видеообращение на казахском языке к жителям региона с призывом нести «пламя джихада» в Россию⁹.

На интернациональный характер деятельности ИДУ и на то, что организация во многом «разбавлена» выходцами из Кавказа, Турции, стран Евросоюза, указывает и работающий в США исламовед Байрам Балджи: «ИДУ сейчас насчитывает больше неузбекских боевиков и даже не среднеазиатских... после тесного сотрудничества с движением Талибан и Аль-Каидой, которое стоило жизни обоим его лидерам (Намангани был убит в 2001 году, а Юлдашев в 2009-м), узбекское ИДУ, кажется, отдаляется от своей первоначальной цели. Оно в некоторой степени абсорбировано своими хозяевами, у которых оно заимствовало цель и стратегию»¹⁰.

Неудивительно, что такой глобалистски-джихадистский вектор деятельности ИДУ/ИСД, получающих подпитку в том числе и из «горячих точек» Ближнего Востока (Сирии, Ирака и пр.), побуждает лидеров центральноазиатских государств со всей серьезностью относиться к проникающей в СМИ информации о планах ИДУ — прорваться в Центральную Азию через Туркменистан, активизироваться затем в Узбекистане, других государствах Центральной Азии, сомкнуться с уйгурскими экстремистскими группировками, являющимися предметом глубокой озабоченности не только Китая, но и его соседей — Казахстана и Кыргызстана.

Вопросы противодействия радикальному исламу приобретают в государствах Центральной Азии особую остроту в контексте выхода на ближневосточную политическую сцену так называемого «Исламского государства». Проекция сирийских и иракских действий «Исламского государства» на Центральную Азию заставляет рассматривать эту экстремистскую и террористическую группировку в качестве серьезной угрозы безопасности Центрально-Азиатского региона.

Если рассматривать ситуацию с радикальным исламом в Центральной Азии по странам, то в **Узбекистане** — самой крупной по числу мусульман стране региона — за годы независимости удалось вытеснить с политического поля практически все основные фигуры исламистского движения, тех, кто хоть как-то пытался политизировать религиозный фактор. Изгнав из страны вместе со своими религиозными противниками и светскую националистическую оппозицию, президентская власть присвоила себе большую часть их националистических идей и пошла на добровольную исламизацию республики с целью противостоять радикальному исламу. Умеренный суннитский ислам, суфизм стали рассматривать руководством Узбекистана как органичный компонент исторической традиции; религия была инкорпорирована в идеологию национализма, получившая в Узбекистане новый импульс в период независимого развития. Традиционные места поклонения мусульман

были взяты под контроль государства, которое всячески способствует их превращению в национальные святыни; власти поддерживают инициативы, связанные с открытием образовательных исламских учреждений — Исламского университета, небольших медресе. Такая политика нацелена на продвижение национальной идеи, имеющей и религиозное измерение, в контексте которого приверженность исламу подразумевает следование исторической традиции, т. е. исповедование умеренного суннитского ислама, аполитичного и уважительного к наследию суфийских братств.

Новый «национальный ислам», где широко присутствуют этнические особенности, достаточно успешно продвигается в **Казахстане**, где до недавнего времени проблемы религиозного радикализма не были особенно ощутимыми. Что касается **Туркменистана**, то это государство, относительно стабильное до 2014 г., рассматривается в 2015 г. как наиболее вероятный претендент на исламизацию извне, или же на «игилизацию» (от ИГИЛ — Исламское государство Ирака и Леванта), как именуют в духе времени такую перспективу Туркменистана некоторые эксперты¹¹.

В отличие от нейтральной Туркмении **Таджикистан** входит в ОДКБ, что повышает его шансы по отражению возможного вторжения извне на территорию страны радикальных исламистских групп. В Таджикистане, однако, существует серьезная угроза подрыва ситуации изнутри. Для противодействия ей предприняты определенные усилия по воспроизводству в Таджикистане турецкой модели взаимодействия государства с исламом. Речь идет о модели институционализации официального ислама, находящегося под контролем светского национального государства и способного конкурировать в идеологическом плане не только с радикальными, несистемными образованиями типа ХТ или же ИДУ, но и со считающейся оппозиционной Партией исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)¹². Такой встроенный в систему государства ислам, воспринимаемый как часть исторического и культурного наследия, рассматривается в Таджикистане и как объединительный механизм, необходимый для формирования таджикской нации, которая придет на смену современного фрагментированного таджикского общества.

Эти планы с известной долей иронии прокомментировал турецкий журналист Ихсан Йылмаз: «Такая официальная версия ислама не станет вызовом государственной идеологии; напротив, она будет работать в ее пользу. По-видимому, по такому же образцу, по какому в Турции создается однородная нация, составленная из достойных турецких граждан — ЛАСТ (Лаицист, Атаюркист, Суннит, Турок), таджикский режим может прибегнуть к использованию предусмотренных грамшистским учением о гегемонии таких инструментов, как система образования, СМИ и церковь, для создания методом социальной инженерии приемлемых таджикских граждан — ТСС (Таджик, Светский, Суннит)¹³. Из этого следует, что реалии, с которыми могут столкнуться власти Таджикистана при попытке осуществить свой проект построения «единой таджикской нации», свободной от влияния религиозного радикализма, может оказаться намного сложнее и противоречивее.

Весьма актуальна проблема противостояния радикальному исламу, угрожающему целостности государства, и в сегодняшнем **Кыргызстане**. По многим показателям эта республика отвечает характеристикам нестабильного государства: низкое качество жизни населения, низкий уровень его доходов, неустойчивая политическая обстановка и острые проблемы экономического развития. Наибольшую опасность для Кыргызстана представляет угроза соединения религиозного экстремизма с сепаратизмом, учитывая сложные отношения между северным и южным регионами страны.

По оценкам экспертов, исламизация Кыргызстана развивается стремительными темпами, превосходящими аналогичные процессы в других странах Центральной Азии. Фиксируемый правоохранительными органами Кыргызстана рост радикальных настроений в обществе сопровождается и растущим количеством религиозных объединений, контроль за деятельностью которых государством не ведется. Опросы показали, что около 50% населения республики поддерживают идею создания исламского государства¹⁴.

Потенциал ислама как мощного средства интеграции общества в Кыргызстане до сих пор не был реализован как на общенациональном, так и на внутринациональном уровнях. Этому во многом препятствует клановое устройство кыргызского общества, региональные трения между Севером и Югом. По некоторым данным, большинство членов «Хизб ут-Тахрир» являются этническими узбеками, хотя число ее членов растет и за счет киргизов. По оценкам киргизских экспертов, в нее входит около 2000 человек, что ставит Кыргызстан на второе место по числу сторонников «Хизб ут-Тахрир» после Узбекистана. В этом заключается главная опасность, так как слабость политической системы Кыргызстана и низкий экономический уровень страны способствуют тому, что радикально-исламистские объединения могут трансформироваться со временем во влиятельную политическую силу, которая может попробовать поиграть и на региональных противоречиях между южанами и северянами.

Монополия южной региональной группы в религиозной сфере Кыргызстана является сложившейся традицией еще со времен советской власти: соседство южных киргизов с таджиками и узбеками, а также тесные связи между этими народами в условиях Ферганской долины предопределило большую, чем на севере, религиозность среди населения. Это, в свою очередь, привело к тому, что практически во всех областях страны, за исключением Таласской, главы мусульманских общин были выходцами из южного региона. И это обстоятельство в действительности во многом раскрывает суть основных региональных противоречий внут-ри кыргызской части мусульманской общины, которые всегда имели не столько теологическое, сколько религиозно-традиционное измерение.

Мусульманская община Кыргызстана с каждым годом все больше становится объектом политического процесса. На волне дальнейших демократических преобразований различные партии весьма активно втягивают мусульман в политическую жизнь республики, и мусульманский ресурс Кыргызстана представляет собой потенциально влиятельную силу, пока еще не

задействованную в полной мере. От того, как и кем этот ресурс будет использован и какую форму может приобрести участие мусульман в политической жизни страны, будет зависеть дальнейшее развитие государства и общества Кыргызстана, особенно в условиях роста политического самосознания мусульман страны и продолжающегося процесса развития ислама.

В целом, с точки зрения руководства центральноазиатских государств, исламистский радикализм — крайне опасное явление. В более общем плане — это подрыв светских устоев, поскольку исламская альтернатива выдвигается в противовес устоявшемуся и в советской, и в постсоветской Центральной Азии светскому вектору развития.

Опасность видится и в том, что для таких транснациональных организаций, ставящих своей целью образование халифата, как «Аль-Каида», ХТ, да и ИГ, нет понятия «государственные границы», тем более что они в Центральной Азии такие же уязвимые, как и на Ближнем и Среднем Востоке. Существующие в современных границах государства всех этих регионов имеют между собой то общее, что возникли они как результат колониального деления, когда границы рисовали произвольно и этнические, национальные связи в расчёт не принимались. В результате разделёнными оказались племена и народы с общей культурой и верой.

Если брать Центральную Азию как сколок условно советской империи, то многие элементы такого искусственного государственного построения здесь налицо. В прошлом административные и во многом условные границы после развала СССР превратились в постсоветской Центральной Азии в государственные, разделив между собой не только людей с общей религией, культурой и историческим прошлым, но и семьи. И в этом смысле процесс самоидентификации народов и, соответственно, наций-государств на БСВ и в ЦА ещё далёк от завершения. Поэтому — если рассматривать такое предположение как гипотезу — проект ИГ представляется не просто попыткой перекроить карту Ближнего Востока и входящие в него страны и регионы, которые потенциально могут быть включены в такой «новый халифат». А это своего рода заявка на новую интеграцию, которая может стать альтернативой западному проекту глобализации, и такая новая интеграция будет строиться на принципах, чуждых либеральным ценностям.

Есть и практический момент. Немалое количество выходцев из Центральной Азии получили и получают в настоящее время боевой опыт в афгано-пакистанской зоне конфликта, на Арабском Востоке. Отследить этих людей крайне сложно, и потому вариант попытки подрыва ситуации в Центральной Азии изнутри с помощью этих сил отнюдь не исключен. Тем более что агитация сторонников радикального исламизма падает в Центральной Азии на благодатную почву. Ей благоприятствуют:

- внутривнутриполитическая и социально-экономическая нестабильность, имеющая такие составляющие, как межэтническая и межклановая напряженность;

- противостояние внутри государств региональных элит и кланов;

— экономический кризис, усугубленный падением в 2014 г. цен на нефть, событиями на Украине, санкционной активностью США/ЕС, направленной против России;

— углубляющийся разрыв в доходах населения, растущие социальные диспропорции, обнищание населения, высокий уровень безработицы, коррупция;

— низкая эффективность государственных структур.

Радикальный исламизм, который готов поднять голову в случае любой политической дестабилизации в центральноазиатских странах, активно использует социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов. Как это видно на примере ближневосточных государств, опора на ислам, в котором самом заложена идея социальной справедливости, часто становится основой окрашенного религиозной идеологией социально-политического протеста, национально-освободительных движений, революций.

Но помимо условий, благоприятствующих распространению в Центральной Азии радикальной исламистской идеологии, есть к этому и серьезные ограничители.

Это — исламизация самих центральноазиатских правящих режимов, которые в борьбе против исламизма не хотели бы выглядеть врагами ислама. Развитию течений умеренного ислама помогают пользующиеся популярностью в Центральной Азии исламские течения из Турции, которые вместе с Диянетом (Diyanet), являющимся официальным органом Турции в области религиозной политики, оставили свой отпечаток на среднеазиатском исламе. За исключением Узбекистана, у которого с Турцией (а также и с Ираном) сохраняются прохладные отношения, все страны Центральной Азии получили поддержку от турецкого Диянета. Активность Диянета и некоторых движений позволили создать в регионе новое поколение религиозной элиты, которая может отражать вызовы радикальных проповедников. Притом что Турция не единственная страна, активно распространяющая в Центральной Азии версию умеренного суннитского ислама, деятельности Турции благоприятствует такой немаловажный фактор, как языковая общность, которая связывает турецкое общество с населением тюркоязычных центральноазиатских республик.

Не столь серьезным, как это иногда представляют СМИ, видится риск исламской радикализации Центральной Азии со стороны Южной Азии, поскольку связи между обеими Азиями все еще очень слабы. К тому же в представлениях жителей Центральной Азии превалирует негативный образ Юга и религиозных течений, приходящих оттуда — из Афганистана и Пакистана, даже из Индии. Если в стародавние времена религиозные отношения между двумя Азиями были интенсивными благодаря наследию Великих Моголов в Индии, то сейчас даже у умеренных исламских течений Индийского субконтинента в Центральной Азии сложилась плохая репутация, что видно по сдержанному приему, который встретил в большинстве стран этого региона «Таблиги Джамаат».

Есть еще и много неясностей относительно того, обладают ли радикальные исламистские движения реальными возможностями для того, чтобы

дестабилизировать государственные системы в Центральной Азии. Ведь не секрет, что угроза религиозного радикализма национальным государствам региона часто используется местными правящими режимами как предлог для ужесточения политического контроля над всеми сферами жизни и (что особенно характерно для Узбекистана и Туркменистана) для политических преследований своих оппонентов.

В отличие от стран Европы, нет и надежных статистических данных о том, сколько человек в Центральной Азии поддерживает салафитские лозунги или даже призывы к вооруженной борьбе — джихаду. Под определение «ваххабизм, как в России, так и в Центральной Азии, попадает слишком много различных групп населения: и консервативно настроенные мусульмане, и исламские фундаменталисты, выдвигающие политические требования, но не поддерживающие насильственный путь их удовлетворения, и, собственно, воинствующие сторонники джихада». На эту специфику религиозно-политической жизни Центральной Азии обращает внимание немецкий политолог из берлинского Фонда «Наука и политика» Уве Хальбах¹⁵.

Что касается феномена ИГ, то он во многом связан с перемещением и концентрацией в том или ином регионе мира глобальных сил суннитского джихадизма. Эти силы меняют места «прописки», концентрируясь в основном там, где имеется достаточное количество раздражителей, где возникают благоприятные условия и среда для достижения успеха. Это также в основном борьба суннитского исламизма с шиитами, которые контролируют центральные органы власти в тех странах, где значительно суннитское население и где сунниты считают себя ущемленными в правах (как в Ираке или в Сирии, притом что причисление алавитов к шиитам можно признать несколько условным). В Центральной же Азии фактор суннитско-шиитского соперничества вообще отсутствует.

Тем не менее потенциально движения радикального исламизма при благоприятном для них развитии событий представляют реальную угрозу для центральноазиатских государств, особенно в тех из них, где политический вакуум — отсутствие светской оппозиции — создает благоприятные условия для распространения течений политического ислама.

Самостоятельно противостоять этому явлению центральноазиатским государствам будет сложно, поскольку идеи, которые проповедуют радикальные исламистские движения, — это идеология, а идеологию может победить только более сильная идеология, например национализм, который способен стать альтернативой радикализму религиозного толка. Ныне политика государственного строительства во всех центральноазиатских странах базируется на принципе этнонационализма. Такие новые национальные государства стремятся как можно дальше уйти от советской эры (которая часто рассматривается ими как колониальная), они все сильнее привержены идее отторжения русской цивилизации и культуры, русского языка. Однако стоит отметить, что такой этнический национализм несет зачатки не менее жестокого насилия, нежели религиозный экстремизм.

Примечания

- ¹ Сатпаев Досым. Центральназиатский террариум // Независимая газета. 13.09. 2004.
- ² McGregor Andrew. Militant Islamist Groups in Central Asia and Their Foreign Contacts / <http://mesbar.org/paper/militant-islamist-groups-centra-asia-external-contacts> (accessed 13.10.2014).
- ³ Там же.
- ⁴ Религиозное течение деобандизм, возникшее в 1867 г. в индийском городке Деобанд, севернее Дели, в медресе Дар уль-Улюм, известно своими ортодоксальными и антизападными взглядами, что дает основание ряду ученых сравнивать деобандизм с ваххабизмом и салафизмом. Последователи деобандистской религиозной школы, не призывая к созданию «исламского государства», выступили в начале 1920-х гг. инициаторами халифатского движения (См.: Ислам на современном Востоке. М., 2004. С. 155).
- ⁵ Алексиев Алекс. «Таблиги Джамаат»: невидимый легион джихада // Отечественные записки. 2003. № 5; Комиссина И.Н. Движение «Таблиги Джамаат»: теория и практика радикализма // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1 (6).
- ⁶ В Казахстане, например, с 26 февраля 2013 г. действует запрет Генеральной прокуратуры на деятельность «Таблиги Джамаат», признанной в республике международной экстремистской организацией.
- ⁷ Вейцель Роман. Правда и вымыслы о «Джамаат Таблиги» на примере Кыргызстана / Ислам в СНГ [сайт], 22.01.2014. URL: <http://www.islamsng.com/kgz/analytics/7471> (доступно 26.04.2015).
- ⁸ Балджи Байрам. Вывод западных войск из Афганистана: Возможные последствия для постсоветских республик Средней Азии / Фергана [сайт], 05.01.2014. URL: <http://www.fergananews.com/articles/8003> (доступно 16.11.2014).
- ⁹ Террористические «шестерки» в колоде Вашингтона / РИА Новости, 14.10.2014. Электронный ресурс: http://ria.ru/cj_analytics/20141014/1028225385.html (доступно 23.11.2014).
- ¹⁰ Балджи Байрам. Там же.
- ¹¹ Михайличенко Дмитрий. «Игилизация» Средней Азии: 50 оттенков чёрного / Однако, 13.04.2015. Электронный адрес: <http://www.odnako.org/blogs/igilizaciya-sredney-azii-50-ottenkov-chyornogo> (доступно 24.04.2015).
- ¹² Последняя выдвинулась на политическую авансцену в годы гражданской войны в Таджикистане в 1990-е гг., а в 2000-е гг. представители ПИВТ какое-то время занимали в парламенте 2 депутатских места (из общих 63), что свидетельствовало не столько о скромной роли партии в политической жизни республики, сколько о непопулярности ПИВТ, воспринимавшейся не как «настоящая» оппозиционная партия, а как проправительственная.
- ¹³ Yilmaz Ihsan. Failure of post-Islamism and construction of official Islam // Today Zaman. 09.10.2012.
- ¹⁴ Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Алматы, 2011. С. 148.
- ¹⁵ Исламский фундаментализм проникает в Центральную Азию / Немецкая волна, 09.01.2014. Электронный ресурс: <http://www.dw.de/a-17348157> (доступно 25.04.2015).

*К.М. Труевцев**

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ УЗЕЛ КАК ЭПИЦЕНТР ПРОТИВОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПАНИСЛАМИСТСКОГО ПРОЕКТА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Резюме. В статье рассматривается региональный конфликт на Ближнем Востоке. Возникший изначально как внутрисирийский, начиная с 2013–2014 гг. он обрел черты регионального. Особую угрозу национальным структурам и всему политическому порядку в регионе представляет возникшее в 2014 г. так называемое Исламское государство. Это политическое образование, оккупировавшее значительные территории Сирии и Ирака, что уже привело к частичному распаду обоих государств, несет в себе угрозу и другим государствам региона. Этот, а также другие факторы противостояния, включая формирование транснациональных политико-конфессиональных «осей» (суннитской и шиитской), фрагментацию обществ региона по этно-национальному и другим признакам, углубляет характер внутрорегиональной конфликтности. В этих условиях распад многих, если не большинства существующих в регионе государств может стать неминуемым.

Ключевые слова: конфликт, региональный, Исламское государство, шииты, сунниты, алавиты, христиане, курды, конфессиональный.

Summary. This article analyses the development of the regional conflict in the Middle East. This conflict that started as an internal one in Syria then, starting from 2013–2014, turned to obtain features of regional. The most important threat comes now to national structures and the entire political order in the region from the Islamic State that appeared in 2014. This political entity that occupied vast areas in Syria and Iraq, the fact that has already led to partial disintegration of both countries, is now threatening to other states of the region as well. This factor in addition to other factors of confrontation such as forming transnational politico-confessional axes (Sunni and Shiite), fragmentation of socio-political according to ethno-national and other features, is deepening the base of regional conflict. In these conditions disintegration of many if not the majority of states in the region may if not the majority of states in the region may turn to be inevitable.

Tags: conflict, regional, Islamic State, Shiites, Sunnies, Alavites, Christians, Kurds, confessional.

Центральным звеном в полосе напряженности, охватывающей сегодня значительную часть исламского мира и прилегающих к нему регионов, является ближневосточный узел, который в нынешнем своем состоянии

* Труевцев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент НИУ Высшая школа экономики, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

претерпел существенные изменения в сторону значительно большей многокомпонентности и меньшей предсказуемости по сравнению с арабо-израильским (сегодня в основном палестино-израильским) конфликтом, существующим со второй половины 40-х гг. XX в. В последние годы эпицентр конфликта сместился на территорию Сирии, а затем и Ирака. На сегодняшний день обе страны выглядят частично территориально и институционально распавшимися, большая часть их пространства охвачена гражданской войной. Общерегionalный характер конфликту придает политико-конфессиональное противостояние, далеко выходящее за рамки отдельных государств. Фактически в регионе сложились межгосударственные суннитская и шиитская «оси», принимающие тотальный характер на региональном уровне. Но наибольшую непредсказуемость дальнейшему ходу развития конфликта придает тот факт, что в центре него оказывается террористическое «Исламское государство», никем извне не контролируемое, самодостаточное в финансово-экономическом и военном отношении.

Это развитие событий чревато дальнейшей эскалацией угрозы как в региональном, так и в более широком плане. Ни одно государство региона не ограждено от реальных угроз внешнего вторжения, вооруженных конфликтов с соседями и внутреннего коллапса. Это относится прежде всего к Турции, Ливану, Йемену, Саудовской Аравии и Израилю. Причем угрозы (в отношении Турции, Ливана, Йемена и Израиля уже частично реализуемые) таковы, что ставят каждое из этих государств в затруднительную ситуацию.

Рассмотрим современный ближневосточный конфликт более подробно, стремясь обозначить его динамику, движущие силы, основные этапы развития, состав его непосредственных участников, региональных и глобальных игроков, прямо или косвенно задействованных в нем, тенденции его дальнейшего распространения, а также исходящие от него реальные и потенциальные угрозы.

Следует отметить, что современный ближневосточный конфликт, в который сегодня прямо или косвенно вовлечены большинство стран региона и эпицентром которого в настоящий момент стали территории Сирии и Ирака, не сразу обрел те черты, присущие ему в последнее время. В своем развитии он прошел ряд этапов, каждый из которых характеризовался изменением его динамики, составом участников и, что особенно важно отметить, последовательной эскалацией и расширением территориальных рамок и количества участвующих в нем сил. Вместе с тем возрастал и характер, и потенциал исходящих от него угроз, в том числе выходящих за региональные рамки.

На первом этапе этот конфликт, начавшийся в Сирии и проявивший себя почти полностью как внутрисирийский, рассматривался большинством экспертов как неотъемлемая часть «арабской весны».

Антиправительственные демонстрации и волнения в Сирии начались 26 января 2011 г., т. е. на следующий день после революции 25 января на площади Тахрир в Египте, причем начались они точно так же, как в Тунисе, Египте, Йемене — с акта самосожжения жителя провинциального города

Аль-Хасаки. Антиправительственные выступления происходили в целом ряде городов, включая столицу, однако вплоть до середины марта они не носили массового характера.

Начиная с 15 марта произошла резкая эскалация конфликта, что уже бывало Сирию из общего временного контекста динамики «арабской весны», поскольку события стали разворачиваться с отставанием от ее апогея в более чем 1,5 месяца. Тем не менее события в пограничном с Иорданией городе Дерья, где восставшие практически овладели городом и удерживали его в течение 2 месяцев, всколыхнули всю страну. Практически сразу вслед за этим восстанием вспыхнули массовые выступления в Дамаске, Алеппо, Хомсе, Хаме и целом ряде других городов и районов страны. Демонстранты требовали отмены чрезвычайного положения, действовавшего в стране без перерыва с 1963 г., проведения политических реформ, в частности легализации реальной многопартийности, свободных и конкурентных выборов, прекращения репрессий, соблюдения гражданских прав и свобод.

Резкая реакция на эти выступления правительственных сил, включая расстрелы демонстрантов, только усилила противостояние оппозиции с правительством, которое, периодически нарастая, продолжалось в течение нескольких месяцев. Так, в начале июня в акциях протеста приняли участие около 3 млн человек. Все чаще стали раздаваться требования отставки правительства и президента Б. Асада.

Начиная с апреля конфликт в ряде провинций и городов, включая Дамаск, стал приобретать вооруженный характер. К лету 2011 г. многие политические деятели и аналитики как внутри Сирии, так и за ее рубежами пришли к выводу, что часы режима сочтены.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на следующие моменты, выявившиеся в ходе нарастания конфликта. Во-первых, начиная с апреля–мая в Дамаске, Тартусе и некоторых других городах прошли демонстрации в поддержку Б. Асада, и они тоже носили массовый характер, что свидетельствовало о наличии в стране серьезной базы поддержки режима. Во-вторых, в конце марта был отправлен в отставку кабинет министров, который до этого практически бесменно управлял страной с 2003 г., а в новый его состав вошли представители умеренной оппозиции левого и либерального толка. Вслед за этим был отменен режим чрезвычайного положения, из тюрем были выпущены многие политзаключенные, смещены многие губернаторы провинций. Президент даже счел нужным признать правоту ряда требований протестантов, извиниться перед семьями погибших, что практически было беспрецедентным в практике авторитарных правителей Ближнего Востока. Эти меры были направлены на расширение социально-политической базы режима и одновременно на то, чтобы стимулировать размежевание в рядах оппозиции, нейтрализовать умеренную ее часть, а в лучшем случае — переманить ее на сторону режима. Не сразу, но постепенно эта политика стала приносить свои плоды.

Размежевание в рядах оппозиции действительно происходило. С лета 2011 г. началось формирование Сирийской свободной армии (Аль-Джейш

ас-сурий аль-хурр), основной костяк которой составили офицеры, дезертировавшие из сирийской армии. К ним либо присоединялись, либо действовали отдельно от них военизированные отряды исламистов, сформировавшихся в условиях подполья, имевшего традиционное влияние в ряде центральных городов страны, прежде всего в Хомсе и Хаме, а также в восточных провинциях.

Что касается умеренной оппозиции, придерживавшейся не вооруженных, а политических методов борьбы, то именно здесь первоначально, в 2011 г., и произошла основная линия размежевания. Первая коалиционная организация, включавшая левые и либеральные силы, в том числе Компартию Сирии — Национальный координационный комитет за демократические перемены (НККДП) — стояла на позициях мирной борьбы за изменение режима. Вторая — Сирийский национальный совет (СНС) — выступала в поддержку Сирийской свободной армии (ССА) и придерживалась вооруженных методов борьбы.

Обращает также на себя внимание и тот факт, что в то время как НККДП был создан и продолжал функционировать на территории Сирии, в первую очередь в ее столице, СНС был создан за рубежом, в Стамбуле, и, несмотря на объявленное стремление включить в свой состав большинство оппозиционных групп, на деле в его состав вошло крайне ограниченное число представителей политических, этнических и конфессиональных групп. Так или иначе, СНС ни на момент своего создания, ни в последующем не смог привлечь в свое руководство ни одной знаковой фигуры, обладавшей достаточным общественным авторитетом и политической харизмой.

Указанные обстоятельства позволили ряду исследователей рассматривать НККДП в качестве «системной» оппозиции, а СНС — в качестве «внесистемной». Это дало режиму Б. Асада возможность маневра, заключавшегося в реальных перспективах расширения своей социально-политической базы за счет постепенного привлечения на свою сторону, по крайней мере, части тех реальных и потенциальных секторов оппозиции, которые действовали в Сирии, и нейтрализации других. Одновременно сирийский режим игнорировал СНС как «внесистемную» оппозицию, созданную за рубежом при участии внешних сил и мало кого представляющей в сирийском обществе. Это стало очевидным в 2012 г., когда начался новый этап конфликта, придавший ему принципиально иные черты, по сути выходящие за сирийские национальные рамки.

Во время перемирия, начавшегося 12 апреля 2012 г., правительству удалось сделать важный шаг на пути внутренней консолидации. 8 мая прошли выборы в парламент, которые впервые после прихода к власти баасистов в 1963 г. проводились на альтернативной многопартийной основе. Несмотря на всю остроту внутреннего конфликта, в них приняли участие более 50% избирателей. Победа блока «Национальное единство» во главе с партией аль-Баас, как и само проведение выборов, укрепили легитимность режима. Правда, это отнюдь не означало перелома в ходе гражданской войны, однако усилило веру режима и его сторонников в такую возможность.

Эти перемены никак не отразились на ситуации вокруг Сирии: внешняя изоляция режима на региональном и международном уровне и поддержка, оказываемая вооруженной оппозиции, нацеленной на его свержение, продолжали нарастать.

В конце 2011 г. под нажимом арабских стран Аравийского полуострова и Персидского залива Лига арабских государств (ЛАГ) объявила эмбарго на торговлю с Сирией.

В начале 2012 г. Великобритания и США отозвали своих послов из Дамаска. Появились сообщения о поддержке вооруженной оппозиции и поставке ей вооружений арабскими странами Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравией и Катаром. Что касается Турции, она с самого начала гражданской войны оказывала поддержку этим силам, ее территория фактически превратилась в основную базу их снабжения, а с конца июня Турция приняла прямое участие в конфликте, включая использование военной авиации, в результате чего над сирийской территорией был сбит турецкий самолет.

Таким образом, в 2012 г. произошла фактическая интернационализация конфликта. Начала складываться региональная и международная коалиция поддержки вооруженной оппозиции и противодействия сирийскому режиму.

В качестве ведущей силы вооруженной оппозиции продолжала рассматриваться ССА. «В военный совет Национальной коалиции входят представители ССА, которая играет ведущую роль в вооруженном сопротивлении режиму Асада», — сообщала Русская служба BBC в ноябре 2012 г. Именно представители ССА объявили 5 июня о прекращении перемирия и возобновлении военных действий.

Середина 2012 г. рассматривалась силами вооруженной оппозиции и поддерживавшими их арабскими и западными странами как решительный перелом в их пользу, предвещающий скорый и неминуемый крах режима Асада. Действительно, в июле бои шли на улицах Дамаска, а в начале августа повстанцам удалось захватить значительную часть северной столицы страны Алеппо.

Вместе с тем именно в этот период в ходе внутрисирийского конфликта произошла первая большая неожиданность, которая вскоре поставила под вопрос всю стратегическую линию действий внешних игроков. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что основной силой в боевых столкновениях оказалась не ССА, а никому неизвестная «Джабхат ан-Нусра» (полное название — «Джабхат ан-Нусра ли ахла аш-Шам» — по одной версии перевода — «Фронт победы народа Леванта», по другой — «Фронт помощи народу Леванта»), которая в действительности оказалась не чем иным, как организацией «Аль-Каиды» в Сирии и Ливане. Силы этой организации стремительно росли, к ней присоединились 12 других группировок исламистской направленности, в том числе «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-Таухид», «Ахрар ас-Сурийя», «Лива ислами», которые до этого действовали под эгидой ССА. Некоторые из них насчитывали от 3000 до 5000 бойцов, а в ходе боев за Алеппо на сторону «Джабхат ан-Нусра» перешла целая бригада самой ССА.

Далее произошло следующее. 11 ноября в столице Катара Дохе была создана Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС). В нее вошли оппозиционные группировки, в том числе СНС. Представители «системной» оппозиции и курдские партии отказались участвовать в НКСРОС. Был создан Военный совет, куда вошли представители ССА.

Уже до конца 2012 г. НКСРОС получила не только фактическое, но и юридическое признание со стороны ряда арабских и западных стран, выразившееся и в том, что в ЛАГ она оказалась единственным представителем Сирии. Признание НКСРОС означало также и международное признание ССА, поскольку именно она рассматривалась как единственная реальная сила, представляющая НКСРОС внутри Сирии. Однако она уже не была ведущей силой вооруженной оппозиции. А «Джабхат ан-Нусра», которая такой силой уже стала, выразила свое отношение к НКСРОС вполне определенно, назвав коалицию «предательской организацией», подчиняющейся интересам США и других западных стран.

Отношение же западных стран (как и международного содружества в целом) к «Джабхат ан-Нусра» проявилось достаточно определенно. Она была признана террористической организацией: США — в декабре 2012 г.; ООН — в мае 2013 г.; Австралией — в июне 2013 г.; Великобританией — в июле 2013 г.

Отношение региональных сил «Джабхат ан-Нусра» было не столь однозначным. Представители нефтяных монархий официально не признали его террористической организацией, а неофициально некоторые выражали несогласие с «наклеиванием на муджахедов ярлыка террористов», по крайней мере до тех пор, пока не выявились их самые одиозные действия вроде проявлений каннибализма. Турция официально присоединилась к признанию «Джабхат ан-Нусра» террористической организацией, однако именно через ее территорию ему поставляется вооружение. К тому же из Турции на территорию Сирии проникают наемники из арабских и других мусульманских стран, а также из стран Запада и республик бывшего СССР, включая Россию.

Однако Запад и региональные режимы сделали ставку на ССА, а главным бенефициаром событий стали вовсе не представляемые ею либеральные и умеренные исламские круги, а радикальные исламисты, представлявшие в тот момент «Джабхат ан-Нусра». Для того чтобы не только понять, почему так получилось, но и проследить, каким образом это сказалось на дальнейших поворотах конфликта, уместно рассмотреть не только конспирологические, экономические и другие подобные мотивации внешних игроков сирийского конфликта, но и обратить внимание на их политические цели, поскольку именно на основе их анализа и выявляется, «что пошло не так».

Запад, в первую очередь США и следовавший за ними англо-французский альянс (но отнюдь не ФРГ, имевшая отличную от них позицию), стоял практически на единой платформе, выработанной прежде всего в ряде «мозговых центров» Соединенных Штатов. Эта платформа сочетает подходы как республиканцев, так и демократов (включая концепцию Большого Ближнего Востока, подходы к умеренному и радикальному исламу, концепцию «управ-

ляемого хаоса» С. Манна, концепцию «волн демократизации» С. Хантингтона, концепцию «мягкой силы» и, наконец, инструментальную концепцию «нена- сительственного сопротивления» Дж. Шарпа).

Среди последних рассматривалась как наиболее вероятная и продуктив- ная возможность союза либерально-демократических и умеренно исламист- ских сил в качестве основы будущей политической архитектуры если не всех, то, по крайней мере, большей части ближневосточных обществ. Ставка на умеренный исламизм подогревалась примером Турции, а также надеждой на то, что соединение сегментов гражданского общества с умеренным ис- ламизмом не только приведет последнего к постепенной эволюции в обще- гражданском контексте, но и станет противоядием против радикальных ис- ламских течений, включая «Аль-Каиду». Заметим, что этот подход породил в консервативных американских кругах определенную иллюзию: почему бы в отдельных случаях не попытаться использовать радикальные исламистские элементы как инструмент разрушения авторитаризма на благо демократии, хотя бы на короткое время? Ровно в этом контексте рассматривались и со- бытия в Сирии: казалось, стоит чуть надавить, поддержать выступающие про- тив режима силы, и оппозиция свергнет авторитарную власть и установит гражданский демократический режим с элементами умеренного исламизма.

Мотивации региональных игроков были значительно проще. Среди них стоит выделить Турцию, Саудовскую Аравию, Катар и Израиль.

В Турции «арабская весна» была встречена с особым энтузиазмом. Ка- залось, страна, как во времена К. Ататюрка, вновь показывает дальнейший пример поступательного развития для стран Ближнего Востока, однако с той разницей, что это путь не вестернизации, а возвращения к истокам с ис- пользованием западного опыта. Ситуация породила также и возникновение некоторых паносманистских иллюзий, выразителем которых стал тогдашний министр иностранных дел, а в дальнейшем — пре-мьер-министр А. Давутоглу.

Турция ощутила себя в авангарде политического процесса на Ближнем Востоке. Это не могло не сказаться на ее политике в отношении соседней Си- рии, тем более что силы сирийской оппозиции получили поддержку в Турции, чем она и не преминула воспользоваться. Это выдвинуло ее в авангард реги- ональных держав, оказывающих поддержку сирийской оппозиции вплоть до того, что в сентябре 2012 г. дело дошло до прямого столкновения, грозивше- го перерасти в турецко-сирийский военный конфликт.

Что касается Саудовской Аравии и Катара, то победа исламистских сил рассматривалась ими не только как возможность усиления своих позиций на Ближнем Востоке, но и демонстрации своей политической модели в качестве истинной. В этом контексте Сирия рассматривалась Саудовской Аравией и Катаром в качестве основного препятствия для утверждения своей роли в регионе.

Теперь посмотрим, как этот пазл совпадающих интересов стал рушиться уже в конце 2012 г.

1. «Арабская весна» в целом вышла за границы представлений о повсеместной, а тем более устойчивой победе коалиции либерально-де-

мократических и умеренно-исламистских сил как модели поступательного социально-политического развития ближневосточных обществ. Единственным исключением, где такая модель оказалась жизнеспособной, стал Тунис. В Египте такая коалиция уже фактически развалилась. «Братья-мусульмане» как победители, получившие все (и большинство в парламенте, и президента), стали устанавливать порядки не только без оглядки на вчерашних союзников, но и на собственные умеренно демократические лозунги недавнего времени, результатом чего стала нарастающая волна общественного недовольства. В Ливии развалилась не только наспех сколоченная лоскутная коалиция различных сил, но и само государство.

2. Отличие Сирии, как к этому времени уже окончательно выяснилось, состояло не только в отставании процесса по фазе по сравнению с другими странами, где разворачивалась «арабская весна». Вся структура и динамика процесса были иными. Так, кульминация событий пришлась не на центр, а на периферию, центр оказался на стороне режима и был потерян для оппозиции. Процесс размежевания, который вначале обозначался как тотальный, при нарастании событий в большей степени захватывал оппозицию, чем режим. При этом оппозиция все более радикализировалась, причем в неприемлемом для Запада крайне исламистском направлении, в то время как Запад с явным опозданием по фазе продолжал поддерживать либерально-исламистскую коалицию, уже когда под этой коалицией расплзалась социально-политическая почва.

3. Турецкие региональные амбиции в 2012 г. в целом еще представлялись оправданными. Существенная переориентация Турции с вектора европейской интеграции на ближневосточное и — более широко — панисламское направление, которая обозначилась с самого начала прихода к власти Р. Эрдогана и руководимой им Партии справедливости и развития, к этому времени принесла определенные результаты. Позиция страны в исламском мире в целом и на Ближнем Востоке в особенности значительно укрепилась.

Однако тот же 2012 г. показал и ограничители на пути «триумфального турецкого марша» в регионе, каким он стал видеться некоторым политикам в Анкаре, хотя эти ограничители в это время оказались там практически незамеченными.

4. Если по поводу западных держав еще можно утверждать, что они плелись в хвосте внутрисирийских событий, продолжая делать ставку на «умеренную оппозицию», то ведущих региональных игроков, таких как Саудовская Аравия и Катар, вряд ли можно заподозрить в том, что они не понимали, что на самом деле происходит. Поэтому, когда они инициировали создание НКСРОС в Дохе, с достаточной долей очевидности можно предполагать, что с их стороны речь шла об азартной игре по дальнейшей эскалации конфликта: НКСРОС в этом случае была уготована лишь роль «крыши», через которую будет оказываться поддержка, а реальная ставка была сделана на радикальную оппозицию в лице «Джабхат ан-Нусра». вряд ли они при этом полностью адекватно оценивали все региональные последствия эскалации конфликта, которая в этом случае должна была произойти, и совершенно

очевидно, что они явно переоценивали степень своего контроля над этой радикальной исламистской организацией. Но расчет на то, что через дальнейшую радикализацию конфликта по ливийскому сценарию им удастся вовлечь Запад, был достаточно реалистичным и, как показали дальнейшие события, весьма близким к реальному воплощению.

Переход к следующей фазе конфликта в 2013 г. был обусловлен рядом внутрисирийских и региональных факторов и событий, придавших ему полноценные черты уже не внутривосточного, а регионального конфликта.

Что касается событий внутри Сирии, то здесь произошли достаточно быстрые изменения. Во-первых, режиму удалось показать себя защитником всех конфессиональных меньшинств, прежде всего христиан и друзов, за счет чего его номинальная конфессиональная база возросла примерно вдвое — почти до 30%. Во-вторых, его действия были направлены на то, чтобы расколоть суннитское большинство. Помимо достаточно эффективных политических мер, о которых уже говорилось выше, существенную роль в этом отношении призван был сыграть и действительно сыграл курдский фактор.

Уже на начальной стадии конфликта, в апреле 2011 г., Б. Асад встретился с рядом курдских лидеров, и по итогам этой встречи был издан президентский указ о предоставлении сирийского гражданства курдам, проживающим в северо-восточной провинции аль-Хасика. Он коснулся немало числа курдских граждан — 150 тыс. человек. Это свидетельствовало о готовности режима идти по пути дальнейшего расширения прав курдов в направлении автономии. После этого чаша весов в курдском общественном мнении, колебавшемся между режимом и оппозицией, качнулась в сторону сотрудничества с режимом.

Следует отметить, что курдский вопрос здесь имел двойное значение, поскольку он касался не только борьбы с оппозицией, но и сирийско-турецкого противоборства. Для курдов это соперничество в любом случае оборачивалось усилением позиций и в Сирии, и в Турции. Но сирийский режим в разыгрывании курдской карты не только опережал турецкое руководство по времени, но и по политической фазе.

Это стало особенно очевидно в 2012 г. Уже с начала года поддержку режиму стала оказывать крупнейшая партия на сирийской территории — Курдский демократический союз (КДС), тесно связанная с турецкой Рабочей партией Курдистана. В июле 2012 г. из Сирийского Курдистана были выведены правительственные войска, что открывало путь не только для формирования курдской администрации (этот процесс подспудно начался до этого), но и для фактического установления курдской власти в районах Сирийского Курдистана. Иначе говоря, без формального объявления автономии процесс автономизации курдов уже пошел. К началу 2013 г. курдский фактор стал играть существенную роль в том серьезном переломе, который стал складываться на фронтах гражданской войны.

Уже в конце 2012 г. и в начале 2013 г. произошли вооруженные столкновения между курдами и исламистами, причем не только в пограничных курдских районах, но и в Алеппо. Ответные зверства боевиков «Джабхат ан-Ну-

сра» по отношению к мирному курдскому населению привели к тому, что курды стали перекрывать пути их снабжения с территории Турции.

Изменение соотношения сил сказалось и на значительной части арабского суннитского населения. Около трех миллионов сирийцев, преимущественно суннитов, эмигрировали в сопредельные районы Иордании, Турции и Ливана. Но социальная база поддержки оппозиции сужалась не только за счет этого. У многих граждан, в том числе и принадлежащих к суннитской конфессии, несмотря на неприятие сирийского режима, действия исламистских боевиков вызывали растущее отторжение.

На этом фоне началось активное наступление сирийской армии на целом ряде фронтов, чему способствовало также изменение тактики действий вооруженных сил. От попыток фронтального наступления они перешли к концентрированным ударам по скоплению боевиков и использованию полувоенных мобильных формирований партизанского типа, чьи действия оказались особенно успешными в условиях городской войны в Дамаске и Алеппо.

Дамаск, за исключением некоторых пригородов, оказался практически полностью освобожден от исламистских сил, в Алеппо также был достигнут серьезный перевес.

В юго-западных районах страны на помощь сирийскому режиму выдвинулись боевые отряды «Хезболлы», имеющие длительный боевой опыт гражданской войны в Ливане. Нанеся серьезный урон исламистским отрядам, они фактически изменили соотношение сил в пользу сирийского режима в этой части страны и почти полностью перекрыли пути снабжения суннитских боевиков с территории Ливана. Таким образом, стратегическое соотношение сил к лету 2013 г. изменилось в пользу режима Б. Асада: хотя в чисто географическом отношении большая часть страны по-прежнему контролировалась боевиками «Джабхат ан-Нусра», это были преимущественно районы Сирийской пустыни. Что же касается наиболее населенных районов центра, севера и запада страны, то здесь военно-политическое превосходство режима стало очевидным.

Существенно менялась и ситуация вокруг Сирии. В Египте после массовых антиправительственных выступлений, начавшихся 30 июня, армия встала на сторону восставших против правления «Братьев-мусульман», и 3 июля президент М. Мурси был низложен. К власти фактически пришла армейская верхушка во главе с генералом А.Ф. ас-Сиси. В отношении Сирии это означало, что Египет «выпал» из общего антисирийского фронта, и хотя новое египетское руководство не перешло на позиции открытой поддержки сирийского режима, по крайней мере, помощь сирийским исламистам и отправка добровольцев в их ряды со стороны Египта прекратилась (а стало быть, стало гораздо сложнее прибывать на территорию Сирии также и боевикам из Ливии, Алжира и других североафриканских стран).

Изменилась также и обстановка в Турции. С конца мая в Стамбуле начались серьезные волнения на площади Таксим, которые вскоре перекинулись на большинство крупнейших городов страны. Массовые выступления продолжались спорадически в течение двух месяцев и прекратились только

в конце августа. Причем спустя три месяца они вспыхнули с новой силой, хотя и с несколько иной мотивацией, получив продолжение уже в следующем 2014 г.

Ирония истории здесь заключается в том, что если название главной египетской площади Тахрир означает в переводе с арабского «освобождение», то значение стамбульской площади Таксим — «раскол». Не говоря уже о том, что волнения в Турции происходили параллельно с переменами в Египте, свидетельствующими о произошедшем в обществе расколе между силами, участвовавшими в «арабской весне», в самой Турции они ознаменовались несколькими линиями общественно-политического раскола. Причем эти линии раскола не только имели отношение к развитию сирийского кризиса, но в какой-то мере и сами отражали, будь то прямо или косвенно, отношение значительных сегментов турецкого общества к сирийским событиям.

Первая линия раскола — между сторонниками правящей исламистской партии и «кемалистами» в самом широком смысле, т. е. сторонниками светского республиканского правления, в чьих рядах оказались и анархисты, и коммунисты, выступившие вместе с экологами застрельщиками протеста.

Вторая линия раскола — между турками и курдами: последние активно использовали участие в протестах для продвижения своих целей.

Третья, совершенно новая, линия раскола выявилась в рядах самих исламистов между сторонниками Р. Эрдогана и сторонниками стоявшего у истоков современного исламистского движения в Турции религиозного мыслителя и политического деятеля Фетхуллаха Гюлена, считавшего, что Р. Эрдоган свернул с дороги «правильного» просвещенного турецкого исламизма.

Наконец, четвертая, также совершенно новая в политическом контексте линия раскола — между суннитским большинством и турецкими алевитами, впервые выступившими в ходе этих событий как самостоятельная политическая сила.

В контексте сирийского конфликта здесь необходимо отметить вот что. Если курды по уже во многом объясненным причинам не только ослабляли линию Турции в сирийском кризисе, но и предвосхищали одну из линий его возможной регионализации в турецком направлении, то позиции, заявленные гюленистами и алевитами нанесли по ней не менее серьезный удар. Первые заявили о том, что политика Турции в отношении Сирии является в корне неверной и ее необходимо пересмотреть в сторону восстановления отношений с сирийским режимом. Вторые прямо выступили на стороне Б. Асада и выразили готовность любыми средствами поддержать сирийский режим.

Позиции всех трех сил достаточно значимы как в социально-демографическом, так и в политическом смысле. По разным оценкам, курды составляют от 15 до 20 млн из 73-миллионного населения Турции, алевиты — до четверти населения. Гюленисты проявили себя как значимая политическая сила не только в 2013 г., но и в течение всего 2014 г.

Хотя Р. Эрдогану как блестящему политику удалось успешно выйти из всех перипетий двух лет почти непрерывных волнений, эти позиции не могли не

наложить отпечаток на роль Турции в сирийском конфликте, практически они почти нейтрализовали ее роль в нем.

Таким образом, ко второй половине 2013 г. не только внутренняя обстановка в Сирии, но и международная обстановка вокруг нее стала складываться в пользу режима Б. Асада:

— внутри страны на целом ряде фронтов режиму удалось потеснить силы оппозиции. Победа внутри нее наиболее одиозных радикальных исламистских сил, связанных с «Аль-Каидой», ставила под сомнение дальнейшую возможность их поддержки не только со стороны Запада, но и арабских режимов;

— в региональном плане началось практическое складывание шиитской «оси» не только в виде прямого участия «Хезболлы» на стороне сирийского режима, но и в военно-политической поддержке ему со стороны Ирана, что было бы вряд ли возможно, если бы не молчаливое участие в этой поддержке иракского режима во главе с шиитским премьером Нури аль-Малики. Кроме того, стал достаточно очевидным и общекурдский консенсус в виде формально позитивного нейтралитета в отношении сирийского режима при очевидной, в том числе военно-политической, поддержке, оказываемой иракскими и турецкими курдами своим сирийским собратьям. Это также шло на пользу сирийскому режиму, а не вооруженной оппозиции;

— что касается сопредельных с Сирией суннитских стран, то Турция, как уже было показано, оказалась к середине лета 2013 г. практически нейтрализована, ливанские сунниты не могли оказать эффективной военной поддержки сирийской оппозиции, будучи блокированы «Хезболлой», а Иордания, несмотря на то что на ее территории шла интенсивная подготовка отрядов вооруженной оппозиции, вовсе не горела желанием прямо ввязываться в конфликт.

Именно в этой обстановке произошло событие, грозившее новым существенным поворотом в развитии конфликта. 21 августа в ряде западных и арабских СМИ появилось сообщение о применении химического оружия в пригороде Дамаска. В этом был обвинен сирийский режим. 30 августа президент США Б. Обама заявил о возможности нанесения военного удара по Сирии после 9 сентября. При этом следует отметить, что турецкий премьер-министр Р. Эрдоган призвал США не ограничиваться только воздушным ударом, а начать военное наступление. Началось сосредоточение американских военно-морских сил в Средиземном море. Готовность поддержать США в случае военной операции выразила также Франция (Германия и Великобритания от такой поддержки воздержались).

Таким образом, возникла реальная опасность интернационализации конфликта по сценарию, близкому к ливийскому или даже с угрозой более непосредственного и интенсивного участия в нем США и некоторых из их союзников.

Как известно, такой эскалации конфликта удалось избежать в первую очередь благодаря позиции России и личным переговорам между В. Путиным и Б. Обамой во время саммита «двадцатки» в Санкт-Петербурге в сентябре

2013 г., в результате чего стало возможным разблокирование ситуации путем достижения договоренности с сирийским правительством о ликвидации химического оружия.

Несмотря на то, что наиболее опасная линия развития конфликта по пути его прямой интернационализации была предотвращена, в 2013 г. стало очевидным, что конфликт из внутрисирийского приобрел масштабный региональный характер.

На стороне оппозиции в возрастающих масштабах стали сражаться наемники из арабских и других мусульманских стран, а также мусульмане из стран Запада и СНГ, включая Россию. Уже в 2013 г. их количество стало исчисляться тысячами. Они получили военную и финансовую поддержку не только от общественных фондов и финансовых кругов ряда нефтедобывающих арабских стран Персидского залива, но и от правящих режимов Саудовской Аравии и Катара.

Во второй половине 2013 г. на сирийском театре военных действий помимо «Джабхат ан-Нусра» появились боевики действовавшей до этого в основном в иракской провинции аль-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака организации под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Созданная в 2012 г. на базе иракского отделения «Аль-Каиды», активно действовавшего в стране уже в течение десятилетия, она заявила о себе как структура, несущая прямую угрозу существованию уже двух государств.

Поскольку ее деятельность, с точки зрения алавитов и шиитов, носила ярко выраженный суннитский оттенок, в регионе стала формироваться противостоящая ей шиитская «ось». Помимо уже упоминавшегося участия боевых отрядов «Хезболлы» в вооруженной борьбе на стороне сирийского режима, осенью 2013 г. появились сообщения о направлении в Сирию на помощь режиму Б. Асада из Ирана четырех тысяч бойцов Корпуса стражей исламской революции. Кроме того, ряд источников сообщал о том, что на стороне сирийского режима сражаются боевые отряды иракских шиитов, находящиеся в подчинении Муктады ас-Садра — наиболее воинственного лидера шиитов Ирака.

Таким образом, в регионе в рамках вооруженного противостояния сложились две противоборствующие политико-конфессиональные «оси» — суннитская и шиитская, и это противостояние представляло потенциальную угрозу тотального распространения конфликта на уровне региона.

На рубеже 2013–2014 гг. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, предвещала развитие дальнейших событий именно по пути усиления противоборства этих двух региональных политико-конфессиональных «осей», причем с перевесом в пользу шиитской. В пользу этого свидетельствовали и события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ, унесшие, по некоторым данным, около 2000 жизней их участников, ослабляли общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволяли вооруженным силам сирийского режима развивать успешные наступления на их позиции. Успех ИГИЛ в

противоборстве со своими радикальными конкурентами также был на руку и сирийскому, и иракскому режиму, тем более что руководство «Аль-Каиды» в лице Ай-мана аз-Завахири оказывало однозначную поддержку «Джабхат ан-Нусра», признав его в качестве единственного своего легитимного филиала в Сирии, одновременно отказав в подобном статусе ИГИЛ.

При достаточной координации усилий между руководством Сирии и Ирака создавались условия для нанесения ими совместного решительного удара прежде всего по ИГИЛ, что могло бы способствовать достижению стратегического перевеса в противоборстве с радикальными исламистами в обеих странах. Надо сказать, что ряд таких совместных ударов на пограничных территориях был действительно нанесен. Речь прежде всего идет о воздушных налетах на позиции ИГИЛ на пограничных территориях Ирака.

Однако в начале лета 2014 г. ситуация стала стремительно меняться. 10 июня силами ИГИЛ был захвачен крупнейший город Северного Ирака Мосул, вскоре после этого в их руках оказался родной город Саддама Хусейна Тикрит. Войска исламистов быстро приближались к столице страны Багдаду, от которого к концу июня их отделяло не более 80 километров. Регулярная иракская армия в ходе этого наступления оказалась практически разгромленной.

Несмотря на то что дальнейшее продвижение на Багдад было все же остановлено, причем усилиями не столько регулярной армии, сколько радикальных шиитских групп, обширные территории, захваченные ИГИЛ на территории Ирака, а также Северной и Восточной Сирии, позволили группировке объявить себя состоявшимся государством. 29 июня вместо прежнего названия ИГИЛ было провозглашено создание Исламского государства (уже без территориальной привязки) в форме халифата.

По поводу неожиданного успеха ИГИЛ существует целый ряд попыток объяснения этого феномена. Большинство из них носит конспирологический характер. В основном они сводятся к тому, что исламисты были накачаны оружием и деньгами Западом, прежде всего США, а также их региональными союзниками — Саудовской Аравией, Катаром, Турцией (некоторые добавляют в этот ряд также Израиль). После массированного притока наемников как из исламского мира, так и из стран Европы, Америки, постсоветского пространства ИГИЛ оказалось в состоянии превратить это количественное накопление в новое качество, за счет чего и произошел этот экспансионистский взрыв.

Почти все перечисленные компоненты количественного накопления ресурсов так или иначе действительно имели место. Однако, как и все, подобные простейшие, лежащие на поверхности объяснения не дают ответа на ряд не менее простых вопросов. А они существенны.

Во-первых, почему этот успех достался наиболее радикальным, по сути антизападным (и даже антитурецким, антисаудовским, и уж точно антиизраильским) исламистам, а вовсе не силам НКСРОС, которых как раз и накачивали и деньгами, и оружием почти все перечисляемые страны?

Во-вторых, почему боевики из умеренных исламистских организаций массово перебежали в лагерь наиболее радикальных, антизападных, антитурецких и антисаудовских исламистов?

В-третьих, почему успех в противоборстве радикальных исламистских сил достался не более «сирийской» «Джабхат ан-Нусра», а более «иракскому» ИГИЛ, даже несмотря на поддержку первой со стороны руководства «Аль-Каиды»?

И наконец, в-четвертых, почему после явного перевеса, достигнутого в военной конфронтации с «Джабхат ан-Нусра», силы ИГИЛ двинулись вовсе не на Дамаск, а на Багдад?

Ответы на эти вопросы на самом деле есть. Первый и главный из них заключается в самостоятельности, самодостаточности, в том числе ресурсной, радикальных исламистских организаций.

Самодостаточность зиждется прежде всего на самом исламистском проекте. Уже сетевая структура «Аль-Каиды» использовала с совершенно современным наполнением ряд структур, заимствованных из исторического опыта Арабского халифата, таких как джамааты (небольшие вооруженные группировки боевиков), имараты (военно-административные единицы на различных территориях во главе с боевым командующим — амиром) и пр. Эти структуры и сегодня продолжают существовать как на территории исламского мира, так и в странах, входящих в понятие «Дар аль-харб» («Страна врагов»), включая многие государства Америки, Европы, Азии, Африки, постсоветского пространства, где присутствуют мусульманские диаспоры. Все это уже составляет достаточные точки притяжения для неудовлетворенных своим положением и существующим порядком в странах своего проживания мусульман, включая неофитов.

Идеологический и организационный компоненты (начиная от проповедей радикальных носителей идеологии исламизма и заканчивая вовлечением людей в боевые группы) создают основу главного, человеческого, ресурса радикальных организаций, боевой костяк которых первоначально составляли те, кто приобрел опыт сражений в Афганистане, а затем пополнялся воевавшими в Боснии, Алжире, Чечне и других частях мира. Помимо боевого опыта они отличаются чрезвычайной мобильностью, мотивированностью и нацеленностью исключительно на войну, поскольку это стало их единственной профессией.

Особо следует сказать о финансовом ресурсе. Базовой основой финансовых ресурсов боевых радикальных исламистских групп, начиная с «Аль-Каиды», стала «аль-хавалья» — финансовые потоки, формирующиеся из добровольных, но фактически обязательных ежемесячных взносов мусульман на благотворительность. Именно благодаря тому, что У. бен Ладену еще в годы афганской войны удалось оседлать значительную часть этого обезличенного финансового ресурса, исчисляемого миллиардами долларов и неподдающемуся никакому внешнему контролю, «Аль-Каида» превратилась в могущественную глобальную организацию. Если к этому прибавить огромные ресурсы мусульманских благотворительных фондов, контролируемых сочув-

ствующими радикальному исламу религиозными финансистами в таких странах, как Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Кувейт и ряд других мусульманских государств, становится понятным, что не только «Аль-Каида», но и такие организации, как «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ (которые были созданы на базе филиалов «Аль-Каиды»), изначально обладали достаточными финансовыми ресурсами, чтобы обеспечивать регулярных бойцов и новобранцев, осуществлять вербовку новых боевиков и закупать оружие, достаточное для ведения крупномасштабной сухопутной войны.

Поэтому представления о том, что эти группировки удастся поставить под контроль политически или экономически, будь то через финансовую подпитку по официальным или полуофициальным каналам, поставку оружия или через разведывательные структуры, будь то ЦРУ или саудовская разведка, оказались не более чем иллюзией. Разумеется, исламисты не отказывались от подобной помощи, но это никак не определяло существа и направления их действий.

Победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусра» (разумеется, не окончательная и неполная, но такой цели, очевидно, и не ставилось) объясняется, на наш взгляд, двумя факторами, на которые поначалу практически никто не обратил внимания.

Первый заключался в том, что эта группировка изначально объявила себя государством, причем государством юнионистским, к тому же уже действуя на территориях обоих государств, заявленных в ее названии — Сирии и Ирака. Это привлекало как исламистов, для которых идеал исламского государства, кажется, становился близок к реальному воплощению, так и юнионистов, для которых идеалы панарабизма оставались актуальными, пусть и в радикальном исламистском варианте.

Второй фактор заключался в более качественном военном руководстве и планировании, другом качестве осуществления военных операций.

Это не было еще столь очевидным на сирийском театре, однако в полной мере проявилось в ходе иракского блицкрига, когда с ходу был взят Мосул, затем Аль-Багдади и Тикрит, и судьба Багдада, казалось, висела на волоске.

Одной из главных причин этого успеха стало то, что впервые за все время существования постсадамовского Ирака произошло соединение двух главных оппозиционных сил суннитского ареала — радикальных исламистов бывшей «Аль-Каиды» в Ираке и баасистского партизанского движения, которые до самого недавнего времени не только действовали разрозненно друг от друга, но и изначально отличались крайней взаимной враждебностью.

Одним из главных мотивов этого объединения стала общая угроза, исходившая из того, что наметившаяся координация действий сирийского режима с правительством Н. аль-Малики (при прямом или косвенном участии Тегерана) может привести к разгрому и тех и других. Более того, шиитская «реконкиста», затронувшая не только районы южнее Багдада, но и саму столицу, несла потенциальную угрозу суннитской общине Ирака как таковой. Об этом свидетельствовали не только действия Н. аль-Малики, ограничивавшие

роль суннитов в политическом пространстве, но и удары, наносившиеся по суннитским племенам в провинции Аль-Анбар.

К тому же к этому времени были амнистированы некоторые военные руководители, занимавшие различные посты в армии и особенно в Национальной гвардии в период правления Саддама Хусейна, осужденные в рамках кампании дебаасизации. Многие из них примкнули к подпольной вооруженной оппозиции. Именно это, при соединении структур ИГИЛ со структурами баасистского партизанского движения, и дало ту синкретику, которая стала залогом их успеха в ходе кампании по захвату большей части «суннитского треугольника» в западной и центральной частях страны.

Создание халифата на захваченных исламистами территориях Сирии и Ирака создало принципиально новую ситуацию в регионе.

Прежде всего следует отметить, что Исламское государство (ИГ) в форме халифата впервые стало реальностью в новейшей истории. Уже само по себе это вносит совершенно новый аспект в современный исламский дискурс, давая весомый аргумент тем, кто утверждает не только возможность, но и неизбежность возвращения к исламским корням. Правда, на вопросы реальной структуры государства и его атрибутов ответы пока неясны, кроме разве что права на насилие, которое осуществляется с чрезмерным усердием. Что касается финансово-экономических основ этого государства, то их база заложена при захвате мосульского отделения Национального банка Ирака с его авуарами в несколько миллиардов долларов, а также нефтепромыслов в северной части страны, из которых успешно осуществляется контрабандная торговля нефтью. Таким образом, изначальная финансовая база, существовавшая за счет упоминавшихся уже традиционных для исламистов источников, серьезно, а возможно, икратно, пополнена за счет новых.

После создания ИГ конфликт окончательно перешагнул страновые рамки. Террористическое государство непосредственно затрагивает территориальные интересы по меньшей мере еще трех стран региона, прямо угрожая их территориальной целостности, да и самому существованию. Речь идет о том, что ИГ непосредственно вышло на границы Турции, Иордании и Саудовской Аравии.

Существованием ИГ, однако, вовсе не исчерпывается характер угроз дальнейшего разрастания конфликта. Как не ограничивается Турцией, Иорданией и Саудовской Аравией перечень стран, где не только существует опасность воздействия общерегионального конфликта на внутреннюю конфликтогенность, тем не менее уровень внутренних конфликтов либо доходит до критической точки, либо уже перешел ее.

Таким образом, региональный конфликт приобрел многомерный характер, что значительно повышает дальнейшие риски его разрастания в направлении любой из расположенных здесь стран и одновременно с этим увеличиваются риски перерастания любого из серьезных внутренних конфликтов в новый компонент общерегионального.

В этой обстановке почти любая из стран региона оказывается не перед выбором между участием или неучастием в конфликте, а перед довольно

страшным выбором приоритетности того или другого вида конфликта, при котором цена ошибки почти неминуемо ведет к грани катастрофы.

Яркий пример тому — ситуация в Турции, когда в 2014 г. турецкое руководство оказалось практически перед тупиковым для него выбором в противоборстве между курдами и ИГ. Нападение исламистов на пограничный с Турцией курдский город Кобани (Айн аль-Араб) потребовало проведения против них наземной операции, которая могла быть осуществлена либо силами турецкой армии, либо силами боевых отрядов турецких курдов совместно с иракско-курдскими пешмерга. Турецкие власти долго отказывались и от собственного участия, и от предоставления коридора для прохода курдских отрядов, несмотря на требования своих союзников по НАТО и региональных стран антиисламистской коалиции. Понятно почему: несмотря на потенциальные угрозы для Турции со стороны ИГ, это исламистское образование представляет собой сегодня единственный заслон на пути окончательного военно-политического соединения территорий сирийских, турецких и иракских курдов и создания их неподконтрольного Турции территориального единства. Но в конечном итоге под давлением протестных волнений в Турецком Курдистане Турция была вынуждена пойти и на тот и на другой шаг: и предоставить курдским боевикам возможность поддержать своих сирийских братьев в противоборстве исламистскому геноциду, и обозначить участие своих войск в этой наземной операции, дабы сохранить хотя бы видимость контроля в этом пограничном районе.

Политический результат для турецкой власти был следующим: 1) курды усилили свои политические позиции внутри Турции в процессе борьбы за автономию; 2) силы ИГ впервые в начале 2015 г. осуществили рейд на территорию Турции, показав, что они не только переходят с ней в открытую конфронтацию, но и в состоянии нанести ей ущерб (при этом нападению сопутствовали новые идеологические установки со стороны ИГ с объявлением Османской империи «ненастоящим халифатом», что придает их противостоянию с Турцией историко-политический оттенок и может служить косвенным сигналом для террористов внутри Турции для активизации их действий); 3) и то и другое ослабляло позиции Р. Эрдогана и руководимой им партии Справедливости и развития в контексте состоявшихся в июне 2015 г. парламентских выборов, давая аргументы его противникам в слабости перед лицом радикальных исламистов и курдских сепаратистов. Результаты выборов подтвердили это: партия Р. Эрдогана потеряла абсолютное большинство в парламенте.

В Ливане следствием усиления региональной шиитской «оси» и активного участия «Хезболлы» в боях в Сирии стало усиление позиций шиитов во внутривосточном спектре. Ответом на это стала радикализация части ливанских суннитов, чего раньше в стране практически не наблюдалось. Правда, связи между ливанскими суннитами и суннитской оппозицией в Сирии складывались ранее, но присутствие в Ливане (прямое или косвенное) «Джабхат ан-Нусра», а сейчас, не исключено, и ячеек ИГ, создает новую ситуацию,

вновь приближающую Ливан к опасной грани возвращения к гражданской войне.

В не менее сложной ситуации, как представляется, оказывается Израиль. Правящие круги страны строили в течение последних десятилетий стратегию, основанную на противостоянии «оси» ХАМАС — «Хезболла» — Сирия — Иран, где в качестве ведущей силы рассматривается последний, но в качестве непосредственной угрозы, не раз подтвержденной в недавний период, рассматривается ХАМАС, а вслед за ним — «Хезболла» и неизменно поддерживавшая ее Сирия. Иран оказывал всем этим силам всестороннюю поддержку, а кроме того, неоднократно выступал с угрозами применить ядерное оружие против Израиля. Эта угроза до сих пор воспринимается Израилем как реальная.

Однако в свете противостояния региональных суннитской и шиитской «осей» в рассматриваемой конфигурации произошли определенные изменения. ХАМАС практически вышел из союза с Сирией и Ираном, предпочтя этому установление более тесных контактов с суннитскими радикалами. Тем временем «Джабхат ан-Нусра» вышла на границы с Израилем, вытеснив миротворческие силы ООН с Голанских высот. Было бы, очевидно, верхом наивности представлять, что суннитские радикалы, союзные с ХАМАС и движимые салафитской идеологией, могут представлять для Израиля меньшую угрозу, чем, скажем, Сирия, практически ни разу не вступавшая в прямую конфронтацию с ним после войны 1973 г., а сейчас к тому же полностью вовлеченная во внутренний конфликт. Кроме того, антииранская стратегия израильского руководства в последнее время вступила в явный конфликт с линией США, заинтересованными хотя бы в позиционном урегулировании отношений с Ираном, основанном на общности интересов прежде всего в противостоянии с ИГ. В этом контексте положение Израиля в общей динамике сегодняшнего ближневосточного конфликта может быть чревато новыми, труднопредсказуемыми угрозами.

Внутриполитическая ситуация в Саудовской Аравии в контексте регионального кризиса представляется не менее сложной, чем та, которая наблюдается в перечисленных странах. Являясь одним из самых закрытых обществ в мире, саудовское королевство дает не слишком много информации, доступной прямому политическому анализу. Тем не менее опыт стран, в том числе и арабских, переживших долгое геронтократическое правление, подсказывает, что неизбежная смена поколений власти, уже частично начавшаяся с приходом нового монарха и занятием ряда ключевых должностей его молодым наследником, сама по себе становится предвестием политической турбулентности. При этом вряд ли стоит забывать, что более чем десятилетняя активность «Аль-Каиды» в стране не могла не оставить своего следа и в виде «спящих ячеек» радикальных исламистов, и в виде симпатизирующих и сотрудничающих с ними религиозных авторитетов, имеющих корни в том числе и в среде истеблишмента.

В этой связи угроза ИГ о скором захвате святынь Мекки и Медины и уничтожении священного камня Каабы вовсе не кажется пустым бахвальством и

не основывается только на возможных инструментах внешней экспансии со стороны пограничной территории.

Не исчезла и угроза со стороны шиитской «оси», тем более что Саудовская Аравия и сама давала почву для упреков в региональном межконфессиональном противостоянии и в Сирии, и в Ираке, и в Бахрейне, который Иран склонен рассматривать как свою сферу влияния.

Однако сегодня шиитская опасность, доставляющая настоящую головную боль правящим кругам Саудовской Аравии, пришла не с Востока, а с Запада. Ситуация в Йемене, которая после свержения Али Абдаллы Салеха, казалось, закончилась политическим патом, но патом, выгодным Саудовской Аравии и ее союзникам по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива, разрешилась затем самым неожиданным для них образом.

В конце сентября 2014 г. столица Йемена Сана была занята повстанцами группировки «Ансар Аллах», которых также называют хуситами — в честь основателя движения Хусейна аль-Хуси и нынешнего лидера, брата покойного Хусейна, Абдель Малика аль-Хуси.

В ходе продолжающегося с 2011 г. внутреннего противостояния в Йемене не только государственные структуры, включая армию, но и их традиционная племенная опора оказались настолько подточенными, что оккупация хуситами Саны, казавшаяся поначалу просто досадным недоразумением, обернулась на деле началом процесса более глубокого изменения всей политической системы страны, по сравнению с которым все, что происходило в течение предыдущих трех лет, может оказаться лишь предисловием.

В течение октября хуситы достаточно легко овладели еще тремя крупнейшими городами северной части страны — Иббом, Дамаром и Ходейдой. Парализовав правительство, захватив 20 января 2015 г. президентский дворец и вынудив президента Абд Раббо Мансура Хади уйти в отставку, они продолжили активные контакты с ведущими политическими партиями, включая и партию бывшего президента А.А. Салеха, несмотря на то, что он, по идее, должен считаться кровником их лидера А.М. аль-Хуси.

В первой половине 2015 г. события в Йемене стали разворачиваться с еще более драматической быстротой. Овладев третьим по значению городом страны Таизом, хуситы и союзные с ними части йеменской армии, маршем, практически не встречая сопротивления, прошли южнойеменскую провинцию Лахдж и вошли в Аден. Президент А.М. Хади, который до этого был вынужден перебазироваться из Саны в Аден, бежал и оттуда — сначала в Оман, а затем в Саудовскую Аравию. Таким образом, президентская власть была окончательно свергнута, а важнейший в геополитическом отношении город страны Аден с его крупнейшим в регионе морским портом оказался в руках хуситов, которых Саудовская Аравия рассматривает в качестве своих политико-конфессиональных противников и клиентуры Ирана на Аравийском полуострове. Кроме того, овладев Аденом, хуситы вышли непосредственно на берег Бабель-мандебского пролива, установив тем самым контроль над одной из важнейших мировых точек нефтяного транзита из стран Персидского залива.

Но продвижение хуситов не остановилось и на этом. Им удалось овладеть также провинцией Абьян и столицей провинции Шабва г. Атакком. Однако на этом гражданская война не прекратилась, а в ряде районов южной части страны, включая Аден, вспыхнула с новой силой.

Но главным аспектом дальнейшего развития событий стала уже война между Йеменом и Саудовской Аравией. Объявив о начале боевых действий и договорившись с рядом арабских стран Персидского залива, а также с Иорданией, Египтом, Пакистаном и некоторыми другими государствами о создании с этой целью международной коалиции, саудовское королевство начало массированные бомбардировки йеменской территории, число жертв которых среди мирного населения превысило 1,5 тыс. человек.

Йеменский ответ последовал не сразу. Однако, когда он состоялся, то показал уязвимость соседнего королевства. Йеменские войска нанесли удары по военным базам провинции Неджран, которую Йемен традиционно рассматривает в качестве своей территории, аннексированной Саудовской Аравией.

Для Саудовской Аравии главная проблема заключается в том, что у власти в Йемене оказалась радикальная антисаудовская и не скрывающая своих симпатий к Ирану сила, чьи позиции в этом отношении разделяют многие другие политические силы страны — от многих зейдитских племенных и партийных фракций до в основном шафиитской по своему исходному конфессиональному составу (имея в виду происхождение, а не религиозную принадлежность) Йеменской социалистической партии — во всяком случае, если опираться на отдельные и коллективные заявления ряда ведущих политических партий в течение декабря 2014 — февраля 2015 г.

На кону оказался и вопрос о единстве Йемена. В течение последних месяцев вновь отмечено усиление сепаратистских тенденций на юге Йемена, причем активность Саудовской Аравии направлена на поддержку возможности отделения Юга, прежде всего Адена, от остальной части страны. Произошла активизация и действующей на территории Йемена организации «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове, чья активность ранее отмечалась прежде всего в провинциях Шабва и аль-Бейда, а в последнее время распространилась на Хадрамаут, и чье руководство присягнуло в феврале 2015 г. на верность Исламскому государству.

Таким образом, противоборство двух региональных конфессионально-политических осей усиливается на территории Йемена, угрожая стране опасностью раскола. Но при этом влияние Саудовской Аравии в Йемене явно ослабло. Большинство политических сил придерживается антисаудовских позиций. А если говорить о суннитских радикалах, то их главным выразителем здесь является местная организация «Аль-Каиды», в отношениях с которой Саудовская Аравия, конечно, может идти на временные союзы, имея при этом, однако, в виду, что именно Йемен и особенно его провинции Шабва, аль-Бейда и Хадрамаут являются наиболее удобными площадками проникновения боевиков «Аль-Каиды» на территорию королевства. Исламские ра-

дикалы уже активно заявили о себе, осуществив террористические акты в шиитских мечетях Восточной провинции королевства.

На иракском театре в первые месяцы 2015 г. намечался некоторый перелом. В конце февраля — начале марта правительственные войска при участии шиитской милиции начали наступление на позиции Исламского государства, и 11 марта им удалось отбить у него город Тикрит. При этом ряд источников сообщал об участии в этой операции офицеров иранского Корпуса стражей исламской революции. Стратегической целью этой операции являлось возвращение под контроль иракского правительства Мосула, а также захваченных исламистами нефтепромыслов.

Однако надежды на коренной перелом в борьбе с исламистами в пользу правительственных сил как Ирака, так и Сирии оказались по меньшей мере преждевременными. Уже в мае отряды Исламского государства предприняли наступление на столицу провинции Аль-Анбар г. Рамади. Оно оказалось для иракских правительственных войск столь же неожиданным, как и предшествовавшее ему наступление на Мосул. Во всяком случае, оно повлекло такое же беспорядочное, похожее скорее на бегство, отступление из этого важного административного центра, расположенного всего в нескольких часах пешего перехода от Багдада. За этим последовал панический исход из города местного населения.

Не менее примечательно и то, что практически одновременно с кампанией по взятию Рамади происходило стремительное продвижение отрядов ИГ и в Сирии, результатом чего стало овладение ими расположенным примерно в 200 км к востоку от Дамаска важным стратегическим центром Тадмур и последовавший практически сразу вслед за этим захват бесценного памятника античности г. Пальмиры. Нельзя не отметить, что, в отличие от 2014 г., ИГ в Сирии стало координировать свои действия с «Джабхат ан-Нусра» и другими разрозненными отрядами исламистских боевиков, что существенно изменило баланс сил в пользу исламистов, позволило им усилить свои позиции в ряде стратегически важных пунктов, включая пригороды Дамаска и ряд районов Алеппо. Это вновь ставит сирийский режим в критическое положение, не наблюдавшееся после начала 2013 г.

Если говорить о западной части самого региона, то помимо «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове еще ранее о присоединении к ИГ заявили салафистские группы на Синае, тесно связанные ранее с египетскими «Братьями-мусульманами», а также с ХАМАС.

Террористическая деятельность салафистских групп на Синайском полуострове, которая спорадически ведется с момента военного переворота в Египте в июле 2013 г. и жертвами которой стали десятки военнослужащих, фактически привела к вовлечению Египта в региональный конфликт. Эта вовлеченность, однако, практически не выходит за территорию страны. Впрочем, следует отметить, что связь египетских салафистских групп с ХАМАС имела последствия в виде объявления последнего властями страны террористической организацией, притом что еще до такого законодательного оформления

члены ХАМАС в течение последних трех лет неоднократно арестовывались в Египте за подрывную деятельность.

Тем не менее стоит отметить, что эта позиция Египта означает, наряду с йеменским фактором, обозначение региональной границы, ставящей предел ареалу непосредственного распространения активности и потенциальной власти радикальных суннитских исламистов. Этот факт представляется необходимым подчеркнуть в связи с тем, что исламистские группы, располагающиеся вне региона, заявляют о присоединении к Исламскому государству.

В Африке это относится прежде всего к Ливии, где исламистские группировки, захватившие власть в ряде районов страны, объявили себя частью ИГ. Однако физического присоединения их к халифату не произошло, да и не может произойти, пока на пути к этому находится Египет с его мощной армией. Правда, это означает, что египетскому государству приходится сегодня воевать на два фронта. Это стало особенно очевидно, когда ливийские террористы в стиле, присущем действиям ИГ, казнили десятки египетских христиан-коптов. В ответ египетская авиация нанесла сокрушительный бомбовый удар по позициям ливийских исламистов. Но тем самым со всей очевидностью была обозначена и региональная граница Исламского государства.

Схожим образом обстоит дело и к востоку от Ирана. Ряд исламистских группировок в Афганистане (а также в Пакистане) заявили о присоединении к Исламскому государству. Это, разумеется, создает новые угрозы в непосредственном подбрюшье Средней Азии, на границах Туркмени, Таджикистана и Узбекистана. Опасность угрожает и иранским границам. Однако пока на пути распространения этого радикального исламистского движения к Западу от Афганистана стоит такое мощное государство, как Иран, ни о каком его физическом соединении с ИГ говорить не приходится.

В силу этих факторов, несмотря на всю угрозу, которая исходит от Исламского государства как главного на нынешний день источника международного терроризма, о самом этом государстве как структурнополитическом феномене речь может идти только в региональном, но никак не в глобальном плане.

Г.Г. Косач*

ПАЛЕСТИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Резюме. Статья рассматривает условия и обстоятельства становления палестинского национализма в контексте сионистского/израильского вызова, ставшего основой для возникновения его базовых представлений — существование палестинской «нации» и «отечества». Дана картина развития палестинского национализма, начиная с эпохи британского мандатного управления, его многообразия, связанного с многочисленностью палестинских партий и движений, а также трансформации его представлений о целях и задачах практического действия — от противостояния Израилю и требований его ликвидации к созиданию «национальной» государственности.

Ключевые слова: Палестина, палестинский национализм, сионизм, Израиль, Организация освобождения Палестины, палестинские политические партии, Палестинская национальная администрация, ХАМАС.

Summary. The paper examines conditions and circumstances of the Palestinian Nationalism formation in the context of Zionist/Israeli challenge, which became the basis of its principal representations — an existence of Palestinian “nation” and “motherland”. The article describes the development of Palestinian Nationalism, beginning from the period of British mandate system, different forms of it connected with diversity of Palestinian parties and movements, as well as the transformation of its representation of its goals and practical aims, beginning with the demands of the liquidation of Israel, which was the main enemy to creation of “national” Statehood.

Tags: Palestine, Palestinian Nationalism, Zionism, Israel, Organization of Liberation of Palestine, Palestinian Political Parties, Palestinian National Authority, HAMAS.

Становление и развитие палестинского национализма — процесс, определявшийся специфичностью европейского вызова, воплощавшегося не столько в политике осуществлявшей внешнее управление подмандатной Палестиной Великобритании, сколько в деятельности конкурента этого национализма — сионизма/Израиля. Выражая сомнение в реальности палестинского этноса, его «национального отечества», параметров идентичности и форм государственности, сионистско-израильский вызов создавал «палестинизм». Осмысляя действия своего конкурента, его противник формулировал альтернативный этнополитический дискурс.

Идея «палестинизма» заключается в *национальном* возрождении народа на земле отечества — Палестины. Она обрамлена социально и специфи-

* Косач Григорий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

чески артикулирована. Это мобилизация на противостояние внешней силе либо переход от автономии к становлению государства. Третий — *цивилизационный* — элемент (в его светском и религиозном вариантах) «палестинизма» (как и его социальное начало) — орудие реализации *национального* проекта, утверждающее право на землю и ее историю. Политический акцент, поставленный на *социальном* либо на *цивилизационном* обрамлении идеи *национального возрождения*, менял ее дискурсивное, но не содержательное оформление. Но «палестинизм» амбивалентен.

Утверждая существование особого этнического сообщества, «палестинизм» менял понимание более широкого этнического конструкта — *арабской нации*. Речь шла не только о том, что этот конструкт (мобилизационное воздействие которого ослаблено становлением *страновых государств*)¹ подвергался дополнительной эрозии. Вступая в конфронтацию с Израилем (выступавшим в качестве одного из ведущих факторов «созидания» арабского геополитического пространства), «палестинизм» придавал «страновым» государствам, квалифицировавшимся в качестве далеких от того, чтобы быть активными противниками «сионистского образования», статус его «союзников». Провозглашая палестинцев *народом без земли*, «палестинизм» утверждал собственную *ведущую* роль в «антиизраильском сопротивлении» арабских народов», успех которого был немислим без «подрыва» основ «страновых» государств и придания нового импульса идее «арабского единства». В свою очередь, реализация проекта «национального» государства превращала «палестинизм» в подобие иных «страновых» национализмов.

I

Обращаясь к ситуации сегодняшнего дня, палестино-американский историк был пессимистичен: «Где границы Палестины? Где она заканчивается, и где должен начинаться Израиль? Как выделить палестинскую историю из канвы ближневосточной и арабской истории? В чем исключительность и уникальность палестинской идентичности?»² Если Палестина (как территория и как этническое сообщество) и ныне остается предметом дискуссий, то, как замечал палестинский коллега цитировавшегося выше историка, это сообщество едва ли было реальностью первых десятилетий XX в. «Анализируя экономические, социальные и культурные связи в ... Палестине османского времени, — писал он, — нельзя получить убедительный ответ на вопрос о том, существовала ли в Палестине нация»³.

В декларации Бальфура говорилось о «нееврейских общинах Палестины»⁴ — расплывчатость использованного термина вытекала не из «присионистской» позиции Великобритании, а из констатации факта отсутствия палестинского сообщества. Это сообщество состояло из мусульманских, христианских и друзских общин — начавшиеся в Бейруте и Дамаске процессы, связанные с феноменом «арабского возрождения», лишь в малой степени затронули Иерусалим — периферию азиатских арабских вилайетов Османской империи. В преддверии (но также и позже) Первой мировой войны в представлениях действовавших там арабских националистов Палестина была «югом» культурно единой «исторической Сирии». Если в «арабо-сирий-

ской» среде и возникал ее образ как места, где «существовала израильтская цивилизация (*civilisation israélite*) и возникло христианство», а Иерусалим–Аль-Кудс «был первой киблой мусульман», и его «создавала европейская политика, миссионерские школы и библейская археология»⁵.

Возникнув в 1920 г. как управляемая Великобританией подмандатная территория, Палестина обрела границы, перестав быть библейской абстракцией. Одним из итогов этой вынужденной и навязанной внешними силами ситуации стало расслоение «арабо-сирийского» национального движения, включая и возникновение его палестинского ответвления. Выйдя из тени своего «сирийского» предшественника, это ответвление продолжало видеть себя его неотъемлемой частью, сохраняя символ прежней эпохи — черно-бело-зелено-красный флаг *великой арабской революции*⁶.

Управление вновь возникшей территорией требовало создать представляющие палестинских арабов структуры, на которые могла бы опираться британская администрация. Возобновляя османскую «политику нотаблей»⁷, держава-мандатарий формировала эти структуры, обращаясь к значимым палестинским семьям и содействуя выдвиганию выходцев из Иерусалима — «столицы» Палестины, в первую очередь семьи Аль-Хусейни. Поддержка мандатной администрации позволила Амину Аль-Хусейни стать муфтием Иерусалима и возглавить Высший исламский совет. Получив пост главы Исполкома Высшего арабского комитета, а также сосредоточив в своих руках религиозную и светскую власть, А. Аль-Хусейни стал *национальным лидером*⁸. Великобритания укрепляла гегемонию палестинской знати — новые страты арабо-палестинского сообщества возникали как итог деградации традиционных социальных структур под воздействием *ишува*⁹.

Держава-мандатарий создала важнейшие предпосылки для становления национального движения — территорию «отечества». Но это «отечество» наполнялось «национальным» содержанием благодаря существованию ишува — маркером арабо-палестинского национального движения был *антисионизм*. Значение этого маркера лишь усиливалось по мере увеличения темпов еврейской иммиграции. Однако если эпоха между двумя мировыми войнами была временем роста потенциала ишува, то для его арабского антагониста — временем «экономической стагнации и крушения прежних социальных связей»¹⁰. Патриархальное арабо-палестинское сообщество разрушалось, в городах средиземноморского побережья появился слой люмпенизированных «низов» и их ударной силы — *шуббан (молодцов)*, включавшихся в национальное движение под лозунгами ликвидации ишува. Их возглавляли не нотабли и лидеры институционального ислама, а выходцы из низшего слоя религиозной иерархии. Так, героем будущей «палестинской революции» стал клирик из Хайфы Изз Ад-Дин Аль-Кассам¹¹. Инициированное им вооруженное выступление против еврейских поселенцев (в 1935 г. около галилейской деревни Ябад) трансформировалось в джихад во имя Палестины — «земли священной»¹². Участники восстания 1936–1939 гг. создавали отряды *Братьев Аль-Кассама* и, подражая *шахиду*, носили крестьянские *куфии*.

Антисионизм вызывал к жизни *Палестину — Фалястын* как антитезу *Эрец-Исраэль*, где Аль-Кассам противостоял герою ишува Иосифу Трумпельдору, погибшему в марте 1920 г., защищая поселение Тель-Хай в Галилее от

«арабских бандитов». Комментируя события в Ябаде, Давид Бен-Гурион отмечал: «Арабы ... обрели для себя подобие того, что произошло в Тель-Хай... Среди арабов ... появился человек, оказавшийся готовым пожертвовать собой ради идеи»¹³. Предсмертные слова Аль-Кассама «Умрите мучениками за вашу страну!» были едва ли не идентичны фразе, сказанной И. Трумпельдором в момент гибели: «Не важно [что я умираю], ведь смерть за страну прекрасна»¹⁴.

II

События 1936–1939 гг. обескровили арабский сектор палестинской экономики и обезглавили «национальное» движение. После Второй мировой войны оно перешло под опеку Лиги арабских государств, не принявшей резолюцию № 181 Генеральной Ассамблеи ООН и введшей в мае 1948 г. войска своих стран на территорию Палестины. Эта опека стала в конечном итоге причиной *Ан-Накба* — палестинской *Катастрофы*, воспринимаемой национальной ориентированной палестинской средой как аналог Холокоста.

Описывая палестинский исход из города Аль-Лидд/Лода (в недавнем прошлом), генеральный секретарь Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) Джордж Хабаш говорил: «Израильтяне пришли в Аль-Лидд и вынудили нас уйти... Тридцать тысяч человек шли, плакали, кричали от страха: женщины шли с младенцами на руках, дети постарше брели, уцепившись за подола их платьев, а солдаты целились им в спины. Кто-то падал по краям дороги и уже не поднимался... Когда ты видишь такое, разум и сердце черствеют. Ты начинаешь понимать, что нужно изменить мир, что-то сделать, убить, если необходимо, убить, рискуя оказаться бесчеловечным»¹⁵. Территория «отечества» была расчленена Израилем, Иорданией и Египтом, а значительная доля его араб-ских резидентов оказалась в положении беженцев либо перемещенных лиц. Разрыв с «арабской» национальной идеей и практикой действия (но и с «оппортунистической» политикой А. Аль-Хусейни) выглядел как необходимость — Катастрофа маргинализовала страту нотаблей и выдвинула вперед разночинный «образованный класс».

Создававшийся этим «классом» (ставившим акцент на «социальном» обрамлении идеи «национального возрождения») палестинские кружки, впоследствии составившие основу ведущих палестинских политических структур — ФАТХ, НФОП и вышедшего из его рядов Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП), возникли в интеллектуальных центрах арабского мира — в Каирском и бейрутском Американском университетах в 1950-х гг. Царившая там атмосфера была различна. Если учившегося в Каире Ясира Арафата столкновение с египетским национализмом подвигло к идее «палестинской нации», то Д. Хабаш связывал Палестину с единством «исторической Сирии»¹⁶. Формируя ФАТХ, Я. Арафат провозглашал лозунг «Палестина во-первых», подчеркивая: «Мы убеждены, что палестинцам нечего ожидать от ... коррумпированных и связанных с империалистами арабских режимов... Палестинцы могут рассчитывать лишь на себя»¹⁷. НФОП и ДФОП выросли из возникшего в 1950-е гг. Движения арабских националистов с его лозунгом «Единство, освобождение и месть» и утверждением, что «путь в Тель-Авив

пролегает через Дамаск, Каир, Багдад и Амман». Различие в подходах не исключало восхищения Гамалем Абдель Насером и стремления опереться на «революционный арабский тыл»¹⁸. Июньская война 1967 г. трансформировала положение и воззрения этих политических движений — поражение Египта освобождало от поддержки Г.А. Насера, а оккупация Западного берега и сектора Газа «восстановила» единство «отечества».

В мае 1964 г. была создана Организация освобождения Палестины (ООП). К 1967 г. она обрела черты разветвленной структуры, обладавшей значительными финансовыми возможностями, использовавшимися для «национальной» мобилизации — восстановления «права палестинского народа на его священную родину»¹⁹. Положения Заявления о создании ООП предполагали, что восстановление этого «права» возможно не столько благодаря усилиям самих палестинцев, сколько арабских соседей Израиля при ведущей роли Египта.

Палестинская национальная хартия (в редакции 1964 г.) подтверждала это — организация не могла «осуществлять суверенитет над Западным берегом Иорданского Хашимитского королевства, а также сектором Газа». В ее арабском названии содержалось определение *каумиий*, переводившееся на европейские языки как *national*, хотя арабский дискурс связывает это определение с «общеарабским», а не «страновым» этническим сообществом. Но хартия провозглашала существование «палестинской идентичности — качества, передаваемого от отцов к сыновьям». В ряды сообщества включались «арабские граждане, постоянно проживавшие в Палестине до 1947 г.». Документ определял границы «отечества» — Палестина «в границах британского мандата» как «неделимая территориальная единица». Декларация Бальфура, мандат Великобритании на Палестину и резолюция № 181 Генеральной Ассамблеи ООН, предусматривавшая создание на палестинской территории еврейского и арабского государств, провозглашались «незаконными», а «духовные связи между евреями и Палестиной» — «антиисторичными». Иудаизм квалифицировался как «монотеистическая религия», а не маркер этничности, евреи — «граждане государств, в которых они родились»²⁰.

После 1967 Г. Насеровское наследие было «национализировано» — в ООП вошел ФАТХ (Я. Арафат возглавил ее исполком), а также НФОП и ДФОП. Движение к «кристаллизации палестинской идентичности» становилось необратимым. «Мы здесь, дамы и господа, — писал палестинский поэт и израильский коммунист Самих Аль-Касем, — находимся на перекрестке»²¹. В июле 1968 г. на каирской сессии Палестинского национального совета (парламента ООП) была принята новая версия Палестинской национальной хартии. В ее названии «арабское» (*каумиий*) было заменено на «страновое» (*ватаний*). «Палестинский» характер этого документа усиливался — лишь «арабский народ Палестины» провозглашался обладателем «законного права на отечество». Вооруженная борьба объявлялась «единственным методом освобождения Палестины», а акции *федаинов* — орудием решения «противоречия между сионизмом и арабским народом Палестины»²². Если крестьянское движение 1920–1930-х гг. отрицало сионистскую поселенческую деятельность, то становившееся носителем «национальной» идентичности сообщество *ляджиун — изгнанников* — «жертва сионистской агрессии», а не

муватынун — постоянные жители Западного берега и сектора Газа, отрицало израильское государство. Ляджиун трансформировались в идущих по пути «сопротивления и отщепенца» *айдун — возвращающихся* в «отечество», становясь благодаря появлению нового этнонима *фалястынийун — палестинцами*. Таким образом, процесс выделения этнического сообщества из совокупности арабов обретал законченные формы.

Однако при этом *палестинцы* обретали статус «авангарда борьбы за святую общенациональную цель» — «арабское единство». *Жертвенность — фида* «возвращающихся» освобождала арабский мир от «господства сионистов» и связанных с ними «продажных режимов». Продолжая действовать под черно-бело-зелено-красным флагом (ныне флагом Палестинской Национальной Администрации — ПНА), ООП радикально корректировала интерпретацию его цветовой гаммы. Отныне черный цвет указывал на столицу Аббасидов Багдад, белый — на омейядский Дамаск, зеленый — на «основанное в Марокко и господствовавшее в Северной Африке» фатимидское государство, красный — на Аравийский полуостров²³. ООП же — центр пространства «от Океана до Залива» — стягивала его, выражая «общенациональные интересы».

В ноябре 1988 г. ООП обрела герб — «орла Салаха Ад-Дина» (ныне герб ПНА). «Освободивший Иерусалим от крестоносцев» полководец и ООП отождествлялись. «Присваивая» же Изз Ад-Дина Аль-Кассама и его *куфию* (этот головной убор стал атрибутом Я. Арафата), ООП порывала с приведшей к Катастрофе политикой арабо-палестинских нотаблей эпохи 1920–1930-х гг. Этот головной убор «изымался» и из «общерабского гардероба», становясь *национальным* символом.

«Социальное» обрамление «национального возрождения» требовало «классовой» риторики. Если для ФАТХ все палестинцы представляли как «класс беженцев» и, в силу этого обстоятельства, должны были рассматриваться в качестве «трудящихся, ведущих национальную борьбу»²⁴, то НФОП выдвигал задачу «усвоения революционной научной идеологии» в интересах победы «в национальной борьбе наиболее радикальных классов — рабочих и беднейшего крестьянства»²⁵. Точка зрения ДФОП заключалась в том, что победа «идеологии пролетариата» станет итогом «буржуазно-демократической революции — освобождения Палестины»²⁶. В 1970–1980-е гг. его сторонники выдвигали идею союза с «прогрессивными силами израильского общества» и создания «народно-демократического государства, где мусульмане, христиане и иудеи станут равноправны»²⁷. Считая, что «палестинская революция» — неотъемлемая часть *les damnés de la terre* — проклятье *заклейменного* мира, все три ведущие организации ООП видели своим союзником «мир социализма», «пролетариев капиталистических стран» и «отряды всемирного лагеря борцов за национальное освобождение»²⁸.

Образ Аль-Кассама занимал центральное место в дискурсе этих организаций. В лексикон всех палестинских организаций вводился термин *шahид* — герой, погибший во имя «возвращения», а *вооруженная народная революция* становилась синонимом *джихада* Аль-Кассама — *предтечи* ООП²⁹. В 1973 г. Лейла Халед писала: «Народный фронт освобождения Палестины возник тогда, когда погиб Аль-Кассам: его поколение начало революцию, мое поколение завершит ее». «Героиня» НФОП, поддерживавшая тесные кон-

такты с европейскими «новыми левыми» и участвовавшая в 1960–1970-е гг. в захватах направлявшихся в Израиль гражданских самолетов, говорила о выступлении Аль-Кассамы как о «революционном хепенинге», призванном «поднять на бой палестинцев». «Революционным хепенингом» были и совершавшиеся ею акции³⁰. «Классический» марксизм ДФОП требовал от этой организации создания «всеобъемлющего» исторического нарратива. Предлагавшаяся им галерея палестинских *шахидов* не ограничивалась Аль-Кассамом — его обрамляли Салах Ад-Дин и *герои* группы «Таршиха»³¹. Их портреты вписывались в историю «сопротивления и мученичества»³², где присутствовали Дейр-Ясин³³, Кфар-Касем³⁴ и Тель-Заатар³⁵. Участники первых военизированных формирований ФАТХ были Аль-Кассамиюн — *последователями Аль-Кассамы* — «первого командира начатой ФАТХ палестинской революции», «зажегшим факел восстания 1936–1939 гг.»³⁶.

ООП не была структурно едина. Речь шла о широкой *коалиции* партий и движений, возникавших не в «национальной» среде, а за ее пределами. Это относилось как к ФАТХ, НФОП или ДФОП, так и к вошедшим в 1970–1980-е гг. в ее ряды организациям, ориентировавшимся, соответственно, на сирийскую и иракскую ветвь баасизма, САИКЕ и Арабскому фронту освобождения, а также к палестинским коммунистам, генетически связанным с идейной традицией, привнесенной в подмандатную Палестину еврейскими переселенцами.

Условия конструирования «национального» сообщества после 1967 г. не ликвидировали существовавшие в среде «возвращающихся изгнанников» регионалистские «разломы». В руководстве ООП господствовали выходцы из городов Западного берега (прежде всего Иерусалима), в нем лишь незначительно были представлены уроженцы Газы. Различия в видении тактических задач «вооруженной революции», как и стратегии, связанной с представлением о будущем Палестины, затрудняли (а порой, и делали невозможным) достижение согласия по ключевым вопросам развития национального движения. Курс же на «революционизацию» арабского мира (опираясь на антиизраильские акции) приводил к конфронтации со «страновыми» политическими образованиями. События сентября 1970 г. в Иордании и палестинское участие в гражданской войне в Ливане — наиболее яркие проявления этой конфронтации. В 1982 г. после вынужденной перебазировки из Ливана в Тунис близость ООП к «национальной территории» была потеряна — арабский мир подверг свой «авангард» остракизму.

Начавшаяся в декабре 1987 г. первая палестинская *интифада* стала для ООП возможностью принять участие в процессах, развивавшихся в пределах двух регионов бывшей подмандатной Палестины. В палестинском дискурсе возникло представление о существовании того, что стало обозначаться многомерным термином *ад-дахиль* — «внутреннее» территориальное пространство Западного берега и сектора Газа, как и населяющие это пространство *муватынун* в качестве антитезы *аль-харидж* — «внешней» зоны палестинского рассеяния, палестинцев *диаспоры* и их «внешнего руководства» — ООП.

III

В середине ноября 1988 г. в Алжире на XIX (чрезвычайной) сессии Палестинского национального совета (парламента в изгнании) ООП была принята Декларация независимости Государства Палестина: «Национальный совет, — провозглашал этот документ, — именем Господа и арабского палестинского народа провозглашает создание на палестинской земле Государства Палестина, столицей которого является Благородный Иерусалим (Аль-Кудс *Аш-Шариф*)»³⁷. Высший законодательный орган ООП легитимировал свои действия «историческим ... правом арабского палестинского народа на родину — Палестину». Этот шаг обретал и юридическую основу — «решения встреч в верхах глав государств и правительств арабских стран и международная законность ... резолюции Организации Объединенных Наций» № 181, 242 и 338.

Стремление обрести «страновой» статус корректировало ранее господствовавшие представления и о пространстве «отечества», и «национальным» сообществе. Отныне «национальное возрождение» могло быть реализовано только в узких территориальных пределах. Декларация признавала (хотя и недостаточно эксплицитно) существование Израиля и очерчивала границы будущего государства — «там, где развивается благословенная интифада» — Западный берег и сектор Газа (а упоминая Аль-Кудс *Аш-Шариф*, объявляла столицей восточную часть Иерусалима). Арабский «народ Палестины» был представлен не ведущими вооруженную борьбу и обладающими правом на «возвращение» *федаинами*, а участниками интифады — *муватунун*. Их интифада — «невооруженные» и «ненасильственные» акции неповиновения — провозглашалась «началом освобождения отечества»; «героизм участников интифады» позволил поставить вопрос о «создании Государства Палестина». Символ прежней эпохи — *куфия* Изз Ад-Дина Аль-Кассама — уходил в тень. Считая ООП конструкцией, неспособной осуществлять управление «национальной» территорией, ФАТХ устанавливал связи с ведущими кланами Западного берега³⁸.

Согласованная в Осло и подписанная в сентябре 1992 г. в Вашингтоне палестино-израильская Декларация о принципах стала важнейшим шагом на пути к трансформации национального движения в «страновое» образование. Итогом ее реализации стала Палестинская Национальная Администрация — ПНА (где политически господствовал ФАТХ), принявшая требование своего партнера по мирному процессу, исключив из Палестинской национальной хартии положения о «вооруженной борьбе», «незаконности» раздела Палестины и создании Израиля³⁹. Время мира, замечал нынешний руководитель ПНА Махмуд Аббас, обязывало не только забыть И. Аль-Кассама, но и «вспомнить самыми добрыми словами муфтия» А. Аль-Хусейни⁴⁰.

Вновь образованное квазигосударство нуждалось в оправдании, отрицающем израильские «притязания» на «палестинское наследие». Библейский миф «присваивался» и включался в мусульманский контекст. Иерусалим был *Иевусом*, где «во времена пророка Ибрагима» правил *Мельхиседек* — «ханаанско-арабский царь города Иевус/Аль-Кудс, род которого исповедовал единобожие», «давший убежище на земле Ханаана пророкам Ибрагиму и Лоту, вынужденным покинуть Ур», «заложивший фундамент Аль-Аксы, восстановивший стены Аль-Кудса, пробивший в скалах путь для воды, питавшей город»,

«молившийся в Аль-Аксе, принося жертвы рядом с ней, и раздававший мясо жертвенных животных бедным, обездоленным и путникам». Из «Салема/Аль-Кудса» Пророк ислама «был вознесен к престолу Господа». Если Аль-Кудс «был арабским», а Мельхиседек «арабом», если Аль-Акса была заложена раньше Храма, а рядом с ней практиковался обряд праздника *ид аль-адха*, то палестинцы должны «обладать этим городом»⁴¹.

Обе стороны продолжали противостояние — «палестинизм» пытался проникнуть в уже «присвоенную» сионизмом/Израилем библейскую сферу, демонстрируя укоренение в системе «страновых» ценностей и отдаление от арабской «национальной» идеи. Носитель палестинской «государственности» представлял не как «молодая» этническая конструкция, но как «Древнее» сообщество. Оно заслуживало того, чтобы быть управляемым не идеологической партией, а командой *технократов-менеджеров*, называвшей себя *ас-султа аль-ватанийя* — *национальная власть*⁴².

IV

Развитие первой интифады меняло приоритеты палестинских приверженцев исламской идеи. Созданная в 1977 г. в Газе и зарегистрированная израильскими оккупационными властями Мусульманская ассоциация⁴³ (национализированное отделение египетского движения «Братья-мусульмане») в 1987 г. трансформировалась в Движение исламского сопротивления — ХАМАС. Его возглавил основатель Ассоциации шейх Ахмед Ясин. Провозглашавшийся ранее мусульманскими активистами Газы *внутренний джихад*, предполагавший мирное восстановление подвергшихся забвению норм религиозной жизни, преобразовывался во *внешний джихад* — действия против Израиля. ХАМАС, укоренявшийся и на Западном берегу, не входил в ООП, *цивилизационно* акцентируя идею «национального возрождения» и предлагая, казалось бы, иное, чем ООП, видение будущего.

Контурсы этого видения демонстрировала выдвинутая им в августе 1988 г. хартия Движения исламского сопротивления (далее — Исламская хартия. — Г. К.)⁴⁴ — альтернатива документам ООП. *Внешний джихад* становился формой противостояния «светскому» крылу «палестинизма», используя ранее традиционный для этого крыла *антисионизм* и *антиизраелизм*. Реанимация образа Изз Ад-Дина Аль-Кассама, именем которого было названо военизированное крыло ХАМАС (*Катаиб Аль-Кассам — Бригады Аль-Кассама*), и используемые для обстрела израильской территории ракеты (его портрет в мартирологах этого движения окружают портреты *шахидов* ХАМАС) это лишь подтверждали.

Исламская хартия провозглашала Палестину «от реки до моря»⁴⁵ *вакфом*, «врученным будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня». Это предполагало, что компромиссы в отношении ее территории недопустимы. ХАМАС заявлял, что борется за «освобождение каждой пяди земли». Политическое решение конфликта исключалось, поскольку это «противоречило духу ислама». Палестина приобретала «мистическое измерение» места, где «сталкиваются цивилизации». Конфликт на ее территории был «последним сражением» между мусульманами и «мировым злом». «Существование Израиля»

воплощало «проникновение» этого «зла» в мир ислама. Этот мир мог «возродиться» при условии «освобождения Палестины»⁴⁶. Инструментом решения конфликта становился джихад палестинцев (когда носителем идеи «отечества» становился Бог, представляя своим «рабам Господа» роль исполнителей Его воли), поддерживаемых новыми *les damnés de la terre* — поднимающимися на борьбу за «обретение истинной веры» *федаинами* арабо-мусульманского мира. Палестинский/арабо-мусульманский джихад координировался лозунгом «Аллах — это цель, Пророк — пример, Коран — конституция, джихад — путь, а смерть ради Аллаха — самое возвышенное стремление»⁴⁷.

Религиозная риторика воскрешала радикализм Палестинской национальной хартии, придавая ему характер божественной истины. ООП, приняв Декларацию независимости, действовала вопреки «воле Господа». Подобная риторика становилась достоянием «образованного класса» нищего региона, экономически нежизнеспособного, перенаселенного, источника антиизраильских акций и не игравшего существенной роли в палестинской политике. ХАМАС ориентировался на *муватынун* — им предлагалась новая версия идеологии *отмщения*. Они обретали врага — *рenegатов*, связанных с Израилем, — обвиняемого в коррупции и nepотизме Я. Арафата и его окружение (что лишь повторяло старую версию трактовки действий муфтия А. Аль-Хусейни). «Страновая» ПНА превращалась в «псевдонациональную союзника сионизма», игнорирующего «истинную веру», а потому — «преступного»⁴⁸. Примыкающий к движению поэт писал: «Порыв ХАМАС — тайфун свободы, смести готов он всех на свете Поработителей народа»⁴⁹.

V

«Осквернение» Аризем Шароном Храмовой горы взорвало начавшийся мирный процесс. ХАМАС, обращаясь к образам Аль-Кассама и Салаха Ад-Дина, квалифицировал *интифад*у мечети Аль-Акса как «начало времени освобождения Иерусалима», вспоминая, что этот город был «первой мусульманской киблой». Ее участники еще более жестко обвиняли «национальную власть» в коррупции и nepотизме. Они не считали ПНА прологом палестинской государственности, заявляя, что Я. Арафат несет ответственность за неэффективную экономическую политику и отсутствие социальной мобильности⁵⁰.

Вторая интифада не привела к коренным переменам в ПНА. Вторжения израильской армии на ее территорию и блокада резиденции Я. Арафата вернули ему ореол «жертвенного героизма». Убийство израильскими специальными службами шейха А. Ясина и его преемника Абдель Азиза Ар-Рантиси ослабило ХАМАС, а выдвинутая Саудовской Аравией в 2002 г. «арабская мирная инициатива» сковала возможности его союзников в арабском мире. Обе группировки обрекались на поиск взаимопонимания. Примерное равенство сил обеих политических структур создавало условия для их сближения. В январе 2005 г. (11 ноября 2004 г. скончался Я. Арафат) состоялись президентские, а в январе 2006 г. — парламентские выборы.

Выборы нового главы ПНА были альтернативными. В них участвовал М. Аббас и пятеро его противников — сторонников светскости и «независимых» приверженцев ХАМАС и «Исламского джихада». Программы⁵¹ всех

кандидатов на пост главы ПНА кардинально не различались — они были обращены ко всем слоям социума обоих палестинских регионов и содержали положения, принципиальные после вспышки насилия, приведшей к дестабилизации ситуации и экономической стагнации, грозившей коллапсом институтов ПНА. Избирателям обещались как «хлеб, работа, медицинское обслуживание, экономическое развитие, строительство новых домов», так и «бескомпромиссная борьба с коррупцией и nepотизмом». Эти положения сопровождались заявлениями о необходимости «создания суверенного государства на всей территории» обоих палестинских регионов. Ни представители ХАМАС, ни кандидат «Исламского джихада» не требовали «уничтожения Израиля» и не квалифицировали Палестину как «мусульманский вакф», но, напротив, призывали «уважать решения международной законности». Все они провозглашали своей задачей создание в Палестине «гражданского общества», действующего «на основе демократического законодательства».

Победа М. Аббаса на президентских выборах была естественна — он возглавлял палестинское правительство, его поддерживало международное сообщество и Израиль. М. Аббас становился новым лидером ООП и действовал как «наследник» курса своего предшественника. Результаты же выборов в Палестинский законодательный совет демонстрировали иную картину предпочтений — на них победил блок «Перемены и реформа», созданный ХАМАС и «независимыми» кандидатами.

В январе 2006 г. председатель Политического бюро ХАМАС Халед Машаль, подчеркивая необходимость создания «коалиционного правительства», заявлял, что ХАМАС будет «реалистичен в отношении соглашений Осло». Из слов Х. Машаля вытекало, что движение окажет «полную поддержку» курсу главы ПНА «на реформу институтов национальной власти» и не будет «навязывать обществу религиозные нормы и воззрения»⁵². Это был важный (хотя и нерешительный) шаг к участию в органах «национальной власти» и, тем самым, к обретению «странового» статуса. Сформированное в марте 2007 г. лидером блока «Перемены и реформа» Исмаилом Ханийей коалиционное правительство представило свою политическую программу, заявлявшую, что правительство нуждается в «сохранении *худна* — перемирия (с Израилем. — Г. К.)», с тем чтобы оно стало «всеобъемлющим и взаимным». Премьер-министр заявлял, что правительство будет «уважать ... соглашения, подписанные» ООП. Входя во власть, ХАМАС подчеркивал, что он начинает проводить новый курс — отказа от джихада и «революционизации» арабомусульманского мира. Противостояние ведущих групп политической элиты могло развиваться только в пределах «отечества».

Первые проявления «странового» курса были прерваны сразу же: угроза введения внешних экономических санкций в отношении ПНА в случае, если ХАМАС продолжит свое участие во властных структурах, подтолкнула М. Аббаса к тому, чтобы в июне 2007 г. распустить правительство И. Ханийи. В середине июня 2007 г. члены *Бригад Аль-Кассам*, одетые в закрывавшие их лица *куфии*, совершили переворот в секторе Газа. Они следовали «курсом шейха Аль-Кассам, шейха Ясина и Абдель Азиза Ар-Рантиси», создав соб-

ственное «государство»⁵³. Комментируя события в Газе (в то время), главный редактор наиболее влиятельного арабоязычного издания мира лондонской газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат» Тарик Аль-Хамид писал: «Вместо палестинского государства мы вернулись к нулю. Мечта о создании палестинской государственности более не существует, она исчезла не на время, не на год, а для целого поколения палестинцев. Мечта о палестинском государстве стала иллюзией»⁵⁴.

Только в конце весны 2014 г. ФАТХ и ХАМАС достигли нового соглашения о создании правительства «национального единства», но уже летом того же года его существование было поставлено под вопрос — убийство израильскими «непримиримыми» палестинского подростка из Восточного Иерусалима вызвало волнения на Западном берегу. Противостоя «примиренчеству» руководства ПНА, ХАМАС начал ракетные обстрелы территории Израиля. Лидеры его военизированного крыла заявляли, что удары «сынов Аль-Кассам» превратят Израиль в «уносимый ветром опавший лист»⁵⁵. Регенерация ценностей «возмездия» вступила в новую фазу, демонстрируя перманентное состояние кризиса «палестинизма».

Примечания

- ¹ См. об этом: Косач Г. Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этнимон, варианты дискурса // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 259–331.
- ² Khalidi R. *Palestinian Identity. The Construction of Modern National Consciousness*. N.Y., 1997. P. 9.
- ³ Doumani B. *Rediscovering Palestine: The Merchants and Peasants of Jabal Nablus. 1700–1900*. Berkeley, 1995. P. 245.
- ⁴ Декларация Бальфура (2 ноября 1917 г.) // Мендес-Флор П., Рейнхарц Й. История евреев в новое и новейшее время. Антология документов. Т. II. М., 2006. С. 526.
- ⁵ Khalidi R. *Op. cit.* P. 45.
- ⁶ Начавшееся в Хиджазе антитурецкое восстание 1916–1918 гг.
- ⁷ Выражение Альберта Хаурани: Hourani A. *Arabic Thought in the Liberal Age. 1789–1939*. L., 1962. P. 118.
- ⁸ Mattar Ph. *The Mufti of Jerusalem. Al-Hajj Amin al-Husaini and the Palestinian National Movement*. N.Y., 1988. P. 19–27.
- ⁹ Детальный анализ этого воздействия см.: Kimmerling B. *Clash of Identities. Exploration in Israeli and Palestinian Societies*. N.Y., 2008. P. 5–17.
- ¹⁰ См. об этом: Аш-Шариф М. Тарих Фалястын аль-иктысадий аль-иджтимаъий (Социально-экономическая история Палестины). Бейрут, 1985. С. 188–189.
- ¹¹ См. о нем: Косач Г. Г. Изз Ад-Дин Аль-Кассам: герой и время, когда он нужен // Ближний Восток и современность. Вып. 43. М., 2011. С. 108–145.
- ¹² Коран, 5:24 // Коран. М., 1986. С. 105.
- ¹³ Цит. по: Lachman S. *Arab Rebellion and Terrorism in Palestine 1929–1939. Case of Sheikh Izz al-Din al-Qassam and his Movement* // *Zionism and Arabism in Palestine and Israel*. L., 1982. P. 72.
- ¹⁴ Zerubavel Y. *Recovered Roots. The Making of Israeli National Tradition*. Chicago-L., 1995. P. 41.

- ¹⁵ Fallaci O. A leader of the Fedayeen: we want a war like the Vietnam War. — Цит. по: Аль-Кубейси Б. Харакка аль-каумийин аль-араб (Движение арабских националистов). Бейрут, 1997. С. 18.
- ¹⁶ Kimmerling B., Migdal J.S. The Palestinian People. A History. Cambridge, L., 2003. P. 215.
- ¹⁷ Здесь и далее: Sayigh Y. Armed Struggle and the Search for State: The Palestinian National Movement, 1949–1993. Oxford, 1999. P. 246.
- ¹⁸ Cobban H. The Palestinian Liberation Organization. People, Power and Politics. Cambridge, 1984. P. 24.
- ¹⁹ Statement of Proclamation of the Organization. — Permanent Observer Mission of Palestine to the United Nations. — <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/12355>.
- ²⁰ Palestinian National Charter of 1964. — Permanent Observer Mission of Palestine to the United Nations. — <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/12363>.
- ²¹ Аль-Касем С. Дами аля каффи (Кровь на ладони). Бейрут, 1969. С. 18.
- ²² Здесь и далее: Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний (Палестинская национальная хартия). 15–17 июля 1968 г. — Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Иерусалим, 1999. С. 112.
- ²³ The Meaning of Palestinian Flag. — Permanent Observer Mission of Palestine to the United Nations. — <http://www.un.int/wcm/content/site/palestine/pid/11591>.
- ²⁴ Abu Lutf answers questions. — Basic Political Documents of the Armed Palestinian Resistance Movement. Beirut, 1969. P. 102–104.
- ²⁵ The Political Report of the Popular Front for the Liberation of Palestine (February 1969). P.204–206.
- ²⁶ The Political Report of the Democratic Front for the Liberation of Palestine (August 1968). P. 165–166.
- ²⁷ Hawatamah N. A Democratic Solution for the Palestine Problem [Б.м., б.г.]. P.176.
- ²⁸ Борцы за «освобождение узурпированной Палестины» апеллировали к работам теоретика «национального возрождения» того времени Франца Фанона. — См.: Fanon F. Les damnés de la terre. P., 1961.
- ²⁹ Introduction by Leila S. Kadi. Basic Political Documents of the Armed Palestinian Resistance Movement. P. 11.
- ³⁰ Khaled L. My People shall live. The Autobiography of a Revolutionary. Waterloo, 1973. — http://www.onepalestine.org/resources/articles/My_People_Shall_Live.html.
- ³¹ Участники проведенной ДФОП 15 мая 1974 г. операции в израильском городке Маалот (до 1948 г. на его месте находилась арабская деревня Таршиха), в ходе которой были взяты в заложники школьники.
- ³² Наеф Хаватме ятахаддас (Наеф Хаватме рассказывает). Дамаск — Бейрут, 1996. С. 121.
- ³³ Арабская деревня, жители которой в апреле 1948 г. были уничтожены вооруженными формированиями противников Д. Бен-Гуриона — движений Иргун цваи леуми и ЛЕХИ.
- ³⁴ Арабская деревня (ныне город) в центральной части Израиля, где накануне начала Синайской кампании 1956 г. израильская армия уничтожила местное население.
- ³⁵ Лагерь палестинских беженцев в Бейруте, взятый в августе 1976 г. вооруженными формированиями христианских партий при попустительстве командования введенных в Ливан частей израильской армии, где было уничтожено не менее 2000 палестинцев.
- ³⁶ Фалястын ас-саура. № 67, 21 ноября 1973. — Цит. по: Lachman S. Op. cit. P. 99.
- ³⁷ Здесь и далее: Иъалян истикляль Дауля Фалястын (Декларация независимости Государства Палестина) // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. С. 13–14.

- ³⁸ Legrain J.-F. Autonomie palestinienne: la politique des néo-notables. — Les parties politiques dans les pays arabes. Le Machrek // *Révue des mondes musulman et de la Méditerranée*. Aix-en-Provence, № 81/82, 1998. P. 153–206.
- ³⁹ Нусус мавадд Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний аль-ляти туталиб Исраиль би шатбиха (Положения статей Палестинской национальной хартии, которые Израиль требует удалить) // *Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын*. С. 15.
- ⁴⁰ Абу Мазен (Аббас М.). *Путь в Осло*. М., 1996. С. 9.
- ⁴¹ Садек М. Мультака аль-мусаккафин аль-макдасий асдар джаиза ан тарих Аль-Кудс яхмил исм маликиха аль-канъаний (Иерусалимское собрание интеллигенции вручило премию за историю Иерусалима, названную именем его ханаанского царя). — *Шабак Фалястын аль-ихбарийя* (Палестинская информационная сеть). 9 августа 2011. — <http://www.filasten.com/index.php?page=news&id=24119>.
- ⁴² Термин современной палестинской риторики, определяющий ПНА.
- ⁴³ Mishal S., Sela A. *HAMAS: A Behavioral Profile*. Tel-Aviv, 1997. P. 10–12.
- ⁴⁴ Здесь и далее Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямийя — ХАМАС (Хартия Движения исламского сопротивления — ХАМАС). — Цит. по: <http://www.islamonline.net/Arabic/doc/2004/03/article11.shtml>.
- ⁴⁵ От реки Иордан до Средиземного моря.
- ⁴⁶ Sheikh Jarrar B. *The Future of the Islamic Movement's Relation with the Authority // Challenges facing Palestinian Society in the Interim Period*. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem, 1994. P. 161–162.
- ⁴⁷ Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямийя — ХАМАС.
- ⁴⁸ Шейх Хамами Д. Ан-Низам ас-сиясий аль-фалястыний ва аль-интихабат: кирраа ислямийя (Палестинская политическая система и выборы: исламское прочтение). — *Аль-Интихабат ва ан-низам ас-сиясий аль-фалястыний* (Выборы и палестинская политическая система). Наблус, 1995. С. 107–110.
- ⁴⁹ Аль-Айюби Ш. ХАМАС. ХАМАС — хвала героям. М., 2008. С. 97.
- ⁵⁰ ХАМАС ва Аль-Джихад аль-ислямий ан аль-интифада аль-джаджида (ХАМАС и Исламский джихад о новой интифаде) // *Аль-Мустакбаль*. 7 октября 2000. С. 1.
- ⁵¹ Здесь и далее цитируются предвыборные плакаты-программы Аль-Байян аль-интихабий ли мурашшах ат-тагийр Тейсир Халед (Предвыборные заявления кандидата обновления Тейсира Халеда); Аль-Мурашшах аль-ислямий аль-мустакиль ли ар-риаса аш-шейх Сайид Хусейн Барака (Независимый исламский кандидат в президенты шейх Сайид Хусейн Барака); Аль-Барнамадж аль-интихабий ли аль-мурашшах аль-ислямий аль-мустакиль Абдель Халим Хасан Аль-Ашкар (Предвыборная программа независимого исламского кандидата Абдель Халима Ха-сана Аль-Ашкара). — Личный архив автора.
- ⁵² Машаль ятахаддас ан барнамадж ХАМАС ли аль-хукм: санатаъамаль би вакиъийя маа Осло (Машаль говорит о программе власти ХАМАС: мы будем реалистичны в отношении соглашений Осло) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*. 29 января 2006.
- ⁵³ Мин Рамалла иля Газа: даулятан мутанафиратан (Из Рамаллы в Газу: два государства-антагониста) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*. Л., 17 июня 2007. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=423965&issue=10428>.
- ⁵⁴ Аль-Хамид Т. Зильзаль Газа (Землетрясение в Газе) // *Аш-Шарк Аль-Аусат*, 16 июня 2007. — <http://classic.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=423899&issue=10427>.
- ⁵⁵ Аль-Кассам татаваад эй иджитях израилий би аль-асаф аль-маакуль («Батальоны Аль-Кассам» обещают ответить на вторжение превращением Израиля в опавший лист) // *Аль-Хайят*. 12 июля 2014. — <http://alhayat.com/Articles/3543199>.

А.В. Сарабьев*

ХАЛИФАТИСТЫ *VERSUS* «НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ» ИСЛАМИСТЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Резюме. Халифатистские проекты, сменяя друг друга, реализуются все настойчивее. При этом каждый новый «извод» имеет свои специфические черты: по-своему понимая и применяя тақфир, ведя джихад и опираясь на своих идейных и религиозных авторитетов, он входит в противоречие с другими сторонниками идеи халифата или глобального джихада. Но главным оппонентом халифатизма остается «национально ориентированный» исламизм. Являясь грозной и организованной силой, разнообразные группы этого направления ставят свои задачи в тесной связи с принципами национального государства и в этом коренным образом расходятся с халифатистами.

Ключевые слова: исламизм, халифатизм, джихадизм, межмусульманские отношения.

Summary. Current califate projects replacing each other are being implemented more and more insistently. Each new “recension” has got its specific features in their own understanding and applying *takfir*, leading the *jihad*, and based on their peculiar ideological and religious authorities. Frequently there occur contradictions with other supporters of a caliphate or global jihad ideas. But the main opponent of califate ideology is “nationally oriented” islamism. Being well-organized and formidable force, those diverse groups of such a direction put their problems in close connection with the principles of the nation-state, and at this point they radically diverge from califatists.

Tags: islamism, califatizm, jihadism, inter-muslim relationship.

Когда мы говорим о современном исламизме, один из вопросов, который нуждается в прояснении, это вопрос соотношения глобального исламистского проекта и национально окрашенных версий исламизма. Попытки выявить это соотношение уязвимы для критики с разных сторон, поскольку такая постановка вопроса с самого начала обнаруживает слишком смелые обобщения и наталкивается на множество условий и оговорок, затрудняющих выводы. И тем не менее попытаться поставить этот вопрос и взглянуть на события на Ближнем Востоке сквозь призму такого соотношения означает не упускать из виду важный аспект военно-политического и исторического анализа. Означает возможность оценить вероятную близость или, наоборот, полное противопоставление обеих частей проблемы.

* Сарабьев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, заведующий научно-издательским отделом ИВ РАН.

Пропагандистские видеоролики большинства исламистских организаций содержат «исламские» элементы (кадры молящихся по мусульманскому ритуалу людей, символы ислама, айяты Корана, шахаду, смысл слов песен саундтрека и т. п.). Чаще всего эти элементы универсальны и не имеют привязки к определенному государству или нации¹. В то же время ролики исламистов-халифатистов, прежде всего ИГ, содержат сходные элементы, и в этом они похожи. Различия касаются в основном образа врага: для первых главное — борьба с Израилем за земли арабов (палестинцев, ливанцев, сирийцев), для вторых — борьба с отступниками и противниками установления суннитского теократического государства вне нынешних рамок государственных границ и без привязки к национальной принадлежности.

Такое, казалось бы, правомерное разделение является обобщением, при котором мы вынуждены пренебрегать особенностями и оттенками каждого конкретного случая, и оно тем самым несет в себе определенный потенциал противоречия. В самом деле, если признавать идеологической базой, скажем, «Аль-Каиды» некий «всемирный джихад», борьбу с врагами Аллаха, то появляется необходимость объяснять рассогласованность, а то и соперничество этой организации с «Исламским государством», которое провозгласило летом 2014 г. на захваченных территориях Ирака и Сирии халифат со столицей в Ракке и во главе с Абу Бакром аль-Кураши (аль-Багдади). Или иначе мы должны допустить, что религиозно-идеологическое основание этих движений не первостепенно, а это предположить нелегко, имея в виду информационную шумиху в СМИ, активно подогреваемую самими этими организациями относительно «мирового исламского проекта»².

Интересный и нестандартный подход к оценке принципиальных различий между «Аль-Каидой» и ИГ предложен в весеннем номере «Форин Эффэрз» за 2015 г. Автор статьи «ИГИЛ — не террористическая группа» отмечает разницу в подходах к агитации и активности двух этих (скорее всего «зонтичных») организаций. Религиозный ригоризм военно-аскетического толка как бы противопоставлен ригоризму социально привлекательному, апеллирующему к борьбе с мировым злом и бездуховностью в условиях «последних времен», построению справедливого общества с равными возможностями для всех. «В отличие от первого, ИГ предлагает молодым людям и нередко девушкам совсем другое послание. Группа привлекает последователей не только тягой к религиозной праведности, но и приключениям, личной власти, самоощущению себя в сообществе. Конечно, приветствуется также и просто тяга к убийству»³.

Еще одним важным отличием автор считает следующее: «В “Аль-Каиде” нет места алкоголю и женщинам. В этом смысле, образ организации глубоко асексуален; для молодых бойцов секс как таковой возможен лишь после женитьбы или мученической кончины... ИГИЛ же работает в основном с горожанами и предлагает новобранцам непосредственные возможности для ведения борьбы, распространяются волнующие аудио-записи с передовой, даже закупаются сексуальные партнерши для мужчин-новобранцев; некоторые из этих женщин выполняют свою роль добровольно, но большинство из

них или находятся в рабстве, или действуют по принуждению. Группу едва ли беспокоит богословское оправдание такого поведения; “уровень продаж” повышается любыми способами, в том числе сексуального рода»⁴.

В силу целого ряда причин популярность «Аль-Каиды» падает. Автор приводимой статьи, прослеживая это падение с 2007 г., использовал данные Научно-исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), проведенного в 2013 г. опрос среди 9 тыс. мусульман в 11 странах. Так, уровень неодобрения «Аль-Каиды» оказался выше среднего — 57%. В частности, в Ливане показатель составил 96% от числа опрошенных мусульман, в Иордании — 81%, в Турции — 73%, в Египте — 69%⁵. (Заметим, что самый низкий показатель демонстрировали мусульмане Малайзии — 32%, Пакистана — 42% и Нигерии — 46%.)

Отчетливую ориентированность на решение национально-государственных проблем обнаруживают как раз пакистанцы: по данным того же центра, из трех угроз — Индия, Движение Талибан и «Аль-Каида» — 51% опрошенных граждан считал главной угрозой для страны Индию, 25% — Движение Талибан и только 2% — «Аль-Каиду». При этом в поддержку этой организации высказались 12% опрошенных (за Движение Талибан — 8%)⁶.

Итак, ИГ, «Аль-Каида» и их сателлиты представляют собой условно один исламистский полюс — сторонников «всемирного джихада» — в противоположность второму (в рамках заявленной теоретической проблемы): ряд боевых исламистских организаций (преимущественно арабских), которые преследуют цели национального строительства, по крайней мере, в большей степени, чем создания наднационального исламского общества. Их идеологические курсы довольно разнообразны и обладают своими особенностями. В целом эти группы ставят своей основной задачей вооруженную борьбу с теми, кто уже захватил земли арабов или претендует на них (Израиль⁷, возможно, НАТО), а также поработил их бездуховностью и забвением культурно-религиозных основ своей жизни или действует в этом направлении при помощи масс-медиа и дискредитации ислама, причем в списке врагов нередко — действующие представители власти. Но если в подходах к действиям и целям в ближайшей перспективе они более или менее сходны, то их программы-максимум различаются. Несомненно, отличается также степень опоры на внешних региональных игроков и спонсоров. Таковы палестинские «Исламский джихад» и ХАМАС, шиитские АМАЛЬ и «Хезболла», другие ливанские исламистские организации суннитского толка⁸, сирийские экстремистские группы, вставшие по одну сторону баррикад в борьбе с режимом в ноябре 2013 г. в рамках «Исламского фронта» («Джейш аль-ислам», «Сукур аш-Шам», «Лива ат-таухид», «Ансар аш-Шам», «Ахрар аш-Шам», «Лива аль-хакк», «Катаиб аль-Фарук», «Лива аль-фатх», «Ансар аль-ислам», «Ахфад ар-Расул», «Джабхат асала ват-танмия» и «Аль-Джабха аль-исламия аль-курдия») ⁹. Эти организации и боевые группы отличаются разными методами насаждения мусульманской нравственности и законов, получают финансирование и идейную подпитку из различных источников, действуют открыто в полити-

ческом поле или ограничиваются подпольной борьбой, ставят перед собой цели: одни — более амбициозные и масштабные, другие — менее.

Таким образом, заявленное в заглавии статьи методологическое обобщение в две группы всего пестрого спектра исламистских движений и организаций должно быть обставлено рядом обязательных условий. Очевидно, допуская такое обобщение, приходится учитывать как минимум следующие факторы:

- масштабы целей (региональные, субрегиональные, национальногосударственные);
- удельный вес религиозной составляющей в идеологии;
- наличие легального политического крыла и его место во властных структурах;
- опора на одного из региональных лидеров;
- влияние мировых лидеров;
- фактические рамки экстремистской активности, то есть некая конвенциональная черта, за которую организация старается не переступить.

Выявление националистической составляющей в дискурсах указанных организаций, движений и групп может быть очень плодотворным в противопоставлении панисламистским и халифатистским концепциям, декларируемых, например, ИГ уже потому, что это противопоставление подкрепляется историей и логикой развития «политического ислама». В период активного формирования идеологии исламизма именно антинационалистическая риторика стала стержневой. В работах Саида Кутба (1906–1966) джахилийя (возрожденное религиозное невежество, сравнимое с доисламским) понималась в смысле ложного поклонения (*убудийя*) нации, партии, народу и т. п. и преследования ложной цели — суверенитета (*хакимийя*), который в абсолютном смысле, по его мнению, является атрибутом лишь Аллаха. В этом смысле С. Кутб писал: «... известно, что праведный путь сводится к уничтожению всех тиранов на всей земле, приобщению людей к *поклонению* (курсив наш. — А. С.) только одному Аллаху и избавлению людей от порабощения другими рабами во имя *поклонения* (курсив наш. — А. С.) Господу рабоВ.»¹⁰.

«По Кутбу, мусульмане-националисты не знали ислама подобно арабам-язычникам времен первоначальной джахилийи... Кутб страстно зывал к "новому кораническому поколению", которое сможет создать в современном мире новую — исламскую — общность на руинах национализма, подобно тому как Пророк и его поколение построили общину правоверных на обломках разрушенного ими арабского язычества»¹¹. С. Кутб много внимания уделял вопросу национализма как ложного основания борьбы. В частности, он писал: «... нет власти одного человека над другим, потому что вся власть и владычество принадлежат Аллаху, потому что национальная принадлежность людей по Исламу суть принадлежность вероисповедальная...»¹². И далее: «Те же, кто отказывается от этого небесного закона в пользу другого закона, основывающегося на какой-либо другой базе, например на национальной, или расовой, или региональной, или классовой принадлежности, воистину являются врагами человека»¹³. Безусловно, идея нивелирования националь-

ных и цивилизационных различий верующих в деле поклонения Богу далеко не нова — христианство провозгласило этот принцип почти за 6 столетий до ислама. Пожалуй, новым является как раз призыв отказаться от национальной борьбы, и это своего рода отказ от патриотизма в пользу нового его понимания — борьбы за интересы уммы в целом против узурпаторов власти, принадлежащей только Аллаху, и против мусульманских национальных лидеров в том числе.

Интересно, что некоторые эксперты по Ближнему Востоку констатируют своего рода волну, охватившую Арабский Восток и Африку, которая заключается в «ползучей» легитимации стремлений к мононациональной и монорелигиозной государственности. В частности, ливанский эксперт Рами Хури полагает, что во главе этого тренда стоит Израиль, требующий от палестинцев признания «еврейского характера Государства», несмотря на многонациональный и поликонфессиональный состав общества. Следом идут Южный Судан, Иракский Курдистан и другие, в том числе маловероятные в будущем, карликовые государства на сирийских и других территориях — христиан, алавитов, друзов, шиитов. Невозможно согласиться, что замыкает этот тренд также моноконфессиональный проект ИГ¹⁴, ведь халифат в своем идеальном представлении не является некоей замкнутой структурой, скорее — экспонентой, не ограниченной национальными рамками.

Объявление в июле 2014 г. о создании халифата на землях, захваченных ИГ, явилось логичным шагом в реализации грандиозного исламистского замысла, который демонстрирует принципиально новую парадигму отношений в регионе и участия в ближневосточных делах мировых держав. Очевидно, что возрожден халифатистский проект, который уже пытались реализовать в Афганистане талибы в 1996–2001 гг.

Претензии Движения Талибан тогда, как и теперь ИГ, не ограничивались рамками одного государства, а охватывали крупный конгломерат исторически близких территорий. На контролируемых талибами землях вводился жесткий режим контроля за хозяйственной деятельностью граждан и соблюдения ими норм шариата. Захватывая в свое время новые территории, талибы являлись в глазах местного населения поначалу борцами с коррумпированными властями и криминальными группами. Так же воспринимались талибы и в соседнем Пакистане — в так называемой «зоне племен». Однако со временем в ряде районов их популярность стала падать из-за «слишком жесткого, граничащего с жестокостью, преследования “неисламского” поведения»¹⁵, а также нарушения в условиях контртеррористических операций нормальной трудовой деятельности населения, проблем с безработицей, передвижением и т. п.

Нельзя обойти вниманием и шиитские проекты создания исламской теократии. Правда, идея «экспорта исламской революции» предполагает все же исламистскую активность в рамках существующих государственных систем и подразумевает изменение только их характера. Тем не менее шиитские проекты за пределами Ирана настойчиво, хотя и не слишком успешно, реализовывались. Так, в период вызревания и оформления в самостоятель-

ную грозную силу ливанской «Хезболлы» в декабре 1982 г. в Баальбеке, как утверждает Ж. Кепель, даже была провозглашена «Исламская республика Ливан». Правда, реальная власть этого образования была очень недолгой и ограниченной территориями, подконтрольными шиитским милициям, но претензия на свое государство шиитов в Ливане, так или иначе, имела попытку на реализацию, о чем свидетельствуют и якобы выпущенные почтовые марки «Исламской республики Ливан»¹⁶. И все же эта попытка, а также активность шиитов в Ливане, Сирии и Бахрейне и др. не идет ни в какое сравнение с идеологической основой, информационной пропагандой и практикой насилия джихадистов-халифатистов на Ближнем Востоке и в Африке.

Сам проект халифата как таковой основан на общности людей одной веры, исключает светский или иноверческий характер властных структур всех уровней. Идеальная цель такого теократического государства — благо народа, покорного Аллаху и живущего по Его законам, как это понимают исламисты, при этом конституцией государства объявляется Коран, а законами — шариат. Расширение границ такого халифата заложено в его принципе, а проповедь по всему миру и создание международной сети его сторонников — средство его усиления. Так реализовывалась идеология «Исламского эмирата Афганистан»¹⁷, по сходному пути идет и новый исламистский проект — ИГ.

Нынешние государственные границы халифатистами декларативно не признаются, поскольку установлены не свыше, а светскими правителями; борьба, направленная на смену светских режимов исламскими теократиями, является одной из базовых идей. Как пишет отечественный востоковед З.И. Левин, исламские экстремисты такого рода выступают не только против Запада и западничества, но «может быть, в первую очередь против нынешних правителей в мусульманских странах, которые послушны западным державам, погрязли в невежестве и уклоняются от прямого пути, указанного Аллахом»¹⁸.

Вполне объяснимо, что в сентябре 2014 г., то есть спустя пару месяцев от объявления халифата, ИГ солидарность и единство целей с ним выразили афганские талибы и их пакистанские единомышленники из «Джамаат аль-ахрар», а вскоре об этом прямо заявили и талибы в Пакистане¹⁹.

Правда, уже тогда спецпредставитель президента РФ по Афганистану, посол З. Кабулов, прогнозировал намерения ИГ не заключать союз с талибами, а контролировать территорию Афганистана. И некоторая часть талибов была готова перейти под знамена игиловцев, которые, по его словам, «привлекательны в глазах этой молодежи, у которой нет чувства родины, которые чувствуют себя “исламскими космополитами” и воюют за халифат везде, где надо воевать. Для такой части боевиков игиловцы могут оказаться привлекательной силой, к которой они потянутся. Вот тогда ИГИЛ станет действительно опасным для Афганистана»²⁰.

Впоследствии действительно талибы в массе своей отказались от этой поддержки и даже выступили против ИГ. Тем не менее в январе 2015 г. было объявлено о создании в составе халифата ИГ «Эмирата Хорасан», объединив-

шого якобы Афганистан, Пакистан, Индию и Бангладеш. Ясно, что это амбициозное заявление было сделано верхушкой ИГ без опоры на реальное положение дел — так сказать, на перспективу. Ведь эмиссары ИГ нередко встречали жесткий отпор афганских полевых командиров и рядовых афганцев: в том же месяце было зафиксировано несколько кровопролитных стычек талибов с халифатистами в афганских южных провинциях. Видимо, для афганцев стало слишком явным несоответствие их собственной программы действий — антиправительственной борьбы за коренную исламизацию своего общества с программой мусульманского космополитизма сторонников ИГ²¹.

Можно предположить, что национальный фактор сыграл далеко не последнюю роль в размежевании двух халифатистских проектов. Очевидно, афганцы не оценили покровительственного поведения джихадистов из ИГ: в апреле 2015 г. появились сообщения о якобы объявленном джихаде друг другу ИГ и Движения Талибан, при этом лидеры талибов призвали своих бойцов «противостоять ИГ и не дать поднять его флаг над Афганистаном»²². В мае в афганской восточной провинции Нангархар начались настоящие боевые действия боевиков ИГ против талибов — практически открытая война тех, кто считает себя вправе объявлять единоверцам такфир, с теми, кто уже два десятилетия ведет войну за устранение светских элементов системы правления и введение шариата на землях Афганистана и части Пакистана и не собирается допускать завоевания их арабами.

Таким образом, одной из сил, с которой давно ведут ожесточенную борьбу боевики ИГ, стали исламисты, выступающие за создание и укрепление исламского общества в рамках «национальных государств» — государственных образований в границах, более или менее совпадающих с нынешними. «Экстремисты [очевидно, глобального масштаба или халифатисты. — А. С.], — продолжает З.И. Левин, — решительные противники национализма, который подрывает единство мусульманской общины, противопоставляя ее интересам национальный»²³. Заблудшими и поэтому объектами религиозной войны были объявлены исламисты из ХАМАС²⁴ и других палестинских вооруженных формирований, египетские исламисты, боевики сирийских вооруженных групп, которые пытаются так или иначе приспособить свои цели к существующим рамкам государственно-политического устройства региона. Курды, которые борются за создание своего государства, тоже оказываются врагами халифатистов. Подчеркнем, что в данном случае речь идет только о суннитах. Впрочем, несуннитские боевые организации (прежде всего «Хезболла») оказываются в числе их основных противников априори.

Нередко и к алавитам высказывается однозначное отношение как к вероотступникам. В своем интервью телеканалу «Аль-Джазира» лидер «Джабхат ан-Нусра» Абу Мухаммад аль-Джауляни прямо называет алавитов «отошедшими от ислама», опираясь при этом на суждение неких «ученых и факихов»²⁵. А отступники от ислама, согласно шариату, должны быть подвергнуты самому суровому наказанию.

Что касается несуннитских боевых организаций, то чрезвычайное беспокорство они вызывают у аравийских монархий, и опасения в отношении их

усиления высказывались с трибун авторитетных международных форумов. Так, в своем вступительном слове на открытии крупного «Стратегического диалога Абу-Даби», организованного в октябре 2014 г. на площадке «Emirates Policy Center», в один ряд угроз для Ближневосточного региона и стран Залива были поставлены ИГ («Даиш») и некие «другие Даиши», причем под последними, по словам ряда участников, без сомнения, понималась в первую очередь «Хезболла». Очевидно, основным признаком тут явились амбиции подразумеваемых организаций, которые простираются далеко за пределы отстаивания суверенитета их собственной страны и угрожают существующему политическому устройству и балансу сил суннитов и шиитов в регионе в целом.

Изменившийся с активизацией ИГ расклад сил на Ближнем Востоке, по логике вещей, должен был изменить и стратегию действий основных региональных игроков. В частности, курс спонсоров сирийской оппозиции на смену правящего режима в Сирии мог бы отойти на второй план, уступив место борьбе с первостепенной угрозой странам региона и «расползанием» джихадизма по странам мира. Тем не менее страны антитеррористической коалиции посчитали возможным сделать акцент на усиление сил «умеренной сирийской оппозиции» для борьбы с ИГ в долгосрочной перспективе, игнорируя готовность Дамаска использовать для этого регулярную армию (поскольку считают режим Асада нелегитимным). Об этом на упомянутом форуме подробно говорил, в частности, американский аналитик и дипломат, член Атлантического совета, посол Фред Хоф. Он огласил долгосрочную программу подготовки сирийских боевиков на территории Турции, а также сообщил, что проводятся регулярные консультации с полевыми командирами вооруженных формирований в Сирии (причем, исключая НКСРОС) и даже переговоры (формально — по линии общественных организаций) с «Джабхат ан-Нусра» — с целью координации противодействия ИГ. Последнее, конечно, сомнительно: попытка остановить одну силу при помощи подобной ей не может привести к успеху. Зато этот факт показывает готовность антитеррористической коалиции играть на противоречиях в идеологии, стратегических целях и даже тактике разных экстремистских организаций и групп.

Задаваясь вопросом о возможной стратегии США в новых условиях, замдиректора Института Брукингса, бывший замгоссекретаря США и посол Мартин Индик дает весьма своеобразное пояснение: «Столкнувшись с ростом хаоса, Израиль и арабские государства, включая аравийские монархии, обнаружили общее ощущение угрозы со стороны Ирана, “Хезболлы”, ХАМАС, Асада и ИГИЛ (именно в таком порядке. — А. С.). В ответ они выработали сильную общую заинтересованность в борьбе с этими основными источниками нестабильности в регионе... Саудовская Аравия, Израиль и традиционные союзники США из арабских стран Залива ощущают, что их предали и, скорее всего, будут руководствоваться своими собственными соображениями, действуя без учета интересов США»²⁶.

Большинство государств опасаются экспорта джихадистской идеологии в среду собственного населения, использование соотечественниками добро-

вольцами, воевавшими на стороне ИГ (а также в Афганистане), боевого и террористического опыта для дестабилизации ситуации уже на родине²⁷. Но методы предотвращения такой зловещей перспективы видятся, как правило, в рамках военно-политической парадимы, тогда как эффективным может оказаться подход с центральной религиозно-идеологической составляющей.

В идеале, тесная координация действий коалиции с Организацией исламского сотрудничества (ОИС), четкая артикуляция ОИС своей позиции по халифатистским проектам (Афганистана, Ирака, затем — «Ирака и Шама», а теперь Исламского государства), конкретные предложения и их воплощение силами самих мусульман могли бы стать ответными мерами, которые лежат в той же системе координат, что и вызывающие их угрозы. Понимание этого простого момента долгое время не наступало.

Только в конце апреля 2015 г. в Дакаре представители ОИС собрались на очередную сессию (10-ю по счету) Постоянного комитета ОИС по информации и культурным вопросам (СОМИАС), которая носила название «Роль молодежи и средств массовой информации в интересах мира и стабильности в мусульманском мире». Парадоксально, но последний раз комитет заседал лишь в октябре 2010 г., и возможно, этот разрыв отражает отсутствие единства в рядах членов ОИС по ключевым вопросам жизни уммы в период «волны турбулентности» в арабском мире. На дакарской сессии прозвучали призывы к молодежи улучшать образ ислама в глазах людей, препятствуя его искажению в неисламских масс-медиа, преподносящих мусульманский мир как область насилия и тем самым насаждающих исламофобию. На втором месте (!) была названа угроза исламу со стороны таких организаций, прикрывающихся религией, как ИГ, «Боко Харам» и «Аль-Каида». Эти угрозы предполагалось предотвращать совместными усилиями, используя потенциал комитета ОИС (СОМИАС), Исламского вещательного союза (IBU) и Международного агентства исламских новостей (IINA)²⁸. Ясно, что основные меры планировалось направить против первого пункта — антиисламских стереотипов в обществе и исламофобии, т. е. вполне в рамках компетенции комитета.

Показательно, что на сессии обсуждалась и палестинская проблема. В частности, генсекком ОИС Ийадам Мадани было высказано заверение в поддержке и одобрении стойкости палестинцев Иерусалима против бесчинств израильтян, например, в отношении запрета на проход на Храмовую гору к мечети Аль-Акса через «Палестинские ворота». Он заявил также, что его организация работает над открытием офиса в Рамалле²⁹. Такое внимание к вопросу палестинского национального строительства и резкое осуждение наднациональных экстремистских организаций и их целей очевидным образом относит руководство ОИС в стан тех, кто не разделяет парадигму силовых панисламистских проектов перекройки границ внутри *дар аль-ислам*. Распространение ислама, желательное для всех мусульман, видится ими, очевидно, исключительно при условии сохранения существующих государственных систем мусульманских стран, и в этом смысле ОИС как организация с официальной идеологией, безусловно, в числе противников халифатистов.

Если говорить о силовом решении проблемы, то выбранная тактика борьбы с ИГ и «Аль-Каидой» обречена на провал без учета интересов населения стран, на которых, собственно, и идут боевые действия. Речь идет прежде всего об Ираке и Сирии, но это касается и Ливана, на земле которого с августа 2014 г. также идут локальные боевые действия и где сосредоточилось основное количество беженцев из Сирии (до трети от населения самого Ливана). Логичным шагом, как кажется, была бы экстренная и существенная помощь вооруженным силам этих стран. Но эффективное использование иракских ВС в борьбе с экстремистами ограничивается рядом политических обстоятельств (несмотря на то, что военное взаимодействие армий Ирака и Ирана уже показало свою высокую эффективность), а армия Сирии и вовсе является объектом противодействия со стороны основных участников коалиции. Ускоренными темпами усиливать свои вооруженные силы — возможно, единственный выход для соседних государств, и, например, Ливан пытается идти по этому пути, но военно-финансовая помощь армии, о которой на всех крупных международных форумах говорит ливанский премьер, поступает далеко недостаточная и с такими проволочками, которые в скором времени могут оказаться роковыми не только для страны, но и для региона³⁰.

Очевидно, что среди основных целей джихадистов — распространение своего влияния по всему Леванту, в том числе на прибрежные территории, в частности на сектор Газа и Ливан. На пути в этом их продвижении стоят арабские экстремистские организации и боевые крылья ряда политических партий. Кроме уже упомянутой «Хезболлы», которая давно ведет непосредственные бои с «Джабхат ан-Нусрой» на ливанской и сирийской территориях, это палестинские исламисты из «Бригад Изз Ад-Дин Аль-Кассам» (БИК), боевого крыла ХАМАС, «Бригад Иерусалима» («Сарайа аль-Кудс»), боевого крыла «Исламского джихада» и др.

Отношения халифатистов с такого рода организациями обостряются по нарастающей. Так, 8 мая 2015 г. была предпринята попытка взорвать штаб Сил безопасности Газы: в районе Хан Юнис на юге Газы разорвались две мины 82-мм калибра. Эта атака была совершена малоизвестной организацией «Сторонники ИГ в Иерусалиме» в ответ на захват боевиками ХАМАС одного из лидеров джихадистов в апреле 2015 г. и была направлена якобы непосредственно против БИК. Представитель палестинского МВД в Газе, правда, не подтвердил эту информацию, назвав претензии этой группы «ни на чём не основанными»³¹.

Постепенно усиливает пропагандистскую работу в секторе Газа и северосинайская группа, аффилированная с ИГ (предположительно, с ноября 2014 г.), «Ансар Бейт аль-Макдис» («Защитники Иерусалима»). Боевики объявили о создании «Вилайета Синай» в составе халифата во главе с аль-Багдади³² и призывают жителей полуострова вступать в их ряды и противостоять властям Египта, его армии и полиции.

Другой силой исламистов, действующей на Африканском континенте, является «Боко харам», цели и методы которой во многом совпадают с ИГ на

Ближнем Востоке. Недаром в начале марта организация объявила о своем присоединении к халифату ИГ, а главари последней подтвердили этот факт³³.

В мае 2015 г. с подобным заявлением выступила и «Аль-Мурабитун» — группа, причастная, в частности, к нападению на нефтегазовый комплекс Ин-Аменас в Алжире и на лагерь миротворцев ООН в Мали. Объявляя о своей верности халифу Аль-Багдади, боевики этой группы заявили, между прочим, что этот их шаг направлен к устранению раскола внутри уммы³⁴. Исходя из тактики «Боко харам» и «Аль-Мурабитун», можно заключить, что эти организации явным образом пренебрегают государственными границами и противостоят иным боевым группам, действующим в религиозно-националистической парадигме.

Долгосрочные цели и способы действия халифатистов очевидным образом отличают их от исламистов иного толка и представляют собой центральный пункт их противопоставления.

Следующим пунктом расхождения можно назвать нетерпимость по отношению к инакомыслящим — не только иноверцам, но и прежде всего мусульманам. «В целом, поскольку ИГИЛ утверждает тоталитарный салафистский ислам, любые формы религиозного инакомыслия и любое неподчинение исламским порядкам приравниваются к политическому диссидентству и должны наказываться. Первыми жертвами тоталитаризма становятся мусульмане свободных взглядов, несогласные с таким салафитским прочтением, а кроме того, и мусульманки, которым, кстати, по указу нового иракского халифа ИГИЛ, надлежит быть обрезанными»³⁵.

Но еще одним различительным моментом, не менее важным, является миграционный (если можно так выразиться) характер халифатистов, или сторонников идеи глобального джихада, в противоположность, так сказать, местному — в отношении «национально ориентированных» исламистов. Интернациональный состав джихадистов «Аль-Каиды» или ИГ очевиден. Всего на их стороне насчитывают до 25 тыс. иностранных боевиков-террористов³⁶ из 100 стран (в частности, в составе ИГ воюют выходцы из арабских стран, Европы, Америки, Китая, России и др.)³⁷. По словам главы Интерпола Ю. Стока, его организация к концу 2014 г. владела примерно 1 тыс. досье на иностранных боевиков-террористов, тогда как в мае 2015 г. их количество возросло до 4 тыс. При этом он считает, что реальное число боевиков, достигших зон конфликтов за этот период, гораздо выше³⁸.

По-своему страшно пророчески звучат слова авторов знаменитой «Импери» (написана в 2000 г.), если иметь в виду не только растущие миграционные потоки в традиционном смысле, но и «миграцию джихада» — перемещение людей из относительно благополучных мест в заведомо рискованные условия зон боевых действий. «Посредством циркуляции массы заново присваивают пространство, конституируя себя в качестве субъекта действия. Если мы пристальнее взглянемся в то, как протекает процесс формирования субъективности, то заметим, что эти новые пространства характеризуются необычными топологиями, неограниченно далеко простирающимися в подземном слое ризомами, корневищами — географическими мифологиями,

размечающими новые тропы судьбы. Эти перемещения нередко стоят ужасных страданий, но вместе с тем в них присутствует желание освобождения, не удовлетворяемое иначе, кроме как присвоением новых пространств, где рождается новая свобода»³⁹. (Последнее слово в цитате, пожалуй, следовало бы заковычить, поскольку это именно некая другая свобода.)

Можно предположить, что в основе таких перемещений, о которых мы говорим, имеющих роковые последствия для целых регионов, лежит протест. Жажда высшей справедливости, свободы от социальных или личных оков, а зачастую и романтика насилия, толкают людей на поиски принципиально другого типа отношений и несравнимого с прежним размаха действий.

Протестный потенциал используется и канализируется идеологами джихадизма довольно эффективно: происходит попытка за попыткой (все более ожесточенные!) воплотить цивилизационный архетип справедливого и морального мусульманского государства в противовес остальному миру, лежащему якобы во лжи, коррупции и разврате. Исламисты тем самым полагают, что пытаются противопоставить «современному потребительскому обществу, стандартизации, экспансии западной культуры, секуляризации, массовой нищете, безработице, отсутствию реальных перспектив улучшения жизненных условий идею гипотетического государства ислама, основанного на кораническом постулате «справедливость есть основа власти», на принципах сплоченности и эгалитаризма»⁴⁰.

Научная разработка вопроса соотношения глобального джихада, халифатизма и «национально ориентированного» исламизма может стать плодотворной в плане прогнозирования развития экстремизма как в региональном, так и в глобальном масштабе. Развиваясь и трансформируясь, религиозный экстремизм (не обязательно мусульманский) может вызвать — да и уже вызывает — мощную волну воинствующего секуляризма, который начинает проявлять иные по характеру, но все же экстремистские по сути черты. В свою очередь, исламизм нередко демонстрирует методы, заимствованные из практики ультралевых радикалов прошлых десятилетий, которым было также в высшей степени свойственно самопожертвование в борьбе ради некоего идеального общества будущего⁴¹.

Другим направлением мысли может быть анализ социально-психологических причин, природы неудовлетворенности существующим положением дел потенциальных экстремистов, или социальных моделей относительной депривации⁴², которые наиболее подходят под описание феномена в его двух указанных проявлениях.

Наконец, важным и очень многоплановым является вопрос о социальных последствиях, вызываемых объединением граждан в экстремистские группы с ярко выраженной религиозно-патриотической идеологией, с одной стороны, и перемещением иностранцев и иностранок в зоны вооруженных конфликтов, интеграцией их в создаваемые военнизированные структуры, осуществляющие контроль за хозяйственной жизнью, управлением и судопроизводством в квазигосударстве-«халифате», с другой стороны.

Социальным изменениям, вызванным радикализацией восточных обществ, и их различным аспектам посвящены многие интересные работы российских и зарубежных исследователей. В частности, очень перспективным представляется вопрос ретрадиционализации в мусульманских странах⁴³. В этом отношении иногда условно выделяют модернистов и традиционалистов, а также промежуточную прослойку светски образованных людей, которая при определенных условиях может дрейфовать в сторону традиционалистов или даже радикалов, но обладает своим набором идеологических положений, представлений о социальной справедливости и допустимых методах активизма. Как пишет востоковед-историк и политолог В.Я. Белокрепницкий, «их отличает вера в “воображаемое славное прошлое” мусульман и эксплуатацию исламского мира Западом. В отличие от мусульман-традиционалистов они полагают, что их корни не в родной земле, а ... на родине ислама»⁴⁴. Тем самым эти люди являются самостоятельным потенциальным источником исламистской мысли — источником, по всей видимости, пока недооцененным.

Как оказывается, трудно утверждать, что рассмотрение взаимоотношений исламистов разных мастей возможно только через противопоставление. Вопрос многогранен и в каждом отдельном случае нуждается в учете всех данных его условия. Тем не менее дальнейшие попытки поставить такой вопрос могут привести к результатам, позволяющим более объективно оценить происходящие процессы на мусульманском Востоке.

Примечания

¹ См., например, ролики «Бригад Иерусалима» — Honor of the Martyrdom by Al Quds Brigades (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=x9XKDBTyOto>), или «Бригад Иззетдина аль-Кассам» — The Izz Ad Din Al-Qassam Brigades (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YM9JFML9cag>).

² Подробнее см., например: Дугин А. Проект «Империя» // Профиль, 15.09.2008. URL: <http://www.profile.ru/archive/item/55969>.

³ Cronin K.A. ISIS Is Not a Terrorist Group: Why Counterterrorism Won't Stop the Latest Jihadist Threat // Foreign Affairs, March-April 2015. URL: http://www.foreignaffairs.com/articles/143043/audrey-kurth-cronin/isis-is-not-a-terrorist-group?cid=emc-apr15promoc-content-031715&sp_mid=48247954&sp_rid=YWxzYXJhYmlAeWEucnUS1

⁴ Там же.

⁵ См. источник: Negative Opinions of al Qaeda Prevail / Pew Research Center, 1.07.2014. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/07/01/concerns-about-islamic-extremism-on-the-rise-in-middle-east/pg-2014-07-01-islamic-extremism-03>.

⁶ A Less Gloomy Mood in Pakistan / Pew Research Center, 27.08.2014. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/08/27/a-less-gloomy-mood-in-pakistan>. Опрос проводился в апреле-мае 2014 г.

⁷ Попутно заметим, что чаще всего своим врагом исламисты называют «сионистскую экспансию» и «сионистское государство», а вовсе не иудеев, и это переносит акцент на фосу борьбы таких исламистов из области религиозной в сферу военного-политического противостояния империализму, а также свидетельствует, что заявленная в теме бинарная оппозиция в основе своей верна.

- ⁸ См., например: Islamism in Lebanon // World Almanac of Islamism 2014 / The American Foreign Policy Council. URL: <http://almanac.afpc.org/Lebanon>.
- ⁹ См., например: Исламистские группировки в Сирии / Межрегиональный общественный фонд содействия стратегической безопасности, 27.02.2014. URL: <http://www.fssb.su/islam-terror/islam-terror-gangs/810-islamistskie-gruppirovki-v-sirii.html>.
- ¹⁰ Кутб, Саид. Вехи на пути Аллаха / Перевод ИД «Бадр» (электронный ресурс). URL: http://www.muslimka.ru/_ld/11/1131_Vekhi_na_puti_A.doc. С. 26.
- ¹¹ Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 30–31.
- ¹² Кутб С. Указ. соч. С. 13.
- ¹³ Там же. С. 24.
- ¹⁴ Khouri R.G. Ethno-nationalism rules in our region // The Daily Star, 09.05.2015. P.7. URL: <http://www.dailystar.com.lb/Opinion/Columnist/2015/May-09/297303-ethno-nationalism-rules-in-our-region.ashx>.
- ¹⁵ Чекризова О.П. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане (Северо-Западный регион) // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). М., 2014. С. 226.
- ¹⁶ См.: Кепель Ж. Указ. соч. С. 128.
- ¹⁷ Подробнее об этом образовании см.: Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. М., 2004. С. 99 и далее.
- ¹⁸ Левин З.И. Хранители Слова и блюстители Духа Откровения // Фундаментализм. М., 2003. С. 38.
- ¹⁹ Боевики «Талибана» заявили, что полностью поддерживают ИГ // Газета.Ru, 5.10.2014. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2014/10/05/n_6534517.shtml. См. также дайджест от 29.09.2014 на сайте Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков: URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/Pressa_Afganistan/2014/0929/163232634/detail.shtml
- ²⁰ «Талибан» и Исламское государство: тактические союзники или непримиримые соперники? // Фергана, 20.01.2015. URL: <http://www.fergananews.com/articles/8377>.
- ²¹ См.: Ebrahimi Fl. ISIS (Daesh) vs Taliban: A Nightmare For Afghanistan // Khaama Press, 20.01.2015. URL: <http://www.khaama.com/isis-daesh-vs-taliban-a-nightmare-for-afghanistan-9267>.
- ²² ИТАР-ТАСС, 20.04.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1916957>.
- ²³ Левин З.И. Хранители Слова... С. 38.
- ²⁴ Abu Amer A. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/11/islamic-state-sinai-threat-amas-gaza.html>
- ²⁵ Аль-Джазира, 1.06.2015.
- Файл видео: http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=-hwQT43vFZA; расшифровка и перевод интервью см.: <http://golosislama.ru/news.php?id=26837>.
- ²⁶ Indyk M.S. A return to the Middle Eastern great game // Brookings. February 17-18, 2015. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/02/18-return-to-great-game-in-middle-east-part-two-indyk>.
- ²⁷ Наумкин В.В. Россия продолжает активизировать свою ближневосточную политику // Al-Monitor, 11.12.2014. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/ru/originals/2014/12/russia-middle-east-policy-palestine-israel.html>.
- ²⁸ Tenth Session of COMIAC Begins in Dakar Addressing Stereotyping of Islam and Muslims Top its Agenda / Organization of Islamic Cooperation, 29.04.2015. URL: www.oic-oci.org/oicv2/topic/?t_id=10034&t_ref=3973&lan=en.

- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См. подробнее: Сарабьев А.В. Ливан под прицелом джихадизма // Российский совет по международным делам, 15.04.2015. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5687#top-content; Сарабьев А. В. Три слагаемых тревоги за Ливан // Новое восточное обозрение, 28.02.2015. <http://ru.journal-neo.org>.
- ³¹ Ливанская Дэйли Стар сообщала об этом со ссылкой на Франс-Пресс: The Daily Star. 09.05.2015. P. 9.
- ³² ИТАР-ТАСС, 18.05.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1977197>.
- ³³ ИТАР-ТАСС, 13.03.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1826226>.
- ³⁴ ИТАР-ТАСС, 14.05.2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1968684>.
- ³⁵ Chrétiens d'Irak : les califoutraques islamiques en bonne voie de mettre un point final à 2000 ans d'histoire // Atlantico, 26.07.2014. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/chretiens-irak-califoutraques-islamiques-en-bonne-voie-mettre-point-final-2000-ans-histoire-alexandre-del-valle-1678638.html#rSXhao4yWVfJUWh.99>.
- ³⁶ Это понятие активно применяется, в частности, в резолюции СБ ООН № 2178 от 24 сентября 2014 г., посвященной борьбе с терроризмом. — См.: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=5/RES/2178\(2014\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=5/RES/2178(2014)).
- ³⁷ Middle East Monitor (MEMO), 4.06.2015. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/news/europe/19039-interpol-identifies-4000-fighters-who-joined-jihadist-groups>
- ³⁸ Interpol meeting in Spain encourages information sharing on foreign fighters // INTERPOL, 3.06.2015. URL: <http://www.interpol.int/News-and-media/News/2015/N2015-072>
- ³⁹ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 366.
- ⁴⁰ Левин З.И. Очерки природы исламизма. М., 2014. С. 112–113.
- ⁴¹ В этой связи интересны непосредственные впечатления от общения с пакистанскими исламистами российского журналиста Е. Пахомова: «Они говорят, что ... если все будет мусульмане, все станут братья, войны прекратятся. ... У них очень много было от комсомольцев первых пятилеток. Они верили, что загонят человечество к счастью железной рукой. ... Эти ребята не слишком были настроены вести теоретические споры. Они хотели счастья для всех и сразу». — См: URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/472223.html>.
- ⁴² См., например: Гарр Т. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 83–93.
- ⁴³ См.: Звягельская И.Д. Архаизация и конфликты на Ближнем Востоке // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М., 2015.
- ⁴⁴ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М., 2013. С. 168; см. также: Rashid T. Radicalisation of Civil Society — A Case Study of Pakistan // South Asia: Envisioning a Regional Future / Ed. by S. Pattanaik / Pentagon Security International, August 2011. P. 162.

Раздел II

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ
НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМА**

В.В. Орлов*

САМООТЖДЕСТВОЛЕНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: ЭТНИЧЕСКОЕ, КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ

Резюме. В статье рассматриваются теоретические подходы к сущности форм самоотождествления в арабском мире (гражданской, культурной, этнической, религиозной), сложившиеся у арабских духовных лидеров и идеологов различных направлений. Показаны характерные черты самоидентификации в традиционных обществах Ближнего Востока и Северной Африки и их эволюция в эпоху арабского Просвещения (вторая половина XIX в.) и национального освобождения (XX в.). Исследованы историко-культурные истоки дихотомии понятий «арабская родина» (*аль-ватан*) и «арабское страновое государство» (*аль-кутр*). Особое внимание уделено анализу критериев арабского единства — расы, общности территории, хозяйственно-культурного типа, экологической среды, языка. Намечено соотношение этнического и исламского начал в арабской националистической идеологии и риторике.

Ключевые слова: арабский мир, этноисторическое самосознание, Просвещение, культурная самобытность, национализм, модернизация, исламские институты.

Summary. The article deals with theoretical approaches to the content of forms of identity in the Arab World (civil, cultural, ethnical, religious) as they were formulated by Arab spiritual leaders and ideologues of different schools. The typical features of self-identification in traditional societies of the Middle East and North Africa are reviewed, as well as their evolution in the epoch of Arab Enlightenment (second half of the XIXth c.) and national liberation (XX c.). The study explores the historical and cultural background of dichotomy between the notions of «Arab Homeland» (*al-watan*) and «particular Arab state» (*al-qutr*). Special attention is paid to the analysis of criteria of the Arab unity — race, community of territory, economic-cultural type, ecological context, language. The relationship of ethnic and Islamic bases in Arab nationalist ideology and rhetoric is also outlined.

Tags: Arab world, ethnohistorical consciousness, Enlightenment, cultural originality, nationalism, modernization, Islamic institutions

Проблема самоотождествления (идентичности, самобытности, в арабском языке обычно *аслийя* или *хусусийя*) с середины XX в. стала чрезвычайно актуальной — как для массового сознания населения арабских стран, так и для социологов, культурологов, историков арабского мира. В условиях современного миропорядка скоростная и навязанная арабским обществам извне модернизация все более скрадывает их специфику, «усредняя»

* Орлов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ, ведущий научный сотрудник ИВ РАН.

образование, стандартизируя культурные запросы и нивелируя жизненные планы отдельных людей и целых групп. В таких условиях все формы самоотождествления — гражданская, культурная, этническая, религиозная — так или иначе воспринимаются в арабском мире как ключ к осознанию собственной значимости, как важный идейный инструмент сопротивления глобализму, руководящей роли западного мира во главе с США. Независимо от форм проявления такого протеста с каждым десятилетием он носит все более националистический и антизападный характер. Если еще тридцать лет назад понятия «модернизация» и «вестернизация» для просвещенных кругов арабских обществ были синонимами (разумеется, не без влияния западной мысли)¹, то сегодня дело обстоит далеко не так. Попытки ответить на вопрос: «Кто мы и где наше место в мире?» породили уже в среде «арабской улицы» могучие солидаристские тенденции и обновили исконное понимание ислама и исламской общины-уммы как «наипрочнейшей связи» (*аль-урва аль-вуска*). В силу этого обстоятельства многие востоковеды склонны считать исламский мир одним из центров мирового развития, невзирая на пестроту и разнообразие его политических и экономических структур². Это социопсихологическое осознание общности судеб разных арабских народов, умноженное на мощь и быстрое действие электронных средств коммуникации, сыграло свою роль и на начальном этапе «арабской весны» 2011–2012 гг., когда революционные события, произошедшие в Тунисе, сразу же стали детонатором для взрыва недовольства режимом Х. Мубарака в городах Египта.

Можно сформулировать проблему и по-другому: в условиях постиндустриальной эпохи и процессов глобализации «спрос» на самоотождествление в арабском мире заметно возрастает и будет возрастать далее. Арабские идеологи разных направлений видят в нем устойчивую и надежную социокультурную основу для нравственного и интеллектуального формирования современной личности³. В облике «самобытного пути развития» оно дает возможность арабо-мусульманским лидерам утвердить цивилизационную полноценность своей культуры перед ушедшими далеко вперед Европой и Северной Америкой, не прибегая к экстремистским методам самовыражения⁴. Наконец, нельзя не заметить того, что признак этнического самоопределения по отношению к «другому», как правило, обладает высоким потенциалом устойчивости и автономии. Представители одного этноса могут быть расселены на различных пространствах, говорить на разных языках, но, тем не менее, продолжать относить себя через самоназвание к одному и тому же корню, к одной и той же этнической общности⁵. В арабском мире это обстоятельство преломилось во множестве страновых и региональных субкультур, которые проявляют себя в поведении и образе мышления их носителей, в особенностях организации их быта и хозяйства, в специфике их вербальных и невербальных (мимика, жест, поза) реакций, в лингвистических особенностях диалектов арабского языка, разнообразии лексики и словоупотребления. Все эти различия обусловлены этноконфессиональным составом населения тех или иных арабских стран, их обычаями и традициями, экологическим окружением и другими факторами⁶. Для самих арабов они могут слу-

жить маркерами распознавания страновой и региональной принадлежности собеседника, но отнюдь не мешают, например, тунисцу, йеменцу, суданцу или иракцу в любое время осознавать себя неотъемлемой частью арабского мира.

Необходимость в самоотождествлении, самоопределении по отношению к окружающему миру существовала для человека всегда. Она являлась и является неотъемлемой частью его психической деятельности как существа общественного, испытывающего потребность в принадлежности к коллективу и сознании этой принадлежности⁷. Самоотождествление современных арабов восходит к древнему кланово-родовому, локальному, этнотерриториальному самосознанию жителей Аравии, существовавшему задолго до миссии пророка Мухаммада⁸. Очевидно, уже тогда существовали различные уровни этого самоотождествления, когда доисламский поэт, например, мог назвать себя представителем своей семьи, клана, племени или союза племен, жителем конкретного стойбища или города. У населения Аравии (как оседлого, так и кочевого) существовало относительное единство языка, устного поэтического предания, хозяйственного опыта, возникли сходные морально-правовые нормы, празднества, обряды. Более того, исследования доисламского наследия показали, что сложившаяся в IV–VI вв. бедуинская поэзия уже воспринималась арабиянами разного происхождения как всеобщее культурное достояние и общепонятная форма самовыражения личности перед себе подобными⁹.

В понимании историко-культурных корней арабского самоотождествления существенно и то, что первоначально понятие *аль-‘араб* (ед. ч. *аль-‘араби*) обозначало главным образом хозяйственно-культурный тип высококомобильного кочевника-скотовода, населявшего пустыни и полупустыни Аравии, а также степные регионы Палестины, Сирии и Месопотамии. В качестве этнонима это слово начали употреблять не сами жители Аравии, неизменно называвшие себя по роду-племени, а соседние народы. Однако задолго до ислама «землей арабов» называли уже всю их прародину — Аравийский полуостров, населенный также полукочевниками и оседлыми, которые получали свой основной доход от продажи зерна, фиников, благовоний, но не скота¹⁰. Вопрос о времени появления самоназвания *аль-‘араб* в массовом употреблении остается открытым. Однако наиболее вероятно, что к нему жителей Аравии подтолкнула исламизация и грандиозные по масштабам завоевания под знаменем ислама, превратившие как арабские племена, так и ислам в факторы международной политики. Разнородная и обычно отнюдь не склонная к единению масса аравийских племен, очевидно, по-настоящему ощутила свое единение в ходе захвата чуждых по вере и языку византийской Сирии и сасанидского Ирана, когда им угрожал общий враг, а на их стороне оставались сходные формы языка, единые военно-тактические цели и разделяемое ими вероучение¹¹. Наконец, приход к власти халифской династии Омейядов сделал арабов господствующей частью общества и развил в арабской верхушке ощущение избранности и превосходства¹².

И все же, хотя исламизация Аравийского полуострова способствовала объединению его племен, в эпоху жизни и деятельности пророка Мухаммада (570–632) собственно этнического самосознания у аравитян, по всей видимости, еще не было. Территориальная разобщенность племен и местностей, обусловленная сложным рельефом и климатом Аравии, локальные особенности форм хозяйства и языческих верований, постоянное соперничество и враждебность между племенами приводили к тому, что принадлежность к роду и племени преобладала над любыми другими уровнями самоотождествления. Вопреки нередко встречающемуся мнению, в богатейшем репертуаре доисламской бедуинской поэзии не возникала тема межплеменного единства. Выражая устремления соплеменников к стабильности, предсказуемости и безопасности, поэты могли призывать к миру и согласию между племенами, к соблюдению обычаев, этики и морали, унаследованных от предков и освященных временем, но отнюдь не к межплеменному единству или объединению племен¹³.

В средневековых арабо-мусульманских обществах, равно как и в арабо-османском, арабское этноисторическое самосознание обреталось главным образом в рамках мусульманской (христианской) религиозной общности. При этом араб-христианин воспринимался арабом-мусульманином в первую очередь как иноверец, находящийся по покровительством ислама (*зимми*), т. е. заведомо неполноценный член общества. На значимость самоотождествления для рядового жителя арабского мира влияли самые разнообразные аспекты социальной и политической конъюнктуры каждой эпохи: от успеха «аббасидской революции» 747–750 гг., свергнувшей Омейядов и возвысившей неарабов в администрации Халифата, до распада Халифата в X в., приведшего к расцвету средней и мелкой государственности в исламском ареале. Нередко роль политической элиты в средневековых государствах Ближнего Востока и Северной Африки играли неарабы: предводители тюрков, кавказских народов, курдов, монголов. Вплоть до второй половины XIX в. во всех областях арабского мира самоидентификация арабов основывалась на родоплеменном и религиозном фундаментах. Индивид чувствовал себя в первую очередь членом своего рода и религиозной общины, а в тех регионах, где сопрягались ислам и христианство (Сирия, Ливан), араб-мусульманин легче находил контакт с единоверцем-неарабом, нежели с соплеменником-христианином. В XVI–XIX вв. свою роль в разобщении арабов разной религиозной принадлежности играла и свойственная Османской империи юридическая независимость системы немусульманских религиозных общин (*миллетов*).

Интерес арабских мыслителей к самоотождествлению как основе национального самосознания пробудился только во второй половине XIX в. — в эпоху арабского Просвещения (ан-Нахда), восходившего к идеям европейского (прежде всего французского) Просвещения. Видные деятели ан-Нахды — арабские просветители, литераторы и ученые Бутрус аль-Бустани, Рифа'а Рафи ат-Тахтави, Джирджи Зейдан, Амин ар-Рейхани ввели понятия «родина» (*аль-ватан*), «арабский дух» (*аль-уруба*) в лексикон будущих араб-

ских националистов. Представление об «арабском духе» («арабизме») как всеобъемлющего духовного единства всех арабов, будь то мусульмане или христиане, стало основой арабской национальной идеи и вновь вывело проблему самоотождествления арабов на авансцену общественной жизни. В 1905 г. арабо-христианский мыслитель Наджиб Азури сформулировал тогда еще непривычное для современников понятие «арабская нация» (*аль-умма аль-'арабийя*). «Существует арабская нация, — писал он, — которая равно включает в себя христиан и мусульман. Религиозные же проблемы, проявляющиеся между членами общин — это только политические проблемы, которые провоцируют иностранные государства в своих интересах»¹⁴.

Во многом на востребованность принципов самоотождествления повлияло и постепенное достижение арабскими странами независимости. По существу, этот процесс, растянувшийся с 20-х по 70-е годы XX в., противопоставил два понятия: «единого арабского отечества от Океана до Залива», понимаемого как общее территориальное и национально-культурное пространство арабов (*аль-ватан*), и «странового государства», осознанного как реально действующая политико-государственная часть мирового сообщества (*аль-кутр*). Отсюда наиболее важной задачей, которую ставили перед собой теоретики арабского национализма, оказалось осмысление содержания арабской общности, которая должна была стать субъектом международных отношений. В политическом плане общественная мысль арабских стран связывала такую субъектность с понятием «государственного суверенитета», а в культурном — с проблемой «национальной самобытности»¹⁵.

При этом дихотомия *аль-ватана* и *аль-кутра* изначально была эмоционально и политически окрашена¹⁶. Если для большинства арабских националистов 30–50-х гг. XX в. *аль-ватан* был светлой, но труднодостижимой целью, то *аль-кутр* воспринимался как временная и темная полоса развития арабского мира¹⁷. Воссоздание идеальной конструкции *аль-ватана* виделось им как восстановление существовавшего до прихода европейских колонизаторов статусво. В то же время само существование отдельных арабских стран в такой системе ценностей понималось как свидетельство несоответствия общеарабских интересов и соотношения сил в современном мире. Во всяком случае, арабские авторы, обращавшиеся к вопросам самоотождествления арабов, как правило, сходились на том, что «страновое государство» — это закономерный итог европейской экспансии и колониального порабощения. Очевидно, что эту точку зрения несложно аргументировать. Действительно, создание колониальных империй в XVIII–XIX вв. привело к тому, что внешние по отношению к Ближнему Востоку и Северной Африке силы перекроили границы их историко-культурных регионов. Они же — с большим или меньшим успехом задали направления и темпы развития отдельных территорий, позже ставших отдельными арабскими странами. В некоторых случаях это воздействие носило завуалированный характер — например, во французских протекторатах Магриба (Тунисе, Марокко) или княжествах Залива, связанных с Великобританией союзными договорами. В других же такое воздействие было прямым и отчетливым — например, при создании французами «Велико-

го Ливана» или в ходе выделения Иордании как престола для хашимитского князя Абдаллаха ибн Хусейна, принявшего участие в Великом арабском восстании 1916–1918 гг. В целом разделение Ближнего Востока между Великобританией и Францией по итогам Первой мировой войны стало серьезным разочарованием для арабских националистов, в результате чего борьба за «арабское дело» стала приобретать все более антиколониальный и антизападный характер.

Верно и то, что противопоставление *аль-ватана* и *аль-кутра* всегда несло на себе и отпечаток политической мифологии. Если даже допустить отсутствие вмешательства европейцев в дела арабов, то далеко не факт, что арабский мир сам по себе породил бы гигантское государственное образование, простирающееся от Атлантики до Инда. К тому же в Османской империи (XVI–XX вв.) — имперском мусульманском пространстве, охватывавшем в том числе и арабские провинции, многие территории были полуавтономными или автономными¹⁸. Некоторые же несомненно арабские территории в ходе османского завоевания XVI в. вообще структурировались как государства вне Османской империи¹⁹.

Со сходными сложностями, многозначностью и мифологизацией были сопряжены разработка и интерпретация понятий *умма* (и как религиозной, и как национальной общности), *кауум* (народности, но также морально-психологической и этносоциальной общности, обладающей историческим опытом, единством языка и мировосприятия, «сообществом сердец и душ»), *асабийя* (дух кровнородственного единения), *ватанийя* (отечества как территориального единства). Во всех этих случаях арабские идеологи искали те культурные компоненты, которые были бы в их понимании самобытными, отличали бы арабскую нацию от всех других.

Политики и идеологи в арабских странах пытались осмыслить основу общеарабского единства как единство расы. Если общественная мысль Европы обращалась к расе для объяснения различия культур в конце XIX в., то в творчестве арабских идеологов влияние расовых теорий сохранялось даже в 60-х гг. XX в. Так, ливанский мыслитель Мухаммад Даруза утверждал, что «расовое единство присуще всему арабскому миру», поскольку в ходе исторической эволюции «различные этнические группы смешались с арабами и восприняли черты арабского характера»²⁰. Сириец Эдмонд Раббат рассматривал уже всех семитов как единый народ, а поэтому полагал, что подлинная история арабов может быть только совокупной историей семитов. По его же мнению, идеальные предпосылки для нации создавало сочетание этнического сходства и общих культурных достижений²¹.

На уровне отвлеченного умозерцания такая конструкция, возможно, и могла бы работать, но при выявлении реально функционирующей национальной общности расовый признак демонстрировал всю свою относительность. Достаточно вспомнить о том, что к семитской расе принадлежат две глубоко конфликтующие нации — арабы и евреи. Можно обратиться и к данным антропологии, доказывающим высокую степень фенотипического разнообразия между самими арабами — носителями единого генотипа, населяющими

разные территории и подвергающимися воздействию различных природных условий. Наконец, чрезвычайно существенным остается религиозный вопрос: арабы-христиане, относящиеся к той же расе, что и арабы-мусульмане, представляют инокультурную по отношению к исламу среду.

Не менее относительным показал себя и такой критерий национального единства, как общность территории, хозяйственно-культурного типа или экологической среды. С одной стороны, история арабов — это череда длительных и дальних миграций, а также сопутствующего им этнокультурного и расового смешения. Выше уже освещался генезис понятия *аль-‘араби*, первоначально не обладавшего никаким этническим значением, но обозначавшего хозяйственно-культурный тип кочевника, степняка. Более того, в городской и оазисной среде Аравии понятие *аль-‘араби* обозначало, по сути, образ врага. Оно ассоциировалось с такими качествами, как грубость, аморальность, невоздержанность, алчность до чужого добра, т. е. с тем, что благонравный горожанин не переносил в кочевнике. Это значение термина благополучно дожило до позднего средневековья. Так, великий арабский историк Абд ар-Рахман ибн Хал-дун в XIV в. писал об арабах как «воплощении всех зол», хотя этнически сам был арабом, а его предки происходили из Хадрамаута. Нередко он употреблял слово «арабы» по отношению к тем кочевникам Магриба, которые не относились к арабам ни по языку, ни по родословию²².

Совершенно неплодотворными оказались любые попытки выводить некое «единство арабов» из их кочевого миропонимания. При таком подходе значительная часть арабского населения того или иного региона неизбежно окажется за пределами пустынно-степного экологического ареала. Это, например, оседлые йеменцы в Аравии, обладающие тысячелетней культурой террасного земледелия, или так называемые «болотные арабы» на юге Ирака (*ахль бата’их*), веками ведущие озерно-островной образ жизни. Можно привести в пример и так называемых *муста’рибов* (букв. «как бы арабов», «похожих на арабов»). В современном арабском языке это слово обозначает арабиста, но в средневековом контексте оно относилось к представителю семитского племени, покинувшего Аравию до арабских завоеваний и проживавшего в соседних территориях. Как правило, *муста’рибы* были отнюдь не кочевниками, а оседлыми, что, впрочем, не помешало им послужить арабским завоевателям в качестве «пятой колонны» против Византии и Ирана²³.

Гораздо более существенным критерием единства арабской нации ее идеологи считали язык. В этом сходились как представители секулярно-националистических, так и религиозных течений, полагая язык бесспорным достоянием нации, выражением ее личности и средством ее сплочения²⁴. При этом для религиозных, фундаменталистски настроенных сил арабский язык прежде всего означал посредника в религиозном откровении, уникального выразителя воли Аллаха, единственно способного передать всю небообразимую сложность и многоплановость божественного завета. Отсюда в исламе возникла концепция неподражаемости Корана (*и’джаз аль-Кур’ан*), отстаивающая принципиальную неадекватность любого перевода Корана на другие языки задаче знакомства читателя с Откровением.

Для светских националистов арабский язык главным образом означал коммуникативный фактор, объединяющий нацию, общеупотребительный маркер принадлежности к ней. Не случайно в период европейского колониального присутствия неприятие колонизатора выражалось в борьбе против принудительного внедрения языка метрополии. Например, в Марокко в эпоху французского протектората (1912–1956) была предпринята попытка возвысить берберские диалекты, организовать франко-берберские школы и противопоставить берберов и арабов²⁵. В итоге сопротивление колониальной политике вылилось в лингвистическую сферу: когда французские чиновники обращались к берберам на их наречиях, те демонстративно отзывались на арабском языке, даже если знали его слабо²⁶. Как писал марокканский историк Абдаллах Ларуи, «окруженные со всех сторон враждебной техникой, мы находили в языке нашу единственную собственную технику»²⁷.

Со своей стороны, ряд арабских идеологов (особенно это касается сторонников панарабизма) специально подчеркивали неразрывную взаимосвязь арабской культуры и арабского языка как ее носителя. Например, видный философ и политический мыслитель Мустафа Саты аль-Хусри (1880–1968) — сириец, выросший в Стамбуле и много лет бывший министром образования Ирака, аргументированно писал о том, что в качестве фактора самобытности язык важнее, чем любые материальные факторы, поскольку он является важнейшим видом духовной связи людей, и создаваемое на нем наследие неминуемо порождает единство мышления и чувств, то есть сходство психического склада будущей или возникшей нации².

На деле статус языка как предпосылки национального сплочения или самоотождествления оказался чрезвычайно условен. Возникает необходимый в данном случае вопрос: к какому арабскому языку апеллируют те или иные националистические круги в арабском мире? Ведь арабский язык как историко-культурное явление организован очень сложно и ни в коей мере не может считаться гомогенным явлением. Наряду с естественным разделением на литературный арабский язык и множество диалектов специалисты-лингвисты и культурологи выделяют и другие пласты бытования арабского языка. Например, В.Э. Шагаль справедливо подчеркивает роль современного литературного языка как особой формы существования арабского языка, отличной от классического литературного, придавая ему, в сущности, роль своеобразного общего культурно-лингвистического «подслоя» арабской цивилизации, позволяющего говорить о ее единстве и цельности²⁹. Кроме того, существует и обиходно-разговорный арабский язык, далеко не всегда и не во всем идентичный территориальным диалектам³⁰. Поэтому перед арабскими националистами, рассуждавшими о национальном самоотождествлении, неизменно возникал вопрос об отношении к разным формам арабского языка.

Отвечая на этот вопрос, одни исследователи и идеологи сомневались в надежности языка как основы для самоотождествления. Так, уже упомянутый Абдаллах Ларуи писал следующее: «Арабский язык превращается в самоценность, ибо он единственное, чем мы владеем всецело и исключительно. Язык — этот конденсированный образ прошлого — превращают в

фетиш, который затем осыпают милостями, чтобы гарантировать все более проблематичное самоотождествление и все более иллюзорную преемственность»³¹. Другие идеологи — сторонники панарабизма — полагали, что арабские диалекты создают помеху для единения арабского мира и должны постепенно вытесняться. Тот же Мустафа Саты аль-Хусри, обобщая свой большой опыт постановки школьного образования, призывал к существенному обновлению арабского литературного языка, расширению его использования в общественной жизни, глубокому изучению его в школе, созданию собственно арабских терминологических систем, заменяющих кальки с западных языков³².

Существовала и иная точка зрения на соотношение литературного языка и диалектов, отличная от подхода панарабистов. Так, египтянин Люфи аль-Авад развил положение о превращении диалектов в самостоятельный язык, полагая, что литературный арабский язык ограничен в своем применении вопросами науки, философии, искусства, высоких истин. В то же время, писал Л. аль-Авад, простой человек нуждается в доступном и современном народном языке. Отсюда следовал его вывод о египетском диалекте как важном показателе самоотождествления египетской нации. При этом литературный язык воспринимался как фундамент мифа об арабском единстве³³. Наконец, в среде арабских националистов бытовала и компромиссная версия, согласно которой будущее развитие арабского языка виделось как создание своеобразного диалектального гибрида. Например, египетский философ и идеолог Мухаммад аль-Амин аль-‘Алим в начале 70-х гг. предполагал, что развитие литературного языка и диалектов должно со временем пойти по пути их сближения, взаимного проникновения, то есть «усреднить» общеарабский язык.

Задавшись вопросами сути арабского самоотождествления, идеологи и ученые не могли обойти вниманием вопросы духовно-культурного наследия, как правило понимаемого в исторической динамике. Особенно сложным здесь представляется вопрос о соотношении арабского и исламского начал в культуре Ближнего Востока и Северной Африки. Безусловно, само возникновение арабского мира в его нынешних пределах и ислам неразрывно связаны между собой. Однако в целом совокупность элементов арабо-мусульманского наследия не вмещается в рамки ислама как вероучения. С одной стороны, это наследие было дополнено греческим, персидским и древнеегипетским, не говоря уже о христианских, иудейских и сабейских религиозных учениях. С другой стороны, нельзя не признать, что для ранних арабских националистов, например для египтянина Мустафы Камия (1874–1908), было характерно смешение арабского национализма с идеями османизма и панисламизма. Последующие поколения арабских идеологов уже в большей степени находились под воздействием западных представлений о национализме, не признающих религию существенным фактором образования нации. К тому же военные, технологические и культурные успехи светских государств Европы оказывали на них несомненное влияние. Будучи согласны принять ислам как культуру и религию, они выступали против фундаменталистской, по сути, задачи консолидировать мусульманское общество без

относительно к национальности. В неприятии идеи исламского государства они заходили довольно далеко. Так, Мустафа Саты аль-Хусри полагал главной целью своих теоретических построений вообще исключить ислам из основных признаков арабской нации и тем самым, как он полагал, ликвидировать серьезное препятствие к национальной консолидации арабов³⁴.

Подводя итог анализу сущности самоотождествления в арабской истории, хотелось бы привлечь внимание к выводам академика Ю.В. Бромлея, который в своих трудах показал зависимость реальной разделенности нации не от наличия неких общих характеристик, присущих всем членам данной общности, а от действенности этих характеристик в качестве разграничителей с другими нациями³⁵. Иными словами, национальные чувства и концепции складываются отнюдь не через утверждение единообразия. Наоборот, они представляют собой гетерогенные образования и состоят из переплетенных друг с другом компонентов. Один из них (будь то язык, религия, культурно-историческое наследие) может выделяться в качестве системообразующего фактора, который в глазах современников отвечает за оформление данной общности по отношению к другим. В этом подходе, очевидно, состоит ключ к противоречивости и многозначности понятия «арабское национальное самоотождествление».

Примечания

¹ «Шансы стать современными без вестернизации, — иронически формулировал американский политолог Д. Пайпс в 1983 г. — столь же вероятны, как зачатие ребенка без совокупления» (Pipes D. In the Path of God: Islam and Political Power. N. Y., 1983. P. 196).

² См., например, выводы и аргументацию К.М. Труевцева (Труевцев К. М. Глобализация и исламский мир: проблемы адаптации // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2007. № 4 (47). С. 67).

³ Анализ теоретических аспектов «обретения себя» в условиях постиндустриального перехода и проблем сохранения идентичности мусульманского мира см. в книге: Левин З.И. Восток: идентичность в век глобализации. М., 2007.

⁴ Малашенко А.В. Мусульманская цивилизация: движение и инерция // Восток (Oriens). 1994. № 4. С. 39.

⁵ Кадыров Ш.Х., Брусина О.И., Казанков А.В., Перепелкин Л.А., Скарборо А. Этнос и этносы. Очерки теории и методологии. М., 2012. С. 15. Примечательно, что показатели самоотождествления считают основными при характеристике этноса и те этнологи, которые полагают саму сущность этничности предметом спекуляции и конструирования. — См., например: Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социальной и социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 114–115.

⁶ Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М., 2001. С. 12–13; Ахмедов В. М. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. М., 2008. С. 67.

⁷ В этом смысле Аристотель называл человека существом «политическим» (т. е. общественным, членом полисного сообщества). В современной этнопсихологии принято полагать, что позитивная групповая идентификация является аксиомой человеческого существования, которое непременно предусматривает членство в различных человеческих группах (Лебедева Н.М. Социальная психология аккумуляции этнических групп: Автореферат дисс. д.и.н. М., 1997. С. 29). Среди всевозможных видов таких объединений этно-

культурные группы обладают наиболее древними корнями; как правило, они наиболее устойчивы и ценностно значимы для отдельной личности.

⁸ Начальный этап этнического развития основывается на самоидентификации, сориентированной исключительно на кровнородственные связи и отношения. Однако с усложнением и усиливающейся иерархизацией этнического самосознания нижние уровни его единой структуры отнюдь не отмирают, но сосуществуют с более высокими (Кадыров Ш.Х., Брусина О.И., Казанков А.В., Перепелкин Л.А., Скарборо А. Этнос и этносы. С. 15).

⁹ Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). М., 1982. С. 75–76.

¹⁰ Грязневич П.А. Аравия и арабы (к истории термина *al-'arab*) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (Краткие сообщения). М., 1977. С. 42–43; Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М., 2013. С. 114.

¹¹ Грязневич П.А. Развитие исторического сознания. С. 103; Левин З.И. Умма и арабский национализм // Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987. С. 109.

¹² В Коране неоднократно подчеркивается «арабский» характер священной книги мусульман: так, сам Коран называется «судебником арабским»; он ниспослан на «языке арабском понятном» (*лисан араби мубин*) и т. п.

¹³ Грязневич П.А. Развитие исторического сознания. С. 101–102.

¹⁴ Azuri N. *Le réveil de la nation arabe*. P., 1905. P. 4.

¹⁵ Кривец Е.А. Арабская культурная самобытность: идеологическая концепция и ее реальное содержание // Восток (Oriens). 1994. № 2. С. 98.

¹⁶ Эмоциональный характер националистических чувств подчеркивали почти все представители арабского национализма. «Национализм, — писал в 1940 г. один из основателей партии Баас Мишель Афляк, — это прежде всего любовь. Я опасюсь того, что национализм среди нас скатится до уровня простого умственного знания или словесного обсуждения и тем самым утратит свою эмоциональную силу и теплоту чувства» (Афляк М. Фи сабил аль-ба'ас (На пути Баас). Бейрут, 1959. С. 29).

¹⁷ Косач Г.Г. Демократизация в странах Арабского Востока: реальность и перспективы (взгляд арабских политологов) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып. 3. М., 1999. С. 162–163.

¹⁸ Фактически полуавтономными с XVIII в. были Египетский пашалык, где власть вновь обрели мамлюки, Алжир, где власть присвоили пиратские и янычарские командиры, Тунис, где руководили командиры местных племенных ополчений. С XVI в. полностью автономен был Горный Ливан под управлением Маанидов, а впоследствии Шихабов.

¹⁹ Это Марокко под управлением шерифских династий Сааидов и Алауитов, или хариджитский Оман. Оба этих государства остались независимыми от Стамбула.

²⁰ Цит. по: Abdel-Malek A. *La pensée arabe contemporaine*. P., 1970. P. 44.

²¹ Цит. по: Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. 1917–1945. М., 1979. С. 52.

²² Mahdi M. *Ibn Khaldun's Philosophy of History*. L., 1957. P. 200–201.

²³ См.: Большаков О.Г. История Халифата. Т. 2. Эпоха великих завоеваний. М., 1993.

²⁴ Эта идея восходит к сложившейся в древности схеме мировидения аравитян, нередко называемой «бедуинской» и включавшей «остров арабов» (*джазират аль-'араб*, Аравийский полуостров), окружающие его водные массивы и отдаленные страны, населенные «чужаками» (а'аджим, ед. ч. а'джам — букв. бормочущие, невнятно говорящие). В этом слове находил свое выражение, очевидно, уникальный и общепонятный атрибут единства жителей Аравии, понимающих друг друга и говорящих одинаково в отличие от тех, кто говорит непонятно (Грязневич П.А. Развитие исторического сознания. С. 101–102).

- ²⁵ Берберы виделись французским колониальным идеологам как индоевропейские союзники Франции, издревле приверженные «племенной демократии», тогда как арабы представлялись ими как «темные силы семитского деспотизма и анархии». О лингвистическом аспекте французского управления в Марокко см.: Орлов В.В. Образовательная политика султанского двора и французской администрации протектората в Марокко (1912–1956 гг.) // Французский ежегодник. 2014. Т. 2. Франция и Восток. М., 2014. С. 300–317.
- ²⁶ Benhlal M. Le collègue d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. P., 2005. P. 108.
- ²⁷ Laroui A. L'idéologie arabe contemporaine. P., 1982. P. 91.
- ²⁸ Саты аль-Хусри Мустафа. Абхас мухтара филь-каумийя аль-арабийя (Избранные исследования по арабскому национализму). Т. 1. Бейрут, 1974. С. 42–43.
- ²⁹ Шагаль В.Э. Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. М., 1987; Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. С. 13.
- ³⁰ К примеру, любой араб, желая сказать «да», в быту скажет *айва*. Это слово противостоит литературному «да» (*на'ам*), но и не принадлежит какому-либо конкретному диалекту, так как бытует во всех арабских диалектах и говорах.
- ³¹ Laroui A. L'idéologie arabe contemporaine. P. 93.
- ³² См.: Саты аль-Хусри, Мустафа. Абхас мухтара. Т. 2. С. 153.
- ³³ Цит. по: Matthee R. Jamal al-Din al-Afghani and the Egyptian National Debate // International Journal of Middle East Studies. 1989. Vol. 21. № 2. P. 156.
- ³⁴ Тихонова Т.П. Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусри. М., 1984. С. 195.
- ³⁵ См. подробнее: Бромлей Ю.В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 41–53.

С.Ф. Орешкова*

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ: ОСМАНСКИЙ ОПЫТ

Резюме. В статье показаны особенности процесса этнической самоидентификации различных народов, проживавших в условиях османской имперской государственности и мусульманского верховенства. Подчеркнуто временное отставание в этнонациональном осознании себя среди мусульманских народов, а также имевшее место в XX в. в Турции игнорирование религиозной составляющей в менталитете мусульманского населения страны, что в настоящее время ставит перед Турецкой Республикой большие проблемы.

Ключевые слова: имперское развитие, ислам, религиозные общины — миллеты, османизм, пантюркизм, панисламизм, турки-турки.

Summary. The article shows the special features of the process of ethnic identity search by the various peoples who lived under the Ottoman Imperial state and the Muslim dominance. As it is stressed out in the article the process of ethnic identity search was progressing much slow among Muslim Nations. The ignoring of the religious component in the mentality of the Muslim population in the twentieth century in Turkey currently confronts the Turkish Republic with a big problem.

Tags: Imperial development, Islam, religious communities — milleti, ottomanism, pan-Turkism, pan-Islamism, the Turks.

Этническая идентификация мусульманских народов имеет свои особенности и, как показывает история, хронологически началась позже, чем этот же процесс стал развиваться в христианском мире.

Религии, как всем хорошо известно, могут быть замкнутыми в этнонациональных или территориально-региональных рамках. Индуизм, например, включает в свою орбиту множество народов, но он не выходит за рамки своего региона и не вовлекает в свою среду неиндийские народы. Или иудаизм — иудеем исторически можно было родиться, но нельзя было стать. Очевидно, в свое время это породило трагедию Хазарского каганата. Да и в современном Израиле, хотя там и предпринимаются попытки преодолеть традиционную религиозную замкнутость, такие представления не до конца преодолены. Как рассказывала одна из наших коллег, уехавшая в эту страну в самом начале перестройки, уже в аэропорту местные чиновники спросили ее, иудейка ли она. Она подтвердила свое иудейское происхождение, а ее сын, молодой инженер, на этот вопрос ответил, что он атеист. В документах записали: происхождение не установлено. Хотя, как говорит его мать, у него

* Орешкова Светлана Филипповна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (ИВ РАН).

больше основания считать себя евреем, чем у нее, так как у нее к этой национальности относилась только мать, а у него еврейские корни прослеживаются по обоим родителям. Итак, религия может способствовать этнической замкнутости и помогать этнической идентификации.

Иную картину мы видим в мировых религиях. (А ислам — одна из таких религий, причем последняя по времени возникновения.) Мировые религии потому и смогли стать таковыми, что стремились к распространению вширь, преодолевая все этнические препоны (вспомним известный христианский догмат: нет ни эллина, ни иудея). Эту же тенденцию мы видим и в исламе. В свое время первые арабские завоеватели, подчинившие территории от Пиренеев до Индии, действовали под лозунгом распространения ислама и действительно преуспели в этом. На территориях халифатов происходила не только исламизация местного населения, но и его ассимиляция арабами. Египетский ученый аш-Шеннауи называет это «процессом сращивания и слияния», который длился несколько поколений. В своей книге на примере Египта он показывает различные методы, применявшиеся новыми властями для осуществления этого, как он полагает, ненасильственного процесса. В результате появился общий язык, сблизились обычаи и традиции, выработалась общая мусульманская арабская интеллектуальная культура¹.

Другие процессы шли при становлении Османской империи, объединявшей почти тот же регион, да еще со значительными европейскими приращениями. Османская империя позиционировала себя как исламское государство и была, по сути дела, таковым, но в ней догмат *илиа-и келиме-тулах*², т. е. распространение истинной веры на неверных, работал совсем в ином смысле. Главным для тюркских завоевателей было обретение новой родины и строительство своего государства. Почему так произошло, я уже говорила в одном из предыдущих своих выступлений³. Сейчас напомним лишь, что вторая тюркская миграционная волна XIII в. была связана с монгольскими разрушениями тех мест, где эти переселенцы ранее проживали. Для них встал вопрос о поиске нового места обитания, новой родины. Отсюда своеобразное понимание «справедливости» (*адалет*), которое объединяло и вдохновляло османских завоевателей, и господствовало в их менталитете вплоть до XVII в.⁴.

Османь не ставили перед собой задачу массовой исламизации и ассимиляции завоеванных народов, но строили свое государство как государство исламское, и его господствующий класс был исключительно мусульманским. В принятой ими модели государственного строительства явно прослеживается византийское влияние⁵. В последние годы существования Византийской империи, как показало последнее исследование Р.М. Шукурова⁵, среди ее подданных было значительное тюркское население, но в византийское общество оно могло вписаться, лишь сменив религию, приняв христианство. Османь, строя свое государство фактически на той же территории, что занимала Византия, меняли не только властные структуры и персонально господствующий класс, но и привносили в него новую господствующую религию. Они заимствовали многое в социально-экономическом плане — аграрное хозяйство как базу своего государственного строительства, рентные отношения, формы земельного обеспечения представителей господствующего

класса и т. п. В идеологическом плане они также действовали похожими методами, но христианство заменяли исламом.

Османское завоевание не могло не сопровождаться разрушениями и людскими потерями. Но при этом все же на завоеванных территориях османы стремились сохранить местное население. Даже вокруг так называемого «Цареградского друма» — дороги по Балканскому полуострову, ведущей на Белград, которая в XV–XVI вв. определяла основное направление, по которому шла османская агрессия в Европе, — как показали балканские исследователи, после кратковременного запустения очень скоро восстанавливалось местное население⁷. Исламизация захватывала главным образом города, становившиеся опорными пунктами османской армии при продвижении ее вглубь европейских земель, местности вокруг создаваемых вакуфных объектов, территории, где располагались тюркские племенные объединения (юрюки, например) и те районы, где перед завоеванием была сложная религиозная обстановка (например, где проживали богомилы и иные христианские еретики)⁹. В европейских районах Османской империи соотношение мусульман и христиан никогда не превышало соотношения 1:4⁹, т. е. массовой исламизации явно не было. Были, конечно, взрывы воинствующего исламизма, о чем свидетельствуют жития некоторых балканских мучеников, но это не было массовым явлением и относилось к инициативам снизу¹⁰. Были также антихристианские заявления Селима I¹¹, но от намерений претворить их в жизнь султану, как известно, пришлось отказаться. Итак, ни массовая исламизация, ни массовая ассимиляция не были государственной политикой Османской империи.

В империи была введена так называемая миллетная система¹², которой было узаконено существование религиозных общин-миллетов. Немусульманские конфессиональные объединения получали определенную автономию. Их религиозные лидеры становились главами соответствующих миллетов. Религиозные структуры вершили самоуправление своих общин и ведали их связями с имперскими структурами. Немусульмане были отстранены от государственного управления и службы в армии. С государством они были связаны лишь по фискальной линии. За свою автономию и неучастие в военных и управленческих структурах государства они обязаны были нести бремя повышенного налогообложения. Но главное, им позволялось жить и иметь определенный официальный государственный статус в мусульманском государстве, сохраняя свое вероисповедание.

При оценке миллетной системы в западной и турецкой исторической литературе делается упор на то, что она позволила нетурецким и немусульманским народам сохранить себя при мусульманском владычестве. Отечественные же исследователи обычно обращают внимание на то, что любая изолированность и строгая регламентация жизни способствует застою и отставанию. Очевидно, обе точки зрения справедливы. Просто они фиксируют свое внимание на разных сторонах этого явления.

Среди нетурецкого иноконфессионального населения Балкан раньше, чем в мусульманской среде, начало зарождаться национальное самосознание, а отстраненность от государственного управления и возможности влиять на имперскую политику способствовали тому, что среди этой группы населения особенно активно начинают культивироваться идеи национального

освобождения. В этом сказались также и более тесные европейские связи балканских народов и европейское антиосманское подстрекательство. Для православного населения империи, объединенного в единый миллет, в котором главенствовало греческое духовенство, вставал к тому же вопрос о национальной церкви. Так, для Болгарии, например, во второй половине XIX в. был период, когда на первый план освободительного движения выходила не борьба против османского владычества, а стремление добиться автокефалии болгарской церкви¹³.

Сложнее было с национальной идентификацией внутри исламского миллета.

Первые разговоры о том, что ими правят чужаки, иностранцы — *эджнеби*, стали раздаваться в мусульманских кругах еще в XVII в. Направлены были они против *капыкулу*¹⁴, т. е. тех управленцев империи, которые выходили из среды взятых по *девширме* (набору христианских мальчиков, обращенных в ислам, получивших соответствующее образование и воспитание). Это вызывало недовольство старых мусульман новообращенными. Возникший кризис османскому обществу удалось преодолеть. Даже янычары стали набираться из собственной среды. И они уже не были *эджнеби*, а стали частью самого османского общества.

Ядром тюркской общности была Анатолия, но, как известно, для нее не было тогда даже общего этнонима — были кочевники-туркмены (туркоманы), юрюки и т. п., но основная масса населения, особенно городского, воспринимала себя прежде всего как мусульман. Термин «тюрк» имел несколько презрительный оттенок (типа крестьянин-лапотник). Османы же — это тоже не этнический термин, а представители власти, управленческая верхушка.

Лишь во второй половине XIX в., когда имперское развитие уже прошло свой апогей и появилась необходимость в неких новых идеологических скрепах для этого огромного государства, появились идеологические доктрины османизма, панисламизма и пантюркизма. Из них этническое содержание просматривается лишь у тюркизма (приставка «пан» появилась позже и не всегда справедливо использовалась и используется). Как известно, осознание себя тюрками османской внутриимперской тюркской общности пришло под влиянием связей с Россией. Именно российские тюрки-мусульмане первыми заговорили об общих истоках и культурной общности тюрков. Возникло течение джадидизма, а в Османской империи появились личности татарско-азербайджанского, северокавказского происхождения, которые вносили этническую струю в идеологические представления османского общества.

При этом следует подчеркнуть, что осознание себя турками, а не только мусульманами и гражданами Османской империи, пришло к тюркскому населению этой страны значительно позже, чем к многим (в том числе и мусульманским) народам, находившимся под османским мусульманским верховенством. Еще в первое десятилетие XX в. деятели младотурецкого движения делали ставку на общеосманские ценности, а националистические настроения арабов и албанцев воспринимали как предательство общих интересов. Потому-то и сам термин «младотурки», введенный европейцами, очевидно, искажал истину. Они все еще оставались османами, приверженцами имперской идеи.

Как известно, ни пантюркизм, ни панисламизм не помогли сохранить империю. Турецкий же народ, несмотря на поражение в войне, иностранную оккупацию жизненно важных территорий страны, предательство имперской верхушки и недостаточно осознанные до этого представления о своей этнической общности, сумел построить свое национальное государство и отказаться от имперской идеи.

Ислам оказался отодвинутым на второй план, хотя и сохранялся в глубинном менталитете нации. Религиозная составляющая этого менталитета в последние 20–30 лет все больше дает о себе знать, показывая, что при любых катаклизмах и перестройках проблема религиозно-культурного наследия не может быть забыта. В противном же случае она способна взорвать любые политические и экономические построения и успехи и найти свое место в общественной жизни, что иногда и выливается в самых варварских проявлениях.

Примечания

- ¹ См.: Аш-Шеннауи Абдель Азис Мухаммад. Османская империя — оклеветанное мусульманское государство. Т. 1–2; Т. 1. Каир, 1986 (Русский перевод этой работы готовится к печати в издательстве «Рубежи XXI века». Благодарю издательство за возможность познакомиться с этим переводом).
- ² История османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М., 2006. С. 154.
- ³ Орешкова С. Ф. Османская система религиозных обществ. Ее роль в создании имперской структуры и судьбах нетурецких народов империи // Россия и исламский мир. М., 2010. С. 436–446.
- ⁴ Ahmedi. Iskendername. Ankara, 1983. Л. 65b–66a; История османского государства. С. 7.
- ⁵ Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблема преемственности // Византия между Западом и Востоком. СПб., 1999. С. 474–494.
- ⁶ Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире XIII–XV вв. Автореферат докторской диссертации. М., 2012.
- ⁷ Зиројевић О. Цариградский друм од Београда до Софије 459–1683. Београд, 1970.
- ⁸ См.: Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskân ve kolonizasyonu metodu olarak sörgünler//İktisat Fakültesi Mecmuası. Т. XI. 1949–1950. S. 524 — 529; Inalcık H. Ottoman Methods of Conquest //Studia islamica. 11, 1954. P. 103–129; Железнякова А. Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV — XIX вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 103–116.
- ⁹ Тодоров Н. Балканский город XV–XIX вв. М., 1976. С. 85.
- ¹⁰ См., например: Динеков П., Куев К., Петканова Л. Хрестоматия по староболгарской литературе. София, 1961. С. 431–438.
- ¹¹ См.: Altdag Ş. Selim I // Islam ansiklopedisi. Т. 10. S. 413–434.
- ¹² Орешкова С. Ф. Османская империя: проблемы межконфессиональных отношений // Восток (Oriens). 2008. № 6. С. 33–44.
- ¹³ 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979.
- ¹⁴ Смирнов В. Д. Кочубей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

А. В. Витол*
(Санкт-Петербург)

ВХОЖДЕНИЕ ТУРЦИИ В «ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНЦЕРТ»: ЕВРОПЕЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ И КОНФЛИКТ С ИСЛАМОМ

Резюме. При заключении Парижского мира 1856 г. Турция официально вошла в число стран-победительниц, которых именовали «европейским концертом». Эту привилегию она заслужила, в частности, тем, что султан Абдулмеджид опубликовал указ «хатт-и хумаюн» о равенстве всех турецких подданных (т. е. как мусульман, так и христиан). Султан обещал продолжить реформы (*танзимат*), которые должны были ещё больше сблизить Турцию с Европой. Вхождение Турции в «концерт», кроме выгод, таило и огромные опасности, трудности «психологической ломки» для турецкого народа, имевшего сложившийся и устойчивый менталитет. На пути сближения с Западом и в поиске места ислама в новом обществе предстояло сделать ещё очень много.

Ключевые слова: Турция, Крымская война, хатт-и хумаюн 1856 г., ислам, Парижский мир 1856 г.

Summary. According to the Treaty of Paris signed in 1856, Turkey was officially included in the coalition of the victorious countries called the Concert of Europe. Turkey deserved this privilege due to the fact that Sultan Abdul Majid had earlier issued a decree «Hutt-i Humayun», declaring the equality of all Turkish citizens (i.e., both Muslims and Christians). Sultan had also promised to continue reforms (*tanzimat*) which would bring Turkey and Europe even closer together. In addition to bringing benefits to the Turkish society, the entry in the Concert harbored an enormous amount of danger associated with forcing a new mentality upon the Turkish people with their own established culture. It was only the beginning of the journey on the road to europeization of the country and the place for Islam in the new Turkish society was yet to be found.

Tags: Turkey, Crimean War, Hutt-i Humayun of 1856, Islam, Treaty of Paris 1856.

Крымская война (она же — Восточная, Русско-турецкая, Севастопольская и т. д.)¹ завершилась переговорами в Париже в 1856 г., которые внесли значительные изменения в международный статус Турции и России. О целях войны очень откровенно выразился французский император Наполеон III. В беседе с одним из русских дипломатов он сказал: «Я намерен приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать распространению вашего влияния и заставить вас вернуться в Азию, откуда вы и пришли... Лишить вас Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда. Это станет грандиоз-

* Витол Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

ным падением России, но вы сами его вызвали»². Нелишне прислушаться к мнению крупнейшего швейцарского историка Я. Буркхардта, что «главным в Крымской войне было упрочение Луи Наполеона на его троне (императорском. — А. В.), и основанием для него могли быть соображения либерального, клерикального и военного порядка»³.

Известный французский историк А. Мале (один из авторов «Истории XIX века») писал о Парижском мире 1856 г., что Турция добилась того, в чём ей было отказано в 1815 г. — имелось в виду, что по окончании наполеоновских войн её не допустили на заседания Венского конгресса (1814–1815). Ожидания Турции, как пострадавшей от наполеоновского вторжения в Египет и от других военных кампаний, что она войдёт в число стран — участников Священного союза, не оправдались. Этого не произошло по той причине, в частности, что возникли проблемы с принятием в Священный союз даже Англии, так как она была протестантской (в основном) страной. С другой стороны, Англия, Франция и Австрия «косо» смотрели на православную (то есть «схизматическую», «неевропейскую») Россию.

Что же касается мусульманской Турции, то «Европа» не могла представить себе, что государство с **такой** религией может быть на равных представлено в общеевропейском «согласии». Нападение Наполеона на Египет, т. е. на Османскую империю, было для последней неожиданностью. Для Наполеона, возможно, это было отдалённым воплощением мотивов и идей «Египетского проекта» Лейбница⁴, возможно, сказалось его разочарование отказом принять его на службу в турецкую армию (Наполеон пытался найти себе место не только на русской службе).

С вторжением в Египет был согласован и союз с Павлом I, планы совместного похода в Индию от Оренбурга, через Хиву и Бухару и далее. По известным причинам поход не состоялся, но, даже заняв Москву, Наполеон продолжал мечтать об Индии.

Отношения Турции с Францией быстро восстановились, однако нельзя сказать, что вторжение в Египет прошло бесследно. Турции пришлось подвергнуться тяжёлым испытаниям в сфере, где, казалось бы, всё было спокойно. На Аравийском полуострове постепенно укрепилось новое течение ислама — ваххабизм, что-то вроде «пуританского» ислама. Ваххабизм (название получил по имени своего основателя) в значительной степени был направлен против мусульман Турции, Кавказа и Ирана. В результате боевых действий ваххабитов дважды (1803, 1806)⁵ был захвачен священный город всех мусульман — Мекка; в марте–апреле 1802 г. был razорен священный город шиитов Кербела, включая мечеть Хусейна, где был захоронен внук Мухаммеда. Смелости ваххабитам придали сообщения как о вторжении Наполеона и бессилии Порты перед ним, так и сообщения о военных действиях англичан против турок⁶.

Экспедиция Наполеона в Египет ознаменовалась его попытками разыграть «религиозную» карту. Наполеон серьёзно готовился к походу в Египет. В своей книге «Египетский поход» он цитирует французского просветителя и ориенталиста Франсуа Вольнея о том, что утвердиться в Египте можно, лишь

выдержав три войны: 1-ю — против Англии, 2-ю⁵ — против Порты и 3-ю, наиболее трудную — против мусульман⁷. Наполеон предпринимал много попыток «доказать» египетским мусульманам, что французы — тоже мусульмане, а сам он — Махди (Мессия) — тоже мусульманин и Султан Кебир (Великий Султан). Устраивались всякие трюки: «фестивали Пророка», демонстрация полётов воздушного шара (неудачно) и др. Наполеон заставлял египетских шейхов отправлять письма шерифу Мекки, в которых утверждалось, что французы — мусульмане. Заигрывание с исламом доходило до того, что сторонники легковесной революционной «религии разума» в количестве 500 человек во главе с генералом Мену действительно приняли ислам и остались в Египте после эвакуации французской армии в 1801 г.⁸.

Нельзя, конечно, преувеличивать значение «промусульманских» манёвров Наполеона, но можно вспомнить подмеченное опытным востоковедом-практиком Б. Льюисом обстоятельство: Великая французская революция 1789 г. была первым европейским движением, которое не казалось христианским и даже представлялось, по крайней мере, мусульманам, «антихристианским». По этой причине в поисках своего пути мусульмане обращались к секулярным и революционным идеям, зародившимся во Франции. Это прослеживалось во многих модернизаторских реформистских течениях исламского мира XIX–XX вв.⁹ В принципе вопрос о том, что могла почерпнуть из «раннего» наполеоновского опыта Османская империя, остаётся открытым. Но вряд ли этот опыт мог пройти бесследно мимо внимания мыслящих людей в Османской империи.

Османские султаны прикладывали отчаянные усилия для сохранения своей державы. Однако Порта несла тяжёлые поражения от собственных вассалов (Египет), от России; произошло отделение Греции, фактическое отторжение Алжира: по законам 1840–1846 гг. часть его земель была конфискована у местных племён и передана колонистам из Франции, Италии и Испании.

Конфликт Порты с Мухаммедом Али привел ее к союзу с постоянным противником — Россией (1833), т. е. к вынужденному сближению с христианской державой. Культурные и революционные традиции России взаимодействовали на турецкой почве с западными, т. е. в Греции на Ионических островах, на Балканах, в Дунайских княжествах и других территориях. После 1848 г. (события в Венгрии и Австрии) Россию объявили в Европе «душительницей свободы», в то время как Турция, в описаниях европейской прессы, превратилась в прибежище «прогрессивных» эмигрантов из Венгрии, Польши, Италии и других стран. Prestиж Турции как прогрессивной державы сильно повысился со времени уничтожения «кошмара средневековья» — янычарского корпуса. Был ликвидирован также орден бекташи — идеологическая поддержка янычар. По европейским стандартам этот орден считался расадником фанатизма. Для султана Абдулмеджида, обязанного Европе своим правлением, было жизненно важно поддерживать впечатление от своего правления как либерального, понятного и удобного для Запада. Большое впечатление на западную публику произвёл отказ выдать Австрии и России польских и венгерских эмигрантов, участников событий 1848–1849 гг. Стой-

кость Турции была поддержана флотами Англии и Франции, что напоминало события недалёкого будущего — начало Восточной (Крымской) войны¹⁰.

Настоящим триумфом для Турции стала Первая Всемирная выставка в Лондоне в 1851 г. Успех турецкой экспозиции и нарядного парохода-фрегата «Фейза-Бахри» превзошёл все ожидания. В одном из отзывов о выставке было сказано: «Если Турция хотела показать миру, что она ещё не такая опустившаяся и бессильная, чтобы подать надежду своему русскому соседу на получение наследства, то она этого добилась»¹¹. Популярная лондонская газета «Иллюстрированные лондонские новости» восторженно писала, что прошли те времена, когда Европа дрожала от ужаса при упоминании имени Великого Турка, который был более могуществен, чем Карл V, а теперь помнят только о героях и героинях «1000 и 1 ночи». Одним словом, времена противостояния закончились, остался лишь восточный колорит, фольклор и т. д.¹²

Как известно, Абдулмеджид был удостоен за участие во Всемирной выставке высшей медали. Через несколько лет он стал первым мусульманином — рыцарем британского Ордена Подвязки и французского Ордена Почётного Легиона. Политическая подоплёка этих награждений особых сомнений не вызывает.

Вхождение Турции в европейский «концерт», как правило, считают высшим и уникальным достижением дипломатии Османской империи и европейских антироссийски настроенных политиков Запада. Под статьями Парижского мира 1856 г. стоят подписи не только западных, но и российских представителей, т. е. исполнение хатт-и хумаюна 1856 г. было гарантировано как бы всеми сторонами — участниками военного конфликта. Западные державы тоже не без основания опасались, что Турция, как и в прошлом, может потерять интерес к выполнению своих обязательств перед христианскими подданными.

Нелишне напомнить, что мысль о политическом объединении европейских держав с Турцией теоретически не была совершенно новой. У многих историков в памяти сохранялось так называемое «Письмо к Магомету» («*Epistola ad Mahometem*»), в котором Папа Пий II предлагал Мехмеду II принять крещение и стать всеобщим правителем мира.

«Скандальное» предложение Пия II отличалось жесткостью выражений и несомненной парадоксальностью: в нём явно обличались ничтожество и трусость христианских правителей. Напомним, что в числе дарований Пия II были и литературные, которыми он пользовался, чтобы любым путём призвать христианский мир к сопротивлению. Это «письмо» — даже если оно попало к султану — осталось курьезом того времени, хотя дискуссии вокруг него продолжают до настоящего времени¹³.

После этого «письма» можно упомянуть о «Новом Кинее» Эмери де ла Крюсе (1590–1648), который проектировал «Всемирную ассамблею» — универсальную международную организацию, которая действовала бы на основе договора между государствами, причём все они должны были быть равны, независимо от могущества. В этой «Всемирной ассамблее» почётное второе

место отводилось «турецкому императору» из тех соображений, что тот является преемником Восточной Римской империи.

Уже после поражения турок под Веной в 1683 г. английский и американский политический деятель (квакер) Уильям Пенн выдвинул идею создания «Всеобщего союза государств», в который входила бы Турция. В гипотетическом «Европейском парламенте» для неё было зарезервировано 10 мест — больше, чем для Англии (6 мест). Однако этот «Союз государств» предполагал все-таки антимусульманскую направленность. Если вспомнить также о «Проекте вечного мира в Европе» аббата Де Сен Пьера (опубликован в 1713 и 1724 гг.), то он предлагал усилить проповедническую деятельность в отношении сторонников ислама с той целью, чтобы его приверженцы сами смогли оценить «красоту и совершенство» христианства¹⁴.

В отличие от проектов прошлого, в 1856 г. Турция была принята в «концерт» (статья 7-я Парижского мира) без абсурдных условий отказа от ислама. Обстановка в Европе изменилась настолько, что идея навязать отказ от религии показалась бы оскорбительной и «анахронистической». Правда, требования при вступлении были, но не в религиозных рамках, а в цивилизационных. Как выразился Б. Льюис, «турки должны были овладеть новыми инструментами (если говорить о “концерте”) и выучить новые европейские мелодии, разительно отличавшиеся от их собственной музыки»¹⁵. Конечно, это относилось не только собственно к музыке, но и ко всей цивилизации в целом.

Вхождение в «концерт» означало продолжение политики энергичного государственного покровительства преобразованиям в Турции. 1856 г. — это оформление курса на усовершенствование своей цивилизации и приспособление к ней элементов западных достижений. Абдулмеджид в оставшиеся ему годы жизни (умер в июле 1861 г.) действительно продолжал политику, которую обещал подписавшим мир в Париже государственным деятелям. Последствия хат-и хумаюна 1856 г. были, конечно, неоднозначными. После объявления «равенства» мусульман и христиан в османской армии обострились взаимоотношения между ними. Приподнятая атмосфера «Эпохи перемен» не позволила смягчить дружско-маронитские противоречия, и в 1860 г. Франция вынуждена была ввести значительный воинский контингент в Сирию. Напряжёнными регионами оставались места проживания христиан на Балканах.

События, о которых идёт речь, иногда называют вестернизацией Турции. Этот процесс, естественно, связан с её отношениями с Францией, Великобританией, Россией и другими государствами. Среди этих «других» далеко не последнее место занимала Польша. События XVIII–XIX вв. способствовали сближению Турции и Польши, тем более что влиятельные круги в обеих странах считали своим главным врагом Россию. Такие настроения послужили их сближению, хотя в прошлом они были серьёзными противниками.

Полякам всегда импонировало, что Порты — по разным соображениям — никогда не признавала исчезновения Польши из-за её разделов между Пруссией, Австрией и Россией. Как известно, по дипломатическому церемониалу во дворце Топ-Капы, когда султан задавал вопрос о причине отсутствия

польского посланника, то получал заранее подготовленный ответ: «Он задержался по не зависящим от него обстоятельствам»¹⁶.

В августе 1841 г. в Стамбуле открылось политическое представительство польских переселенцев (Главное агентство или Восточное агентство), которое просуществовало почти до конца XIX столетия. Одну из ведущих ролей в польско-турецком альянсе играл граф Адам (Ежи) Чарторыйский, который еще в 1842 г. основал на азиатском берегу Босфора военный лагерь, названный «Адамполем». Во время Крымской войны Чарторыйский пытался создать польско-казацкие легионы для войны против России. Имелись также планы по созданию польского (или польско-черкесского) государства на Кавказе. Как известно, поляки служили вместе с другими иностранцами в армии Шамиля: в артиллерии и мастерских по изготовлению оружия. «Почти западная» польская диаспора тоже внесла свой вклад в сближение Турции с Западом.

Завершая статью, обобщим написанное:

— предпосылки революции 1856 г. (название, конечно, условное) можно выводить из массивованного вторжения Европы в Османскую империю (Египетский поход Наполеона);

— имидж Турции в Европе с 40-х гг. XIX в. был настолько благоприятен, что Наполеон III и его британские коллеги воспользовались им для мотивации её защиты и нападения на Россию;

— османские реформаторы того времени, безусловно, выигрывали от общего «настроя на реформы», то есть от поддержки как со стороны собственных властей, так и иностранных дипломатов, отдельных групп эмигрантов («революционеров», польской диаспоры и т. д.);

— заметного улучшения для христиан в Турции не произошло и после 1856 г. Однако дыхание «мощной оптимистически окрашенной воли», которое сопровождает революционные изменения, ощущалось;

— изменения в Османской империи были ещё мало заметны, но постепенно начинают сказываться новые принципы и невозможность нового «прогружения в сон».

Примечания

¹ [www.bibliofond.ru / view.aspx?id=562363](http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=562363)

² Трубецкой А. Крымская война: неизвестная мировая война. СПб, 2014. С. 185.

³ Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. М., СПб., 2013. С. 172.

⁴ «Египет — это то, что могло бы помочь нанести [по Англии] сокрушительный удар — здесь вы найдете настоящий торговый путь в Индию... Здесь вы обеспечите вечное господство Франции в Леванте» (Цит. по: Роллин А. Христианство и ислам: непростая история. М., 2004. С. 208.

⁵ Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965. С. 72.

⁶ Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745–1973). М., 1982. С. 101.

⁷ Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2000. С. 114.

⁸ Светлов Р. То, что осталось за полями рукописи (приложение к книге Наполеона «Египетский поход»). М., 2000. С. 355.

- ⁹ Бернارد Л. Ислам и Запад. М., 2003. С. 288.
- ¹⁰ Витол А.В. Советская медаль для султана (имидж Турции на Западе в середине XIX века) // Османская империя. События и люди. М., 2000. С. 85.
- ¹¹ Scheres H. Londoner briefe über die Welt ausstellung. Leipzig, 1857. S. 174.
- ¹² Витол А.В. Советская медаль для султана. С. 88.
- ¹³ Кардини Ф. Европа и Ислам. История непонимания. СПб., 2007. С. 183–184.
- ¹⁴ Витол А.В. Османская империя в проектах «вечного мира» (XVII–XVIII вв.) // Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР за 1989 год. Часть I. М., 1991. С. 134–135. Об этих и других проектах «вечного мира» вспомнили в XX веке, когда создавалась Лига Наций, а потом — ООН.
- ¹⁵ Бернارد Л. Ислам и Запад. С. 60.
- ¹⁶ Августин, архимандрит (Никитин). Ислам в Европе. СПб., 2009. С. 620.

А.В. Болдырев*

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Резюме. В статье рассматривается роль России в этнополитических процессах в Османской империи в 50–60-е гг. XIX в. По мнению автора, в период активного национально-государственного строительства в Европе освободительное движение балканских народов являлось закономерным этапом в их этнополитической эволюции. Осознав этот факт раньше других великих держав, Россия попыталась выработать в отношении балканского региона такую политику, которая более соответствовала новой обстановке, тем более что в рассматриваемое время стало ясно, что Россия является основным покровителем балканских народов в восстановлении их национального суверенитета. В результате была выработана концепция Балканского союза. Данное объединение должно было не только поддержать процесс национальногосударственного развития балканских народов, но и ввести его в контролируемое Россией русло. В дальнейшем российская дипломатия пыталась влиять на процесс становления балканских государств, руководствуясь этой концепцией.

Ключевые слова: Россия, Турция, Балканы, Балканский союз, этнополитическая эволюция, этнополитическая ситуация.

Summary. The article is devoted to the role of Russia to ethnic political processes of the Ottoman Empire in 1850–1860's of the 19th century. According to the author, in the period of the active national state construction in Europe the emancipatory movement of the Balkan peoples was the regular stage in their ethnic political evolution. Russia understood this fact earlier than the other great powers and tried to work out in regarding to Balkan region the methods, which in more degree corresponded to new situation. In addition, in learning time it was clearly that Russia was the principal patron of the Balkan peoples, who strived for restoration their national sovereignty. As a result conception of the Balkan union was worked out. This union must was not only to support process the national state development of the Balkan peoples but also put on it under control of Russia. In further Russia tried to influence on process the creation of the Balkan states by means of this conception.

Tags: Russia, Turkey, Balkans, Balkan union, ethnic political evolution, ethnic political situation.

После Крымской войны 1853–1856 гг. Россия пыталась восстановить свое положение в Османской империи, возобновив практику политических контактов с народами Балканского полуострова, традиционной сферой своего влияния. Османские владения в Азии не имели для России того значения,

* Болдырев Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

которое они представляли для других европейских держав. Кроме того, в результате войны покровительство над христианами Сирии, Ливана и Палестины перешло от России к Франции¹. Значение Балкан в условиях нейтрализации Черного моря было усилено еще и тем, что это был регион, сопредельный с Проливами. В основу ближневосточной политики России в это время был положен курс на сближение с Османской империей и поддержание ее целостности. Несмотря на то что идея сближения с Турцией не была популярна в российском обществе, подобное решение вытекало из того положения, в котором Россия оказалась после войны, поскольку любое нарушение равновесия сил на Ближнем Востоке грозило непредсказуемыми последствиями, и прежде всего в зоне Проливов. В этой связи усилившиеся контакты России с народами Балканского полуострова только внешне противоречили ее новому курсу. Российское правительство не могло не считаться с теми изменениями, которые произошли в Османской империи в результате Крымской войны и заключались в резком усилении экономического и политического влияния ведущих европейских держав, прежде всего Великобритании и Франции². В то же время сама Россия была не в состоянии противостоять экономическому проникновению стран Запада на Ближний Восток, поэтому она должна была изыскивать иные пути поддержки своего влияния в Турции. Такая возможность усматривалась в возрождении политических контактов с балканскими народами. В российском обществе уже вполне осознавалось преимущество экономического проникновения в Турцию перед методами силового давления, однако был очевиден и тот факт, что в экономической конкуренции с западными державами шансы самой России крайне невелики. Ввиду этого именно Балканы рассматривались как сфера реального соперничества России с западными державами, поскольку только здесь ее влияние могло не только конкурировать с влиянием европейских держав, но и превосходить его.

Укреплять свое положение среди христианских народов Турции Россия собиралась, используя помощь Франции по реализации султанского декрета 1856 г. о равенстве христианского и мусульманского населения³. После Крымской войны резко осложнились франко-австрийские отношения. Причиной этому послужили гегемонистские планы французского императора Наполеона III, в основу которых лег провозглашенный им «принцип национальностей», заключавшийся в отстаивании принципа «верховенства нации» и поддержки национально-освободительных движений. На тот момент это отвечало набиравшему силу движению за объединение Италии, а также стремлению христианских народов Османской империи добиться постепенного освобождения из-под власти султана. Конечной целью Наполеона III было приблизиться по степени влияния в Европе к эпохе Первой империи. Ввиду этого планы Наполеона неизбежно вели к конфликту с Австрией, состав которой входила область Ломбардия вместе с Венецией. Франция попыталась заручиться дипломатической поддержкой России. На юго-востоке Европы в зону французских интересов входили южная и юго-восточная части Балканского полуострова, где Франция соперничала с Великобританией и

Австрией. Ввиду этого интересы России и Франции не сталкивались здесь напрямую. В результате, благодаря франко-русскому сотрудничеству, Османская империя не смогла восстановить свой сюзеренитет над Черногорией. Когда в 1858 г. вспыхнул турецко-черногорский конфликт, совместный нажим России и Франции вынудил Турцию приостановить военные действия, согласиться на разграничение с Черногорией и даже сделать ей некоторые территориальные уступки.

Во время второй турецко-черногорской войны 1860–1862 гг. только дипломатическое вмешательство России и Франции спасло Черногорию от полного разгрома и потери своего суверенитета⁴. Совместные усилия России и Франции способствовали процессу объединения Валахии и Молдавии, получивших в 1862 г. название «Румыния». Была выработана общая политика на случай распада Османской империи и достигнута принципиальная договоренность о заключении в этом случае договора между Францией и Россией (1862 г.). Французскому и российскому посланникам в Стамбуле были предписаны согласованные действия. Французские консулы на Востоке получили приказ воздерживаться от религиозной пропаганды в пользу католической церкви⁵.

До середины 60-х гг. XIX в. Россия стремилась ограничить освободительное движение балканских народов легальными рамками. Основными формами помощи России в это время стало содействие расширению прав христианского населения, а также поощрение его культурного развития. Тем самым Россия рассчитывала укрепить полунезависимый статус Черногории, Сербии и Дунайских княжеств. В 1857–1859 гг. в Сараево (Босния), Мостаре (Македония), Шкодре (Албания), Варне, Велико Тырнове и Видине (Болгария) открылись российские консульства, которые должны были защищать интересы христианского населения. В султанском декрете 1856 г. декларировались равноправие всех подданных и свобода вероисповедания, однако, не питая иллюзий относительно желаний султана в полной мере реализовать эти принципы, Россия использовала указ как инструмент давления на Турцию, одновременно поручив своим консулам наблюдать за его проведением в жизнь. Опираясь на их донесения и поддержку Франции, Россия побуждала западных дипломатов к коллективному нажиму на турецкую администрацию. При этом консулы должны были соблюдать осторожность, избегая вмешательства во внутренние дела Османской империи, чтобы не быть обвиненными в нарушении Парижского мира 1856 г. Российский писатель, публицист и общественный деятель К.Н. Леонтьев, служивший в течение ряда лет в российских консульствах в Эдирне, Тульче и Янине, отмечал, что «общая же наша политика после Парижского мира была такова: поддерживать и защищать гражданские права христиан и умерять, насколько возможно, естественный пыл их политических стремлений. Надо согласиться, что правильнее и умереннее нельзя было ничего придумать. С этой прямою и ясною целью и было открыто по всей Турции столько новых русских консульств после неудачной для нас Восточной войны пятидесятых годов»⁶.

Немалое влияние на этнополитическую ситуацию в Османской империи оказывали славянские комитеты — новые общественные организации, которые начали возникать в России с конца 50-х гг. XIX в. в Москве, Петербурге, а затем в Киеве. Их возглавляли видные общественные деятели — И.С. Аксаков, Н.А. Попов, Ф.В. Чижов и др. Славянские комитеты являлись также политическими организациями. Не ограничиваясь помощью православным школам и церквям, они оказывали поддержку руководителям национально-освободительного движения. Представители славянских комитетов были тесно связаны с российскими консулами в Османской империи, которые использовали финансовую помощь из России для развития местных национальных и религиозных культурных учреждений⁷. Все эти факторы постепенно укрепляли авторитет России на местах. К помощи российских консулов обращалось не только православное, но и католическое население Турции.

В конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. интерес российского общества к балканским делам постепенно угасал. Во многом это объяснялось тем, что черноморская проблематика оттеснила на второй план традиционное балканское направление. Писатель и известный общественный деятель И.С. Аксаков отмечал в то время, что славянский вопрос интересует в России лишь узкий кружок славянофилов⁸. Летом 1860 г. он совершил путешествие по землям Крайны, Далмации и Хорватии (Австрия), Черногории и Сербии (Турция) для того, чтобы ознакомиться на месте с положением славянского населения Австрии и Турции с целью выяснения перспектив российского влияния в балканском регионе. Итогом поездки стало издание с осени 1861 г. еженедельной газеты «День», важное место в которой занимало славянское отделение, созданное для популяризации славянского вопроса внутри России и вне ее пределов. Следует отметить, что газета быстро стала заметным явлением в публицистике того времени, пользуясь устойчивым спросом не только в России, но и в славянских странах, где имела высокую репутацию. Таким образом, несмотря на констатируемое И.С. Аксаковым ослабление интереса в России к славянскому вопросу, этноконфессиональная ситуация в Османской империи продолжала оставаться в центре внимания российского общества. В России сохранялся повышенный интерес к Востоку, в особенности к традиционному укладу жизни и культуре османских народов⁹.

В российском обществе в это время активно обсуждался вопрос о возможном распаде Османской империи и организации на ее месте новых государственных образований в форме восточно-христианского союза независимых Румынии, Болгарии и Сербии под покровительством России. Оценивая итоги европеизации Турции со времени заключения Парижского мира, общественный и государственный деятель В.А. Черкасский приходил к выводу, что Турция после принятия султанского декрета о равноправии мусульманского и христианского населения находится в состоянии перманентного внутреннего кризиса. Это должно было привести к распаду Османской империи и образованию «на развалинах ее... более сочувственных христианской гражданственности и законным образом водворяющихся на древней почве Византии южнославянских государств»¹⁰. Точку зрения В.А. Черкасского о за-

мене Турции новым образованием в виде союза христианских государств Балканского полуострова разделял востоковед и видный православный миссионер П. Успенский¹¹. Один из крупнейших российских специалистов по Востоку известный географ, путешественник и публицист П.А. Чихачёв, совершив в июле–октябре 1858 г. путешествие по Малой Азии, пришел к выводу о полной неспособности Турции осуществить модернизацию своей государственной структуры в соответствии с положениями февральского декрета¹². По его мнению, сам принцип существования Османской империи, основанный на господстве мусульманского населения и вековых традиций, делал невозможным проведение каких-либо решительных реформ, направленных на облегчение положения христианского населения. Пессимистический прогноз относительно будущего Османской империи преобладал в российском обществе¹³.

Впрочем, не все российские публицисты разделяли общее мнение относительно будущего Османской империи. Признавая пассивную роль Турции при решении ее судьбы великими державами, некоторые из публицистов демократического направления считали, что Турция обладает достаточными возможностями для проведения необходимых реформ, убеждая не выносить ей окончательный приговор¹⁴. В связи с этим в статье В. Неклюдова, вышедшей в 1864 г. в либеральном журнале «Русская мысль», предлагалось отказаться от политики коллективного давления на Турцию с целью реализации положений февральского *хатт-и хумаюна* в пользу российско-турецкой кооперации по делам Востока. Такой подход до известной степени ограничивал возможности для России использовать поддержку Европы для облегчения положения христианских подданных султана, однако, по мнению автора, позволил бы России и Турции решать эту проблему, исходя из своих интересов, т. е. исключил бы из их отношений наиболее взрывоопасные моменты¹⁵.

В целом в послевоенное десятилетие значительная часть российской прессы и публицистики полагала, что османское государство неспособно ответить на вызовы времени, поскольку это предполагало проведение реформ, несовместимых с существующей традиционной государственной структурой. В то же время российское общество поддерживало официальный курс, направленный на поддержание статус-кво в отношении Османской империи, поскольку ее преждевременный распад в условиях военного ослабления России мог грозить непредсказуемыми последствиями.

К середине 60-х гг. XIX в. положение дел изменилось. Несмотря на все усилия, России не удалось сблизиться с Турцией, поскольку национально-освободительное движение христианских народов Османской империи на Балканах, Дунае, Крите, а также в Ливане и Сирии делало для Порты более целесообразным укрепление контактов с западными державами¹⁶. В рассматриваемый период ухудшились отношения России с Францией — своим основным партнером на Ближнем Востоке. Главным камнем преткновения было нежелание Франции оказать поддержку России в отмене нейтрализации Черного моря. Такая позиция вытекала из желания Наполеона III обеспечить влияние Франции в Европе и на Ближнем Востоке. В результате, несмо-

тря на сотрудничество с Россией на Балканах, провозглашение французской дипломатией «принципа национальностей» и поддержание на первом этапе восстания на о. Крит¹⁷, укрепление французских позиций в Стамбуле к концу 60-х гг. XIX в. обусловило проосманский «крен» во внешней политике Второй империи. Это выразилось в отказе Франции от поддержки объединения Крита с Грецией, а также во французском проекте «федерализации» Османской империи (автор — министр иностранных дел Франции Л. Мустье), предполагавшем «османизацию» балкано-христианских провинций Турции. Российский проект, предусматривавший введение национально-территориальной автономии христианских провинций Османской империи, не был поддержан Францией¹⁸. Укреплению российско-французских отношений не способствовало и стремление Франции ослабить позиции России в балканском регионе. В связи с этим в российской периодической печати обращалось внимание на стремление Франции усилить свое влияние в Румынии. Подчеркивалось, что «Румыния для Франции — это ключ к восточному вопросу, это — средство употребить на свою пользу и направлять в данную сторону все движения, которые могут вспыхнуть на низовьях Дуная, в Сербии, в Черногории. Держава, которой удастся добиться преобладающего влияния над Румынией, сделается посредницей между всеми государствами, имеющими на Востоке какие-нибудь интересы в данную минуту»¹⁹.

Наконец, не оправдалась ставка России и на то, чтобы путем сближения с Турцией, используя «священный указ» султана, облегчить положение христианского населения империи. Враждебное же отношение великих держав к восстанию на о. Крит, позволившее турецкому правительству локализовать и подавить выступление населения острова, показало России бесперспективность надежды на посредничество Европы для разрешения конфликтов на Ближнем Востоке. В России проосманская позиция великих держав воспринималась негативно. Характеризуя политику Европы в это время, военный министр России Д.А. Милютин обращал внимание на то, что в период критского восстания «французское и английское правительства заботились только об ограждении целостности Оттоманской империи и неприкосновенности Парижского трактата 1856 г., побуждая Порту к энергическому действию для скорейшего подавления восстания»²⁰.

В результате появилась новая концепция о предоставлении балканским народам свободы действий без вмешательства европейских держав в отношении Порты с христианским населением. Позиция России во многом определялась стремлением воспользоваться ситуацией в Балкано-Ближневосточном регионе, чтобы поставить вопрос о пересмотре ограничительных статей Парижского мира 1856 г.²¹. Так, в 1866 г. Россия поддержала объединение Молдавии и Валахии в румынское государство, что формально было нарушением трактата 1856 г. Прогреческая позиция России в период восстания на Крите в 1866–1869 гг. также в немалой степени была обусловлена ее стремлением создать дополнительный прецедент в деле подготовки ревизии черноморских статей Парижского мира.

Политика российского правительства в Балкано-Ближневосточном регионе вполне разделялась и общественным мнением России. В 1866 г. российские газеты выступили против ввода турецких войск в Дунайские княжества, а «Московские ведомости» призвали правительство не мешать объединению Молдавии и Валахии, воспользовавшись нарушением Парижского мира в своих интересах²². В период критского восстания газета И.С. Аксакова «Москва» призвала правительство России и российское общество помочь «мученикам критским»²³. Таким образом, со второй половины 60-х гг. XIX в. к традиционному балканскому направлению во внешней политике России прибавилась и проблема Восточного Средиземноморья. Как отмечал в это время Д.А. Милютин, «самым жгучим для нас вопросом был, конечно, Восточный»²⁴.

В связи с этим знаковым было назначение на должность посланника (с 1867 г. — посла) России в Стамбуле Н.П. Игнатьева — сторонника активной политики на Ближнем Востоке. Будучи близким по своим взглядам к славянофилам, Н.П. Игнатьев проводил в Османской империи, по мнению многих, двойственную политику, которая заключалась, с одной стороны, в сближении России и Османской империи, а с другой — в поощрении освободительного движения христианских народов Балкан и Малой Азии. Такая политика объяснялась уверенностью Н.П. Игнатьева в невозможности сотрудничества России в турецких делах с европейским «концертом». Исходя из этого он выступал за создание союза балканских государств, способного усилить позиции России при разрешении Восточного вопроса. Данная комбинация, однако, рассматривалась Н.П. Игнатьевым только в случае распада Османской империи. Несомненным его достижением было усиление влияния России не только на Балканах и в Греции, но и в самой Турции. Н.П. Игнатьев имел хорошие личные отношения с султаном Абдулазисом и его старшим сыном, принцем Иззетдином. Был он близок и с некоторыми османскими министрами: с великим везиром Махмуд-пашой, главой министерства иностранных дел Фуад-пашой, видным дипломатом Савфет-пашой и др. Благодаря усилиям Н.П. Игнатьева в 1869 г. в Стамбуле был учрежден госпиталь для русских паломников, который помимо чисто благотворительных аспектов имел важное значение и в плане усиления «нравственного влияния» России на Востоке²⁵. О степени влияния Н.П. Игнатьева в турецкой столице говорит тот факт, что в дипломатических кругах его называли «вице-султаном»²⁶.

В итоге к началу 70-х гг. XIX в. Россия сумела восстановить свое влияние в Османской империи. Об этом свидетельствовало усиление пророссийских настроений в балканских провинциях Турции. Это хорошо осознавалось в российской прессе, рассматривавшей влияние России на Балканах как основной рычаг ее ближневосточной политики. В «Московских ведомостях» писали, что, «несмотря на поражение, нанесенное нам в Крыму коалицией, влияние и значение России на Востоке не только не уменьшились, но даже значительно распространились со времени заключения Парижского мира»²⁷. Это признавалось и в европейской публицистике, отмечавшей, что в результате Парижского мира основная цель европейских держав — лишить Россию

преимуществ ее влияния в Османской империи — «не была достигнута вполне: коалиция успела лишь на время отодвинуть Россию...»²⁸. Иными словами, признавалось, что влияние России среди православных народов Турции было сохранено.

В воспоминаниях современников, относящихся к 60-м гг. XIX в., отмечались надежды христианского населения Османской империи на усиление активности России в Балкано-Черноморском регионе. Так, К.Н. Леонтьев, служивший в 1864–1867 гг. российским консулом в Адриано-поле (Эдирне), констатировал желание греческого населения Фракии перейти под протекторат России. В беседе с К.Н. Леонтьевым драгоман российского консульства в Эдирне Э. Сакелларио отмечал, что среди «пожилых» адрианопольцев принято сравнивать Россию с черепахой, идущей к ручью (Босфору. — А. Б.), которая идет очень медленно, с вынужденными остановками, но рано или поздно «дойдет до ручья»²⁹. В отличие от послевоенного периода такого рода настроения поддерживались российскими консулами. По словам К.Н. Леонтьева, еще ранее его предшественник на посту консула России в Эдирне Н.Д. Ступин активно участвовал в местной политической жизни, поддерживая планы местного населения о переходе со временем Фракии под протекторат России, а Босфора — под ее непосредственное управление, пользуясь при этом равным уважением христианского и мусульманского населения Фракии. Таким образом, в период своего консульства Н.Д. Ступин готовил почву для решения вопроса о Проливах в случае постановки на повестку дня Восточного вопроса³⁰. В период пребывания Н.П. Игнатьева на посту посла России в Турции такого рода инициативы поддерживались российским посольством, которое рассматривало консулов как основной инструмент внешней политики России на Востоке³¹. Для российских дипломатов, служивших в Османской империи, вопрос о Босфоре был особенно важен. Предполагалось, что в случае утраты Османской империей контроля над Проливами Россия незамедлительно этим воспользуется. Возможность такой ситуации, по мнению многих, стимулировало национально-освободительное движение нетурецких народов Османской империи, направленное на отделение от Турции, что привело бы к постепенной утрате Турцией статуса самостоятельного государства³². Такая точка зрения находила довольно широкий отклик и в российской прессе³³. Последнее во многом объяснялось желанием осмыслить то новое положение, в котором оказалась Турция после Парижского конгресса 1866 г., признавшего объединение Молдавии и Валахии. Описывая создавшееся положение, редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков подчеркивал, что «Россия находится в миролюбивых отношениях к Турецкой империи и ничего не замышляет против ее существования. Но если державы, выдававшие себя защитниками Турции и воевавшие за нее с Россией, находят возможным допускать планы, угрожающие целости ее владений, то должна ли Россия считать себя специально призванною защищать и отстаивать государственные интересы Турецкой империи»³⁴. В другой статье под характерным названием «Парижский трактат 1856 года потерял свою силу» М.Н. Катков констатировал, что «Турции 1856 года уже не существует. Выра-

жаясь с математической точностью, можно следующим образом дать понять, что осталось от Турции. Турция 1856 года минус (выделено автором. — А. Б.) Египет, минус Молдавия, минус Валахия: значит Турция та же, что и в 1854 году, но за вычетом из нее Египта³⁵, Молдавии и Валахии»³⁶. Таким образом, М.Н. Катков полагал, что постепенная дезинтеграция османского государства создает почву для пересмотра Парижского мира в интересах России, поскольку этот договор был направлен на сохранение целостности Османской империи. Учитывая близость М.Н. Катков а к источникам информации в Министерстве иностранных дел, следует заключить, что его мнение отражало и официальную точку зрения о дальнейшей политике России на Ближнем Востоке.

Впрочем, сама обстановка в европейских владениях Турции вынуждала Россию предпринимать определенные шаги для поддержания своего имиджа, поскольку ее влияние на Балканах было во многом основано на уверенности христианского населения в ее антитурецкой политике. В своих фразийских воспоминаниях К.Н. Леонтьев в связи с этим отмечал, что «хотя бы турки были ангелы во плоти, и тогда бы христиане жаловались на них из принципа. Простой народ почти не замечает разницы между управлением паши даровитого и управлением паши неспособного; плохой, нерадивый паша часто считается у христиан наилучшим. Образованные православные положительно опасаются умных пашей и хороших беев. “Не дай Бог нам хороших беев!.. С ними Турция простоит дольше потому, что они меньше будут раздражать народ...”»³⁷.

Тем не менее позиция российского посольства по этнополитическому вопросу в Османской империи не всегда разделялась руководством Министерства иностранных дел России. Так, Д.А. Милютин писал, что «Министерство иностранных дел постоянно обездыхивало ретивость и увлечение русского посла в Константинополе генерала Игнатьева, принявшего на себя роль открытого защитника и покровителя славянского населения Турции»³⁸. Д.А. Милютин отмечал, что такая политика создавала для России серьезные трудности, поскольку в Западной Европе «постоянно подозревали Россию в преднамеренном возбуждении Восточного вопроса» (в оригинале рукописи Д.А. Милютина вместо слов «Восточного вопроса» первоначально было написано «в панславизме». — А. Б.)³⁹. В европейской прессе господствовало мнение, что «действиями России управляли всегда два двигателя: увеличение русской территории за счет Турции и возвышение христианского элемента на развалинах мусульманского государства»⁴⁰. В журнале «Русский вестник» также отмечались обвинения России со стороны газеты «Journal de Constantinople» в стремлении обострить Восточный вопрос⁴¹.

В результате дипломатическая изоляция России в период критского кризиса вынудила ее отказаться от поддержки активного антитурецкого движения на Балканском полуострове. Россия не поддержала Балканский союз, созданный Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией при покровительстве Н.П. Игнатьева в 1866 г., поскольку данный проект был ориентирован на войну с Турцией в случае удачного развития Критского восстания, и согласилась

на введение на Крите ограниченной автономии в рамках декларированного Портой «Органического статута» (1868 г.)⁴². Россия также была вынуждена отложить постановку вопроса об отмене нейтрализации Черного моря, несмотря на ревизию статей Парижского мира в отношении Молдавии и Валахии и поражение одного из гарантов «крымской системы» — Австрии — в войне против Пруссии в 1866 г.

В конечном итоге всё это привело к решению сохранить статус-кво в отношениях с Османской империей, т. е. придерживаться порядка в Балкано-Черноморском регионе, гарантированного Парижским миром, к тому же и сама Османская империя стремилась сохранить приемлемые отношения с Россией. В 1867 г. состоялся визит министра иностранных дел Турции Фуад-паши, который попытался достичь с Россией взаимоприемлемого компромисса по критскому вопросу. По свидетельству К.Н. Леонтьева, назначенного в том же году вице-консулом в Тульчу, «время тогда было нешуточное. Вся Турция была в глухом брожении... В Крите еще кипело тогда восстание. Еще недавно болгарские небольшие банды *вопреки нашим советам* (выделено в тексте. — А. Б.) врывались из Валахии в Турцию через Дунай⁴³ и были уничтожены; еще очень недавно Мидхат-паша вешал болгар в Русуке: он в одно даже время со мною ехал из Варны к Дунаю с этой целью»⁴⁴. Тем не менее местный мютессариф (начальник округа) Сулейман-паша своим подчеркнуто уважительным отношением к российскому представителю стремился «показать многолюдному на Нижнем Дунае ... христианскому населению, до чего теперь Турция с Россией ладят, несмотря на некоторое разномыслие по делам критского восстания, еще пылавшего тогда на далеком и прекрасном острове...»⁴⁵. Несмотря на то что в ходе визита Фуад-паши стороны не пришли к взаимоприемлемому решению, «Московские ведомости» констатировали, что Россия более других участников Парижского конгресса заинтересована в сохранении статус-кво на Ближнем Востоке⁴⁶. Более того, охлаждение российско-французских отношений, прекращение восстания на Крите и отказ России поставить вопрос об отмене нейтрализации Черного моря привели к тому, что для российского общества снизилась и сама острота этнополитической ситуации в Османской империи.

Следует также отметить, что, несмотря на некоторое ухудшение российско-турецких отношений, в общественно-политической мысли России к концу 60-х гг. XIX в. наблюдался спад антитурецких настроений. Так, известный философ-славянофил Н.Я. Данилевский отмечал, что главным препятствием для России в Восточном вопросе давно является не Турция, а европейские государства, и выступал категорически против участия России в территориальном разделе Османской империи⁴⁷. М.Н. Катков, публицист и редактор близкой к правительственным кругам газеты «Московские ведомости», призывал вернуться к политике, ограничивающей национальное движение христианских народов Турции легальными рамками. В статье, посвященной 100-летней годовщине битвы при Чесме, он отмечал следующее: «...нет надобности воевать с Турцией, нет надобности держать ее в страхе; достаточно того, чтобы она уважала нас. Удерживая принадлежащую нам долю влияния

в делах Востока, мы всего лучше воспользуемся им, если будем неутомимо и щедро способствовать улучшению быта его населений, не волнуя их бесплодными попытками действия... Теперь каждый поддержанный нами храм, каждая заведенная при нашей помощи школа, каждый открытый нами приют для больных и нуждающихся посреди этих населений, принесут несравненно более пользы и им, и делу человечества, и нам самим, чем всякая новая победа, гораздо более блистательная, чем при Чесме и Кагуле»⁴⁸.

Итак, частичная ревизия Парижского мира в середине 60-х гг. XIX в. пробудила в России надежды на пересмотр статей, связанных с нейтрализацией Черного моря. Данную задачу предполагалось решить, временно отказавшись от политики статус-кво в отношении самой Османской империи и поддержать национально-освободительное движение на Крите. Это означало отход от прежней точки зрения о необходимости укрепления отношений с Османской империей и невмешательства в конфликты в Европе и на Балканах. Международная изоляция России привела к возвращению к прежнему курсу, чему способствовала и сама Османская империя, стремящаяся сохранить с Россией отношения добрососедства. Как показала практика, во имя моральной ответственности по отношению к турецким христианам Россия не собиралась жертвовать долговременными отношениями с Турцией, тем более что в рассматриваемое время ей удалось полностью восстановить свои позиции на Балканах и отчасти укрепить свое положение в Стамбуле. В итоге к концу 60-х гг. XIX в. возобладали прежняя концепция статус-кво в Восточном вопросе.

Тем не менее можно сказать, что в середине XIX в. российский фактор сыграл заметную роль в этнополитических процессах в Османской империи. События 60-х гг. показали народам балканского региона, что Россия является их основным покровителем в деле восстановления национального суверенитета, что было весьма важным, так как в период «бума» национально-государственного строительства в Европе освободительное движение балканских народов являлось закономерным этапом в их этнополитической эволюции. Осознав этот факт раньше других великих держав, Россия попыталась, с одной стороны, поддержать объединительный процесс Греции и Крита, а с другой стороны, выработать в отношении народов Балканского полуострова такую политику, которая более соответствовала новой обстановке. В результате была выработана концепция Балканского союза. Данное объединение должно было не только поддержать процесс национально-государственного азвития балканских народов, но и ввести его в контролируемое Россией русло. Следует отметить, что в рассматриваемый период идея Балканского союза была наиболее важным достижением России, поскольку в дальнейшем российская дипломатия пыталась влиять на процесс становления балканских государств, руководствуясь этой концепцией.

Примечания

- ¹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века. М., 1978. С. 153.
- ² См. подробнее: Новичев А.Д. История Турции. Новое время. 1853–1875. Ч. 3. Т. IV. Л., 1978; Он же. Итоги Крымской войны для Турции // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. V. Л., 1980; Шеремет В.И. К характеристике положения Османской империи в годы Крымской войны (взаимосвязь политики и финансов) // Тюркологический сборник. 1979. М., 1985.
- ³ «Священный указ» (*хатт-и хумаюн*), был издан султаном Абдулмеджидом 18 февраля 1856 г. в продолжение программы реформ, декларированной Гюльханейским актом (*хатт-и шериф Гюльхане*) 1839 г. Указ (фирман) от 18 февраля 1856 г. провозглашал равные имущественные и личные права всем османским подданным без различия вероисповедания, допуск немусульман к государственной службе, а также проведение военной, административной и налоговой реформ. Благодаря указу Османская империя вступила в «концерт» великих европейских держав. Это не спасло ее от восстаний христиан в Боснии и Болгарии и мусульман в Ливане, поскольку каждая из этих конфессий была по-своему не удовлетворена султанским декретом.
- ⁴ Нарочницкая Н.А. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса. М., 1989. С. 38–39.
- ⁵ Там же. С. 29.
- ⁶ Леонтьев К.Н. Мои воспоминания о Фракии // Собрание сочинений К.Н. Леонтьева в 12 т. Т. 9. Воспоминания (1831–1868). СПб., 1912. С. 294.
- ⁷ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 61. Подробнее о деятельности славянских комитетов см.: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 50–60-е гг. XIX в. М., 1959.
- ⁸ Беляков С.С. Южные славяне глазами московского славянофила: путешествие И.С. Аксакова по славянским землям: май–август 1860 // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 107.
- ⁹ См.: Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. М., 2006; Он же. К.Н. Леонтьев и русский ориентализм // TURCICA et OTTOMANICA. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М., 2006.
- ¹⁰ Черкасский В.А. Два слова по поводу Восточного вопроса // Русская беседа. Т. IV. Кн. 12. 1858. С. 68–69, 85, 88.
- ¹¹ П. Успенский — Е.П. Эйлер (фрейлина императорского двора. — А. Б.), 31 августа (12 сентября) 1860 г. // Материалы биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1–2. СПб., 1910. Т. 2. Переписка. С. 863.
- ¹² Письма о Турции. (Письмо 7-е. 4 (16) октября 1858 г.) // Чихачев П. А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970. С. 112–113.
- ¹³ Овсянников В.И. Восток в общественно-политической жизни России (середина XIX в.) // Научно-аналитический обзор. М., 1990. С. 15.
- ¹⁴ Радюкин Н. Турция // Дело. 1867. № 4. С. 227–228.
- ¹⁵ Неклюдов В. Об отношениях России к Оттоманской империи // Русская мысль. 1864. № 10. С. 617–618, 621, 625.
- ¹⁶ Новичев А.Д. История Турции. Новое время. 1853–1875. Т. IV. Ч. 3. С. 204–235.
- ¹⁷ В 1866 г. на о. Крит вспыхнуло восстание, главным требованием которого было отделение от Турции и объединение с Грецией. Из числа великих держав лишь Россия поддержала это требование. Ввиду этого в начале 1869 г. восставшие вынуждены были прекратить сопротивление, а власть султана над островом была восстановлена в полном

- объеме. — Подробнее см.: Сенкевич И.Г. Россия и Критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970.
- ¹⁸ Хевролина В.М. Н.П. Игнатъев — российский дипломат. М., 2009. С. 234–235.
- ¹⁹ Без автора. Восточный вопрос в его настоящем фазисе // Отечественные записки. 1864. № 7. С. 460.
- ²⁰ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 106.
- ²¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 23–41.
- ²² Московские ведомости (далее — МВ). 1866. № 41. Если на Востоке готовятся события, Россия явится во всеоружии своих прав и, если конференция о Дунайских княжествах коснется Парижских трактатов, то Россия явится на свидание свободной от обязательств // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» в 25 т. 1863–1887. М., 1897. Т. IV. 1866. С. 120–121.
- ²³ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 171.
- ²⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 105.
- ²⁵ Хохлов А.Н. Документы русского госпиталя в Константинополе. Из истории русско-османских гуманитарных связей во второй половине XIX — начале XX в. // Османский мир и османистика. Сб. статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 180–183.
- ²⁶ Хевролина В.М. Указ. соч. С. 45.
- ²⁷ МВ. 1867. № 207. Ложные известия о несостоявшемся союзе России с Турцией // Катков М.Н. Указ. соч. 1867. Т. VI. С. 533.
- ²⁸ Современная Турция в военном, административном и политическом отношении (1862–1867) (Восточный вопрос) // Военный сборник. 1869. № 12. С. 318.
- ²⁹ Леонтьев К.Н. Мои воспоминания о Фракии. С. 267, 281.
- ³⁰ Жуков К. С. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. С. 84–85.
- ³¹ Хевролина В.М. Указ. соч. С. 156–159.
- ³² Леонтьев К.Н. Мои воспоминания о Фракии. С. 302–307. По словам К.Н. Леонтьева, возможность для России взять под свой контроль Босфор облегчалась также пророссийскими симпатиями местных турок, которые, как он отмечал, «недовольны реформами, помнят янычарские времена, ненавидят французов и англичан, считают их более вредными для мусульманства, чем русских... Мусульмане опасаются России, но они уважают ее, как государство. Царь для них понятнее и уважительнее всяких парламентов. Они слышали также и от пленников прежних лет и от переселяющихся из Крыма в Турцию татар, что религия их пользуется покровительством в России, знают, что татарские муллы награждаются и поддерживаются русским правительством, что хаджи кричат на высоких минаретах точно так же как в Турции. Они слышали, что и народ в России к мусульманам не платит того презрения, которое заметно в обращении европейцев».
- ³³ Нарочницкая Н.А. Указ. соч. С. 131.
- ³⁴ МВ. 1866. № 41. Если на Востоке готовятся события, Россия явится во всеоружии своих прав и, если конференция о Дунайских княжествах коснется Парижских трактатов, то Россия явится на свидание свободной от обязательств // Катков М.Н. Указ. соч. Т. IV. 1866. С. 120–121.
- ³⁵ В 1867 г. при поддержке Франции правитель Египта Исмаил-паша стал обладателем наследственного титула — хедива.
- ³⁶ МВ. 1866. № 257. Парижский трактат 1856 г. потерял свою силу // Катков М.Н. Указ. соч. Т. IV. 1866. С. 595.
- ³⁷ Леонтьев К.Н. Мои воспоминания о Фракии. С. 302–307.
- ³⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 105.

- ³⁹ Там же. С. 106.
- ⁴⁰ Современная Турция в военном, административном и политическом отношениях (1862–1867) (Восточный вопрос) // Военный сборник. 1869. № 12. С. 316.
- ⁴¹ Моллер А.А. (Алек). Различные фазы Восточного вопроса в 1866–1868 гг. // Русский вестник. 1868. № 6.
- ⁴² Новичев А.Д. История Турции. Новое время. 1853–1875. Ч. 3. Т. IV. С. 218–219.
- ⁴³ Речь идет о пропуске правительством Румынии на территорию Османской империи в 1867 г. повстанческих чет (отрядов), состоящих из болгарских эмигрантов.
- ⁴⁴ Леонтьев К.Н. Консульские рассказы // Леонтьев К.Н. Воспоминания (1831–1868). С. 376.
- ⁴⁵ Леонтьев К.Н. Мой приезд в Тульчу // Леонтьев К.Н. Воспоминания (1831–1868). С. 326.
- ⁴⁶ МВ. 1867. № 207. Ложные известия о несостоявшемся союзе России с Турцией // Катков М.Н. Указ.соч. Т. V. 1867. С. 531–532.
- ⁴⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира и романо-германского. СПб., 1871. С. 408–409.
- ⁴⁸ МВ. 1870. № 138. Разрешение Восточного вопроса зависит для нас теперь не от военной силы, а от внутреннего прогресса (по поводу годовщины Чесменского боя) // Катков М.Н. Указ. соч. Т. VIII. 1870. С. 408–409.

В.И. Шлыков*

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КЕМАЛИСТОВ В РАННЕРЕПУБЛИКАНСКИЙ ПЕРИОД

Резюме. В фокусе внимания статьи — проблемы формирования турецкого национализма в кемалистской трактовке, конструирования концепта турецкой нации и кемалистского тюркизма в 1930-е гг. Принцип определения этнической принадлежности по языку сделали из последнего один из основных маркеров кемалистского тюркизма, определяемого Мустафой Кемалем и Афет Инан как «единство политического бытия и прародины, историческое и этническое родство». Ислам, являвшийся одним из краеугольных камней тюркизма в его «классическом», «гё-кальповском» понимании, из кемалистского тюркизма исключался. Тотальная секуляризация всех сфер общественного бытия лишала мусульман, составлявших 97,5% населения Турции, доминирующей коллективной идентичности, которую спешно надо было чем-либо заменить. И как альтернативу прежней исламской идентичности кемализм предлагал тюркизм.

Ключевые слова: кемализм, турецкий национализм, тюркизм, языковая политика, ислам, лаицизм.

Summary. The paper analyses the formation of Kemalist Turkish nationalism, framing of the Turkish nation concept and Kemalist Turkism in the 1930s. The principle of language as a determination factor for ethnicity made language the main markers of Kemalist Turkism which both Mustafa Kemal and Afet İnan defined as “unity of political entity and homeland, historical and ethnic kinship”. Islam which used to be the main element of “classic” Turkism of Ziya Gökalp was purged from Kemalist Turkism. Total secularization of all spheres of social life deprived the 97,5% Muslim majority of Turkey’s population from dominating collective identity which had to be replaced with another concept. The Kemalist ideology offered Turkism as a sound alternative of Islamic identity.

Tags: Kemalism, Turkish nationalism, Turkism, language policy, Islam, laicism.

Ключевым периодом для оформления турецкого национализма в кемалистской трактовке и конструирования новой нации стали 1930-е гг. Именно тогда были сформулированы основные положения кемализма, так называемые «принципы Ататюрка», а сам он обрел свою структуру, продолжающую существовать и поныне.

По классификации Энтони Смита, делившего национализм на «территориальный» и «этнический», турецкий национализм 1930-х гг. можно определить как строго «территориальный», поскольку в его основе лежал и принцип

* Шлыков Вячеслав Иванович, кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ.

Анатолии как единственной исконной зоны проживания туток, и отрицание возможных претензий на территории, населенные турками или же просто единоверцами-мусульманами и ранее входившими в состав Османской империи. С другой стороны, турецкий национализм в этот период носил в себе и этнические черты. Их, в частности, можно было увидеть в гонениях на армян в 1915 г., а позже — в насильственном переселении немусульманского (по большей части — христианского) населения Анатолии в 1922 г., в котором видели потенциальную угрозу внутривполитической стабильности зарождающегося нового турецкого государства. Хотя эти примеры, конечно, больше походят на религиозные, чем на этнические гонения, но, тем не менее, они вполне подпадают под понятие «этнического национализма». На этом двойственный характер турецкого национализма не заканчивается. Так, если отрицание существования каких-либо этнических меньшинств среди мусульман Анатолии (прежде всего многочисленного курдского меньшинства на юго-востоке Анатолии) может трактоваться как яркий показатель территориальной модели национализма, то акцент на «турецкость» и официальные репрессии в отношении любых проявлений иных национальных идентичностей (в особенности курдской) уже характеризует турецкий национализм как «этнический».

И все же турецкий национализм 1930-х гг. в значительной степени был этническим. В пользу этого утверждения говорят масштабные идеологические проекты кемалистов, среди которых одно из центральных мест занимает «Турецкий исторический тезис».

В 1928 г. была проведена реформа турецкого алфавита и введена латиница. В 1931 г. было создано Общество по изучению турецкого языка, которое должно было провести масштабные исторические исследования турецкого языка. Это объяснялось тем, что Мустафа Кемаль был убежден в существовании тесной связи между тюркскими и индо-европейскими языками и в том, что для последних турецкий является даже праязыком. На Общество возлагалась обязанность провести сравнительное исследование языков, чтобы показать и доказать тезис о «турецком языке как наиболее влиятельном факторе в становлении и развитии всех мировых языков».

Первый Исторический конгресс, состоявшийся 2–11 июля 1931 г., завершился всеобщим признанием «Турецкого исторического тезиса» и поставил на повестку дня вопрос о чрезвычайной значимости турецкого языка, хранящего память о межкультурных контактах тюрков с другими народами, с которыми те пересеклись во время миграции из Центральной Азии, и вмещающего в себя все остальные культурно-цивилизационные особенности и характеристики, делающие нацию нацией. Поскольку турецкий язык был провозглашен носителем главных расовых и этнических признаков, только те, кто говорил на турецком языке, могли претендовать на принадлежность к турецкой нации. Этот тезис Мустафа Кемаль высказал еще задолго до конгресса: «Одна из важнейших характеристик нации — язык... тот, кто считает себя частью турецкой нации, должен прежде всего и при любых обстоятельствах говорить на турецком языке... И если кто-либо не будет говорить по-ту-

репки и при этом станет настаивать на своей принадлежности турецкой культуре и турецкой нации, никто не верит в подобные утверждения»¹.

Принцип определения этнической принадлежности по языку сделал из последнего один из основных маркеров кемалистского тюркизма. Мустафа Кемаль и его приемная дочь, историк Афет Инан, трактовали его как «единство политического бытия и прародины, историческое и этническое родство»². Таким образом, исчезало всякое упоминание об исламе, являвшемся одним из краеугольных камней тюркизма в его «классическом», «гёкальповском» понимании. Все это явилось прямым следствием кемалистской политики в отношении религии в 1920-е гг., когда ислам планомерно вытеснялся из общественно-политической сферы в область частной жизни. Лаицизм, ставший основным «столпом» кемалистской идеологии, и тотальная секуляризация всех сфер общественного бытия лишали мусульман, составлявших 97,5% населения Турции, доминирующей коллективной идентичности, которую спешно надо было чем-либо заменить. И как альтернативу прежней исламской идентичности кемализм предлагал тюркизм.

Таким образом, в республиканской Турции вопрос о языке формировался вокруг двух базовых принципов кемализма: секуляризма и национализма. Он был связан с секуляризмом потому, что с самого начала проведения языковая политика включала попытки очистить турецкий язык от арабских и персидских слов — считалось, что они имеют религиозное значение и содержание. В отношении второго аспекта официальная языковая политика была нацелена на создание единого и «унифицированного» национального языка для того, чтобы сформировать гомогенную национальную общность.

Вслед за историческим конгрессом кемалисты решили провести еще одно масштабное мероприятие, призванное выкристаллизовать новую националистическую идеологию — Первый лингвистический конгресс в Стамбуле (26 октября — 5 ноября 1932 г.), ставший, по сути, логическим продолжением Исторического конгресса. Как отмечали в своих сообщениях американские дипломаты, оба конгресса должны были доказать потенциал и историческое значение древних тюрков, упадок тюркской цивилизации под давлением «внешнего», иностранного влияния и, наконец, возрождение турок как нации и турецкого языка после установления республиканского строя³. Ход и направление дискуссии делегатов конгресса лишь подтвердили эти наблюдения дипломатов. Участники стамбульского конгресса прежде всего заявили о необходимости всестороннего сравнительного исследования турецкого языка⁴. Опираясь на данные о фонетическом сходстве турецкого языка с рядом индоевропейских, был выдвинут тезис об их прямом родстве, на основе которого делегаты предложили считать турецкий язык индоевропейским⁵ и признать близость турецкого, шумерского и современных индоевропейских языков⁶. Таким образом, подобно тому, как Исторический конгресс предложил считать большинство современных наций потомками древних тюрков, так и лингвистический конгресс настаивал на том, что основные живые индоевропейские языки по своему происхождению являются тюркскими.

Еще одной проблемой, на которой сфокусировалось внимание организаторов и участников лингвистического конгресса, — очищение турецкого языка. Так, депутат ВНСТ от Эдирне Мехмет Шереф (Айкут) (1874–1939) призвал «вернуть турецкому языку его померкнувший блеск и величие», поскольку в течение последних столетий «турецкий язык в буквальном смысле слова вымер как письменный, сохранившись лишь в устной форме как язык повседневного общения»⁷. Идею борьбы за чистоту языка кемалисты считали одним из краеугольных камней своей стратегии по конструированию турецкой нации, причем как программа развития языка эта идея была воспринята буквально: основные усилия были направлены на замену слов арабо-персидского происхождения «исконно турецкими». Сигналом к этому, в частности, послужило переименование Общества по изучению турецкой истории 12 июля 1932 г.: арабские по происхождению слова *теткик* (изучение, исследование) и *джемийет* (общество) были заменены турецкими синонимами *араштырма* и *курум*. Привычные слова арабо-персидской лексики стали повсеместно заменяться словами из разговорного турецкого языка, когда же подходящих синонимов не находилось — создавались неологизмы с тюркскими корнями. За 1932–1934 гг. Общество по изучению турецкого языка при поддержке правительства создало подобным образом несколько тысяч «новых слов»⁸.

На пике реформы по очищению языка был создан Второй лингвистический конгресс (18–23 августа 1934 г.), который стал последним публичным обсуждением программы изменения турецкого языка. По следам конгресса в мае 1935 г. из печати вышел «Карманный османско-турецкий словарь-справочник», вместивший в себя обширный перечень арабских и персидских слов и соответствующие турецкие эквиваленты. Словарь стал своего рода символом водораздела между османско-турецким языком, богатым на лексические заимствования, арабским алфавитом и современным турецким с латинской графикой и массой неологизмов. Причем в вихре языковой реформы заменялись слова, использовавшиеся в турецком языке на протяжении почти тысячи лет⁹.

Реформаторский задор привел к тому, что к концу 1935 г. стало очевидно, что многие слова были опрометчиво исключены из нормативного языка, а их эквиваленты представляли собой фактически мертвую лексику, которую никто не использовал. В результате большинство турок было совершенно не в состоянии понять «чистый турецкий язык»¹⁰.

Неудачу кампании по очищению языка де-факто признало и само Общество по изучению турецкого языка, объявившее о необходимости сохранения части прежней «османской» лексики. Более того, новая тщательная лингвистическая экспертиза выявила, что нередко слова, которые зачислялись в перечень арабо-персидских заимствований, на самом деле были исконно турецкими, поэтому избавляться от них абсолютно не требовалось¹¹.

Последний тезис об исконно турецком происхождении многих слов, которые раньше считались арабскими или персидскими, подготовил почву для

Третьего лингвистического конгресса (24–31 августа 1936 г.) и создания в конце 1930-х гг. так называемой. «Солнечной теории языков».

«Солнечная теория языков» стала своего рода зеркальным отражением «Турецкого исторического тезиса». Базируясь на данных сравнительно-исторических и этимологических исследований, проведенных по поручению Ататюрка¹², она объявляла, что большинство современных языков восходят своими корнями к турецкому. Как отмечал генеральный секретарь лингвистического общества Ибрагим Неджми Дильмен (1889–1945): «Большое количество слов в этимологических словарях обозначаются как слова с неизвестным происхождением... этот факт привлек внимание турецких лингвистов, которые, сравнивая тюркские слова с рядом слов в других языках, обнаружили среди прочего поразительное сходство между древнетюркским словом “силий” (солнце) и французским “soleil” (солнце)». Опираясь на это открытие, турецкие лингвисты пришли к выводу, что древние тюрки, которые являются древнейшей расой на планете, поклонялись солнцу, вокруг «идеи солнца» строилась их картина мира¹³, формировался и развивался язык¹⁴, поэтому турецкий «солнечный язык» лежит в основе всех остальных языков¹⁵.

Таким образом, в 1930-е гг. идеологи кемализма попытались сформулировать свое определение турецкой нации, базировавшееся на утверждении о принадлежности всех жителей Анатолии к туркам по этническим и расовым признакам. Однако Турция 1930-х гг. не была ни этнически, ни конфессионально однородным государством. При существовавшем столь очевидном конфессиональном и, прежде всего, языковом разнообразии резонно вставал вопрос, как в таких условиях успешно реализовать масштабную националистическую программу. Ответом на этот вызов стала кампания «Гражданин, говори по-турецки!», начавшаяся фактически еще в 1928 г. вместе с реформой турецкого алфавита¹⁶.

В 1931–1932 гг. кампания была поддержана евреями Измира — в то время второго по величине города Турции. После депортации греков и армян евреи представляли собой наиболее многочисленную и влиятельную немусульманскую этноконфессиональную общину города (более 10% жителей).

Власть позитивно восприняла желание евреев не сопротивляться культурной и языковой ассимиляции. Еврейское меньшинство Турции, и в османские времена отличавшееся покладистым отношением к требованиям и желаниям власти, вполне отвечало ожиданиям кемалистов и постепенно стало сдавать свои позиции. В феврале 1933 г. раввин Кыркларели (небольшого города во Фракии, европейской части Турции) Мойше-эфенди, завершая субботнюю службу, обратился к прихожанам с просьбой «впредь говорить на любимом языке благородных турак»¹⁷. За этим последовала община евреев Бурсы, решившая накладывать штраф на всех, кто «говорит на каком-либо другом языке, кроме турецкого»¹⁸. Евреи Анкары также объявили о готовности принять турецкий язык в качестве единственного средства коммуникации¹⁹. В конце 1933 г. раввин Диярбекира Ильяс-эфенди совершил поездку по восточным вилайетам, призывая евреев «обратиться в новую кемалистскую веру». 23 ноября 1933 г. евреи Стамбула решили вместе с греками и

армянами включиться в пропаганду распространения турецкого языка по стране²⁰.

Конечно, не все члены еврейской общины готовы были принять турецкий язык столь же безропотно, как и её духовные лидеры и авторитеты, нередко имели место народные протесты против насильственного отуречивания. Так, хорошо был известен случай, когда один еврейский школьный учитель, вызвавшийся быть проводником туркизации в городе Милас (вилаyet Мугла), был избит своими единоверцами²¹.

Между тем одним из главных проводников туркизации в то время стал видный деятель младотурок, писатель и публицист Муниc Текиналп (Моиз Кохен) (1883–1961). Еврей по происхождению, он даже принял турецкое имя, а в 1934 г. основал совместно со своими единомышленниками, убежденными в том, что евреи вполне могут ассимилироваться с турками, Общество турецкой культуры, главной задачей которого он провозгласил распространение турецкого языка²².

Кампания «Говори по-турецки!» затронула не только турецких евреев, но также и мусульманские меньшинства, не говорившие на государственном языке.

В 1935 г. кампания получила новый импульс. На IV Съезде Народно-республиканской партии премьер-министр Исмет Инёню выступил с речью²³, в которой подробно остановился на необходимости для всех, кто проживает в Турции, говорить по-турецки: «Начиная с сегодняшнего дня мы больше не будем молчать и сохранять спокойствие. Все граждане, которые живут с нами в одной стране, будут говорить по-турецки»²⁴. Вслед за столь резкими высказываниями руководства страны консервативная религиозно-националистическая организация Национальный союз турецких студентов инициировала общественное движение за турецкий язык как единственное средство коммуникации в Турции. В рамках этой неофициальной кампании шла масштабная пропаганда турецкого языка с требованиями везде и всегда говорить по-турецки, и все, кто не следовал данным рекомендациям, подвергались публичному порицанию и общественному преследованию.

К тому времени в турецких газетах стали появляться националистические статьи в поддержку туркизации²⁵. Так, националистическое издание «*La République*» опубликовало серию материалов о «турках, неспособных говорить по-турецки». Их основная идея сводилась к тому, что подобные люди (а число их весьма внушительно) «станут угрозой социальной стабильности и мирному сосуществованию разных групп внутри турецкого общества»²⁶.

Христианские общины также отреагировали на новую волну туркизации. Так, Анжело Джузеппе Ронкалли (1881–1963) — в то время папский нунций в Стамбуле, а впоследствии папа Иоанн XXIII, провел службу на турецком языке²⁷. В 1935 г. инициативная группа армян и греков, тесно связанная с Народно-республиканской партией, учредила Союз турецких светских христиан, целью которого по их замыслам должна была стать помощь в проведении туркизации и ассимиляции нетурецких этносов²⁸.

Правда, новая волна туркизации больше других задела еврейские общины. Так, в 1936 г. муниципалитеты Эдирне и Текирдага, где преимущественно проживали евреи, распорядились штрафовать всех, кто говорил не по-турецки. 26 февраля 1936 г. еще в двух городах со значительным еврейским населением — Бурсе и Люлебургазе (вилайет Кыркларели) — приняли постановление о запрете публичного использования каких-либо иных языков, кроме турецкого. В результате в сентябре 1936 г., во время празднования Йом-Кипур, раввин Стамбула убедительно просил своих единоверцев говорить только по-турецки²⁹. Тем не менее многочисленные газетные статьи, в которых евреев обвиняли в саботировании исполнения нормы о повсеместном использовании только турецкого языка, постоянно появлялись в националистической прессе на протяжении 1937 г. И, как отмечал известный турецкий писатель еврейского происхождения Рыфат Н. Бали (р. 1948), начиная с 1937 г. количество евреев и представителей других нацменьшинств, говорящих не по-турецки, начало ощутимо снижаться³⁰. Сама кампания «Говори по-турецки!» продолжалась и после смерти Ататюрка (1938), продержавшись до конца 1940-х гг.³¹.

Государственный национализм, формируемый кемалистами, не признавал каких-либо альтернативных трактовок. Но при этом само по себе кемалистское государство, несмотря на серьезную идеологическую работу с населением через органы центральной и местной власти, жесткую однопартийную политическую систему, не было тоталитарным подобно гитлеровской Германии и сталинскому Советскому Союзу. В нем не практиковался столь же всепроникающий тотальный контроль над обществом. Но главное, новая идеология принималась и поддерживалась лишь в городских центрах, образованной частью населения, нередко близкой к политической элите, и при этом практически не распространялась среди масс простого, прежде всего сельского, населения (причем это положение сохранялось вплоть до 1950-х гг.).

Периферия кемалистской Турции продолжала жить в рамках традиционного, религиозно-консервативного, уклада. Особенно сильно контраст центра и периферии ощущался в горных районах Юго-Восточной Анатолии, где доминировали курды и куда порой не доходили даже обрывочные новости о радикальных переменах внутри страны. Незначительная глубина проникновения кемалистского государства внутрь традиционной «вековой» Турции создавала условия для существования большей части населения страны вне каких-либо новых идеологий.

Примечания

¹ Arar İ. Atatürk'ün Günümüz Olaylarına Işık Tutan Bazı Konusmaları // Belleten. Cilt 45–46, No. 177 (1981). S. 23–24.

² Inan A. Medeni Bilgiler ve Atatürk'ün El Yazıları. Ankara, 1969. S. 371.

³ State Department, 867.402/48. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 17 Oct. 1932. Memorandum // <http://www.archives.gov/>

⁴ Birinci Türk Dil Kurultayı. İstanbul, 1933. S. 393–395.

⁵ Ibid. S. 71–80.

- ⁶ Ibid. S. 94–104.
- ⁷ Birinci Türk Dil Kurultayı. İstanbul 1933. S. 249–250.
- ⁸ Heyd U. Language Reform in Turkey. Jerusalem, 1954. P. 26–29. См. также: Lewis G. The Turkish Language Reform. Oxford, 1999.
- ⁹ Арабские слова “sulh” (мир), “harb” (война), and “milli” (национальный) заменялись на *barış*, *savaş* и *ulusal*; вместо персидских по происхождению слов “germ” (горячий) и “efsun” (волшебство) вводились турецкие неологизмы “sıcak” и “büyü”.
- ¹⁰ State Department, 867.9111/353. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 16 Nov. 1932. Digest of Turkish Press 30 Oct. — 12 Nov. 1932. // <http://www.archives.gov/>
- ¹¹ Heyd U. P. 26–29. См. также: Lewis G. Op. cit. P. 33.
- ¹² State Department, 867.402/74. Shaw (Istanbul) to the State Department (Washington), 9 Sept. 1936 // <http://www.archives.gov/>
- ¹³ Foreign Office. FO 371/20094/E5890. Morgan (Istanbul) to Eden (London), 18 Sept. 1936 // <http://www.nationalarchives.gov.uk/>
- ¹⁴ Lewis G. Op. cit. P. 57. См. также: Günes Dil Teorisi ve Üçüncü Dil Kurultayı: Gaziantep Sayı 1 Ömer Besim Aksoy Tarafından 26 Eylül 1936 Dil Bayramında Verilen Konferans. Gaziantep, 1937.
- ¹⁵ Foreign Office, FO 371/20094/E5890. Morgan (Istanbul) to Eden (London), 18 Sept. 1936 // <http://www.nationalarchives.gov.uk/>
- ¹⁶ Heyd U. Op. cit. P. 30.
- ¹⁷ State Department, 867.9111/391. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 21 Feb. 1933. Digest of Turkish Press 5 Feb.–18 Feb. 1933 // <http://www.archives.gov/>
- ¹⁸ State Department, 867.9111/392. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 8 March 1933; Digest of Turkish Press 19 Feb. — 4 March 1933 // <http://www.archives.gov/>
- ¹⁹ State Department, 867.9111/405. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), Aug. 1933. Digest of Turkish Press 16 July–11 Aug. 1933; State Department, 867.9111/390. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), Feb. 1933; Digest of Turkish Press 22 Jan. — 4 Feb. 1933 // <http://www.archives.gov/>
- ²⁰ State Department, 867.9111/410. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 11 Dec. 1933; Digest of Turkish Press 5 Nov. — 2 Dec. 1933 // <http://www.archives.gov/>
- ²¹ Ibid.
- ²² Landau J. M. Tekinalp: Bir Türk Yurtseveri (1883–1961). İstanbul, 1996. S. 20.
- ²³ Foreign Office, FO 371/17969/E5028. Davis (Smyrna) to Loraine (Angora), 19 July 1934. FO 371/17969/E5028. Davis (Smyrna) to Loraine (Angora), 2 Aug. 1934 // <http://www.nationalarchives.gov.uk/>
- ²⁴ CHP Dördüncü Büyük Kürültayı Görüşmeleri Tütülgası. Ankara, 9–16 May 1935. P. 149.
- ²⁵ Bali R.N. Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Seruveni (1923–1945). İstanbul, 1999. S. 269–272.
- ²⁶ State Department, 867.9111/422. Embassy (Istanbul) to the State Department (Washington), 3 Oct. 1934. Digest of Turkish Press, 12 Aug. — 22 Sept. 1934 // <http://www.archives.gov/>
- ²⁷ Bali R.N. Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Seruveni (1923–1945). İstanbul, 1999. S. 273.
- ²⁸ Landau, Jacob. M. Tekinalp: Bir Türk Yurtseveri (1883–1961). İstanbul, 1996. S. 21.
- ²⁹ Ibid. S. 275–276.
- ³⁰ Ibid. S. 281–287.
- ³¹ Ibid. S. 377–379.

Л.М. Раванди-Фадаи*

ЭТНОС, НАЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗМ: ИРАНСКИЙ ВЗГЛЯД

Резюме. Статья рассматривает понятие этноса, нации и национализма на примере Ирана. Основной акцент делается на отличии западного национализма от иранского (и, может быть, в целом от восточного). Для более глубокого определения национализма, так как это сложное и политически напряженное явление, в статье сначала анализируются его составляющие компоненты — «этнос» и «нация», затем их применение к иранской истории и действительности. В итоге автор утверждает, что национализм в Иране на самом деле имеет существенную специфику и отличия от того, что обычно понимается под ним.

Ключевые слова: Иран, этнос, нация, национализм, гражданский национализм, конфессиональный национализм, этнический национализм.

Summary. This article examines the concepts of ethnicity, nationality and nationalism in the Iranian context. The primary focus is on the proposed difference between Western and Iranian (and perhaps Eastern) nationalism. In order to better navigate this highly politicized and complex topic, the analysis begins with the basic building blocks of nationalism: the definitions for ethnicity, ethnos and nationality, and then applies them to Iranian realities. The author concludes that Iranian nationalism does indeed possess distinctive characteristics at odds with many current assumptions.

Tags: Iran, ethnos, ethnicity, nationality, nationalism, national pride, ethnocentrism, chauvinism.

Этнос. Слово «этнос» (от греческого ἔθνος — народ) использовалось в античности в разных значениях — не только как «раса» и «племя», но и как «группа воинов», «стая птиц», «рой пчел», «род» — например, «женский род». Позже, в Новом завете, это слово стало означать что-то вроде «безбожники», т. е. все нехристианские и нееврейские народы¹.

Таким образом, слово «этнос» охватывало все группы людей и животных, живущих совместно, но не обязательно принадлежащих к одному племени. Другое греческое слово — γένος — этнос — чаще использовалось для обозначения расы, семейного рода или даже породы.

Этнические сообщества отличаются друг от друга не столько генетическим фондом, сколько ощущением собственной общей истории и культуры. Не важно, подтверждаются ли эти ощущения наукой, являются ли они субъективными или объективными. Важно, что они объединяют всех членов данного сообщества и в их собственных глазах, и в чужих.

* Раванди-Фадаи Светлана Меджидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Существуют разные определения этносов, но наиболее удачным представляется определение Энтони Смита, где этническая группа — это «единица общества с определенным названием, с общим мифом о происхождении, общей исторической памятью, общими культурными элементами, связанное с определенной землей исторически, и с определенным чувством солидарности»². Можно выделить шесть основных характеристик, определяющих этнос:

I. Коллективное название

Не существует этноса без названия или самоназвания. Это объединяющий фактор³. Чем древнее, тем сильнее объединение. На территории Ирана проживает огромное количество этносов. На сегодняшний день Иран — 16-я страна в мире по разнообразию языков и этносов. Модернизация, начатая Каджарами, продолжилась и в эпоху Пехлеви. Во времена Резы-шаха она базировалась на трех принципах: секуляризме, индустриализации в центре и зависимости от других стран. Это вызвало раскол в иранском обществе. Секуляризм отталкивал религиозных людей и клириков, индустриализация привела к неравномерному развитию в разных частях страны, а зависимость от иностранцев угрожала чувству иранской национальной идентичности. Реза-шах Пехлеви внимательно и с симпатией следил за объединением Германии и по примеру именно этой страны попытался ввести концепцию «единой иранской нации», на основе которой осуществлялась «персизация» национальных меньшинств. Именно эта симпатия привела к тесному сотрудничеству с Германией в самых разных сферах — от политики и экономики до науки и культуры⁴. Разработчиком геополитической концепции государства Ахеменидов как «империи ариев», с которой берет начало современный Иран, стал немецкий исследователь — археолог и филолог Э. Э. Герцфельд. Персы стали называться иранцами. Название было взято из «Шахнаме» — «Iran sarzamine mardom-e najib ast» («Иран — земля благородного народа»), а в учебниках было закреплено арийское происхождение иранцев.

II. Общий миф о происхождении

Общая мифология является одним из важных факторов единства этноса. Ее содержание может быть различным, собственно мифологические мотивы могут в ней переплетаться с мифологизированными сюжетами коллективной исторической памяти, однако во всех случаях особую роль в ней играет набор представлений о «первовремени» этноса — эпохе его происхождения и становления. Такие представления могут вызывать к религиозному, территориальному, кровнородственному и т. п. единству этнической группы. В последнем случае речь обычно идет о легендарном фонде, описывающем эпоху «общих отцов».

Для Ирана таким мифом, конечно, является «Шахнаме», где повествуется о происхождении и ранней истории персов.

«Шахнаме» — это символ национального самосознания, который во все времена использовался правителями в своих интересах⁵. Так, во время празднования 2500-летия иранской империи, надеясь, что династия Пехлеви станет в один ряд с Курушем (Киром) и Дарием, последний шах Ирана, Мохаммад Реза Пехлеви, неоднократно обращался к «Шахнаме» как культурному достоянию всего иранского народа и символу иранской государственности. Построенный по его приказу мавзолеем Фирдоуси явно ассоциировался с мавзолеем Куруша (Кира).

После Исламской революции ее руководители попытались уйти от «Шахнаме», акцентируя внимание не на этническом, а на религиозном единстве республики. Текст эпоса даже был исключен из школьной программы. Однако очевидная противоестественность такого подхода вскоре вынудила религиозных лидеров Ирана вновь обратиться к «Шахнаме», интегрировав традиционный миф в парадигму исламской государственности. Фирдоуси превратился в истинного шиита. В результате поэт и его поэма стали культовыми в современной иранской культуре, превратившись в символы национального менталитета. Характерно в этом отношении, что Иран в поэме является центром всех представлений автора о вселенной и мироздании. Так, там, например, рассказывается, как Ирадж получил от своего отца, царя Феридуна, лучшую страну на свете — Иран, и братья, позавидовав, убили его, хотя они были царями всего Востока (Сальм) и Запада (Тур).

Наглядным примером является то, как монгольские правители Персии создавали мифы о персидском происхождении монгольской расы. Эти попытки одного этноса присоединиться к другому или оправдать свою власть над другим демонстрируют, насколько важными бывают представления об общем происхождении.

Монголы, будучи носителями совсем другой культуры (кочевнической по отношению к иранцам, которые занимались не только оседлым земледелием, но и жили в благоустроенных городах), придя в Иран, захотели стать легитимными наследниками царской власти. А царская власть — по «Шахнаме» — могла принадлежать только правителю, обладающему фарром, т. е. иранцу по крови и царского происхождения (несмотря на то, что в «Шахнаме» у многих царей матери были неиранки). Монголы заказывали себе сфабрикованные генеалогии, где вели свое происхождение от иранских царей (как в примере с Александром Великим, который — по «Шахнаме» — сводный брат последнего иранского царя, поэтому он пришел в Иран не завоевателем, а на законном основании — лишить власти неспособного править брата). То же самое стали делать потом и османские султаны и монгольские императоры⁶.

Именно с этим явлением связано возрождение «Шахнаме», которое исчезло из материальной культуры Ирана на два века: таков промежуток между первыми известными сейчас рукописями и смертью Фирдоуси. Эти «два века молчания» я связываю с политнекорректностью поэмы, официально объявленной султаном Махмудом и его двором. А возвратом из небытия в письменном виде (поскольку, очевидно, она продолжала существовать почти как Авеста — в устной передаче и очень немногочисленных рукописях) она

обязана монголам, которые заказывали рукописи «Шахнаме», чтобы завоевать поддержку местного населения, особенно иранской придворной элиты. Многочисленные рукописи «Шахнаме» относятся как раз к началу XIV в.⁷

III. Общая история

Другой важной составляющей этнического самосознания является представление об общей истории, коллективная историческая память. Мифологизированные представления об общем прошлом, включающие в себя пантеоны героев и антигероев, символические даты и события, воспоминания о национальных победах и катастрофах не только позволяют конструировать единство этноса, но и задают определенную мировоззренческую парадигму, позволяющую организовывать в сознании хаос настоящего⁸.

Примером такого рода объединяющего исторического символа в Иране является образ Каве — героя-кузнеца, поднявшего восстание против узурпатора престола — Заххака. Каве прикрепил свой кожаный кузнечный фартук к древку копья и под таким знаменем привел повстанцев к законному наследнику трона из первой династии мифических царей Ирана Феридуно⁹. Этот образ особенно часто использовали иранские коммунисты. Впрочем, плакаты с Каве можно нередко встретить на улицах иранских городов и сегодня.

IV. Общая культура

Третьей важной составляющей иранской этничности является язык. Стоит отметить, что в отличие от коллективного исторического сознания, наличие которого обязательно для любого этноса, языковое единство встречается далеко не всегда. Западные исследователи¹⁰ приводят в пример афроамериканцев в США, давно потерявших не только язык, но и многие элементы африканской культуры, и все-таки сохраняющих свою идентичность, которая выражается, например, в джезе и в других музыкальных жанрах. Что касается Ирана, то в социологических опросах персы указывают, что, несмотря на то что их связывает с азербайджанцами общая культура, традиции, обычаи и внешний вид, в большей степени они чувствуют свою близость с афганцами и таджиками, отличающимися от них и внешним видом, и обычаями, но говорящими на понятных языках¹¹.

V. Связь с определенной территорией

Не обязательно, чтобы этническое общество жило на данной территории, на своей «земле обетованной», даже если границы этой территории были четко определены. Главное — идея «исторической родины»¹². Например, при опросе иранских евреев¹³, почему они не поедут в Израиль или в Штаты, куда уехали жить их дети после Исламской революции, они отвечают: «Наша земля Иран, мы здесь живем более 2500 лет, а персидский — наш язык». Персид-

ский царь Курош (Кир) Великий (создавший империю Ахеменидов), в 538 г. до н. э. завоевав Вавилон и включив его в состав персидской державы, освободил их поработанных предков. Он издал указ, которым дал право изгнанным из Иудеи евреям вернуться на родину своих предков, и выделил им денежные средства на восстановление Иудейского храма в Иерусалиме¹⁴.

Получив поддержку царя Куроша, часть освобожденных евреев осела на землях Ахеменидской империи именно в тех районах, которые в настоящее время являются территорией современного Ирана. (Вообще считается, что евреи стали жить в Персии еще за 1500 лет до возникновения ислама.) Именно поэтому иранские евреи считают Иран своей родиной. А их сыновья, покинувшие Иран после Исламской революции, возвращаются, чтобы найти себе жену именно среди иранских евреек. На вопрос, «что не так с американскими еврейками», отвечают, что «они другие».

VI. Ощущение солидарности

Идея общего врага может объединить разные этносы в единую нацию. В качестве примеров можно привести конституционное движение 1905–1906 гг. или ирано-иракскую войну 1980–1988 гг., когда все иранские этносы плечом к плечу воевали против общего врага.

Религия также является важной составляющей этнического общества, обеспечивающей его жизнеспособность.

По мнению ряда иранских ученых, в поздний период авторитет зороастризма начал падать, несмотря на то что он пользовался государственной поддержкой. Некоторые авторы указывают на неспособность зороастризма отвечать на нужды народов Персии — он не давал им надежду на спасение в ином мире или в нашем, например после поражения, подобно тому, как это делают христианство и иудаизм. В последних двух религиях бедность и поражение не являются пороками. Евреи всегда странствовали в изгнании, были слабее в плане военной мощи. Христианство вообще воспеваает слабых. Эти религии превратили поражение в духовную победу. Истошающие войны с Византией и внутренние противоречия способствовали поражению Персии от арабов (642 г. н. э.), после которого общество и зороастризм оказались в глубоком кризисе. Зороастризм все больше и больше вытеснялся новой ислаимизированной культурой.

Автор данной статьи не во всем согласен с иранскими исследователями, поскольку случай с зороастризмом не так прост. Конечно, в качестве официальной религии после поражения сасанидского государства зороастризму было суждено исчезнуть, хотя поклонение огню продолжало существовать в Иране и в Индии. Это говорит о том, что зороастризм пустил глубокие корни в обществе и отвечал на духовные нужды людей. Пожалуй, ислам одержал победу еще и потому, что его доктрина и ритуалы были проще загадочных принципов и обрядов зороастризма. Принципы же ислама были кодифицированы в доступном и относительно компактном тексте.

Необходимо признать, что ислам шиитского толка упрочил персидскую идентичность. То есть та персидская идентичность, которая формировалась до арабского завоевания, не была достаточно крепка, чтобы ответить на новый культурный и идеологический «вызов» арабов, однако она все-таки приняла и трансформировала привнесенную культуру.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что «этнические элементы» заключаются не столько в генетическом фонде определенного населения, сколько в отношении к окружающему миру, логике мышления, восприятию реальности, закодированных в мифах, памяти, ценностях — одним словом, в общих традициях и культурных формах.

Нация (от лат. *natio* — народ, племя) — это народ, имеющий в своем распоряжении территорию, границы которой более или менее уважаются другими нациями. Другими словами, нация — это народ, организованный в государство. Нацию могут образовать несколько или огромное количество этносов, что мы видим в Иране. Нация — консолидированное политическое сообщество¹⁵.

Многочисленные этнические группы, проживающие на территории Ирана — азербайджанцы, белуджи и даже такие обособленные группы, как туркмены и арабоязычные иранцы провинции Хузестан, — на протяжении веков смогли обнаружить в себе много общего с коренными жителями иранского общества и участвовали в различной степени в политической, общественной и культурной жизни Ирана. С точки зрения истории, географической принадлежности и культурных корней никто из них не обладал какими-либо специфичными особенностями, которые полностью выделяли и обособляли бы их от остального населения Ирана.

Представляется очевидным, что употребление понятий «нация» и «национальность» по отношению к описанным выше этническим группам, проживающим на территории современного Ирана, не может быть верным ни с исторической, ни с научной точек зрения. В этом контексте словосочетание «иранские народы» используется скорее с целью описания разнородности населения, проживающего на данной территории.

Все эти народы проживают на одной территории, в составе одного государства, в абсолютно одинаковой атмосфере; наравне с остальными они вносят значимый вклад в развитие иранской культуры. Затруднения и проблемы экономического, политического и культурного характера, возникающие либо по причине кризиса в стране, либо вследствие внешнего вмешательства, затронувшие иранские народы, не могут служить объективной причиной для их обособления от иранского общества и разделения этого общества в целом, поскольку большая часть возникших трудностей носит повсеместный характер и затрагивает общество целиком¹⁶.

Важно отметить, что большинство исследователей, занимающихся изучением национальных и этнических проблем, выступают против использования понятия «нация» для этнических групп, утверждая, что между двумя этими категориями существуют фундаментальные различия. Идентичность этниче-

ской группы исследуется в рамках социальной идентичности, поскольку группа представляет собой прежде всего общественный феномен. При этом ученые настаивают на том, что нельзя располагать этническую группу в одном ряду с нацией, как нельзя и этническую группу приравнивать к национальной. Эта проблема не теряет своей актуальности для ученых, занимающихся исследованием наций; наряду с вышеуказанными противоречиями они также выступают против отождествления этнической и национальной идентичности, уравнивания нации и этносы. К примеру, Дэвид Миллер утверждает, что «этническая группа должна приниматься во внимание в качестве частного культурного феномена так же, как другие проявления личной идентичности»¹⁷.

Энтони Смит дает свое определение нации на основании корня этноса и согласен с тем, что между нацией и этнической группой существуют значимые различия. Смит убежден в их неравенстве и утверждает, что эти две категории, несмотря на сходство, различаются прежде всего в области истории, общей культуры, сосредоточением нации на одной территории и рассредоточением этнической группы по территории нескольких стран. Проявления этих различий можно также наблюдать в существовании политических и правовых организаций, общих обязательств, единой экономики в одной нации и отсутствии оных в этнической группе.

Важно подчеркнуть, что отношения между нацией и этническими группами не должны быть конфликтными и строиться на основе взаимной изолированности. В большинстве своем ученые, посвятившие свою жизнь изучению этой проблемы, подтверждают существующую связь между нацией и национальной идентичностью, как и между этнической группой и этнической идентичностью. При этом они обращают внимание на то, что существует конструктивный метод, позволяющий развивать данную концепцию. Однако политическая элита и этноцентристские правящие круги сосредоточили все свои усилия на том, чтобы между этнической группой и нацией возникли противоречия, в результате это должно привести к их максимальному разобщению. Подобный неконструктивный подход, с одной стороны, опускает национальную идентичность до уровня социальной, или общественной, идентичности, а с другой стороны — полагает нацию и национальную идентичность как единое целое на основании всего лишь одного из составляющих этническую группу элементов. Элита и этноцентристы, наряду с радикальными политическими группировками, убеждены в существовании противостояния между правительством и этническими группами. Провоцируя конфликты между этнической группой и нацией, они действуют в ущерб этнической группе, тем самым разрушая отношения и подрывая доверие между группой и обществом. В конечном итоге это приводит к тому, что группа лишается возможности получения крупного социального капитала¹⁸.

В заключение можно сказать, что связь между этнической группой и нацией как в теории, так и на практике носит мирный характер, и в демократических обществах этническая группа не противопоставляет себя нации и не считает себя равной ей. В подтверждение возможности подобного мирного сосуществования Дэвид Миллер пишет: «На практике сосуществование этни-

ческой группы и национальности допустимо и возможно, и они не представляют друг для друга никакой угрозы»¹⁹.

* * *

Считается, что **национализм** имеет две основные формы — гражданскую и этническую, но, рассматривая межэтнические факторы в Иране, я бы добавила и конфессиональный национализм.

Гражданский национализм

В моем понимании и, думаю, в понимании многих моих советских сверстников национализм является чем-то отрицательным. Хотя, безусловно, многие отечественные востоковеды — Т.П. Тихонова, К.М. Труевцев, С. А. Хусри, — занимающиеся проблемой национализма на Востоке, позитивно интерпретировали восточный национализм, рассматриваемый ими в качестве антиколониальной идеологии. В учебных программах национализм был представлен как буржуазная и мелкобуржуазная идеология²⁰. Однако анализ трудов д-ра М. Мосаддека²¹ позволил взглянуть на национализм под совершенно иным углом.

Зарождение в Иране идей национализма относится к концу XIX в., когда страна входила в сферу влияния России, Великобритании и ряда других держав. В то время лучшие представители иранской интеллигенции начинали все активнее критиковать шахское правительство, выступая против закабаления страны иностранным капиталом²².

Движение за национализацию стало синонимом возрождения национальной независимости, основанной на реальном нейтралитете. Поскольку иранский национализм был связан прежде всего с идеями независимости, его экономическая составляющая казалась самим деятелям националистического движения второстепенной. В стране вновь и вновь появлялись люди, готовые ставить ее на грань экономического банкротства (и даже пересекать эту грань) ради достижения своей цели. Этот важный фактор трудно поддается пониманию западных исследователей, утверждавших, что удовлетворение личных материальных потребностей — единственная профилактика и лекарство для населения, ущемленного в политических правах.

Как отметил Ф. Тоунби, «...национализм — это слово широкого значения, неточное слово, и форма национализма, которая бушует в Иране, очень отличается от формы, известной на Западе»²³. Возможно, лучше всего понимать его как национализм людей, осознающих величие своего прошлого, которые, вступив в контакт с европейской цивилизацией, чаще всего оказываются в подчиненном положении.

Дебаты о национализме в Иране ведутся как в теоретическом, так и в практическом ключе. В теоретическом плане представляется необходимым установить идентичность и самобытность Ирана. Иначе говоря, понять, что такое Иран. Практическая же составляющая дебатов заключается в разработке политики, направленной на защиту страны и сохранение ее уникально-

сти. Именно по этой причине иранские национализм и нейтралитет оказываются столь тесно переплетены.

Борьба между соперничающими иранскими политическими группировками была сосредоточена вокруг проблемы формы нейтралитета, которого должен был придерживаться Иран в международных отношениях. Должен ли Иран противостоять великим державам, опираясь на изоляционизм, или же он должен придерживаться силового блока для того, чтобы быть в состоянии защитить свой нейтралитет, или просто дистанцироваться от региона, попытавшись стать Швейцарией Ближнего Востока?

Первая концепция была выдвинута духовенством, рассматривавшим любое посягательство на отстаиваемые им ценности как их утрату и, следовательно, угрозу нейтралитету страны. Будучи незнакомыми с долгосрочными последствиями внешнеполитической практики, они предпочитали запретить все и проводить жесткий курс в стране, предотвращая любые попытки секуляризации. Однако в период 1906–1978/79 гг. иранский национализм тяготел именно к концепции просвещенного государства, свободного от шариата.

Противоположной точки зрения придерживались те, кто видел Иран слишком слабой страной, чтобы опираться на свои собственные богатства и быть в состоянии защитить себя. Эта группировка стремилась защитить Иран через коммерческие, политические и военные договоры, которые давали право на вмешательство во внутренние дела страны в случае злоупотребления иранским нейтралитетом со стороны третьей державы.

Такие соглашения, как ирано-советский Договор 1921 и 1927 гг., англо-персидское нефтяное Соглашение 1933 г., Договор о дружбе с Ираком, Афганистаном и Турцией (Саадабадский Пакт) 1937 г. или более позднее СЕНТО²⁴ — договор, подписанный в августе 1955 г., были заключены потому, что в той или иной форме они рассматривались иранской стороной как средство обеспечения нейтралитета страны.

Третий вариант нейтралитета — формальный или неформальный швейцарского типа — был идеей новой и еще чуждой иранским политикам. Однако пассивность, как было признано, не обязательно сохранит нейтралитет Ирана. В истории Ирана уже имели место примеры политического торга, когда одна из держав, получая требуемую концессию, интриговала против другой державы. Те политики, которых действительно волновала судьба своей страны, использовали другие методы, но их действия вытекали из того же источника. Все они были связаны страхом и недоверием к России, будь то Царской или большевистской, а недоверие к Великобритании было еще более укоренившимся.

С другой стороны, англичане не хотели, чтобы их рассматривали как вмешивающихся в иранскую политику. Своеобразный британский национализм родился как продукт самоизоляции, и подобное происходит в Иране в настоящее время, когда иранское руководство применяет этот способ для продвижения новых чувств национализма. Иранцы отличались от британцев (или американцев) тем, что всегда гордились своим собственным внутренним чувством национализма, другими словами, не было никакого различия

между внутренним патриотизмом и внешним национализмом. Кроме того, этот национализм не нуждался в проецировании себя наружу: он не требовал увеличения иранской территории за счет других, ему необходимо было дышать иранским воздухом. Но этот национализм был очернен западной прессой и политиками, которые развязали антимосаддекскую кампанию. Запад обвинял правительство Моссадека в подстрекательстве и демагогии, что объявили доказательством ксенофобии. В то время как, в соответствии с восточным пониманием вопроса, национализм является естественным и давно подавленным чувством. «Премьер-министр Мосаддек и его Национальный фронт сохраняли власть благодаря националистической кампании», — так писал американский разведчик в докладе в 1952 г.²⁵. В этом и заключается ошибка. Националистическая кампания нашла свое выражение в обретении самых ярых и преданных поклонников: «Мосаддек не изобрел национализм, а научил Иран в середине XX века как его выражать». Этот национализм не был направлен ни против Великобритании, ни даже АИНК (Англо-иранской нефтяной компании)²⁶. Была поставлена цель установить суверенитет, добиться политической и экономической независимости и восстановить гордость за свою нацию. Безусловно, был ослаблен иностранный контроль над национальными ресурсами, но это не было ксенофобией самой по себе. В таком случае, как получилось, что национализм Моссадека всегда сравнивался с ксенофобией? Было ли это вызвано освещением иранских событий в западных СМИ, когда буйные толпы выкрикивали антизападные лозунги, или спровоцировано чтением западной прессы, где описывались сборища людей, бродящих по улицам в поисках крови? Причина, может быть, кроется и здесь, ведь безумные толпы не были выдуманы в западных СМИ, но были направлены религиозными фанатиками.

Сразу после революции 1978–1979 гг. духовенство принципиально отказалось от политики шаха по иранизации национальных меньшинств²⁷. Но уже вскоре заговорили о национальном единстве народов страны, по сути о той же шахской «единой нации-государстве» — только на конфессиональной основе²⁸. Необходимо отметить, что в Конституции ИРИ произошла подмена термина «национальная община» термином «религиозная община».

Конфессиональный национализм

С точки зрения конфессионального национализма самыми проблемными этносами в Иране остаются белуджи и курды-сунниты. Белуджский и курдский национализм²⁹ не имеет корней в Иране, и основной линией раздела остаются конфессиональные противоречия. Это хорошо видно на примере курдов-шиитов, которые в начале Исламской революции принимали активное участие в подавлении курдов-суннитов, восставших на севере провинции Курдистан. То же самое можно сказать и о белуджах-шиитах³⁰.

Этнический национализм

Этнический национализм является важным элементом в жизни любой страны, особенно в Иране, находящемся на перекрестке цивилизаций и этносов. Так, в западном и юго-восточном районах Ирана (в которых экономическая и религиозная ситуация заметно отличается от центральных останов Ирана) активно действуют этнические националисты, и возможность внешнего вмешательства в этих районах может быть крайне опасна.

Некоторые исследователи полагают, что если этносы внутри государства почувствуют, что имеют все необходимые и равные права (право на родной язык и преподавание на нем, равный доступ к политической жизни и т. п.), то они будут считать себя частью единого государственного организма («мы — иранцы», а не «мы — белуджи»). Однако если эти проблемы не будут решаться, достаточно малейшего повода для того, чтобы вызвать мобилизацию этноса и его конфликт с центральной властью.

Что вызывает этнический национализм? Распределение власти (включая экономику, политику и культуру), исторический опыт различных этносов (сами они правили в прошлом или кто-то правил ими), отношение к этносу соседних стран, «соседи» (курды в Турции могут вызвать и проблему с курдами в Иране), уровень развития национального самосознания, считают ли себя его представители чем-то отдельным от государства и т. д.³¹.

Проблема этнического сепаратизма стояла перед Ираном в течение всего XX столетия, особенно обострилась она после Исламской революции 1978–1979 гг. Наиболее напряженная ситуация сложилась в Иранском Курдистане, когда в течение нескольких лет там велись боевые действия Демократической партии Иранского Курдистана с вооруженными силами ИРИ. Сейчас ситуация в Иранском Курдистане менее напряженная, но еще далека от идеальной.

На этническую ситуацию в Иране в последние годы стал влиять внешний фактор; в этнических регионах страны, особенно в Систане и Белуджистане, а также в Курдистане, появилось значительное количество новых националистически настроенных организаций, осуществляющих террористические акты. Этнический терроризм, причиной которого является экономическое, политическое и культурное притеснение национальных меньшинств со стороны официального Тегерана, поддерживается извне. Это одна из форм давления США и их союзников на официальные иранские власти. Можно предположить, что этнический фактор будет и в дальнейшем влиять на стабильность социально-политической жизни ИРИ.

Приведем пример: остан Систан—Белуджистан — самая бедная, неразвитая, малонаселенная, пустынная и при этом крупнейшая провинция Ирана, расположенная на самой окраине страны, в максимальном удалении от всех экономических, промышленных и культурных центров Исламской Республики, таких как Тегеран, Кум, Мешхед, Тегриз и др. Плохо охраняемая 1100-километровая граница с Пакистаном (где уже не раз проходили белуджские восстания) и с Афганистаном, где белуджи вообще неуправляемы из Кабула, транзит наркотиков, легкая доступность оружия, безработица среди

молодежи... Все это способствует разгулу политического экстремизма среди местного населения, искусно подогреваемого извне (достаточно вспомнить находящийся сегодня на слуху проект «объединенного Белуджистана»).

Мастера геополитической интриги, разыгрывая «белуджскую карту», мастерски используют политические амбиции верхушки племен. Более того, когда это необходимо, идет подогрев этих амбиций, активно вбрасываются «напоминания» о действительных и мнимых обидах, нанесенных белуджам официальным Тегераном. Ограничительные меры в культурной сфере, направленные на запрет пропаганды национализма и сепаратизма, подаются как попытки удушения самобытной культуры белуджей. Репрессивные меры против идеологов белуджского национализма и сепаратизма подаются как преследования по конфессиональному признаку или же как репрессии против «интеллигенции» белуджей.

Этнические проблемы представляются крайне важными для современного Ирана. Ситуация осложняется наличием «разделенных народов» и естественным желанием этносов соседних стран объединиться в единое целое. С одной стороны, Иран получает возможность влиять на своих соседей, но, с другой стороны, и соседи могут подстрекать «свой» этнос к провоцированию межэтнических конфликтов в Иране³.

Существуют различные взгляды на проблему этнического национализма. Одни исследователи полагают, что этносы — уже дело прошлого. Этносы существовали веками, как и семейные, общественные и тому подобные связи, которыми любой человек окружен с детства. В настоящее время, когда идет «построение наций», неизбежно происходит «разрушение этносов». Зачастую людям приходится отказываться от этнической самоидентификации, чтобы стать частью чего-то большего — нации, страны. Это естественный процесс, и конфликты, связанные с ним, также естественны, и социальные перемены ничего не изменяют, и решения проблемы данный подход не предлагает. Согласно другой точке зрения, этнические конфликты возникают в результате политических, социальных, культурных и тому подобных изменений в обществе. Зная причины и последствия таких трансформаций, можно найти оптимальное решение. Чтобы понять современную ситуацию в Иране, необходимо сочетать оба эти подхода.

Сами по себе межэтнические проблемы на религиозном, культурном уровнях не являлись бы настолько серьезными, если бы не принимали политизированный характер. Объединение людей на этнической почве нередко происходит по расчету. Если они видят, что объединение в группу по этническому признаку принесет им больше выгод, чем неприятностей, они объединяются. Такое же сплочение в ущерб целостности страны может вызывать серьезные проблемы.

Этнические группы требуют определенных прав: справедливого доступа к политической власти, доступа к решению правовых проблем, справедливого участия в политической жизни.

Исключительную важность имеет вопрос национального представительства во властных структурах. Так, число правительственных постов ограниче-

но. Если их получают представители одного этноса, то не получают представители другого. Все это приводит к политизации противоречий. То же можно сказать про экономику, культуру и т. п. Внутри же этнической группы подобные противоречия приводят к «мобилизации этноса», его сплочению.

В разжигании межэтнических конфликтов нередко виноваты руководящие элиты, лидеры этносов. Они играют на противоречиях между этносами и центральной властью («Да, мы сунниты! Да, мы курды!» и т. п.), тем самым усиливая сепаратистские тенденции в обществе. Сами элиты таким способом «шантажируют» центральное правительство, стремясь получить больше власти и привилегий, демонстрируя свою власть над этносом. Ведь пропасть между центральной властью и этнической группой грозит взрывом. И наоборот, в стране с сильной центральной властью сепаратистские тенденции не могут получить развития.

Важна связь между национальной стабильностью, безопасностью и этносами. В стране с сильной центральной властью попытки этнических элит вести свои народы к отделению обречены на провал. И тем не менее существует несколько опасных факторов, способных провоцировать развитие такого рода конфликтов: слабое правительство и недостаток общественной солидарности, эксклюзивная структура власти, серьезно ограничивающая участие людей в управлении государством, потенциал для мобилизации этнических групп, отношения по принципу «центр» — «окраина» между государством и этническими группами.

Примечания

- ¹ Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. revised and augmented throughout by. Sir Henry Stuart Jones. Oxford, 1940.
- ² Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. 1995. P. 57.
- ³ Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 22.
- ⁴ Галкина Е.С. Становление нации и пути национализма в Иране // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 32. С. 8–17.
- ⁵ Ashraf A. Iranian Identity // Encyclopedia Iranica. 2009. Vol. 13. P. 523.
- ⁶ Более подробно см.: Melville Ch. The Royal image in Mongol Iran// Every Inch a King. Comparative Studies on Kings and Kinship in the Ancient and Medieval Worlds. Leiden, Boston. P. 343–371.
- ⁷ Более подробно см.: Melville Ch. Op. cit. P. 343–371.
- ⁸ Smith A. The Ethnic Origins of Nations. P. 25.
- ⁹ Более подробно см.: Фирдоуси. Шахнаме. М., 1960. Том 1. С. 230.
- ¹⁰ Brotz H. Negro social and political thoughts, 1850–1920. N.Y.–L., 1966; Cruse H. The Crisis of the Black Intellectual. L., 1967; Legum C. Pan-africanism, a Political Guide. L., 1962.
- ¹¹ Опрос проводился автором статьи во время поездок в Иран весной 2013 г. и осенью 2014 г.
- ¹² Smith A. The Ethnic Origins of Nations. P. 28.
- ¹³ Опрос проводился автором статьи во время поездки в Иран весной 2013 г. и осенью 2014 г.
- ¹⁴ Раванди-Фадаи Л.М. Основные черты этноконфессиональной ситуации в современном Иране // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., 2014. С. 298.

- ¹⁵ См.: Токарев А. Украина изнутри // *Власть*. № 6 (1111). 2015. С. 9.
- ¹⁶ Хамид Ахмади Бонйадхайе ховийфт-е мелли-йе Иран (чахарчуб-е назари ховийат-е мелли-йе шахраванд) 1388, Тегран. С. 107.
- ¹⁷ Miller D. *On Nationality (Oxford Political Theory)*. Oxford, 1995. P. 35.
- ¹⁸ Мохаммад Джавад Джавид (Тегран, культурно-общественный исследовательский центр министерства науки, исследований и достижений, 1387 год). С. 173.
- ¹⁹ Miller D. *Op. cit.* P. 27.
- ²⁰ Краткий политический словарь. М., 1988. С. 267.
- ²¹ Выдающийся политический и государственный деятель Ирана Мохаммад Мосаддек был основателем организации «Национальный Фронт», сыгравшей важную роль в политической жизни страны. М. Мосаддек стал инициатором и лидером одного из самых массовых политических выступлений в 1950-х гг. на Ближнем и Среднем Востоке, движения за национализацию нефтяной промышленности Ирана, против Англо-иранской нефтяной компании. М. Мосаддек активно выступал за проведение Ираном независимой внешней политики.
- ²² Более подробно см.: Раванди-Фадаи Л.М. Политические партии и группировки Ирана. М., 2010. С. 14.
- ²³ Tounbee Ph. Behind Iran's Seething Nationalism // *New York Times, Sunday Magazine*, 7 October 1951. P. 13.
- ²⁴ Central Treaty Organization — Организация Центрального Договора — это Пакт о безопасности между Ираном, Турцией, Ираком, Пакистаном и Великобританией.
- ²⁵ Farhad Diba. *Mohammad Mossadegh. A Political Biography*. London, Sydney, Dover, New Hampshire, 1986. P. 85–89.
- ²⁶ *Ibid.* P. 87.
- ²⁷ Галкина Е.С. Указ. соч. С. 17.
- ²⁸ Жигалина О.И. Этнокультурная конфликтность в современном Иране. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. М., 2008. С. 276.
- ²⁹ См. работу о белуджском национализме: Taj Mohammad Breseeg. *Baluch Nationalism: Its Origin and Development*. Karachi, 2004.
- ³⁰ Более подробно см.: Асатрян Г. Этническая композиция Ирана от «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван, 2012.
- ³¹ Раванди-Фадаи Л.М., Особенности национальной политики в современном Иране // *Вестник Российской Нации*. 2013. № 1–2. С. 209–220.
- ³² Раванди-Фадаи Л.М. Особенности национальной политики в современном Иране // Там же. С. 209–220.

Л.А. Черешнева*
(Липецк)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ИНДИИ В 1947–1949 гг. (НА ПРИМЕРЕ КНЯЖЕСТВА ХАЙДАРАБАД)

Резюме. В годы Второй мировой войны мусульманская элита колониальной Индии взяла курс на раздел страны по религиозному принципу: крупные землевладельцы рассчитывали создать Пакистан на основе восстановления восточных феодальных порядков; буржуазия полагала покончить с конкуренцией индусских магнатов; духовенство ратовало за создание исламского государства. Уход англичан из Индии и ее раздел в 1947 г. означали победу мусульманского национализма в масштабах субконтинента.

Княжества Индостана оказались перед необходимостью присоединиться к доминионам Индийский Союз и Пакистан. Низам Хайдарабада, население которого было индусским, но правительство, армия и полиция состояли из мусульман, решил остаться независимым. Национальный архив Индии располагает уникальными документами о деятельности в этом княжестве мусульманских военизированных объединений разакаров, о закупках низамом оружия в Пакистане для борьбы с Индией, доказывающими, что региональный мусульманский национализм в государстве-анклаве, с иноконфессиональным большинством, нежизнеспособен.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, мусульманский национализм, Хайдарабад, низам, разакары.

Summary. During the Second World War, the Muslim elite of colonial India has set its sights on the division of the country along religious lines: the large landowners hoped to create Pakistan based on the recovery eastern feudal system; the weak bourgeoisie believed to end the competition of the Hindu magnates; the clergy advocated the creation of the state of Islam. British withdrawal from India and its partition in 1947 meant the victory of Muslim nationalism across the subcontinent. Princes of Hindustan faced with the need of accession with the Union of India and the Dominion of Pakistan. The Nizam of Hyderabad — whose population were Hindus, but the government, the army and the police consisted of Muslims — decided to remain independent. The National Archives of India has unique documents on the activities of the Muslim paramilitary associations Razakars, procurement by Nizam weapons in Pakistan to fight against India. It proves that the regional Muslim nationalism in the State enclave, with inoconfessional majority, is not viable and, without outside help.

Tags: India, Pakistan, Muslim nationalism, Hyderabad, Nizam, Razakars.

* Черешнева Лариса Александровна, доктор исторических наук, зав. кафедрой Липецкого государственного педагогического университета (ЛПГУ).

Проблема мусульманского национализма в колониальной Индии, приведшего к разделу страны в августе 1947 г. и возникновению Индийского Союза и Пакистана, до настоящего времени остается актуальной. При всей противоречивости оценок данного феномена, существующих ныне в российской и зарубежной историографии, не оставляет сомнений необходимость проанализировать политическую платформу организации, инициировавшей раздел, — Всеиндийской Мусульманской лиги, что позволит лучше понять и национализм региональный, автономистские и сепаратистские тенденции.

Мусульманская лига (МЛ) была основана в декабре 1906 г. в Бенгалии и в первые годы своего существования являлась узкообщинной организацией, опирающейся главным образом на верхние слои мусульманских земельных собственников, титулованной знати, тогда как буржуазия еще была крайне слаба. Религиозная и политическая элита индийских мусульман не определяла мусульманскую общину — *миллат* — как самостоятельную нацию и не рассматривала возможности ее превращения в самостоятельное государство. В силу замкнутости небольших мусульманских общин и изолированности друг от друга крупных, а также в результате влияния среды проживания выработка чувства всеиндийской мусульманской солидарности и осознание себя автономной общностью были крайне затруднены.

Однако национальное антибританское движение, в авангарде которого находился созданный в 1885 г. Индийский национальный конгресс (ИНК), вовлекло и Лигу в свою орбиту. В 1913 г., на сессии в Лакхнау, МЛ приняла программу, в которой была поставлена задача достижения самоуправления Индии в рамках Британской империи, действуя посредством конституционных методов и сотрудничества с другими религиозными общинами (в первую очередь — с индусами). Лакхнауская сессия дала толчок развитию политического сотрудничества Лиги и Конгресса. Их отношения еще более окрепли после Первой мировой войны, в период так называемого халифатистского движения 1918–1924 гг., и именно мусульманские лидеры первыми в 1921 г. потребовали объявить конечной целью национальной борьбы полную независимость Индии — «пурна сварадж».

Лидер же ИНК Мохандас Карамчанд Ганди категорически отверг эту идею, так как она влекла за собой изменение всей стратегии Конгресса. Это не могло не насторожить мусульман. Лидер Лиги Мохаммад Али Джинна обнародовал свои «14 пунктов», которые стали программой дальнейшей деятельности МЛ. В документе, в частности, говорилось, что будущая конституция Индии должна предусматривать Индийскую федерацию и гарантировать мусульманам соответствующую долю участия в государственной службе всех видов. В 1932 г. МЛ проиграла выборы в Центральное и провинциальные законодательные собрания и обрушилась на ИНК с обвинениями в том, что Конгресс служит интересам исключительно индусов и не способен отстаивать права меньшинств. Слабая мусульманская буржуазия была довольна таким поворотом событий, преследуя цель избавиться от конкуренции индусов и получить покровительство Великобритании.

Накануне Второй мировой войны Лига проиграла очередные выборы в законодательные собрания, тогда как Конгресс одержал ошеломляющую победу, даже в регионах с преимущественно мусульманским населением, и в 1937 г. сформировал свои министерства в шести провинциях. Деятельность конгрессистских министерств в 1937–1939 гг., самораспустившихся в знак протеста против автоматического объявления Индии воюющей стороной, была первым опытом практической политики ИНК. Сделав многое в экономической области, министерства допустили немало перегибов в отношении мусульман, вплоть до оскорбления их религиозных традиций.

С этого времени мусульманский национализм в Индии получил мощный импульс. Джинна и его единомышленники обвиняли ИНК в «тирании», стремлении к «Хинду Раджу». В 1940 г., на сессии в Лахоре, МЛ приняла историческую резолюцию, содержащую требование раздела Индии по религиозному признаку и создания отдельного исламского очага (или очагов) из провинций, населенных преимущественно мусульманами. Лахорская резолюция свидетельствовала об окончательном отходе мусульманской элиты северо-запада и северо-востока страны от главной идеи национальной борьбы — достижения независимости при сохранении единства Индии. Опора исламского национализма — крупные мусульманские землевладельцы рассчитывали построить так называемый *Пакистан* («государство чистых») на основе восстановления восточных феодальных порядков, рушившихся при развитии капитализма. Слаборазвитая буржуазия, не выдвинувшая фигур масштаба Тата и Бирла, рассчитывала таким способом покончить с конкуренцией индусских магнатов, властвовавших в финансово-промышленной сфере. Исламское духовенство ратовало за создание государства правоверных мусульман. Однако с 1940 по 1942 г. основная масса самодеятельного мусульманского населения данных районов Индии даже и не слышала о Пакистане. Лозунг «Пакистан зиндабад» («Да здравствует Пакистан!») оставался формулой элиты и для элиты.

На сессии Лиги в апреле 1942 г., состоявшейся в Мадрасе, Джинна смог вновь изменить программу организации, причем принципиально, включив в нее статью о разделе Индии. Перелом в сознании мусульман Индии, превращение МЛ в массовую партию и создание прочной социальной базы для реализации Лахорской резолюции произошли в 1942 г. Конгресс, обвиненный в подготовке «открытого бунта» — антибританского движения под лозунгом «Оставьте Индию!», в августе 1942 г. подвергся репрессиям и выбыл с политической арены до конца Второй мировой войны². После массовых арестов конгрессистов, прокатившихся по всей стране, Джинна отозвался о развернувшейся кампании как «о наиболее опасном движении Конгресса, направленном на установление Хинду Раджа силой оружия»³. Рабочий комитет МЛ принял решение не принимать участия в конгрессистской кампании.

Объявление Конгресса вне закона было выгодно Лиге по двум причинам. Во-первых, на данном фоне нейтралитет МЛ мог быть с успехом использован ею как неоспоримое доказательство своей лояльности с тем, чтобы получить от властей гарантии создания Пакистана. Во-вторых, временное устранение

ИНК предоставляло Джинне почти монопольное право формирования общественного мнения в свою пользу. За время, прошедшее с августа 1942 г. до освобождения конгрессистов из тюрем в конце Второй мировой войны, МЛ осуществила структурную перестройку, пополнила свои ряды на 2 млн человек, сумела сформировать министерства в Панджабе, Синде и Северо-Западной пограничной провинции.

В декабре 1943 г., на сессии Лиги в Карачи, в противовес конгрессистскому лозунгу «Оставьте Индию!» был выдвинут другой — «Разделите и оставьте Индию!». Руководство Лиги сформировало «комитет действия» для подготовки мусульман к завершающему этапу борьбы за Пакистан. Возможности сохранить единство Индии были практически исчерпаны. Передача власти индийцам при вице-короле Маунтбэттене, уход англичан из Индии и ее раздел в 1947 г., осуществленный именно по религиозному признаку, означали принципиальную победу мусульманского национализма в масштабах субконтинента. Тем больший научный интерес представляет исследование очага регионального национализма в южноиндийском княжестве-анклаве Хайдарабад, сохранявшегося до конца 1949 г.

При демонтаже британского колониального режима в 1947 г. княжества Индостана оказались перед необходимостью присоединиться к новообразовавшимся доминионам Индийский Союз и Пакистан. Низам княжества Хайдарабад, географически расположенного «глубоко внутри» доминиона Индия, Мир Осман Али Хан решил остаться независимым. В княжестве проживало около 20 млн человек, по данным переписи 1941 г. мусульмане из них составляли 15%⁴. При этом правительство, армия и полиция состояли из мусульман. Опираясь на мусульманское правящее меньшинство, в княжестве с 1927 г. действовала мусульманская националистическая организация «Иттихад-уль-Муслимин» («Движение за единство мусульман»), решительно выступавшая против любого подчинения Индии, за теократическую монархию с династией низамов.

С 1944 г. организацию возглавил Казим Разви, прозванный индийскими конгрессистами «Франкенштейном при низаме». Казим Разви являл собой пример мусульманского ортодоксального националиста, не лишённого харизмы, умело использовал свое ораторское дарование, апеллировал к историческому прошлому хайдарабадской династии, связывая его с Моголами. Одними из наиболее известных его лозунгов, брошенных в массы, были: «Низам омоет ноги в водах Бенгальского залива», «Мы — сыны Бабур, и, придет час, когда мы поднимем флаг низама над Красным фортом»⁵. Риторика Разви привлекла к его организации тысячи мусульман. Именно он сформировал военизированное отделение «Иттихад-уль-Муслимин», известное под названием «разакары». В 1947 г. их насчитывалось около 200 тыс. человек. Занимавшиеся военной подготовкой, разакары Разви выступали штурмовым отрядом региональных хайдарабадских националистов в деле создания теократического тоталитарного государства, и их активность нарастала. Разви называл их «освободителями всех мусульман Индии» от индусов⁶.

12 июня 1947 г. низам издал фирман, в котором объявил о своем решении «не присоединяться» ни к одному из доминионов и, по возвращении ему «верховой власти», «объявить суверенитет и независимость Хайдарабада»⁷. В своих намерениях Мир Осман Али Хан нашел последовательного единомышленника — английского юриста Уолтера Монктона, который являлся его советником. Монктон был давним другом вице-короля Индии Маунтбэттена и, видимо, рассчитывал на его поддержку. Однако Маунтбэттен неоднократно повторял ему в беседах, что, если княжество не присоединится ни к одному из новых государств, оно «будет разрушено, а трон потерян»⁸.

Монктон находил такой подход «нетерпимым» и предупреждал власти, что если Хайдарабат будет подвергаться чрезмерному давлению, то может разразиться гражданская война, которая охватит всю Индию. Вместе с низамом они стали требовать вывода контингентов англо-индийской колониальной армии с территории княжества⁹. В Хайдарабаде дислоцировалось около 8 тыс. солдат и военизированные подразделения. Не стесняясь в формулировках, Монктон заявлял, что «после 15 августа эти контингенты будут считаться армией оккупантов», предполагая, что суверенитет Хайдарабада — вопрос почти решенный¹⁰.

9 июля 1947 г. Мир Осман Али Хан написал письмо Маунтбэттену, в котором изложил позицию наиболее влиятельных индийских князей, способных бороться за свое «теоретическое право» на самоопределение. Он с горечью констатировал, что, невзирая на долгие годы преданного союза его династии с британской короной, при разделе Индии князьям предписывалось присоединиться к одному из двух новых доминионов, или княжества «перестанут являться частью Британского Содружества»¹¹.

Маунтбэттен был встревожен ситуацией, сложившейся вокруг Хайдарабада.

В личном отчете от 8 августа 1947 г. он не скрывал своего беспокойства: «Это — самая большая моя головная боль... Если низам попытается присоединиться к Пакистану и 85% индусов поднимутся против него, то он не встретит особых трудностей в подавлении революции. (Видимо, вице-король имел в виду, что мусульманские по составу армия и полиция, а также отряды разакаров сумеют защитить трон. — Л. Ч.) Но если он присоединится к Индии... то получит бунт мусульман, без каких-либо средств подавить его... Индийское правительство уполномочило меня вести с ним переговоры даже после 15 августа, чтобы избежать волнений в центре Индии»¹².

Маунтбэттен согласился продлить срок ведения переговоров с низамом на два месяца и пообещал, что никогда не прибегнет к давлению, однако не стал выводить войска с территории княжества до передачи власти, опасаясь, что в конечном итоге сам низам останется беззащитным. Надеясь убедить низама, Маунтбэттен хотел лично встретиться и переговорить с Мир Османом. Однако правитель Хайдарабада упорно отказывался от встреч с вице-королем. В то же время в позиции Мир Османа Али Хана была немалая доля блефа. Рассуждая о свободе выбора и стремясь остаться в составе Британского Содружества наций, и он, и Монктон не могли не понимать, что

договариваться им придется, и в первую очередь именно с правительством Индии, так как княжество было заперто со всех сторон в самом центре Деканского полуострова.

Однако до 15 августа 1947 г. решение о присоединении Хайдарабада к Индии или Пакистану так и не было принято. Было известно, что низам увеличивает свою армию, закупает оружие в Европе и Пакистане, всячески затягивает переговоры с правительством, чтобы добиться независимости или, в крайнем случае, присоединиться к Пакистану. Низам заявлял, что не может подписать «механизм присоединения», так как не располагает всей полнотой информации об условиях сотрудничества в трех основных сферах — обороны, внешней политики и коммуникаций. «Рад, что Джинна одобряет мое поведение», — говорил он¹³.

15 августа 1947 г. раздел Индии стал фактом. В доминионе Индийский Союз генерал-губернатором, по просьбе конгрессистов, остался — теперь уже бывший — вице-король Маунтбэттен, премьер-министром стал лидер ИНК Джавахарлал Неру. Пакистан возглавили Джинна и его «правая рука» — Лиакат Али Хан. Насколько эти изменения повлияли на хайдарабадскую проблему?

В своем новом качестве Маунтбэттен продолжил переубеждать низама, обещая, что его права от присоединения не пострадают: «Династия будет иметь привилегии, родовые драгоценности останутся в семье, вопрос с чеканкой монеты будет решен в интересах низама, собственные торговые представители и дипломаты будут действовать на международном уровне, а в Лондоне будет учрежден пост генерального агента Хайдарабада»¹⁴. За решительные меры в отношении Хайдарабада выступал глава министерства по делам княжеств Индии Валлабхаи Патель. Неру же, как и Маунтбэттен, проявлял сдержанность и надеялся на то, что возобладает здравый смысл¹⁵.

Однако под давлением «Иттихад-уль-Муслимин» низам упорствовал. От его имени Монктон вновь обратился к Маунтбэттену, предупреждая, что Хайдарабад не будет «разбираться в средствах», если правительство Неру попытается установить блокаду княжества. Маунтбэттен лично написал Мир Осману Али Хану, что доминионы не намерены «воздействовать силой»¹⁶. Генерал-губернатор должен был так заявлять, понимая, что насилие неизбежно, если хайдарабадская проблема будет усугубляться, и бесконечно оттягивать, тем более, предотвратить любую силовую акцию Индийского Союза он не сможет. Очевидно, это понял наконец и Мир Осман.

25 октября 1947 г. низам дал устное согласие на присоединение Хайдарабада к Индийскому Союзу и обещал подписать соответствующий документ на следующий день.

В столице княжества тысячи сторонников Казима Разви окружили дома Монктона и других доверенных лиц низама, ведших от его имени переговоры с Дели. Мусульманская полиция бездействовала, толпа угрожала сжечь дома и расправиться с «делегатами», если низам не откажется от своих намерений. По радио Хайдарабада передавали речи Разви с предупреждением Индии: «Если Неру начнет войну против княжества, то тысячи пуштунов двинутся на

него из Пакистана, а 45 млн мусульман самой Индии станут нашей пятой колонной»¹⁷. Лидер разакаров взывал к мусульманам «выступить, начать джихад, с Кораном в одной руке и мечом в другой»¹⁸. Правитель княжества уступил националистам. Присоединения Хайдарабада в октябре 1947 г. не состоялось.

Главным итогом этой «войны нервов» стало подписание переходного соглашения 29 ноября 1947 г.¹⁹. Индия не прибегла немедленно к силовой акции, низаму дали еще год на размышление. Этот документ может быть расценен как временная победа Хайдарабада. На год сохранялся его независимый статус, существовавший до раздела Индии, но никакой новой, вассально-сюзеренной или федеративной, схемы в документе не прописывалось, и при нарушениях этого «соглашения-отсрочки» в силу вступал Арбитражный суд²⁰.

Националисты Хайдарабада компромиссную позицию индийского правительства расценили как слабость. В 1948 г. в княжестве начались погромы индусов, зачинщиками которых выступали разакары. Очаг регионального мусульманского национализма в центре территории Индийского Союза превращался в серьезную проблему для правительства Неру, тем более что он получал внушительную поддержку извне. Так, из Пакистана регулярно на четырехмоторных бомбардировщиках, принадлежавших Великобритании и пилотируемых британскими экипажами, в Хайдарабад доставлялась военная техника²¹. В качестве пилотов на самолетах княжества использовали «европейских беженцев» — поляков, чехов. Сам низам, скорее всего, уже мысленно был в Женеве, куда началась переправка его фамильного золота, но разакары и армия готовились сражаться за права его династии и самоопределение княжества. Кроме того, резидент Хайдарабада У. Бартон вел переговоры о с португальцами о возможной покупке Гоа — для получения выхода к морю. В складывавшейся обстановке Гоа предполагалось использовать как перевалочную базу при переброске войск морем с Ближнего Востока и из Пакистана в Хайдарабад²².

В конце апреля 1948 г. стабильность и мир в Индии оказались под угрозой. 1 мая 1948 г. в последний раз Маунтбэттен обратился к низаму с призывом прагматично проанализировать положение в княжестве и прислушаться к его советам. Маунтбэттену в июне предстояло возвращение в Великобританию, время его генерал-губернаторства заканчивалось²³. Кроме того, летом 1948 г. последние английские военные должны были покинуть Индостан. Истекал и срок соглашения от 29 ноября. Близилось время для низама принимать нелегкое решение, Великобритания утрачивала свою роль буфера между ним и Неру-Пателем. В письме к низаму Маунтбэттен подчеркивал, что многие условия соглашения Мир Осман за истекающий год так и не выполнил: «Вы не взяли под контроль Разви и не ограничили деятельность разакаров! Не реформировали правительство и не создали конституционную ассамблею. Ваши указы говорят о том, что Ваша истинная цель — собственное ответственное независимое правительство!»²⁴. Низам дипломатично уклонился и от открытого диалога в письмах, и от, возможно, последней личной

встречи с Маунтбэттенем. Княжеством он уже реально не управлял, полностью подчинившись мусульманским националистам.

Ситуация усугублялась еще одним обстоятельством: в восточной части Хайдарабада — Теленгане — вспыхнуло крестьянское восстание. Им руководила Коммунистическая партия Индии. Коммунисты возглавляли многие деревенские советы и пользовались большим влиянием в местной национальной организации «Анхдра Махасабха», насчитывавшей в своих рядах около 100 тыс. человек и ставшей авангардом антифеодальной борьбы. Восстание охватило огромную территорию: в 1947 г. — около 400 деревень, в 1948 г. — 2500 деревень с общей численностью жителей более 5 млн человек. Низам направил против восставших 15 тыс. солдат и отряды разакаров, устроивших там резню, но оказался бессильным подавить Теленганское восстание. КПИ называла Теленгану «своей твердыней в Индии», «своей Москвой»²⁵, внимала китайскому опыту партизанской войны.

Коммунисты категорично разоблачали обвинения индийских властей в якобы существующем их союзе с разакарами²⁶. В отличие от разакаров, коммунисты, после земельных экспроприаций у местных помещиков, не «исчезали, будто грабители», а оставались в деревнях, организовывали там сельские советы, новую власть.

Под влиянием всего комплекса вышеназванных факторов Неру изменил свой взгляд на хайдарабадскую проблему. «Если правительство низама уже неспособно управлять, то необходимо принять иные меры», — заявил он. Первым шагом индийского правительства стало введение экономической блокады Хайдарабада, не распространявшейся на ввоз продовольствия и медикаментов. Однако видимых результатов блокада не принесла. На территорию Индийского Союза стали вторгаться небольшие группы боевиков, долгий и безрезультатный процесс переговоров с низамом прекратился.

7 июня 1948 г. Патель написал Неру и Маунтбэттену: «Мы сделали все... Нас уверяли, что до конца этого года двуединая задача будет решена — присоединение Хайдарабада и создание там ответственного правительства... Говорят о переговорах! Чушь! Все хуже. Инциденты на границе, разакары нападают на наши деревни, нарушают работу железной дороги... Дальнейшее промедление — это и политический позор, и военные осложнения. Надо действовать!»²⁷.

В июле–августе 1948 г. начались всесторонние приготовления к военной операции «Поло» против низама. 7 сентября правительство Индии объявило о направлении военного контингента в Хайдарабад. Масштабных боевых действий не последовало, однако вооруженное сопротивление оказывали и солдаты княжеской армии, и разакары, сражавшиеся с особым упорством и жесточением. Через 108 часов Мир Осман Али Хан сдался. Хайдарабад был включен в состав Индии.

Выступая в парламенте Индии 1 февраля 1949 г., В. Патель привел данные о потерях сторон в ходе операции «Поло»:

«Убиты: индийские солдаты — 42, солдаты армии низама — 490, разакары — 2727 человек.

Ранены: соответственно — 97; 122 и 102 человека.

Сдались в плен: 0; 0; 3364 человека»²⁸.

Таким образом, разакары «Иттихад-уль-Муслимин» оказались наиболее ревностными националистами, противостоявшими индийской армии под лозунгами джихада. Расследование их действий открыло факты изощренного насилия над местным индусским населением, и правительство Неру сформировало специальный департамент для реабилитации жертв террора и выплаты им адресных компенсаций из государственного фонда²⁹.

Что касается восстания в Теленгане, то индийские войска, вступившие в Хайдарабад, немедленно приступили и к его подавлению, 50% земель, экспроприированных коммунистами, было возвращено помещикам без вмешательства властей, остальное — под их контролем. Однако восстановить порядок в прокоммунистических районах, где шла партизанская война крестьян под лозунгами решения земельного вопроса и против «банды Пателя», удалось только к 1949 г., отдельные же его отзвуки были слышны даже в 1951 г.

Международный Красный Крест и Пакистан озаботились судьбой «борцов за независимость Хайдарабада», неоднократно запрашивая министерство обороны Индии о возможности посетить разакаров в тюрьмах и убедиться, что они содержатся как военнопленные «в соответствии с Гаагской конвенцией»³⁰. Ответ Пателя был однозначным: «Разакары — не военнослужащие регулярной армии, взятые в плен. Гаагская конвенция не имеет к ним отношения. Большинство из них — просто бандиты, обвиненные в убийствах, грабежах, изнасилованиях... Сегодня 1520 разакаров ожидают суда. В индийских тюрьмах сидят тысячи других заключенных, но, похоже, до них Красному Кресту нет дела. Отказать»³¹.

Таким образом, деятельность низама Мир Османа Али Хана и «Иттихад-уль-Муслимин», ее военизированных отрядов — разакаров в Хайдарабаде в 1947–1949 гг., при их опоре на традицию самостоятельного статуса княжеств во времена британского владычества на Индостане, могущество и древность династии, стремления мусульман к теократии, — явственно доказали, что региональный мусульманский национализм с его автономистскими и сепаратистскими тенденциями в государстве-анклаве, с иноконфессиональным большинством, нежизнеспособен.

Примечания

¹ Истоки мусульманского национализма и сепаратизма на Индостане подробно исследованы отечественными пакистановедами и индологами. — См.: Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008. С. 28–55; Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М., 2010. С. 314–319; Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М., 2010. С. 66–68; Индия сегодня. Информационно-аналитический справочник. М., 2005; Филимонова А.Л. Идея национальной идентичности: опыт Пакистана. М.–СПб., 2013. С. 70, 86.

² См. подробнее: Чершнева Л.А. «Августовская революция» 1942 г. в Индии. М., 2007. Гл. 2, 3.

³ Там же.

⁴ Bawa V.K. Last Nizam. The Life and Times of Mir Osman Ali Khan. New Delhi, 1992. P. 14.

⁵ Zubrzycki J. The Last Nizam. The Rise and Fall of India's Greatest Princely States. L., 2006. P. 176–178.

- 6 Menon V.P. Integration of the Indian States. Madras, 1985. P. 347–348.
- 7 Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power (1942–7) / Ed by N. Mansergh and P. Moon. In 12 vols. Vol. 11. London, Oxford, 1982. P. 308.
- 8 Constitutional Relations... Vol. 12. London, 1983. P. 557.
- 9 National Archives of India (NAI). Government of India. Ministry of States. Pr. Branch. File № 43-P (S) / H / 48. L. 6–7.
- 10 Ibid. См. также: Constitutional Relations... Vol. 12. P. 557.
- 11 Ibid. P. 31.
- 12 Ibid. P. 593–594.
- 13 Ibid.
- 14 NAI. Ministry of States. Pr. Branch. File № 43-P (S) / H / 48. L. 6–7, 10–13
- 15 Sardar Patel's Correspondence 1945–1950. In 10 vols. Vol. 7. Ahmedabad, 1972. P. 56.
- 16 Constitutional Relations... Vol. 12. P. 669, 679.
- 17 NAI. Ministry of States. Pr. Branch. File № 43-P (S) / H / 48. L. 6–7.
- 18 Ibid.
- 19 Ibid. L. 5–6.
- 20 Ibid. L. 6.
- 21 NAI. Ministry of States. Hyderabad Branch. File № 4(2) / H/ 48. Part II. L. 1.
- 22 Ibid. L. 7.
- 23 NAI. Ministry of States. Pr. Branch. File № 1(4) / H/ 48. L. 8–10.
- 24 Ibid.
- 25 NAI. Ministry of States. Hyderabad Branch. 1949. File № 11(1) — H. L. 12.
- 26 Архив внешней политики РФ. Ф. 090. Оп. 10а. П. 21. Д. 1. Л. 101.
- 27 NAI. Ministry of States. Pr. Branch. File № 1(4) / H/ 48. L. 37.
- 28 NAI. Ministry of States. Hyderabad Branch. 1949. File № 13(31) — H. L. 91–92.
- 29 Ibid. L. 2–4.
- 30 NAI. Ministry of States. Hyderabad Branch. 1949. File № 1(15) — H. L. 1–2.
- 31 Ibid. L. 3–4.

Раздел III

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА В СТРАНАХ РЕГИОНА

*В.В. Карякин**

ДЕГРАДАЦИЯ СВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В СТРАНАХ АРАБСКОГО МИРА В СВЕТЕ АКТИВНОСТИ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Резюме. Целью данной статьи является анализ ситуации, связанной с делегитимизацией светских государственных институтов арабского мира и их демонтажем в ходе так называемых «финиковых революций», вызванных ренессансом исламского политического фундаментализма как реакции исламской «уммы» на вестернизацию Ближнего Востока.

Ключевые слова: Ближний Восток, формальные и неформальные политические институты арабского мира, делегитимизация и демонтаж светских государственных институтов.

Summary. The article's aim is to analyze the situation created as a result of delegitimization of secular state institutions in the Arab world and of dismantling of them in the wake of the so-called «date revolutions». The revolutions were the product of the renaissance of the Islamic political fundamentalism as a reaction of Islamic 'umma' to the westernization of the Middle East.

Tags: Middle East, formal and informal political institutions in the Arab world, delegitimization and dismantling of secular state institutions.

«Арабская весна» 2011 г. подтвердила связь между институализацией государственных систем Северной Африки и Ближнего Востока и динамикой их социальной энтропии, которая в свое время была исследована основателями «неоинституализма» Дж. Марчем и Й. Олсеном, установившими, что наличие развитых политических институтов оказывает влияние на социальные индивидуумы, «вынуждая людей действовать в соответствии с правилами»¹. Данные авторы рассматривают политические институты как государственные структуры, задающие социальным субъектам определенные поведенческие правила. Однако в современных условиях понятие «государственный институт» требует пересмотра в связи с возрастанием роли и влияния социальных индивидуумов, воздействующих через социальные сети и Интернет на развитие общественно-политических процессов. Эта задача была решена лауреатом Нобелевской премии Д. Нортон², который констатировал, что «институты являются набором правил и процедур подчинения, а также моральных и этических норм поведения, созданных с целью сдерживать поведение индивидуумов»³.

Такого же мнения придерживается и Г. Саймон, утверждающий, что рациональность поведения субъектов социума, связанная с их интересами,

* Карякин Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ).

проявляется на фоне различных ограничений, накладываемых не только на поведение, но и на сознание людей⁴. Таким образом, автор данной работы констатирует, что с точки зрения современного неинституализма социально-политическое поведение индивидуумов ограничено действующими в стране государственными институтами, наличие которых играет конструктивную роль в деле стабилизации общественной обстановки, так как делает поведение членов общества предсказуемым, а социальную энтропию контролируемой.

В этом и состоит главная задача государственных институтов, заключающаяся в «обеспечении гарантий выполнения различных договоров и однозначном их понимании сторонами. В противном случае каждая из сторон может интерпретировать договор настолько произвольно, что он теряет смысл»⁶. В том же ключе высказывается и Ф. Фукуяма, который отмечает, что государственные институты играют главную роль в поддержании стабильности во всех сферах социальных отношений, создавая атмосферу доверия и сотрудничества между субъектами социума⁶.

Д. Норт в своей работе классифицировал государственные институты на формальные и неформальные. К первой категории он отнес органы государственной власти: законодательные и исполнительные, включающие парламент, правительство, суды и органы исполнения наказаний, а также силовые структуры. Во вторую категорию вошли социальные институты, связанные с конфессионально-культурной идентичностью народа, — надстройка, наполненная религиозным духом. В целом как формальные, так и неформальные государственные институты образуют базис общественных отношений, на основании которого формируется органическое единство арабо-мусульманского мира.

Неформальные социальные институты обеспечивают решения следующих задач в арабских обществах:

— выполняют трансисторическую функцию. По словам Д. Норта, «формальные правила меняются, а неформальные — нет. Хотя полная смена формальных правил действительно возможна, многие неформальные ограничения оказываются весьма живучими»⁷. Наличие неформальных институтов, как трансисторических структур арабского мира, имеет долговременную природу ввиду невозможности радикального разрыва с прошлым в сферах общественных отношений по причине консервативности их конфессиональной основы — ислама, который задает им устойчивую траекторию исторического развития на очень продолжительный период времени;

— неформальные социальные институты одновременно создают и обратную связь, оказывающую влияние на формальные политические институты, основанные на законах шариата, которые закреплены в законодательствах большинства стран Ближнего и Среднего Востока.

Вместе с тем следует отметить тот факт, что в арабо-исламском мире сильные традиционные неформальные социальные институты соперничают с формальными политическими институтами. Это объясняется тем обстоятельством, что в большинстве стран Ближнего Востока последние были скопи-

рованы или оказались близкими по своим функциям и структуре западным политическим институтам, что в глазах арабской общественности делает их нелегитимными, так как они не соответствуют законам шариата. Это порождает конфликтогенность и придает непрогнозируемую нелинейность социально-политическому развитию государств региона, порождая многочисленные противоречия и конфликты как на внутригосударственном, так и на региональном уровнях.

Важнейшим геополитическим фактором в арабском мире является институт конфессиональной идентичности, который зачастую соперничает, а в некоторых случаях полностью отрицает национальную идентичность народов. Так, если обратиться к монархическим государствам арабского мира, то их население считает себя единой арабской нацией, живущей по законам ислама. Что же касается светских государств республиканского типа, то в Северной Африке и на Ближнем Востоке люди считают себя прежде всего египтянами, ливийцами, тунисцами, сирийцами, а уже потом арабами. Еще больше национальная идентификация проявляется в Турции, Иране, Афганистане и Пакистане. Их население не является арабским, хотя во всех этих странах люди исповедуют ислам. Вышеуказанные факторы позволяют сформулировать понятие региональной национальной идентичности, нашедшей отражение в совокупности неформальных социальных институтов и культурно-конфессиональных форм, которые имеют большую значимость по сравнению с формальными политическими институтами, построенными по западному образцу.

Обобщая теоретико-методологические подходы к исследованию политических институтов, А. Вендт выдвинул концепцию умеренного конструктивизма⁸, согласно которой формальные и неформальные институты призваны выполнять следующие функции:

- снижение уровня внутригосударственной и региональной неопределенности и обеспечение общественно-политической стабильности на различных уровнях;

- создание силовых ограничений на политику внерегиональных, региональных и внутригосударственных общественных и политических субъектов;

- формирование условий для конструктивного сотрудничества и взаимопомощи стран арабо-исламского мира;

- уменьшение влияния социально-политической энтропии путем упорядочивания и регулирования социально-политических процессов;

- создание благоприятных условий для эффективной деятельности международных организаций и комиссий по реализации проектов экономического развития, государственного строительства и ликвидации последствий гуманитарных, техногенных и природных катастроф;

- способствование переводу конфликтов из области силового решения в сферу дипломатии и миротворчества.

Однако абстрактные положения теории умеренного конструктивизма А. Вендта оказались не соответствующими реалиям Ближнего и Среднего Востока. Дело в том, что роль формальных политических институтов в араб-

ском мире несравненно низка по сравнению с влиянием неформальных социальных институтов. Это обстоятельство и определяет конфликтную составляющую региональной и внутригосударственной политики стран данного региона.

Взаимодействие ближневосточных государств зачастую характеризуется «игрой с нулевой суммой» (согласно которой действует принцип: «победитель получает всё») ввиду определяющей роли военной силы при решении региональных проблем и бескомпромиссного отстаивания противоборствующими сторонами своих интересов. Примерами могут служить события в Ливии, Египте, Йемене и Сирии. Это является причиной того, что международные организации арабского мира функционируют неэффективно и не создают основу для конструктивного диалога и сотрудничества государств. Этим обстоятельством пользуются внешние акторы международной политики, которые, пользуясь отсутствием единства в рядах арабских государств, решают региональные проблемы в своих интересах, играя на межгосударственных противоречиях, а зачастую применяя военную силу для оказания помощи одной из противоборствующих сторон. Показательным примером является череда государственных переворотов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, когда при низком авторитете региональных международных организаций и слабости светских государственных институтов арабского мира данный регион погрузился в хаос противостояния правительственных сил и вооруженной оппозиции, пользовавшейся иностранной военной поддержкой для свержения существующих режимов⁹.

Для сравнения следует отметить, что положительным примером высокой институализации государств является Западная Европа. Здесь имеет место органическое сочетание неформальных и формальных политических институтов, которые создают основу для эффективного взаимодействия и сотрудничества с «положительной суммой», что означает получение взаимной выгоды всеми участниками политического процесса. Благодаря этому фактору роль силовых структур государства в решении внутригосударственных и региональных проблем сведена к нулю. В этих условиях на первый план выходят дипломатические методы решения проблем. Это определяет эффективность работы европейских международных организаций. Они не вмешиваются в политику правительств государств региона, применяя исключительно дипломатические и экономические рычаги воздействия для разрешения кризисных проблем, что дает им возможность оказывать влияние на стабилизацию социально-политической обстановки не только в ведущих государствах ЕС, но и в странах, расположенных на периферии европейского континента¹⁰.

Сравнительный анализ роли политических институтов Европы и стран арабского мира показывает, что в регионе Ближнего и Среднего Востока имеет место минимальный уровень институализации, создающий значительную степень неопределенности развития социально-политической обстановки, следствием чего является рост социальной энтропии и нестабильности как на внутригосударственном, так и на региональном уровнях, инициирующих различного рода вызовы и угрозы, непосредственно влияющих на ре-

гиональную и глобальную безопасность. Государства Ближнего и Среднего Востока фактически не придерживаются в своей внешнеполитической деятельности принятых в мировом сообществе общих стандартов и принципов. В данном регионе не существует механизмов экономического и силового принуждения законам международного права, что создает дополнительные условия для хаотизации международных отношений и создает предпосылки для превращения региона в сплошную «серую зону» социально-политической бифуркации, что и проявилось в событиях 2011 г. в Северной Африке и на Ближнем Востоке¹¹. Поэтому любые рациональные стратегии крупных вне-региональных игроков в рамках данного региона, как отмечает А.А. Казанцев¹², нейтрализуются отсутствием информации о действии сторон в «дилемме узника»¹³, что создает условия (иными словами, порождает аттрактор) для применения военной силы при решении региональных проблем.

В этой связи ведущие державы Запада, позиционирующие себя в качестве политических институтов мирового уровня, берут на себя функцию обеспечения региональной стабильности и международной безопасности на основе западной модели мироустройства с использованием следующих принципов: приоритет прав атомарного индивида социума над общественными интересами, т. е. доведенный до крайней примитивизации принцип «прав человека»; наличие политической системы со свободными выборами и разделением властей как единственной легитимной формой политического устройства — принцип «демократии»; свободное распределение ресурсов на глобализованном рынке товаров и услуг как единственная эффективная форма хозяйствования — принцип «рыночной экономики»; приоритет международного права над национальными законодательствами государств — принцип «ограничения национального суверенитета». Последний принцип подразумевает тенденцию исчезновения такого политического института, как национальное государство под воздействием расширяющегося глобального рынка и всемирной системы коммуникаций¹⁴.

Именно данный набор принципов внедряется Соединенными Штатами и их союзниками, действующими в рамках таких международных организаций, как МВФ, ЕС и НАТО. Однако декларируемые Западом в качестве универсальных вышеперечисленные принципы не лишены внутренних противоречий. Это хорошо осознаётся общественностью арабо-мусульманского мира. Например, демократия, означающая господство большинства над меньшинством, противоречит западным правам человека. Декларируемое равенство людей противоречит основам рыночной экономики. Приоритет принципа международного права над национальными законодательствами на практике реализуется через различные миротворческие операции и «гуманитарные интервенции», использующие двойные стандарты в соответствии с политическими интересами США как мирового гегемона.

Причинами безуспешности попыток Запада трансформировать арабо-исламский мир в соответствии со своими цивилизационными стандартами является то, что индивидуализм и эгоизм социального индивида западного общества противоречит принципам кланово-групповой лояльности и вер-

ности принципам ислама. Экономика свободного рынка не вписывается в системы, основанные на кланово-групповых взаимоотношениях и нормах шариата. Приоритет международного права над национальным порождает национализм, антиамериканизм и антизападничество. Политические элиты ближневосточных государств хорошо осознают тот факт, что глобализация мира ведет к его делению на управляющий центр, находящийся в ведущей стране западного мира — США, и эксплуатируемую им периферию.

Это порождает сопротивление процессам глобализации в странах «третьего мира» в форме возрождения конфессионально-цивилизационной идентичности народов. Следствием этого является возврат к традиционным общественным укладам как проверенным формам государственного устройства¹⁵. Ответом арабо-исламского мира на глобализацию является ренессанс языкового и культурно-конфессионального самоутверждения¹⁶, принимающий в некоторых странах формы вооруженной борьбы и террористических актов против экспансии идеологии, моделей политического устройства и культурных «ценностей» западного мира¹⁷.

Турбулентность социально-политической жизни арабских обществ говорит о том, что во многих исламских странах, а также в странах, не являющихся исламскими, но в которых имеется значительная часть мусульманского населения, наблюдается тенденция кризиса национальной государственности. Анализ показывает, что в 27 из 48 исламских государств политические системы находятся в состоянии неустойчивости¹⁸. Социальная энтропия арабо-исламских обществ растет. Центральные правительства оказываются не в состоянии обеспечить внутреннюю стабильность и общественную безопасность. Эффективность их действий снижается, а в некоторых случаях наблюдается полная деградация государственных институтов и скатывание стран в состояние хаоса, анархии и войны «всех против всех». О таких государствах можно сказать, что там в полной мере наблюдается кризис национальной государственности. В таких государствах, как Ирак, Афганистан, Сомали, Судан, Чад, Нигер, Западная Сахара, Палестина, Ливия, центральные власти не способны контролировать ситуации на своих территориях¹⁹.

Если проследить историю возникновения национальных государств арабского мира, то следует отметить, что после окончания Второй мировой войны произошло крушение колониальной системы и эти страны попали в зоны западного или советского влияния. После получения независимости во главе государств оказались люди, получившие западное или советское образование, что определило их политическую ориентацию. Из 48 стран исламского мира 31 получила независимость в ходе распада колониальной системы в период с конца 1940-х до начала 1970-х гг. Это была эпоха «национального романтизма», когда идеи возрождения и строительства национальной государственности всколыхнули народы стран арабского мира.

Однако к концу XX в. начался кризис идеологии национально-государственного строительства, причиной которого были чуждые исламу идеи, привнесенные иностранным образованием и светским мышлением национальных элит. Главной причиной при этом был фактор непризнания

легитимности принципов построения светского национального государства со стороны идеологов ислама. Глобализация поставила под сомнение такие базовые парадигмы в сознании арабского социума, как национализм и социализм, на основе которых строились государства по западной и советской моделям политического устройства в предыдущий исторический период. В результате начался процесс сначала делегитимизации, а затем и скрытого демонтажа государственных институтов арабского мира. Это нашло выражение в возникновении маргинальных общественных групп и антисоциальном поведении их членов, росте преступности, приведших к росту социальной энтропии, социальным войнам населения против собственного государства.

Таким образом, исламский мир дал асимметричный ответ на вызовы западной глобализации. Но это были не поиски чего-то нового, а возвращение в архаику, к истокам ислама, традиционным ценностям, заложенным во времена пророка Мухаммеда и правления четырех праведных халифов. Можно с уверенностью констатировать, что феномен возрождения исламского фундаментализма проявился в реакции отторжения со стороны исламской «уммы» глобализации, выразившейся в деструкции светской государственности в государствах Ближнего Востока²⁰.

Противодействие процессам глобализации и вестернизации в государствах Ближнего и Среднего Востока объясняется тем обстоятельством, что ислам задает особую социализацию личности в общественной структуре, принципиальным образом отличающуюся от личностных качеств западного социального индивидуума и требований к нему в западных государственных структурах, что подрывает легитимность принципа светского построения государства в глазах «арабской улицы». Поэтому кризис национального государства в арабском мире можно охарактеризовать следующей формулой: «За распадом национального государства стоит дефицит легитимности его существования»²¹.

Для мусульман исламская концепция государства базируется на религии. Поэтому настроениям «уммы» (арабской улицы) соответствует требование деструкции национального государства, как построенного на неисламских ценностях, общественное мнение которой убеждено в том, что только на обломках национальных государств можно построить идеальное исламское государство в соответствии с требованиями Корана.

Анализ динамики кризисных тенденций в национальных государствах исламского мира показывает, что процессы деструкции светских институтов государственности имеют следующую периодизацию²².

На первом этапе начинается процесс дискредитации легитимности идеи национального государства, который является начальной фазой зарождения кризиса. Здесь важную роль играют политические катаклизмы, доказывающие неэффективность национального государства в глазах населения стран, которые они затронули. Это приводит сначала к разочарованию, а затем и к потере легитимности данной идеи в общественном сознании. Ярким примером тому является судьба Сомали и волна революций в арабском мире,

уничтожившая авторитарные националистические режимы в Тунисе, Египте и Ливии.

На втором этапе наблюдается деградация политических институтов национального государства вследствие клановости, коррумпированности чиновников и отсутствия социальных лифтов. Это приводит к ослаблению доверия и пониманию необходимости их демонтажа. При этом особую остроту кризису национальной государственности в странах исламского мира придает отставание экономики и развития хозяйственной инфраструктуры от опережающего роста населения страны, ведущих к обострению многочисленных социальных проблем. Это, в свою очередь, ведет к усилению влияния партий и движений радикального политического ислама. Наличие данной тенденции привело к оттоку на Запад миллионов получивших светское образование выходцев из мусульманских стран, несогласных со сложившейся ситуацией, что создало условия для еще большей маргинализации оставшейся части населения, представители которой по каким-либо причинам не сумели покинуть страну. Это ухудшило социально-политическую обстановку в странах с республиканской формой правления и создало кризисную обстановку в сферах экономики, науки, образования и культуры вследствие дефицита квалифицированных кадров. Политические режимы были вынуждены опираться на «человеческий материал» старших поколений, чье мировоззрение сложилось еще в эпоху господства идей национализма и арабского социализма. И эти процессы развивались на фоне необоснованных социальных ожиданий населения в улучшении своего материального положения по сравнению с уровнем жизни в более благополучных странах, подогреваемых западным спутниковым телевидением, Интернетом и общением в социальных сетях.

На третьем этапе происходит революционное разрушение политической системы национального государства в ходе народных волнений, уничтожающих неисламские политические институты и связанные с ними политические режимы в государствах Северной Африки и Ближнего Востока.

На четвертом этапе возможно вмешательство внешних сил с целью политической реконструкции государства в соответствии с целями участвующих в противоборстве сторон. Типичным примером является Египет, в котором сначала победило движение «Братья-мусульмане», а через год оно ушло с политической арены под напором сторонников светского построения государства с арабской спецификой. Но так бывает не везде. Если государство не обладает значительными геополитическими ресурсами (наличие запасов углеводородов, минерального сырья, демографического и конфессионального потенциалов, особого географического положения), то внешние акторы оставляют данное государство в состоянии социально-политического хаоса, хозяйственной разрухи и гуманитарной катастрофы. Так произошло с Сомали и государствами Сахеля. И наоборот, если государство обладает важной геополитической значимостью, то Западом выдвигается тезис об угрозе мировому сообществу из-за нарушений в области прав человека, отсутствия демократических свобод, распространения ОМУ и терроризма. На международном уровне США и НАТО ставят вопрос о свержении неугодного режима

с санкции СБ ООН или при расширенном ее толковании проводят военную операцию коалиционных сил, как это было в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии.

События последних десятилетий обозначили следующие сценарии развития военно-политической обстановки в регионе Ближнего и Среднего Востока:

1. Оппозиция в ходе массовых протестных выступлений свергает действующий режим с приходом к власти партии радикального политического ислама и последующим восстановлением республиканской формы правления, но уже в обновленном виде (Египет).

2. Развязывание гражданской войны по свержению правящего режима и оказание внешней военной помощи вооруженной оппозиции (Сирия и Ливия).

3. Организация военной интервенции коалиционных сил США/НАТО под флагом борьбы с международным терроризмом (Афганистан и Ирак).

4. Сохранение политических систем, являющихся стратегическими союзниками Запада в регионе. К данной категории государств относятся Турция, а также монархии Персидского залива и Северной Африки.

В заключение следует отметить, что характерной особенностью развития социально-политических процессов в исламском мире является усиление влияния радикального политического ислама на фоне обострения борьбы за власть, ресурсы и собственность между кланами, племенами и вооруженными группировками, которым на короткое время удается захватить власть, уступив ее в дальнейшем радикальным движениям, как это произошло в Сомали²³, Судане и, возможно, будет иметь место в Афганистане после вывода в 2014 г. основного контингента американских войск²⁴.

С другой стороны, большую ошибку совершают те политические лидеры, которые пытаются подчинить движение политического ислама целям строительства национального государства и легитимизации своей политики по модернизации страны²⁵. Ислам является идеологической системой, которую невозможно приспособить для решения частных политических задач. Ярким примером является Судан, в котором попытка встраивания ислама в светскую государственность закончилась разрушением государственности и превращением страны в «серую зону».

Похоже, что деструкция идеи арабского национального государства имеет необратимый характер. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке говорят о том, что Запад пока не получил никаких дивидендов от уничтожения негодных ему режимов, так как на смену приходит социальный хаос, и на его волне приходят к власти движения радикального политического ислама²⁶.

Примечания

¹ March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organization Factors in Political Life // American Political Science Review. № 78. 1984. P. 734–750; March J.G., Olsen J.P. Ambiguity and Choice in Organizations. Bergen, 1976. P. 15.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

³ North D.C. Structure and Change in Economic History. New York, 1981. P. 202.

- 4 Simon H. Human Nature in Politics. The Dialogue of Psychology with Political Science // American Political Science Review. № 72. P. 293–304.
- 5 Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008. С. 13.
- 6 Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York, 1990.
- 7 Норт Д. Указ. соч. С. 118.
- 8 Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.
- 9 Манойло А.В. «Финиковые революции»: стихия или управляемый хаос?// Международная жизнь. № 5. 2011.
- 10 Казанцев А.А. Указ. соч. С. 21.
- 11 Манойло А.В. Геополитическая карта современного мира // Национальная безопасность / nota bene. № 5. 2013. С. 149–155. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.5.9394.
- 12 Казанцев А.А. Указ. соч. С. 15.
- 13 Дилемма узника возникает при отсутствии связи между игроками или участниками конфликта. Она основана на зависимости поведения участников игры от имеющейся информации об их возможном поведении. Если такая информация существует, то каждый участник взаимодействия может рационально планировать свою стратегию, исходя из имеющейся у него информации о поведении других сторон. Если с точки зрения рационального выбора так будут делать все, то все также остаются в выигрыше. Растущая взаимосвязь между игроками устраняет эту дилемму.
- 14 Negroponte N. Being Digital. New York, 1995. P. 29.
- 15 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- 16 Нейсбит Д. Мегатренды. М., 2003. С. 114.
- 17 Barber B.R. Jihad vs MacWorld: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World. New York, 1996.
- 18 Исрапилов С. Этапы углубляющегося кризиса национального государства в исламских странах мира // Вестник аналитики. № 4(46). 2011. С. 67–74.
- 19 Там же.
- 20 Манойло А.В. Указ. соч. С. 149–155.
- 21 Пискунова Н. Распад государства: локальный феномен или глобальная угроза? К вопросу о кризисе в Сомали 1990–2008 гг. // Космополис. № 3(22). 2008. С. 80.
- 22 Исрапилов С. Указ. соч. С. 69–73.
- 23 Somalia's Islamic Courts. 06.00.2006. URL:<http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/5051588.stm>
- 24 Карякин В.В. Военно-политическая обстановка в Афганистане после 2014 года. Выступление на международной конференции «Афганистан после 2014 года: вероятные сценарии развития региональной обстановки и стратегия России», 3 апреля 2013 г., М.: РИСИ.
- 25 Holm U. Violence in Algeria: A Question of Securitization of State-Regime, Nation and Islam // Alternatives: Turkish Journal of International Relations, Summer 2003.
- 26 Barhash O. Gaddafi, the Enemy of Allah, His Messenger and the Ummah Kills Hundred or Even Thousands of People // Hizb ut-Tahrir. 21.02.2011. URL:<http://www.hizb-ut-tahrir.org>

*Н.Г. Киреев**

ИСЛАМО-ТУРЕЦКИЙ СИНТЕЗ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ТУРЦИИ

Резюме. На рубеже 1980–1990-х гг. в государственной идеологии Турции доминировала концепция исламо-тюркского синтеза. Эта концепция изначально базировалась на происламских и пантюркистских идеях, в соответствии с которыми Турции надлежит выполнить особую миссию по интеграции тюркоговорящих мусульманских стран СНГ.

Ключевые слова: Турция, распад СССР, США, исламо-турецкий синтез, Ф. Гюлен, тюркские народы СНГ, ТИКА, Тюркско-Американский Союз, пантюркизм, А. Тюркеш, тюркский политический союз.

Summary. According to the author, at the turn of the 80–90-ies in the years of the Soviet collapse in state ideology in Turkey was dominated by the concept of Islamic-Turkish synthesis.. This concept was based primarily on Pro-Islamic and pan-Turkic based on the belief that Turkey must fulfill integrating special mission for the Turkic-speaking Islamic countries of the CIS.

Tags: Turkey, the collapse of the USSR, the USA, Islamic-Turkish synthesis, F.,Gulen, the Turkic peoples of the CIS, TIKA, Turkic-American Union, pan-Turkism, A. Turkesch, Turkic political Union.

Окончание холодной войны и распад СССР на рубеже 80–90-х гг. серьезно повлияли на государственную идеологию Турции. Упрочивая в новых условиях военно-политический и экономический союз с Западом, Турция надеялась использовать его для решения собственных амбициозных планов в евразийском регионе, утвердившихся в эти годы на откровенно происламской и пантюркистской основе в рамках концепции исламо-турецкого синтеза, т. е. и политический ислам и пантюркизм осознавались и реализовывались воедино. У тех турецких политиков, которые были воспитаны на недоброжелательстве в отношении распавшегося СССР, не возникали сомнения в том, что в отношении РФ этот региональный план будет поддержан Западом — хотя бы для того, чтобы новое государство, возникшее на руинах СССР — Российская Федерация, — постоянно сохраняло некую аморфную форму, имеющую тенденцию к распаду. Один из таких турецких «провидцев» так писал об «особой» миссии Турции: «В 1990–2000 годы обозначится важный политический процесс, в котором будет задействована Турция — появятся новые турецкие республики. Турецкое присутствие будет обозначено от Мюнхена и до центрального Китая... Взоры этих государств устремлены на Турцию, они смотрят на нее, как на Каабу... Мы должны быть готовы к союзу

* Киреев Николай Гаврилович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

турецких государств... для миллионов своих соплеменников Турции необходимо стать старшим братом и лидером»¹.

В 90-е гг. в Турции вновь заявили о себе мусульманские ордена, общины, джамааты, причем на этот раз в отличие от прежних времен их представляли уже влиятельные финансовые группы и фонды, происламские холдинги².

Исламисты в эти годы активно действовали не только в торговле, строительстве, промышленности, но и в информационном пространстве. Конгломерат мусульманского капитала и джамаатов в области информации в Турции и в целом в регионе проявил невиданную активность и размах: в отличие от прошлого «кемалистского» времени он имеет в своем распоряжении новейшие дорогостоящие средства полиграфии, активно использует такие достижения глобализации, как спутники связи, Интернет, в целом всемирное единое информационное пространство, обеспечивающее всеобъемлющую интеграцию. При этом в распоряжении указанных групп тысячи мечетей, земельные участки, приюты, интернаты, школы для воспитания мусульманской молодежи. Некоторые турецкие авторы уверены, что «запрещенные в 1925 г. тарикаты стали переживать свой золотой век; их члены активны на всех уровнях политической жизни — в партиях, в правительстве, в общественных службах, в кругах интеллектуалов, а также в мире предпринимателей и финансистов»³.

Деятельность турецкого политического ислама в 90-е гг. в сферах культуры, просвещения в Евразии была нацелена непосредственно на постсоветское пространство, на тюркские народы, исповедующие ислам. Последователи исламизма открыто обратились к насаждению сепаратистских идей в Российской Федерации и поощрению исламизма и пантюркизма в новых государствах Центральной Азии⁴.

Сразу после распада СССР, в январе 1992 г., при турецком МИД было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития — ТИКА, привлекающее к работе ученых из тюркских республик: историков, филологов, языковедов. Цель была очевидна — координация на государственном уровне всех видов международной деятельности во имя единения всех тюрков, исповедующих ислам. Агентство наладило издание нескольких специально ориентированных журналов — на турецком, английском, казахском, киргизском, туркменском, узбекском языках, приступило к реализации обширной программы сотрудничества с тюркскими республиками, помощи им в реализации различных учебных, научных, социальных и других проектов. Что касается деятельности исламистов Турции, особенно преуспел в этом джамаат Фетхуллаха Гюлена, носитель так называемой «концепции служения» ('hizmet'). Свидетельством «умеренности», «бескорыстия» и «благородства» задач, выполняемых этим джамаатом, особенно в области просветительства, стали «школы Гюлена». По мнению некоторых турецких авторов, эта концепция изначально была рекомендована исламскому миру разведкой США⁵.

Турецкий автор Ф. Булут в своей книге «Возвышение капитала тарикатов» отмечал, что предприниматели, связанные с отставным проповедником Ф. Гюленом, учреждая в самой Турции и вне её («в том числе в Москве») шко-

лы, «создали империю просвещения», причем число таких школ за рубежом превышает 250. Программы преподавания носят видимость светскости, но «в неурочные часы ведётся религиозное обучение и пропагандируется деятельность джамаата». Он приводит высказывание по этому поводу Г. Фуллера: «Турция приближается к региону (евразийскому) очень разумно, исподволь. При этом очень важное значение имеют турецкие школы, распространившиеся по всему региону и обучающие и турецкому, и английскому языкам. Можно ожидать, что со временем в Средней Азии английский язык займет место русского». Одна из долгосрочных задач джамаата в самой Турции — «ликвидация светского режима»⁶.

Благожелательно настроенный в отношении Ф. Гюлена турецкий автор Х. Тургут писал, что выход на пространства Евразии джамаата Гюлена свидетельствовал о начале принципиально нового периода деятельности этой религиозной общины. Гюлен высоко оценил падение Берлинской стены и распад СССР и призвал своих последователей заняться странами, бывшими ранее «за железным занавесом». Об этом он провозгласил в своей проповеди в стамбульской мечети Сулеймание в ноябре 1989 г., и уже 11 января 1990 г. его первая миссионерская группа в составе 11 человек проследовала в Грузию через пограничный пункт Сарпы. Два дня они провели в Батуми, затем прибыли в Тбилиси⁷.

Вторая группа в составе 37 человек с караваном автомашин отправилась 28 мая, имея при себе три тонны груза — книги, кассеты и подарки. «Миновав границу, эта группа посетила Батуми, Тбилиси, Казань, Гянджу, Баку... Семьи в этих местах начали готовить документы для отправки своих детей в Турцию. Затем группа направилась из Азербайджана в Узбекистан, потом в Казахстан и Таджикистан». Деятельность группы оказалась эффективной, «молодежь получила возможность свободно выехать учиться в Турцию, своими глазами убедиться в значимости Турции. Об этом они будут рассказывать своим друзьям дома, что будет способствовать открытию там турецких колледжей...»⁸.

Так началась миссионерская деятельность джамаата Гюлена, причем не только в странах Центральной Азии, но и в регионах России с мусульманским, тюркским населением и даже в Москве. В турецких изданиях тогда сообщалось, что компании джамаата создали «школьную империю» — учебные центры в Якутии, Туве, Хакасии, Башкортостане, Чувашии, Татарстане, Дагестане, Москве, в государствах Центральной Азии, Азербайджане, Грузии, Румынии, Молдове, Албании, Украине (в том числе в Крыму) и других странах. Издаваемая Гюленом массовым тиражом в Турции газета «Заман» выходила в Москве, Казани, Уфе и в других городах. В номерах московского издания его сотрудники — местные журналисты — помещали материалы, популяризирующие личность Гюлена⁹.

Появились в РФ и переводы на русский язык книг Гюлена, содержащих призывы к межконфессиональному взаимодействию, защите моральных заповедей, общечеловеческих ценностей. При этом как бы вскользь, но терпеливо и настойчиво проводилась мысль о том, что ныне единственной

«подлинной религией» является ислам. Например, в предисловии ко второму тому изданной в Москве на русском языке в 2001 г. книги Ф. Гюлена «Сомнения, порожденные веком» не было упомянуто об острой критике в турецком обществе деятельности джамаата Гюлена и о причинах судебного преследования Гюлена в Турции. Наоборот, утверждалось, что «у Фетхуллаха Гюлена миллионы последователей во всём мире», «учёные и интеллектуалы современной Турции прямо или косвенно признают Фетхуллаха Гюлена одним из наиболее влиятельных мыслителей и писателей XX века не только Турции, но и всего исламского мира». Автор предисловия соглашался с тем, что в рекомендуемой им книге ислам противопоставлен всем другим мировым религиям: «Присущая ему форма богослужения соответствует зрелому, развитому обществу. Что же касается других религий, то они с течением времени, в сущности, подверглись искажению и потеряли свой истинный облик»¹⁰.

Безудержное восхваление книг Гюлена на российском книжном рынке продолжилось в прежнем духе и позже¹¹. Следует отметить, что некоторым российским СМИ всё же удавалось предоставлять читателю правдивую информацию об истинных целях этого исламистского движения в России, направленного на ее распад. Так, газета «Россия» сообщала, что «за антироссийскую пропаганду только из Дагестана за последнее время выдворено 14 турецких граждан, десять из которых — преподаватели местных лицеев. Еще десять — из Карачаево-Черкесии»¹².

Что касается турецких почитателей «просветительской» зарубежной деятельности Гюлена, они якобы благодарны ему за то, что такая активность поднимает престиж Турции за рубежом¹³. Об успешных итогах такой деятельности писал турецкий журналист Х. Альбайрак после посещения в 2007 г. в Крыму одной из школ Гюлена: «Владимиру 26 лет. Он православный этнический украинец... ищет пути развития Украины и убежден, что некоторые из таких дорог пролегают через Турцию... Несмотря на то, что минуло уже восемь лет, как он окончил турецкую школу в Бахчисарае, он не может забыть турецких учителей... Как приятно сознавать, что в сотнях турецких школ воспитаны тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч выпускников, подобных Владимиру»¹⁴.

В первые годы успехов своего джамаата в Евразии Гюлен позволял себе говорить об истинных целях своего «бескорыстного» просветительского служения в этом регионе. Развернуто и откровенно он написал об этом в 1996 г. в религиозном журнале «Ени умит». В одной из статей он изошренно сочетает сакральную тему ислама как веры с «бескорыстными призывами к движению турецких предпринимателей и «культуртрегеров» в «степях Средней Азии», которое он именует «священным потоком во имя ислама». Этот поток «предопределен судьбой», «пришла наша очередь выполнить свой долг», «вернуться на родину наших предков»¹⁵. Гюлен не ограничивается лишь экономическими расчетами, а прибегает к аргументам и духовного, идеологического, свойства: «Если наши инвесторы будут действовать с умом и оценят такие сферы сотрудничества между нами, как религия, язык, культура, историческое единство, смогут этот шанс использовать, мы сумеем выйти из экономи-

ческого тупика, войдем в ряд богатых стран мира. Эти и похожие моменты я начал разъяснять с кафедр мечетей с 1989 года, с момента таяния России»¹⁶.

Школьная «благотворительность» джамаата Гюлена за рубежом сопровождалась в самой Турции не только одобрительными высказываниями. В те же 90-е гг. звучала и критика такой деятельности¹⁷. Газета «Джумхуриет» писала о том, что «школы Фетхуллага за границей стали причиной ухудшения отношений Турции особенно с Узбекистаном; правительство этой страны закрыло все школы, открытые как Ираном, так и Ф. Гюленом. Турецкий атташе по образованию был выслан из этой страны, узбекские студенты отозваны из Турции»¹⁸.

Критика в Турции Ф. Гюлена заставила прокуратуру страны начать судебное расследование его антиконституционной деятельности. В обвинительном заключении, представленном прокурором суду 31 августа 2000 г., утверждалось, что «при участии кадров, хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах, интернатах и на курсах», Гюлен намеревался «отвергнуть принципы Атаюрка и ликвидировать светскую республику... учредить государство на принципах ислама»¹⁹. Иск был заочным, поскольку к этому времени обвиняемый уже полтора года находился в США. Позже в СМИ появились сообщения о том, что 4 января 2001 г. упомянутый прокурор М. Юксель представил суду дополнительные документы, свидетельствующие, что Гюлен связан с ЦРУ. При этом Юксель сообщил, что эти свидетельства взяты из записки «Агенты влияния — влиятельные шпионы и фетхулисты», представленной ему профессором Анкарского университета Н. Хаблемитоглу. В записке утверждалось, что «модель тариката, которую предпочли США, в нашей стране применяется фетхулистами. Внешняя поддержка тариката, являющегося самой большой угрозой нашей светской республике, исходит от США»²⁰.

Пространная критическая оценка деятельности общины была дана в те дни также на одном из сайтов в Интернете, открытом оппонентами Ф. Гюлена. На нем джамаат также обвинялся в тесных связях с американскими спецслужбами: провозглашая лозунги «служения тюркскому миру от Адриатики до Китайской Стены», школы Гюлена «служат не Турецкой Республике, а Соединенным Штатам»²¹. На этом же сайте с резкой критикой Гюлена выступил и Н. Хаблемитоглу, автор разоблачительной книги «Крот» о Гюлене. Позже, в декабре 2002 г., он был убит неизвестным преступником, пополнив список жертв политического террора в Турции.

На сайтах Ф. Гюлена, давно проживающего в США, в штате Пенсильвания, безудержно рекламируется его «просветительская» деятельность «во имя мира во всём мире». 24 января 2008 г. турецкий Конституционный суд принял решение об оправдании Гюлена, за этим последовала еще более бурная активность джамаата по пропаганде взглядов Гюлена и инициированию соответствующих «международных форумов». Перечисляются десятки стран, городов, где прошли «международные конференции», прославлявшие деятельность Гюлена, чаще всего при этом называются города США, Европы, Африки, Азии²².

Со временем Гюлен превратил США чуть ли не в главную заграничную «базу» «просветительской» деятельности джамаата, недаром он заявлял, так же, как благодаря своим школам он развалил Россию, «однажды он покорит Америку»²³. Судя по информации последних лет, джамаат действительно стремится в США добиться этой цели. В 2010 г. сообщалось о том, что 180 учебных заведений в США, контролируемых джамаатом, были объединены «под одним зонтом» в Ассамблею тюрко-американских Федераций (Assembly of Turkic American Federations – ATAF), причем на торжествах по этому поводу присутствовали американские сенаторы и чиновники. При этом уточнялось, что «эта зонтичная организация представляет собой не только турок из Турции, но и граждан из стран Центральной Азии, малой Азии и граждан с Балкан»²⁴. Через два года гюленовская газета в США «Заманамерика» сообщала читателям о том, что произошла дальнейшая централизация этих организаций: «...конгресс, организованный на прошлой неделе в Вашингтоне ТАА – Тюркско-Американским Союзом – и являющийся крупнейшей крышей турок, привлекает внимание своим объединительным и конструктивным характером. Теперь ТАА – самая крупная крыша турок в Америке». В составе шести региональных федераций под одним «зонтиком» представлено более 200 организаций, действующих на всей территории страны: «ТАА создан недавно, в его названии предпочтено вместо слова “турецкий” слово “тюркский”. Цель в том, чтобы создать единую платформу не только для проживающих в Америке турок, но и для всех тех родственных сообществ, осознающих себя турками». Речь идет примерно о 2,5 млн, «это немалая цифра, достаточно, чтобы потенциальная энергия могла превращаться в энергию кинетическую...». На прошедшем в этом году съезде ТАА на первый план особенно активно были обсуждены масштабы понятия «тюрк»²⁵.

В конечном счете такой небывалой активностью Гюлена заинтересовалась в США организация «Граждане против лоббирования особых интересов в государственных школах» и выяснила множество фактов, свидетельствующих о двуличии в деятельности турецких исламистов – приверженцев Ф. Гюлена²⁶.

Настойчивый миссионерский настрой турецких исламистов в немалой степени переплетался с активностью пантюркистских идеологов и почти буквально совпадал с некоторыми тезисами соответствующих официальных инстанций Турции того времени. В одном из докладов, подготовленных в рамках 8-го пятилетнего плана Турции (2001–2005) и посвященном отношениям Турции с тюркскими и другими странами региона, особо были сформулированы задачи в сфере религии: «...благодаря своему светскому и демократическому режиму... Турция в состоянии предложить свою модель... продолжить поддержку богословских лицеев и факультетов, открытых в Азербайджане, Туркменистане, Кыргызстане, Казахстане, Дагестане и Нахичевани...»²⁷.

Идея тюркского глобализма после распада СССР была положительно воспринята и в МИД Турции, об этом обозреватель Ф. Мерджан писал в конце 1999 г. в газете «Заман», ссылаясь на книгу посла Онура Оймена. В книге отмечено, что вступление Турции в ЕС «приравняет ее по числу депутатов в

Европарламенте с Германией», а спустя 50 лет Турция по населению станет самой крупной державой Западной Европы. Что касается судьбы России в Евразии, то, по мнению автора, она станет аналогичной судьбе европейских стран — через 50 лет население России сократится на 30 млн, а население тюркских государств возрастёт также на 30 млн и достигнет 90 млн²⁸.

Пантюркисты с особым энтузиазмом встретили появление независимых тюркских государств, и таким образом на евразийском внешнеполитическом направлении Турции именно в 90-е гг. «в чистом виде» предстала, как реально действующая, концепция исламо-тюркского синтеза. На Северном Кавказе со своими «просветительскими задачами» развернули деятельность турецкие «серые волки» А. Тюркеша, наблюдалось стремительное возрождение влияния радикального крыла Партии националистического движения (ПНД). 12 декабря 1991 г., когда исламисты Гюлена разворачивали свою деятельность на территории СНГ, на заседании турецкого парламента выступил лидер «серых волков» А. Тюркеш, призвавший «откликнуться на критическое состояние турецких республик Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и Туркменистана». Напомнив присутствующим, как упрекали его прежде «в шовинизме и мечтательности», он заявил, что отныне, при единстве 200 млн турок в мире, «туранизм уже не фантазия, а реальность»²⁹.

Возобновивший свою деятельность журнал «Очаг идеала» из номера в номер на внутренней обложке начал публиковать патриотические призывы «от имени вождя» («Başbuğ'dan»), скончавшегося 4 апреля 1997 г.: «Действуй, турок, пора проснуться! У тебя не осталось Румелии, мадьярских земель, Сирии и Ирака, нет Палестины, Египта, Триполитании, нет и Туниса с Алжиром, нет Крыма и Кавказа. Осталась лишь последняя частица родины! Действуй, как Бозкурт (т. е. «серый волк». — Н. К.), бериись за дело, трудись, пусть возродятся прежние времена. Вновь разверни навстречу горизонту победоносные славные знамёна. Великая Турция — превыше всего!»³⁰.

На 6-м Курултае дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и сообществ, созванном в 1998 г. по инициативе ТИКА в г. Бурса (Турция) и где были представлены Турция, 7 тюркских республик, 10 автономных и федеральных республик, 2 автономных района, представители тюркских сообществ из 26 стран, участники продемонстрировали намерение не только обращаться к далекому общему этническому прошлому, но и выдвинули план ближайшего единого политического будущего перед лицом глобализации. Преемник А. Тюркеша, новый лидер ПНД, например, заявил: «Если турецкие государства и сообщества возьмутся за руки, они смогут занять достойное место в новых глобальных структурах, присущих XXI веку». Лидер другой светской партии Т. Чиллер, будучи на посту премьер-министра, выразила уверенность, что «у турецкой версии происходящей глобализации нет никаких препятствий. XXI век станет веком тюркского глобализма. Мы должны учредить Совет Тюркского Мира»³¹.

Схожие взгляды высказывали тогда и другие влиятельные представители турецкой интеллектуальной элиты, историки, политологи. Есть ли разница между турком и тюрком? Профессор С. Ташхан, президент Института внеш-

ней политики Турции, тесно сотрудничающего с МИД страны, полагает, что «... различие между понятиями “турецкий” и “тюркский” не очевидно в турецком языке. В Турции считается, что это различие — искусственное, оно навязано западными учеными, чтобы разделить фактически общий народ турецкого происхождения». Об этом интервью с Ташханом в Анкаре в декабре 1994 г. писал английский профессор Г. Уинроу, преподававший тогда в Босфорском университете в Стамбуле³². Мнение С. Ташхана нашло свое подтверждение в вышедшей в 1996 г. в Анкаре книге «История новых турецких республик», принадлежащей перу турецкого профессора М. Сарая. В его глазах виновником эволюции тюркских племен в современные нации является Россия. На первых же страницах книги утверждалось: «...каждый из наших братьев составляет неделимую часть турецкой нации». Тот факт, что ныне «их называют не турками, а отдельными народами — узбеками, казахами, киргизами, туркменами, азербайджанцами, является итогом примененной Москвой системы “разделяй и властвуй”»,³³.

В ряде изданий вновь и вновь повторялась идея о едином турецком народе. Так, в издаваемой в стране англоязычной литературе вместо давно устоявшегося понятия *Turkic Republics* для обозначения тюркских республик всё чаще используется другой термин — *Turkish Republics*, т. е. турецкие республики.

Как очевидно, в Турции, наряду со сторонниками расширения многосторонних партнёрских отношений с Россией, представленных также влиятельными предпринимательскими кругами, к середине 90-х гг. на базе идеологии исламо-турецкого синтеза сформировался мощный фронт политического противостояния России в Евразии и навязывания в этом регионе третьей стороне, т. е. новым государствам, странам СНГ, антироссийских, а часто — антирусских настроений. При этом преобладал и крайний исламизм, и крайний тюркизм, адресуемые не только тюркским новым государствам, но, в не меньшей степени, и тюркам России. Появились высказывания в духе ксенофобии, призывы к мирному выдавливанию русских из тюркских республик, замене русского языка на турецкий, английский через сеть турецких учебных заведений всех ступеней, прежде всего подразумевались школы Гюлена. Не только русский язык, но и сами русские стали раздражать некоторых турецких авторов. Так, Локман Узель, специалист по турецкому языку и культуре, в статье о Туве написал, что она долго оставалась «под тяжёлым, мучительным гнетом русских, что и сегодня еще она находится в тени у русских», из-за экономических неурядиц «русские сегодня не в состоянии должным образом позаботиться как о тувинцах, алтайцах, якутах, так и о других турецких племенах, эти северные турецкие республики сегодня не в состоянии воспользоваться тем вниманием, которое проявляют к ним мир, мусульмане, другие тюрки, а также Турция»³⁴.

Незадолго до подписания в ноябре 1999 г. российско-турецкого соглашения о совместной борьбе с терроризмом газета «Известия» опубликовала материал под названием «Турецкий марш», в котором описала, как Турция втягивается в террористическую деятельность против Российской Федера-

ции на Кавказе. В частности, сообщалось, что чеченские полевые командиры «то и дело выезжали и выезжают через Турцию в страны Ближнего и Среднего Востока, особо не скрывая свои передвижения». «Именно из этой страны в Ичкерия поступали военная амуниция, медикаменты, современные средства связи, продукты питания. Помимо этого на всем протяжении войны именно в Турции печаталась чеченская агитационная литература, а также символика независимой Ичкерии, которая нашивалась боевиками на куртки и кепки цвета хаки. Кроме того, именно в Турции поправляли свое здоровье чеченские боевики, получившие ранения в боях с федеральной армией (например, Салман Радуев)»³⁵.

В заключение можно сказать, что искусная, терпеливая, рассчитанная на длительные сроки исполнения идеологическая экспансия, особенно широко и успешно осуществляемая тем же джамаатом Гюлена в рамках «концепции служения» и в соответствии с идеологией исламо-турецкого синтеза, принесла на рубеже двух веков определенные плоды. Вместе с тем очевидно, что добиться главного, на что рассчитывали турецкие исламисты и пантюркисты, — учредить в Евразии под их патронажем некий тюркский или даже турецкий политический союз — не удалось, причем решающее слово здесь было сказано как демократической общественностью Турции, так и общественностью самих новых государств Евразии. Более того, как во внутриполитической борьбе за власть, так и за влияние в обществе лидеры и защитники исламо-турецкого синтеза подчас оказываются непримиримыми соперниками. Последние примеры — острый конфликт между недавними союзниками во власти партией ПСР и джамаатом Гюлена, борьба за президентское кресло на выборах в августе 2014 г., в которой партия умеренных исламистов и партия радикальных националистов, поддержав разных кандидатов на этот пост, оказались непримиримыми политическими конкурентами. Политические успехи АКП и ее лидера с внешней концепцией равноправного сотрудничества цивилизаций и внутренней — умеренной исламизации, противостоящей джамаату Гюлена, пантюркизму Партии НД и светскости НРП в период длительного правления этой партии, заметно снизили значимость исламо-турецкого синтеза как главной составляющей государственной идеологии Турции.

Примечания

¹ Özmen A. 2000 yılında Türkiye. İstanbul, 1991. S. 100–101, 109.

² Так, крупнейшее движение исламистов Милли гёрюш в середине 90-х гг. сумело обеспечить себе многомиллионный электорат, успешно выступило на выборах. Предвыборную кампанию 1995 г. очередная партия этого движения — Рефах — строила на лозунгах, утверждающих, что место Турции «не в ЕС, созданный как христианский союз, ее место — в союзе мусульманских стран» (24 Aralık 1995 Refah Partisi Seçim Beyannameşi. 1995. S. 1, 4, 17, 29).

³ «Обители сулейманистов и накшбенди ринулись открывать незаконные курсы Корана и приюты, чтобы обучить прибывающую из сельских мест в города неимущую молодежь. В публикациях наблюдается всплеск развертываемых тарикатами и другими религиозными группами идей шариата и ориентации общества на шариат» (Cizre Ü. Muktedirlerin Siyaseti. Merkez Sağ-Ordu-Islamcılık. İstanbul, 1999. S. 107, 108).

⁴ Так, некоторые представители интеллигенции Татарстана сочли тогда, что только полная независимость от России обеспечит будущее татарского народа. Об этом, в частности, в 1996 г. некто Р. Амирханов писал: «...дальнейшая судьба нашего народа во многом определится способностью подрастающей молодой смены использовать исторический шанс, связанный с кризисом имперской государственности и довести борьбу за национальный суверенитет до конца». Автор утверждал, что успех этой борьбы будет определяться приверженностью «подрастающей молодой смены» таким духовным ценностям, как ислам, тюркизм и национализм (Панорама — Форум. Казань. 1996. № 1(4). С. 28). Однако, по словам тогдашнего президента Татарстана М. Шаймиева, поведение духовенства, в том числе мусульманского, в Татарстане «было достойным»: «...когда провозгласили декларацию о государственном суверенитете, когда мы встали перед дилеммой: быть миру в Татарстане или не быть, и разные партии и движения “раскачивали лодку”, духовенство повело себя очень достойно, призывая к миру и спокойствию» (Мусульмане. 1999. № 1 (2). С. 11–14).

⁵ Так называемые «отставные» агенты ЦРУ начали встречаться с исламистскими интеллектуалами. Обсуждался вопрос, каковым должен быть «новый образ» Турции. Подготовленный американской организацией Ренд Корпорейшн доклад «The Prospects for Islamic Fundamentalism in Turkey» был затем издан в 1990 г. на турецком языке под заголовком «Amerikan Gizli Belgelerinde Türkiye’de İslamcı Akımlar» («Исламистские течения в Турции по американским секретным документам»). В предисловии был упомянут Греем Фуллер как ответственный редактор (Erbil T. Şeriatî beklerken. İstanbul, 1996. S. 260, 261). О Фуллере другой осведомленный турецкий автор писал: «Греем Фуллер занимает особое место среди тех американцев, которые наблюдают за Турцией... Он долго работал в ЦРУ в отделе Ближнего Востока. Его имя стоит на многих документах, касающихся Турции» (Güngör N. Yenilikçi Hareket. Ankara, 5 baskı, Haziran 2005. S. 73–74).

⁶ Bulut F. Tarikat Sermayesinin Yükselişi. İstanbul, 1997. S. 291, 292. Другой автор, вскоре убитый неизвестным, писал: «Самый эффективный сайт в Интернете, используемый фетхуллистами против своих критиков, осуществляется при технической, пропагандистской и логистической помощи ЦРУ» (Hablemitoğlu N. Köstebek. İstanbul, 2006. S. 129).

⁷ Контролируемая джамаатом Гюлена газета «Заман» позже писала в статье «Наша атака на просвещение в Грузии», что с 1993 г. в Тбилиси действует Колледж им. Демиреля с филиалом в Батуми, открыт Черноморский университет (Zaman. 03.04.1996).

⁸ Yeni Yüzyıl, 14.01.1998. В Кыргызстане, например, турецкая фирма открыла 11 школ и училищ и компьютерный центр, в них обучалось 1836 учащихся (Zaman. 03.04.1996).

⁹ Например, в одном из июньских номеров московской «Заман» за 1998 г. было опубликовано интервью с ним на четырех «турецких» страницах с огромными фотографиями автора. Там же российский читатель, уже на «русских» страницах, был проинформирован о человеке, «посвятившем свою жизнь благотворительности, благочестию, служению людям всего мира, независимо от их вероисповедания, расы, языка» — Гюлене, «мудреце и философе» (Время — Zaman. Международная газета. М., 1998. № 21).

¹⁰ Гюлен М.Ф. Сомнения, порождённые веком. Том 2. М., 2001. С. 6, 10, 54.

¹¹ В 2006 г. в предисловии академика РАЕН В. Шеремета к русскому изданию книги Гюлена «Критерии или огни в пути» автор был представлен как «выдающийся исламский мыслитель суфийского направления, поэт и общественный деятель, гражданин Турецкой Республики, а в сущности — всей Земли».

¹² Россия. 11.04.2001.

¹³ Özsoy O. Türkiye’nin imaj sorunu. İstanbul, 1998. S. 343–347.

¹⁴ Автор пишет далее: «Через короткое время эти молодые люди станут авторитетами в своих странах — в науке, промышленности, торговле, искусстве, в СМИ, в политике. Они — потенциальные руководители, лидеры, подготовлены к тому, чтобы предпочтение в международных отношениях всегда отдавать Турции» (Yeni Şafak. 6.11.2007).

¹⁵ Свои призывы Гюлен сопровождал прагматическими планами: «В дни, когда насыщение нашего внутреннего рынка достигло высшей точки, мы нуждаемся во внешних рын-

ках... Теперь предоставляется редкий случай — Средняя Азия» (Yeni Ümit. Ekim-Kasim-Aralik. 1996. № 34).

¹⁶ Там же.

¹⁷ По поводу благотворительности общины Гюлена на территории бывшего СССР отставной генерал К. Явуз заявил: «В то время как мои дети не имеют возможности получить образование, в школах Центральной Азии оно идет на современном уровне. Русско-му ребенку в С.-Петербурге предлагается пять турецкий Марш Независимости» (Radikal, 21.03.1998).

¹⁸ Газета отмечала также, что «и религиозные кадры в школах Гюлена, и преподаватели религии от турецкого Минпроса преподносят Ататюрка как атеиста... Библиотеки этих, казалось бы, официальных школ заполняются книгами, осуждающими светскость и Ататюрка, а также текстами проповедей Гюлена в духе нурджизма»; этот исламист, уделяя главное внимание республикам Центральной Азии, «стремится расширить там зону влияния США; его община стала столь влиятельной и организующей силой после распада СССР» (Cumhuriyet. 3.09.2000).

¹⁹ <http://fgulen.com/tr/fethullah-gulen-kimdir/gulen-hakkinda/fethullah-gulen-hayat-kronolojisi>

²⁰ Автор записки пишет далее, что в итоге контактов с представителями ЦРУ и губернатором штата Пенсильвания Гюлен понял, что «джамаат в границах штата может открывать свои школы... Согласно сообщениям самих его приближенных, до недавнего времени ходжа-эфенди состоял агентом разведки турецкого государства, после расширения связей с ЦРУ он некоторое время еще оставался в штате этой информационной службы. И пока эта связь не была замечена ТВС и МИТ, общественность продолжала считать джамаат символом миролюбия». На заданные журналистами в те дни вопросы Хаблемитоглу по поводу его записки ответил: «Связи Гюлена с ЦРУ я установил, проведя исследования в США, и многое из того, что установлено мною, известно разведывательным органам государства». <http://arsiv.ntvmsnbc.com/news/193310.asp>; <http://turkishinvitations.weebly.com/msnbc-turkish-affiliate-news-article-ankara-university-professor-claimed-cia-gulen-connection.html> с пометкой — Click here to view the original archived article on the NTV-MSNBC website.

²¹ «В школах общины за рубежом, особенно в тюркских республиках, работают агенты ЦРУ в качестве преподавателей английского языка. Американские дипломатические паспорта имеют преподаватели школ Гюлена в Узбекистане, Киргизии... Расширение связей Турции с другими тюркскими республиками чрезвычайно важно, отвечает интересам Турции. Однако связи, учреждаемые под контролем Америки, ухудшают отношения Турции с соседями, способствуют конфликтам и вооруженным столкновениям в регионе. Америка стремится к этому и использует в своих планах Ф. Гюлена». [www/geocities.com/fettosh/index](http://www.geocities.com/fettosh/index)

²² <http://fgulen.com/tr/fethullah-gulen-kimdir/gulen-hakkinda/fethullah-gulen-hayat-kronolojisi>

²³ <http://yenisafak.com.tr/gundem-haber/himmetin-yuzde-15i-gulenin-kasasina-17.03.2014-626559>

²⁴ <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=the-gulen-movement-plays-big-in-washington-2010-05-14>

²⁵ <http://www.zamanamerika.com/index.php/tr/yazarlar2/item/5834-amerikal-tuerklerin-balans-ayar>

²⁶ Подробнее об этом см. файлы и гиперссылки на сайте <http://turkishinvitations.weebly.com/>

²⁷ Такая инициатива, по мнению авторов доклада, будет способствовать объединению нынешних «тюркских племен» в единую турецкую нацию и в лоне единой религии: «Распространение единой веры во всех республиках во многом будет обеспечивать единение региона и переход таким образом от племенных различий к образованию нации». Что касается непосредственно Российской Федерации, там «продолжается и возрастает миссионерская деятельность в отношении наших соплеменников, живущих в автономных

районах и республиках Российской Федерации» (Türkiye ile Türk Cumhuriyetleri ve bölge ülkeleri ilişkileri Özel İhtisas Komisyonu Raporu. Ankara, 2000. S. 283–285).

²⁸ Став влиятельной державой «под зонтиком ЕС», Турция одновременно «под зонтиком ислама» окажется единственной в мире державой третьего тысячелетия, которая будет и лидером мусульманского мира. «С какой стороны не взглянуть, со своим двойным преимуществом как страны между Европой и Азией Турция претендует на ведущего лидера в новом тысячелетии» (Zaman, 15.12.1999). <http://www.zaman.com.tr/ssayfa/odosya/milenyum.htm>

²⁹ В интервью газете «Хюрриет» 12 января 1992 г. 75-летний Тюркеш так ответил на вопрос корреспондента — начинается ли после распада СССР золотой век туранизма: «До золотого века еще далеко, сделан лишь небольшой шаг, правда вселяющий надежду. Естественно, они ждут, что Турция возглавит это движение» (Poulton H. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. N.Y., 1997. P. 149–150).

³⁰ Ülkü Ocağı Dergisi. Yıl 4.Sayı 43. Kasım 1997. S. 2.

³¹ Radikal. 21.03.1998 Примерно на таком же идейном фундаменте проводились в Турции и последующие ежегодные курултаи дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и сообществ (Avrasya Dosyası. TİKA. Ankara, Mart 2000. S. 1).

³² Автор разъяснял: «...внезапное повторное открытие почти забытых народов тюркского происхождения вело к раздутым надеждам и нереалистичным ожиданиям со стороны некоторых турецких должностных лиц... Рост националистических чувств в Турции инициировался турецкими властями и общественностью...Различные комбинации политических устремлений и амбиций в отношении Центральной Азии стали очевидными среди некоторых министров, политических партий, агентств и лоббистов». По личным наблюдениям Уинроу, первоначально, после распада Советского Союза, когда речь заходила о ставших независимыми «центральноазиатских народах», в Турции использовались термины «Türkî» и «Turkîk» чаще, чем «Türk», что свидетельствовало о различии понятий «тюрок» и «турок» в английском языке. «Однако, термин, означавший "турок", был вскоре универсально принят и для центральноазиатских государств, чтобы подчеркнуть близкую связь между ними и Турцией» (Winrow G.M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. L., 1995. P. 3–8).

³³ Saray M. Yeni Türk Cumhuriyetleri Tarihi. Ankara, 1996. S. 3.

³⁴ Türk Dünyası. Tarih Dergisi. İstanbul, Mayıs 1997. S. 33.

³⁵ При этом автор статьи упрекает российские власти в том, что они закрывают глаза на такую позицию Турции: «Сомнительно, что Москва не была информирована собственными спецслужбами в Анкаре о той роли, которую играет Турция в чеченской войне на стороне противника. Получается, что наша власть обо всем знала, но молчала, хотя рычагов воздействия на турецкое правительство у нее было предостаточно» (Известия. 8.06.1999).

П.В. Шлыков*

НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРЦИИ: ДИНАМИКА И ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Резюме. В статье анализируется динамически меняющийся баланс внешних и внутренних факторов демократических преобразований 2000-х гг. Несмотря на нисходящую динамику политических отношений Турции — ЕС и самые низкие за всю историю наблюдений показатели общественной поддержки «европейского проекта», запущенный в конце 1990-х гг. процесс либерализации и «европеизации» общественно-политического устройства не сошел на нет, а продолжается в форме селективных преобразований в тех сферах, где это соответствует интересам правящего режима. При этом ситуация со свободой слова и СМИ, защитой прав человека и другими «характеристиками» уровня демократического развития ухудшается.

Ключевые слова: Турция, национализм, ЕС, модели демократии, демократизация, гражданское общество, кемализм.

Summary. The paper analyses the changing balance between external and internal factors of democratization after 2000. Despite the downward dynamics of the political relations between Turkey and the EU together with extremely low level of public support to the “European project” the process of liberalization and Europeanization which has started at the end of the 1990s didn’t stop and continues in the form of selective reforms in the spheres where it coincides with the current interests of the ruling regime. However the human rights record and free of speech level together with other indices of democracy are decreasing.

Tags: Turkey, nationalism, EU, models of democracy, democratization, civil society, Kemalism.

Последние полтора десятилетия Турция переживает серьезные перемены. Они касаются административно-политической системы, разных сторон общественной жизни и соотношения гражданского и политического в общественных практиках. Основные черты социально-политической трансформации Турции 2000-х гг. хорошо различимы на разных «ярусах» общественной жизни — это и формирование новой правящей элиты с доминантой религиозно-консервативных взглядов, и ревизионистский настрой по отношению к кемалистскому наследию¹, и утрата военной элитой политической субъектности в сочетании с институциональным отчуждением армейских структур от процесса выработки политических решений², и сдвиги в подходах к кипрскому вопросу и проблеме курдов³, и новые правовые рамки свободы слова, и новое законодательство в сфере прав этноконфессиональных мень-

* Шлыков Павел Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ.

шинств, и тенденции роста политического самосознания и участия гражданского общества⁴, и ревизия устоявшегося баланса пределов толерантности и ксенофобии.

Переживаемые Турцией перемены по-разному объясняются политологами и экспертами. Одна из наиболее распространенных аналитических моделей — стремление свести общественно-политическую трансформацию Турции к производным процессам евроинтеграции. Турция не одно десятилетие состоит во многих общеевропейских международных организациях, накопила большой опыт активной деятельности в таких структурах, как НАТО и Совет Европы, ОЭСР и ОБСЕ, Европейский банк реконструкции и развития. Это обстоятельство, казалось бы, должно было способствовать благоприятной реализации проекта евроинтеграции и вступления в ЕС — значительная часть состоящих в ЕС стран в течение многих лет являются партнерами Анкары по НАТО, Совету Европы и другим аналогичным структурам и должны, по идее, поддерживать устремления Турции в ЕС. Ведь согласно концепции институциональной социализации, пытающейся объяснить многообразие практик международных организаций в деле продвижения демократии⁵, государства, особенно новые или переходящие к демократии западного типа, социализируются в мировом сообществе наподобие того, как социализируется индивид⁶. Следуя этой логике, членство государства в одной международной организации должно формировать «правильную» модель политического поведения, которая способствует дальнейшему включению его в орбиту связанных международных структур. В случае взаимоотношений ЕС и Турции эта логика не сработала, и многолетняя успешная политическая социализация Турции в ключевых международных организациях не принесла ей заветного членства в ЕС, а последние годы не спасает даже от роста напряженности во взаимоотношениях с Брюсселем. За без малого три десятилетия, которые минули с момента подачи официальной заявки на членство в 1987 г., перспектива вхождения Турции в ЕС по-прежнему вызывает неоднозначную реакцию как европейской общественности, так и известных политиков и публичных фигур — достаточно вспомнить резкие высказывания на этот счет и экс-президентов Франции Валери Жискар д'Эстена⁷ и Николя Саркози⁸, и немецких высокопоставленных политиков, как Ангела Меркель⁹ и Эдмунд Штойбер¹⁰, и европейских религиозных лидеров, как папа Бенедикт XVI¹¹.

Несмотря на отчуждение Турции, столь явно проявившееся в рамках переговорного процесса с Брюсселем, участие страны в таких структурах, как НАТО, ОЭСР, ОБСЕ и ЕБРР, в целом всегда оценивалось как достаточно продуктивное. Если посчитать суммарную длительность членства Турции в наиболее значимых общеевропейских международных организациях — НАТО (с 1952 г.), Совет Европы (с 1949 г.), ОБСЕ (с 1973 г.), ОЭСР (с 1961 г.), Европейский таможенный союз (с 1995 г.), ВТО (с 1995 г.), ЕБРР (с 1991 г.), Западноевропейский союз (с 1992 г.)¹², Европейское космическое агентство (с 2004 г.), — то по этому показателю Турция ненамного уступит странам «старой Европы» (Франции, Германии, Италии, Великобритании) и обгонит Швецию, Австрию, Испанию, Финляндию, не говоря уже о Польше, Словакии, Латвии

и других странах Центральной и Восточной Европы. Конечно, в этих статистических показателях невозможно отразить качественные характеристики активности участия страны в деятельности конкретной организации, равно как и пассивность самой структуры (например, ЗЕС по сравнению с НАТО или СЕ). Однако эти цифры тоже весьма красноречивы. Турция обладает сопоставимым по длительности опытом членства в наиболее важных общеевропейских структурах — Совете Европы, ОЭСР, ОБСЕ и НАТО — со странами-основателями ЕС — Францией, Бельгией, Германией, Италией. Примечательно, что Турция входила в число стран-основателей Совета Европы, ОБСЕ и ОЭСР, однако в НАТО Анкару приняли лишь в 1952 г. ФРГ вступила в НАТО еще позже, в 1955 г., и в Совет Европы вошла только в 1950 г. Получается, что у Турции формально больший опыт членства в общеевропейских институтах, чем у Германии. Эти факты давно уже стали лейтмотивом публичных выступлений турецких политиков, отстаивающих право Анкары на членство в ЕС, подобно тезису о культурной инаковости Турции для Европы, навязшему в зубах европейских политиков.

Год от года Турция наращивает свой опыт работы в общеевропейских международных организациях, что при этом слабо коррелирует с уровнем поддержки ее европейских амбиций. Однако у столь продолжительного процесса международной социализации Турции есть еще одно важное измерение — внутривнутриполитическое: насколько повлияло сотрудничество с западными международными организациями на характер политического развития Турции и вектор общественной трансформации?

Членство в главных общеевропейских международных организациях, ориентированных на стандарты «хорошего» или эффективного управления (*good governance*), т. е. наличие транспарентности и отчетности, верховенства права и активного участия граждан в политической жизни страны, не помешало Турции стать чемпионом по количеству военных переворотов среди европейских стран (в 1960 г., 1971 г., 1980 г. и условно — в 1997 г., когда под давлением военных законно избранное правительство Неджметина Эрбакана было вынуждено уйти в отставку). Конечно, с приходом в 2002 г. к власти ПСР, активно включившейся в процесс европеизации турецкого законодательства и политической системы, ситуация скорректировалась, особенно после конституционных поправок 2010 г. и судебных разбирательств по делу «Эргенекон» и аналогичным процессам.

В области защиты прав человека — еще одной важной составляющей западной демократии и одной из базовых ценностей всех европейских международных организаций — Турция за годы членства в общеевропейских структурах не смогла добиться существенного прогресса. В 2006 г. правозащитная организация «*Human Rights Watch*» резко критиковала Анкару за чрезмерное применение силы при разгоне демонстраций курдов, полицейский произвол, пытки заключенных, умаление прав курдов на использование родного языка¹³, а в докладе 2014 г. — за необоснованное расширение полномочий полицейских, ограничения свободы слова и собраний, злоупотребления в использовании закона о борьбе с терроризмом¹⁴. До сих пор

так и не упразднена печально известная ст. 301 Уголовного кодекса, предусматривающая наказание за оскорбление органов государственной власти и национальных чувств¹⁵, по которой в свое время были осуждены и нобелевский лауреат Орхан Памук, и известный журналист Грант Динк. Единственное, что удалось сделать — внести изменения в текст статьи, заменив в 2008 г. оскорбление «турецкости» (*Türkçülük*) на оскорбление «турецкой нации» (*Türk Milleti*), и ввести процедуру обязательного утверждения соответствия преступления и статьи со стороны министра юстиции¹⁶. В этом же ряду — развертывание репрессий против политических оппонентов и рост числа «узников совести» и «государственных преступников» в 2008–2013 гг.¹⁷ и другие очевидные отступления от принципов либеральной демократии, масштабы которых даже обеспокоили Еврокомиссию¹⁸.

С точки зрения социализации в рамках международных организаций нерешенность проблемы Кипра — тоже пример сбоя во внедрении норм западной демократии и нарушение принципа взаимоуважения в рамках общеевропейских структур. Ведь Анкара не признает Республику Кипр, несмотря на то, что обе страны состоят и, по идее, должны сотрудничать в рамках и ООН, и Совета Европы, и ОБСЕ, и ЕБРР. Не случайно кипрский вопрос формально стал одной из фундаментальных преград на пути Турции в ЕС¹⁹.

Однако наряду с примерами ограниченности влияния международных организаций на демократическое развитие Турции существуют сферы, в рамках которых удалось достичь видимого прогресса. В частности, это ревизия военно-гражданских отношений. Политическая активность военной элиты изначально входила в число черт национальной политической культуры, от которых необходимо было избавиться в рамках внедрения норм западной демократии. Западные политики никогда не скрывали своей досады по поводу многочисленных случаев вмешательства военных в политику. Достаточно вспомнить, как в 1969 г. Совет Европы даже предпринял попытку исключить из своих рядов Грецию, где в результате переворота установился авторитарный режим «черных полковников», открыто попиравший демократические принципы. Тогда Греция была вынуждена добровольно приостановить членство в Совете Европы, чтобы потом туда вернуться после восстановления демократии²⁰. Турцию не стали исключать из СЕ после переворота 12 сентября 1980 г., однако ее членство в ПАСЕ было приостановлено до тех пор, пока военные не передали власть гражданскому правительству²¹. И хотя членство в ПАСЕ никогда не несло в себе реальных экономических преференций, руководство страны очень четко восприняло сигнал, призывающий Турцию оставаться частью «демократической и свободной Европы»²². Иными словами, даже нарушая нормы западной демократии, турецкие политики были склонны оглядываться на Европу и дорожить членством в общеевропейских международных организациях.

Исторически взаимоотношения Турции с европейскими структурами в целом и ЕС в частности развивались по сложной траектории. Поэтому и динамика влияния ЕС на процесс демократизации и либерализации общественно-политической жизни в Турции отличается волнообразным характером.

Хельсинкский саммит ЕС 1999 г., на котором Турция получила официальный статус страны-кандидата, можно считать не только важной вехой в отношениях Анкары и Брюсселя, но и отправной точкой для роста влияния ЕС и европейских институтов на внутривнутриполитическую повестку дня в Турции. Статус страны-кандидата сам по себе представлял мощный побудительный импульс для проведения демократических преобразований и доведения существующих общественных, правовых и политических институтов до европейского уровня. Однако реализация дорожной карты реформ, сверстанная в соответствии с Копенгагенскими критериями, оказалась под угрозой свертывания уже к середине 2000-х гг., когда формально были заморожены едва начавшиеся переговоры о вступлении Турции в ЕС, а сама политика кондициональности Брюсселя, традиционная в отношении стран-кандидатов, стала стремительно терять доверие в глазах как простых граждан, так и политической элиты Турции²³. И несмотря на это, реформы, которые условно можно обозначить очередной волной «европеизации» (поскольку цивилизационная модель Европы выступала отправной точкой преобразований для Турции, начиная с «эпохи тюльпанов» XVIII в.)²⁴, не были приостановлены. Они лишь приобрели сегментарный характер, сохранив прежнюю динамику там, где это было выгодно действующей власти. Сложившуюся начиная с середины 2000-х гг. ситуацию нельзя объяснить инерцией переговорного процесса с ЕС, очевидно, что административно-политические преобразования 2000-х гг. — не только производная политики кондициональности, а процесс, детерминированный комплексом внутренних факторов. Если рассматривать новую волну «европеизации» не только как программу политической «революции сверху», но и как ответ на запрос общества на либерализацию, то ключевыми драйверами реализации реформ могут выступать именно гражданское общество и его институты (неправительственные организации, бизнес-ассоциации, независимые СМИ, политические партии и т. д.).

Надежды и разочарования либерализации 2000-х гг.

На рубеже 1990–2000-х гг. Турция пережила всплеск реформаторских инициатив, направленных на либерализацию административно-политической системы, расширение гражданских прав и свободы слова, смягчение положения этноконфессиональных меньшинств. Эти процессы масштабного внедрения демократических принципов в политическую систему, культуру, стиль повседневной жизни и т. д. выстраивались в соответствии с требованиями и рекомендациями ЕС по укреплению демократии и защите прав человека²⁵, которые должны были приблизить Турцию к модели западной либеральной демократии. Первые шаги этой новой волны «европеизации» Турции пришлось на 2001 г., когда были приняты масштабные поправки к конституции 1982 г., затем последовало принятие нового Гражданского кодекса и трех «пакетов по гармонизации» законодательства с нормами ЕС в 2002 г.²⁶. Эти реформы были запущены коалиционным правительством Демократической левой партии (ДЛП), Партии Отечества (ПО) и Партии националистического действия (ПНД) и затрагивали такие сферы, как права человека, свобо-

да ассоциации и свобода слова²⁷. С конца 2002 г. эстафету «европеизации» приняла Партия справедливости и развития (ПСР) Реждепа Эрдогана, победившая на всеобщих выборах 2002 г. и сформировавшая однопартийный кабинет. По инициативе ПСР в 2002–2005 гг. через парламент прошло еще четыре «пакета по гармонизации» национального законодательства и принят целый блок конституционных поправок. Их проблемный охват был шире — не только свобода слова и СМИ, но и права меньшинств, военно-гражданские отношения и т. д.²⁸. Кроме того, за рамками пакетных поправок в Турции были пересмотрены и обновлены, а в отдельных случаях разработаны заново многие законодательные своды и важные отраслевые законы (например, закон об ассоциациях)²⁹.

Стагнация переговорного процесса с ЕС в 2005 г. и все менее ясные перспективы членства способствовали пересмотру повестки дальнейшей «европеизации» и комплексных реформ: вместо строгого следования предписаниям Брюсселя и условной дорожной карты демократических преобразований для стран-кандидатов правительство ПСР пошло по пути сегментации реформ по степени приоритетности для национальных интересов³⁰. В результате преобразования продолжались в сфере расширения прав меньшинств, борьбы с коррупцией, регулирования военно-гражданских отношений³¹. Так, в 2008 г. вступил в силу новый закон о вакфах (фондах), где особое внимание уделялось вакфам этноконфессиональных меньшинств, выделенных в особую категорию³², а в 2009 г. свое вещание начал первый телеканал на курдском языке — TRT-6, ставший частью проекта по либерализации норм защиты интересов национальных меньшинств³³. В 2010 г. были приняты антикоррупционные законы, повышающие прозрачность деятельности государственных учреждений³⁴. А конституционная реформа 2010 г., одобренная на референдуме 12 сентября 2010 г., изменила судебные правила, действующие в отношении военных, фактически передав их дела в юрисдикцию гражданских судов, и внесла еще ряд поправок в действующий механизм военно-гражданских отношений³⁵. В результате процесс либерализации — пусть и в ограниченном формате — продолжился, несмотря на сужение коридора возможностей для ЕС в модерации этих процессов в Турции.

Ослабление роли ЕС как драйвера перемен в общественно-политическом развитии Турции привело к тому, что в сложном балансе внешних и внутренних факторов общественной трансформации перевес все больше стал смещаться в сторону эндогенных процессов, а динамика преобразований стала не только сегментированной, но и разнонаправленной: в ряде сфер реформы ускорились (это касалось мер по совершенствованию законодательства по защите прав меньшинств или регулированию положения беженцев и т. д.), в других — наоборот, наметился регресс³⁶. Особенно рельефно это проявилось в сфере свободы слова и печати, а также защиты прав человека, что последние годы вызывает осторожность европейских чиновников, публикующих ежегодные отчеты о ходе и результатах реформ в Турции³⁷.

Прозападный вектор преобразований и его составляющие

Влияние ЕС на Турцию целесообразно подразделить на два уровня — «нормативно-инструментальный» или «бюрократический», в рамках которого в 2000-е гг. проходил процесс формального приведения законодательной среды в соответствие со стандартами ЕС и требованиями Копенгагенских критериев, и «институциональный», предполагающий более глубокое воздействие на социально-политические процессы и их модификацию, т. е. не формальное, а содержательно-сущностное влияние³⁸. Некоторые исследователи политики Брюсселя и волн расширения Евросоюза классифицировали это как дихотомию «европеизации» и «ЕСизации»³⁹.

В разных странах процесс европеизации в институциональном смысле протекал по-разному: в зависимости, с одной стороны, от ключевых факторов общественно-политического развития (прежде всего специфики модели государственного правления и устоявшейся политической культуры)⁴⁰, с другой — от содержательного восприятия Европы как цивилизационной модели развития с исторической, политической и духовно-культурной точек зрения⁴¹. Как отмечают некоторые исследователи, эффективность и масштаб европеизации в отдельно взятой стране зависит от того, как местные политические элиты используют концепт Европы в качестве модели социально-политического развития в своих политических программах и стратегиях⁴².

Поэтому масштабы институциональной европеизации не являются произвольными исключительно внешнего воздействия или давления, но в не меньшей степени выступают продуктом соучастия и поддержки местных элит⁴³. Это составляет своего рода «нормативный контекст», который — в случае Турции — варьировался в разные периоды ее национальной истории. Европа как модель социально-экономического и политического развития стала влиятельным фактором общественно-политической жизни еще в XIX в., когда часть прогрессивно настроенной османской элиты в качестве ориентира необходимых преобразований определила именно Европу. Как «нормативно-политический контекст» европейская модель развития определила и траекторию республиканского развития Турции как государства-нации, и реформы 1920-х и 1930-х гг., оказала влияние и на формирование национальной политической идентичности, и на внешнеполитическую ориентацию во второй половине XX столетия.

Турция вошла в Совет Европы в 1949 г., а в 1987 г. признала за своими гражданами право в индивидуальном порядке обращаться в Европейский суд по правам человека — это основные и наиболее важные вехи процесса институциональной европеизации. События 1949 г. и 1987 г. не просто оказали фундаментальное влияние на парадигму развития и функционирование политической системы или существующую правовую систему, они и сформировали «нормативный политический контекст». Европейские законы и принципы взаимоотношений общества и государства формально вошли в турецкое законодательство, а общеевропейские правовые институты стали доступны турецким гражданам, ищущим справедливости за притеснения своих прав и свобод со стороны турецких властей⁴⁴.

Когда после 1999 г. Турция официально обрела статус страны-кандидата по итогам саммита ЕС в Хельсинки, нормативное и институциональное влияние ЕС на общественно-политические процессы в стране ощутимо возрастает⁴⁵. И даже после 2006 г., когда вследствие замораживания переговорного процесса формальное влияние Брюсселя на повестку дня внутривнутриполитического развития Турции ослабевает, европейские ценности и нормы общественной жизни остаются референсными точками и катализатором новых преобразований⁴⁶. Таким образом, нормативное и институциональное влияние ЕС на общественно-политическое развитие Турции сохраняется, несмотря на стагнацию переговорного процесса и рост евроскептицизма. Степень влияния ЕС на развитие общественных и государственных институтов в Турции варьируется в достаточно широком диапазоне и напрямую зависит от внутривнутриполитической конъюнктуры, иными словами, размерами политических выгод, которые местные элиты рассчитывают получить от сближения с ЕС.

Факторы девальвации «европейского проекта» и замедления демократизации

Уровень влияния ЕС на внутривнутриполитические процессы в Турции последние годы демонстрирует нисходящую траекторию. На первое место в условной иерархии негативных факторов этого процесса можно поставить позицию Брюсселя по отношению к Турции, которую можно охарактеризовать как политическое отчуждение, «усталость» ЕС от пятого — самого масштабного в истории — расширения 2004–2007 гг., а также спад в мировой экономике, начавшийся с кризиса в финансовом секторе США в 2007–2008 гг.

Здесь и вошедший в арсенал европейских политиков тезис о допустимых «пределах расширения» ЕС, ссылка на который фигурирует даже в принятых Еврокомиссией в 2005 г. «переговорных рамках» для Турции⁴⁷. Постоянный акцент на «не ограниченный по времени» переговорный процесс для стран-кандидатов и перспектива «перманентных законодательных дерогаций» и коррекции достигнутых договоренностей⁴⁸ сделали крайне неясной перспективу вступления Турции в ЕС. Все это закономерно привело к снижению непосредственного влияния Брюсселя на внутривнутриполитическую повестку дня в Турции, утрате доверия к ЕС и его «политике кондициональности», а также скорректировало динамику административно-политических реформ в Турции.

Второй по значимости негативный фактор — кипрский вопрос, ставший одним из главных формальных препятствий на пути евроинтеграции Турции (даже несмотря на то, что его решение не фигурировало в перечне критериев для вступления Турции в ЕС). Подписанный в 2005 г. «Дополнительный протокол» к Анкарскому соглашению между Турцией и ЕЭС 1963 г., который предусматривал открытие морских портов и воздушного пространства для греческого Кипра, на тот момент уже вошедшего в ЕС, так и не был ратифицирован турецким парламентом. Турция отказалась открывать свои морские порты для кораблей Республики Кипр, поскольку Брюссель не выполнил свои обещания по отношению к туркам-киприотам, поддержавшим «план Анна-

на» на референдуме 2004 г.⁴⁹. В результате в декабре 2006 г. Еврокомиссия заморозила открытие восьми «глав» для переговоров с Анкарой, поставив условие, что ни одна из 35 «глав» не может быть предварительно закрыта до тех пор, пока «Дополнительный протокол» не будет ратифицирован и вступит в силу⁵⁰. И на сегодняшний день лишь одна из этих «глав», касающаяся «науки и исследований», условно «закрыта».

Еще одним фактором стагнации отношений Анкары и Брюсселя можно считать позиции лидеров Германии и Франции, открыто выступающих против полноформатного членства Турции в ЕС. В 2005 г. канцлер Германии Ангела Меркель выдвинула идею «привилегированного партнерства» как модели особых взаимоотношений ЕС и Турции и даже пыталась ввести ее в повестку дня переговоров Брюсселя и Анкары, однако это не было реализовано, и Германия не стала блокировать переговорный процесс. В самой Турции инициированные Германией дискуссии о «привилегированном партнерстве» вместо полноправного членства были восприняты крайне болезненно, способствовали росту евроскептицизма — многие увидели в этом явное нарушение договоренностей и предвзятость по отношению к Турции, что серьезно дискредитировало ЕС в глазах турецкого общественного мнения. В 2007 г. победивший на выборах президента Франции Николя Саркози также занял откровенно антитурецкую позицию в ЕС: Франция заблокировала еще четыре «главы» переговорного процесса ЕС — Турция. Однако с приходом к власти социалиста Франсуа Олланда в 2012 г. Франция заняла более взвешенную позицию по отношению к Турции. Резкий контраст в отношении ЕС к странам Центральной и Восточной Европы и оказываемая им масштабная материальная поддержка как на стадии подготовки к вступлению, так и после создавали ощущение, что к Турции ЕС относится предвзято, а его политика по отношению к Турции, по сути, носит дискриминационный характер. Эти настроения явно не способствовали консолидации проевропейски настроенной части политической элиты Турции, равно как и тех, кто поддерживал либеральные реформы⁵¹.

Однако было бы неправильным списывать снижение влияния ЕС как драйвера общественно-политической трансформации Турции исключительно на внешние обстоятельства. Одним из наиболее весомых внутренних факторов этого процесса можно считать трансформацию режима правящей ПСР Эрдогана. Первые однопартийные правительства, сформированные победившей на выборах 2002 г. ПСР, использовали европеизацию как нормативный политический контекст для программы внутривнутриполитических реформ и основу ревизии внешнеполитических стратегий⁵². Последующие выборы 2007 и 2011 гг. показали рост электоральной поддержки ПСР, основанной на успехах экономического развития страны и укрепления ее влияния как региональной державы. Электоральный успех способствовал росту уверенности в собственных силах и наращиванию авторитарных тенденций⁵³. Сама природа однопартийного правительства содействовала этому, облегчая осуществление реформ и формируя гораздо более благоприятный экономический климат.

В результате Турция смогла добиться достаточно высоких показателей ежегодного экономического роста, что резко контрастировало с серьезной экономической рецессией во многих странах ЕС после 2008 г. Как следствие — правительство ПСР почувствовало в себе силы уйти от жесткой привязки реформ к требованиям ЕС. В общественном сознании политическая элита последовательно старалась укрепить мысль о самоценности реформ: о том, что цель проводимых преобразований — отнюдь не вступление Турции в ЕС, а повышение уровня жизни граждан безотносительно перспектив вступления в объединенную Европу. Кроме того, во второй половине 2000-х гг. Турция стала наращивать свое влияние в регионе Ближнего и Среднего Востока. Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежнее обаяние и привлекательность ЕС ощутимо ослабли как в общественном мнении, так и среди политической элиты. И хотя правительство ПСР и лидеры правящей партии постоянно публично подчеркивали неизменность курса на вступление в ЕС, от прежнего энтузиазма мало что осталось. Как следствие, общая динамика либерализации замедлилась⁵⁴, а реформы продолжились лишь в сферах, где это отвечало интересам правящей элиты. Так, если реформы военно-гражданских отношений продолжились с прежней скоростью⁵⁵, то либерализация свободы слова и прессы была заморожена.

Еще один важный фактор, влияющий на снижение влияния ЕС, — степень эффективности государства, играющей первостепенную роль в осуществлении институциональной либерализации в соответствии с требованиями ЕС. Эффективность государства тесно завязана на уровень внутривнутриполитической напряженности — соответственно, и «цена» демократических преобразований резко повышается в условиях эскалации террористических угроз, поскольку террористические атаки, по своей сути, ставят под сомнение политическую дееспособность и эффективность действующей власти⁵⁶. Так, активизация Рабочей партии Курдистана в 2005 г. и рост террористической активности в 2007 г. сузили коридор политического маневра правительства Эрдогана, поскольку поставили под угрозу и территориальную целостность страны, и легитимность действующей власти.

Не случайно в ежегодном докладе Еврокомиссии о продвижении Турции по пути реформ за 2012 г. особо отмечалась важность решения «курдского вопроса», который характеризовался как «главный вызов турецкой демократии»⁵⁷. А в одном из последних подобных докладов позитивно оценивался «запущенный правительством процесс мирного урегулирования, нацеленный на прекращение насилия и терроризма на юго-востоке Турции и выработку решения “курдской проблемы”»⁵⁸.

Отдельно в длинном перечне факторов деградации ЕС как драйвера преобразований можно выделить нисходящий уровень поддержки самой идеи вступления в ЕС среди значительной части населения Турции. На контрасте с началом 2000-х гг., когда в Турции отмечалось наличие широкого общественного консенсуса по вопросу как вступления Турции в ЕС, так и необходимости масштабных административно-политических реформ, к концу 2000-х гг.

стихийно возникшая проевропейская коалиция дала трещины на фоне роста евроскептицизма⁵⁹. Если в 2004 г. более 75% населения Турции позитивно рассматривали вхождение страны в ЕС, то в 2011 г. этот показатель снизился до 48%⁶⁰, а социологический опрос «Евробарометра» конца 2014 г. показал, что всего 28% граждан Турции поддерживают вступление страны в ЕС⁶¹. Однако, несмотря на скепсис в отношении Брюсселя и его политики, Европа как цивилизационно-культурная сущность и модель развития не просто сохранила свое значение, но гораздо интенсивнее стала использоваться в качестве референсной точки в оценках реформ, политического режима или стандартов повседневной и общественной жизни⁶².

* * *

Процессы демократизации в Турции исторически всегда были тесно связаны с «прозападным» или «роевропейским» курсом развития страны. Либеральные реформы конца 1990-х — 2000-х гг. не стали исключением, их динамика во многом была детерминирована течением переговорного процесса между Анкарой и Брюсселем, а характер определялся стремлением политической элиты Турции приблизить страну к европейским стандартам.

Институциональная социализация Турции в рамках общеевропейских международных организаций, несмотря на неравномерность и ограниченность моделей партнерства, сыграла важную роль как во внешне-, так и внутривнутриполитическом развитии страны. И это выразилось не только в том, что в 2000-е гг. принимались законы, которые едва ли смогли реализоваться в условиях существовавшей модели общественного развития (отмена смертной казни, уравнение в правах женщин и мужчин), но и запустило неформальный процесс ассоциации Турции с Западом (достаточно вспомнить, что в 1999 г., когда Турции предоставляли статус страны-кандидата, это не вызвало неприятия среди 15 стран, входивших на тот момент в ЕС).

Период интенсивных административно-политических реформ в Турции первой половины 2000-х гг. хронологически совпал с активной фазой переговорного процесса Анкары и Брюсселя (от закрепления за Турцией официального статуса страны-кандидата на саммите Европейского совета в Хельсинки в декабре 1999 г. до начала официальных переговоров с Турцией о вступлении в октябре 2005 г.), поэтому пришедшиеся на это время преобразования зачастую объяснялись стремлением соответствовать Копенгагенским критериям. Большинство исследователей сходились в оценке ведущей роли именно внешних факторов трансформации 2000-х гг. В ЕС и политике кондициональности видели главный «импульс к модернизации»⁶³, в официальном статусе страны-кандидата — катализатор реконструкции политической системы⁶⁴, а в курсе на евроинтеграцию — основу для отстранения военной элиты от участия в политическом процессе⁶⁵. Не отрицаясь от тезиса о ключевой роли ЕС, некоторые исследователи задавались вопросом, насколько реформы носят вынужденный характер и обусловлены исключительно требованиями, предъявляемыми к странам-кандидатам, или же набравший скорость процесс евроинтеграции универсализирует либерально-демократические

нормы общественной жизни и политического устройства⁶⁶. Другие — в том же ключе ставили вопрос о факторе ЕС как триггере конъюнктурных косметических преобразований или основе формирования инфраструктуры для долговременных институциональных реформ⁶⁷.

Между тем фактическое замораживание переговорного процесса Анкары и Брюсселя, равно как и самого процесса евроинтеграции Турции в 2005 г., не привели к автоматическому свертыванию реформ, что несколько опровергает тезис об исключительно внешней и конъюнктурной заданности преобразований. Процессы социально-политической трансформации Турции в 2000-е гг. оказались мотивированы в значительной степени совокупностью внутренних факторов, текущими интересами пришедшей к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития и стратегией ее основных политических и идеологических оппонентов.

Готовность ПСР следовать указаниям Брюсселя, стремление привести административно-политическое устройство и правовые нормы в соответствие с Копенгагенскими критериями — все это плохо коррелировало, с одной стороны, с отсутствием четких «правил игры» — прозрачных политических условий вступления в ЕС для Турции (слишком большой разброс в оценках перспектив членства и размытость обещаний), с другой — с авторитарной природой самой ПСР и ее лидеров, нелиберальным характером ее идеологической платформы «консервативной демократии». Соответственно и демократические реформы, инициированные ПСР, нацеливались на решение внутривнутриполитических задач — перетянуть на себя симпатии проевропейски настроенного электората и использовать реформы по демократизации для ослабления политических конкурентов, прежде всего из числа кемалистской элиты. Общественно-политическая трансформация Турции в 2000-е гг. — процесс, мотивированный не только стремлением удовлетворить требования Копенгагенских критериев, но и соображениями стратегии политической борьбы с оппонентами, которую условно можно назвать «антикемалистской» революцией⁶⁸, т. е. наращивания своего политического влияния за счет десекуляризации и ослабления опасных оппонентов из числа кемалистской элиты.

Сумма внешнеполитических шагов и инициатив ПСР давно уже ставит под вопрос приверженность прозападной ориентации Анкары и вызывает подозрения в стремлении «возродить» Османскую империю. Активное вмешательство в дела ближневосточных стран, заигрывания с ХАМАС, посредничество в налаживании отношений между западными странами и Ираном, обострение отношений с Израилем, неготовность солидаризоваться с Западом в борьбе с ИГИЛ — все это закономерно воспринимается как показатель отчуждения Турции от Запада в целом и ЕС в частности, заставляет по-новому взглянуть на парадигму отношений Турции и Евросоюза.

Становясь несколько ближе Европе институционально, Турция, очевидно, отделяется от нее ментально и психологически. На этом фоне количество сторонников развития отношений с ближневосточными мусульманскими странами, наоборот, ощутимо выросло⁶⁹. Неудивительно, что за последние шесть лет, как показывают многочисленные социологические опросы, скепсис в

отношении ЕС в Турции год от года увеличивается, равно как и негативное отношение европейцев к настойчивому стремлению Турции в ЕС⁷⁰. В опросе, проведенном в мае 2014 г., количество сторонников вступления Турции в ЕС составляло 38%. Президент Турции Р. Эрдоган открыто заявляет: «Турция не нуждается в уроках демократии от Европейского союза, она — не козел отпущения. Если не хотят нас принимать в ЕС — пусть не принимают, но мы для них не прислужники»⁷¹.

Неуступчивость Брюсселя и обострение внутривнутриполитической обстановки заставили лидеров ПСР несколько изменить риторику: сейчас все отчетливее звучит тезис о «самоценности» реформ, изначально запущенных для соответствия Копенгагенским критериям, и необходимости их продолжения вне зависимости от последующего вступления Турции в ЕС. «Мы будем продолжать реформы, даже если от ЕС не будет больше обнадеживающих сигналов... и переименуем Копенгагенские критерии в Анкарские... а Маастрихтские — в Стамбульские», — не устают повторять слова Эрдогана крупные функционеры ПСР⁷². Это неожиданное на первый взгляд признание раскрывает отношение ПСР к содержанию вестернизации, которая разделяется на «институционально-технологическую» и «культурно-идеологическую» составляющие, и реализуемой ею модели модернизации.

При этом возникает ощущение, что Турция переживает процесс частичной «девестернизации». Функционеры правящей ПСР придерживаются западной либерально-демократической риторики, однако приверженность ценностям и европейской цивилизации, и демократии носят скорее не культурно-идеологический, а в большей степени прагматически-утилитарный характер. Демократия зачастую не рассматривается как матрица общественно-политических отношений на всех уровнях, из всех демократических принципов акцент делается прежде всего на выборах, «доказавших, что они являются оптимальным и наиболее легитимным способом достижения власти»⁷³.

Примечания

¹ Шлыков П.В. Куда идет Турция? Метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. Том 53, № 1. С. 58–76.

² Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М., 2011. С. 31–60.

³ Шлыков П.В. Курдский вопрос в Турции: на пути к разрешению конфликта? // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы (2013) (www.perspektivy.info).

⁴ Шлыков П.В. Амбивалентность «мягкой» силы ЕС в развитии сферы гражданского общества в Турции // Актуальные проблемы Европы, № 3. 2014. С. 97–135.

⁵ Кутейников А. Демократизация в приоритетах международных организаций // Международные процессы. Том 10. № 1 (28). 2012. С. 66.

⁶ Агентами социализации выступают такие структуры как ООН, ЕС, НАТО, Совет Европы и др. [Gheciu A. NATO in the «New Europe». The Politics of International Socialization After the Cold War. Stanford, 2005. P. 23].

⁷ Жискар д'Эстен. За принятие Турции в ЕС могут выступать только враги ЕС // Pravda.ru. 08.11.2002. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/08-11-2002/9337-turkey-0/>

- ⁸ Саркози Н. Турции нет места в ЕС // Коммерсант. 14.01.2007. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/996887>
- ⁹ А. Меркель и Н. Саркози высказались против приема Турции в Евросоюз // РБК, 11.05.2009. URL: <http://top.rbc.ru/politics/11/05/2009/301573.shtml>
- ¹⁰ Премьер-министр Баварии призвал не пускать Турцию в Евросоюз // Lenta.ru, 8.11.2006 URL: <http://lenta.ru/news/2006/11/07/stoiber/>
- ¹¹ Папа Римский Бенедикт XVI. Исламской Турции не место в христианской Европе // REGNUM, 21.04.2005, URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/442286.html#ixzz3S75nHJct>
- ¹² В июне 2011 г. Западноевропейский союз прекратил свою работу.
- ¹³ Turkey: Ongoing Restrictions on Freedom of Expression. Human Rights Watch Letter to the Turkish Prime Minister (13.04.2007) // Human Rights Watch. URL: <http://www.hrw.org/news/2007/04/12/turkey-ongoing-restrictions-freedom-expression>
- ¹⁴ Turkey's Human Rights Rollback. Recommendations for Reform. New York: Human Rights Watch, 2014. P. 3–9. URL: http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/turkey0914_ForUpload.pdf
- ¹⁵ Onar N. Kemalists, Islamists and liberals: Shifting patters of confrontation and consensus, 2002–2006 // Turkish Studies, 2007, Issue 8, № 2. P. 273–288. P. 280–282.
- ¹⁶ В результате количество дел по ст. 301, начиная с 2008 г., стало заметно сокращаться.
- ¹⁷ На 2014 г. число обвиняемых по делу «Эргенекон» составляло 275, по делу «Кувалда» — 224, по другим аналогичным делам — более 150.
- ¹⁸ Turkey 2009 Progress Report. Brussels, 2009. P. 6–7; 10–12; http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2009/tr_rapport_2009_en.pdf Turkey 2011 Progress Report. Brussels, 2011. P. 5–7. http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2011/package/tr_rapport_2011_en.pdf Turkey 2013 Progress Report. Brussels, 2013. P. 5–17. http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2013/package/tr_rapport_2013.pdf
- ¹⁹ Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М., 2010. С. 194–212.
- ²⁰ Howe M. Turkey's junta lobbies to stay in European 'club'. // New York Times, 9 March, 1981. URL: <http://www.nytimes.com/1981/03/09/world/turkey-s-junta-lobbies-to-stay-in-european-club.html>; Lewis, A. Greece: Trouble ahead for the colonels. New York Times, 30 November, 1969, URL: <http://query.nytimes.com/gst/abstract.html?res=9406E2DF1338EF3BBC4850DFB7678382679EDE>
- ²¹ Hale W. Turkish foreign policy 1774–2000. L.; Frank Cass Publishers, 177.
- ²² Howe M. Op. cit.
- ²³ Aydın-Düzgüt S., Noutcheva G. Lost in Europeanisation: The Western Balkans and Turkey. West European Politics, 2012, Issue 35, № 1. P. 68; Saatçioğlu B. How Closely Does the European Union's Membership Conditionality Reflect the Copenhagen Criteria? Insights from Turkey // Turkish Studies, Issue 10, № 4. 2009. P. 570.
- ²⁴ Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- ²⁵ Kubicek P. Political conditionality and European Union's cultivation of democracy in Turkey // Democratization, Issue 18№ 4. 2011. P. 915.
- ²⁶ Aydın S., Keyman F. E. European Integration and the Transformation of Turkish Democracy // Centre for European Policy Studies EU-Turkey Working Papers. № 2. 2004. P. 15.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid. P. 16–17.
- ²⁹ Kubicek P. The European Union and Grassroots Democratization in Turkey // Turkish Studies, Issue 6, № 3. 2005. P. 366.
- ³⁰ Yılmaz G. From EU Conditionality to Domestic Choice for Change: Exploring Europeanization of Minority Rights in Turkey // Turkey and the European Union Processes of Europeanisation. Farnham, UK: Ashgate, 2012. P. 124.
- ³¹ Yılmaz G., Soyaltın D. Zooming into the «Domestic» in Europeanization: Promotion of Minority Rights and Fight Against Corruption in Turkey // Journal of Balkan and Near Eastern

- Studies, Issue 16, № 1. 2014. P. 11–29; Gürsoy, Yaprak. The Impact of EU-Driven Reforms on the Political Autonomy of the Turkish Military // *South European Society and Politics*, Issue 16, № 2. 2011. P. 293–308.
- ³² Шлыков П.В. Ваффы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011.
- ³³ Yılmaz G. Exploring the Implementation of Minority Protection Rules in the 'Worlds of Compliance': The Case of Turkey // *Perspectives on European Politics and Society*, Issue 13, № 4. 2012. P. 412–413.
- ³⁴ Yılmaz G., Soyaltın D. Zooming into the "Domestic" in Europeanization. P. 14.
- ³⁵ Aydın D., Noutcheva G. Lost in Europeanisation. P. 67; Gürsoy Y. The Impact of EU-Driven Reforms. P. 298–299.
- ³⁶ Aydın D., Noutcheva G. Lost in Europeanisation. P. 59–78; Aydın U., Kirişçi K. With or without the EU: Europeanisation of Asylum and competition policies in Turkey // *South European Society and Politics*, 2013.
- ³⁷ Turkish Progress Reports...
- ³⁸ Haughton T. When does the EU make a difference? Conditionality and the accession process in Central and Eastern Europe. *Political Studies Review* 5, № 2. 2007. P. 233–246.
- ³⁹ Kaliber A. Contextual and contested: Reassessing Europeanization in the case of Turkey // *International Relations*, Issue 27, № 1. 2013. P. 52–73.
- ⁴⁰ Ibid. P. 52–58.
- ⁴¹ Laffan B. The Politics of identity and political order in Europe // *Journal of Common Market Studies*, Issue 34, № 1. 1996. P. 81–102; Kaliber A. Contextual and contested. P. 52–73.
- ⁴² Ibid. P. 54.
- ⁴³ Tocci N. Europeanization in Turkey: Trigger or anchor for reform? // *South European Society and Politics*, Issue 10, № 1. P. 79.
- ⁴⁴ Kaliber A. Contextual and contested. P. 61.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Turkey and the European Union: processes of Europeanisation. Burlington: Ashgate, 2012. P. 3.
- ⁴⁷ Negotiating Framework for Turkey, 2005, paragraph 3.
- ⁴⁸ Negotiating Framework for Turkey, 2005, paragraph 12.
- ⁴⁹ Intractable — or insoluble? Hopes of settling the Cyprus problem are starting to look unrealistic // *The Economist*. 29.11.2014.
- ⁵⁰ European Stability Initiative Report. A very special relationship: Why Turkey's EU accession process will continue. Berlin: European Stability Initiative, 2010. P. 1–9.
- ⁵¹ Öniş Z. Diverse but converging paths to EU membership: Poland and Turkey in comparative perspective // *East European Politics and Societies*, Issue 18, № 3. P. 485–495.
- ⁵² Kaliber A. Contextual and contested. P. 62.
- ⁵³ Шлыков П.В. Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития // *Вестник Московского университета. Серия 13 «Востоковедение»*. 2012. № 3. С. 3–28.
- ⁵⁴ Avcı G. The Justice and Development Party and the EU: Political pragmatism in a changing environment. *South European Society and Politics*, Issue 16, № 3. 2011. P. 419.
- ⁵⁵ Aydın D., Noutcheva G. Lost in Europeanisation. P. 70.
- ⁵⁶ Ibid. P. 69–75.
- ⁵⁷ Progress Report of the Commission on Turkey, 2012. P. 7.
- ⁵⁸ Progress Report of the Commission on Turkey, 2013. P. 1.
- ⁵⁹ Kubicek P. Political conditionality. P. 923–925.
- ⁶⁰ Подробнее см.: Шлыков П.В. Куда идет Турция? Метаморфозы прозападного курса развития. С. 74.
- ⁶¹ EU survey reveals growing Turkish distrust of own gov't. URL: http://www.todayzaman.com/diplomacy_eu-survey-reveals-growing-turkish-distrust-of-own-govt_367428.html
- ⁶² Kaliber A. Contextual and contested. P. 66.

- ⁶³ Müftüler Baç M. Turkey's political reforms and the impact of the European Union. *South European Society and Politics* 10, № 1. 2005. P. 16–30.
- ⁶⁴ Öniş Z. Domestic politics, international norms and challenges to the state: Turkey — EU relations in the post-Helsinki era // *Turkish Studies*, Issue 4, № 1. 2003. P. 9–34.
- ⁶⁵ Sarigil Z. Europeanization and institutional change: The case of Turkish military // *Mediterranean Politics*, Issue 12, № 1. 2007. P. 39–57.
- ⁶⁶ Kubicek P. The European Union and democratization from below. Paper presented at the biannual conference of the European Union Studies Association, March 31 — April 2, in Austin, Texas, USA. 2005.
- ⁶⁷ Tocci N. Europeanization in Turkey. P. 79.
- ⁶⁸ См.: Шлыков П. «Антикемалистская революция»: куда идет Турция? // Семинар в Московском центре Карнеги. URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3422>
- ⁶⁹ Transatlantic Trends Survey 2014. P. 29. (www.transatlantictrends.org).
- ⁷⁰ Gerhards J., Hans S. Why Not Turkey? Attitudes towards Turkish Membership in the EU among Citizens in 27 European countries // *Journal of Common Market Studies*, Vol. 49, № 4. 2011. P. 741–766. Только 34,4% европейцев из 27 стран — членов ЕС поддерживают членство Турции в этой организации.
- ⁷¹ Erdogan says EU can't give Turkey 'democracy lesson'. URL: <http://www.afp.com/en/news/erdogan-says-eu-cant-give-turkey-democracy-lesson>
- ⁷² Berkan İ. Hoş Geldin Yeni İzolasyonizm // *Hurriyet*. 16.06.2011.
- ⁷³ Цит. по: Baran Z. Divided Turkey // *The Journal of Democracy*. Jan. 2008. P. 56–57.

Б.М. Ягудин*

КЕМАЛИЗМ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ «ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ» В ТУРЦИИ

Резюме. Работа посвящена идеологии кемализма как квинтэссенции национальной и национально-освободительной идеологической доктрины, позволившей не только побороть интервенцию западных держав в 1918–1922 гг., но также построить новое национальное государство турецкого народа. Раскрыты основные постулаты кемализма как теоретической доктрины и политической практики. Этатистская модернизация, проведенная под знаменами кемализма, стала основой экономики и социума республиканской Турции. Поставлены вопросы о современной роли и созидательном потенциале кемализма.

Ключевые слова: Турция, республика, кемализм, конституция, национализм, этатизм, неокемализм.

Summary. The work is dedicated to the ideology of Kemalism as the quintessence of national and national liberation ideological doctrines, will not only overcome the intervention of the Western powers in the years 1918–1922. But also to build a new nation-state of the Turkish people. It outlines the main theoretical postulates of Kemalism as a doctrine and political practice. Statist modernization, conducted under the banner of Kemalism, was the backbone of the economy and society of republican Turkey. It raised the question of the modern role and the creative potential of Kemalism.

Tags: Turkey, Republic, Kemalism, the constitution, nationalism, statism, neokemalism.

Кемализм (турецкий вариант — *Atatürkçülük* — ататюркизм) стал национальной идеологией Турецкой Республики после победы в национально-освободительной борьбе.

На формирование взглядов **Мустафы Кемалья Ататюрка** (1881–1938) оказали прямое или опосредованное влияние труды и деятельность таких турецких интеллектуалов, как Намык Кемаль, Тевфик Фикрет, Зия Гёкальп, Абдуллах Джевет, Джелаль Нури (Илери), Кылычзаде Хаккы¹, а также труды идеологов европейского Просвещения — Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, Д. Дидро, основоположников социологии — О. Конта, Э. Дюркгейма, Дж.С. Милля и др.². Исторические исследования, особенно касающиеся военной истории, сформировали мировоззрение будущего национального лидера, где опыт Европы стал определяющим. Всю жизнь М.К. Ататюрк оставался горячим поклонником Великой французской революции.

Главным компонентом идеологии кемализма является турецкий национализм (*миллиетчилик*). В дальнейшем он в различных вариациях фиксировался в конституциях страны. Отечественный турколог В.И. Данилов писал: «Национализм занял крайне важное место в идеологическом обеспечении национально-освободительного движения турецкого народа 1918–1923 гг. Возглавившая это движение военно-гражданская интеллигенция отвела турецкому национализму почетное место в разработанной ею системе принципов, которые получили название “кемализм” по имени вождя национального движения и основателя республики Кемалю Ататюрка»³.

В самом сжатом, доведенном почти до уровня лозунга виде, кемализм был отражен в так называемых «Шести стрелах» — принципах политики, вошедших в конституцию в качестве основополагающих.

Принцип «республиканизм» (тур. *Cumhuriyetçilik*) отражал политический идеал конституционной, демократической республики как альтернатива османской абсолютной монархии, а также конституционной монархии периода младотурок. Утверждался принцип избираемости верховной власти — президента и меджлиса — и подотчетность ее народу. Принцип республиканизма был реализован в 1923 г., когда Турция была провозглашена республикой.

Принцип «национализм» (тур. *Milliyetçilik* — от слова миллет — нация) выражал идею создания национального государства, где титульная нация становилась основным носителем патриотизма граждан. Национализм этнический отождествлялся с национализмом гражданским. Национализм становился базой нового режима. При этом национализм М. Кемалю и терминологически, и по содержанию отличался от национализма младотурок. Вместо младотурецкого «тюркчюлюк» («тюркизм») вводился термин «миллиетчилик». В содержательном плане кемалистский национализм уходил от расового национализма и пантюркизма. Вводилось европейское понимание идеи национального государства — как идеология нации в границах Турецкой Республики (а не тюркской этнической нации, как это было у пантюркистов). Кемалистский национализм отвергал исламистский и панисламистский дискурс, присущий младотуркам. Нация понималась М. Кемалем как совокупность всех граждан, а не только этнических тюрков, но на основе турецкого этнического самосознания. Нетурецкая часть населения должна была воспринять такой посыл, что приравнивалось к постепенной ассимиляции. Таким образом, критериями нации становились общее гражданство, общий язык, общая территория, общее происхождение, общая история и менталитет.

Принцип «народность» (тур. *Halkçılık*) воплощал отказ от сословных привилегий и классовой борьбы и был направлен против классового неравенства. Он оказался тесно связанным с кемалистским национализмом. Провозглашалось единство турецкого общества и межклассовая солидарность. Принцип «народности» также включал суверенитет (верховную власть) народа через Великое национальное собрание Турции как его представителя.

Принцип «лаицизм» (тур. *Laiklik*) утверждал светский характер государства и отделение его от ислама. Одним из первых шагов правительства М. Кемалю были отмена шариатского права и начало широкой секуляризации: запрет

на религиозное образование, подчинение всех школ министерству просвещения и другие меры.

Принцип «этатизм» (тур. *Devletçilik* от слова *Devlet* — государство) формулировал идею построения смешанной экономики при лидирующей роли государства. В условиях отсутствия предпринимательского класса из числа этнических турок это вело к усилению роли государства в экономике. При этом сохранялись возможности деятельности мелкого и среднего частного секторов.

Принцип «революционность» (тур. *İnkılapçılık*) закреплял курс на европеизацию и вестернизацию, а также на борьбу с пережитками традиционного общества, опору на прогресс и просвещение. Данный принцип предусматривал бескомпромиссную борьбу с противниками избранного курса. Наиболее показательными примерами политики вестернизации стали введение европейских норм гражданского и уголовного законодательства, перевод турецкого языка на латиницу, переход на европейский календарь и летоисчисление, а также, что особенно существенно, предоставление женщинам избирательного права.

В период управления страной М.К. Ататюрком (до 1938 г.) указанные принципы воплощались в жизнь более или менее последовательно. По крайней мере, какой-либо широкой критики данных принципов власть не дозволяла. Та часть общества, которая не желала жить по новым принципам (а это было, скорее, большинство), не могла что-либо противопоставить тому, что диктовал правящий режим. Особенное неприятие вызывал принцип лаицизма, так как большая часть населения была крайне религиозна. Но М. Кемаль бросил вызов исламу и на том историческом этапе одержал победу. В дальнейшем этот принцип часто использовали в политическом и судебном преследовании партий происламской ориентации.

Еще при жизни М.К. Ататюрка внутри самой кемалистской элиты началась полемика по поводу воплощения в жизнь принципа этатизма. Для многих думающих бюрократов и начавшей становиться на ноги национальной буржуазии осуществление на практике политики этатизма означало реализацию государственно-капиталистической модели развития и, соответственно, было сдерживающим фактором развития национального капитала. Сторонником политики этатизма был и премьер-министр Исмет Инёню, ставший после смерти М.К. Ататюрка президентом Турецкой Республики (1938–1950). Против принципа этатизма выступал Джалаль Баяр, которого М.К. Ататюрк сделал премьером в последний год своей жизни. После поражения Народно-республиканской партии на выборах 1950 г. он стал президентом Турецкой Республики. И в дальнейшем борьба вокруг принципа этатизма и «антиэтатизма» стала константой общественно-политических дебатов в Турции.

Серьезным вызовом турецкому национализму уже с 1920-х гг. стал курдский вопрос, который однозначно ассоциировался с сепаратизмом (другие этнические меньшинства столь явно свои права на некий особый статус не предъявляли). Жесткое подавление курдского национального движения на протяжении всего республиканского периода удерживало другие нацио-

нальные группы от каких-либо особых требований. Вооруженные выступления курдов подавлялись. Их требования предоставить равные права курдскому языку, культуре, ту или иную форму автономии оставались без внимания.

Принцип «республиканизма», который предполагал демократическую смену власти, лично М. Кемалем не отвергался. Он понимал, что демократическая смена правления, наличие оппозиции — благо для общества. Не случайно он предпринял две попытки создать оппозиционные правящей Народно-республиканской партии организации, которые стали бы конструктивными оппонентами действующей власти. Однако политическая конкретика эпохи была такова, что все недовольные политикой европеизации и вестернизации стали консолидироваться вокруг любой другой легальной оппозиции. Реальной оказалась перспектива потери власти и отказ от объективно необходимых, но непопулярных в обществе реформ. Поэтому от «демократического эксперимента» М. Кемаль отказался. Будучи убежденным «вестернизатором», он утверждал, что Турция должна воспринять стандарты западной политической демократии, в том числе и многопартийную систему⁴. Однако объективно необходимые стране преобразования он решил реализовывать авторитарными методами.

После смерти М.К. Ататюрка реформы в направлении вестернизации не прекратились. Однако их темпы заметно снизились. На рубеже 1930–1940-х гг. в мире сложилась новая геополитическая обстановка. Изменилась и ситуация внутри страны. Факторы внутреннего развития и внешнее воздействие усилили раскол в политической элите и турецком социуме. И кемалисты-вестернизаторы, и их оппоненты активизировали борьбу за внедрение своих идей в те сферы общества, которые могли повлиять на ход политической борьбы.

В 1940–1970-х гг. кемализм не был главной и единственной политической доктриной страны. Скорее, это был период идеологического плюрализма. Кроме коммунистических и исламистских организаций возникли партии самого разного толка. При этом кемалистская по духу Народно-республиканская партия конкурировала с либерально-консервативными партиями, идеология которых включала нередко и исламско-традиционалистский компонент. После военного переворота 1960 г., прекратившего опыт первой турецкой либерализации, реализованный Демократической партией Дж. Байяра — Ад. Мендереса, НРП сделала социал-демократический крен. Однако это не сделало ее самой влиятельной политической силой. Более того, на политико-идеологической авансцене страны появились новые «идеологические игроки» в лице крайних националистов — Партия националистического движения, созданная Альпарсланом Тюркешем, и исламистов, идейным лидером которых стал Неджметин Эрбакан. Вкупе с наследницей Демократической партии — Партией справедливости Сулеймана Демиреля они создали политико-идеологический барьер против социал-демократической программы НРП образца 1960–1970-х гг.

Как справедливо было отмечено многими исследователями, Конституция 1961 г., предоставившая колоссальные права турецким гражданам и поли-

тическим организациям, стала своего рода демократическим «изыском», который люди не смогли «переварить». Это позволило разнонаправленным политическим силам «раскачивать» страну и общество. Накал общественно-политической борьбы между группами разной идеологической ориентации не остановило «мягкое» вмешательство армии в политический процесс в 1971 г. Политическая борьба идеологических противников особенно обострилась во второй половине 1970-х гг. Это не могло завершиться иначе, чем новым вмешательством армии, воспитанной на кемалистском наследии⁵.

12 сентября 1980 г. в Турецкой Республике произошел военный переворот. Он был вызван крайней дестабилизацией общественно-политической обстановки в стране. В течение трех лет в Турции у власти был военный режим. Военная администрация и Временное правительство не только навели элементарный порядок в стране, но и создали новые «правила игры» для общества и субъектов политики. Фактически была создана новая политическая система, новая «Третья Республика». Такую дефиницию исследователи применяют по аналогии с французской историей, где выделялись «Первая империя», «Вторая империя», «Первая — Пятая Республика». В основе такой историко-политологической классификации заложены конституционно-правовые основы политического режима.

Конституция Турецкой Республики, принятая на референдуме в 1982 г., решала прежде всего задачу недопущения в будущем кризисов подобно тем, которые произошли в 1960, 1971 и 1980 гг. Помимо выстраивания взаимодействий всех ветвей власти, полномочий различных органов и других важнейших вопросов, встал вопрос создания идеологического фундамента, на котором могла стоять вновь воссоздаваемая «демократическая система». В сложившихся условиях весьма востребованной оказалась идеология кемализма. Идеологический концепт кемализма предложили стране профессиональные военные и поддерживавшая их гражданская бюрократия, разработавшие проект новой конституции.

В различных частях конституции, которая, несмотря на многочисленные поправки, является действующей и сегодня, кемалистские по духу и терминологии определения остаются важными. В преамбуле говорится о «...законных представителях турецкой нации», о «...целостности вечной турецкой родины и нации и существовании свято чтимого турецкого государства»⁶. О перевороте военных говорится как о «...движении 12 сентября 1980 года, осуществленного по зову нации турецкими вооруженными силами, неотъемлемой частицей турецкой нации»⁷. О конституции говорится, что она «...вверяется турецкой нацией ее сынам, преданным демократии и преисполненным любви к Родине и нации...»⁸. Отдельным абзацем выделяется соответствие буквы и духа конституции «...с провозглашенными основателем Турецкой Республики, бессмертным вождем и несравненным национальным героем Ататюрком националистической идеологией, его революциями и принципами»⁹. В конституции провозглашается «...абсолютное верховенство национальной воли и безусловная принадлежность суверенитета турецкой нации...»¹⁰. Преамбула отдельным абзацем дает ряд императивных норм идеологического порядка:

«...никакие взгляды и соображения не могут противопоставляться турецким национальным интересам, принципу существования туток в неразрывном единстве со своим государством и страной, турецким историческим и духовным ценностям, национализму, принципам, революционным преобразованиям Ататюрка и его пониманию современной цивилизации, а священные религиозные чувства, как того требует национализм, никоим образом не должны влиять на государственные дела и политику»¹¹.

В части первой конституции «Общие принципы» в определении сущности создаваемой республики в статье 2 зафиксировано, что «Турецкая Республика является демократическим, светским и социально-правовым государством, в котором в условиях общественного спокойствия, национальной солидарности и правосознания уважаются права человека и которое привержено национализму Ататюрка...»¹². В статье 3 давалась однозначная трактовка целостности государства: «Турецкое государство, страна и нация — единое неделимое»¹³.

Существенной составляющей закрепления кемализма как государственной идеологии стала часть пятая конституции — «Защита революционных законов». В статье 174 подтверждалось, что ни одна из норм конституции не может противоречить или истолковываться в противовес восьми «революционным законам», принятым в период власти М.К. Ататюрка: 1) Закон об унификации системы образования 1924 г.; 2) Закон о головных уборах 1925 г.; 3) Закон о запрещении дервишских орденов и обителей 1925 г.; 4) Закон об актах гражданского состояния 1926 г.; 5) Закон о принятии международной системы мер 1928 г.; 6) Закон о принятии и применении турецкого алфавита 1928 г.; 7) Закон об упразднении обращений и титулов 1934 г.; 8) Закон о недопустимости ношения некоторых видов одежды 1934 г.¹⁴.

Однако В. И. Данилов отмечал: «Вернуть национализму прежний объединяющий характер не удалось. После восстановления в 80-е годы многопартийной системы, ликвидированной генералами после военного переворота, сохранилась примерно та же ситуация, что и в 60-е — 70-е годы. Турецкие социал-демократы и правоцентристы зафиксировали в своих программах обязательный для всех партий принцип национализма, интерпретируя его, естественно, в кемалистско-лаицистском понимании»¹⁵.

Оценивая в общем феномен кемализма, можно констатировать, что он возник в специфических условиях ситуации, сложившейся после Первой мировой войны. На первом этапе своего развития кемализм стал разновидностью национально-освободительной идеологии, мобилизовавшей достаточно широкие массы населения Анатолийского полуострова на борьбу с интервентами. Дальнейшая эволюция кемализма сводилась к идее построения национального государства и единой турецкой нации на основе абсорбирования ценностей европейской цивилизации.

Что дала стране идеология кемализма? Во-первых, она дала возможность мобилизовать достаточно широкие массы населения Анатолийского полуострова на борьбу с интервентами. Во-вторых, на ее основе было создано национальное государство турецкого народа и возникла новая идентичность

не на базе верности османской династии, а на признании турок государствообразующей нацией. В-третьих, на базе кемалистских принципов в стране была осуществлена самая успешная в сравнении с другими странами Востока (Иран, Афганистан, гоминьдановский Китай и др.) модернизация, поставившая страну на путь современного развития. В-четвертых, внешнеполитические принципы кемализма позволили Турции избежать участия в войнах (в том числе во Второй мировой войне).

После Второй мировой войны принципы кемалистской идеологии, оставаясь формально неизменными, подверглись воздействию иных взглядов и идеологических систем.

Особенно востребованной оказалась идеология кемализма при формировании «Третьей Республики» после военного переворота 12 сентября 1980 г. Какую идеологическую платформу могли предложить стране профессиональные военные и поддержавшая их гражданская бюрократия? Только кемализм. Несколько видоизмененный, адаптированный к новым условиям, но сохранивший основные постулаты, рожденные кемалистской революцией.

Конституция Турецкой Республики, принятая на всенародном референдуме 1982 г., которая с большими поправками продолжает действовать и поныне, по своей идеологической направленности стала именно кемалистской. Еще раз подчеркнем, что в преамбуле конституции, в которой изложены основные идеологические постулаты, особенно выделены такие понятия, как «турецкая нация», «вечная турецкая родина», «любовь к родине и нации», «абсолютное верховенство национальной воли». Мустафа Кемаль Ататюрк объявлялся «...основателем Турецкой Республики, бессмертным вождем и несравненным национальным героем». В пятой части конституции объявлялись неприкосновенными 8 «революционных законов», принятых в период с 1924 по 1934 г., «...направленных на достижение турецким обществом уровня современной цивилизации и отстаивание светского характера Турецкой Республики».

Среди современных оценок кемализма встречается некая расширительная трактовка идейного наследия Мустафы Кемаля Ататюрка. Кемализм рассматривается как определенная универсальная, интернациональная модель для развивающихся стран. Кемализм иногда трактуется не только как идеологическая система, но и как путь развития Турции в период ее преобразования из отсталой полукOLONиальной страны с громадными пережитками феодализма в национально-буржуазное государство. Столетие М.К. Ататюрка в 1981 г. было отмечено рядом мероприятий, хотя это было при военном правлении. Участники симпозиума в Стамбульском университете (май 1981 г.) пришли к выводу, что «кемалистская» модель экономического развития — это один из примеров борьбы страны «третьего мира» не только за политическую, но и экономическую независимость. Отмечалось, что Мустафа Кемаль Ататюрк, действуя в рамках сложившихся в Турции социально-классовых реалий, исходя из объективных потребностей независимого национального развития, стремился преодолеть традиционную отсталость своей родины и на базе раз-

вития производительных сил обеспечить ей экономическую самостоятельность.

Исследователи Эмель Акчали и Мехмет Перинчек полагают, что на протяжении последнего десятилетия в Турции намечается конвергенция кемалистской и евразийской идеологий. Большое количество интеллектуалов, как кемалистов, так и социалистов, а также влиятельные турецкие военные используют евразийский геополитический дискурс как доктрину, способную стать альтернативой односторонней прозападной ориентации страны. Мнение довольно спорное. Широкого обоснования представленной позиции они не дали. Вызывает вопросы и количество приверженцев подобного идеологического синтеза.

Как и любая идеологическая доктрина, кемализм подвергался критике на протяжении всего периода существования Турецкой Республики. И это абсолютно нормально. И сегодня кемализм имеет как ярых сторонников, так и противников. Учитывая склонность нынешнего президента Турции Р.Т. Эрдогана к авторитарным решениям, некоторые считают возможным называть это «неокемализм», хотя «исламистское» прошлое нынешнего президента должно было бы опровергать все грани кемализма. Можно говорить о некой «конвергенции» «умеренного исламизма» с теорией и практикой кемализма.

Нынешний этап развития Турецкой Республики диктует необходимость нового «прочтения» идейного багажа кемализма на предмет его актуальности и востребованности.

Примечания

- 1 Йылмаз М. Модель модернизации Ататюрка. Анкара, 2001. С. 24.
- 2 Ушаков А. Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М., 2002. С. 38.
- 3 Данилов В. И. Метаморфозы турецкого национализма // Ближний Восток и современность. Выпуск 9. М., 2000. С. 20.
- 4 Atatürk'ün söylev ve demeçleri. С. III. С. 109.
- 5 Данилов В. И. Турция 80-х: от военного режима до «ограниченной демократии». М., 1991.
- 6 Конституция Турецкой Республики // Турецкая Республика: Справочник. М., 1990. С. 294.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 295.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 361–362.
- 14 Там же.
- 15 Данилов В. И. Метаморфозы турецкого национализма. С. 34.

И.Р. Гибадуллин*
(Казань)

МОРТАЗА МОТАХХАРИ И ИДЕОЛОГИЯ ИРАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Резюме. В статье рассматривается понимание национальной идентичности иранцев в работах и выступлениях одного из главных идеологов Исламской революции 1978–1979 гг. в Иране — аятоллы Мортазы Мотаххари (1920–1979). Он дает обстоятельную критику господствующих концепций иранского национализма, в качестве альтернативы предлагает единую и интернациональную «исламскую» или «тоухидную идеологию». Тем не менее М. Мотаххари считал необходимым апеллировать к позитивным проявлениям национальных чувств иранцев. М. Мотаххари по-новому определил критерии национального, не ограничивая его автохтонными элементами национальной культуры, а включая в сферу национального все заимствования и влияния, которые оказывали положительное воздействие на народ с точки зрения его «социальной эволюции». В свете этой теории М. Мотаххари подчеркивал центральную роль ислама в формировании иранской идентичности, и национальное становилось для него формой выражения идеалов исламского движения.

Ключевые слова: национализм, исламская идеология, Мортаза Мотаххари, Иран, Исламская революция.

Summary. The article deals with the conception of national identity presented by Iranian religious and political thinker Ayatollah Mortaza Motahhari (1920–1979) in his written works and sermons. He precisely criticized the mainstream interpretations of Iranian nationalism and proposed an international and universal Islamic ideology or Towhid ideology as an alternative for the regime's official nationalistic propaganda. Though he admitted that it was proper to take advantage of some aspects of Iranian national sentiments. He reinterpreted a nationality as a phenomenon which is not restricted only by indigenous cultural elements, but included the whole range of external adoptions and influences which affected peoples positively according to their social evolution. Thereby he demonstrated the role of Islamic religion at the process of national identity's shaping in Iran.

Tags: Keywords: nationalism, Islamic ideology, Mortaza Motahhari, Iran, Islamic revolution.

Одним из важнейших вопросов, определявших направленность общественных дискуссий в Иране, всегда было понимание роли национальной идентичности иранцев. По мере дальнейшей модернизации Ирана в

* Гибадуллин Исмагил Рустамович (Казань), кандидат исторических наук, заместитель по научной работе директора Казанского института евразийских и международных исследований (КИЕМИ).

1960–1970-е гг., сколь поверхностной и непоследовательной она ни была, этот вопрос приобретал все большую актуальность, и особенно остро стояла проблема соотношения национальной и религиозной составляющих иранской идентичности.

Исламская цивилизационная и персидская этнокультурная доминанты иранского сознания на протяжении длительной истории Ирана гармонично сочетались друг с другом (при безусловном доминировании первой), порождая своеобразный феномен ирано-исламской цивилизации¹. Однако изначально в них был заложен некий конфликтный потенциал, который периодически проявлял себя в разные периоды иранской истории, поскольку этнокультурная составляющая несла в себе память о подавленной цивилизационной идентичности иранцев, связанной с зороастризмом и имперским наследием Ахеменидов и Сасанидов. В XX в. этот конфликтный потенциал проявил себя с особой силой, когда за основу государственной идеологии были взяты идеи национализма, черпавшего вдохновение в доисламском прошлом Ирана.

Безусловно, национализм в Иране был новой политико-идеологической силой, не закрепленной сколько-либо длительной и успешной практикой становления нации и мало укорененной в сознании разных слоев населения. Он возник на рубеже XIX–XX вв. в процессе формирования в Иране слоя европейски образованной интеллигенции, которая стремилась ознакомиться со всем спектром общественно-политических идей Запада. В это время Запад переживал период становления современных буржуазных наций, оформившихся в идее и практике строительства нации-государства. Национализм стал антифеодальной и часто антиклерикальной идеологией буржуазии и среднего класса, стремившихся к созданию национальных государств современного типа.

Разумеется, Иран в начале XX в. находился в совершенно иных социально-политических условиях, и национализм не мог быть идеологией большинства. Поэтому вначале он проявляет себя в творчестве отдельных иранских интеллектуалов, знакомых с общественной мыслью Запада (Мирза Фатали Ахундов, Ахмад Касрави и т. д.). В период Конституционной революции 1905–1911 гг. в общественно-политический лексикон иранцев оформляется и входит само понятие нации (*мелмат*), что происходит не без влияния панисламистских и пантюркистских идей мусульман Российской империи². Таким образом, Конституционная революция привела к рождению идеи иранской нации, хотя последняя на тот момент являлась чистым интеллектуальным конструктом.

Оформление и расцвет иранского национализма происходит в период правления династии Пехлеви (1925–1979), насаждавшей его сверху в качестве официальной идеологии. Начиная с Реза-шаха Пехлеви (1925–1941) иранский национализм впервые обращается к традициям иранской монархии и зороастрийской символике. Главным советчиком шаха в этих вопросах был некий парс из Британской Индии по имени Ардаширджи, который был командирован в Иран английской разведкой и в 1893–1933 гг. фактически

возглавлял зороастрийскую общину Ирана. Будучи выпускником Кембриджа, в котором он прослушал курс истории древнего Ирана, Ардаширджи был большим знатоком и почитателем иранской древности и видел национальное возрождение Ирана в обращении к зороастрийским идеям и символам. Каким-то образом он сумел внушить свои идеи Реза-шаху, так что тот взял фамилию Пехлеви, и все дальнейшее развитие Ирана прошло под знаком возрождения древнеиранского культурного наследия³.

В 1971 г. главным событием стало торжественное празднование 2500-летия иранской монархии, которое вызвало недовольство самых широких слоев населения. Это событие было призвано продемонстрировать историческую преемственность монархического правления в Иране, возродить в памяти народа перспективу древней и средневековой истории Ирана, освященной сакральным духом шахиншахской власти, которая мыслилась идеологами правящей династии Пехлеви как неразрывно связанная с иранской национальной идентичностью. В официальной концепции иранского национализма монархическая власть служила стержнем и интеграционной основой иранской нации.

Шахский национализм, кроме всего прочего, имел ярко выраженную секулярную и антирелигиозную направленность, а квазирелигиозная символика зороастрийского прошлого Ирана была призвана маскировать откровенно прозападную ориентацию режима, которая проявлялась в политике вестернизации. Главным врагом шахского режима в ходе реализации его националистических идеалов стало шиитское духовенство, правомерно отставившее ведущий характер исламской идентичности.

Тем не менее национализм в официальной шахской редакции был оторван от широких слоев населения и имел непосредственное влияние в первую очередь на правящие круги и связанный с властью формирующийся средний класс, все еще остававшийся узкой прослойкой.

Отдельные представители интеллигенции, такие как Ахмад Касрави (1890–1946), взгляды которых сформировались на стыке исламской культуры с ее глубокой традицией учености и современной западной культуры, восприняли националистические идеи именно в этой антиисламской форме и развили их в своих трудах. Именно А. Касрави впервые заговорил об отрицательной роли ислама и таких ключевых для иранской культуры феноменов, как суфизм и шиизм, в истории иранского народа. После многочисленных обвинений в клевете на ислам он был убит 11 марта 1946 г. активистами группировки «Федаян-е Ислам»⁴.

Существовал и другой тренд в развитии идеологии иранского национализма, который получил свое оформление в 1940–1950-е гг. и был связан с оживлением общественно-политической жизни в этот период. На время отсутствия прочной монархической власти в 1941–1953 гг. возник своеобразный идеологический вакуум, который стал стремительно заполняться либеральными, националистическими, социалистическими и коммунистическими идеями. В этот же период происходит становление исламского движения, вызревание новых религиоз-

но-политических идей и концепций. Исламская мысль в это время формировалась в условиях идейного плюрализма, столкновения различных позиций и взглядов.

Необходимо упомянуть, что в 1940-е гг. Иран переживал в определенной степени национальное унижение, связанное с советско-американской оккупацией, что подстегивало рост националистических настроений. Именно в этот период возникла идеология иранского национализма, автономная по отношению к монархической власти, обращенная к широким слоям населения и сосредоточившаяся на задачах антиимпериалистической борьбы. Этот вариант иранского национализма зародился в условиях взаимодействия различных идейных течений западного происхождения, совмещая в себе либеральные и социалистические элементы, что впоследствии привело к его внутреннему размыванию и размежеванию в лагере националистических сил. Основным трендом все же было национально-освободительное направление, связанное с деятельностью сторонников премьер-министра Мохаммада Мосаддека. Примечательно, что в рамках этой либерально-националистической идеологии стал налаживаться диалог с шиитским духовенством и была найдена более широкая социальная база в лице традиционных городских слоев базари.

Конфликтный потенциал исламской и персидской этнокультурной составляющих иранского самосознания вновь дал себя проявить. Национализм, зародившийся в европейском контексте, настаивал на первостепенной роли национального (в его секулярной трактовке), по отношению к которому религиозное сознание понималось как некое препятствие. Иранский национализм изначально содержал в себе этот внутренний порок, раздваивавший иранскую идентичность и усиливавший конфликт между исламской и этнокультурной компонентами.

Поэтому первая попытка диалога с духовенством в конечном счете была провалена правительством М. Мосаддека, и после падения правительства и государственного переворота в 1953 г. эта демократическая линия иранского национализма вступила в период длительного кризиса, продолжавшегося до конца 1970-х гг. На протяжении всего этого времени происходило сближение демократической линии иранского национализма и исламского движения, возглавляемого имамом Хомейни, что проявляло себя на уровне дискурсов, но не переходило в открытый диалог. На пороге Исламской революции 1978–1979 гг. этому диалогу было суждено возобновиться, что в какой-то момент помогло объединению и координации антишахского движения, однако, как было отмечено выше, национализм, будучи светской в своей основе доктриной, не мог не попасть в оппозицию пришедшему к власти исламскому режиму.

Таким образом, мы выделили два основных тренда иранского национализма, каждый из которых носил в своей основе светский характер, однако по-разному подходил к исламской традиции. Шахский национализм носил откровенно романтический характер, так как искал образцы в далеком и забытом прошлом иранской нации, отводил слишком значительную роль пра-

вящей династии и институту монархии в целом, фактически поставил задачу сформировать нацию на основе чуждых ей призрачных символов, направить ее против собственного многовекового наследия. Он был слишком архаичен и наивно мифологичен в своих внешних проявлениях, при этом ставил радикальные и далеко идущие задачи модернизации страны по западному типу. Демократический национализм, представленный Движением за свободу Ирана (М. Базарган) был более прагматичен, исходил из современного западного понимания нации, свободного от сакральной символики, поэтому ставил перед собой более реальные задачи, направленные на противостояние политике западных держав. Помимо этого, он стремился найти опору в национальных чувствах традиционных городских слоев, поэтому не был чужд исламской риторике и традиционной ирано-исламской культуры. Однако этот тренд иранского национализма во многом оставался своеобразной интеллектуальной инъекцией Запада в теле иранского общества, отражавшей матрицу западного культурно-цивилизационного типа.

Указанные недостатки обоих вариантов иранского национализма, и в первую очередь изначально присущий ему внутренний порок (вызывавший активизацию конфликтного потенциала двух компонент иранской идентичности), привели к тому, что представители шиитского духовенства фактически стали выдвигать собственный «националистический» проект, который в большей степени отвечал настроениям и чаяниям народных масс, а главное, сумел нейтрализовать присущие иранскому национализму антирелигиозное содержание и ориентацию на западную модель нации. Представитель духовенства М. Мотаххари поддерживал демократическое крыло иранских националистов, принимая участие в их политической деятельности, и сыграл ключевую роль в этом проекте.

Мотаххари рассматривает проблему национальной идентичности иранцев и дает обстоятельную критику господствующих концепций иранского национализма в обширном труде «Взаимные услуги ислама и Ирана» («Хедадат-е мотагабеле Иран ва Эслам») ⁵, вышедшем в 1970 г. Первая глава составлена на основе материалов публичных лекций, произнесенных Мотаххари в апреле 1968 г., а вторая и третья главы — на основе материалов лекций, прочитанных в мае того же года.

«За весь период моей жизни в Тегеране, — пишет М. Мотаххари, — я не видел, чтобы какие-либо из моих лекций были встречены с таким интересом, как эти... Люди приезжали слушать эти лекции из различных городов и провинций страны, записывали на кассеты. Наибольшее внимание к лекциям проявили студенческие круги. Этот благосклонный прием и интерес не были обусловлены какой-либо особой исключительностью самих выступлений, но скорее интересом, который иранцы, естественно, проявляют к общим для ислама и Ирана вопросам» ⁶.

В статье «Западный национализм и понятие национальности в исламе» («Насийонализм-е гарбивамеллият дар эслам») ⁷ он в очередной раз обращается к проблеме национализма, выявляет западные истоки национализ-

ма как политической и социальной идеологии и постулирует принцип исламского интернационализма.

В качестве причины своего обращения к теме национализма Мотаххари указывает широкое распространение националистических идеологий в мусульманском мире, что приводит к конфликтам и столкновениям между народами и государствами. По мнению Мотаххари, приверженность национальным ценностям в современном мире стала источником многих проблем.

Он однозначно говорит о том, что идеология национализма противоречит мусульманскому вероучению и стремится разрушить единство мусульман⁸. По его мнению, в рамках ислама не может быть места национальным общностям⁹. Мотаххари также соглашается с высказыванием индийского мусульманского мыслителя Мухаммада Икбала о том, что «национализм является формой дикости»¹⁰.

Тем не менее он считает неправомерным оставаться в стороне от решения этой проблемы, так как процесс формирования официальной националистической идеологии в Иране разворачивался под лозунгами противостояния исламу и борьбы с исламской идентичностью иранского народа.

Следует сказать, что Мотаххари не стремится ограничиться рассмотрением ситуации только лишь в Иране. В его трудах национализм предстает в качестве общеисламской проблемы, которая в той или иной степени проявляет себя во всех странах мусульманского мира. Соответственно, альтернативу этим идеологиям он предлагает в единой и интернациональной «исламской» или «тоухидной идеологии».

Для понимания истоков национализма и национальных чувств в иранской среде Мотаххари обращается к истории. Он рассматривает этимологию слова «нация» в персидском языке, историю словоупотребления этого термина, тем самым фактически совершая деконструкцию данного понятия в контексте персидской интеллектуальной традиции. Следуя привычной для него логике, он обращает особое внимание на кораническое происхождение термина, смысловые коннотации которого и потенциально наличествующие в нем смысловые оттенки можно разгадать, опираясь на сведения коранической экзегезы (*тафсира*), арабской грамматики и лексикографии, входящих в традиционный комплекс исламских богословских наук.

В персидском языке слово «нация» обозначается словом «меллат» (араб. *мила*), которое упоминается 15 раз в различных аятах Корана. В Коране это слово употребляется в значении «правильный путь, продиктованный Аллахом», что делает его почти что синонимичным самому слову «религия» (*дин*), с той лишь разницей, что слово «мила» имело привязку к пророческой миссии какого-то конкретного божественного пророка (например, миллет Авраама, миллет Мухаммада)¹¹, а соответственно, к некому народу или общности людей, к которым направлялся этот пророк¹².

В значении «нация» термин «меллат» стал употребляться в начале XX в., на пороге Конституционной революции 1905–1911 гг., и с тех пор закрепился в персидском литературном языке в данном значении. М. Мотаххари подчеркивал неестественный и надуманный характер этого термина, так как в со-

временном ему арабском языке национальная общность обозначалась более привычными кораническими терминами «шу'уб» (народ) и «каум» (люди, этническая общность).

М. Мотаххари принимал национальные чувства (симпатии и антипатии) как естественное проявление национального самосознания любого народа. Он проводил характерную антропоморфическую аналогию между социальным коллективом и человеком, развитие которых подчиняется единой логике. В свете этой аналогии национализм имеет чисто эмоциональную природу и являет собой подобие человеческого эгоизма, т. е. гипертрофированное проявление естественного человеческого чувства самости¹³.

Несмотря на столь отрицательное восприятие национализма и крайних проявлений патриотизма, выявляя ограниченность национализма и национальных чувств в целом, М. Мотаххари признавал, что национальные чувства имеют положительный аспект, если направлены на служение соотечественникам и если «они не проявляются в отрицательной форме, не приводят к дискриминации, к пренебрежению добром и злом и предвзятости»¹⁴.

М. Мотаххари считал необходимым апеллировать к позитивным проявлениям национальных чувств и вступать в спор с националистами, опираясь на присущую им же логику национальных чувств, чтобы ответить на главный вопрос: «Является ли ислам частью иранского национального самосознания?».

Суть его подхода состояла в том, чтобы создать альтернативу существовавшим тогда концепциям иранского национализма, которая бы носила исламский характер и не противоречила идее исламского единства. Здесь в очередной раз проявился синтетический характер интеллектуальных построений М. Мотаххари, стремившегося отразить в своем дискурсе все основные явления современности, что во многом требовало усвоения и адаптации самых разных современных понятий и концепций. В диалектике противостояния западной в своей основе идеологии национализма и исламского традиционализма сформировался новый подход, который получил выражение в идеях М. Мотаххари. Тот отклик, который его лекции нашли в широких кругах иранской интеллигенции и студенчества, говорит о том, что этот подход во многом импонировал прогрессивно мыслящим слоям иранского общества.

В книге «Взаимные услуги ислама и Ирана» М. Мотаххари выделяет три ключевых вопроса, посвящая каждому из них отдельную главу: 1. Ислам и проблема национальности; 2. Услуги, оказанные исламом Ирану; 3. Услуги, оказанные Ираном исламу.

В книге М. Мотаххари вскрыл внутреннюю противоречивость и непоследовательность официальной националистической идеологии правящей династии Пехлеви, на фоне которой он сумел продемонстрировать ключевую роль исламской религии для формирования национального самосознания иранцев.

В противовес «почвеннической» концепции светского национализма М. Мотаххари по-новому определил критерии национального, не ограничивая его автохтонными элементами национальной культуры, а включая в сфе-

ру национального все заимствования и влияния, которые оказывают положительное воздействие на народ с точки зрения его «социальной эволюции».

В официальной версии иранского национализма ислам как религия, пришедшая из-за пределов Ирана, выносился за рамки иранского национального достояния и трактовался как чуждый элемент. М. Мотаххари придерживался точки зрения, что ислам изначально вненационален и представляет собой реальность более высокого порядка, однако, будучи добровольным историческим выбором иранского народа, он становится «сугубо национальным явлением»¹⁵.

Большая часть книги посвящена обоснованию добровольности и судьбоносной роли исламского выбора иранцев на примере обширных сведений из иранской истории. Таким образом, в концепции М. Мотаххари именно ислам, а не монархия, зороастризм или абстрактная идея иранской цивилизации, выступает в роли стержневого элемента иранской национальной идентичности.

М. Мотаххари критически высказывался о попытках реанимации зороастризма, предпринятой иранским историком и филологом Эбрахимом Пурдавудом (1885–1968), ведущим представителем официальной шахской историографии и основателем иранистики, и некоторыми другими представителями этой школы (М. Моин).

Э. Пурдавуд исходил из романтической концепции национализма, опирающейся на понятие «духа народа», и считал главными факторами, влияющими на этот «дух», климат, расу и язык. Это давало ему основание утверждать, что «раса, язык и мысль иранцев есть продолжение жизни, языка и мысли их предков», соответственно зороастризм в наибольшей степени отвечает национальному духу иранцев. Стремясь оправдать свой тезис, Э. Пурдавуд постоянно искал в иранской истории проявления этого «духа», примеры его сопротивления господствующей мусульманской культуре (особенно в персидской поэзии)¹⁶.

М. Мотаххари представлял нацию как эволюционирующую общность, пребывающую в постоянном движении. Поэтому он отрицал наличие неких постоянных и неизменных основ, имманентных нации и формирующих ее «дух». Он признавал наличие у иранцев определенных «природных талантов», но в то же самое время откровенно заявлял, что в иранской истории было и немало «суеверия и глупости». В своих лекциях М. Мотаххари стремился показать исторически присущую иранцам «природную нравственность» и то пагубное воздействие, которое оказывала на нее зороастрийская религия.

Согласно М. Мотаххари, зороастризм потерпел историческое поражение от ислама, так как не способствовал развитию «природных талантов», установлению социальной справедливости, духовного и социального единства иранского народа. Поэтому иранский народ, познакомившись с исламом, со временем сделал свой выбор в его пользу. Именно ислам помог иранцам преодолеть разобщенность и «дал Ирану единство убеждений... Они (иранцы. — И. Г.) обрели общее мышление, общую мечту, общий идеал, между ними возникло чувство братства. Это было единство, которое, хотя и созда-

валось постепенно, в течение четырех веков, но в конечном счете восторжествовало, и в настоящее время около 98 процентов населения страны живет с ощущением этого единства в сердце»¹⁷.

По мнению М. Мотаххари, ислам произвел в Иране настоящую социальную революцию, устранил сословную структуру общества и представление о божественном происхождении власти. «Благодаря исламу иранец познал самого себя и продемонстрировал свои познания человечеству»¹⁸. Все эти тезисы М. Мотаххари убедительно обосновывает, опираясь на сравнительный анализ культурных достижений доисламского и исламского Ирана, на богатый исторический материал.

Ислам, который «был для Ирана подобно пище для голодающего»¹⁹, придал ему новые жизненные силы и позволил проявиться «природным талантам» иранского народа во всей полноте. В свою очередь, иранская нация, как показывает М. Мотаххари, использовала эти таланты на пути распространения ислама и развития исламских наук. Так что вклад иранцев (персов) в исламскую цивилизацию, по его мнению, не сравнится с вкладом никакого другого мусульманского народа²⁰. Именно этот феномен получил название «взаимных услуг ислама и Ирана», в котором обе составляющие предстают как почти равновеликие и равнозначные величины, хотя ислам, безусловно, стоит для М. Мотаххари на первом месте.

Таким образом, ислам в концепции М. Мотаххари не вытесняет историческую и цивилизационную субъектность иранской нации, ее способность к масштабному созиданию и творчеству, а выступает в роли стержневого элемента этой субъектности. Фактически, Иран обретает эту субъектность в исламе, точнее, в исламской цивилизации, которая в свете вышесказанного проявляет себя как ирано-исламская цивилизация. Эта идея в сочетании с переживаемым иранцами ощущением своей шиитской исключительности в окружении суннитского большинства давала пищу для формирования мессианской идеи, которая заявила о себе во время Исламской революции и особенно в последовавшие за ней годы ирано-иракской войны.

Как было отмечено, М. Мотаххари, апеллируя к национальному самосознанию и национальным чувствам иранцев, показал центральную роль исламской религии в формировании иранской идентичности. Ислам и национальность (учитывая коранический смысл слова «миллат») в истории Ирана оказались почти тождественны друг другу. Признание этого тождества на примере Ирана стало основанием для развития концепции исламского национализма, который был естественным продолжением того понимания нации, которого придерживался М. Мотаххари.

В статье «Западный национализм и понятие национальности в исламе»²¹ М. Мотаххари анализирует понятия национальности (*мелият*) и национализма в уже более широком контексте и приходит к выводу, что категория нации имеет духовные основания, в большей степени относится к общности мусульман как таковой, а не к отдельным этническим группам и государственным образованиям мусульман.

В этой статье он обращается к проблеме распространения национализма в современном мире, разделения некогда единых в культурно-цивилиза-

ционном плане пространств на различные и зачастую противостоящие друг другу политические единицы.

Статья начинается с попытки автора понять истоки и внутреннюю природу западного национализма, выдвигаемых им критериев национальности. М. Мотахари показывает хорошее знание истории националистических идей, начиная от Великой французской революции и Фихте вплоть до фашизма и нацизма XX в.

Европейское понимание нации как нации-государства опирается на фактор государственности и политического суверенитета, который является исходным условием или искомым идеалом любого националистического движения. Кроме того, существование нации, согласно самим националистическим идеологиям, опирается на ряд объективных условий существования национальной общности, создающей политическую единицу. Как правило, это территория, расово-антропологический тип, язык, традиции и культура, общее историческое наследие и т. д.²².

Как уже было сказано, М. Мотахари придерживался в корне иного понимания нации и отрицал фундаментальную роль этих факторов, которые он признавал в качестве внешних форм, носящих случайный характер. Он говорил: «...необходимо провести исследование, чтобы выяснить более фундаментальные факторы, действующие на более глубоком уровне... которые устанавливают, определяют и ограничивают друг от друга различные национальные единицы... которые и являются определяющими для коллективного сознания или, по крайней мере, ближе к ним, чем все вышеперечисленные факторы. Всегда имеется более основополагающий и скрытый фактор, живой и действующий в сознании людей, который проявляет себя в жизненном потоке внешних форм»²³.

Все эти факторы, внешне отличающие одну нацию от другой, М. Мотахари, следуя логике антропоморфной аналогии, сравнивал с телом, в то время как дух, по его мнению, ускользал от внимания теоретиков и идеологов западного национализма.

Он придавал ключевой характер понятию «коллективного сознания», связывающего воедино членов нации, создающего у них общие устремления и идеалы. Основным фактором, формирующим коллективное сознание М. Мотахари считал «общие трудности», которые являются результатом какого-либо угнетения или притеснения людей и через осознание которых люди обретают новую идентичность. «В определенной группе людей, когда ими завладевает чувство общей беды, а также общее устремление, возникает общее коллективное сознание, общее чувство национальности или национализм»²⁴. «Именно в трудные времена, — подчеркивает М. Мотахари, — в условиях лишений, отрицания самого человеческого достоинства и бесчеловечного обращения, в условиях усилий и борьбы на пути освобождения от этих обстоятельств человеку открывается его истинная природа... он открывает свою истинную самость и осознает значение истинных человеческих ценностей и благ... в глубинах его бытия пробуждается жажда истины и справедливости»²⁵.

М. Мотахари говорит об ограниченности фашизма, нацизма и сионизма как идеологий, направленных на подавление других наций. Национализм в

этом крайнем своем проявлении представляет собой аналог человеческого эгоизма, победу телесного начала над духовным.

Таким образом, подлинно национальным может быть только то, что соответствует критериям «истины, справедливости и свободы», конечным проявлением которых является ислам. Национальностью может считаться только общность людей, объединенных приверженностью этим сакральным ценностям.

В дальнейшем, в первые месяцы 1979 г., М. Мотаххари в своих выступлениях и интервью, посвященных Исламской революции, будет говорить о феномене «возвращения к себе» и обретения нацией подлинной идентичности, что понималось им как акт мистического преобразования.

Он также говорил о заложенном в человеке «стремлении к справедливости, праведности и благочестию» как о том «двигателе жизни» или даже «жизненном порыве» (*élan vital**), который «проникает в тело человека или группы людей и стимулирует коллективное движение, динамизм и эволюцию, которые приводят к творческому развитию его культуры и традиций»²⁶. Эта одухотворяющая сила в концепции Мотаххари и является нациеобразующим началом, без которого человеческий коллектив подобен телу, лишенному духа. Национализм, согласно М. Мотаххари, это противоестественное стремление к абсолютизации внешней «телесной» формы нации в ущерб ее духу.

Сформулировать свою концепцию нации М. Мотаххари помогло знакомство с работами французского мыслителя африканского происхождения Франца Фанона, в первую очередь с работой «Отверженные земли» (*Les damnés de la terre: de la culture nationale*), доступной на фарси в переводе А. Шариати. На самого А. Шариати, получившего образование в Париже, идеи Ф. Фанона оказали колоссальное влияние. М. Мотаххари, в свою очередь, обращал внимание лишь на проделанный Ф. Фаноном анализ социально-классовых аспектов национальных движений в странах «третьего мира». Ряд идей Ф. Фанона позволили М. Мотаххари расширить свою концепцию национальности, придав ей социальное содержание и распространив на весь «третий мир».

М. Мотаххари говорил о том, что «политическая независимость, которая стала мощнейшим толчком для пробуждения националистических чувств и стала общим идеалом для всех наций мира, в нынешней ситуации потеряла свое значение — по крайней мере для стран третьего мира — благодаря присутствию мирового империализма... Нынешний западный мир в том, что касается его культуры и экономики, превратился в монолитную силу, противостоящую третьему миру»²⁷.

Таким образом, национализм в его этническом или региональном понимании представлялся М. Мотаххари несоответствующим ситуации, сложившейся в отношениях между странами «третьего мира» и Запада. Он считал идеологию западного национализма инструментом колониализма и империализма западных стран, направленным на разобщение народов Азии и Африки. Общность целей антиимпериалистических национально-освободительных движений, стремление к социальной справедливости и обретению идентичности должны, по его мнению, помочь им преодолеть это

* *élan vital* — (пер. с фр. — жизненный порыв) — термин, введенный Анри Бергсоном и использованный Вахидом Ахтаром при переводе статьи М. Мотаххари.

разобщиение и создать принципиально новую форму общности, основанную на единстве идеалов.

Тем самым М. Мотаххари совершает плавный переход от нации как локально-территориальной группы к универсальной и экстерриториальной общности, объединенной единым сознанием и общими духовными идеалами (опираясь на коранический смысл термина «миллат»). С точки зрения М. Мотаххари, нация не представляет собой нечто статичное и неизменное, заданное совокупностью материальных факторов (география, раса, государство и т. д.). Подлинная нация соотносится с некой духовной реальностью, определяющей психологию социума и формирующей, по выражению М. Мотаххари, его «коллективную душу»²⁸.

Согласно М. Мотаххари, нация в политическом или этническом смысле не может быть подлинной нацией. Она может служить лишь материальной оболочкой, своеобразным «телом», которое может поддерживать физическое существование, но лишено «духа», выраженного в религии, и практических идеалов, выраженных в идеологии, которые и являются подлинно нациеобразующими факторами и без которых нация не может обладать подлинной исторической субъектностью, т. е. не может быть вписана в процесс «социальной эволюции человека». Нация без религии и идеологии не может реализовать себя в истории, осуществить переход от материального плана бытия к высшим духовным уровням, конечным проявлением которых является исковое совершенство.

Такое понимание нации, выработанное М. Мотаххари, нашло понимание в широких кругах иранцев, мысливших в рамках националистической парадигмы. Развитие Ирана как политической нации в условиях XX в. было неизбежным процессом, поэтому исламские деятели не могли игнорировать ее существование и должны были осмыслить этот феномен, чтобы дать адекватный ответ тем социальным и историческим мифам, которые шахский режим эксплуатировал для формирования иранской нации на секулярной основе.

М. Мотаххари удалось сформулировать концепцию нации, основанную на «тоухидной идеологии» и соответствующую разработанной им социально-философской доктрине. В рамках этой концепции он попытался соединить идеи иранского национализма и исламского единства, которые на первый взгляд могли бы показаться абсолютно несовместимыми. М. Мотаххари признал существование иранской нации и даже обосновал ее исключительность, однако наделил понятие нации таким содержанием, которое не ограничивалось национальными рамками, а выходило на уровень общеисламского единства и даже солидарности антиимпериалистических сил всего мира. Национальное становилось формой выражения идеалов исламского движения. Шиитское духовенство в лице М. Мотаххари и некоторых других деятелей сумело нейтрализовать эффект националистической и антирелигиозной пропаганды шаха, перехватив инициативу в вопросе формирования параметров национальной идентичности иранцев. Поэтому в Исламской революции 1978–1979 гг. адресатом всех политических посланий борющегося духовенства была «иранская нация», а не некая абстрактная мусульманская общность, лишенная национальных признаков и национального самосознания.

Примечания

- ¹ Вклад иранцев в развитие исламской цивилизации был настолько велик и обширен, а роль ислама в истории Ирана столь колоссальна, что иранская культура и исламская цивилизация принципиально неотделимы друг от друга. Благодаря исламу иранская культура стала явлением глобального масштаба, в то время как исламская культура во всех странах мира несет на себе признаки творческой активности иранского духа.
- ² Общественные деятели российских мусульман первыми апеллируют к понятию «миллет». Ряд иранских деятелей имели тесные контакты с мусульманской интеллигенцией Закавказья, от которой они восприняли многие идеи западного интеллектуального дискурса.
- ³ Зохурвасогут-е салтанат-е Пахлави. Тегеран, 1959. С. 146–159. — Цит. по: Алиев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 146–147.
- ⁴ Критику воззрений Касрави см.: Нагед Х. Ахмад Касрави: Пешухешгари, саркешива-хорденегари. URL: http://naghed.net/Maghale_ha/Kasravi.htm (дата обращения: 17.10.2014).
- ⁵ На русском языке эта книга вышла под названием: Мутаххари М. Иран и ислам: история взаимоотношений СПб., 2008.
- ⁶ Мутаххари М. Указ. соч. С. 4.
- ⁷ Mutaahhari M. Western Nationalism and Islamic Nationhood // Al-Tawhid. Vol. V. № 3–4. URL: <http://www.al-islam.org/al-tawhid/west-isl.htm> (дата обращения: 16.12.2014).
- ⁸ Мутаххари М. Указ. соч. С. 7.
- ⁹ Там же. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 10.
- ¹¹ Мутаххари сравнивает это слово с термином «школа» (мактаб), который тоже имеет привязку к фигуре некоего учителя-основоположника. На наш взгляд, для адекватного перевода коранического значения этого термина целесообразно использовать слово «завет».
- ¹² Мутаххари М. Указ. соч. С. 11–12.
- ¹³ Там же. С. 15–16.
- ¹⁴ Там же. С. 10.
- ¹⁵ Там же. С. 17–19.
- ¹⁶ Там же. С. 166–167.
- ¹⁷ Там же. С. 231.
- ¹⁸ Там же. С. 236–239.
- ¹⁹ Там же. С. 460.
- ²⁰ Там же. С. 241, 243.
- ²¹ Mutaahhari M. Western Nationalism and Islamic Nationhood.
- ²² Ibid. P. 7–9.
- ²³ Ibid. P. 14–15.
- ²⁴ Ibid. P. 22–23.
- ²⁵ Ibid. P. 24–25.
- ²⁶ Ibid. P. 27–28.
- ²⁷ Ibid. P. 16.
- ²⁸ Уподобление связи между индивидуальным «я» и коллективным «я» душе (нафс) и ее силам (гова). — См.: Парсания Х. Чисти вахаст-йеджаме аз дидгах-е Шахид-е Мотаххари / Андише-йесияси-йе аятолла Мотаххари. Кум, 1381. С. 42–44.

К. Хас*
(Турция)

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА ПОСЛЕ ОБРЕТЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Резюме. Статья затрагивает ряд проблемных аспектов формирования национальной идентичности Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан после распада СССР и обретения ими независимости. Автор предпринял попытку проанализировать роль политических элит этих государств в становлении новой национальной идеологии, а также определить взаимосвязь принимаемых решений с политической конъюнктурой в определенный отрезок времени. Рассматривается также влияние экономической составляющей на проблему определения национальной самоидентификации, в том числе в контексте внешней политики России и Турции.

Ключевые слова: Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, национальная идеология, национальное самосознание, Россия, Турция.

Summary. The article raises a number of problematic issues in the context of formation of the national identity of the Kyrgyz Republic and Tajikistan after the collapse of the Soviet Union. The author attempted to analyse the role of political elites in the States in the formation of a new national ideology, as well as to determine the relationship of decisions with political situation in a certain period of time. It also stresses the impact of the economic component in the definition of national identity, including in the context of foreign policy of Russia and Turkey.

Tags: Kyrgyz Republic, Tajikistan, national ideology, national identity, Russia, Turkey.

Распад Советского Союза стал одним из ключевых аспектов формирования новой системы международных отношений. Фундаментальные изменения, происходившие на постсоветском пространстве, не обошли стороной и новые независимые государства Центральной Азии, где трансформационные процессы и проблемы взаимозависимости стран друг от друга стали наиболее заметными. Советская форма государственности объединяла не только общее экономическое и политическое пространство Центральной Азии, но также являлась «связующим звеном» между большим числом этнических групп и кланов, которые на протяжении длительного времени находились в довольно сложных отношениях друг с другом. После 1991 г. большинство из скрытых конфликтов как в национальном, так и региональном масштабе перешли в открытую форму и обострили внутривнутриполитическую обстановку в

* Хас Керим, научный сотрудник Центра Евразийских исследований (Анкара, Турция).

регионе. Обретение суверенитета, как отмечают эксперты, потребовало от новых правящих элит проведения ряда мер по легитимизации собственного положения и его последующего закрепления, поддержанию экономики и социальной системы, поиску альтернативы коммунистической идеологии и замены ее национальной, а также определению своего места в мировом сообществе¹.

Трудности в реализации внешнеполитических задач после распада СССР также очертили новые реалии развития государств Центральной Азии, ввиду чего важнейшими стали вопросы обеспечения безопасности и территориальной целостности, налаживания эффективных взаимоотношений с государствами-соседами, а также сохранения режимов, укрепления суверенитета и создания действенных политических и экономических механизмов взаимодействия на общем региональном пространстве.

Интерес к процессу «переформатирования» или «перестройки» отдельных государств со старой системы управления на новую заключается в том, что, по меркам современной политологической науки, он начался довольно поздно, а также был сопряжен с большим числом «сбивающих факторов», таких как отсутствие определенной стратегии и консолидации обществ, апатии правящей и интеллектуальной элиты государств, а также системными политическими и экономическими кризисами. Таким образом, на первый план выходит проблема определения национальной идентичности — теперь уже новыми обществами, которые на протяжении длительного времени, находясь в составе СССР, ощущали себя советскими людьми. Процесс сплочения наций на основе идеи, выдвинутой руководителями стран, до сих пор остается одним из основных проблемных аспектов развития внутренней и внешней политики государств Центрально-Азиатского региона.

С момента обретения независимости Республики Кыргызстан президент А.А. Акаев проводил идеи различных проектов, которые по замыслу правящей элиты могли обусловить дальнейшее развитие страны. Такие идеологические программы, как «Кыргызстан — наш общий дом», призывающая к объединению различных этнических групп в стране, «Манас-1000», «Ош-3000», «2200 лет кыргызской государственности», представляющие исторически важные события в политической перспективе, стали одними из основных попыток разработать общий подход к выработке новой национальной идеи путем обращения к истокам страны и возрождению традиций досоветского периода.

Стремясь аккумулировать возрастающие этно-националистические чувства в Кыргызстане середины 1990-х гг., правящая элита страны попыталась построить новую государственную идеологию, обратившись к одному из самых длинных эпических произведений в мировой литературе и истории, повествующее о жизнеописании главного действующего лица — Манаса, объединившего кыргызов.

Специальная правительственная комиссия по вопросам культуры и образования выделила семь основных постулатов эпоса и включила их в новую государственную идеологию. Манас стал идеальным собирательным обра-

зом, который определял различные представления образа врага и союзника кыргызского народа, а также отражал своеобразную философию национального единства, систему ценностей общественных отношений. По словам экспертов, семь постулатов стали не только инструментом для возможной реконструкции национальной идеи и самоопределения кыргызского народа, но также общими принципами этнической толерантности и других положительных характеристик, социальных обязательств и принципов. Так, среди широко известных постулатов являются следующие:

- единство и сплоченность нации;
- международная гармония, дружба и сотрудничество;
- чувство национального достоинства и патриотизм;
- процветание и благополучие трудолюбивого кыргызского народа;
- гармония с окружающим миром и мировой общественностью;
- укрепление и защита кыргызской государственности².

Летом 1995 г. в местности Талас, родном городе Манаса (как свидетельствует предание), прошло грандиозное празднование его 1000-летия. Несмотря на то что герой является полумифическим, правительство А.А. Акаева предприняло попытки воспроизвести как его образ, так и быт того времени. Была выстроена трехэтажная юрта, для чего потребовалось привлечь большое число художников и архитекторов. К торжествам также был приурочен выпуск коллекционных монет, медалей и памятных изданий.

Особенность проведения столь масштабных торжеств, по мнению экспертов, заключалась в том, что А.А. Акаев был намерен подчеркнуть отказ от советской идеологии, базировавшейся на идее «гражданства» в качестве основополагающего и центрального элемента государственного самосознания. Теперь основная мысль его выступлений сводилась к тому, что каждая нация имеет свой «генетический код», формировавшийся на протяжении тысячелетий, и Манас стал определением этого «кода» для кыргызов. Стремление обозначить собственную этническую принадлежность выражалось также и в том, что в государстве на протяжении длительного времени уже после обретения независимости отсутствовал механизм, который мог бы поддержать целостность народа не только в духовной сфере, но и определить ориентиры морально-этнического и социального направления общественной мобилизации. С другой стороны, очевидно также, что наличие системы идей и установок, которые в идеале являются частью государственной политики, становятся залогом здорового функционирования не только общества в целом, но и его управленческого аппарата в частности, а их отсутствие лишь определяет дальнейшее появление различных обоснований происхождения народа и поиска его так называемой духовной опоры³.

А.А. Акаев также проводил параллели между значением Манаса для кыргызского народа и Новым Заветом для христиан, сравнивал жизнеописание главного героя с событиями в Кыргызстане в 1930–1940-х гг., когда местная интеллигенция подверглась массовым репрессиям. По его мнению, это было частью широкой кампании подавления кыргызского национализма.

Политическая элита Кыргызстана пыталась продемонстрировать новое видение современного независимого государства не только собственному народу, но и международному сообществу. На празднование 1000-летия Манаса были приглашены высокопоставленные гости, преимущественно из тюркоязычных государств, многочисленные художественно оформленные подарочные издания переводились на иностранные языки и передавались представителям иностранных государств во время встреч на высшем уровне. Важно также отметить, что торжества совпали с первыми президентскими выборами в Кыргызстане. Празднование настолько грандиозного события именно тогда было не случайным. Эксперты называли подготовку к этому мероприятию не иначе как «всеобщей мобилизацией» политических элит, ученых, представителей мира искусства, архитекторов и даже спортивной общественности⁴.

Ввиду того что практически весь государственный аппарат был задействован для подготовки торжеств, возможность использования административного ресурса для оказания поддержки другим кандидатам в президенты сводилась к минимуму. На президентских выборах, прошедших в 1995 г., А.М. Масалиев, политический оппонент А.А. Акаева, получил на юге Кыргызстана порядка 80% голосов избирателей. Ввиду поражения в этой части республики правящей элитой было принято решение об организации празднования 3000-летия города Ош незадолго до президентских выборов 2000 г. Тем самым власть пыталась нарастить свой авторитет. В связи с этим можно вспомнить организацию массовых народных праздников в Таджикистане Э. Рахмоном накануне проведения президентских выборов в 2006 г.

Однако ожидания руководства Кыргызстана не оправдались, и идеология «Манас» не получила существенной поддержки населения, в первую очередь русскоговорящего. Во-первых, она поощряла использование кыргызского языка и возвращение к традиционным национальным ценностям кыргызов, во-вторых, была глубоко этноориентированной и идентифицировала патриотизм с точки зрения мировоззрения кыргызов. Среди русскоязычного населения больших городов эта идеология была воспринята как попытка государства определить национальную идентичность всех народов, проживавших в Кыргызстане, более того, она воспринималась как дискриминационная.

Президентство А.А. Акаева середины 2000-х гг. было сопряжено глубокими экономическими и политическими потрясениями, а также, как отмечают эксперты, всепроникающего участия президентской семьи в финансовых структурах государства. Несмотря на огромные проблемы, с которыми столкнулась экономика страны, было принято решение о проведении очередного торжества, которое, как представляется, должно было определить идеологический путь развития и определения значимости Кыргызстана в новой системе международных отношений.

Торжества, посвященные 2200-летию кыргызской цивилизации, стали ключевой попыткой А.А. Акаева трансформировать национальную идеологию. Тогда внутренняя нестабильность, а также вспышки межэтнических конфликтов и возрастающая роль террористических организаций спрово-

цировали серию критических статей в местных СМИ о неподготовленности службы безопасности и об общей тревожной тенденции в стране. Это обусловило отрицательную реакцию со стороны населения на огромные затраты и проведение торжеств, а также обострило политическую обстановку.

После смены власти в Кыргызстане в результате так называемой «тюльпановой революции» дискурс в отношении создания национальной идеологии поддерживался в основном двумя лицами: Адаханом Мадумаровым и Дастаном Сарыгуловым, на протяжении долгого времени освещавшими свое видение самоопределения государства. В то время как Мадумаров выступал за внедрение западных концепций в идеологию, в том числе и понятия «гражданства», Сарыгулов основной упор делал на этноориентированных идеях и культе тенгрианства⁵, который отличался от традиционной религии государства — ислама. Однако и эти теории самоопределения народов страны и государственности не нашли отклика среди населения.

В последние годы ученые Кыргызстана опубликовали ряд работ, направленных на изучение национальной истории и ее значение в вопросе государственного строительства. Тем не менее, по оценкам экспертов, большинство из них опирались на историографический анализ, проведенный советскими учеными⁶. В 2006 г. известные кыргызские историки Тогузаков и Плоских предприняли попытку разработать собственный подход к интерпретации национальной идеи, которая в основном отражала советскую точку зрения и определяла автохтонность народа Кыргызстана. Однако и она не встретила поддержки со стороны местного населения⁷.

По сообщению неназванных источников РИА Новости, заявления, появившиеся в средствах массовой информации в середине 2011 г. в отношении политики переименования улиц и административных округов в Кыргызстане, вновь обострили дискуссию по проблеме «отдаления» не только отдельных государств Центральной Азии от России, но и о планомерной региональной политике дистанцирования от Москвы. Так, например, как утверждали источники, Национальная комиссия по государственному языку при президенте республики обратилась к парламенту с целью внесения предложения об изменении названия географических объектов, имеющих русскую принадлежность. Приводились также данные информационного агентства Кыргызстана, в соответствии с которыми чиновники предлагали соотечественникам внести свой вклад в установление исторической справедливости, чтобы вернуть исконные названия «необоснованно русифицированным населенным пунктам и предоставить свои предложения для решения этой проблемы»⁸.

В то же время, в качестве своеобразной «благодарности» действующему российскому руководству, заслуженный деятель культуры Кыргызстана Нурлан Абдыкадыров в письме на имя президента республики Алмазбека Атамбаева предложил назвать одну из центральных улиц именем президента РФ В.В. Путина. Он также отметил, что в случае необходимости не будет возражать если улицу, названную в честь его отца Джалила Абдакадирова, переименуют в улицу им. В.В. Путина. В своем письме он отмечает, что развитие экономики Кыргызстана связано с внешнеполитическим курсом России, и

непосредственно с именем Владимира Путина, ввиду чего, осознавая его историческую роль в развитии республики, предлагает переименовать одну из центральных улиц Бишкека⁹.

Обобщая мнение ряда экспертов, можно сделать вывод о том, что, несмотря на возможную негативную реакцию общества, разработка и дальнейшая реализация новой идеологии объясняется в основном несколькими факторами: во-первых, угрозой национальной безопасности (межэтнические конфликты и столкновения на национальной почве, а также вопрос о государственном языке); во-вторых, социально-политической нестабильностью и напряженностью; в-третьих, отсутствием национального самосознания и патриотического воспитания граждан¹⁰. С другой стороны, ряд исследователей сходятся во мнении, что идеологический вакуум стал порождением принципов и ценностей, полностью противоположных и зачастую противоречащих традиционно мусульманским представлениям. Это отразилось на коллективном сознании кыргызского народа, которое является и национальным и одновременно наднациональным. Иными словами, именно принадлежность и ассоциирование себя как части мусульманского мира отчасти могло стать ключевым фактором в необходимости поиска новой идеологической парадигмы¹¹.

Опыт Таджикистана в формировании национальной идеи и идентичности после обретения независимости во многом отличается от других государств Центральной Азии. Как отмечает один из исследователей проблемы формирования национального самосознания в Таджикистане Рустам Шукуров, активная фаза этно-националистического «перелома» совпала с участием СССР в войне в Афганистане. Тогда, как пишет эксперт, большое количество призывников из Таджикистана участвовало в открытых столкновениях и боевых действиях. Некоторые из них ввиду культурной, религиозной и языковой близости остались в Афганистане и после вывода советских войск. Однако спустя некоторое время, вернувшись назад, смогли использовать привезенную иранскую и афганскую духовную и светскую литературу в целях пропаганды новых идей, что, по мнению аналитиков, спровоцировало среди некоторой части таджикского народа формирование новых постулатов относительно собственной культуры и истории¹².

Вопрос обретения национальной идеи на государственном уровне осложнялся и тем, что строить идеологию, основываясь на так называемом доминирующем этносе в Таджикистане, было невозможно. Более того, вопрос формирования идеологии с опорой на религию также испытывал множество трудностей ввиду неоднородности распределения ислама суннитского и шиитского толка на территории государства. Однако, по мнению Р. Шукурова, возможность объединения населения все же представилась, однако не была должным образом использована.

Так, большое влияние в середине и конце 1990-х гг. получили произведения Садриддина Айни. Его историко-философские взгляды относительно таджикской идентичности широко использовались руководителями государства. После гражданской войны 1997 г. президент Э. Рахмон обнародовал три

концепции формирования национального самосознания, которые должны были базироваться на историческом наследии Саманидов, зороастрийском периоде и арийской цивилизации. По мнению экспертов, основная идея Рахмона в то время заключалась в снижении роли исламской оппозиции в политике государства. По его словам, отделение религии от политики является гарантированным путем к стабильности. В своей книге «Таджикистан на пороге XXI в.», возлагая ответственность за развязывание гражданской войны в стране в начале 1990-х гг. на радикальные религиозные группы, он утверждает, что политическая подоплека религиозной идеологии представляет наибольшую опасность¹³.

В конце 1990-х гг. наметилась тенденция усиления позиций исламских партий, которые стояли в оппозиции к действующему правительству, что отразилось также в различиях их подходов к пониманию национальной идеи. Ключевым тогда стал вопрос о роли династии Саманидов¹⁴ в истории Таджикистана. Попытки правящей элиты сводились к представлению ее в качестве олицетворения силы таджикской государственности. В 2001 г. правительство инициировало празднование 1100-летия Саманидской империи. Официальные заявления того времени, исходившие от высокопоставленных чиновников, в том числе и от Э. Рахмона, заключались в том, что эпоха Саманидов — золотой век таджикского народа, будущее которого в первую очередь зависит от его сплоченности¹⁵.

Начиная с 2000-х гг. Э. Рахмон подчеркивал необходимость в проведении параллелей между государством Саманидов и процессом государственного строительства современного Таджикистана, обращая основное внимание на стабильность династии и преодоление внешнего влияния. Здесь очевидно сходство с идеями А.А. Акаева о роли исторического представления кыргызской национальной государственности в современной истории страны. Руководство Таджикистана поддерживало мысль о том, что, несмотря на крушение империи Саманидов, идеи таджикской государственности преобладали в национальном сознании на протяжении тысячи лет.

Однако необходимо также отметить, что период правления династии Саманидов так и не привел к созданию целостной парадигмы таджикского государства, а избирательный подход к историческим процессам, проходившим на территории современных государств Центральной Азии, не позволил руководству Таджикистана сделать эту идею основополагающей. С другой стороны, Исламская партия возрождения, представлявшая коалицию антиправительственных сил, использовала эпоху Саманидов в качестве примера олицетворения современных таджиков с традиционными мусульманскими ценностями. Однако ввиду отсутствия административного ресурса и невозможности открытой пропаганды своих идей противостояние Исламской партии возрождения с властью продлилось лишь до выборов 2005 г., когда она потерпела сокрушительное поражение.

В то же время, продолжая традицию празднования исторических событий, некоторые из пропрезидентских политиков внесли предложение о перенесении государственной столицы в родной город Э. Рахмона Куляб в связи

с тем, что он является одним из центров исторического наследия и в скором времени может стать «объединяющим» для общества страны.

По инициативе президента Таджикистана и при поддержке ЮНЕСКО 2003 г. был объявлен годом зороастрийского наследия. Тогда совместно с международными организациями правительство опубликовало ряд многочисленных изданий, посвященных 3000-летию Заратуштры, в том числе при участии ученых из Узбекистана, Ирана, Франции, Германии, Канады и США. Накануне президентских выборов 2006 г. Э. Рахмон провел несколько торжественных мероприятий, целью которых было претворение ряда национально-идеологических проектов в жизнь: празднование 2700-летия Куляба, родного города президента, организация семинаров и лекций по вопросам развития современного таджикского языка и влияния на него фарси, день независимости Таджикистана.

Несмотря на то что таджиков трудно отнести к представителям арийской расы, о чем высказывались многие ученые, в том числе в Таджикистане, необходимость этого проекта для Э. Рахмона стала очевидной. По мнению ряда экспертов, ассоциация таджикского народа с арийской расой в первую очередь была направлена на «отдаление» от внутренних региональных связей и на создание идеи таджикского самобытного опыта, не связанного с «тюркизацией» Центральной Азии¹⁶.

Проблема самоидентификации в Таджикистане подогревается также многочисленными публикациями и литературой, в которых авторы с восторгом вспоминают династию Саманидов и те территории (например, Самарканд и Бухара), которые раньше находились под ее покровительством, а теперь являются частью Узбекистана. Так, ряд историков связывает современную проблему идеологического вакуума в государстве с невозможностью части народа, живущего в современном Таджикистане и Узбекистане, объединиться, иными словами, «тело живет без головы»¹⁷. Идеи «Великого Таджикистана» пронизывают большинство исторических исследований начала 2000-х гг., которые так или иначе сконцентрированы на поиске национальной идеи. Так, например, один из известных историков страны, Нугмон Негматов, пишет в своих исследованиях о потерянной идеологической ориентации народов, объясняя это тем, что территория современного Таджикистана не соответствует своим первоначальным историческим границам. По мнению Негматова, карта «исторического Таджикистана» включает в себя всю территорию современного Узбекистана и Таджикистана, части Казахстана, Китая, Афганистана и Ирана¹⁸.

Проблема определения основополагающей роли таджикского языка также коснулась республики. Переименование отдельных областей после распада СССР было обусловлено в том числе желанием «уйти» от названий, которые так или иначе ассоциировались с общим советским прошлым. Так, например, Ленинадская область и город Ленинабад в Таджикистане были переименованы в Согдийскую область и Худжанд соответственно. В начале 2013 г. маджлис народных депутатов Душанбе издал указ о переименовании нескольких улиц, носивших «советские» названия на новые «таджикские».

В итоге улица Ватутина стала улицей Хайрулло Абдулмоева, улица Сеченова стала носить имя Дамира Дустмухаммадова.

Ввиду того что сегодня наблюдаются кардинальные изменения не только в системе международных отношений как таковых, но и в перестройке социальных ориентиров у общества, как, например, на современной Украине, вопрос самоидентификации для государств Центральной Азии представляется крайне важным, заслуживающим детального анализа и отдельного исследования.

В изменившихся геополитических условиях приходится признать, что тенденция на отвержение и отчуждение всего советского, как это было, например, в Туркменистане в начале 1990-х гг., может захватить умы новой интеллигенции и государств региона, и сегодняшней России. Это, в свою очередь, скажется и на развитии всей Центральной Азии, и на будущем региона в целом, а также непосредственно на взаимоотношениях с Россией и Турцией.

Самоидентификация как феномен может не только консолидировать общество, но и разъединить его. Часто упоминаемый сегодня политический кризис на Украине еще раз подчеркивает, что внутреннее состояние обществ на постсоветском пространстве по прошествии 24 лет после распада СССР вкупе со слабыми политическими и социальными институтами приводит к непредсказуемым последствиям, в том числе и для самоидентификации народа как такового. Безусловно, здесь не приходится проводить параллели между событиями, происходящими на Украине, и тенденциями в государствах Центральной Азии. Однако имеющие место опасные тенденции на отчуждение всего российского, правильнее сказать, всего русского, могут иметь далеко идущие последствия. Роль русского языка и русской культуры на протяжении длительного времени была важнейшей в процессе идентификации народов региона и являлась одной из основополагающих. Так, например, в Казахстане на протяжении длительного времени политическая элита была представлена не только русскоязычным населением, но и этническими русскими, что предопределило дальнейшее развитие государства не «без», а «с» Россией. Другие же государства Центральной Азии, несмотря на общее прошлое в составе СССР, так или иначе пытались обозначить свою «независимость» и в некотором роде свою идентичность, комплектуя аппарат чиновников, уменьшая роль и долю русских или русскоязычных, заполняя представителями местного населения, подчеркнуто переходя с кириллицы на латинский алфавит, ограничивая вещание российских телеканалов, а также снижая доли русскоязычных СМИ.

Консолидация общества может также проходить на фоне объединяющего фактора, а именно руководителя. Так, например, суждение о «роли личности в истории» как никогда справедливо для государств Центральной Азии. Вопрос выбора пути нации определяют зачастую руководители, пришедшие к власти еще во времена СССР и оставшиеся у власти и после распада Союза, за исключением Туркменистана и сегодняшнего Кыргызстана, испытавшего с начала 2000-х гг. два государственных переворота (2005 г., 2010 г.).

Несмотря на то что государства Центрально-Азиатского региона за основу понимания своей идентичности берут вовсе не религиозный аспект, а этническую принадлежность, вопрос выбора пути для этих государств в ближайшее время может встать как нельзя остро. С одной стороны, географическая близость региона к границам РФ и общее историческое прошлое, безусловно, предопределяет более тесные взаимоотношения с сегодняшней Россией. Так, сухопутная граница РФ и Казахстана сегодня является самой длинной по протяженности во всем мире.

С другой стороны, принимая во внимание вышеописанные опасные тенденции, наметившиеся на Украине в контексте определения собственной идентичности, а также этнической принадлежности, не стоит забывать о таком весомом факторе для государств региона, как ислам, традиции которого тесно связывают все без исключения государства с Турцией. Лингвистическая близость четырех государств региона из пяти (кроме Таджикистана) с Турецкой Республикой дает основания полагать, что после распада СССР и отчуждения всего советского, а вместе с ним и русского, она могла приблизить общества к «переориентации на турецкость». Однако общества региона не моноэтничны, более того, ввиду наличия сильных традиций кланового устройства социальной жизни говорить о едином и сплоченном обществе ни в одном из государств региона не приходится.

Проблема определения национальной принадлежности окончательно себя проявила во времена СССР, когда центральноазиатские республики были фактически разобщены, а главное, что их связывало, было описано емким понятием «советский человек». Теперь, когда на смену идеалам советского прошлого пришли реалии сегодняшнего дня, приходится признать, что «тюркский мир», широко пропагандируемый в свое время Анкарой, не имеет под собой такой основы, позволившей связать государства воедино. Более того, для Узбекистана принципиальное значение приобрела «узбекскость», а для Таджикистана, не входящего ни по этническим, ни по языковым параметрам в состав так называемого «тюркского мира», вопрос о присоединении к нему или его возрождению даже не стоит.

Однако с точки зрения прогнозирования событий в будущем приходится признать, что процесс самоидентификации может проходить длительное время, затянувшись на десятилетия и более, а может протекать чрезвычайно стремительно, ломая политические уклады и устои. В этой связи именно сегодня, когда налицо тектонические сдвиги в системе международных отношений и появление очагов сил, ранее не заявлявших о себе в полную мощь, Центральная Азия представляет собой крайне неустойчивый регион.

Вопросы экономического развития тесным образом переплетены с проблемой самоидентификации стран региона. Недостаток сильного экономического ресурса приводит к тому, что государство попадает в зависимость от более сильного партнера, в лице которого на протяжении длительного времени выступала Россия. Однако наличие достаточного количества энергетического сырья приводит к тому, что внешний экономический рынок существенно расширяется и попадает под влияние других внешних акторов, а не только

России. Так, например, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан в большей или меньшей степени проводят внешнюю политику, не столь зависимую от Москвы, развивая плотные отношения со странами ЕС, США и Китаем. В то же время Кыргызстан и Таджикистан, ввиду отсутствия большого количества запасов «голубого топлива» и «черного золота», проводить такую политику не в состоянии. Несмотря на то что все государства Центральной Азии провозглашают проведение многовекторной внешней политики, в реальности это не соответствует действительности, кроме действий Астаны и в меньшей степени Ашхабада, ввиду больших запасов энергетического сырья.

Примечания

- ¹ Лунев С. И. Политические процессы в Центральной Азии. Становление государственности в республиках региона. Политические системы и политические культуры Востока. М., 2007. С. 457.
- ² Marat E. National Ideology and state-building in Kyrgyzstan and Tajikistan. Silk road paper. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. January, 2008. // http://edoc.bibliothek.uni-halle.de/servlets/MCRFileNodeServlet/HALCoRe_derivate_00002229/National%20Ideology.pdf
- ³ Кыргызстан в поиске приемлемой идеологии // Время Востока. 04.04.2007.
- ⁴ Marat E. National Ideology and state-building in Kyrgyzstan and Tajikistan.
- ⁵ Тенгрианство — комплекс религиозного миропонимания тюрков и древних моголов. По мнению ряда религиоведов, сегодня этот культ тесно переплетен одновременно с исламом и научным мировоззрением.
- ⁶ Маликов К. Духовно-идеологическое поле Кыргызстана, пути поиска общей национальной идеи: «Между западной цивилизацией и восточным миром» // Время Востока. 22.08.2007.
- ⁷ Marat E. National Ideology and state-building in Kyrgyzstan and Tajikistan.
- ⁸ Задорожный П. С карты Узбекистана исчезнут имена. Информационно-аналитический портал Республика. 14.10.2011. // <http://www.respublika-kz.info/news/politics/17987/>
- ⁹ Улица Путина может появиться в столице Киргизии. 21.04.2014. // <http://www.asia-centre.com/tag/pereimenovanie/>
- ¹⁰ Кыргызстан в поиске приемлемой идеологии // Время Востока. 04.04.2007.
- ¹¹ Маликов К. Духовно-идеологическое поле Кыргызстана.
- ¹² Шукуров Р. Таджикистан. Муки воспоминаний. Национальная история в советском и постсоветском государствах. М., 1999. С. 237.
- ¹³ Рахмонов Э. Таджикистан на пороге XXI века. Душанбе, 2001. С. 50–51.
- ¹⁴ Династия Саманидов правила в Средней Азии и Иране с 875–999 гг. В представлении народов Таджикистана ассоциируется с временем культурного и экономического подъема.
- ¹⁵ Масов Р. Таджики: вытеснение и ассимиляция. Душанбе, 2003. С. 67.
- ¹⁶ Shozimov P. Tajikistan's «Year of Aryan Civilization» and the competition of ideologies. Central Asia // Caucasus Analyst. October 5, 2005.
- ¹⁷ Негматов Н. Н. Таджикский феномен: теория и история. Душанбе, 1997. С. 67–69.
- ¹⁸ Там же.

Раздел IV

**ННАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

*В.И. Сажин**

НАЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ИРАНА

Резюме. Национально-психологические особенности населения являются важной составляющей морально-политического потенциала как части совокупного военного потенциала любой страны, в том числе и Исламской Республики Иран.

Основными компонентами национально-психологических особенностей иранцев являются: национальный характер, особенности склада мышления, национальные чувства и темперамент, национальные традиции, обычаи, привычки, вкусы. В настоящее время персидская национальная психология, представляющая собой сплав великодержавного имперского национализма и шиитской избранности, стала политическим фактором.

Ключевые слова: Иран, национальная психология, национальный характер, национальные чувства и темперамент, имперский национализм, шиитская избранность.

Summary. National-psychological characteristics of the population are an important component of the moral and political potential as part of the cumulative military potential of any country, including the Islamic Republic of Iran.

The main components of the national-psychological features of Iranians are: national character, features of way of thinking, national feeling and national temperament, national traditions, customs, habits, tastes. At present, the Persian national psychology, which is an alloy and blend of the great imperial nationalism and the Shiite selectness, has become a political factor.

Tags: Iran, national psychology, national character, national feelings and temperament, imperial nationalism Shiite selectness.

Исламская Республика Иран является крупнейшим многонациональным государством Ближнего и Среднего Востока. Занимая промежуточное положение в юго-западной части Азиатского материка, Иран на протяжении многих веков неоднократно подвергался вторжениям и нашествиям различных народов, влияние и следы пребывания которых прослеживаются в составе его населения до сих пор¹.

В современном Иране проживает около 60 народностей, этнических групп и племен. По данным Central Intelligence Agency (CIA) — The World Factbook, основная этническая общность — персы составляют 61% населения — 80,8 млн человек. Другие этносы Ирана: азербайджанцы (самоназвание — торк, азери) — 16% (это, пожалуй, те, которые признают свою этническую идентичность, поскольку большая часть иранских азербайджанцев ассимилировалась с персами); курды — 10%; луры — 6%; белуджи — 2%; арабы — 2%; туркмены и тюркские племена — 2%².

* Сажин Владимир Игоревич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

В формировании национальной психологии религия играет важнейшую роль. Несмотря на мозаичность этнического состава населения, религиозная принадлежность иранцев достаточно монолитна: из них 99,4% исповедуют ислам (шииты — 90–95%, сунниты — 5–10%). Зороастрийцы, иудеи, христиане вместе составляют менее 0,3%³.

Безусловно, каждый этнос имеет свои национально-психологические особенности. Однако особенности основной этнической общности — персов — в той или иной мере свойственны всем этносам, проживающим в Иране. Этому, в частности, способствует единство веры: «Имам Хомейни полагал, что иранцы-шииты прошли долгий путь своего исторического развития и являются создателями исламской культуры Ирана. Он выражал убеждение, что истинные духовные ценности культуры страны были созданы в то время, когда Иран оформился прежде всего как страна шиизма, оказавшего глубокое воздействие на все стороны ее жизни, включая культуру, политику и идеологию. В этой связи многочисленные этнические и религиозные меньшинства в стране связывают свою судьбу с историей Ирана, потому что их этническая история протекала в рамках иранской культуры, сохраняющей национальный характер как в целом, так и в частностях. И эти этносы в значительной степени интегрированы в иранскую социокультурную систему»⁴.

Решающими факторами, влияющими на формирование национально-психологических особенностей населения, являются экономические и социально-политические условия жизни иранского этноса, складывающиеся в процессе ее исторического развития, насчитывающего более 5000 лет. На протяжении почти трех тысяч лет государственности на территории современного Ирана возникали и разрушались обширные империи, державы, включавшие в себя многочисленные племена и народности.

В истории Ирана (Персии)⁵ отмечены и былая мощь, и поражения, взлеты и падения нации, вторжение армии Александра Македонского в IV в. до н. э. и опустошительные набеги монгольских орд Чингисхана в XIII в. и Тамерлана в XIV в. В памяти персов свежа колонизаторская грабительская политика мирового империализма и политика шахского режима, свергнутого революцией 1979 г.

Однако завоевание Ирана арабами в VII в., их длительное владычество оказали наиболее сильное воздействие на национальную психологию персов. Исключительное влияние на различные стороны жизни Ирана, в том числе и на общественное сознание иранского населения, на формирование его национальной психологии, оказал ислам суннитского толка, огнем и мечом насаждавшийся арабами. В свою очередь, шиизм в исламе возник первоначально как протест угнетенных иранцев против завоевателей — арабов-суннитов. Именно шиизм объединил народы Ирана и, облеченный впоследствии в форму официальной религии, стал идейной базой иранского государства. Противопоставляемые суннизму особенности шиитской догматики, внедренные в повседневную жизнь иранцев, на протяжении веков формировали их национальную психологию.

Основными компонентами национально-психологических особенностей иранцев являются: национальный характер, особенности склада мышления,

национальные чувства и темперамент, национальные традиции, обычаи, привычки, вкусы.

Под национальным характером понимается исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических качеств нации, определяющих привычную манеру поведения и типичный образ действия нации в целом, а также большинства ее индивидуальных представителей и проявляющихся в специфических отношениях и связях с окружающим объективным миром. В национальном характере, как и в характере личности, самым существенным является отношение к социально-бытовой среде обитания, т. е. к природе и обществу, к труду, к своей нации (национальное самосознание) и к другим народам. Шиизм выработал у иранцев специфическое отношение к окружающему миру, проистекающее из сущности его догматики: бренность человеческой жизни, предопределение судьбы человека Аллахом, культ самопожертвования для очищения от грехов, культ духовенства и власти, необходимость строжайшего соблюдения норм ислама, политическая пассивность, а также индивидуализм.

Одной из наиболее характерных черт иранцев является национальная гордость и самолюбие. Военные и экономические успехи персов, созданные ими империи Ахеменидов и Сасанидов, достижения иранских ученых X–XI вв., расцвет поэзии, искусств и ремесел заложили у иранцев основу этих черт.

Персам присуще чувство патриотизма, любовь к свободе и независимости, преклонение перед героическим прошлым своего народа. В семьях и кланах из поколения в поколение передаются многочисленные легенды и предания о мужественной борьбе предков за свободу и независимость. Имена основателей Иранского государства — Куроша Великого (Кир), Дария I, Шахпура I, шаха Аббаса — и других выдающихся личностей постоянно на слуху у персов. Как великого полководца древности они также почитают Александра Македонского.

Иранцы исключительно привязаны к родной земле, к своему краю и дому. Это проявляется даже в том, умирая вдали от дома, иранцы, как правило, просят похоронить их на своих семейных кладбищах. Во время ирано-иракской войны, часто с риском для жизни, они стремились доставить тело погибшего для захоронения в родной город или деревню.

Отношение к труду является важной чертой национального характера. Жаркий климат на большей части территории страны, постоянная борьба с неблагоприятными природными условиями, необходимость в поте лица обрабатывать каждый клочок земли, постоянная нехватка воды и продовольствия выработали у иранцев такие черты, как трудолюбие, терпение, выносливость, неприхотливость. Особым упорством и трудолюбием отличаются крестьяне засушливых районов.

В то же время исследователи отмечают⁶ и некоторые другие оттенки отношений к труду у иранцев, которые далеки от трудностей крестьянской жизни, в том числе и малоинициативность, особенно если их труд не гарантирует им больших доходов. В работе иранцы импульсивны, но не организованы. У них слабо развито чувство трудовой дисциплины, порядка и пунктуальности в выполнении данных ими обещаний. Иранцы любят торговаться, добиться хоть небольшой, но выгоды для себя. В стране широко распространено взя-

точничество, поразившее прежде всего госслужащих. Вместе с тем многие представители интеллигенции проявляют честность и бескорыстие.

На национально-психологические черты иранцев огромное влияние оказало длительное господство феодальных отношений. Оно оставило им такие пороки, как преклонение перед людьми, наделенными властью, угодливость, подобиострастие. Иранцы обычно льстят тем, кто достиг более высокого положения. Вот что пишет иранский писатель Саид Нафиси в своей повести «На пути в рай»: «Лесть в аристократическом обществе Тегерана служит единственным средством для процветания и преуспеяния. Если человек в раннем детстве и в юношеском возрасте не постиг искусства лицемерия и лжи, он не может впоследствии чувствовать себя уверенным на политическом базаре Ирана... Если человек недостаточно лицемерен, он не может добиться никакого поста или более-менее порядочного места в обществе. Лесть и подобиострастие способствует широкому распространению в Иране подкупов и взяточничества, особенно эти пороки свойственны горожанам и разного рода чиновникам»⁷.

Иранцам не чужда и хитрость. Во многом это качество культивировалось шиизмом как инструмент борьбы с врагами. Известный российский ученый-исламовед А. А. Игнатенко пишет: «Во всех школах исламского шариата, который является одновременно правовой и этической системой, величайшую роль играет вербальная квалификация действий и поступков — проще говоря, то, как они называются с использованием слов и выражений, взятых из Корана или из Сунны либо выработанных факихами — мусульманскими правоведами. Кроме однозначного понятия лжи (“кизб”) существует множество других понятий, обозначающих иные виды обмана, позволяющие обходить религиозный запрет на ложь»⁸.

Известный французский географ и историк Жан Элизе Реклю (1830–1905) в своей знаменитой работе «Человек и Земля» (1876–1894) очень коротко констатирует: «Перс пропитан ложью». Многие литераторы тоже отмечали эту особенность персов, утверждая, что лживость — национальная персидская болезнь⁹.

Многие иранцы «страдают» переоценкой своих личных качеств. Почти каждый чиновник или офицер считает, что достоин занимать должность намного выше занимаемой. При этом они стремятся показать, что пользуются в обществе гораздо большим влиянием, чем есть на самом деле.

Склад мышления у иранцев своеобразный. Обладая живым и острым умом, иранец способен к абстрактному мышлению, к образной логике, яркости и живости воображения. Его уму не чужд юмор.

Перс любит говорить, изливать свое природное красноречие. Он гордится своим языком. В непринужденной беседе предпочитает много шутить, умеет вставлять в разговор пословицы, поговорки и стихи персидских поэтов. В манере вести беседу перс сообразует с собеседником. В зависимости от его социального положения перс напускает на себя важность, если это выгодно; умеет держаться скромно. Персы очень наблюдательны, у них сильно развито любопытство.

Национальные чувства и темперамент, содержание и направленность национальных чувств, формы и манеры эмоционального реагирования у представителей разных этносов Ирана различны.

Персам свойственны такие чувства, как обостренное чувство любви к родине, которое проявляется везде — в литературе, архитектуре, музыке, в танцах и песнях, в фольклоре. Персы охотно говорят о былой мощи Ирана и его вооруженных сил, гордятся прошлым величием Персидской империи. Одновременно у персов отмечается переоценка возможностей своей страны, склонность к идее национального превосходства, иногда переходящего в национальное чванство и шовинизм.

Чувства религиозного превосходства (мусульмане — выше всех, а шииты — выше всех мусульман) и шовинизма в значительной степени влияют на отношение иранцев к другим нациям. Глубоко в душе преклоняясь перед американскими и западноевропейскими жизненными стандартами (что является большим грехом для правоверных шиитов и наказуемо в условиях современного Ирана), иранцы могут с ненавистью относиться к американцам, бояться англичан, уважать немцев, завидовать японцам, неплохо относиться к французам, презрительно — к арабам, высокомерно — к афганцам, безразлично — к пакистанцам, индусам, китайцам, с определенным непостоянством, то с симпатией, то с враждебностью — к россиянам. Хотя среди иранистов есть мнение, что иранцы очень толерантны к другим нациям и народностям¹⁰.

Национальный темперамент — это степень, быстрота проявления компонентов психического склада нации, национальной психологии людей. Иранцы обладают живым темпераментом. Менее образованные люди разговаривают громко, жестикулируют, откровенно выражают свои эмоции. Интеллигенты более сдержанны в своих чувствах. Как правило, иранцы легко вступают в контакт, с ними просто завести знакомство. При этом они вспыльчивы, им свойственна горячность, бурный характер реакций. Иранец может легко увлечься, его можно воодушевить, вызвать необходимое настроение, активность, решительность.

Следует учитывать тот факт, что не всем национальностям Ирана и не в полной мере свойственны указанные выше черты характера, особенности склада мышления, национальные чувства и темперамент. Однако в целом, несмотря на объективно существующие различия в национально-психологических особенностях представителей разных этносов Ирана, есть общее, что объединяет всех иранцев — это религиозность и национализм. Причем необходимо отметить, что в Исламской Республике национализм как философское, политико-идеологическое явление отрицается официальной идеологией «панисламского неошиизма Хомейни». Аятолла Хомейни не принимал понятия «нация» и «народ». В соответствии с его взглядами, все мусульмане, в том числе и иранцы, принадлежат к единой умме — общине ислама. И здесь аятолла Хомейни шел еще дальше, говоря о ненужности и упразднении границ между исламскими странами. «Сконструированная Хомейни модель иранского общества изначально не имела только сугубо иранского

предназначения, она в не меньшей степени носила общеисламский характер — принцип построения единого государства всех мусульман мира. С этих позиций Иран можно рассматривать как большой “демонстрационный проект” не только для мусульман, но и для остального мирового сообщества в целом. Шиитское духовенство с самого начала представляло ИРИ “образцом для других наций”, особенно в революционно-исламском плане, поскольку уже в начале 80-х гг. Хомейни назвал ИРИ “государством Великого Аллаха”¹¹.

Именно через исламскую суть государства национализм поощряется и культивируется иранской пропагандой, правда под соусом шиитского шовинизма иранского образца.

В свою очередь, религиозность иранца, прививаемая с детства, впитываемая с молоком матери и входящая в его подсознание через традиции, нравы, обычаи, привычки и вкусы, является главной составляющей персидской национальной психологии и характера. При этом показателен такой момент: вне зависимости от степени религиозности, от отношения к учению Пророка на «сознательном уровне» (вплоть до атеизма) иранец, для которого ислам есть стиль и норма повседневной жизни, на «подсознательном уровне» всегда остается мусульманином. Именно этот фактор превращает ислам в основу всей морально-политической и психологической обработки населения и личного состава вооруженных сил.

В итоге можно констатировать: нынешняя Исламская Республика Иран — наследница древнейшей мировой цивилизации, великой Персидской империи, покорившей добрую половину античного мира. В духовном, религиозном плане Иран в течение почти шести последних веков являлся центром мирового шиизма. Под влиянием этих основных исторических факторов в течение многих столетий формировался менталитет гордых и бескомпромиссных иранцев-шиитов, отстаивающих свои интересы в противостоянии с многочисленными врагами. В настоящее время персидская национальная психология, представляющая собой сплав великодержавного имперского национализма и шиитской избранности, стала политическим фактором.

Примечания

¹ Мичурин В. Возрождение Ирана в свете теории этногенеза // Наш современник. 1992. № 8. С. 124–128.

² Сайт: Central Intelligence Agency (CIA) — The World Factbook <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>

³ Там же.

⁴ Салиев А. Л. «Иранская идентичность» как фактор внешней политики // Сайт «Время Востока», 25.05.2007. <http://www.easttime.ru/analytic/3/11/211.html>

⁵ Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004; Мамедова Н.М. Иран в XX веке. М., 2000; Агеев С. Л. Иран. М., 1994.

⁶ Мичурин В. Указ. соч. С. 124–128.

⁷ Цит. по: Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М., 2014. С. 180.

⁸ Игнатенко А.А. Войны хитрецов // НГ-Религии. 19.05.2010.

⁹ Швердин М. И. Вечно в пути (Тени пустыни — 2) <http://www.rulit.me/books/vechno-v-puti-teni-pustyni-2-read-3381-22.html>

¹⁰ Сафаров Р. В Иране революции не будет! МОФ «Идеология», 2006.

¹¹ Салиев А. Л. «Иранская идентичность» как фактор внешней политики.

*М.С. Каменева**

ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИРАНА

Резюме. В статье анализируется роль языкового фактора в процессах национальной интеграции и консолидации на примере персидского языка в современном Иране. Так, в шахский период он являлся важным инструментом осуществления политики великодержавного иранского национализма и паниранизма, целью которой в том числе была реализация триединой формулы — «одно государство — одна нация — один язык». Первое десятилетие после исламской революции проблема интеграции на базе персидского языка была подменена проблемой мусульманской солидарности на основе единой веры, где исламизм Хомейни был противопоставлен национализму династии Пехлеви. В последующие десятилетия меняется официальное отношение к персидскому языку в рамках изменения общей концепции иранской культуры. Ему отводится далеко не последнее место в процессах консолидации иранской нации, а само понятие «иранская нация» стремится к выходу за пределы государственных границ.

Ключевые слова: Иран, интеграция, исламская революция, национализм, культурно-языковая политика, персидский язык.

Summary. The article analyzes the role of the Persian language in the processes of national integration and consolidation in modern Iran. Persian language was an important instrument for implementing the policy of Iranian nationalism and Paniranism and one of the aims of this policy was the realization of a three-pronged formula «one country — one nation — one language». Within the period of the first decade after the Islamic Revolution the problem of integration on the basis of Persian language was replaced by the issue of Muslim solidarity based on the common faith. So Khomeini's Islamism was opposed with the nationalism of Pahlavi dynasty. Next decades the official attitude to Persian language changes in the frame of general concept of Iranian culture. It occupies far from the last place in the process of consolidation of Iranian nation and the notion of «Iranian nation» aspires to transcend the national borders.

Tags: Iran, integration, Islamic revolution, nationalism, cultural and language policy, Persian language.

На протяжении почти ста лет персидский язык является важным компонентом политической доктрины и идеологических концепций руководства современного Ирана и играет важную роль в процессах национальной интеграции и консолидации. Условно в пределах нашего исследования, а это 20-е гг. XX в. — начало XXI в., можно выделить два периода в истории стра-

* Каменева Марина Самуиловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

ны, характеризующиеся как сходством, так и различием в подходе к анализу роли персидского языка в Иране. Первый период охватывает временной отрезок, начиная с 20-х гг. XX в. и до 1979 г., т. е. до Исламской революции. Второй период начинается после февраля 1979 г. и продолжается по настоящее время.

Обращаясь к первому из выделенных нами исторических периодов в развитии страны, следует сказать, что он совпадает со временем правления династии Пехлеви, когда правящие круги Ирана активно проводили политику великодержавного иранского национализма и паниранизма. Официальные идеологи культивировали и пропагандировали представление об исключительности Ирана, его истории и культуры, причем в первую очередь доисламского периода развития страны. Целью такой политической линии являлась в том числе реализация триединой формулы «одно государство — одна нация — один язык», где важным признаком иранской нации считалась также и господствующая в стране религия — ислам. И функция этого единственного языка была возложена на персидский язык.

Языковое развитие Ирана этого периода характеризовалось постепенной локализацией арабского языка в сфере религиозного общения и укреплением позиций персидского языка, чему в немалой степени способствовала языковая политика, направленная на насильственное насаждение последнего де-факто в качестве единственного официального языка по всей стране. Она была тесно связана с общей политической линией иранской власти. При этом интересно отметить, что в Конституции 1906 г. такой высокий статус персидского языка не получил юридического определения. Политика по национальному вопросу, являвшаяся важной составной частью политики великодержавного иранского национализма и паниранизма, также была ориентирована на создание единой иранской нации на основе персидского этноса. Персидский язык вместе с тем не являлся родным и средством коммуникации для большинства населения страны, которое отличалось от господствующей нации — персов — по многим признакам. Однако официальная пропаганда утверждала, что курды, луры и представители других племен являются чистыми персами с общим языком, различающимся лишь диалектами¹. Так, например, избирательный закон, последний вариант которого был принят в 1963 г., предусматривал, что кандидат в депутаты меджлиса должен, в частности, в достаточной степени владеть персидским языком². Судопроизводство в Иране во времена правления династии Пехлеви также осуществлялось только на персидском языке³. Насаждался персидский язык среди населения национальных окраин. Кампания за укрепление «национального единства» сопровождалась пропагандой расового и культурного превосходства персов, что проявлялось в фетишизации прошлого Ирана. Интересно, что, согласно данным на середину 1978 г., из общего числа населения — немногим более 35 млн чел. — персы составляли лишь 16 млн чел., т. е. приблизительно половину населения страны.

Отпечаток национализма лежал также на проводимой в стране языковой политике, что выразилось в осуществлении туристических кампаний, направленных на очищение персидского языка от иноязычных заимствований путем введения в употребление заново образованных собственных языковых эквивалентов или возрожденных староиранских, давно вышедших из сферы

активного функционирования слов и словосочетаний. Каналами реализации такой языковой политики стали специальные учреждения — Академия персидского языка и литературы, просуществовавшая с 1935 г. по 1941 г., и Академия языка Ирана, созданная в 1970 г. и прекратившая свою деятельность с началом революционных событий в стране. Ими было предложено значительное количество языковых эквивалентов для функционировавших в персидском языке заимствованных слов и словосочетаний. Так, например, было предложено заменить *tayere* (араб.) на *havareyma* ‘самолет’, *program* (франц.) на *barname* ‘программа’, *arkolozhi* (франц.) на *bastanshenasi* ‘археология’, *murasale* (араб.) на *name* ‘письмо’, *ketabe logat* (араб.) на *vazhegan* ‘словарь’, *moallem* (араб.) на *amuxtar* ‘учитель, преподаватель’ и т. д. Сторонники таких преобразований считали создание «чистого персидского языка» одним из факторов усиления и укрепления националистического мировоззрения иранской нации. Обе академии активно работали и над процессами нормирования и кодификации современного персидского языка в русле политических вызовов, а также над реализацией достигнутых результатов для поддержания его прежнего высокого престижа и пропаганды способности персидского языка к удовлетворению потребностей коммуникации во всех сферах жизни иранского общества вплоть до Исламской революции 1979 г.⁴

Говоря об успехах или неудачах политики «персификации», и в том числе политики правящих кругов Ирана, направленной на превращение персидского языка в «общий» для всего населения Ирана, можно обратиться к цифрам, приводимым в ежегоднике «Иран — 1989/90». Согласно его данным, к этому времени всего лишь 14,9% населения страны совсем не владело персидским языком, а 2,9% — понимало по-персидски, но не говорило на этом языке⁵.

После революционных событий 1979 г. в ИРИ с приходом к управлению государством мусульманского духовенства начинается процесс исламизации всех сфер общественной жизни страны, что получает официальное закрепление в принятой в декабре 1979 г. новой конституции страны. Для руководства послереволюционного Ирана в первые годы после прихода к власти характерно проведение политики, игнорирующей языковые, этнические, территориальные, экономические и иные признаки национальной общности в качестве определяющих и выдвигающей на первый план принцип единства религиозной веры. Имам Хомейни и его окружение в своих исламистских концепциях не рассматривали как персидский, так и арабский языки в качестве средства национальной интеграции в пределах иранского государства. Это было в полной мере созвучно содержанию понятия «иранская культура», под которой понималась исключительно мусульманская культура Ирана. И как следствие, проблема национальной интеграции на базе персидского этноса, где решающую роль играл персидский язык, была снята и подменена проблемой мусульманской солидарности на основе единой веры⁶. Таким образом, исламизм Хомейни был противопоставлен национализму династии Пехлеви. Как писала газета «International Herald Tribune», аятолла Хомейни, придя к власти, начал яростную кампанию, направленную на ликвидацию иранского национализма, который взращивался бывшим шахом, всячески подчеркивая тесные связи между Ираном и арабскими странами. Стремясь зачеркнуть доисламское прошлое Ирана, Хомейни заменил прежние эмблемы Ирана — лев и солнце — на исламский полумесяц, запре-

тил называть новорожденных персидскими именами, начал использовать в своих выступлениях арабскую политическую терминологию, в сотнях школ изучение английского и других европейских языков было заменено арабским и т. д.⁷. Велась активная деятельность, направленная на укрепление позиций арабского языка в стране — было введено его обязательное изучение в школах, созданы специальные телевизионные передачи и курсы всеобщего обучения, курсы для преподавателей арабского языка с целью повышения их профессиональной подготовки и многое другое⁸. И все эти события происходят на фоне юридического закрепления статуса персидского языка как официального и общегосударственного для всех народов, населяющих страну в основном законе ИРИ⁹.

В последующие годы, начиная с конца 1980-х, что совпадает с окончанием ирано-иракской войны и началом созидательного периода в развитии Ирана, постепенно вместе с трансформацией понятия «иранская культура», которая уже рассматривается как сочетание исламской культуры Ирана и традиционных исконно иранских цивилизационных ценностей, изменяется официальное отношение к персидскому языку. Становится очевидно, что чужеродность и недоступность арабского языка для понимания большинством населения страны, несмотря на все мероприятия по его внедрению в жизнь иранского общества, не позволили ему превратиться подобно персидскому в язык с широкими социальными функциями. Укрепляются позиции персидского языка как фактора культурной интеграции народов, населяющих Иран. Проводятся мероприятия, способствующие повышению уровня владения им учащимися и студентами, а также преподавателями персидского языка, в первую очередь в тех останах, где большинство населения составляют неиранские народы, например азербайджанцы, туркмены. Проводятся семинары и совещания по проблемам совершенствования обучения персидскому языку и его распространению особенно в двуязычных останах. Суть проводимой культурно-языковой политики в одном из своих выступлений на совещании в Совете по распространению персидского языка при министерстве культуры и исламских связей охарактеризовал Хоадад Адель, президент Академии языка и литературы и глава Комиссии по культуре иранского межджиса. Он сказал, что «одним из важных факторов сохранения независимости Ирана является поддержание его национальной индивидуальности, в первую очередь культурной самобытности, путем укрепления в том числе позиций персидского языка как языка общенационального и символа единства при сохранении всех диалектов и говоров, функционирующих в стране, и при полном уважении к выдающимся литературным творениям прошлого»¹⁰. Персидский язык также начинают все больше считать важным интегрирующим и консолидирующим фактором. Эта тенденция находит отражение в выступлениях политических и общественных деятелей страны, в публикациях периодических изданий. Так, аятолла Хаменеи в своей речи на Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка назвал персидский язык как для иранцев, так и для других персоязычных народов фундаментом национального менталитета¹¹. Мохсен Резаи, секретарь Ассамблеи по целесообразности, в 2005 г. на своем сайте отмечал, что Иран является ведущей региональной державой, а персидский язык — региональным языком¹². А газета «Эттелаат», одно из ведущих периодических изданий ИРИ, писала,

что для современных иранцев персидский язык является одной из важных составляющих сохранения национального единства и целостности страны, а иранское руководство рассматривает его как фактор не только национальной, но и культурной, а также в определенной степени идеологической интеграции¹³. Таким образом, мы видим, что персидский язык вновь начинает привлекать к себе пристальное внимание иранских политиков и идеологов и постепенно занимает важное место в концепциях развития Ирана этого периода. Несомненно, этому способствовали неоднократно звучавшие, прежде всего в СМИ, заявления, что Иран — это важная часть мусульманского мира, а его жители являются одновременно и иранцами, и мусульманами. Персидский язык, наряду с арабским, начинает рассматриваться как второй по значимости язык ислама и мусульманской цивилизации.

Важная роль в укреплении позиций персидского языка и повышении его статуса как языка общенационального принадлежит уже вышеупомянутой Академии персидского языка и литературы, которая была создана в период президентства Хашеми Рафсанджани в 1990 г. по решению Высшего совета культурной революции. Представляет интерес тот факт, что необходимость ее создания определялась в том числе такими факторами, как: 1) персидский язык — второй по значимости язык исламского мира и 2) он является одним из важнейших компонентов иранской культуры. В центре внимания ученых Академии находились и находятся в настоящее время вопросы совершенствования персидского языка, прежде всего в сфере лексики и грамматики, и сохранения его индивидуальности. Языки так называемых национальных меньшинств не являются приоритетом ее исследовательской деятельности, хотя, как отмечается в программных документах Академии, помимо исследований в области персидского языка ведется изучение древних и современных говоров и диалектов Ирана. Представляет интерес тот факт, что в принятом в 2011 г. Шестом пятилетнем плане также подчеркивается важность развития современного персидского языка в общем контексте культурного развития страны, и на правительство возлагаются обязательства по продвижению вырабатываемых (Академией языка и литературы. — М. К.) языковых стандартов, изъятию латиницы с вывесок в общественных местах, названий фирм и упаковок неэкспортируемых товаров¹⁴.

Анализируя роль персидского языка в социальных и национальных процессах на современном этапе, необходимо обратить внимание на такое совершенно новое в сравнении с предреволюционным периодом явление, как международный аспект анализируемой проблемы, который, несомненно, не может рассматриваться вне концепции иранской культурной политики и включает в себя широкий спектр мероприятий. Мы обратимся лишь к одному из них.

В настоящее время за пределами Ирана существует огромная иранская диаспора. Особенно много этнических иранцев проживает в Канаде, США, Англии, Германии, странах Персидского залива, в Скандинавии и многих других странах европейского и азиатского континентов. Руководство ИРИ стремится консолидировать представителей иранской диаспоры за рубежом с их соотечественниками, апеллируя к этнокультурным факторам. Возможно, такая политика ставит целью в дальнейшем расширить рамки понятия

«иранская нация» и включить в него всех иранцев независимо от места их проживания. И здесь важная роль отводится культурно-языковому фактору. Так, в конце 2007 г. по инициативе министерства культуры и исламской ориентации на государственном уровне была принята специальная программа по обучению молодых иранцев, проживающих в разных странах мира, персидскому языку как инструменту «сохранения связи с культурой родной земли». О важности осуществления этого проекта говорит тот факт, что в нем участвуют не только высшие учебные заведения ИРИ, но и «Организация по проблемам культуры и исламских связей» через свои культурные представительства, функционирующие во многих странах мира¹⁵. Вместе с тем руководство ИРИ приглашает иранцев — научных работников и преподавателей, проживающих за рубежом, — на работу в Иран, причем как на постоянной, так и на временной основе. Так, по сообщениям иранских СМИ, в 2010 г. в иранских университетах и исследовательских центрах работали 200 иранских специалистов, приехавших в Иран из-за рубежа¹⁶.

Таким образом, мы видим, что после Исламской революции были приняты и предпринимаются шаги, направленные на интеграцию и консолидацию иранской нации, где персидскому языку отводится далеко не последнее место, а само понятие «иранская нация» стремится к выходу за пределы государственных границ.

Примечания

- 1 Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976. С. 112.
- 2 Миланян А. Д. Государственный строй современного Ирана. М., 1973. С. 76.
- 3 Там же. С. 111.
- 4 Подробнее см.: Каменева М. С. О деятельности двух академий языка Ирана и некоторых инновациях в лексике персидского литературного языка // Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983. С. 89–97.
- 5 Yearbook «Iran 1989/90». Bonn, 1990. P. 16.
- 6 Степанянц М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. М., 1982. С. 90.
- 7 International Herald Tribune. 10.10.1981.
- 8 Кейхан. 14.12.1981; Кейхан. 17.01.1982; Кейхан. 02.11.1982; Джомхуриэ эслами. 01.10.1982; Джомхуриэ эслами. 12.10.1982; Эттелаат. 26.07.1982.
- 9 См.: Конституция Исламской Республики Иран. Статья 2. Раздел 15.
- 10 Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы. Тегеран, 1999, № 50. С. 6 (на персидском языке).
- 11 См. подробнее: Отчет о первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка. Тегеран, 1997. С. 3–5. (на персидском языке).
- 12 www.nanrazavi.com. 26.03.2005.
- 13 Эттелаат. 09.09.2007.
- 14 www.majlis.ir.
- 15 Эттелаат. 09.09.2007.
- 16 Эттелаат. 01.08.2011.

*И. Н. Серенко**

УРДУИЗАЦИЯ ПАКИСТАНСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Резюме. С момента образования Пакистана в 1947 г. проблема сохранения его единства при всем этническом многообразии требовала разработки концепции пакистанской национальной идентичности, большая роль в которой отводилась государственному языку урду. В качестве составной части национальной политики государства выступала урдуизация пакистанской школы, которая была призвана формировать у граждан чувство патриотизма и принадлежности к единой пакистанской нации. Однако сложившаяся в стране этнолингвистическая ситуация не позволяет государству в полной мере решить проблему межэтнических противоречий, что затрудняет процесс национальной интеграции и реализации на практике идеи общепакистанской идентичности, в том числе и через осуществление политики урдуизации пакистанской системы образования.

Ключевые слова: Восточный Пакистан, Западный Пакистан, лингвистическая проблема, пакистанская национальная идентичность, национальная политика, урдуизация образования.

Summary. Since the formation of Pakistan in 1947, the problem of the country unity preservation with all its ethnic diversity demanded the development of the concept of Pakistan national identity, in which the national language Urdu played the main role. Urduization of the Pakistani education system became a part of the state National Policy, which was intended to instill in citizens a sense of patriotism and belonging to one Pakistani nation. However, prevailing ethno-linguistic situation in the country does not allow the state to solve fully the problem of inter-ethnic contradictions, which complicates the process of national integration and practical implementation of the idea of all Pakistan national identity, including the implementation of urduization policy of Pakistani education system.

Tags: East Pakistan, West Pakistan, linguistic problem, Pakistan national identity, National Policy, urduization of education.

Исламская Республика Пакистан — полиэтническое федеративное государство в северо-западной части Южной Азии. Оно было создано в 1947 г. на конфессиональной основе. С момента его образования борьба за сохранение единства молодого государства требовала разработки концепции пакистанской национальной идентичности на основе создания единого этнолингвистического пространства, где в качестве государственного языка

* Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

пакистанцев провозглашался урду. Он не являлся родным для большинства населения Пакистана, состоявшего на первоначальном этапе государственного строительства из двух провинций: Западной и Восточной.

Выступая на совете Даккского университета 24 марта 1948 г., основатель Пакистана Мухаммад Али Джинна, заявил, что «в качестве официального языка провинции народ провинции может использовать любой язык, который он желает. Однако единственным языком общения между различными провинциями государства может и должен стать урду и никакой другой язык. Государственным языком должен быть урду, взрастивший сотни миллионов мусульман этого субконтинента, язык, понятный на всей территории Пакистана, и более того, язык, который из всех других языков провинций более всего объединяет в себе все то лучшее, что есть в исламской культуре и мусульманской традиции, является наиболее родственным языку, используемому в других исламских государствах»¹.

При этом ведущую роль в реализации национальной политики государства М.А. Джинна отводил формирующейся системе образования: «Нет сомнения в том, что будущее нашего государства будет и должно во многом зависеть от того, какое образование мы дадим нашим детям и каким образом воспитаем в них будущих строителей Пакистана... Что мы должны предпринять, так это мобилизовать наш народ и сформировать характер наших будущих поколений»². Говоря о последнем, он указывал на необходимость «развивать в них высокое чувство чести, единения, самоотверженного служения народу»³.

При формировании у подрастающего поколения чувства патриотизма, любви и преданности своему отечеству М.А. Джинна призывал избегать увлечения местным национализмом. Это четко прослеживается в его многочисленных выступлениях перед молодежью страны, и в частности в его обращении 12 апреля 1948 г. к студентам Исламского колледжа в Пешаваре: «Вы должны учиться различать свою любовь к провинции, в которой вы живете, и свою любовь и долг перед государством в целом. Наш долг перед государством ставит нас на ступень выше провинциализма. Он требует от нас более широкого видения и более глубокого осознания патриотизма. Наш долг перед государством часто требует от нас готовности поступиться своими личными или провинциальными интересами во благо общества. Наш долг перед государством выступает на первый план; наш долг перед нашей провинцией, нашим дистриктом, нашим городом, нашей деревней и нами самими находится на втором месте. Поэтому нам нужно более широкое мировоззрение, которое перешагнет границы провинций, ограниченного национализма и расизма. Мы должны формировать чувство патриотизма, способное объединить и сплотить нас всех в одну сильную нацию»⁴.

Однако, как показали дальнейшие события, государству так и не удалось избежать деструктивных последствий ограниченного провинциализма и местного национализма, что не позволило реализовать в полной мере замыслы М.А. Джинны по сплочению «всех в одну сильную нацию». Признание урду в качестве единственного государственного языка в рамках сложного и многообразного по этническому составу странового новообразования без учета

его полилингвистического пространства было рассчитано, по справедливой оценке отечественного востоковеда Ю.В. Ганковского, на то, чтобы «укрепить связи между различными этнолингвистическими областями страны, помешать развитию национальных движений, слить воедино Восточный и Западный Пакистан, ослабить связи между Восточной и Западной Бенгалией»⁵.

Однако жителей Восточного Пакистана (бенгальцев) не удовлетворило признание урду единственным государственным языком Пакистана. Ведь 54,3% населения страны говорили на бенгальском языке. Между тем правящие круги пытались закрепить за ним, как, впрочем, и за другими наиболее распространенными среди пакистанцев языками (панджаби, пушту, синдхи, балучи и др.), лишь статус провинциальных или местных диалектов. Пока решался вопрос государственного языка Пакистана, английский, как наследие колониального прошлого, продолжал использоваться в качестве официально-го во всех областях государственной и общественной жизни. Он оставался языком обучения как в системе элитных частных общеобразовательных школ европейского типа, так и на высших ступенях образования, усугубляя тем самым начавшийся процесс поляризации пакистанского общества. Проводимая в Пакистане национальная политика на фоне языковой дискриминации вызывала растущее недовольство и серьезное противодействие прежде всего со стороны бенгальского населения. Так, состоявшиеся в Дакке 21 февраля 1952 г. выступления бенгальских студентов и преподавателей в защиту своего родного языка были жестоко подавлены пакистанскими властями и сопровождались многочисленными жертвами среди демонстрантов⁶. Стоит сказать, что в знак признания заслуг бенгальцев в борьбе за свои языковые права ООН учредила 21 февраля 2000 г. Международный день родного языка, отмечаемый с тех пор ежегодно всем мировым сообществом. Массовое движение бенгальцев в защиту их родного языка способствовало в конечном итоге признанию бенгали, наравне с урду, в качестве государственного языка (1954).

Комиссия по национальному образованию (1959) пересмотрела роль английского языка, рекомендовав осуществить постепенный переход обучения в учебных заведениях всех образовательных звеньев на государственные языки с использованием английского в качестве обязательного предмета, начиная с 6 класса общеобразовательной школы. Акцент делался на развитие урду и бенгали. Впервые на государственном уровне была предпринята попытка более гибкого подхода к использованию в Западном Пакистане панджаби, пушту, синдхи и балучи в качестве родных языков в учебном процессе. Комиссией предусматривалась возможность использовать их учащимися при первоначальном овладении знаниями с постепенным изучением урду в качестве обязательного предмета, начиная с 3 класса. Обучение на языке урду вводилось с 6 класса и распространялось далее на высшее университетское звено. Лингвистическое единство Западного Пакистана связывалось с дальнейшим укреплением позиций государственного языка урду. При этом сохранение целостности всего Пакистана виделось властям в создании некой новой национальной лингвистической модели путем «сближения двух

национальных языков: урду и бенгали, опираясь на их общий вокабуляр, имеющий значительное количество похожих элементов, состоящих из слов персидского, арабского и прокритского происхождения»⁷.

В соответствии с Новой политикой государства в области образования (1969) предусматривался ряд мер по созданию унифицированной системы образования, усилению идеологического воспитания подрастающего поколения для ликвидации поляризации пакистанского общества и достижения в нем «национального консенсуса» с опорой на исламскую идеологию и дальнейшее внедрение в учебный процесс билингвизма⁸. Бенгальский язык, получивший статус национального наравне с урду, становился языком обучения в учебных заведениях Восточного Пакистана, а для Западного таковым по-прежнему оставался урду. Их изучение в качестве второго обязательного языка (в зависимости от провинции) вводилось в 6–10-х классах школы. Английскому отводилась роль факультативного предмета. При этом указывалось на необходимость придания к 1975 г. этим двум национальным языкам и официального статуса вместо английского. В связи с чем все государственные чиновники уже к 1973 г. должны были в обязательном порядке свободно владеть двумя государственными языками: и урду, и бенгали⁹. Но эти решения уже не смогли сдержать роста национального движения бенгальцев за отделение от Пакистана, в результате чего в 1971 г. Пакистан потерял часть своих территорий и на карте мира появилось новое государство Бангладеш.

В усеченном в своих размерах Пакистане курс на урдуизацию пакистанской школы с одновременным использованием английского языка сохранился, хотя и был несколько скорректирован за счет опоры на лингвистический потенциал местных языков с целью недопущения дальнейшей дезинтеграции государства. Востребованность английского в системе народного образования пакистанского государства во многом определялась сохранением его официального статуса, закрепленного во всех трех конституциях страны (1956, 1962, 1973). Английский остается официальным языком Пакистана и по сей день. И это несмотря на то, что последняя Конституция 1973 г. (статья 251) предусматривала осуществить переход с английского языка на урду в течение 15 лет (1973–1988) для придания национальному языку одновременно и официального статуса¹⁰.

В соответствии с новой Национальной политикой в области образования (1972) государством планировалось осуществить переход обучения учащихся с английского на урду или языки провинций. В частности, предусматривалось решение следующих организационных задач: а) начиная с апреля 1979 г. все учащиеся, принятые в 1 класс «инглиш мидиум скулз» («школы с преподаванием на английском языке»), должны использовать в процессе обучения либо государственный язык урду, либо языки провинций; б) преподавание в начальной школе должно осуществляться на государственном языке или языке провинции в зависимости от решения провинциального правительства; в) в соответствии с решением правительства провинции преподавание может вестись на языке провинции, но урду при этом должен изучаться в качестве обязательного предмета, начиная с 3 класса; г) английский

следует изучать во всех школах в качестве второго обязательного языка, начиная с 4 класса; д) урду может по выбору использоваться в качестве языка обучения в колледжах и университетах до тех пор, пока не будет завершен окончательный переход на его использование в учебном процессе в течение последующих 5–7 лет; е) учителя существующих школ с преподаванием на английском могут вести обучение на урду или языке провинции; ж) существующие учебники «инглиш мидиум скулз» по всем предметам, кроме предмета английского языка, могут быть заменены учебниками, изданными на урду или языке провинции; з) открытие новых школ с преподаванием на английском языке больше не планировалось; и) предполагалось создать учебники по естественным и техническим дисциплинам на урду для колледжей и университетов. В реформе также указывалось на то, что в школах с преподаванием на государственном языке один из региональных языков должен изучаться в качестве второго языка, начиная с 3 класса¹¹.

В соответствии с данной национальной политикой государства в области образования к 1988 г. предполагалось осуществить окончательный переход к обучению во всех школах Пакистана на урду или языки провинций. Но при сохранении официального статуса английского языка этого так и не произошло. Кроме того, в стране отсутствовала необходимая научная база и должное финансирование реализации данной языковой программы.

Среди пакистанского населения возрастал социальный спрос на образование европейского типа, открывавшего широкие возможности для карьерного роста и трудоустройства не только в самом Пакистане, но и за рубежом. Несмотря на заявленную политику национализации частных учебных заведений и перехода на государственный и региональные языки обучения, в стране наблюдался процесс дальнейшего функционирования школ европейского типа при некотором сокращении использования в образовательных целях урду и языков провинций. Это отрицательно сказывалось на предоставлении равных образовательных возможностей для основной массы пакистанцев, способствовало снижению качества получаемых ими знаний, а также уровня образования в целом. Пакистанские педагоги небезосновательно выражали обеспокоенность в связи с тем, что «изучение английского языка подрывает наши языки, разрушает нашу культуру, лишает нас наших корней и уничтожает нашу национальную индивидуальность»¹². На их взгляд, «до тех пор пока английский остается официальным языком, ни один пакистанский язык не может развиваться полноценно... Местные языки должны объединиться в своих усилиях против английского языка, так как он наносит им так же, как и государственному языку, непоправимый вред»¹³.

Образовательная политика Зия-уль-Хака (1979) вновь повернула лингвистический вектор в русло урдуизации, где урду стал идеологической опорой проводимой им исламизации пакистанского общества, основой исламской солидарности мусульманской уммы и языком межнационального общения. Но в 1986 г. руководство страны приняло решение о преподавании естественных наук и математики на английском языке. Оно было подтверждено и на межправительственной конференции по народному образованию

в 1988 г., где учебным заведениям было дано право выбора английского в качестве языка обучения и по другим предметам. Вопросы языка обучения обсуждались и на состоявшейся 28–30 марта 1989 г. в Исламабаде Всепакистанской конференции по народному образованию. На ней, в частности, указывалось, что с 1 по 3 класс начальной школы следует изучать один язык, а преподавание английского языка в качестве второго рекомендовалось начинать с 4 класса. Использование английского в качестве языка обучения, наряду с урду или языком провинции, разрешалось только с 6 класса¹⁴. Курс на урдуизацию, но в более гибкой форме (с правом выбора языка обучения в начальной школе одного из языков провинций, урду или английского), был поддержан и в последующих реформах образования при Наваз Шарифе (1992, 1998) и Асифе Али Зардари (2009).

Положение самого национального языка урду в Пакистане оставалось довольно своеобразным, так как он не являлся родным для подавляющего большинства пакистанцев. Его считают родным лишь 7,57% населения страны. Это — мухаджир, являющиеся мусульманскими переселенцами из Северной и Западной Индии, эмигрировавшими в страну после раздела Британской Индии в 1947 г., а также их потомки. В Пакистане с населением более 196 млн человек проживает, включая мухаджиров, восемь основных этнических групп: панджабцы (44,68%), пуштуны (15,42%), синдхи (14,1%), сирайки (8,38%), белуджи (3,57%), а также другие малочисленные народности (6,28%)¹⁵. При этом панджабцы, синдхи, мухаджир относятся к индоарийским народам и проживают компактно на севере и востоке Пакистана. Народы, говорящие на иранских языках, живут на севере (памирские народы — ваханцы и йидга) и на западе страны (пуштуны, белуджи, хазарейцы и др.). На севере проживают говорящие на дардских языках кохистанцы, шина и другие, а также говорящие на изолированном языке буриши, на северо-востоке — тибето-бирманский народ балти, на юго-западе — дравидийский народ брагуи¹⁶. По данным ЮНЕСКО, из 75 языков и диалектов Пакистана около 27 языков, используемых в северных районах страны, Кашмире и Хайбер-Пахтунхва, находятся на грани исчезновения¹⁷.

Процессы глобализации способствовали увеличению спроса пакистанских граждан на знание английского языка и усилению его роли в национальной системе просвещения. В соответствии с государственной политикой в области образования (2009) изучение английского в качестве школьного предмета вводилось с 1 класса начальной школы. Использование его в качестве языка преподавания предметов естественнонаучного цикла и математики намечалось осуществлять с 4 класса. Однако позже, в 2010 г., было принято решение об использовании его в этих целях уже в 1 классе начальной школы. Но данное решение не было подкреплено наличием в стране необходимых педагогических кадров соответствующей квалификации, а также методических и учебных материалов. Урду по-прежнему рассматривался реформой в качестве «национального языка, который связывает все народы Пакистана вместе и является символом национального единства и интеграции». Пирамиду лингвистической приоритетности завершают региональные

языки и местные диалекты страны. Их развитию не уделяется должного внимания, несмотря на то что данной образовательной реформой они определяются как «этническое и культурное богатство и разнообразие» Пакистана¹⁸. Наряду с английским и урду по одному из региональных языков все же были включены в учебные планы начальных школ с правом выбора их местными властями в качестве языка обучения на начальном этапе получения образования. С внесением 18-й поправки в конституцию страны (апрель 2010 г.) решение образовательных проблем, включая использование в школах того или иного языка обучения, передавалось от центральных органов управления провинциальным властям.

В целом национальная политика государства по урдуизации пакистанской школы способствовала, по официальным данным (2009), переходу обучения на национальный язык — урду — в 65% учебных заведений страны. В государственном секторе этот показатель немного выше (68,3%), чем в частном сегменте учебных заведений (57,2%). Провинциальный язык синдхи используется в качестве языка обучения в 15,5% учебных заведений страны, английский — в 10,4%. Кроме того, такие языки, как пушту, балучи, арабский и другие, выступают в качестве языка обучения в 9,5% образовательных учреждений Пакистана¹⁹.

Доля наиболее распространенного в стране языка панджаби в учебном процессе в данной официальной статистике не указывается. Панджаби преднамеренно отождествляется пакистанскими властями с урду, имеющим с последним много общего. В беседах автора данной статьи с представителями пакистанской диаспоры, работающими и проживающими в Москве, данная лингвистическая схожесть сравнивалась ими для наглядности на примере русского и украинского языков. Они отмечали, что панджаби в основном является языком малообразованных жителей сельской местности, а знание урду ассоциируется самими пакистанцами с принадлежностью к образованным слоям городского населения страны. Верхи Пакистана составляют в основном урдуязычные панджабцы, чье знание английского языка придает им высшую степень элитарности в пакистанском обществе. Представляется, что политика урдуизации пакистанского общества и ее системы образования направлена не столько на консолидацию всех имеющихся в стране этнических потоков в одну единую пакистанскую нацию, сколько на сокрытие многочисленной панджабской элитой ее политического и экономического доминирования в стране и дальнейшее сохранение за собой этого превосходства.

Можно согласиться с выводами британских экспертов в области лингвистики Х. Колеманом и Т. Капстиком о том, что языковая политика государства способствовала созданию в Пакистане неравноценных учебных заведений разнородного типа в зависимости от языка обучения, закрепляющих социальное неравенство среди населения страны. К ним, в частности, можно отнести следующие современные и традиционные образовательные учреждения:

— элитные частные школы с преподаванием на английском;

— школы с преподаванием на английском языке, управляемые пакистанскими военными;

— бесплатные государственные школы с преподаванием на урду в большинстве районов страны, а также с обучением на синдхи (в провинции Синд), на пушту и некоторых других местных языках (в Хайбер-Пахтунхва);

— недорогие частные школы с преподаванием на английском для среднего класса;

— религиозные школы (медресе) в основном с преподаванием на местных языках, урду и довольно редко, в основном в городской местности — на английском;

— бесплатные религиозные школы (медресе) для неимущих слоев населения в основном с преподаванием религиозных дисциплин²⁰.

Курс государства на урдуизацию пакистанской школы не способен ослабить позиций английского языка в пакистанском обществе в целом и в его образовательной структуре в частности. Его практическая реализация отрицательно сказывается и на развитии региональных языков. Урду, находясь в привилегированном положении, низводит языки подавляющей части населения страны на второстепенные позиции. И, как показывает история развития пакистанского государства, это способствует не только росту среди различных этносов страны многочисленных национальных движений за сохранение и развитие их родных языков и самобытной культуры, но и разжиганию лингвистического шовинизма и национализма. Последние как до, так и после отделения Восточного Пакистана от Западного с последующим созданием Бангладеш и усеченной в размерах пакистанской федерации по-прежнему остаются серьезной угрозой дальнейшей дезинтеграции многонационального пакистанского государства. В этом ряду достаточно вспомнить национальные движения народов Западного Пакистана (белуджей, панджабцев, пуштунов, синдхов) против этнической дискриминации, за создание автономных провинций на национально-лингвистической основе; синдхско-мухаджирский конфликт 1971–1972 гг., вызванный языковыми противоречиями между этими двумя этническими общностями и нежеланием синдхов потерять свой язык; выступления панджабцев за возрождение их культурной традиции и родного языка, усилившиеся в стране начиная с 1990-х гг., и т. д.²¹

Таким образом, как показывает проведенный анализ, языковая политика властей Пакистана на протяжении всего периода его независимого развития отличалась заметной непоследовательностью и противоречивостью. При этом вполне очевидно, что урдуизация пакистанской школы, которая была призвана формировать у граждан страны чувство патриотизма и принадлежности к единой пакистанской нации, выступает в качестве основной константы национальной политики государства. Однако она приводит к прямо противоположным результатам. Сложившаяся в Пакистане этнолингвистическая ситуация не позволяет государству в полной мере решить проблему межэтнических противоречий, что затрудняет процесс национальной интеграции, реализации на практике идеи общепакистанской идентичности, в

том числе и через урдуизацию пакистанской системы образования. Отказ от признания лингвистического плюрализма, предоставление режима благоприятствования урду и английского за счет местных языков являются, по мнению пакистанских исследователей, не чем иным, как «лингвистическим империализмом», «лингвистическим апартеидом», направленными против национального единства пакистанской нации во всем ее этнолингвистическом многообразии²².

Примечания

- ¹ Цит. по: Chaudry M. A. *The Emergence of Pakistan*. Lahore, 1988. P. 365.
- ² Quaid-i-Azam Muhammad Ali Jinnah. *Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948*. Karachi, 1962. P. 36.
- ³ Ibid. P. 17.
- ⁴ Ibid. P. 18.
- ⁵ Цит. по: Ганковский Ю.В. *Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане*. М., 1967. С. 85.
- ⁶ Там же. С. 85–89, 122.
- ⁷ Более подробно о государственной политике в области образования см.: Report of the Commission on National Education. January-August 1959. Government of Pakistan. Ministry of Education. Karachi, 1960. P. 281–289.
- ⁸ *Proposals for a New Educational Policy*. Ministry of Education and Scientific Research. Government of Pakistan. Islamabad, 1969. P. 2.
- ⁹ Ibid. P. 15.
- ¹⁰ *The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan*. National Assembly of Pakistan. Islamabad, 1973. P. 122.
- ¹¹ Rafique A. *Pakistan Year Book*. Seventeenth Edition. Karachi, 1989. P. 373.
- ¹² Qureshi I. H. *Education in Pakistan*. Karachi, 1975. P. 190.
- ¹³ Ibid. P. 188.
- ¹⁴ Rafique A. *Op. cit.* P. 372.
- ¹⁵ CIA, *The World Factbook*. Pakistan, 2014 [Electronic Version].
- ¹⁶ *Большая Российская Энциклопедия*. Т. 25. М., 2014. С. 71.
- ¹⁷ Dawn. 22.03.2011.
- ¹⁸ *National Education Policy*. Ministry of Education. Government of Pakistan. Islamabad, 2009. P. 11, 28.
- ¹⁹ Ibid. P. 71.
- ²⁰ Coleman H., Capstick T. *Language in Education in Pakistan: Recommendations for Policy and Practice*. Islamabad, 2012. P. 15.
- ²¹ Более подробно о национальных движениях народов Западного Пакистана за прекращение дискриминации на этнической почве и создание национально-лингвистических автономий см.: Ганковский Ю.В. Указ. соч. С. 163–246; о разжигании лингвистического шовинизма и этнического национализма в Панджабе см., например: Viewpoint. Vol. 15, № 39. May 10, 1990. P. 8; Ayres A. *Language, the Nation and Symbolic Capital: The Case of Pundjab*. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 67, № 3 (August) 2008. P. 917–946 и т. д.
- ²² См., например: Rahman T. *Language policy, multilingualism and language vitality in Pakistan*. Islamabad, 2006; Mustafa Z. *The Tyranny of Language in Education*. Oxford, 2015 [Electronic Version].

Н.А. Замараева*

АРМИЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ПАКИСТАНЕ

Резюме. Статья посвящена актуальной теме об отношении гражданских властей и федеральной армии в Исламской Республике Пакистан в 2013–2015 гг. Премьер-министр Мухаммад Наваз Шариф, придя к власти в результате парламентских выборов в мае 2013 г., ставил целью использовать федеральную армию в качестве механизма при проведении им внутренней и внешней политики. Непоследовательность его политики по отношению к армии (судебный процесс над экс-генералом-президентом П. Мушаррафом, призыв к посредничеству в урегулировании внутривнутриполитического кризиса в июле–августе 2014 г., провал переговоров с террористическим Движением Талибан Пакистана, либеральность антитеррористического законодательства, волна террора в стране и т. д.) стали объективными причинами усиления влияния генералитета на внутреннюю политику страны. Формирование военных судов, легитимно подтвержденные 21-й поправкой к конституции, подтвердило это явление.

Ключевые слова: военно-гражданские отношения, генералитет, Движение Талибан Пакистана, антитеррористическое законодательство, 21-я поправка к конституции.

Summary. The article is devoted to the actual topic of the civil-military relations in the Islamic Republic of Pakistan in the 2013–2015. Prime Minister Muhammad Nawaz Sharif came to power as a result of the parliamentary elections in May 2013, aimed to use the federal army as a tool in conducting the internal policy. The inconsistency of his policy towards the army (the trial of ex-general-president P.Musharraf, called for mediation in the settlement of political crisis in July-August 2014, the failure of talks with banned Tehreek-i-Taliban, the liberal Anti-Terrorism Act, the wave of terror, etc.) have objective reasons for the growing influence of the generals in the internal policy in the country. The establishment of military courts, legitimately adopted by the 21st Amendment to the Constitution, confirmed this fact.

Tags: civil-military relations, the generals, the Tehreek-i-Taliban, Anti-Terrorism Act, 21 amendment to the constitution.

В октябре 1999 г. в результате военного переворота начальник штаба сухопутных войск генерал Первез Мушарраф захватил власть в стране, отправив в отставку главу федерального кабинета министров М. Наваз Шарифа. В 2002 г. генерал был избран президентом страны; до 28 ноября 2007 г. он одновременно занимал высшую военную и государственную должности.

Четыре военных переворота в новейшей истории Пакистана совершались по одному сценарию, но с корректировкой на внутри- и внешнеполитические

* Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

события¹. Следовавшая перестройка, а подчас и ломка политико-институциональных механизмов оказывали влияние не только на внутреннюю и внешнюю политику страны, но и на военный истеблишмент. Генералитет часто в отсутствие поддержки на местах сталкивался со сложностями при управлении страной из одного центра власти; искал союзника в лице той или иной политической партии или группы партий. Эйфория первых месяцев от захвата власти всегда сменялась многолетним поиском вариантов перехода к легитимной форме правления государством с ее неотъемлемыми атрибутами: всеобщими выборами, работой гражданских институтов власти, парламентской риторикой, активностью политических партий, профсоюзов, студенческих организаций и т. д.

Не стал исключением и военно-гражданский режим во главе с генералом П. Мушаррафом (1999–2008). В первой декаде 2000-х гг. военные стали терять основного (с 80-х гг. XX в.) ближайшего союзника — праворелигиозные партии. Они выступили с жесткой критикой генералитета в его борьбе против повстанцев из Движения Талибан Пакистана (ДТП), не поддержали военные кампании против боевиков в зоне племен на границе с Афганистаном.

17-я поправка к конституции (утвердила президентскую форму правления), концентрация исполнительной, законодательной ветвей власти и одновременно командование штабом сухопутных войск не дали генералу П. Мушаррафу желаемого результата эффективного управления страной из единого военно-гражданского центра. Он столкнулся с необходимостью расширения социальной базы сторонников и, соответственно, поиска новых политических союзников в стране на пути к гражданскому правлению.

В феврале 2008 г. в Пакистане прошли всеобщие парламентские выборы с участием лидеров всех политических партий страны. Победу одержала бывшая оппозиционная Пакистанская народная партия (ПНП). Военный истеблишмент во главе с начальником штаба сухопутных войск генералом Ашрафом Кияни поддержал итоги избирательной кампании. Федеральная армия в его лице подтвердила приверженность статье 243 Конституции Пакистана и нейтралитет к дальнейшим внутривнутриполитическим процессам². Последующие 2008–2013 гг. (2010 г. — 18-я поправка к конституции) — период трансформации от президентской к парламентской республике, предоставление больших прав провинциям, активизация законодательных и исполнительных органов власти с участием всех основных политических партий. Это наложило отпечаток на дальнейшие отношения между генералитетом и правящими кругами страны.

Новый состав парламента в 2008 г. с первых дней отрицал какое-либо вмешательство военных в процесс государственного управления. Офицеры, занимавшие должности в гражданских учреждениях страны, были уволены. Одновременно правившая коалиция ставила цель взять под контроль армию, спецслужбы, в частности Межвидовую войсковую разведку переподчинить гражданскому Министерству внутренних дел (МВД). Военные были молчаливыми свидетелями раскрытия военных статей при обсуждении государственного бюджета, сокращения расходов на оборону в 2008/09 финансовом

году. Итогом стало снижение роли военных в социально-политической жизни страны в 2008–2009 гг. В то же время в силу ряда обстоятельств МВД под свой контроль так и не поставило разведывательное агентство.

ПНП преследовала цель удержаться во власти полный пятилетний конституционный срок³. Подобная стратегия диктовала проведение ряда социально-экономических реформ, а также гибкость и готовность идти на компромиссы с политическими оппонентами. Заметно активизировалась парламентская деятельность. Это позитивно было воспринято общественностью страны.

Отсутствие опыта государственного управления, второстепенное участие в социально-политической жизни страны в предыдущее десятилетие лидеров Пакистанской народной партии, включая премьер-министра Юсуфа Раза Гилани и президента Асифа Али Зардари и др., стали одной из причин непоследовательности проведения ими ряда социальных и экономических реформ. Провал политики мирного диалога с ДТП привел к резкой активизации исламистского экстремизма, страну огушили дерзкие теракты боевиков.

Правящая гражданская администрация оказалась не готова к подобным вызовам. В силу ряда причин военные постепенно вновь укрепляли свои позиции в жизни страны. Это касалось в первую очередь борьбы с исламистским экстремизмом во внутренних районах страны (военная операция осенью 2009 г. в Южном Вазиристане). Во внешней политике в афганском, индийском и американском векторах доминирующую роль, как и в 2002–2008 гг., продолжал играть генералитет.

Укреплялась в политической жизни и судебная власть. Часто суды разных инстанций, включая Верховный суд, становились ареной столкновений политических оппонентов: партий, государственных чиновников высокого ранга и т. д. В Пакистане политические деятели больше «любят ходить в суд, чем в парламент, и продолжать свои политические бои», — говорили в сенате⁴.

Время меняло армию, мировоззрение ее генералитета; приходило осознание, что «управлять» политическими элитами и эффективно влиять на события в стране возможно, и не держа в руках пульт управления государством. Военные выстраивали паритетные отношения с гражданским чиновничеством, продвигая свои корпоративные интересы. В ход активно шли личные связи, особенно при принятии решений военных статей бюджета и других отчислений; генералитет широко использовал национальные СМИ. Публичные заявления военных по внутри- и внешнеполитическим вопросам давно стали неотъемлемой частью жизни пакистанского общества и сигнализировали политическим силам о позиции военного истеблишмента. Они оказывали опосредованное давление на правящую администрацию. С генералитетом считались, продолжали прислушиваться. Все это свидетельствовало о том, что армия оставалась одной из активных политических сил в Пакистане. Именно в таком статусе она встретила 2013 г.

1. Выборы 2013 г. и их последствия

2013–2015 — годы дальнейшего утверждения во власти гражданских сил. В мае 2013 г. в стране состоялись очередные всеобщие парламентские выборы. Их итоги свидетельствовали о передаче власти от одной гражданской администрации другой, но при одновременной смене политических элит. Победила Пакистанская мусульманская лига Наваз (ПМЛ/Н)), ее лидер Мухаммад Наваз Шариф в третий раз занял кресло премьера. Забегая вперед, подчеркнем, что в постизбирательный период в Пакистане сформировалось три центра влияния: федеральное правительство и Национальная ассамблея (НА) (нижняя палата парламента), оппозиция (меньшинство в НА и большинство в сенате) (верхняя палата парламента) и генералитет.

В отличие от первых лиц прежней федеральной администрации (2008–2013) Наваз Шариф был давно признанным политическим тяжеловесом и в стране, и на международной арене. Например, в период, когда он был премьером, Исламская Республика Пакистан в 1998 г. получила статус ядерного государства. В 2013 г. жизнь вновь благоволила ему. Согласно 18-й поправке к конституции (апрель 2010 г.) он «наследовал» широкие легитимные полномочия: роспуск по согласованию с президентом центрального и провинциальных правительств, снятие с постов губернаторов провинций и т. д. Премьер-министр вправе самостоятельно принимать решения о назначении на высшие посты в армии. На практике это означало, что глава кабинета был вправе консультироваться с федеральными министрами, но и единолично рекомендовать президенту, как Верховному главнокомандующему Вооруженными силами, кандидатуру на пост начальника штаба сухопутных войск и Межвидовой войсковой разведки.

Но годы отстранения от власти (октябрь 1999 — апрель 2013 г.), включая судебный процесс, обвинение в государственной измене, выдворение из страны (2001) и возвращение на родину (конец 2007 г.), наложили отпечаток на его взаимоотношения с генералитетом. В нем боролись два противоречивых чувства — стремление подчинить армию и одновременно боязнь ее; косвенно это отражалось на проводимой им внутренней и внешней политике Пакистана.

В июле 2013 г. на президентских выборах (косвенных — президент избирается голосованием парламентариев и глав законодательных собраний провинций) победу одержал Мамнун Хусейн, член политической партии ПМЛ (Н). Таким образом, к концу 2013 г. премьер-министр Миан Мухаммад Наваз Шариф сосредоточил в своих руках практически всю законодательную и исполнительную ветви власти (за исключением верхней палаты парламента) и имел легитимные рычаги «управления» армией.

Искушенный в интригах с политическими союзниками и оппонентами, не принимая во внимание протесты парламентской оппозиции, глава кабинета министров жестко взял курс на ручной режим управления страной, пренебрегая процессами федерализации и децентрализации власти. Монополизация власти — отличительная черта Н. Шарифа в первые месяцы после возвращения в большую политику. Еще в предвыборном манифесте 2013 г.

Н. Шариф четко обозначил границы «дозволенного» для армии — «любое действие генералитета должно быть согласовано с гражданскими властями». Возглавив федеральное правительство, он жестко следовал цели исключить армию из процесса принятия политических решений⁵.

Два вопроса, которые «развели» гражданские власти и генералитет: отношение к боевикам и судебный процесс над бывшим генералом-президентом П. Мушаррафом.

Н. Шариф не отказывался от планов поставить под контроль парламента гражданские службы разведки и военную разведку. Сенатский комитет по правам человека в кратчайшие сроки разработал законопроект «Регулирование деятельности спецслужб», целью которого было переподчинение спецслужб Министерству внутренних дел. Забегая вперед, подчеркнем, что подобная попытка не удалась.

Осознавая важность борьбы против исламистских экстремистов, военную ситуацию вдоль пограничной линии с Афганистаном, напряженность в пакистано-индийских отношениях, правительство Наваз Шарифа увеличило расходы на оборону на 15% на 2013/14 финансовый год. Решение правительства отвечало требованиям времени и благосклонно было встречено армией. Министр финансов Исхак Дар поспешил заверить генералитет, что, несмотря на экономические трудности, «оборона страны останется приоритетом правительства»⁶.

Осенью 2013 г. внешний фактор в лице Нью-Дели также сыграл на амбициях Наваз Шарифа. 28 сентября 2013 г. на Генеральной Ассамблее ООН премьер-министр Индии Манмохан Сингх назвал Пакистан «эпицентром терроризма», ссылаясь на трансграничные перестрелки на Линии контроля. Одновременно министр иностранных дел Индии Салман Хуршид заявил, что премьер-министр Шариф сделал шаг в правильном направлении, поставив армию и спецслужбы под контроль, так как пакистанские военные, по его утверждению, саботировали усилия собственного правительства заключить мир с Индией. Наваз Шариф стерпел обиду.

В 2013 г. новое федеральное правительство приступило к разработке нескольких социальных проектов, один из них — Политика национальной безопасности против угрозы терроризма; вернее, оно реанимировало и обновило текст Положения Закона о борьбе с терроризмом 1997 г. (разработан в период второго срока правления Наваз Шарифа) с целью дальнейшей передачи Министерству внутренних дел всей полноты ответственности за анти-террористические кампании. Это решение противоречило практике прежних лет, когда борьба с исламистским экстремизмом была прерогативой генерального штаба федеральной армии, а не внутренних войск.

Одновременно глава кабинета министров менял утвердившуюся в прежние годы стратегию по отношению к боевикам. Он пропагандировал диалог с боевиками и призывы к пакистанским талибам сложить оружие. В ноябре 2013 г. Н. Шариф красноречиво заверил парламентариев, что в отличие от прежних (и военных, и гражданских) администраций сумеет убедить боевиков отказаться от вооруженной борьбы, заявив, что правительство должно положить конец кровавому мятежу против государства, начатому в 2007 г.

Несмотря на внешнюю ровность отношений, разногласия между начальником штаба сухопутных войск генералом А.П. Кияни и премьером Н. Шарифом открыто проявились уже в сентябре 2013 г. как раз по отношению к боевикам. Армия, учитывая аналогичные попытки предыдущей администрации в 2008–2009 гг. и опыт военных кампаний против исламистских экстремистов, не поддержала идею диалога с повстанцами⁷. Генералитет осознавал, что переговоры, как и в прошлом, были обречены на провал. В 2013 г. боевики вновь выдвинули неприемлемые для федеральных властей требования: отказ от военных операций армии против талибов, вывод войск из районов пуштунских племен ТПФУ на границе с Афганистаном, отказ от Конституции Пакистана и введение норм шариата и т. д. Главнокомандующий армией отверг предварительные условия экстремистов⁸.

Оставаясь верным своим позициям, генерал А.П. Кияни лишь напомнил о праве эффективно использовать военную силу против антигосударственных элементов, как это было в долине Сват в 2009 г. Тем временем власти по линии Министерства внутренних дел продвигали идею запланированного диалога.

2. Назначение нового начальника штаба армии

Учитывая сложные в прошлом отношения Н. Шарифа с военными, ни глава гражданской администрации, ни генералитет не пошли на обострение отношений. В ноябре 2013 г. истек срок полномочий начальника штаба сухопутных войск генерала Кияни. Все ждали назначения нового. 29 ноября 2013 г. на освободившуюся вакансию был утвержден генерал Рахил Шариф. Как и в случае с П. Мушаррафом в 1998 г., в 2013 г. премьер следовал личному выбору, нарушив порядок продвижения генералов по карьерной лестнице (так, например, делали до него все руководители гражданской власти). Премьер рассчитывал на поддержку однофамильца. Несмотря на проявленную им щепетильность при подборе кандидатуры на пост начальника штаба сухопутных войск, дальнейшие события показали, что его назначенец в вопросах внутренней и внешней политики руководствовался в первую очередь конституционными статьями об армии, корпоративными интересами, избегая открытой конфронтации с правящей администрацией.

В начале 2014 г. федеральная администрация начала переговоры с боевиками⁹. Со своей стороны, командиры корпусов на очередной, 169-й, конференции приняли решение не препятствовать диалогу, выдвинув условие о соблюдении режима прекращения огня с 1 марта 2014 г. на один месяц, хотя этот режим неоднократно нарушался боевиками¹⁰. Армейское командование отменило несколько запланированных специальных операций в различных районах ТПФУ. Одновременно вновь было заявлено об ответной эффективной реакции на возможные теракты¹¹.

Переговоры шли трудно и медленно. Боевики настаивали на выполнении центральным правительством требований об отмене конституции и соблюдении шариата. В феврале 2014 г. в результате боестолкновений с группировками ДТП в агентстве Моманд погибли 23 военнослужащих федеральной

армии. Правительство поспешило обвинить генералитет в применении силы в дни проведения переговоров. Армия выразила недовольство решением правительства освободить 16 арестованных боевиков ДТП. Исламабад возложил вину за провал переговоров на армию.

Практически одновременно, 25 февраля, 2014 г. в Национальной ассамблее была представлена Политика национальной безопасности, разработанная министром внутренних дел Чоудхри Несаром, давним соратником премьер-министра Шарифа. Она предусматривала создание совместного с военными разведывательного управления и преобразование Национального контртеррористического ведомства в мощный орган по борьбе с терроризмом, подконтрольный исключительно Министерству внутренних дел. Руководство МВД, надо отметить, в течение 2013 — первой половине 2014 г. уже провело реорганизацию ряда государственных учреждений, поставив под свой контроль Национальное контртеррористическое ведомство и Управление национальными кризисами. Политика МВД предусматривала реализацию в жизнь руководящих принципов правящей ПМЛ (Н) в борьбе с усилением экстремизма и межрелигиозной розни. В связи с этим предполагалось увеличение обмена разведанными между гражданскими и военными ведомствами, совершенствование антитеррористического законодательства и т. д.

Антитеррористическая стратегия получила одобрение нижней палаты парламента (Национальной ассамблеи) на основе консенсуса. Под «национальным консенсусом» подразумевалось решение Всепартийной конференции, т. е. итоговый документ, принятый всеми парламентскими партиями. Учитывая, что подавляющее количество мест в нижней палате парламента принадлежало ПМЛ (Н), то и окончательное решение выработывалось в интересах премьер-министра¹². Решение парламентариев в тот же день было одобрено федеральным кабинетом министров, который на тот период последовательно и успешно продвигался по пути установления верховенства над генералитетом.

3. Раздор между армией и гражданской властью

Первые семена недоверия между премьер-министром и генералитетом появились незамедлительно и связаны с судебным процессом, главным обвиняемым которого выступал экс-генерал П. Мушарраф. В июне 2013 г., спустя несколько дней после вступления в должность главы кабинета министров, когда уже отшумели поздравительные приветствия, он приступил к «плану мести». Выступая перед новым составом депутатов в Национальной ассамблее, премьер обвинил П. Мушаррафа в измене родине и заявил, что в соответствии со статьей 6 конституции экс-генерал должен предстать перед судом. (В 2000 г. Адвокатский форум Пакистана предъявил иск генералу П. Мушаррафу по обвинению в совершении военного переворота и свержении правительства Наваз Шарифа. Судебное разбирательство длилось долгих четырнадцать лет.) Многие даже в правящей коалиции расценили слова премьера поспешными. В пакистанских СМИ развернулась долгая кампания травли экс-генерала-президента.

Но армия прервала свое долгое молчание по этому вопросу только в апреле 2014 г. Поводом послужило решение Специального суда от 31 марта 2014 г. по обвинению П. Мушаррафа в государственной измене. О незамедлительном исполнении решения судебного органа высказались несколько парламентариев, члены ПМЛ (Н), в частности министр обороны Пакистана Х. Асиф; его критику поддержал федеральный министр железных дорог Х. С. Раввики.

В ответ на обеспокоенность военнослужащих по поводу необоснованной критики в адрес вооруженных сил выступил генерал Р. Шариф: «Пакистанская армия отстаивает неприкосновенность всех государственных институтов, сохраняя достоинство и институциональную гордость в то время, когда страна сталкивается с внутренними и внешними вызовами»¹³. Его выступление 7 апреля 2014 г. в штаб-квартире Группы специального назначения на военной базе Гази в районе Тарбела провинции Хайбер-Пахтунхва вызвало неоднозначную реакцию в обществе. География поддержки — база спецназа — генерал П. Мушарраф был выпускником курсов спецназа) свидетельствовала о воинском братстве. Но прецедентом стал сам факт послания высшего военного чина правящей администрации. Пакистанские СМИ открыто заговорили о новом кризисе в отношениях между гражданской властью и генералитетом. Многие из них напомнили о проявленном неуважении премьер-министра Зульфикара Али Бхутто по отношению к армии в 1970 г., за что генералитет «отомстил» ему спустя семь лет, совершив военный переворот в июле 1977 г.

В прежние годы пакистанские военные нечасто выступали с публичными заявлениями. Можно отметить, например, 5 ноября 2012 г. тогдашний начальник штаба сухопутных войск генерал А.П. Кияни предупредил «недоброжелателей не подрывать авторитет армии и не занимать позицию «единственного арбитра» национальных интересов»¹⁴.

В армейских кругах по-разному восприняли слова генерала Р. Шарифа.

Формулу нормализации отношений между генералитетом и правящей гражданской администрацией предложил бывший начальник штаба сухопутных войск, генерал в отставке Мирза Аслам Бег (август 1988 — август 1991 гг.)¹⁵. Она состояла в следующем: «1. Судебное дело о государственной измене экс-генерала П. Мушаррафа должно быть закрыто и ему разрешен выезд за границу. 2. ПЕМРА (Орган государственного регулирования и контроля за электронными средствами массовой информации Пакистана) обязуется гарантировать, что ни один телеканал не будет транслировать выступления, подрывающие престиж армии. 3. Запретить министрам и политическим деятелям публичные выступления с критикой в адрес армии, т. е. против граждан страны, которые защищали Пакистан ценой своей жизни». По мнению М. Бега, «ситуация нормализуется за короткое время, если правительство будет следовать его предложениям. В противном случае генералы сделают тоже самое, что и генерал Ас-Сиси в Египте». Бывший начальник штаба был убежден, что, несмотря на конституцию страны, военные вправе вмешиваться в управление государством, если правящие круги не будут про-

являть к армии должного уважения¹⁶. Заявление о введении цензуры в СМИ на действия армии вновь вызвали в обществе противоречие мнений.

Вскоре «виновник» напряженности был найден. Министерство обороны направило письменное уведомление в адрес администрации ПЕМРА, где утверждалось, что новостной канал Geo News нарушил руководящие положения ПЕМРА, транслировал оскорбительный для государственных институтов репортаж, создал «дурной имидж» Межвидовой войсковой разведке, чем нанес ущерб национальным интересам.

В апреле 2014 г. Министерство обороны Пакистана в соответствии с судебным иском потребовало отзыв лицензии телеканала Geo News. Вещание канала было приостановлено. В мае 2014 г. его руководство принесло извинения. Вся ситуация всколыхнула широкую общественность страны, возмущенную тем, что любая критика военных в стране находится под запретом. Медийная кампания «травли П. Мушаррафа» постепенно затихла. В ноябре 2014 г. Верховный суд официально закрыл судебное дело против экс-генерала с формулировкой как «бездоказательное»¹⁷.

Многие в стране заговорили о возможной отставке министра обороны Х. Асифа. По традиции оборонное ведомство возглавляет гражданское лицо, в то время как пост исполнительного секретаря занимает кадровый офицер в отставке. С 4 августа 2014 г. к исполнению обязанностей приступил экс-генерал-лейтенант М.А. Хаттак, назначенный премьер-министром по рекомендации генерала Р. Шарифа. Инцидент был исчерпан. Военные постепенно восстанавливали свое влияние на федеральное правительство.

4. Армия и оппозиционные силы

Заявление генерала Р. Шарифа в защиту чести и достоинства людей в форме воодушевила не только военных, но и оппозиционные партии. Они увидели в армии поддержку и одновременно предупреждение премьеру отказаться от монополии власти. Это, в свою очередь, стимулировало их критику в адрес правящей администрации. Лидер оппозиции в Национальной ассамблее Саед Хуршид Шах, член Пакистанской народной партии заявил, что страна не может позволить себе диктатуру и судебную систему, которая «случайно лишает человека жизни»¹⁸.

Недовольство ПНП было вызвано несколькими обстоятельствами: авторитарным стилем правления премьера, игнорированием их мнения в Национальной ассамблее, планами членов федерального правительства пересмотреть 18-ю поправку к конституции (согласно которой провинциям в 2010 г. были предоставлены широкие полномочия), политикой «панджабизации» страны (крупные инфраструктурные инвестиционные проекты реализовались в первую очередь в родной для клана Шарифов провинции Панджаб) и т. д. В то же время ПНП не пошла на открытую конфронтацию с ПМЛ (Н).

Из пакистанского опыта явствует, что всякий раз, когда армия выступает с критикой гражданской власти, незамедлительно следует процесс сближения политических оппонентов правящего блока. Это произошло и в 2014 г. Премьер Шариф поспешил заручиться поддержкой все той же оппозиции, встре-

тившись со своим давним основным политическим оппонентом А.А. Зардари. Однако его партия — ПНП, — стремясь избежать ссоры с военными, заявила, что «демократические силы выступают совместно с целью укрепить государственные институты, и это не должно рассматриваться как выступление против какого-либо иного государственного института или институтов»¹⁹.

В разрядке напряженности, восстановлении доверия с генералитетом многое зависело от позиции самого Н. Шарифа. Он также отказался от открытой конфронтации с генералитетом. Многие в Пакистане подметили, что с этого периода премьер-министр и начальник штаба сухопутных войск генерал Р. Шариф стали часто появляться вместе на публике: в Военной академии Пакистана в Какуле, на военной базе Акрам. Генерал Р. Шариф публично заявил, что политические и военные руководители работают вместе, чтобы сделать Пакистан развитой, безопасной и мирной страной, способной отвечать на вызовы, с которыми сталкивается страна.

Открытое противостояние между центральной администрацией и генералитетом было на время нейтрализовано, но предупреждение, что армия сохраняет рычаги давления, было услышано гражданским правительством²⁰.

5. Новый виток терактов и военно-гражданские отношения

В начале июня 2014 г. боевики ДТП вновь совершили серию терактов в Банну, Пешаваре, Мастанге и Карачи. Это заставило политические партии вновь поставить под сомнение политику кабинета министров в отношении незаконной группировки Движение Талибан Пакистана (ДТП). Парламентарии, в частности Народная (Авами) национальная партия, заявили о критической ситуации с безопасностью в провинции Хайбер-Пахтунхва и зоне племен (ТПФУ). Тем не менее правительство давало разные версии происходившего. Оппозиция также подвергла резкой критике работу Министерства внутренних дел, так как реальные положительные результаты его работы, по ее мнению, отсутствовали.

Мощный теракт в аэропорту Карачи 5 июня 2014 г. поставил военное руководство страны перед необходимостью конкретных ответных действий против боевиков, что, в свою очередь, шло вразрез с антитеррористической стратегией, проводимой федеральным правительством. Командиры корпусов на 172-й конференции в начале июня 2014 г. приняли решение о применении силы без промедления в рамках целевой военной крупномасштабной операции против террористов в ТПФУ²¹.

Спустя несколько дней они «добились» поддержки политического руководства страны. 16 июня 2014 г. Всепартийная конференция в Национальной ассамблее подтвердила важность борьбы с экстремизмом. И в тот же день Ставка главнокомандующего отдала приказ о начале крупномасштабной военной операции «Заоб-е-азб» («Меч Пророка») в Северном Вазиристане (СВ) Территории племен федерального управления. Ее цель, по заявлению генерала Р. Шарифа, «...ликвидация террористов (и мест их укрытий), которые вели вооруженную борьбу против государственного строя Пакистана»²².

Так началась длительная по времени, охвату территории крупномасштабная военная кампания.

Надо заметить, что зона пуштунских племен Пакистана давно превратилась в обширный район базирования иностранных и местных боевиков Аль-Каиды, ДТП, вооруженных наемников из государств Персидского залива, Северной Африки, Кавказа, Центральной Азии и Китая. На протяжении всех лет антитеррористической кампании в Афганистане (2001–2014) с территории агентств они совершали нападения на коалиционные войска Международных сил содействия безопасности (МССБ) и проводили теракты во внутренних районах Пакистана.

Военная операция была весьма успешной, по заверению военных к концу июля 2014 г., т. е. спустя полтора месяца после начала операции, 70% территории Северного Вазиристана было освобождено от террористов²³. Кадры военной хроники (опубликованы на официальном сайте Ставки) говорили о тотальном разрушении построек в зоне боевых действий. Осенью — зимой 2014–2015 гг. аналогичные военные операции проводились в агентствах Хайбер и Моманд. Итогом их стало заметное снижение количества терактов, как в зоне пуштунских племен так и во внутренних районах страны. Но нападения боевиков не прекратились, они стали носить адресный и крайне дерзкий характер.

Военный истеблишмент открыто заявлял, что одними военными средствами невозможно покончить с терроризмом в стране; необходим комплекс мер, включая блокирование финансовых источников боевиков, усиление антитеррористического законодательства; введение запрета в СМИ на пропаганду насилия. Одним из первых шагов в этом направлении стало указание премьера Н. Шарифа Телекоммуникационному ведомству Пакистана прекратить предоставление услуг роуминга населению Афганистана для блокирования антигосударственной деятельности террористов в Пакистане. С августа 2014 г. генералитет взял курс на законодательное закрепление военных судов, не смотря на протесты части оппозиции. С этой целью командование федеральной армией параллельно расширяло штат своего Юридического департамента.

6. Военные и ослабление власти правительства

В августе 2014 г. генералитет столкнулся с еще одним внутренним вызовом — премьер-министр обратился к начальнику штаба армии генералу Р. Шарифу выступить посредником в урегулировании политического кризиса. Поступок главы кабинета министров свидетельствовал о его серьезных разногласиях с двумя его политическими оппонентами — Партией справедливости (ПС) Техрик-и-инсаф и партией Пакистанское народное движение (ПНД). ПС получила треть мест в нижней палате парламента по итогам выборов 2013 г. В июне 2014 г. ее лидер Имран Хан открыто бросил вызов правящей администрации, организовав многотысячный «народный марш» на столицу и сидячую забастовку в так называемой «Красной зоне» Исламабада (рядом с правительственными учреждениями). Он выдвинул несколько обвинений

в адрес премьер-министра, одним из которых была фальсификация парламентских выборов 2013 г. на нескольких избирательных участках страны. Воодушевленные его действиями, отдельные депутаты и сенаторы призвали главу кабинета министров Шарифа добровольно покинуть свой пост.

Правящая администрация в первые дни кризиса заняла выжидательную позицию, но уже в августе, к концу второго месяца сидячей забастовки, приступила к поискам компромиссов. Премьер согласился со всеми требованиями протестующих, но отказался уйти в отставку. Ситуация становилась критической, оппозиция грозила парламентским кризисом. Депутаты от ПС подали заявления спикеру о досрочном прекращении их полномочий. Одновременно столкновения бастующих с силами правопорядка в центре Исламабада в конце августа 2014 г. инициировали выступления митингующих в других районах страны. Сторонники ПС провели сидячие забастовки в Равалпинди (город-спутник столицы). В Панджабе были арестованы десятки сторонников ПС и ПНД. Разгон полицией протестующих перерос в кровавое столкновение²⁴.

В сложившихся обстоятельствах Н. Шариф первоначально призвал к посредничеству депутатский корпус. Они предприняли несколько тщетных попыток наладить диалог. Срочно были проведены слушания в верхней палате парламента. Сенат отверг «неконституционные» требования об отставке премьер-министра и роспуске Национальной ассамблеи и подтвердил верховенство Конституции Исламской Республики Пакистан и суверенитет парламента. Ситуация усугубилась в связи с иском сторонников ПС в Верховный суд (ВС) Пакистана с требованием дисквалификации Н. Шарифа. Это послужило поводом для «войны» исков в судах разных инстанций. Со своей стороны, ВС ограничился направлением уведомления всем парламентским партиям выработать механизм выхода из политического тупика. Представители фемида отказались «сыграть свою роль» в урегулировании политического кризиса, появив, что требования заявителя носят политический характер и ВС не вправе вмешиваться в них.

Исчерпав все ресурсы, в последних числах августа 2014 г. Н. Шариф обратился к военному истеблишменту за помощью в поиске выхода из сложившейся ситуации²⁵. Генералитет подтвердил поддержку демократическим процессам в стране, оставаясь нейтральным к событиям с участием политических партий. Одновременно он выразил «...серьезную озабоченность в связи с текущим политическим кризисом и насилием в столице, что привело к травмам и гибели людей. Дальнейшее использование силы, — говорилось в пресс-релизе Департамента связи с общественностью Генштаба, — лишь усугубит проблему. Это еще раз подтверждает, что ситуация незамедлительно должна быть разрешена политическими методами, избегая насилия»²⁶.

Во то же время генералитет выполнил часть указаний премьер-министра. Согласно статье 245 Конституции Исламской Республики Пакистан, армия «призвана оказывать помощь гражданскому правительству». 19 августа 2014 г. во избежание возможных терактов в «Красной зоне» столицы подразделения правоохранительных органов были усилены федеральными войска-

ми численностью до 1000 военнослужащих на срок до трех месяцев, т. е. с августа по октябрь 2014 г.

Оппозиция в очередной раз резко критиковала решение центральных властей вызвать армейские подразделения в центр столицы для поддержания правопорядка, заявляя, что «...в стране выработалась привычка обращаться за помощью к военным, а не к конституции»²⁷.

Позднее, в оправдание своей слабости, премьер сделал ряд непоследовательных шагов. Выступая в НА, он заявил, что генералитет преднамеренно вмешался в ситуацию. Армия «поправила» премьера, официально заявив, что правительство обратилось к генералу Р. Шарифу «содействовать» в переговорах с протестующей стороной. Отсутствие четкой позиции у Н. Шарифа вызвало дополнительную волну негодования оппозиции; они отвергали какое-либо участие военного истеблишмента в политической жизни страны. Загнанный в угол Н. Шариф лично оправдывал вмешательство армии в урегулирование политического кризиса и гарантировал, что прозрачное и справедливое расследование случаев фальсификации выборов 2013 г. будет проведено с участием военных²⁸.

Генералитет, оставаясь внешне нейтральным в противостоянии политических партий, подтвердил, что дальнейшее использование силы лишь усугубит проблему, призвал к ее решению исключительно конституционными методами. Ставка подчеркивала, что армия является аполитичным институтом, выражалось сожаление о попытках втянуть ее в политические споры. Сидячая забастовка в силу разных причин постепенно начала «таять». Несколько дней глава кабинета министров не появлялся на публике.

СМИ обрушили лавину обвинений в адрес высшего военного командования страны якобы в организации и проведении «тихого военного переворота». Частные телевизионные каналы поспешили транслировать сообщения «об отставке или отпуске премьер-министра... сразу после встречи начальника штаба сухопутных войск и премьер-министра. 1 сентября 2014 г. новый пресс-релиз Департамента связи с общественностью штаб-квартиры вооруженных сил информировал о «беспочвенности» подобных сообщений. «Силой армии является целостность и единство, которое поддерживается с гордостью»²⁹. Генералитет не видел в политическом кризисе угрозы ни территориальной целостности, ни суверенитету страны и рассматривал его как очередную склоку политических оппонентов.

Внутриполитическая ситуация осенью 2014 г. постепенно нормализовалась, кабинет министров вновь функционировал в рабочем режиме. Галопирующая инфляция, беспрецедентный рост цен на электроэнергию и природный газ, сокращение рабочих мест требовали от кабинета министров последовательных экономических реформ, проведение которых возможно лишь при стабильной работе правительства.

И армия, и правящая администрация вынесли собственные уроки из событий кризиса лета-осени 2014 г. Генералитет преследовал свои корпоративные интересы. Оставаясь нейтральным, он усилил свои политические позиции за счет ослабления исполнительной власти. Стиль правления пре-

мьер-министра Н. Шарифа уже был лишен признаков монополизации власти и «работы в ручном режиме». В отличие от 2013 г., он активно шел на контакты с парламентской оппозицией, проводил консультации по вопросу назначения нового главного комиссара Избирательной комиссии Пакистана. С генералитетом Н. Шариф обсуждал кандидатуру на пост генерального директора Межвидовой войсковой разведки в связи с завершением в ноябре 2014 г. срока службы генерал-лейтенанта З. Ислама и с ее согласия назначил на этот пост генерала Р. Ахтара. Отношения между гражданской администрацией и военными нормализовались, и в действиях премьера все меньше было признаков стремления поставить ее под личный контроль.

7. Новый террористический акт и современная ситуация

Еще одним переломным моментом в отношениях между военным истеблишментом и гражданскими властями стали события 16 декабря 2014 г. Боевики ДТП совершили нападение на общеобразовательную школу в Пешаваре для детей военнослужащих; в результате погиб 141 человек и около двухсот были ранены. Теракт убедил и военное, и политическое руководство Пакистана в необходимости принять совместные неотложные меры общенационального масштаба по обузданию экстремизма. Благодаря оперативным и последовательным действиям армии гражданские власти, под давлением генералитета, официально ввели практику военных судов и узаконили их легитимность 21-й поправкой к конституции 1973 г. Принятие этой поправки было проведено в исключительно короткие сроки для законотворчества парламента любой страны. 16 декабря 2014 г. произошел теракт, а уже 7 января 2015 г. сенат одобрил, в тот же день президент ИРП подписал законопроект, и 21-я поправка вступила в силу незамедлительно.

Пешаварская трагедия подтолкнула военных со второй половины декабря 2014 г. активизировать наступления на укрытия боевиков в ряде агентств ТПФУ на границе с Афганистаном. Вслед за Северным Вазиристаном военная операция была развернута в Хайберском агентстве ТПФУ и с января 2015 г. в агентстве Моманд.

В ответ на теракт пакистанских талибов генералитет предложил правительству, а оно утвердило Национальный план действий (НПД). Он предусматривал жесткие меры по обузданию в стране экстремизма и терроризма. Но решающая борьба была впереди — проведение через парламентские комитеты антитеррористического законодательства, которое, наряду с прочими, включало пункт о предоставлении легитимных прав военнослужащим задерживать гражданских лиц, совершивших или подозреваемых в совершении террористических действий. Часть депутатов расценили это предложение как вызов, направленный на подрыв демократических устоев.

Вопрос о военных судах еще более обострил противоречия в правящих структурах власти Пакистана: между судебной и исполнительной ветвями власти, генералитетом, политической оппозицией, праворелигиозными партиями и правящей гражданской администрацией.

Конституционное закрепление функционирования военных судов — ответ на запоздалое осознание властями, что судебная система Пакистана не подготовлена для ответа террористам, не разработаны критерии антитеррористического законодательства. Военные, а вслед за ними и гражданские власти заявили, что военные трибуналы — требование, оправданное чрезвычайными обстоятельствами. Генералитет «продавил» через государственные гражданские структуры введение военных судов, ограниченное, впрочем, двумя годами; тем самым он получил индульгенцию на судебные преследования террористов, а главное — легитимную поддержку своим действиям.

Введение военных судов в Пакистане ставило и превентивные цели. Вывод иностранных коалиционных войск из соседнего Афганистана в конце 2014 г. активизировал действия афганских и пакистанских талибов в афгано-пакистанском пограничье. В последнее время этот регион поставлял, к тому же рекрутировал, сторонников «Исламского государства» (ИГ) для вооруженной борьбы в Сирии и Ираке.

Заключение

Усиление позиций генералитета во внутренней и внешней политике Пакистана стало закономерным в силу ряда обстоятельств: слабости государственных институтов, борьбы внутривластных гражданских элит, аморфности многопартийной системы, слабости партийной оппозиции в законодательных органах власти, недостаточной поддержки массами гражданского руководства, особенностей внешнеполитической обстановки в регионе и т. д.

Генералитет был заинтересован в упрочении отношений с федеральной властью. В свою очередь, Наваз Шариф с некоторым опозданием начал демонстрировать поддержку действиям армии. Он был первым из руководителей в истории страны, который посетил агентство Северный Вазиристан, чтобы, согласно пресс-релизу ставки армии, повысить боевой дух сил безопасности в период военной кампании³⁰.

Нужно подчеркнуть, что с годами армия в Пакистане стала мощной государственной силой и одним из акторов внутривластной жизни страны. В отличие от политических партий, корпоративной целью которых было стать во главе исполнительной и законодательной ветвей власти, армия не ставила подобных целей. Вопросы национальной безопасности, согласно официальным заявлениям военного руководства, охватывают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны, но и заботу о правах человека, подъеме экономики, обеспечении водной безопасности и, конечно же, борьбу с актами террора и усилением экстремизма. Поддержание стабильности и правопорядка — основные задачи армии, за исключением, конечно, если стране не грозит крах, исходящий от внутренних или внешних угроз.

На современном этапе армия, по нашему мнению, — это единственный государственный институт в Пакистане, который оперативно и адекватно реагирует на острые вызовы. Она способна купировать возникающие внутринациональные опасности, поддерживая режим стабильности и сохранения государственности. Представляется, что и в ближайшее время в Пакистане

отсутствует перспектива возвращения к «классической» модели военно-гражданских отношений при верховенстве гражданских институтов.

Примечания

- 1 Москаленко В.Н. Политическая роль пакистанской армии. Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. М., 2002. С. 323–355.
- 2 <https://www.ispr.gov.pk>
- 3 Замараева Н.А. Взаимоотношения пакистанской армии и гражданских государственных структур (2008–2012). Государство, общество, международные отношения на мусульманском востоке. М., 2014. С. 123–141.
- 4 The senate committee on defense, Report. № 3. 2013.
- 5 The Nation. 20.06.2013.
- 6 The Nation. 09.08.2013.
- 7 Dawn. 04.09.2013.
- 8 Dawn. 04.09.2013; 11.09.2013.
- 9 BBC. 06.02.2014.
- 10 The Frontier Post. 03.04.2014.
- 11 BBC. 06.02.2014.
- 12 The Nation. 20.06.2013.
- 13 <https://www.ispr.gov.pk>
- 14 Dawn. 07.04.2014.
- 15 <https://www.pakistanarmy.gov.pk/>
- 16 The Nation. 22.04.2014.
- 17 The Nation. 19.11.2014.
- 18 Dawn. 20.04.2014.
- 19 Dawn. 17.04.2014.
- 20 Dawn. 09.04.2014.
- 21 <https://www.ispr.gov.pk/>
- 22 <https://www.ispr.gov.pk/>
- 23 <https://www.ispr.gov.pk/>
- 24 Dawn. 01.09.2014.
- 25 <https://www.ispr.gov.pk/>
- 26 <https://www.ispr.gov.pk/>
- 27 Dawn. 29.09.2014.
- 28 Dawn. 29.08.2014.
- 29 <https://www.ispr.gov.pk/>
- 30 The Frontier Post. 10.10.2014.

Г.В. Лукьянов*

РЕГУЛЯРНАЯ АРМИЯ КАК ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЛИВИИ

Резюме. Статья посвящена исследованию генезиса регулярной армии как политического института в условиях смены и трансформации политического режима в Ливии. Хронологические рамки исследования охватывают исторический период с 1951 г., когда появилось суверенное ливийское государство с монархической формой правления, до 2011 г., когда прекратила свое существование созданная М. Каддафи Ливийская Джамахирия. Рассматриваются проблемы взаимодействия армии с традиционными и современными институтами ливийского общества и государства; ее участия в разработке и реализации внутренней и внешней политики; создания и функционирования системы сдержек и противовесов участия армии в политическом процессе в монархический (1951–1969), республиканский (1969–1976) и джамахирийский (1976–2011) периоды. На примере событий 2011–2014 гг. прослеживается сохранение выявленных тенденций и закономерностей социально-политического развития института регулярной армии в новом ливийском государстве.

Ключевые слова: Ливия, политическая система, армия, безопасность, революция, трибализм, политический ислам.

Summary. The article is devoted to the investigation of genesis of regular army as a political institution in conditions of political transit and transformations in Libya. The chronological scope of the study covers the historical period from 1951, when a sovereign Libyan state with monarchical form of government appeared, until 2011, when Libyan Jamahiriya ceased to exist. The author scrutinizes the problems of collaboration of army with traditional and modern institutions of Libyan society and state; participation of army in development and implementation of domestic and foreign policy. He also examines how system of checks and balances of participation of army in the political process was established and how it was functioning during in the Monarchy (1951–1969), Republic (1969–1976) and Jamahiriya (1976–2011). Further events (2011–2014) demonstrate the continuation of discovered trends and patterns of socio-political development of the regular army institution in the new Libyan state.

Tags: Libya, political system, army, security, revolution, tribalism, political Islam.

2014 г. в Ливии был ознаменован началом нового этапа внутреннего военно-политического противостояния, когда в результате затянувшегося кризиса центральных органов власти образовались два независимых общегосударственных парламента и правительства. Причем и Всеобщий нацио-

* Лукьянов Григорий Валерьевич, научный сотрудник НИУ ВШЭ.

нальный конгресс (ВНК), избранный летом 2012 г. в результате первых всеобщих выборов¹, и Палата представителей (ПП), сформированная по итогам избирательной кампании 2014 г.², опирались на противоположные друг другу политические силы, декларировали приверженность кардинально отличным идеологическим установкам и направлениям дальнейшего развития государства и общества. То есть впервые с 2011 г. на фоне хаоса бессистемных локальных конфликтов, в основе которых лежала борьба за обладание средствами производства и источниками дохода, а основными участниками выступали местные элиты, военизированные группировки, племенные и этнические обособленные объединения, в ливийском кризисе обозначилась тенденция формирования биполярного противостояния. Все еще далекие от внутреннего единства и гомогенности лагеря сторонников ВНК и ПП продемонстрировали, что способны объединить различные по политическим взглядам и региональной принадлежности фракции и совместно отстаивать общие интересы.

Особую роль в разгоревшемся противостоянии сыграла Ливийская национальная армия (ЛНА), созданная в 2011 г. после роспуска Революционных вооруженных сил Ливийской Джамахирии (РВС). Весной 2014 г. ряд высокопоставленных руководителей ЛНА объявили о своем намерении предпринять военную операцию «Достоинство», направленную против исламистских движений и группировок³. Речь шла не только о тех радикальных джихадистских объединениях, что составляли так называемую антисистемную оппозицию, но и о зарегистрированных и имевших представительство в парламенте и правительстве политических партиях⁴. После выборов депутатов ПП армейское руководство и ряд ассоциированных с ним военных авторитетов и политиков выразили доверие новоизбранному парламенту, признав его единственным легитимным высшим органом власти в стране. Несмотря на то что некоторые командиры ЛНА сохранили лояльность ВНК, отказавшемуся передать власть Палате и новому правительству, последние стали активно использовать в своей политической риторике тезис о том, что регулярная армия как государствообразующий политический институт выступила за новую конституцию и Ливию «без исламистов». Несмотря на то что Верховный суд страны выступил в поддержку старого парламента, а новый — объявил нелегитимным⁵, международное сообщество признало ПП и сформированное ею правительство Абдуллы ат-Тани единственными легитимными представителями воли ливийского народа. Обострение летом 2014 г. военно-политического противостояния, повлекшее вынужденное отступление сторонников ПП из Триполи и сохранение в столице власти ВНК, привело к тому, что конфликт обрел затяжной характер.

В данных условиях все большую роль в определении судьбы государства и с той и с другой стороны начали играть не просто военные и полевые командиры, но те из них, кто претендовал быть признанным в качестве командования регулярной национальной армии. Особую актуальность в этом контексте приобрел вопрос, вызвавший бурные дискуссии в самой Ливии и за ее пределами, является ли регулярная армия эффективным политическим институтом воссоздания и стабилизации национального государства в этой стране. А именно, существуют ли исторические основания считать опыт уча-

ствия регулярной армии в ливийской политике позитивным с точки зрения складывания и функционирования национального государства.

Монархический период (1951–1969)

Вооруженные силы с момента обретения независимости в 1951 г.⁶ были призваны не только обеспечивать военную безопасность Ливии от внешних угроз, но также служить и гарантом единства составных частей страны⁷ и стабильности власти⁸. Объединенное Королевство Ливия (ОКЛ) в первые годы своего существования, тем не менее, оказалось вынуждено рассчитывать в решении данных задач на внешнюю помощь. В первую очередь — со стороны Великобритании, Франции и США, сыгравших решающую роль в избавлении от итальянского колониализма. На территории Триполитании (с 1942 г.) и Киренаики (с 1943 г.) были созданы временные администрации, а также размещены иностранные воинские контингенты. При согласии и поддержке королевской власти пребывание британских и американских военных баз было институционализировано и легализовано вопреки протестам широких слоев населения.

С точки зрения Вашингтона и Лондона⁹, военные базы обеспечивали стабильность дружественного политического режима и препятствовали распространению коммунизма и арабского национализма в регионе, а элита ОКЛ воспринимала их как надежную гарантию собственной безопасности. Усиление антиколониальных настроений в арабских и африканских странах, арабо-израильский конфликт, нестабильность на границах заставляли сенуситов опасаться вовлечения королевства в региональные конфликты. После египетской революции (1952), подъема национальных сил в Алжире (1954) и Суэцкого кризиса (1956) ливийское правительство выступало с инициативой услияния британских гарнизонов вопреки массовым публичным протестам¹⁰.

В свою очередь, собственная королевская армия не отличалась ни лояльностью, ни эффективностью. В условиях примата традиционных отношений и отсутствия государственной системы военной подготовки¹¹ высокий уровень племенной разобщенности не лучшим образом сказывался на порядке ее функционирования. Преданность интересам племени превалировала над идеей лояльности государству¹². Кроме того, в первые годы существования ОКЛ в составе регулярных войск наиболее подготовленные и дисциплинированные солдаты являлись ветеранами итальянских «туземных» частей, воевавших против сенуситских ополчений¹³. Таким образом, Идрис и его окружение могли рассчитывать на полную лояльность рекрутов из Киренаики, но лишь на частичную — из двух других провинций.

Во второй половине 1950-х гг. на волне популярности идей арабского национализма и личности египетского президента Г. Насера в вооруженных силах начали складываться представления об армии как о специфической корпорации, обладающей особой исключительностью и мессианским предназначением. Распространение подобных настроений способствовало выделению офицерского корпуса в самостоятельную группу государственной элиты и ослаблению некоторых связей между ним и племенной верхушкой. Но при этом идеализация египетского революционного опыта способствова-

ла созреванию антимонархических настроений и формированию революционных кружков в ВС¹⁴. Из угрозы правящей семье и элите ВС превратились в потенциального противника формы правления и всей политической системы.

В противовес армии королем и правительством были созданы неподчиненные военному командованию отряды региональной военизированной милиции. В каждой из трех территорий была набрана провинциальная милиция из представителей местных племен. По данным Х. Маттеса, общая численность сил обороны к 1965 г. составляла порядка 13 тыс. человек, тем самым превышала соответствующий показатель регулярной армии (6–7 тыс.)¹⁵. Наиболее многочисленными и хорошо вооруженными оказались «Силы обороны Киренаики» (СОК). Несмотря на близость к власти, милиция была недисциплинирована и ненадежна. Опыт ограниченного применения «добровольцев» из СОК во время конфликта в соседнем Чаде, когда ливийские сенуситы решили оказать поддержку кочевым мусульманским племенам (тубу) в их противостоянии с христианским правительством Ф. Томбалбая¹⁶, показал их сравнительно низкую эффективность.

Система сдержек и противовесов развивалась и трансформировалась с учетом изменения характера внешних и внутренних угроз. Наличие дружественного воинского контингента Великобритании и США являлось определяющим фактором обеспечения военной безопасности ОКЛ и предотвращения возникновения реальной угрозы со стороны соседних государств. Хотя основной целью ливийской регулярной армии являлось обеспечение внутренней безопасности, в 1960-х гг. она превратилась из инструмента централизации и борьбы с сепаратизмом в потенциальную угрозу для действующего режима. Попытки правящей элиты лишить армию легитимного монопольного права на осуществление насилия способствовали ее консолидации, превращению в специализированную корпорацию. Создав институт территориальных сил обороны и сделав на него ставку, королевская власть сама выстроила преграду на пути консолидации страны и настроила армию против себя.

Республиканский период (1969–1977)

Сентябрьская революция 1969 г. продемонстрировала политическую зрелость офицерства¹⁷. Молодые офицеры сформировали Совет революционного командования (СРК), высший орган революционной власти, и отстранили от управления вооруженными силами высший командный состав, являвшийся частью политической элиты ОКЛ. Тем не менее в состав первого правительства ЛАР в качестве министров обороны и внутренних дел вошли полковник Аддам Хавваз и майор Муса Ахмед, не входившие в состав свершившей переворот организации «свободных офицеров»¹⁸.

Радикальный характер продекларированных СРК реформ стал причиной нарастания противодействия со стороны различных политических групп и фракций. Дабы предотвратить контрреволюционный путч, СРК монополизировал власть над военными ресурсами. Королевская армия была реформирована в Революционные вооруженные силы (РВС), подчинявшиеся напрямую Совету, а территориальная милиция, на которую делали ставку иерархи прежнего режима и местные элиты, — разоружена. Неоценимую помощь в

организации и снабжении РВС оказало правительство соседнего Египта¹⁹, первым признавшее легитимность СРК²⁰. Египетская кампания в поддержку М. Каддафи и его сторонников позволила последним подавить очаги сопротивления в крупных городах. В этих локальных стычках противники нового режима опирались на территориальную милицию. Тем не менее племенная разобщенность и отсутствие взаимодействия между провинциями придали сопротивлению очаговый характер, сделав тем самым его уязвимым перед хорошо вооруженными и организованными (в том числе египетскими офицерами) отрядами РВС²¹.

К концу 1969 г. по обвинению в государственной измене были арестованы А. Хавваз и М. Ахмед²². Легкость, с которой были проведены аресты, продемонстрировала высокую степень контроля СРК над вооруженными силами, основой которого была «Организация свободных офицеров юнионистов-социалистов» (ОСОЮС)²³, объединявшая не только средних и младших офицеров, но и рядовых солдат.

После роспуска первого республиканского правительства в январе 1970 г. новый кабинет возглавил лично М. Каддафи, глава ОСОЮС и председатель СРК: начался процесс срачивания этих двух структур с государственным аппаратом. Армия, которую возглавляли и олицетворяли в этот момент 12 членов СРК, приняла непосредственное участие в формировании органов управления, законодательной деятельности, выработке и реализации внутренней и внешней политики государства. Иные политические силы (БААС, коммунисты, «братья-мусульмане», сенуситы) были отстранены от процесса принятия политических решений на государственном уровне, а затем и участия в публичной политике. Летом 1971 г. под эгидой и покровительством СРК была создана первая в истории страны массовая политическая организация — Арабский Социалистический Союз (АСС)²⁴, призванная консолидировать общество, мобилизовать общественную поддержку и легитимизировать политику правительства²⁵. АСС последовательно вытеснял либо поглощал альтернативные политические силы, действовавшие в стране, а после принятия в 1972 г. закона о запрете партийно-политической деятельности вне его структуры стал единственной общественной организацией.

В течение первых пяти лет существования республики зародились конфликты среди представителей революционной элиты, сыгравшие решающую роль в развитии институционального кризиса внутри политической системы в целом. Численность РВС неуклонно росла ввиду изменения геополитической обстановки вокруг Ливии и изменения роли армии в ее обществе. Х. Маттес отметил следующую динамику: «Численность вооруженных сил выросла с 7 тыс. в 1969 г. до 20 тыс. в 1973 г., 55 тыс. — в 1982 г., и 86 тыс. человек — в 1988 г.»²⁶. Значительно улучшилось и материально-техническое обеспечение РВС за счет поставок вооружений из арабских (Египет), западно- (Франция) и восточноевропейских (СССР, Чехословакия, Румыния, Югославия) стран. Изменение баланса между военными и гражданскими привело к кризису в отношениях между этими категориями.

АСС, а также создававшиеся с 1972–1973 гг. территориальные народные комитеты выступали в качестве проводников фундаментальных реформ, призванных изменить хозяйственно-экономическую структуру и социально-политическое устройство ливийского общества. Будучи инициированы

М. Каддафи и его сторонниками, они, тем не менее, не встретили единодушной поддержки в офицерской среде. Радикальный характер преобразований шел вразрез с «египетской моделью» Г. Насера, отличался от «баасистского» проекта в Ираке и Сирии. Риторика первого лица государства была насыщена не только «левацкими перегибами»²⁷, но и концептами, присущими главным оппонентам светских арабских националистов — поборникам идей исламского возрождения, «братьям-мусульманам»²⁸. Это не могло не настроить против него идейных насеристов и баасистов и спровоцировать их на открытое выступление. Попытка военного переворота, предпринятая членами СРК во главе с Омаром аль-Мохейши в 1975 г., была тщательно спланирована и даже поддержана частью офицерского состава, но все же провалилась²⁹.

Причин, почему достаточно многочисленная группа военных руководителей, имевшая сторонников на всех уровнях армейской вертикали и лояльные воинские подразделения, потерпела поражение, когда лишь несколькими годами ранее подобное объединение смогло свергнуть ливийскую монархию, несколько. Несмотря на тесную связь между армейским командованием и правящим режимом, последний начиная с 1973 г. приступил к планомерной диверсификации институтов, на которые он опирался, и созданию развитой системы сдержек и противовесов между ними.

Во исполнение концепции М. Каддафи о вооруженном народе³⁰, обязательном самостоятельно защищать свою страну и свой народ, в 1974 г. был принят закон «О базовой военной подготовке». По сути, он являлся законодательным закреплением выдвинутой еще в 1971 г. идеи создания Сил народного сопротивления (СНС). К началу 1980-х гг. в СНС входили до 45 тыс. человек³¹. В отличие от территориального ополчения сенуситов, формировавшегося на провинциальном уровне, революционная милиция имела более разветвленную структуру, четкую систему организации и субординации, конкретный набор зафиксированных целей и функций. Принципиальное отличие новой милиции, сделавшее ее надежным инструментом сдерживания армии, заключалось в ее включенности наравне с реформированной полицией, таможней в структуру Министерства внутренних дел (МВД)³², получившего контроль над собственными вооруженными формированиями. По сравнению с дореволюционным периодом структуры МВД выросли количественно и развились качественно, что противопоставило их вооруженным силам.

Особое место в системе обеспечения стабильности политического режима заняла новая система служб государственной безопасности. Как и в случае с МВД, в 1970-х гг. их штат значительно вырос, кардинальным образом при участии советников из ГДР³³ была пересмотрена организационная структура и методы работы³⁴. К 1975 г. было создано Информационное Бюро (ИБ) при председателе СРК, осуществлявшее контроль за деятельностью разведывательных, контрразведывательных подразделений и политической полиции.

Не менее важной оказалась ОСОЮС, продолжавшая функционировать в качестве неформального объединения ветеранов Сентябрьской революции³⁵. Популярность М. Каддафи среди рядовых бойцов революции была куда выше, чем среди его бывших соратников, долгое время считавшихся равными ему. Организация стала опорой своего лидера в войсках на низовых уровнях, на местах. На протяжении 1970-х гг. поддержка ОСОЮС позво-

ляла М. Каддафи не опасаться повторения событий 1969 г. уже против его собственного режима.

Монопольное право на поддержание внутренней безопасности, взятое на себя армией после Сентябрьской революции, перестало быть таковым. Значительно окрепли альтернативные силовые структуры в рамках МВД (СНС, полиция), появились новые институты государственной безопасности (Информационное Бюро), отделенные от РВС. СРК создал себе опору в невоенном, гражданском, секторе в виде АСС и народных комитетов на местах. Уже в середине 1970-х гг. особая роль армии как основного института, ответственного за модернизацию и развитие государства, его стабильное функционирование, несмотря на декларацию обратного, ослабла. Тем не менее острая внешнеполитическая ситуация — обострение отношений с ближайшими соседями и бывшими союзниками Египтом³⁶ и Суданом³⁷; вовлечение Ливии в конфликты на территории Уганды, Чада, Эфиопии, Западной Сахары, стран Сахеля; перманентное осложнение отношений с соседями по Магрибу (Алжир, Тунис) — способствовала тому, что армия продолжала оставаться влиятельной силой. Рост прибыли от экспорта нефти позволил ливийскому руководству вложить небывалые по объему средства в ее развитие³⁸ и превратить в весомый фактор региональной безопасности в Африке³⁹.

Дальнейший рост РВС нивелировал внутренний «сдерживающий» фактор ОСОЮС в том виде, в каком он был эффективен ранее. Оставаясь элитарным клубом участников Сентябрьской революции, организация не имела перспектив роста, в то время как офицерский корпус увеличивался из года в год. Тем не менее она сыграла решающую роль в трансформации ЛАР в Социалистическую Народную Ливийскую Арабскую Джамахирию (СНЛАД) в 1976–1977 гг., а также в формировании базового института политического контроля новой политической системы — революционных комитетов (РК, или ревкомов).

Период Джамахирии (1977–2011)

В условиях режима «правления масс» управляемые наделялись правом и обязанностью контроля над деятельностью управляющих. Народу Джамахирии были даны инструменты самоорганизации (народные конгрессы и народные комитеты), а инструментом политического контроля стали ревкомы, подчиненные напрямую Лидеру Революции М. Каддафи. Их изначальный костяк составили активисты ОСОЮС, а объектом контроля явились вооруженные силы⁴⁰. Первые военные ревкомы возникли уже в 1976 г., а в 1980-х гг. на волне роста милитаристских устремлений высшего руководства страны и активного вовлечения ВС СНЛАД в чадский конфликт их власть в армии стала практически абсолютной. Они были призваны обеспечить политическую лояльность РВС режиму и продуцируемой им идеологии⁴¹, что было крайне необходимо ввиду непопулярности чадской кампании, обострения отношений с западными странами и соседями по региону.

Вскоре РК обзавелись собственными военизированными подразделениями, военными базами и гарнизонами. Вместе с разросшимся аппаратом специальных служб ревкомы создали параллельную иерархию власти и военную силу, неподотчетную ни армейскому командованию, ни официальным институтам народной власти (в том числе и Всеобщему народному

конгрессу). Монополия РВС на обеспечение военной безопасности страны, их особая роль как гаранта существования государства и функционирования политической системы к концу 1980-х гг. осталась лишь формальностью, хоть и закрепленной в основополагающих государственных документах, но оспариваемой реальным положением дел.

Помимо того, что в армии появились институты внешнего контроля, а ее эксклюзивные функции перестали быть таковыми, когда были переданы ряду других структур, идеология «вооруженного народа» поставила под вопрос само существование регулярных вооруженных сил. Поражения, которые понесли ВС СНЛАД в Чаде, привели к краху мифа о военной мощи Зеленой Революции. Сами ливийцы уже не горели желанием воевать за пределами собственной страны, военная служба утратила былую привлекательность⁴². Неспособность регулярных войск защитить территорию и население от американских бомбардировок в 1986 г.⁴³ убедила на определенный период времени высшее политическое руководство в целесообразности пересмотра основ военной доктрины. В условиях, когда падающие цены на нефть значительно сократили финансовые возможности государства и сделали нецелесообразным (с учетом низкой эффективности) воссоздание былой (до провала военной кампании в Чаде) военной мощи, ставка СНЛАД в вопросе военного обеспечения безопасности была сделана на партизанскую стратегию. В рамках масштабной военной подготовки населения регулярная армия должна была превратиться в учебный центр для созданного народного ополчения и милиции⁴⁴.

Решающую роль в ослаблении армии как самостоятельного политического института сыграла также проблема лидерства. В начале 1970-х гг. произошло слияние высшего военного и гражданского руководства, а после преобразования ЛАР в СНЛАД хотя Каддафи и перестал занимать формальные посты в системе гражданских властей, избрав для себя роль Лидера Революции, он сохранил за собой пост верховного главнокомандующего. При этом его ближайшие соратники из числа лидеров ОСОЮС и СРК заняли ведущие позиции в ВС: Абу-Бакр Юнис Джабер — командующего ВС, Мустафа аль-Харруби — начальника кадровой службы Главного командования и директора Службы военной разведки, Хувейлди аль-Хмеиди — генерального инспектора ВС, а до того ответственного за реализацию политики «вооруженного народа»⁴⁵. Эти люди занимали высшие посты в армии в течение многих лет благодаря своей принадлежности к близкому кругу друзей и соратников Верховного Лидера. Чуть ниже по командной лестнице находились многочисленные кровные и племенные родственники высших иерархов режима, принадлежащие к племенным союзам варфалла, магарха и каддафа⁴⁶. Проблема трайбализма и клиентельных отношений в ВС остро стояла на пути выстраивания механизмов самообновления регулярной армии и ее самостоятельно здорового развития как политического института.

К началу 1990-х гг. регулярная армия из опоры режима и гаранта стабильности в государстве вновь превратилась в источник внутренней нестабильности и потенциальной угрозы для политического режима. Несмотря на введение ограничений на деятельность ревкомов в 1988–1989 гг. на волне экономической либерализации, ситуация в вооруженных силах оставалась взрывоопасной. На фоне сокращения финансирования (особенно после введения в

1992 г. международных санкций)⁴⁷ в войсках сложилась благоприятная среда для распространения антиправительственных настроений. Влияние таких оппозиционных организаций, как Национальный фронт спасения Ливии (НФСЛ), заметно возросло, что вылилось в серию локальных бунтов в гарнизонах, а также участию военных в подготовке покушений на жизнь М. Каддафи⁴⁸.

В 1993 г. была раскрыта подготовка крупномасштабного антиправительственного заговора военных, в основе которого лежало вызванное рядом причин недовольство в среде военнослужащих. Во-первых, неприятие офицерским и рядовым составом понижения социального статуса военнослужащих на фоне укрепления позиций сотрудников спецслужб, ревкомов и независимых воинских формирований (Исламский легион, Гвардия Революционных комитетов и т. д.). Во-вторых, общее снижение уровня материального благосостояния в условиях экономического спада: в отличие от представителей перечисленных привилегированных категорий военнослужащие ощутили на себе сокращение экономических возможностей государства⁴⁹. В-третьих, на фоне сложной внешнеполитической и экономической ситуации и продолжающегося демографического роста, в том числе и в армии, обострились отношения между племенными союзами, на которые ранее опиралась правящая элита⁵⁰. События 1993 г. привели к громким отставкам представителей крупнейшего союза ливийских племен варфалла.

ВС СНАД оказались не готовы своевременно и эффективно реагировать на новые угрозы безопасности, количество которых значительно выросло после завершения «холодной войны» и распространения исламизма в регионе. С 1995 по 2011 г. Джамахирия оказалась вовлечена в борьбу с джихадистским движением в Магрибе, Сахеле и на собственной территории. Вооруженная ливийская оппозиция в этот период тесно сблизилась с исламистскими организациями и получила поддержку из Алжира, Судана, Ирака, Афганистана и Пакистана⁵¹. Основную роль в отражении военного вторжения исламистов в Ливию в 1995–1999 гг. взяли на себя не армейские подразделения, а Исламский легион, СБД и племенные ополчения⁵².

После отмены международных санкций и восстановления отношений со странами Запада в 2003–2005 гг. военные расходы бюджета Джамахирии (в контексте новой экономической политики⁵³) так и не достигли уровня 1980-х гг. Значительно замедлился процесс перевооружения, снизился уровень социального обеспечения военнослужащих. Все это лишь подтвердило утрату армией той роли, которую она играла в жизни страны в течение первых двух десятилетий после революции. В результате, когда в феврале 2011 г. в Ливии начались антиправительственные выступления, вызванные событиями так называемой «арабской весны» или «арабского пробуждения» в Тунисе и Египте, ливийские ВС оказались полностью не готовы к активным действиям.

Гражданская война (2011)

Дестабилизация социально-политической обстановки в 2011 г. выявила все те «болезни» политической системы, что сформировались за десятилетия существования «безгосударственного» общества. Зависимость исполнительных органов власти от единственного центра принятия решений, т. е. Лидера М. Каддафи и его окружения, привела к нарушению порядка его функциони-

рования в экстремальных условиях кризиса. Примечательно, что СБД и РК провели аресты всего генералитета и Главного командования ВС в Триполи сразу же после поступления информации о беспорядках на северо-востоке, заподозрив именно их в намерении осуществить переворот⁵⁴. Лишенные центрального командования местные армейские гарнизоны, в течение десятилетий подвергавшиеся чисткам за излишнюю политическую активность, не проявили должной инициативы для пресечения беспорядков. Армия не смогла помешать созданию в Бенгази оплота вооруженной оппозиции и оказала пассивное содействие экстремистам, допустив захват армейских складов.

Структуры Народного комитета внутренних дел (МВД) также лишились центрального управления, поскольку возглавлявший их Абдель Фаттах Юнис присоединился к восставшим. Многочисленные военизированные формирования, создававшиеся в рамках этого ведомства с начала 1970-х гг., оказались также парализованы. Вновь, как и в 1995 г., основное бремя в обеспечении безопасности взяли на себя элитные подразделения, подчиненные Лидеру Революции и Бюро по разведке⁵⁵. Эти формирования наголову разбили мятежников и блокировали их основные силы в Бенгази уже в середине марта 2011 г., но введение резолюцией СБ ООН бесполётной зоны над Ливией, по сути, легализовало военное вмешательство иностранных государств⁵⁶. Против массированного наступления ВВС НАТО и региональных союзников ливийская армия оказалась также малоэффективна, но уже по другим причинам. Реабилитированное военное командование так и не смогло восстановить контроль над войсками на всей территории страны. На боевую эффективность ВС и их моральное состояние повлияла скудность вверенной им материальной базы⁵⁷.

К лету 2011 г., когда при поддержке иностранной авиации повстанческий Переходный национальный совет (ПНС) провел наступление на столицу, штатная структура подразделений регулярной армии была полностью пересмотрена: большая часть боеспособных подразделений представляли собой гибридные соединения, каждое из которых включало в себя военнослужащих элитных войск СНБ и РК, регулярной армии и ополчений лояльных племен. Такая форма организации позволила увеличить количество эффективных и одновременно политически благонадежных вооруженных формирований, когда довоенные структуры продемонстрировали полную беспомощность в условиях гражданской войны. Но после смерти М. Каддафи в октябре 2011 г. в рядах сторонников режима произошел слом: значительная часть политической элиты, в том числе члены семьи Лидера, покинула территорию страны, другие либо перешли на сторону ПНС, либо эмигрировали, либо были изолированы. Когда сторонники Джамахирии из защитников власти превратились в оппозицию новому режиму, они оказались вынуждены перейти к партизанским методам борьбы, а регулярная армия СНАД прекратила свое существование как организационная структура и политический институт.

Государство Ливия (2011–2014)

На протяжении 42 лет пребывания М. Каддафи у власти в результате последовательной политики государства ослабевала политическая самостоятельность регулярной армии, а с 1980-х гг. сокращалась и ее боевая готов-

ность, способность обеспечивать военную безопасность, а также репутация внутри и за пределами страны. Тем не менее опасения, проявляемые властной элитой, имели под собой реальные основания, ведь начиная с успешного антимоноархического заговора, увенчавшегося революцией 1969 г. и приведшего к власти режим М. Каддафи, попытки вмешательства военных в политический процесс стали регулярными. Притом что мотивы антиправительственных выступлений в офицерском сообществе и среди рядового состава ВС различались — от личного неприятия высшего руководства страны и проводимого им политического курса до племенных разногласий и неудовлетворенности собственным социально-экономическим положением, — характер угроз, исходящих от армии в целом, был неизменен и во время путча А. Хавваза (1969), заговора О. Мохейши (1975) и событий 1993 г. Политические амбиции создали в офицерском корпусе благоприятную среду для деятельности оппозиционных организаций (Национальный фронт освобождения Ливии и др.) и складывания собственных антиправительственных кружков и объединений, с одной стороны, и коррозии барьеров, отделявших армию как институт модернизации от племен на локальном уровне — с другой. В результате к началу 2000-х гг. регулярная армия окончательно и бесповоротно утратила свою исключительную роль в жизни ливийского государства, отдалившись от режима и сблизившись с племенами.

Новые вызовы и угрозы, возникшие ввиду распространения идеологии радикального исламизма в регионе после революции в Судане (1989), гражданской войны в Алжире (1991–2002), войн в Ираке (2003–2011) и Афганистане (1992–1996, 1996–2001, 2001–2014), требовали конкретных мер по укреплению системы государственной безопасности. Противостояние регулярным армиям и участие в крупномасштабных боевых действиях на собственной или чужой территории в этой связи более не рассматривалось в Триполи в качестве реалистичного сценария развития в XXI в. Новым основным врагом ливийской государственности стали международный терроризм и исламистский экстремизм, обладающие специфическими организационными формами и методами военно-политической активности. Решающая ставка была сделана на укрепление политически благонадежных элитных военизированных подразделений, подчиненных руководству страны напрямую. Подкрепленные ополчениями лояльных племен, эти формирования были основой системы безопасности Ливии в первом десятилетии 2000-х гг., в то время как регулярной армии отводилась явно второстепенная роль.

В течение периода действия санкций военная служба в ливийской армии оставалась крайне непопулярной, потому как не сулила ни высокого заработка, ни повышения социального статуса, но сопровождалась рисками. Дискредитация службы привела к оттоку из рядов ВС значительного количества представителей коренного местного населения и притоку мигрантов из стран Сахеля. Обострение хозяйственных экономических споров между «новыми» и «старыми» гражданами Джамахирии стало причиной ожесточения межэтнических и межрасовых столкновений в рядах ВС.

Вопреки надеждам, возлагаемым международным сообществом на новую Ливийскую национальную армию как основу коалиции сил под эгидой Палаты представителей в конфликте с исламистами в 2014 г., следует учитывать особенности опыта участия армии во внутривластной жизни страны.

Необходимо брать в расчет ее высокую степень зависимости от всех видов поддержки со стороны иностранных государств и международных организаций ввиду сложной социально-экономической и логистической ситуации (в частности, отсутствия собственной производственной базы). Успех «молодых офицеров» в 1969 г. во многом был обеспечен морально-политической, организационной и материально-технической помощью со стороны соседнего Египта. В 2014 г. надежды многих наблюдателей и участников политического процесса были связаны не только с получением ЛНА припасов и оружия от иностранных союзников, но и с возможностью развертывания последними военной операции на ливийской земле. В первую очередь эти ожидания были связаны с Египтом (приход к власти в котором бывшего военного министра маршала Абель Фаттах ас-Сиси был встречен в ПП с большой радостью и воодушевлением), но также правительство А. ат-Тани в 2014 г. неоднократно обращалось с предложениями об интервенции к Алжиру, а также международным организациям: ООН, ЛАГ, ССАГПЗ, ЕС и АС.

Для эффективного функционирования ЛНА определяющим является вопрос лидерства. В 2011–2014 гг. продолжалась ожесточенная конкурентная борьба за руководящие посты в структуре ЛНА и министерства обороны. Так и не закончившись, она лишь ослабила армию и затруднила ее восстановление в качестве профессиональной корпорации. В 2014 г. на первом плане оказалась фигура генерала Халифы Хафтара, выступившего от имени ЛНА в поддержку кабинета А. ат-Тани (ранее министра обороны в кабинете Али Зейтана) и ПП, а также объявившего о начале операции «Достоинство» против исламистов. Многие национальные и зарубежные СМИ поспешили назвать Хафтара национальным лидером и наделить его полномочиями диктатора. Хотя правды в том, что написано о Хафтаре, не так уж и много, под его руководством разрозненные силы ЛНА и их союзников стали действовать куда более организованно и слаженно, получили определенную поддержку со стороны иностранных союзников и смогли нанести своим оппонентам ряд существенных ударов.

Таким образом, идея опоры на регулярную армию как инструмент построения современного национального государства в Ливии имеет под собой реальные основания, так как данный институт в течение длительного периода времени играл важную роль в политическом процессе. При этом степень эффективности исполнения армией социально-политических функций находится в прямой зависимости от ее способности к самоорганизации в качестве профессиональной корпорации, независимой от традиционных общественных институтов и обладающей, таким образом, привлекательностью для поддержки со стороны собственного населения, а также соседних государств и международных организаций. Тем не менее, как показывает ливийский исторический опыт, выстраивание широкой системы институтов сдержек и противовесов остается единственным эффективным способом предотвращения узурпации власти представителями военной элиты.

Примечания

- ¹ Лукьянов Г.В. Выборы во Всеобщий Национальный Конгресс Ливии: контекстуализация, концептуализация и подведение итогов // Новое восточное обозрение. 2012.
- ² Final Results for House of Representative elections announced // Libya Herald, 21.06.2014.
- ³ Зинин Ю. Ливия: на пороге нового обострения? // Новое восточное обозрение, 28.05.2014.
- ⁴ Ashour O. *Libyan Islamists Unpacked: Rise, Transformation, and Future*. Doha, 2012; Лукьянов Г.В. Радикальные исламские движения в Ливии // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: страны Северной и Северо-Восточной Африки. М., 2015. С. 302–328.
- ⁵ Прокофьев П. СМИ: Верховный суд Ливии постановил распустить парламент // ТАСС, 06.11.2014.
- ⁶ Bills S.L. *The Libyan Arena: The United States, Britain, and the Council of Foreign Ministers, 1945–1948*. Kent, 1995.
- ⁷ Егорин А.З., Миронова Г.В. *Сенуситы в истории Ливии (1843–1969 гг.)*. М., 2006. С. 221–234.
- ⁸ Подробнее см.: Khaddury M. *Modern Libya: A Study in Political Development*. Baltimore, 1963.
- ⁹ Worrall R.J. The strategic limitations of a Middle East client state by the mid-1950s: Britain, Libya and the Suez Crisis // *Journal of Strategic Studies*. 2007. Vol. 30. № 2. P. 309–347.
- ¹⁰ Pargeter A. Anglo-Libyan relations and the Suez crisis // *The Journal of North African Studies*. 2000. Vol. 5. № 2. P. 41–58.
- ¹¹ Кудряшов В.В. *Армия в политической системе Ливии (1951–1988 гг.)*. Диссертация кандидата исторических наук. М., 1989. С. 5–6.
- ¹² Подробнее см.: El Fathaly O., Palmer M., Chakerian R. *Political Development and Bureaucracy in Libya*. Toronto, 1977.
- ¹³ Anderson L. *The State and Social Transformation in Tunisia and Libya, 1830–1980*. Princeton, 1986. P. 252–254.
- ¹⁴ Егорин А.З. *Ливийская революция*. М., 1989. С. 10–14.
- ¹⁵ Mattes H. *Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case*. Geneva, 2004. P. 1–2.
- ¹⁶ Neuberger B. *Involvement, Invasion and Withdrawal: Qadhafi's Libya and Chad 1969–1981*. Tel-Aviv, 1982. P. 22–25.
- ¹⁷ Mattes H. *Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case*. P. 2–3.
- ¹⁸ Habib H. *Politics and Government of Revolutionary Libya*. Ottawa, 1975. P. 176–177.
- ¹⁹ Saadany S. *Egypt and Libya from Inside, 1969–1976. The Qaddafi Revolution and the Eventual Break in Relations, by the Former Egyptian Ambassador to Libya*. Jefferson, 1994. P. 3–28.
- ²⁰ Ronen Y. Personalities and Politics: Qaddafi, Nasser, Sadat and Mubarak // *The Journal of North African Studies*. 2001. Vol. 6. № 3. P. 1–2.
- ²¹ Deeb M.-J. *Libya's Foreign Policy in North Africa*. Oxford, 1991. P. 53–59.
- ²² Егорин А.З. *Ливийская революция*. С. 53–54.
- ²³ Егорин А.З. *Муаммар Каддафи*. М., 2008. С. 70–73.
- ²⁴ Habib H. *Politics and Government of Revolutionary Libya*. P. 182–212.
- ²⁵ Егорин А.З. *Ливийская революция*. С. 74–75.
- ²⁶ Mattes H. *Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case*. P. 3.
- ²⁷ El-Khawas M. *Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice*. Brattleboro, 1986. P. 31–40; Sono T. *The Qaddafi Green Syndrome: Shaking the Foundations*. Langley Park, 1984. P. 35–39.

- ²⁸ Ayoub M. Islam and the Third Universal Theory: Religious Thought of Mu'ammar al-Qadhafi. L., 1987. 61–73; Joffe G. Islamic opposition in Libya // *Third World Quarterly*. Vol. 10. No. 2. P. 619–620; El-Khawas M. Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice. P. 84–86.
- ²⁹ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от Революции аль-Фатех до «Арабской весны» // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 9. С. 29.
- ³⁰ Егорин А.З. Муаммар Каддафи. С. 173–179.
- ³¹ Anderson L. Assessing Libya's Qaddafi // *Current History*. 1985. Vol. 84. № 502. P. 226.
- ³² Mattes H. Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case. P. 5–6.
- ³³ Blundy D., Lycett A. Qaddafi and The Libyan Revolution. Boston & Toronto, 1987. P. 138–139.
- ³⁴ Ibid. P. 11–13.
- ³⁵ Егорин А.З. Ливийская революция. С. 80–90.
- ³⁶ Shaked H., Ronen Y. Simmering Tension between Libya and Egypt (1954–1986) // *Conflict Management in the Middle East* / Ed. by G. Ben Dor and D. B. Dewitt. Lexington, 1988. P. 113–129.
- ³⁷ Лукьянов Г.В. Ливийско-суданские взаимоотношения в 1969–1989 годах // *Исторический журнал: научные исследования*. 2012. № 5. С. 75–84.
- ³⁸ Vandewalle D. Libya since Independence: Oil and State-building. Ithaca, 1998. P. 185–190.
- ³⁹ Foltz W.J. Libya's Military Power. P. 52–73.
- ⁴⁰ Егорин А.З. Ливийская революция. С. 103–107.
- ⁴¹ Малашенко А.В. Место и роль ислама в политическом устройстве современной Ливии // *Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока*. М., 1986. С. 70–78.
- ⁴² Бартнев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях (1969–2008). М., 2009. С. 255–257.
- ⁴³ Stanik J. El Dorado Canyon: Reagan's Undeclared war with Qaddafi. Annapolis, 2003.
- ⁴⁴ El-Khawas M. Qaddafi: His Ideology in Theory and Practice. P. 61.
- ⁴⁵ El-Kikhia M.O. Libya's Qaddafi: The Politics of Contradiction. P. 89–92.
- ⁴⁶ Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution // *Middle East Policy*. 2011. Vol. 18. № 4. P. 140–154.
- ⁴⁷ Niblock T. «Pariah States» & Sanctions in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan. L., 2011. P. 60–93.
- ⁴⁸ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от Революции аль-Фатех до «Арабской весны». С. 31–32.
- ⁴⁹ Mattes H. Challenges to Security Sector Governance in the Middle East: the Libyan Case. P. 3.
- ⁵⁰ Lacher W. Families, Tribes and Cities in the Libyan Revolution. P. 146.
- ⁵¹ Ashour O. Post-Jihadism: Libya and the Global Transformations of Armed Islamist Movements // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23. № 2. P. 382.
- ⁵² Лукьянов Г.В. Организация и деятельность «арабских афганцев» в Ливии в 1990–1995 гг. // «Слинкинские чтения»: материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора М.Ф. Слинкина, 14 февраля 2014 г., Симферополь. Том I. Симферополь, 2014. С. 53–56.
- ⁵³ Смирнова Г.И. Ливия: от тотального госконтроля к либерализации экономики? М., 2011. С. 71–92.
- ⁵⁴ Лукьянов Г.В. Ливийская армия от Революции аль-Фатех до «Арабской весны». С. 32.
- ⁵⁵ Там же. С. 33.
- ⁵⁶ Егорин А.З. Свержение Муаммара Каддафи. Ливийский дневник 2011–2012 год. М., 2012. С. 52.
- ⁵⁷ Цыганок А.Д. Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд. М., 2012. С. 21–30.

Раздел V

**ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
И ЭТНИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ**

*И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина**
(Нижний Новгород)

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Резюме. На территории современной Исламской Республики Иран проживает около 15 различных этнических меньшинств. В связи с этим этнический фактор воздействует на все сферы жизни иранского государства, будь то политические, экономические или социальные процессы. Сложное этническое разнообразие Ирана зачастую осложняет решение многих социально-политических вопросов и течение межэтнических конфликтов, а сами многочисленные этнические меньшинства испытывают серьезные проблемы интеграции в политическое пространство ИРИ. Таким образом, этнические проблемы, которые сопровождаются стремлением ряда этнических меньшинств к автономии, ростом терроризма и экстремизма, а также весьма высокой заинтересованностью в этом вопросе некоторых региональных и внерегиональных игроков, являются одними из самых актуальных для Ирана.

Ключевые слова: Иран, этнические меньшинства, курды, азербайджанцы, арабы, белуджи.

Summary. About 15 different ethnic minorities live on the territory of the modern Islamic Republic of Iran. In this regard, the ethnic factor has affected all spheres of life of the Iranian state, whether political, economic or social processes. Complex ethnic diversity of Iran often complicates the solution of many socio-political issues and current ethnic conflicts, and numerous ethnic minorities experience serious problems of integration in the political space of the IRI. Among the most pressing issue for Iran are ethnic problems, which are accompanied by the desire of a number of ethnic minorities for autonomy, the rise of terrorism and extremism, as well as a very high interest in this issue some of the regional and extra-regional players.

Tags: Iran, ethnic minorities, Kurds, Azeris, Arabs, Baluchis.

Исламская Республика Иран, являющаяся одним из региональных лидеров Ближнего и Среднего Востока, относится к странам «имперского» типа со сложной этнической структурой. Именно поэтому этнические проблемы представляются крайне важными для современного Ирана. А наличие многочисленных этнических меньшинств, разделённых народов, в той или иной степени стремящихся к автономии и сегрегации, лишь усугубляют проблему. Ситуацию осложняет и тот факт, что согласно Конституции ИРИ, граждане Ирана, относящиеся к любому этносу или племени, обладают равными правами, а также в Иране действует свобода партий, политических организа-

* Рыжов Игорь Валерьевич — доктор исторических наук, зав. кафедрой Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
Бородина Мария Юрьевна — аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

ций и признанных религиозных меньшинств¹, что на практике очень часто не действует, и весьма распространены случаи дискриминации этнических и религиозных меньшинств и их организаций со стороны иранских властей.

Курды. Курдское население Ирана проживает на территории Иранского Курдистана, который охватывает четыре иранских провинции — Курдистан, Керманшах, Западный Азербайджан и Элам, и составляет примерно 5,5 млн человек. Также курдское население сосредоточено в северном Хорасане, в северо-восточном Иране и в городах Тегеран и Сенендедж и др.² Большая часть иранских курдов придерживаются заветов суннитского ислама и лишь часть из них в Керманшахе и Хорасане исповедуют шиизм. Кроме того, среди иранских курдов имеются и свои религиозные меньшинства. Так, некоторые курды являются членами религиозной общины «Ахли-хакк» («Люди истины»), которая базируется в основном в области Далаху провинции Керманшах. Иранские курды в основном разговаривают на суранском диалекте курдского языка. Исключением являются хорасанские курды и те из них, кто проживает вблизи турецкой границы: они пользуются диалектом курманджи. Что касается керманшахских курдов, то они, как правило, привыкли говорить на персидском языке со специфическим курдским акцентом³.

Курдская проблема как проблема этнополитическая возникла в Иране в XIX в., но оформлена и получила свое развитие лишь в начале XX в. в условиях максимального ослабления иранской государственности, подпадания Ирана в зависимость от Великобритании и России и глубокого кризиса власти⁴. Однако исторически курдскую проблему можно отнести еще к началу XVI в., когда в ходе ирано-турецких войн Курдистан был поделен на турецкую и иранскую части по Касре-Ширинскому мирному договору 1639 г. Затем, после Первой мировой войны, державы Антанты произвели передел азиатских владений Османской империи и поделили Курдистан уже на 4 части, что значительно усилило борьбу курдов за самоопределение.

Наибольшего развития борьба иранских курдов за независимость получила в конце Второй мировой войны, когда Великобритания и СССР использовали курдское движение в своих политических целях. Так, с санкции англичан племенной вождь Хама Рашид установил контроль над тремя районами в западном Иране, однако в 1944 г. был разгромлен подразделениями иранской армии⁵. СССР также инициировал активизацию демократического крыла курдского сопротивления, что вылилось в создание Республики Курдистан во главе с Кази Мохаммедом (лидер Демократической партии Иранского Курдистана) со столицей в Мехабаде, которая просуществовала 11 месяцев, вплоть до конца 1946 г., утратив поддержку СССР в обстановке начавшейся «холодной войны». Безусловно, падение Мехабадской республики на время приостановило курдский сепаратизм в Иране. Однако в начале 1979 г. курды не только поддержали Исламскую революцию в Иране, но и приняли в ней самое активное участие. В результате этого власть в Иранском Курдистане оказалась в руках курдского населения до тех пор, пока не начались вооруженные столкновения между отрядами Демократической партии Иранского Курдистана и посланными из Тегерана «Стражами исламской революции». После этого положение курдов в Иране по сравнению с шахскими временами даже ухудшилось⁶.

В настоящее время курдская проблема остается одной из самых злободневных в Иране. Иранские курды по-прежнему не имеют почти никаких автономных прав. Проблема осложняется тем, что согласно исламской концепции «исламская община — единая нация», в мусульманском обществе не может быть национальных различий, поэтому курдов здесь не считают отдельной нацией, что практически сводит на ноль реализацию политических прав курдского населения в Иране.

Стремясь подавить активность собственной курдской оппозиции, иранские власти прилагают усилия для сохранения определенного баланса сил в регионе с тем, чтобы не позволить ни одной стране добиться преимуществ в этнографическом Курдистане. Иран выступает против любых изменений в политической географии региона, хотя и не склонен препятствовать существованию «освобожденной зоны» в Иранском Курдистане как удобной базы для противодействия Ираку и усиливающемуся американскому влиянию в регионе⁷.

Для координации и согласования позиций и совместных мер, касающихся курдского вопроса, ИРИ активно сотрудничает с Турцией. К примеру, в начале сентября 2005 г. обстреляли деревни на ирано-турецкой границе якобы с целью пресечения деятельности функционеров Рабочей партии Курдистана (РПК), Турецкого Курдистана и радикально-националистической группировки иранских курдов «Пижак». В результате погибли мирные жители и их скот, а в лесах возникли пожары, нанешие урон экологии местности⁸.

Безусловно, основополагающий принцип противодействия властей ИРИ курдскому сепаратизму — жесткая борьба с ним, вплоть до смертной казни курдских террористов. Однако параллельно с этим иранские власти стараются вовлечь курдов в политическую жизнь страны. Первые политические свободы были предоставлены курдам во время нахождения на посту президента ИРИ Саеда Мохаммеда Хатами (1997–2005) в рамках провозглашенного им курса «диалога цивилизаций». Именно в это время курдам было дано право выбрать 40 представителей от Курдистана, которые вошли в число депутатов иранского меджлиса. Более того, ряд выходцев из этнических курдов стали советниками президента и правительства, а губернатором Иранского Курдистана был назначен курд Абдаллах Рамезанзаде.

Участие курдов в политической жизни ИРИ направлено в основном на изменение существующего положения курдского населения. Так, в сентябре 2001 г. шесть депутатов меджлиса от провинции Курдистан заявили о добровольном снятии с себя депутатских полномочий из-за назначения очередным губернатором перса-шиита «со стороны», незнакомого с нуждами жителей региона. Они попытались пожаловаться на это и премьеру, и президенту. Однако это не привело к каким-либо значимым результатам⁹.

Еще одним шагом, свидетельствовавшим об активном участии курдов в политической жизни иранского государства, можно считать парламентские выборы 2004 г., в преддверии которых власти Ирана сняли с предвыборной гонки многих курдских кандидатов по обвинению в фальсификации собранных ими подписей в подписных листах, что вылилось в масштабные беспорядки в Иранском Курдистане.

Большинство оппозиционных политических партий иранских курдов, находясь на нелегальном положении, бойкотировали президентские выборы в Иране, прошедшие 14 июня 2013 г. Это объясняется тем, что в программе ни у одного из баллотировавшихся на пост президента кандидата не ставился вопрос о правах национальных меньшинств¹⁰. Однако и в этом вопросе курды не смогли добиться каких-либо значимых результатов в основном из-за отсутствия единой позиции среди партий курдской оппозиции.

Ведущей политической силой в Иранском Курдистане является Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК), которая в настоящее время находится на нелегальном положении и запрещена по указу аятоллы Хомейни еще в 1980 г.

ДПИК действует в городе Эрбиль — столице Иракского Курдистана. Основным требованием партии является «федерализация Ирана», а также официальное признание национального статуса иранских курдов и разрешение на использование курдского языка в системе образования и административном аппарате. Хотя эта партия, по крайней мере на словах, признает территориальную целостность Ирана, она требует самоуправления для иранских курдов¹¹. Также к основным требованиям партии можно отнести предоставление курдской провинции большей самостоятельности в экономической и социальной сфере, расширение административно-территориальных границ Иранского Курдистана с включением в него других курдонаселенных районов Ирана, обеспечение свободы СМИ и легализацию курдских политических и общественных организаций в Иранском Курдистане.

Также следует отметить Партию свободной жизни Курдистана (ПСЖК, «Пи-жак»), основанной 4 апреля 2003 г., которая является иранским отделением турецкой Рабочей партии Курдистана и придерживается исключительно вооруженных методов борьбы. Целью ПСЖК является «борьба за права курдского народа в Иране». В 2010 и 2011 гг. ПСЖК совершила ряд террористических актов, которые были направлены против иранских вооруженных сил. Официальный Тегеран не оставался в долгу, проведя в 2011 г. ряд успешных операций против ПСЖК, по итогам которых были арестованы и уничтожены многие члены этой организации. В последние годы Партия свободной жизни Курдистана действует и в других ближневосточных государствах, преимущественно в Сирии, в связи с чем ее активность в самом Иране существенно снизилась. По неофициальным сведениям, между руководством Исламской Республики и ПСЖК действует что-то типа соглашения о прекращении огня¹².

Еще одной политической силой является объединение «Комала», деятельность которого представлена тремя течениями: партией «Комала» Иранского Курдистана под предводительством Абдуллы Мохтади, Курдской организацией коммунистической партии Ирана во главе с Эбрахимом Ализаде и Организацией тружеников Курдистана под руководством Омара Ильханзаде. Руководство «Комалы» базируется в Иракском Курдистане и до сих пор располагает военными резервами. Эта группировка имеет собственный телеканал *Rajalat*. Как и Демократическая партия, «Комала» на словах признает территориальную целостность Ирана и выступает лишь за его федерализацию¹³.

В последнее время наблюдается тенденция к стремлению курдских партий объединиться в единый национальный фронт. 22 августа 2012 г. Демократическая партия Иранского Курдистана и «Комала» подписали соглашение о

сотрудничестве, рассматриваемое ими как «основа большого политического союза» в Иранском Курдистане. Однако соглашение встретило неоднозначную реакцию представителей других политических течений иранских курдов. Курдское движение в Иране по-прежнему остается расколотым и пока не представляет собой консолидированной общественно-политической силы¹⁴.

Кроме политических проблем в Иранском Курдистане сохраняются и проблемы социально-экономического характера. До Исламской революции курдские районы Ирана являлись самыми экономически отсталыми районами. Потом жизнь в этих районах несколько улучшилась, но в целом места проживания курдов в Иране считаются глубокой периферией. В Иранском Курдистане наблюдается высокий уровень бедности, который составляет более 60% и является прямым результатом политики иранских властей, а также неправомερных действий должностных лиц в регионе¹⁵. Также весьма остро стоит проблема недостатка питьевой воды, электричества, отставание сферы жилищного строительства, ощущаются трудности с трудоустройством, получением высшего образования и квалифицированной медицинской помощи.

Курдские депутаты меджлиса неоднократно поднимали вопрос о неравномерном выделении бюджетных средств регионом с персидским и неперсидским населением. По данным газеты «Ноуруз», индустриально развитые провинции Исфахан и Керман, населенные в основном персами, получают на порядок больше бюджетного финансирования, чем сопоставимые с ними по населению Иранский Курдистан и населенная преимущественно азербайджанцами провинция Ардебиль. Именно в Курдистане остается предельно высоким уровень безработицы, в том числе и среди дипломированных специалистов. Здесь один из самых низких в стране показателей дохода на душу населения. Курдистан отличается и крайне низким объемом промышленного строительства, мизерными инвестициями в сельское хозяйство, ирригацию, благоустройство населенных пунктов¹⁶.

Однако, несмотря на ряд серьезных социально-экономических проблем, иранские власти все же предпринимают попытки улучшить социально-экономическое положение курдского населения, развивая инфраструктуру и экономику курдского региона, основой которой пока все еще остаются сельское хозяйство — земледелие и скотоводство, а также ремесленное производство. Иранские провинции преимущественно с курдским населением являются житницами страны: в провинции Керманшах собирают богатые урожаи зерновых культур, риса, овощей и фруктов. В целях борьбы с безработицей иранское руководство стремится увеличить число рабочих мест. Так, в 2012 г. правительство ИРИ выделило 200 млрд риалов (примерно 16,5 млн долл.) на строительство нового завода автопромышленной группы «Иран ходроу» в Сенендедже, административном центре провинции Курдистан¹⁷. Также одним из способов привлечения средств явилось создание в провинции Курдистан особой экономической зоны и льготного режима инвестиций по всему Иранскому Курдистану.

В целом можно отметить, что, несмотря на ряд предпринятых иранским руководством попыток улучшения жизни курдского населения в ИРИ, оно по-прежнему ущемлено в экономических и политических правах: в ИРИ действует запрет курдских культурных и правозащитных организаций, женских ассоциаций и профсоюзов, практически отсутствуют газеты на курдском языке

ке. Более того, власти Ирана не позволяют освещать ситуацию в Курдистане и не допускают в курдский регион журналистов и общественных деятелей. В связи с этим в современном Иране довольно сильны сепаратистские настроения в районах традиционного проживания курдов, которые заявляют, что только свобода и равноправие могут положить конец сепаратистским движениям.

Азербайджанские турки. Крупнейшим национальным меньшинством Ирана являются азербайджанские турки. Численность этого меньшинства, по разным оценкам, колеблется от 9 до 28 млн человек, что составляет почти треть от всего населения Ирана¹⁸. Однако точное количество иранских азербайджанцев подсчитать крайне сложно, поскольку власти Ирана долгое время не признавали наличия в стране подобного этноса, считая азербайджанцев Ирана этническими иранцами, говорящими на тюркском языке. Иранские азербайджанцы в основном сосредоточены в 4 провинциях: Западный и Восточный Азербайджан, Зенджан и Ардебиль, а также проживают в провинциях Казвин, Меркези и Хамадан. В большинстве своем иранские азербайджанцы исповедуют ислам шиитского толка, а именно — иснаашаритское его направление. Однако также есть представители суфийского ордена накшбандийа, бахаи и мусульмане-сунниты¹⁹.

Националистические настроения среди иранских азербайджанцев начали распространяться в XX в., вследствие официальной политики «иранского национализма», проводимой шахской династией Пехлеви. По мере того как проводилась эта политика, все этнические меньшинства Ирана стали подвергаться сначала культурной (закрытие национальных школ, запрет на публикации на иных языках, смена имен и названий на персидские), а затем и экономической дискриминации. Проводимая шахом идеология персонифицизма привела к формированию протестной азербайджанской элиты в Иране.

Мощный толчок национально-освободительной борьбе иранских азербайджанцев был дан в 1941 г. в связи с советской оккупацией Иранского Азербайджана. Сюда была введена 47-я армия, и с этого момента агентура, направляемая из Баку Мир-Джафар Багировым, усиленно вела здесь паназербайджанскую пропаганду. По его указанию в 1945 г. была создана Демократическая партия Азербайджана (ДПА) во главе с Сейидом Джаффаром Пишевари, одним из лозунгов которой было: «Да здравствует Мир-Джафар Багиров — отец единого Азербайджана!». 26 ноября 1945 г. под контролем советских войск состоялись выборы в Национальный меджлис Южного Азербайджана, победу на которых одержала ДПА, а уже 12 декабря была провозглашена Демократическая Республика Азербайджан. Затем у новой республики появилась своя армия и собственные деньги, а азербайджанский язык был объявлен государственным²⁰.

После вывода советских войск из Южного Азербайджана в апреле 1946 г. иранские войска разгромили все созданные в автономии демократические институты, а члены ДПА Южного Азербайджана были подвергнуты кровавой расправе. Таким образом, просуществовав всего год, ДПА перешла на нелегальное положение.

В настоящее время в Иранском Азербайджане действует целый ряд нелегальных сепаратистских группировок, крупнейшая среди которых — Дви-

жение национального пробуждения Южного Азербайджана (GAMON), основанная в 1995 г. азербайджанским пантюркистом Махмудали Чехраганлы, который выиграл выборы в парламент Ирана, но не был туда допущен. GAMON является международной организацией, признанной ООН, ЕС и Европарламентом, которая борется за восстановление права на самоопределение азербайджанцев, а также создание независимого государства, в состав которого входят Западный и Восточный Азербайджан, останы Ардебиль, Зеджан, Газвин, часть Хамадана, населенная азербайджанцами, шахристан Савэ, города Анзели, Астара и Хештпер. В 2003 г. GAMON учредила радио «Голос Южного Азербайджана», но иранские силы безопасности, проведя операцию в офисе радио, расположенного за рубежом, приостановили его деятельность²¹.

Несколькими годами ранее, в 1991 г., оформилось Национально-освободительное движение Южного Азербайджана — САМАН, которое нацелено на создание в Азербайджане независимого и демократического государства. Для реализации своих целей организация использует мирные формы протеста — пропаганду, бойкот, пикет, митинги, парламентскую борьбу, однако не исключает применения военной силы, в случае если все их требования, среди которых — статус автономной республики, которая будет иметь свой флаг, конституцию, независимую судебную систему, а также объявление азербайджанского языка государственным, — не будут выполнены мирным путем²².

Также на территории Южного Азербайджана действуют и другие многочисленные национально-политические организации, среди которых — Всемирный конгресс азербайджанцев, Партия Солнце, Национальный фронт Азербайджана, Фронт Единого независимого Азербайджана, Партия национальной независимости Южного Азербайджана, Азербайджанское федерально-демократическое движение и пр.

Необходимо отметить, что иранские азербайджанцы, в отличие от других этнических групп в ИРИ, всегда отличались высоким уровнем политической активности и достаточно прочно интегрированы в политическую элиту Ирана. Представители этой этнической группы широко представлены в правительстве, парламенте и армии Ирана. Только за последние 60 лет четыре премьер-министра и один президент Ирана, а также аятолла Али Хаменеи были выходцами из иранских азербайджанцев. Крупнейший город Западного Азербайджана — Тавриз — является вторым по политической активности городом Ирана, опережая Исфаган. Здесь издается много либеральных газет, ведется широкая общественно-политическая дискуссия²³.

Основным направлением политической активности азербайджанцев в настоящее время является право на использование азербайджанского языка в Иране. В 2003 г. по северо-западу Ирана прокатилась волна массовых демонстраций азербайджанцев. С этого момента позиция иранских властей в отношении националистических организаций стала еще более жесткой. В 2006 г. в городах Ирана, населенных азербайджанцами, прошли акции протеста, поводом к которым стали карикатуры, напечатанные в государственной газете, где азербайджанцы были уподоблены тараканам. На подавление протестов были брошены многочисленные силы иранской армии и полиции. В 2013 г. президент Ирана М. Ахмадинежад прибыл в центр Иранского Азербайджана г. Тебриз и, выступая на многотысячном митинге, просил проще-

ния у азербайджанцев Ирана. По его словам, «азербайджанцы — одаренные люди и имеют глубокие исторические корни. На протяжении всей истории азербайджанцы защищали славу, честь и культуру иранского народа». После чего М. Ахмадинежад обратился к присутствующим на азербайджанском языке: «Вы у меня в сердце. Те, кто не любит Азербайджан, умерли. Да здравствует Азербайджан и азербайджанская молодежь»²⁴.

Частично проблема иранских азербайджанцев была решена открытием национальных школ с преподаванием на азербайджанском языке при президенте М. Ахмадинежаде. В последнее время выпускается масса журналов на азербайджанском языке, печатается большое количество книг, ведут вещание азербайджанские телеканалы и радиостанции.

Сепаратистские тенденции иранских азербайджанцев негласно поддерживаются некоторыми региональными и внерегиональными игроками — Азербайджаном, Турцией, Израилем, США. Спецслужбы США, Турции и Израиля разрабатывают проекты активизации и инициации сепаратистского движения в Иранском Азербайджане²⁵. США признают проживающих в Иране азербайджанцев и оказывают политическую и логистическую поддержку их борьбы за независимость. Излюбленным обвинением администрации США, направленным против иранского руководства, является ограничение прав человека и свободы выражения мнения²⁶. В феврале 2013 г. на сайте Белого дома США была размещена петиция с призывом защитить права иранских азербайджанцев, где было сказано, что иранское правительство ограничивает возможности азербайджанцев получать образование на родном языке, а также лишает их независимых СМИ и культурных прав²⁷.

Однако в целом необходимо отметить, что иранские азербайджанцы являются самой лояльной этнической группой Ирана. Несмотря на то что столкновения на этнической почве время от времени происходят и сепаратистские движения всё же существуют, предпосылки для серьезного межэтнического конфликта отсутствуют хотя бы благодаря весьма сильным позициям этой этнической группы в экономической (контроль над значительной частью промышленного предпринимательства, торговли и услуг) и политической жизни страны, в отличие от, например, курдского населения ИРИ.

Арабы. Другим крупным этническим меньшинством Ирана являются арабы. Они проживают в юго-западной провинции Хузестан, называвшейся ранее Аль Ахваз. По данным Международного института стратегических исследований, численность иранских арабов составляет более 2 млн человек²⁸. Как и персы, арабы в большинстве своем исповедуют ислам шиитского толка.

До 1925 г. Аль Ахваз был автономной территорией под британским протекторатом, однако в том же году автономия была ликвидирована и перешла под прямое управление Тегерана.

Первые националистические тенденции у арабского населения Ирана зародились еще в 1958 г., когда созданный двумя годами ранее Фронт освобождения Арабистана развернул свою деятельность на территории Хузестана. А еще через год (1959) все политические организации в провинции организовали Национальный конгресс Арабистана с задачей освобождения от иранского господства²⁹.

Апогей вооруженной борьбы арабского населения против центральной власти приходится на лето 1979 г., когда новое правительство отвергло требования местного населения сохранить их самоуправление и традиционный образ жизни. В ответ отряды арабских партизан пускали под откос поезда и взрывали нефтепроводы. В это же самое время «Корпус стражей исламской революции» организовывал в ряде иранских городов антиарабские демонстрации и сжигал арабские культурные центры, объявляя их «центрами контрреволюции и зарубежной подрывной деятельности». Выражая требования арабов, умеренный лидер движения аятолла Мухаммед Тахер Хагани обвинил губернатора Хузестана Мадани в потворстве экстремистским актам «стражей» и настаивал перед исламскими властями на уничтожении всех видов дискриминации по этническому принципу как позорного наследия шахского режима, создающего основу для «происков контрреволюции и империализма». Эти требования в совокупности с угрозой разрастания войны с Ираком, старавшемся контролировать движение иранских арабов, способствовали тому, что официальные власти Ирана пошли на существенные уступки и признали арабов как этническую группу. Характерное заявление сделал губернатор Мадани: «Я решительно против предоставления арабам автономии, но мы должны признать их в качестве арабского народа и называть иранскими арабами, имеющими равные права с персами»³⁰.

Проблема Хузестана также привлекла и международное внимание, когда группа вооруженных людей из ахвазской организации «Демократический революционный фронт за освобождение Арабистана» захватила иранское посольство в Лондоне в 1980 г. и взяла заложников. После шестидневной осады посольства со стороны полиции боевики убили одного из захваченных заложников, что привело к штурму иранского дипломатического представительства³¹.

В настоящее время основное недовольство арабского населения сводится к экономической составляющей, а именно к тому, что Хузестан хотя и обладает серьезными нефтяными и газовыми запасами, однако практически не получает прибыли от добываемой нефти, а сам процесс ее добычи осуществляется с помощью устаревшего оборудования и загрязняет окружающую среду. Более того, несмотря на то что Хузестан является «локомотивом» экономики всего юго-западного Ирана, там находятся крупнейшие нефтехимические и нефтеперерабатывающие заводы и терминалы, в этом остаете высок уровень безработицы и велик контраст между уровнем жизни арабов в Иране и арабских стран, что также становится причиной возникновения националистических движений³².

Также арабское население ИРИ протестует против политики правительства переселения этнических персидских иранцев в Хузестан, а также увеличения количества организаций и учреждений государственного значения. Столица области г. Ахваз достаточно часто становится ареной столкновений между арабскими активистами и полицией. В 2005 г. в Интернете было распространено фальшивое письмо Мохаммад-Али Абтахи, советника президента М. Хатами, в котором предлагались меры по уменьшению арабского населения Хузестана. Это вызвало начавшиеся 15 апреля 4-дневные манифестации арабского населения. На улицы Ахваза вышли около 200 демонстрантов с плакатами, на которых были написаны антиправительственные

лозунги. Протестующие в традиционной арабской одежде кидали в полицию бутылки и камни. Эти события выявили глубокие этнические противоречия, существующие в стране³³. Позднее, в 2011 г., в Хузестане — в качестве части одной из волн «арабской весны» — прошли манифестации арабского населения в честь годовщины апрельских событий 2005 г.

С 2005 г. в провинции Хузестан резко усилилась террористическая активность. 12 июня 2005 г. перед президентскими выборами произошла серия терактов, ответственность за которые взяла на себя террористическая организация Арабский народный демократический фронт в Аль-Ахвазе (APDF), которая выступает за независимость Хузестана от ИРИ³⁴.

С деятельностью сепаратистов связан и взрыв нефтяных скважин в сентябре 2005 г. Неизвестные боевики совершили нападение на пять нефтяных скважин в районе Ахваза, в результате чего работа скважин была остановлена³⁵.

К крупным террористическим организациям, борющимся за независимость арабов в Иране, можно отнести и Арабское движение борьбы за освобождение Ахваза, которое взяло на себя ответственность за взрывы 2006 г. в городах Абадан и Дезфул, а также партию Аль Садех, представители которой считают, что арабы воспринимаются руководством ИРИ как люди второго сорта³⁶.

Результатом борьбы арабов с центральной иранской властью можно считать определенную легализацию своей национально-культурной жизни на территории компактного проживания. Более того, арабский язык узаконен на всей территории ИРИ и признан языком государственной религии. На нем разрешены публикации, а также вещание теле- и радиопередач. В последние годы арабы стали шире привлекаться на государственную службу и в армию³⁷.

Белуджи. Другим этническим меньшинством, движение которого оказывает значительное воздействие на политический климат в ИРИ, являются белуджи. Их население составляет около 1,5 млн чел. и сосредоточено в Систане и Белуджистане³⁸.

Первые волнения белуджей начались в ходе Исламской революции в Иране и вылились в междоусобную борьбу между сторонниками революции и сторонниками свергнутого режима, представлявшими, в большинстве своем, племенную верхушку, сотрудничавшую с шахской властью, в том числе с жандармерией. Политическую ситуацию усугубил новый виток ирано-иракской конфронтации — по причине укрывательства Ираком белуджских националистов еще в начале 1970-х гг. После Исламской революции государственную власть на местах заменили местные сардары, которые опирались на вооруженные отряды соплеменников и были лишены власти при шахе³⁹.

В большинстве своем белуджи являлись сторонниками революции, свергнувшей режим Пехлеви, отличившийся серией карательных походов против них. Однако тот факт, что белуджи-сунниты не принимали норм шиитского ислама, который был провозглашен государственной религией Ирана, создавал серьезные противоречия между этой этнической группой и правительством ИРИ. Кроме того, белуджи были крайне против вмешательства в их внутренние дела революционных комитетов и представителей Корпуса стражей исламской революции, пытавшихся наладить централизованное управление⁴⁰.

Как уже отмечалось выше, этническая группа белуджей является суннитами, что усиливает конфликт с центральным иранским правительством на религиозной почве. Белуджские националисты в Иране используют религиозную суннитскую риторику, чтобы подчеркнуть свою идентичность и обвинить иранские власти в преследованиях по религиозным мотивам.

В мае–июне 2009 г. по провинции Систан и Белуджистан прокатилась волна демонстраций, носившая религиозный характер. Их участники протестовали против гонений на суннитов, исповедующих официально не признаваемую иранскими властями ветвь ислама. 150 участников этих акций протеста были арестованы и брошены в тюрьмы, десяти активистам были вынесены смертные приговоры⁴¹.

В настоящее время основным борцом за права суннитов-белуджей в регионе является группировка «Джандаллах», образованная в 2003 г. Абдулмалеком Риги. Иранское правительство обвиняет группировку как в поставках опиума из Афганистана и Пакистана, так и в связях с американской, британской и израильской разведками.

В середине 2006 г. Абдулмалек Риги заявил, что оправдывает использование вооруженных методов борьбы для защиты интересов белуджей и вообще суннитов в Иране. За годы своего действия «Джандаллах» провела множество террористических актов.

Одним из самых громких стало нападение на кортеж президента Махмуда Ахмадинежада в 2005 г. Еще один теракт, подготовленный этой группировкой, произошел в феврале 2007 г. в административном центре провинции Систан и Белуджистан г. Захедане. Начиненный взрывчаткой легковой автомобиль взорвался, когда мимо него проезжал автобус с военнослужащими «Корпуса стражей исламской революции». В результате погибли 11 сотрудников КСИР, еще 31 получил ранения. Годом ранее боевики «Джандаллах» захватили в заложники 9 военнослужащих КСИР. Также вооруженная группировка «Джандаллах» взяла на себя ответственность и за взрывы перед мечетью в городе Захедан, где погибли более 20 человек⁴².

Необходимо отметить, что национальное движение белуджей развивается под сильным влиянием из-за рубежа, в частности из Пакистана и Афганистана. У соседних стран могут быть различные причины спонсировать движение белуджских племен. Пакистан предоставляет убежище бежавшим от Исламской революции белуджам, в том числе монархистам, формируя из них отряды для подрывной работы на территории ИРИ. Что касается Афганистана, то оказывать помощь белуджским националистам могут Движение Талибан и «Аль-Каида», которым выгодно сохранять «пояса нестабильности» вдоль афганско-пакистанской границы и, пользуясь этим, создавать тренировочные лагеря, осуществлять переброску боевиков, заниматься переправкой оружия⁴³. Более того, белуджи отличаются крайней нелояльностью к Ирану и никогда не считали себя составной частью иранского народа, что подогревает к ним интерес спецслужб США с целью использовать сепаратизм белуджей против Ирана⁴⁴.

Помимо религиозной составляющей, конфликт белуджей с центральным иранским правительством подогревается еще и рядом экономических проблем, так как провинция проживания белуджей является одной из самых

экономически отсталых регионов ИРИ. В целом можно говорить о том, что жители провинции Систан и Белуджистан имеют достаточно претензий к центральной власти. Это касается явной диспропорции в представительстве в органах провинциальной власти, предоставление региональной автономии в рамках Ирана, развитие образования на базе белуджского языка, учета доли коренного населения в доходах от добычи углеводородного сырья, в основном природного газа, и др.⁴⁵.

В середине 1990-х гг. Иран начал реализацию экономических проектов в провинции Систан и Белуджистан, в том числе и организацию свободной торгово-промышленной зоны Чабахар, однако они пока не принесли значительных результатов. Также не реализован проект газопровода Иран — Пакистан (пакистанская ветка), построенный участок которого проходит через территорию этой провинции. Не был реализован и проект ирано-индийского газопровода по дну Аравийского моря «Чабахар — Гуджарат», против которого выступили США⁴⁶.

Туркмены. Другой этнической группой, проживающей в северо-восточной части Ирана, в особенности в провинциях Хорасан и Голестан, являются туркмены, которые насчитывают население численностью 1,5 млн человек⁴⁷.

Национальное движение иранских туркмен берет свое начало после падения шахского режима и связано с требованиями вернуть им земли из шахского фонда, а также земли переселенцев-нетуркмен, переселившихся в туркменские области Ирана в период 1950-х гг. во время подъема товарного производства в сельском хозяйстве страны. Все это способствовало обострению национальных чувств иранских туркмен, видевших в персах исключительно чужаков, более того — угнетателей. Необходимо отметить, что туркменский этнос в Иране отличается сильной обособленностью, слабо затронутую процессами национальной интеграции, которые начались в туркменском социуме только в середине XX в. в связи с переходом значительной части туркменского населения к оседлости⁴⁸.

Туркмены приняли самое активное участие в свержении шахского режима, но их отношения с новым правительством также были осложнены главным образом из-за противоречивого поведения исламских властей в процессе конфискации туркменами земель шахских сторонников, когда «стражи исламской революции» откровенно брали под защиту землевладельцев-персов, даже уличенных в поддержке режима Пехлеви.

После суверенизации Туркменистана в начале 90-х гг. у иранских туркмен наблюдалась некоторая активизация, в регионах их проживания появились вывески и программы на туркменском языке, раздавались требования по созданию культурно-языковой автономии иранских туркмен. Однако в настоящее время они почти отказались от борьбы за свои права. Иранские туркмены, большая часть которых уже не кочует, всё больше ассимилируются персами, особенно в городах Горган и Гонбад-э-Габус. Добровольная ассимиляция наиболее выражена среди молодежи. Женщины-туркменки перестали носить колоритные среднеазиатские национальные костюмы, перейдя на черную иранскую паранджу. Многие семьи полностью перешли на фарси за последние 10–15 лет. В городах практически исчезли вывески на туркменском языке⁴⁹.

Следует заметить, что аграрный вопрос на территории Иранского Туркменистана не решен до сих пор в основном из-за конфликта между туркменами и пришлыми мелкими собственниками, мигрировавшими на эту территорию в середине прошлого столетия. Обстановку в провинции накаляет и борьба политических и религиозных группировок, основанных на племенных и субэтнических различиях и нередко имеющих свои собственные революционные комитеты и вооруженные отряды, финансируемые другими государствами. Затруднения создают и появившиеся в большом количестве бандитские формирования, подпитываемые из Афганистана, где, как известно, обстановка не является стабильной уже более 20 лет⁵⁰.

Более того, туркмены, проживающие в Иране, как и другие национальные меньшинства, недовольны тем, что власти урезают их политические, социальные и культурные права. Есть примеры запрета на обучение туркменских детей на их родном языке.

Луры. Еще одной этнической группой, проживающей в юго-западной части Ирана, а именно в провинциях Луристан и Фарс, являются луры. Численность этой этнической группы в ИРИ составляет около 5 млн человек⁵¹. Луры исповедуют шиитское направление ислама, но также среди них имеются приверженцы различных сект (али-илахи, курд-бача и др.).

Луры представляют собой достаточно сплоченную этническую группу с сильно выраженной племенной властью. Они подразделяются на несколько крупных племен: бахтияри, кохгилюйе и буерахмад, мамасанди, лорестани и др.

В свое время они выступали против центральной власти при Каджарах, Насреддин-шахе, а также в конституционный период. В правление Реза-шаха, боровшегося с феодально-ханской анархией, усилилось наступление на племена, проживающие на юге Ирана. В земли лурских племен стали посылать военных губернаторов и гарнизоны. Сбор налогов был изъят у ильханов и глав племен и передан правительственным чиновникам. С 1928 г. правительство стало насильственно переводить луров на оседлость, объявляя при этом племенные земли государственной собственностью. Луров по несколько тысяч семей с их имуществом расселяли вокруг специальных военных фортов вдоль магистрали Тегеран — Хоремшехр, а чтобы они не могли с наступлением весны уйти кочевать, у них отбирали шатры⁵².

Однако после отречения Реза-шаха от престола и ослабления власти центрального правительства на местах многие лурские семьи, насильно посаженные на землю, снова перешли к кочевому образу жизни. В результате этого лурские ханы при поддержке англичан, которые не раз пытались использовать лурские племена для борьбы с демократическим движением в Иране, вновь почувствовали себя независимыми правителями. До сих пор шахристаны на юго-западе Ирана остаются феодальным владением крупнейших ханов, имеющих свои войска, вводящих свои налоги и т. п. Культурную отсталость кочевого населения лурские ханы используют в целях сохранения своей феодальной власти.

В настоящее время эта этническая группа практически не проявляет себя в политической жизни ИРИ, а о национальных требованиях луров ничего не известно.

Безусловно, в последние годы можно заметить, что ситуация в районах традиционного проживания этнических меньшинств в Иране отчасти стабилизировалась. Складывается впечатление, что центральное правительство приняло самовольные изменения в местных органах власти, а также признало собственную неспособность обеспечить быструю языковую ассимиляцию меньшинств⁵³. Определенная положительная динамика и новые тенденции наметились с приходом к власти в Иране Хасана Рохани, который в отличие от своих предшественников положил в основу национальной политики не идею подавления национальной идентичности неперсоязычного населения страны, а идею признания культурного разнообразия иранского населения. Об этом говорит и тот факт, что Х. Рохани назначил спецпомощника по работе с национальными меньшинствами, а также поставил вопрос об открытии национальных школ с преподаванием на двух языках⁵⁴.

Однако основное требование этнических групп Ирана — предоставление им автономных прав, а также официальное признание суннизма и исламских сект — остается неудовлетворенным, что создает ситуацию, чреватую актуализацией существующих межэтнических противоречий. Безусловно, сложившаяся ситуация не может не провоцировать внешних игроков в лице США, Израиля, Турции, Азербайджана, Ирака и других на раскручивание националистических и сепаратистских движений в Иране. И в связи с этим сохранение единства является первостепенной задачей для иранского правительства, что означает, что любые национальные движения — курдские, белуджские или любые другие, — направленные на изменение территориальной целостности Ирана, по-прежнему будут пересекаться самым жестким образом.

Примечания

- 1 Конституция Исламской Республики Иран // moscow.mfa.ir/index.aspx?siteid=410&pageid=12686.
- 2 Joshua Project — Ethnic People Groups of Iran // joshuaproject.net/countries/IR.
- 3 Исторические корни борьбы курдов за независимость // www.mashregnews.ir.
- 4 Мурадян И. Проблемы безопасности в ближневосточной политике США // www.artsakhworld.com/igor_muradian/Problems_of_security_in_the_USA/index.html.
- 5 Панкратенко И. «Курдские спички» как фактор дестабилизации Ирана // newsland.com/news/detail/id/747150/.
- 6 Балмасов С. Взорвется ли Иран на курдской «бомбе»? // www.pravda.ru/world/asia/middleeast/23-05-2010/1032116-pjak-0/.
- 7 Отношение к курдам в странах проживания // centurion-center.narod.ru/kur3.html.
- 8 Жигалина О.И. Иран и региональный аспект курдской проблемы // www.iimes.ru/?p=4234 2006.
- 9 Там же.
- 10 Жигалина О.И. Иран и иранские курды // ru.journal-neo.org/2013/09/14/rus-iran-iran-iran-iran-kurdy/.
- 11 Исторические корни борьбы курдов за независимость // www.mashregnews.ir.
- 12 Раванди-Фадаи Л.М. К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств // Иран: история и современность. М., 2014. С. 272.
- 13 Исторические корни борьбы курдов за независимость // www.mashregnews.ir.
- 14 Жигалина О.И. Курдский вопрос в Иране // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366121040.

- ¹⁵ В Иранском Курдистане царит бедность в результате преднамеренного лишения его финансирования (интервью депутата иранского парламента) // kurdistan.ru/2011/01/07/news-8589_Deputat_iranskogo_parlamenta_v_Iranskom_Kurdistane_carit_bednost_v_rezultate_prednamerennogo_lisheniya_ego_finansirovaniya.html.
- ¹⁶ Месамед В.И. Иран: равноправны ли персы, курды, армяне, евреи, сунниты, бехайты? // www.iimes.ru/?p=5692.
- ¹⁷ Жигалина О.И. Курдский вопрос в Иране // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1366121040.
- ¹⁸ Joshua Project. Iran — People Groups // joshuaproject.net/countries/IR;
Unrepresented Nations and Peoples Organization // [www.unpo.org/content/view/7884/144/;](http://www.unpo.org/content/view/7884/144/)
«Ethnologue» Report for Azerbaijani Language // www.ethnologue.com/language/azb.
- ¹⁹ Гасан Рашеди. Тюрки и исследование их истории, языка и идентичности в Иране. Тегеран. Андише-йе ноу, 1385. С. 124.
- ²⁰ Верховский М. Немного о Мир-Джафаре Багирове // www.azeri.ru/papers/echo-az-info/77800/.
- ²¹ Мустафаев В. Национально-политические движения в Южном (Иранском) Азербайджане // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1254864780.
- ²² Там же.
- ²³ Мурадян И. Проблемы безопасности в ближневосточной политике США // www.artsakhworld.com/igor_muradian/Problems_of_security_in_the_USA/index.html.
- ²⁴ Алекперли Ф.У. Исторические причины формирования общих черт и различий в национальном характере азербайджанцев Азербайджанской Республики и Ирана // national-mentalities.ru/east/zakavkaze/alekperli_f_u_istoricheskie_prichiny_formirovaniya_obwih_chert_i_razlichij_v_nacionalnom_haraktere_azerbajdzhancev_azerbajdzhans/.
- ²⁵ Мурадян И. Проблемы безопасности в ближневосточной политике США // www.artsakhworld.com/igor_muradian/Problems_of_security_in_the_USA/index.html.
- ²⁶ Эмрах Алтынкайа. Южноазербайджанские тюрки и вероятная война Иран — США // inosmi.ru/world/20121120/202395064.html.
- ²⁷ Петиция к администрации президента Обамы от этнических азербайджанцев в Иране // petitions.whitehouse.gov/petition/recognize-islamic-government-iran-violating-fundamental-rights-irans-azerbaijani-ethnic-minority/gR2mqw7b?utm_source=wh.gov&utm_medium=shorturl&utm_campaign=shorturl.
- ²⁸ См.: // www.news.com.
- ²⁹ Нечитайло Д.А. Иран: суннитские группировки Хузистана // www.iimes.ru/rus/stat/2012/08-01-12b.htm.
- ³⁰ Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. Н. Новгород., 2007. С. 18–19.
- ³¹ Нечитайло Д.А. Иран: суннитские группировки Хузестана // www.iimes.ru/rus/stat/2012/08-01-12b.htm.
- ³² Раванди-Фадаи Л.М. Персидский ковер национальных проблем // www.iran.ru/news/analytics/80793/Persidskiy_kover_nacionalnyh_problem.
- ³³ Арабы бунтуют в иранской провинции Хузестан // www.pravda.ru/news/world/06-11-2005/66426-iran-0/.
- ³⁴ В Иране совершены два теракта // newsru.co.il/arch/mideast/27feb2006/huzestan.html.
- ³⁵ Арабские сепаратисты уничтожат нефтяные скважины в Иране // www.sem40.ru/index.php?newsid=134401.
- ³⁶ Солдатов А. Иран: теракты или подрывные акции // www.agentura.ru/dossier/iran/subversive/.
- ³⁷ Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. С. 20.
- ³⁸ Iran: Ethnic and religious minorities // www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL34021.pdf.

- ³⁹ Beck L. *Revolutionary Iran and its Tribal People*. Wash., 1980. #87. P. 19.
- ⁴⁰ Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. С. 20–21.
- ⁴¹ Нестабильность в национальных регионах Ирана // mishmar.info/nestabilnost-v-nacionalnix-regionax-irana.html.
- ⁴² См.: // www.ria.ru.
- ⁴³ Нечитайло Д.А. Огненная дорога к независимому Белуджистану // www.ng.ru/ng_religii/2010-01-20/5_beludjistan.html.
- ⁴⁴ Хади Озма, Алиакбар Бадири. Анализ угрожающих политической стабильности и безопасности элементов в административно-территориальной системе Ирана. Барнамеризи ва амайеш-е фаза. 2012. Том 15, № 4. С. 68.
- ⁴⁵ Месамед В. В Иране набирает силу белуджская «Джондалла» // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1229289900.
- ⁴⁶ Искандари Р. Иран: Новый этап перестройки современной системы международных отношений // ostkraft.ru/ru/articles/275.
- ⁴⁷ Central Intelligence Agency (CIA) — The World Factbook: Iran population // www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html.
- ⁴⁸ Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. С. 22.
- ⁴⁹ См.: // www.tebyan.net/index.aspx?pid=173179.
- ⁵⁰ Балашов Ю.А., Камраков А.А., Рыжов И.В. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. С. 22.
- ⁵¹ Central Intelligence Agency (CIA) — The World Factbook: Iran population // www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html.
- ⁵² Народы Ирана: луры и бахтияры // lib7.com/aziatyua/393-lyru-batiaru-iran.html.
- ⁵³ Трубецкой В.В. Особенности национальной ситуации в Исламской Республике Иран // *Национальный вопрос в странах Востока*. М., 1982. С. 269.
- ⁵⁴ См.: Сайт Президента Ирана // www.president.ir

К. В. Вертяев*

СПЕЦИФИКА КУРДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ В ТУРЦИИ И СИРИИ

Резюме. В статье рассматривается опыт последнего времени по становлению курдского национального движения в Турции и Сирии. Феномен курдов как нации, исторически разделенной политическими границами существующих государств, является предметом активного методологического поиска с точки зрения историко-политического прогнозирования перспектив и последствий той или иной формы самоопределения, в первую очередь в контексте возможного провозглашения курдского независимого государства на севере Ирака, также перспектив полунезависимой курдской автономии на севере Сирии. Главная проблема заключается в том, что границы и очертания этнического Курдистана во всех смежных странах носят условный характер и невозможно точно определить, где будут проходить границы подобного воображаемого государства, а любая попытка решить этот вопрос чревата как политическими, так и военными осложнениями.

Ключевые слова: Турция, курды, Курдистан, Сирия, Оджалан, РПК.

Summary. The article covers the period of the last decades in view emergence of kurdisch national movement in Turkey and Syria. The phenomenon of Kurds, historically divided by political existing boundaries now becomes the subject of active research with methodological point of view of historical and political forecasts, prospects and implications in such form of self-determination in the context of semi-independent Kurdish state in Northern Iraq, and Kurdish autonomy in northern Syria. The main problem is that the border and the outlines of ethnic Kurdistan in all neighboring countries are conditional and there is no possibility to determine the exact boundaries of such an imaginary state, and any attempt to resolve this issue is fraught with political and military risks.

Tags: Turkey, syria, Kurdistan, Ocalan, PKK.

В начале XXI в. вопрос национального самоопределения курдов продолжает оставаться неиссякаемым источником попыток обосновать возможность существования курдского национального государства на Ближнем Востоке в контексте различных современных политологических подходов к определению нынешнего статуса курдов как народа, имеющего равные права с другими нациеобразующими сообществами в регионе. Усилия курдских национальных элит из сопредельных стран, подчас обладающих разновекторными подходами к вопросам национального самоопределения, направлены в конечном итоге на реализацию курдами такого неотъемлемого пра-

* Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ЦИСБСВ ИВ РАН.

ва, как национальное самоопределение, и концентрируются на закреплении национального статуса курдов и обеспечении совместными усилиями безопасности и всеобъемлющего мира в регионе. Достаточно сказать, что в современном курдском этноареале идейный посыл о том, что ни один курд, несмотря ни на какие политические, лингвистические и религиозные различия, не будет воевать с другим курдом, может стать одним из важнейших элементов интегрального вектора для курдской национальной мобилизации.

Сложность трактовок курдского вопроса на Ближнем Востоке заключается еще и в том, что он имеет две стороны политической манифестации. Во-первых, это проявление той или иной формы курдского национализма внутри каждого отдельного государства. Подобный национализм выражается, помимо прочего, в соперничающих идеологиях национальных лидеров и курдских элит, что приводит к фактическому отсутствию у них позиций, с которых они выступали бы с точки зрения обобщающего курдского национализма, построенного на осознании курдами своего единства, невзирая на разделяющие народ политические границы. Важным тезисом здесь выступает то, что, несмотря на имевшие место попытки ассимиляции, курды сохранили свой уникальный этнический облик с древности до наших дней, а установленный наукой период существования и формирования курдской народности превышает полторы тысячи лет¹.

Политические условия для развития общекурдского национализма осложнены разделенностью курдского народа между четырьмя основными государствами их компактного проживания. На практике воплотить такую идею пытались многие курдские политические партии — в основном левого толка — и в первую очередь Рабочая партия Курдистана (РПК). Политическая парадигма развития этой партии претерпела заметную трансформацию. Ныне выступая за сохранение территориальной целостности Турции, активисты РПК продолжают апеллировать к «воображаемому Курдистану» как к национальной объединяющей идее курдов. Достаточно сказать, что если турецкие курды, в том числе и бывшие повстанцы из числа сторонников РПК, стараются активно вести курдскую политическую агитацию в рамках правового поля турецкого государства, то в Сирии в результате разрушительной для страны гражданской войны идейно близкие к РПК курдские политические элиты фактически обособились от центрального правительства и приступили к осознанию и законодательному закреплению собственной автономии.

Курдский национализм как общественно-политическое явление, связанное с мобилизацией вокруг определенных культурных ориентиров, таких как язык, культура, общая история, становится одним из определяющих идейных факторов обоснованности собственной «самости» курдского народа, опосредованной и многочисленными социальными и политическими факторами, а также собственными стратегиями поиска путей этнополитической мобилизации. В своей основе такая мобилизация связана с утверждением в сознании адепта такого понятия, как родина, которое, опять-таки, только в сознательном поле имеет характеристики особого «воображаемого сообщества», имеваемого Курдистаном, накрепко связанным с географической территорией².

Однако при этом курдский национализм по-прежнему остается главным политическим вызовом территориальной целостности всех сопредельных государств, в границах которых расположен этнический Курдистан: Турции, Ирака, Ирана, Сирии. Носит ли он транснациональный характер в современных ближневосточных условиях и каким образом находит свое отражение в политических взглядах представителей многочисленных курдских диаспор в странах Западной Европы — этот вопрос нуждается сейчас во внятном, лишенном какой-либо политической ангажированности ответе.

Давая определение курдскому национализму, мы невольно апеллируем к тем модернистскими теориям, которые возникли в общественной социологической мысли Западной Европы в последнюю четверть прошлого столетия. Особенностью любого вида национализма (как идеологии) является то, что на протяжении всего своего существования он обрастает большим количеством разного рода коннотаций, ассоциаций и дополнительных значений, малоучитываемых в современных трактовках теории национализма, которые условно можно отнести к модернистским концепциям, поскольку они берут точкой отсчета развитие социального взаимодействия в обществах, сформировавшихся примерно к середине XVIII в. в европейских странах в связи с расширением книгопечатания и иных форм коммуникационного воздействия. Здесь в первую очередь стоит отметить концепцию, предложенную в 1983 г. Бенедиктом Андерсоном в его работе «Воображаемые сообщества», под которыми он подразумевал нации как сформировавшиеся сообщества незнакомых друг с другом людей, осознающих свое единство на почве идентичности языка и различных культурных кодов. К таким же концепциям стоит отнести и работы историка Эрнста Гелленера, в первую очередь его труд «Нации и национализм», а также работы Эрика Хобсбаума, Мирослава Хроха и ряда других авторов.

Как и любой другой вид национализма, курдский национализм является идеологией, а идеологию трудно оспорить. Его парадигма находится в противоречии с идеологическими концептами, главенствующими в странах компактного проживания курдов, и в первую очередь это касается турецкого национализма. Феномен курдов как нации, исторически разделенной политическими границами существующих государств, является предметом активного методологического поиска с точки зрения историко-политического прогнозирования перспектив и последствий той или иной формы самоопределения, в первую очередь в контексте возможного провозглашения курдского независимого государства на севере Ирака, а также перспектив полунезависимой курдской автономии на севере Сирии. Главная проблема заключается в том, что границы и очертания этнического Курдистана во всех смежных странах носят условный характер и невозможно точно определить, где будут проходить границы подобного воображаемого государства, а любая попытка решить этот вопрос чревата как политическими, так и военными осложнениями. Достаточно вспомнить богатый нефтеносный Киркук, вокруг которого идет межэтнический спор между курдами и арабами. Поэтому и название «Курдистан», скорее, чисто этническое, обозначающее территорию,

в которой курды составляют основную или значительную часть населения и которую сами курды считают своей исторической родиной.

Известный российский курдолог М.С. Лазарев справедливо отмечал, что главной особенностью становления курдского национализма являлось то, что он не имел чётких и более-менее постоянных фобий и адресов, по которым направляется его идеологическая и политическая активность. С начала XX в. в нем преобладала одна генеральная линия — борьба за независимость исторической родины курдов. Однако, безусловно, на развитии курдского национализма во многом сказались и отсутствие собственной государственности, когда не было условий становления собственной программы этнополитической консолидации для решения общенациональных задач³.

Особое значение при изучении поступательного развития курдского национализма на современном этапе приобретает анализ его исторической составляющей, и в частности системы политико-правовых договоров, заложивших после завершения Первой мировой войны основу существующего разделения этнического Курдистана между новыми субъектами мирового права. Речь идет о Севрском (1920) и Лозаннском (1923) мирных договорах. Согласно положениям Севрского мирного договора, предусматривалось создание в границах Турции автономных курдских областей, включая возможность обращения курдов в Лигу Наций с требованием предоставления им полной независимости. Однако эти условия были пересмотрены положениями Лозаннского мирного договора, в рамках которого курды вообще не рассматривались как субъекты международного права.

В современных условиях нельзя исключать того, что в случае провозглашения независимости Иракского Курдистана Турция может посчитать себя свободной от обязательств Лозаннского мирного договора и вернуться в состояние до или после Первой мировой войны. Дело в том, что неустойчивость и динамичность нынешней ситуации в регионе приводят к тому, что в Турции и странах Ближнего Востока крепится убежденность в фактическом крахе колониальной системы распределения сфер интересов европейских держав (система Сайкса-Пико, 1916 г.), легшей в основу формирования современных границ стран Западной Азии, в том числе и Турции. После Первой мировой войны этнографический Курдистан явился объектом раздела между новыми государствами, которые фактически не учитывали национальные интересы курдов и строились на весьма умозрительных соображениях баланса и управляемости. Однако в начале XXI в. наружу вырвались устремления народов и групп, копившиеся в условиях разочарования и ощущения несправедливости.

Современный курдский национализм во многом был взращен на протестных настроениях, нередко порожденных шовинистическим по своей сути курсом властей в странах, разделяющих этнический Курдистан, который процветал в эпоху мировых войн и последовавшим за ними периодом «холодной войны». Однако в начале III тысячелетия в курдском национализме изменились география, социально-политическое звучание, внешнеполитическая ориентация.

Поэтому гипотетический распад Ирака может интерпретироваться на Ближнем Востоке как распад вышеуказанной политико-правовой системы (системы Сайкса-Пико), во многом определившей границы в том числе и современного турецкого государства. Такой возможный демарш наглядно подкрепляется культивируемой умеренными исламистами из правящей Партии справедливости и развития (ПСР) внешнеполитической доктриной «неосманизма», основанной на продвижении интересов Турции в государствах, бывших некогда частью Османской империи, на фоне попыток нормализации отношений со всеми соседями и странами региона. В реальности же такая внешняя политика Турции, скорее всего, нацелена на создание некой формы единого рынка на Ближнем Востоке, естественно, при сохранении в нем ведущей роли Анкары. Опыт Европейского союза здесь будет рассматриваться в качестве определяющего, и по этой же причине опыт формализации политических границ с их возможной постепенной эрозией, как в объединенной Европе, видится исламистам из ПСР в качестве меры обеспечения стабильности в регионе, в том числе и в межнациональных отношениях.

В этой связи не лишним будет отметить, что в конце 2012 и в начале 2013 г. в Турецком Курдистане было создано несколько партий исламистского толка, которые используют курдскую идентичность как политический мобилизационный ресурс среди консервативных, исламистски ориентированных жителей юго-востока Турции. Сведение же требований курдов к «исламскому братству» и «общей религиозной судьбе», по мнению многих курдов, свидетельствует о том, что правящая Партия справедливости и развития не сможет в обозримом будущем гарантировать права курдам, изменив конституцию страны, а лишь использует подобные лозунги в пропагандистских целях. При этом сторонники светского развития из числа курдской политической оппозиции из Партии демократии народов (ПДН) считают, что реализация требований курдов в сфере образования, языка и культуры невозможна без радикальных демократических преобразований в современной Турции. Пакет реформ, объявленный премьер-министром Р.Т. Эрдоганом в конце сентября 2013 г., видится им явно недостаточным. Курдская оппозиция Турции считает, что усилия ПСР по консолидации собственной власти в стране привели к тому, что эта партия решает курдский вопрос не в интересах курдов, а по своим собственным представлениям, которые противоречат видению проблемы самими курдами. Для подлинного решения курдского вопроса, считают они, необходимо прежде всего единство самих курдов в решении курдской проблемы и признания национальных прав курдов мирным путем за столом переговоров с турецким руководством и курдской оппозицией. Сегодня курдский вопрос выглядит закоренелой проблемой, которая постоянно воспроизводит сама себя в политической жизни страны, несмотря на все усилия с обеих сторон. Этот тупик не должен исключать новых усилий по урегулированию конфликта мирным путем с целью стабилизации политической, экономической и социальной ситуации в курдских провинциях Турции. Новый стимул этому процессу был дан в результате инициативы, которая получила название «процесс Имралы», по названию острова в Турции, на котором находится в

заклучении лидер курдских повстанцев Абдулла Оджалан, сутью которого является постоянный диалог между турецким правительством и лидером РПК, осуществляемый при посредничестве курдской Партии мира и демократии с ноября 2012 г. С ноября 2013 г. посредником в переговорах между Оджаланом и правительством Турции стала Партия демократии народов.

Нынешняя официальная позиция Турции в отношении курдского вопроса заключается в том, что курдский вопрос необходимо решать в рамках обеспечения прав человека, с уважением общечеловеческих ценностей, а не только лишь в рамках коммунитаристских понятий культуры и культурного разнообразия.

В целом можно видеть, что процесс национального развития курдов осуществляется в каждом курдском ареале в соответствии со спецификой самих государств и курдского национального движения в них. Некоторая часть курдских националистических организаций ориентируется на западную либеральную идеологию, нормы и институты. Другая часть курдов остается приверженцами развития Курдистана по социалистической модели, в рамках идеологии социал-демократического толка, выдвинутой А. Оджаланом, лидером РПК. Благодаря усиленной пропаганде наметился рост влияния А. Оджалана не только среди турецких курдов, но и курдов в сопредельных курдских регионах, а также в странах Западной Европы и России. В этой связи при изучении курдского национального движения большое внимание необходимо уделять проблеме лидерства в среде курдов, определения понятия «национального лидера», ведь в курдской националистически ориентированной среде проблема лидерства всегда выходила на первый план, становилась определяющей силой политической мобилизации.

В наши дни усилился процесс глобализации и трансграничного общения курдов этнического Курдистана благодаря развитию новых средств коммуникаций. Это было наглядно подтверждено в начале ноября 2013 г., когда курды Турецкого и Сирийского Курдистана резко выступили против строительства турецкими властями заградительной стены на турецко-сирийской границе, чтобы предотвратить неконтролируемые властью трансграничные контакты курдов. Очевидно, что изменения на Ближнем Востоке способствуют усилению курдской идентичности и этнополитической солидарности. Особую роль в решении курдского вопроса стремится брать на себя Турция, форсируя экономическое и политическое сотрудничество и сближение с Иракским Курдистаном и лично с Масудом Барзани как с важным посредником в диалоге с собственными курдами.

Важным стимулом актуализации курдского фактора в регионе стали события в Сирии. Среди сирийских курдов имелось большое количество нелегальных политических партий и движений. Однако с началом гражданской войны в Сирии стали предприниматься активные попытки национальной мобилизации в курдской среде, которая бы оставяла за бортом прошлые политические противоречия между различными курдскими политическими силами. Так, в октябре 2011 г. в Камышлы был создан Курдский национальный конгресс (КНК, KUK) — организация зонтичного типа, объединяющая партии

и движения Сирийского Курдистана. Причем ее второе заседание проводилось в январе 2012 г. уже в иракском Эрбиле.

Либеральное движение «За будущее сирийских курдов», выступавшее за осуществление плюралистической демократии в Сирии под руководством политического активиста Машаала Тамо, было обезглавлено его так и не раскрытое убийство в октябре 2011 г., в котором с разной степенью достоверности обвиняли как баасистскую контрразведку «аль-Мухабарат», так и боевиков РПК. В июле 2012 г. движение «За будущее сирийских курдов» фактически распалось на две фракции, когда часть его активистов не признали переизбрание председателя курдской ассамблеи в Камышлы.

За последние несколько лет в качестве наиболее влиятельной курдской партии на авансцену в Сирийском Курдистане вышла Партия демократического единства — ПДЕ (PYD), созданная еще в 2003 г. политическая группировка, обладающая к тому же собственными силами (отрядами народной обороны). С началом активной фазы сирийской гражданской драмы силы самообороны ПДЕ фактически взяли под свой контроль целый ряд городов, населенных преимущественно курдами, в провинциях Африн, Кобани, Камышлы и Хасеке⁴, расположенных вдоль турецкой границы, которые вскоре перешли в полуавтономное самоуправление.

В рамках внутрисирийского кризиса у ПДЕ была двоякая роль. С одной стороны, сторонники Оджалана традиционно пользовались поддержкой Асада, с другой — ПДЕ настаивала и продолжает настаивать на учреждении демократической автономии курдов в Сирии, причем это никак не связано со сменой политического режима в стране.

Другой влиятельной политической силой в среде сирийских курдов является Демократическая партия Сирийского Курдистана (ДПСК) — политическое ответвление Демократической партии иракских курдов. Влияние этой партии сильно среди курдов провинции Джизре, переселившихся туда во времена политической нестабильности в Иракском Курдистане еще в конце 50-х гг. и все это время лишенных прав на сирийское гражданство. Будучи достаточно влиятельной политической силой среди курдов Сирии, ДПСК выступает за кантонизацию курдского этноареала, выдачу всем сирийским курдам паспортов и федерализацию Сирии, вплоть до признания курдского языка в качестве одного из государственных.

От ДПСК в разное время откололись несколько курдских полулегальных политических партий Сирии. Это и Прогрессивная демократическая партия сирийских курдов (1965), и партия демократического равенства курдов (1998), Демократическая патриотическая партия сирийских курдов (1998), Партия свободы курдов («Азади») (2005 г., существует с 1980 г., когда именовалась Партией народного единства курдов).

Возможное политическое сотрудничество двух ведущих политических сил сирийских курдов — ПДЕ и ДПСК (т. е. сторонников А. Оджалана и сторонников М. Барзани) — затруднено целым набором объективных препятствий, связанных в первую очередь с идеологическими разногласиями. Однако с июля 2012 г. две партии сирийских курдов находятся в постоянном контакте,

и их сотрудничество зиждется в первую очередь на национальной идеологии и создании основ формирования автономии сирийских курдов. В частности, при посредничестве Масуда Барзани был создан Высший совет Курдистана (ВСК) как временный орган самоуправления сирийских курдов. На конференции КНК в Эрбиле в начале 2012 г. было заявлено, что основными ценностями национального движения курдов Сирии являются реализация права на самоопределение, децентрализация управления, демократизация общественно-политической жизни, провозглашение автономии, создание собственного парламента и внедрение формы демократического сосуществования разных народов на одной территории в рамках концепции «демократического конфедерализма», предлагаемой сидящим в турецкой тюрьме А. Оджаланом. Созданный 9 июля 2012 г. Высший курдский совет провозглашался органом самоуправления, в подчинении которого находились вооруженные силы самообороны. Во второй половине июля 2012 г. силы самообороны захватили несколько небольших городов на севере страны, населенных в основном курдами, а стратегически важный город Кобани, находящийся непосредственно у границы с Турцией, перешел под полный контроль сил самообороны (в действительности — под контроль ПДЕ).

Многие курдские партии в Сирии с началом гражданской войны в стране демонстрировали ту или иную степень лояльности антиасадовски настроенным силам оппозиции. При этом большинством курдских политических элит делался акцент на том, что они не будут участвовать в вооруженной борьбе с режимом Асада, а собираются вести борьбу за свержение режима демократическими мирными способами.

В современной теоретической политической литературе термин «самоопределение» имеет двоякий смысл. С одной стороны, он означает право выбирать народом форму управления, а с другой — право определять существование народа в форме национального государства. Однако подобно иракским курдам ведущие политические силы Сирийского Курдистана не уточняют в своих программах, реализуется ли это самоопределение в форме автономии либо независимого государства. Наряду с отсутствием реальной сплоченности курдского национального движения Сирии такая обтекаемая формулировка позволяет сделать модифицируемыми многие цели национальной борьбы, притом что ни одна из политических партий курдов Сирии не выступает за безусловное создание независимого государства, но ни одна при этом и не отрекается от данного тезиса.

Большинство курдских партий в Сирии настаивают на децентрализации управления в курдских регионах, что лежит в целом в рамках предлагаемой Оджаланом парадигмы «демократического конфедерализма» всех составных частей этнического Курдистана. Как уже указывалось, рупором этой идеи в политическом пространстве Сирии (если о таком термине вообще имеет смысл говорить) является Партия демократического единства в Сирии.

О формировании курдского автономного самоуправления было объявлено 21 января 2014 г. Созданная здесь республика Рожава («Запад», «Западный Курдистан») объединила три курдских кантона: Джизре, Африн и Кобани.

Столицей был объявлен кантон Джизре с центром в городе Камышлы. В совещании КНК, на котором было объявлено о создании автономии, приняли участие представители 52 политических партий, общественных организаций, в том числе женских, а также 15 независимых лиц. На заседании был зачитан проект Общественного договора (Конституции) Западного Курдистана.

Силовой контроль в республике Рожава сосредоточен в основном в руках отрядов самообороны ПДЕ, а два сопредседателя этой партии — Салих Муслим и Асия Абдуллах — фактически являются руководителями автономии. Помимо отрядов народной самообороны в подчинении ПДЕ есть женские отряды самообороны (YPJ). Наряду с этим М. Барзани также заявил о подготовке в Иракском Курдистане вооруженных формирований из числа сирийских беженцев для обороны контролируемых сирийскими курдами районов Сирийского Курдистана от вооруженных сил ИГИЛ⁵.

Республика Рожава в Сирии, по сути, это проект реализации принципа «демократического конфедерализма» курдов, т. е. суверенизации северных сирийских кантонов. Характерно, что такая национальная доктрина строится здесь на постепенном отходе от принципов собственно национального государства; в этом проекте акцентируется многокультурный, плюралистический характер политического образования, которое, являясь образцом прямой народной демократии, максимально дистанцируется от любых концепций нации-государства как одной из наиболее распространенных форм суверенизации народов в прошлом. Позиции с именно такой политической трактовкой сейчас являются приемлемыми для большинства основных политических сил курдов Сирии. Подобный конгломератный национализм сирийских курдов выражается в приверженности идее многокультурного, многоуровневого государственного уклада, которая, опять-таки, в идейном ключе соотносится с концепцией «демократического конфедерализма», предлагаемой находящимся сейчас в тюрьме лидером РПК Абдуллой Оджаланом в качестве взаимоприемлемой и взаимобязанной политической инициативы, направленной на разрешение межэтнических противоречий в курдском этноареале. Существование практически независимого Курдистана на севере Ирака, активное формирование автономии на севере Сирии не может радовать Турцию, которая столкнется с проблемой обострения курдского сепаратизма у себя в стране, если иракские и сирийские курды добьются своей полной самостоятельности.

Однако использование курдского фактора в Сирии в геополитических интересах третьих стран также играет немаловажную роль в актуализации в ближайшее время идеи полной самостоятельности курдов. По сути, в начале сирийского конфликта США и Турция предложили сирийским курдам воевать против режима Асада в обмен на лояльность и безопасность. Однако у сирийских сторонников Оджалана были очевидные договоренности с Асадом о взаимном невмешательстве и, возможно, помощи оружием. Также подконтрольные Асаду сирийские военные охраняли аэродром в Камышлы.

Активизация в северных районах Сирии и Ирака боевиков из ИГИЛ и их кровопролитное столкновение с курдскими силами самообороны за Кобани

привела к тектоническим сдвигам в захваченных боевиками районах: сотни шиитов, алавитов, христиан, курдов, в том числе езидов, бежали в курдские автономии на севере Сирии и Ирака. 17 сентября 2014 г. силы ИГИЛ начали масштабное наступление на курдские территории на севере Сирии с использованием тяжелого вооружения. В результате этого тысячи курдов вынуждены были бежать в Турцию. Проблема заключалась в том, что кантон Кобани оказался полностью отрезанным от остальных курдских регионов Сирии, вплотную примыкая к границе с Турцией.

Однако первые же месяцы сопротивления силам ИГИЛ показали жизнеспособность новой республики на севере Сирии. Становилось очевидным, и в первую очередь для Турции, что противостояние курдского ополчения в Кобани с боевиками ИГИЛ играет, безусловно, на руку дальнейшей суверенизации сирийских курдов. Для ИГИЛ Кобани — это важный стратегический пункт для продвижения на восток Сирии и выход к Средиземному морю. Его освобождение курдами при поддержке американских точечных бомбардировок в январе 2015 г. радикально изменило обстановку на фронте борьбы со сторонниками самопровозглашенного халифата, а возможно, и во всем внутрисирийском противостоянии. Учитывая, что его освобождение дарит надежду на возвращение (около 200 тыс.) курдам, оказавшимся беженцами в Турции, победа курдов над силами ИГИЛ за Кобани может стать дополнительным стимулом роста курдского патриотизма. С начала противостояния курдских сил самообороны в Кобани, а также курдов на севере Ирака с силами ИГИЛ курдские активисты по всей территории Турции продолжали вести активную агитацию за присоединение курдов Турции к борьбе с экстремистами на севере Сирии. В обращении говорилось, что «молодежь Северного Курдистана должна отправиться туда, чтобы принять участие в историческом сопротивлении». Однако до последнего времени официальная Анкара стремилась дистанцироваться от конфликта на севере Сирии и Ирака, несмотря на усиленные требования Ирана вмешаться и не допустить уничтожения Кобани силами ИГИЛ.

Учитывая всё это, необходимо отметить, что складывающаяся сирийская автономия курдов в условно-курдском многонациональном конгломерате, который объединяет курдов, арабов, туркоманов, имеет серьезные шансы быть рассматриваемой со стороны Турции в качестве угрозы своей территориальной целостности и безопасности. В связи с этим со стороны курдов нередко звучат обвинения о поддержке исламистами в Турции псевдогосударства ИГИЛ и его боевиков с целью предотвращения возможности создания подконтрольных РПК политических формирований у себя под боком. Для политического крыла РПК реализация проекта республики Рожава имеет принципиальное значение, поскольку фактически является для многих курдов прообразом формирования пропагандируемого Оджаланом демократического государственного сообщества.

Отряды народной самообороны Кобани к концу 2014 г. состояли из апохистов (боевые отряды РПК), бригады «Джабхат аль-акрад», подкрепления в

виде сил пешмерга из Северного Ирака, а также курдских добровольцев из Турции, Ирана, Ирака и стран Европы.

Последняя заметная региональная трансформация, так называемая «арабская весна», происходила в самой непосредственной близости от этнического Курдистана, и в настоящее время непредсказуемость ситуации с курдами во многом опосредована страстным призывом части националистически настроенных курдских элит к свободе, самоуправлению и процветанию. Однако одним из основных аспектов курдского вопроса в целом на Ближнем Востоке остается его региональный подтекст, а это, по сути, внутренний вопрос каждой отдельной страны, когда курдам, проживающим на территории Турции, Ирака, Ирана и Сирии, решать эту проблему необходимо с соответствующими национальными правительствами с целью обеспечения равных прав или создания собственной автономии.

Сирийские курды видят будущую Сирию как светское, демократическое, парламентское государство, в котором будут признаны права всех национальных меньшинств и религиозных общин, обеспечено равноправие мужчин и женщин. Большинство сирийских курдов склоняется к осуществлению иракского сценария, когда было создано федеративное государство, а иракские курды получили статус субъекта федерации. Однако они выступают против вмешательства внешних сил и за решение курдской проблемы мирным путем. Общая платформа позволила начать переговоры с сирийской оппозицией, и сирийские курды требуют признания, решения их проблем конституционным путем, недопущения конфликтов на религиозной основе.

При этом в целом сейчас можно утверждать, что современный этнический Курдистан не имеет географической, экономической, культурной, языковой и религиозной гомогенности. В настоящее время ни в одной из его частей (за исключением Иракского Курдистана) не происходит процесса формирования собственно курдского национального рынка, который, по определению Э. Хобсбаума, является основой для развития и экономического подъема среднего класса, подверженного влиянию националистической идеологии, которая в определенных условиях и ведет к формированию и созданию собственного государства⁶.

По-прежнему считая приоритетными задачи общекурдского масштаба, на деле курдские активисты сейчас стали все больше внимания уделять партикулярным целям, более насущным и реально выполнимым — борьбе за права курдов в отдельных частях разделенного Курдистана, включая создание национальных автономий, но при этом фактически не конкретизируя их географические и административные границы. Таким образом, курдский национализм в наши дни приобретает двойственный характер: интегральный и партикулярный. При этом партикулярные курдские «национализмы», разделенные географическими границами Турции, Ирака, Сирии и Ирана, не конкурируют между собой, а, скорее, дополняют друг друга, способствуя созданию картины современной жизни этнического Курдистана. Сложность в том, что идея интегрального национализма, конечной целью которого является гипотетическое создание единого воображаемого («Большого») Курдиста-

на, при современном раскладе сил в Ближневосточном регионе невозможно без перекройки государственных границ существующих государств. Однако это грозит большой войной, а этого никто не хочет допустить: ни сами курды, ни правительства соответствующих государств. Поэтому в полном объеме ирредентизм на курдской почве в настоящее время не может рассчитывать на реальную перспективу объединения вокруг какой-либо одной области, даже если это и будет полунезависимая курдская автономия в Ираке.

Однако идея общекурдской солидарности продолжает жить в умах курдских националистов, которые сами себя называют «курдскими патриотами». Они никогда не прерывали личных контактов друг с другом. И на Ближнем Востоке, и внутри диаспоры шел интенсивный информационный обмен, а также материальная помощь, включая деньги и оружие, в зоны вооруженного противостояния: сначала — на юго-востоке Турции, а ныне — в кантон Кобани. Таким образом, острота курдского вопроса последних лет во многом опосредована еще и становлением курдской автономии в Сирийском Курдистане, причем автономии анклавного типа, состоящего из трех курдских регионов — Африн, Кобани и Камышлы (Джизре), — заявивших в начале 2014 г. о своем суверенитете и совместно именуемые как республика Рожава. 2014 г. стал годом расширения зоны влияния курдской автономной администрации в Сирии в основном в результате борьбы курдов с влиянием группировок «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ. В курдской автономии Сирии был создан законодательный совет, который 6 января этого года принял Общественный договор, по сути Конституцию автономного сирийского (или Западного) Курдистана. За последние три года в Сирийском Курдистане активно набирала силу Партия демократического единства, находящаяся под влиянием идеологии лидера РПК Абдуллы Оджалана, но не аффилированная с его партией. Основой идейного единства с главным идеологом РПК является принцип «демократического конфедерализма» курдов, который активно претворяют в жизнь сторонники этой партии в Сирии. Он заключается в стремлении создать, по сути, самоуправляемые территории, которые не будут носить характеристики «национального государства», а будут основаны на обеспечении максимальных прав проживающих на их территории этнических групп, а также гендерного равенства.

Выдвинутая ранее Оджаланом концепция «демократического конфедерализма» курдов в рамках смежных автономий четырех сопредельных государств вызывает опасения у правительства и экспертов Турции, поскольку, как они считают, такая воображаемая конфедерация может быть легко преобразована в независимое курдское государство с отторжением у Турции юго-восточных провинций. Вместе с тем оговоренная с РПК «дорожная карта» урегулирования курдского конфликта на данном этапе во многом не устраивает власти Турции, и они по этой причине всячески затягивают процесс дальнейших реформ, что вызывает ответное раздражение у лидеров РПК и их парламентских партнеров в лице ПДЕ. Недовольство РПК вызывает и содействие правительства Турции вооруженным исламистским группиров-

кам в Сирии, которые противостоят вооруженным силам курдской Партии демократического союза (ПДС).

Так, по мнению главы исполкома Сообщества народов Курдистана (СНК) Мурата Карайилана, эти военные действия боевиков-исламистов являются частью плана по недопущению усиления позиций курдов и получения ими власти в регионе. В долгосрочной же перспективе турецкие курды вряд ли удовлетворятся статусом признанного национального меньшинства в составе Турции, если их сирийские соплеменники получают более широкие права и свободы в новой Сирии. В своих заявлениях полевые командиры РПК всячески подчеркивают лояльность Оджалану как лидеру, но при этом считают предлагаемые ПСР рецепты решения курдского конфликта неприемлемыми и говорят о готовности продолжать борьбу. В частности, Карайилан вскоре после объявления Оджаланом перемирия заявил, что боевики РПК не должны складывать оружие и покидать территорию Турецкого Курдистана, потому что это «их земля, а вооруженные силы Турции выступают на ней в качестве оккупантов». Иными словами, оставаясь непрекаемым лидером турецких курдов, Оджалан все же не может контролировать боевую активность РПК, и дальнейшие переговоры отнюдь не гарантируют мирного процесса. Кроме того, функционеры РПК, постоянно подчеркивая свое право на «активную самооборону», форсируют принятие Турцией политических решений, которые закрепили бы автономный статус турецких курдов в составе Турции с гарантиями на конституционном уровне их культурных и национальных прав. В качестве рычага давления на Анкару руководство РПК в конце августа 2013 г. заявило о том, что приостановит вывод своих боевиков с территории Турции, если принятая «дорожная карта» будет заморожена. Факт сохранения в труднодоступных районах турецко-иракской границы (Кандильских горах и «Мидийской зоне самообороны»), а также в приграничных районах Сирии значительного числа вооруженных бойцов РПК будет оставаться весомым козырем во время дальнейших политических переговоров о гарантии национальных прав курдов Турции.

С другой стороны, становится очевидным, что провозглашение иракскими курдами полной автономии может повлечь за собой сложные тектонические сдвиги на всем Ближнем Востоке и породить конфликт с вовлечением геополитических интересов разных сторон, и в первую очередь Турции, поскольку фобия отторжения восточных провинций Турции на фоне возможных интегральных процессов национальной мобилизации в курдской среде, создание «Великого Курдистана» остается одним из главных вызовов для политического будущего Турции как унитарного единого государства.

Актуальность курдского вопроса может в перспективе привести и к тому, что мировым сообществом будет рассмотрен вопрос о закреплении статуса курдов путем учреждения их официального представительства в ООН, ввиду того, что они являются крупнейшим в мире национальным сообществом, не имеющим собственной государственности. До некоторой степени это может быть сделано со ссылкой на прецедент времен зарождения ООН, когда, например, в организации были отдельно представлены Украинская и Бело-

русская ССР, не имевшие формальной независимости. Целесообразность такого решения будет во многом опосредована дальнейшим социально-политическим развитием в курдском регионе Ближнего и Среднего Востока.

Примечания

- ¹ История Курдистана. М., 1999. С. 12.
- ² Здесь в первую очередь подразумевается тот теоретический багаж трактовок принципов национализма, который был сформулирован в работе Б. Андерсона «Воображаемые сообщества».
- ³ Лазаревские чтения. Вып. I. М., 2012. С. 47.
- ⁴ В январе 2014 г. провинции Камышлы и Хасеке были объединены в самоуправляемый курдский кантон Джизре.
- ⁵ Вертяев К., Жигалина О., Иванов С. Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии. М., 2013. С. 105.
- ⁶ Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: история и современность. М., 2015. С. 334.

А.Г. Гаджиев*

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ТУРЦИИ

(по материалам отчетов Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути к членству)

Резюме. Турция является страной-кандидатом на вступление в ЕС и, несмотря на делящийся вот уже более полувека переговорный процесс и туманные перспективы, сохраняет своё стремление вступить в это европейское объединение в качестве полноправного участника. Брюссель, начиная с 1998 г., издает в отношении Турции ежегодные отчеты о текущей ситуации в стране, которые помимо критики и оценки содержат в себе достаточно конструктивные рекомендации. Во многом в результате следования именно этим европейским рекомендациям Турции удалось продвинуться в вопросах расширения прав этноконфессиональных меньшинств. Особенно важными и перспективными в этой связи представляются продолжающиеся общественные дебаты по мирному разрешению курдского вопроса.

Ключевые слова: Турция, ЕС, национальные меньшинства, курдский вопрос, отчеты Еврокомиссии о развитии Турции.

Summary. Turkey is a candidate country for EU membership. In spite of the negotiation process and vague prospects, retains its desire to join the European Union as a full participant. Brussels, since 1998, publishes annual reports on Turkey about the current situation in the country, which in addition to criticism and evaluation contain constructive recommendations. Largely as a result of following precisely these European guidelines Turkey made progress in including in expanding the rights of ethnic and confessional minorities. Particularly important and promising in this regard are presented ongoing public debate on the peaceful resolution of the Kurdish question.

Tags: Turkey, the EU, national minorities, the Kurdish Issue, the Turkey Progress Reports of the European Commission.

За последние годы Турция заметно продвинулась в вопросах расширения прав проживающих в стране этноконфессиональных меньшинств. Немалую роль в этом сыграли ежегодные «евроотчеты».

С 1998 г. Евросоюз публикует свои заключения и рекомендации по вопросам о текущем состоянии и перспективах развития в Турции демократических процессов, важное место среди которых занимают вопросы расширения прав и свобод национальных меньшинств. Данные отчеты играют определенную роль в формировании турецкой как внешней, так и внутренней политики.

* Гаджиев Амур Гаджибабаевич, кандидат исторических наук, сотрудник ЦИСБСВ Института востоковедения РАН.

Курдский фактор, который регулярно отмечается в отчетах ЕС в рамках «политических критериев», оказывает заметное влияние на переговорный процесс между Анкарой и Брюсселем. Еще в 1995 г. Евросоюз связал вопрос о вступлении Турции в ЕС с принятием турецким правительством мер по политическому решению курдской проблемы¹.

Турецкие власти, в свою очередь, официально признав в 2005 г. факт существования в стране курдского вопроса, сделали важные шаги в сторону расширения этнических прав курдского населения².

В докладах Еврокомиссии неоднократно отмечалось, что Евросоюз позитивно относится к парламентскому обсуждению демократического решения «курдского вопроса». При этом ЕС рекомендует закрепить конкретными действиями начатые правительством Турции широкомасштабные и многоуровневые общественные дебаты по этому вопросу³.

Между тем правящая в Турции Партия справедливости и развития еще в своей программе, представленной на заседании парламента Турции в ноябре 2002 г., заявила о необходимости ускоренной реализации реформ в различных сферах экономики и быта в курдских районах⁴.

В своих отчетах Брюссель отмечает, что поддерживает борьбу турецких властей с терроризмом, но считает, что эта борьба должна проводиться в рамках соблюдения прав и свобод человека и международного права.

Сохраняющаяся сложная ситуация вокруг Рабочей партии Курдистана (РПК) воспринимается в Европе неоднозначно, оказывая большое влияние при рассмотрении возможности приема Турции в ЕС. Тем не менее в 2004 г. Евросоюз включил РПК в список террористических организаций со всеми вытекающими последствиями. Согласно заявлениям европейских официальных лиц, ЕС осуществляет активную деятельность с целью ликвидации в Европе каналов поддержки РПК.

Напомним, что в результате позиции некоторых европейских стран по вопросу о выдаче арестованного 13 ноября 1998 г. в Италии лидера РПК А. Оджалана турецким властям отношения между Турцией и Евросоюзом значительно ухудшились. Курдская проблема впервые показала себя в качестве инструмента подрыва международных взаимоотношений⁵. А выступления курдов и крайние формы протеста показали европейским странам, что несет с собой сближение с Турцией, а именно — перенесение на европейскую территорию острого этнического конфликта⁶.

Следует полагать, что это одна из основных причин, почему европейские страны, особенно те, где проживают многочисленные диаспоры турок и курдов, заинтересованы в мирном решении курдской проблемы до полноправного вступления Турции в ЕС⁷.

Сама Анкара подчеркивает, что регулярные переходы боевиками РПК турецко-иракской границы и базирование их на севере Ирака являются «нарушением турецкого суверенитета» и «угрозой безопасности Турецкой Республики». По мнению турецких властей, только при активной совместной борьбе Турции и Ирака против боевиков РПК, при недопущении нарушения ими границы между двумя странами Турция сможет утверждать, что ее отношения

с Ираком отвечают одному из основных Копенгагенских критериев — иметь добрососедские отношения с приграничными государствами.

В отчетах ЕС неоднократно обращалось внимание на то, что турецкий Закон о борьбе с терроризмом не дает четкого определения понятия «терроризм». Зачастую это используется турецкими правоохранительными органами в качестве средства ограничения основных свобод курдов.

В отчетах отмечается, что таким образом неправомерно задержаны сотни членов прокурдской Демократической партии народов (ДПН), а также члены Конфедерации профсоюзов общественных деятелей и Профсоюза работников образовательной и научной деятельности; подчеркивается, что ведение мирной борьбы за права курдов отвечает интересам руководства Турции, стремящейся вступить в ЕС⁸.

Одна из инициаторов мирного урегулирования курдского вопроса — обладательница медали им. А.Д. Сахарова Л. Зана. Ссылаясь на находящегося в пожизненном заключении лидера РПК А. Оджалана, призывавшего курдов прекратить вооруженную борьбу, в своих заявлениях Л. Зана не раз подчеркивала, что ДПН не одобряет стратегию и агрессию РПК⁹.

Евросоюз указывает на то, что в турецких юго-восточных районах продолжает функционировать система сельских стражей, которая, по мнению представителей Еврокомиссии, в значительной степени осложняет процесс мирного решения курдской проблемы.

По вопросу безопасности курдского населения в «евроотчетах» обращается внимание также и на то, что сухопутные мины на турецко-сирийской границе представляют собой угрозу не только для военных, но и для гражданского населения обеих стран.

Евросоюз позитивно оценивает прогресс, который наблюдается в последнее время в Турции в сфере соблюдения прав и свобод в отношении СМИ. В своих отчетах Брюссель отмечает, что в стране начал вещание курдский телерадиоканал «ТРТ Шеш». Тем не менее, как отмечают авторы «евроотчетов», в Турции сохраняется ограничение на использование курдского языка в эфирах частных теле- и радиокomпаний. Кроме того, все еще действует запрет на теле- и радиoproграммы, обучающие курдскому языку¹⁰.

В целом же отчеты Еврокомиссии в отношении Турции периодически подтверждают твердую позицию европейских стран относительно курдского вопроса. Известно, что турецкое руководство рассматривает курдов в рамках Лозаннского мирного договора 1923 г., согласно которому национальными меньшинствами Турецкой Республики признаются немусульманские общины, состоящие из турецких граждан еврейского, греческого и армянского происхождения. Курды, в соответствии с турецким законодательством, не относятся к категории национальных меньшинств. Поэтому руководство страны не связывает ситуацию на юго-востоке Турции с проблемой национальных меньшинств¹¹.

С такой позицией Анкары представители ЕС не согласны и считают, что курдский вопрос следует рассматривать в рамках соблюдения «прав и свобод человека».

Курдский вопрос создает для Турции трудности как внутри страны, так и на международной арене. Эта проблема осложняет отношения Турции с Ира-

ком, на севере которого расположен Курдский автономный район (КАР). На севере курдской автономии в Ираке, недалеко от границы с Турцией, базируются боевики РПК. По Копенгагенским критериям граница Турции с Ираком должна быть безопасной и стабильной. Но из-за постоянных нелегальных переходов боевиками РПК границы с Турцией ее военные с 1992 г. ведут активные разведывательные и боевые операции в Северном Ираке в районе дислокации боевиков РПК.

В последние годы турецкая армия неоднократно переходила турецко-иракскую границу, наносила воздушные и артиллерийские удары по объектам РПК, расположенным недалеко от турецкой границы. Все это негативно сказывается на переговорном процессе. Тем не менее Евросоюз с удовлетворением относится к тому, что в начале 2009 г. Турция приняла решение о проведении реформ, в рамках которых предпринимаются меры, смягчающие остроту курдского вопроса.

Итак, в отчетах ЕС о развитии Турции большое внимание уделяется нерегулированности курдского вопроса, который рассматривается не только в качестве внутривосточной проблемы Турции, связанной с правами национальных меньшинств, но и как препятствие к установлению добрососедских отношений с приграничными странами, в частности с Ираком, на севере которого расположен Курдский автономный район, где базируются боевики РПК.

В этой связи показательны попытки Анкары, направленные на политическое решение курдской проблемы как на международном уровне, так и внутри страны. Особенно важными и перспективными представляются общественные дебаты по мирному разрешению курдского вопроса, которые с одобрением отмечаются Брюсселем.

Примечания

¹ Дружиловский С.В. Политика турецкого правительства в курдском вопросе после военного переворота 1980 г. // Курдская проблема: международный аспект. ДА МИД России. М., 2001. С. 47.

² Вертяев К.В. Вопросы демократизации и курдский вопрос в Турции в начале XXI века // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., 2006. С. 158.

³ Turkey 2009 Progress Report, SEC(2009)1334, Brussels, 14.10.2009 // www.ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2009/tr_rapport_2009_en.pdf

⁴ Hükümet Programı: Başbakan Abdullah Gül tarafından TBMM'ne sunulan 58'nci Hükümet Programı, 23.11.2002.

⁵ Balcı E. Avrupa Konseyi'nde Kürt Raporu // Cumhuriyet, 25.06.1998.

⁶ Elekdağ Ş. AB ve Güneydoğu // Milliyet, 20.12.1999.

⁷ Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции. М., 2001.

⁸ Жигалина О. И. Курдский вопрос и проблема стабильности в Западной Азии // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века. М., 2006. С. 197.

⁹ Milliyet, 08.03.2008.

¹⁰ Birand M.A. AB Programı Kürtçe'ye takıldı, Posta, 18.01.2001.

¹¹ AB — Gümrük Birliği Sürecinde Türkiye ve Güneydoğu'nun Uyumu Sorunları, Diyarbakır Ticaret ve Sanayi Odası. Diyarbakır, 1995.

*М.О. Нессар**

ЭТНОПЛЕМЕННОЙ ФАКТОР И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ АФГАНИСТАНЕ

Резюме. Анализируя существующие данные о демографических изменениях в Афганистане, можно сказать, что в этнической структуре Афганистана происходят определенные изменения. Безусловно, это обстоятельство серьезно влияет на афганский политический процесс. Впрочем, это обстоятельство — не единственная причина, повлиявшая на положение этносов в афганском обществе и их представительство в органах власти. Широкие возможности для укрепления своего положения в стране представителям определенных этнических групп предоставил переход власти в руки Национально-демократической партии Афганистана в 1978 г. В ходе гражданской войны 90-х гг. этнические группы активно демонстрировали способность вооруженным путем отстаивать свои интересы. В постталибском Афганистане этносы продолжили укреплять свои позиции в государственно-административной системе, предпринимая целый ряд шагов для декларирования новой формулы раздела власти.

Ключевые слова: Афганистан, этносы Афганистана, выборы, политический процесс в Афганистане.

Summary. Following the existing data on the demographical changes in Afghanistan, it may be concluded that the structure of the country is undergoing some changes, which exert considerable influence on Afghan political process. Representatives of certain ethnic groups had been given huge opportunities to fortify their positions due to the assumption of power by the People's Democratic Party of Afghanistan in 1978. During the civil war in the 90s ethnic groups used to actively demonstrate the ability to dispute their interests with lethal force. In the Post-Taliban Afghanistan ethnic groups have been keeping on strengthening their positions in the system of public administration by taking a variety of measures in order to declare the new of power-sharing.

Tags: Afghanistan, Afghan ethnic groups, elections, Afghan political process.

За последние 30 лет в Афганистане произошли значительные демографические изменения. Официально перепись населения в стране последний раз проводилась в 1979 г.¹. С тех пор международными организациями проводились различные социологические исследования, данными которых в основном и оперируют исследователи. Это обстоятельство привело к тому, что используемые данные нередко не совпадают друг с другом, а порой очень заметно разнятся.

* Нессар Омар Мохаммед, научный сотрудник ЦИСБСВ ИВ РАН, главный редактор электронного портала afghanistan.ru

Начиная с 2001 г. неоднократно предпринимались определенные шаги для проведения переписи афганского населения, однако по различным причинам, в том числе политическим², эти попытки не увенчались успехом.

Тем не менее, анализируя существующие данные, можно с уверенностью сказать, что в этнической структуре Афганистана происходят изменения: в частности, можно говорить об увеличении доли национальных меньшинств (таджиков, хазарейцев, узбеков) по сравнению с титульной нацией страны — пуштунами. Безусловно, это обстоятельство серьезно влияет на афганский политический процесс.

Таблица 1

Этнический состав и население ИРА, %³

Этнос	1990 г.	2010 г.	2014 г.
Пуштуны	50	40	42
Таджики	25	31	27
Хазарейцы	15	10	9
Узбеки	9	9	15
Общая численность населения	15,862 млн ⁴	28,327 млн	31,822 млн ⁵

Впрочем, увеличение доли национальных меньшинств по сравнению с пуштунами — не единственная причина, повлиявшая на положение этносов в афганском обществе и их представительство в органах власти. Широкие возможности для укрепления своего положения в стране представителям национальных меньшинств предоставил переход власти в руки Национально-демократической партии Афганистана в 1978 г. Расширение прав национальных меньшинств было объявлено одним из приоритетных направлений НДПА⁶.

После падения последнего промосковского режима Наджибуллы в Афганистане в первой половине 90-х гг. XX в. начался межэтнический вооруженный конфликт. В ходе этого конфликта этнические группы активно демонстрировали способность отстаивать свои интересы вооруженным путем. Итогом гражданской войны стало усиление центробежных тенденций, утрата «большой афганской идентичности» основными группами элиты, стремительный рост «малого национализма» среди пуштунов, таджиков, узбеков, хазарейцев и фактически раздробление Афганистана по этническому признаку. Уже к середине 90-х гг. возникли неподконтрольные Кабулу отдельные районы, контролируемые пуштунами, таджиками, узбеками и хазарейцами. Такая ситуация сохранялась вплоть до захвата власти в стране пуштунами-талибами, одной из целей которых было создание сильной центральной системы государственного управления и ликвидация очагов местного сепаратизма этнических меньшинств.

Очевидно, при формировании новой государственно-политической системы уже постталибского Афганистана, в котором ключевую роль сыграли западные страны, учитывалось значение этнического фактора. Принятая в 2003 г. новая Конституция Исламской Республики Афганистан предусматри-

вала должность президента и двух вице-президентов. Хотя в Основном законе о национальной принадлежности главы государства и его заместителей ничего не говорится, на практике это привело к возникновению довольно жесткой неформальной схемы построения высшего уровня власти в ИРА. В основе этой схемы лежит принцип пропорционального распределения обязанностей между представителями разных этносов. Президент ИРА — пуштун, первый вице-президент — таджик, второй вице-президент — хазареец-шиит.

В 2007 г. усилившие свои позиции национальные меньшинства, пожалуй, впервые предприняли попытку официально озвучить формулу раздела власти. Возглавивший крупнейший оппозиционный блок «Народный фронт Афганистана» (НФА) Б. Раббани в качестве главных пунктов своей политической программы провозгласил цели, ведущие к федерализации страны: усиление роли парламента, выборность губернаторов, учреждение должности премьер-министра и пр. И хотя лидеры НФА не учитывали интересы конкретных этносов в политике федерализации, было очевидно, что реализация данной формулы приведет к усилению позиций национальных меньшинств в отдельных районах ИРА.

Еще одним признаком растущего влияния и даже доминирования национальных меньшинств в постталибском Афганистане стали результаты парламентских выборов 2010 г., которые привели к уменьшению количества депутатов-пуштунов.

Таблица 2

Этнический состав нижней палаты в 2010 г.⁷

Пуштуны	Таджики	Хазарейцы	Узбеки	Другие
98	72	52	19	8
39%	29%	21%	8%	3%

Результаты выборов 2010 г., вызвавшие политический кризис, стали причиной недовольства пуштунов. Президент страны Х. Карзай подверг резкой критике результаты выборов, заявив, что в отдельных провинциях они не обеспечили национальное единство народов Афганистана⁸. Неожиданным для многих аналитиков стало избрание в качестве председателя нижней палаты национального парламента этнического узбека А.Р. Ибрагимми.

Благодаря действиям Х. Карзая, который был заинтересован в сохранении межнационального и межконфессионального баланса в афганской политической элите, удалось замедлить темпы расширения влияния нацменьшинств в политической системе страны⁹.

Президентские выборы 2014 г., второй тур которых ознаменовался жестким противостоянием конкурирующих политических групп с использованием узконациональной риторики, обострили противоречия в афганской политической элите не только по клановому, но и по этническому признаку. Они показали, что межнациональные противоречия играют ключевую роль в развитии политического процесса в стране.

В открытой политической форме это соперничество проявилось между двумя этническими группами: доктора Абдуллы Абдуллы (таджики) и Ашрафа Гани Ахмадзая (пуштуны и узбеки, так как Ашрафа Гани поддержал генерал Абдул Рашид Дустум). Соперничество таджикских и пуштуно-узбекских команд кандидатов в президенты ИРА имело также еще одно измерение — противостояние между партией «Исламское общество Афганистана» (ИОА), которая выражала интересы таджиков, и Исламской партией Афганистана (ИПА) Г. Хекматияра, которая, как и ряд других партий, отстаивала интересы пуштунов.

Итогом электорального соперничества пуштунских и таджикских групп влияния стала фактически отмена итогов второго тура президентских выборов, когда избирком страны, не называя конкретных цифр, объявил победителем Ашрафа Гани Ахмадзая, а его главного соперника — доктора Абдуллу Абдуллу — главой исполнительного совета.

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам:

- В период правления Х. Карзая межэтнические противоречия в Афганистане из бытовой плоскости перешли на политический уровень. При этом происходил процесс стремительной политизации этничности, когда определенные политические доктрины становились маркерами этнической принадлежности.

- Президентская кампания 2014 г. показала, что национальная принадлежность политиков стала определяться не по крови, а по их политическим взглядам. Так, хотя А. Абдулла является пуштуном по отцу, однако он позиционирует в качестве этнического таджика, являясь носителем неприемлемых для большей части пуштунов политических взглядов.

- Одной из причин политического кризиса, возникшего в ходе президентских выборов 2014 г., стало массовое голосование избирателей по этническому признаку: таджики голосовали за кандидата-таджика, а пуштунские избиратели — за пуштуна. При этом возникновение кризиса было вполне прогнозируемо, так как многочисленные очевидные факты давали основания полагать, что избирателей-непуштунов будет больше¹⁰.

- Вряд ли на этот раз (после выборов 2014 г.) удастся ограничиться формальной формулой межэтнического раздела власти. Итогом политического кризиса в Кабуле, вызванного итогами президентских выборов, стало соглашение о создании «правительства национального согласия». Одним из пунктов соглашения стала договоренность о внесении поправок в конституцию страны с тем, чтобы зафиксировать раздел высшей власти, в частности через учреждение должности премьер-министра.

- Очевидно, Соединенные Штаты, под давлением которых было подписано соглашение о «правительстве национального согласия», понимают, что внесение изменений в конституцию гарантирует движение государственно-политической системы ИРА в сторону децентрализации власти, формирует в стране новую политическую модель. Приведет ли эта эволюция к еще более серьезным реформам государственно-административной системы, затронут ли эти тенденции целостность современного афганского государства, покажет время.

Примечания

¹ http://www.bbc.co.uk/persian/afghanistan/story/2008/08/080806_ram-afghan-population.shtml

² По мнению ряда афганских авторов, одной из причин этого мог быть высокий уровень фальсификаций на выборах президента Исламской Республики Афганистан (ИРА). Перепись населения с последующей фиксацией численности в провинциях и уездах, а также доли разных народностей в них могла поставить под вопрос легитимность президентских выборов и создать серьезные препятствия в проведении последующих выборов главы государства, в том числе 2014 г.

³ <http://www.asiafoundation.org/>

⁴ http://www.theodora.com/wfb1990/afghanistan/afghanistan_people.html

⁵ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2119.html?countryName=Afghanistan&countryCode=af®ionCode=sas&#af>

⁶ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 405; Впервые ведущие положения в государственной системе Афганистана заняли представители нацменьшинств: Б. Кармаль, С. Киштманд и др.

⁷ См.: Выборы парламента (2010 г.) // AREU, 2011. Кабул. (на языке дари); BBC, 26.12.2011.

⁸ Хашт-е-собх, 2010.07.05. Кабул.

⁹ Одной из главных причин стал распад НФА. В распаде НФА определяющую роль сыграл переход ключевых участников оппозиционного блока на сторону Х. Карзая.

¹⁰ а) в населенных пуштунами районах процессу голосования мешал низкий уровень безопасности; б) пуштуны как более близкий к афганскому традиционализму этнос негативно относятся к самому институту выборов.

*Н.М. Горбунова**

ПЕРМАНЕНТНЫЙ КРИЗИС В ЛИВАНЕ: РОЛЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА

Резюме. Статья поднимает актуальную тему, как изменения в конфессиональном составе ливанского населения и борьба религиозных общин за влияние и власть то мирным, то вооруженным путем мешают развитию Ливана и подрывают устойчивость его конституционных институтов и государства в целом.

Ключевые слова: Ближний Восток, Ливан, ливанская политическая система, политический конфессионализм, шиитско-суннитский конфликт, угроза исламизации страны.

Summary. The article depicts an actual theme – how the changes in the confessional structure of Lebanese population and the struggle of religious communities for influence and domination by peaceful and armed means prevent the development of Lebanon and Undermine the stability of confessional institutes as well as the state in general.

Tags: the Middle East, Lebanon, Lebanese political system, political confessionalism, Shiite-Sunnit conflict, the threat of islamization.

Политическая система Ливанской Республики, провозглашенной в 1946 г., была построена в основном по образцу французской, но при этом учитывала опыт османской административной системы. Конфессиональный принцип управления арабскими провинциями, а также традиционные основы частного и семейного права перешли в новое республиканское законодательство. Христианские и мусульманские общины страны в 1943 г. заключили так называемый Национальный пакт, в котором был зафиксирован приоритет маронитской христианской общины. Так был достигнут компромисс между всеми конфессиями, партиями и слоями ливанского общества.

Но уже к середине 70-х гг. прошлого века выявилась слабость этой конструкции государственного устройства. Мусульман в стране стало заметно больше христиан. Ливанские политические партии, как правило, создавались на основе той или иной конфессии, что было вполне закономерно, поскольку к этому времени интересы религиозных общин перешли в политическую плоскость, требуя все больше властных полномочий. Исключение здесь составляла в первую очередь Ливанская коммунистическая партия, провозгласившая классовый подход и опиравшаяся на низшие слои общества. При этом она получала всестороннюю поддержку и помощь от Советского Союза. В целом конфессиональный принцип позволял господствовавшей общине, т. е.

* Горбунова Наталия Максовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Истории Востока ИВ РАН.

маронитам, перераспределять национальный доход в свою пользу. И этот фактор мешал процессу национальной интеграции, усиливал диспропорцию между разными районами страны.

Усилившиеся внутривнутриполитические и религиозные противоречия привели в конечном итоге к гражданской войне, продолжавшейся 15 лет — с 1975 до начала 90-х гг. И, как это обычно бывает, она сопровождалась военным и политическим вмешательством иностранных государств. В этой войне Сирия сыграла далеко не последнюю роль, вооружая и поддерживая шиитские военные группировки и палестинцев, а также играя на противоречиях христиан-маронитов.

Огромные разрушения и жертвы этой войны вынудили правящие круги Ливана начать реформу административно-государственного устройства страны. Значительную роль сыграли в этом достигнутые в 1989 г. после сложных переговоров с участием ряда арабских стран соглашения в Ат-Таифе (Саудовская Аравия) и принятие «Хартии национального согласия». Она провозглашала ликвидацию политического конфессионализма, принятие нового избирательного закона и административную децентрализацию. Соглашения выработали условия присутствия сирийских войск в Ливане.

В 1990 г. были внесены поправки в статьи Конституции Ливана о порядке формирования органов законодательной власти. Выборы должны были проходить на общенациональной, а не конфессиональной основе, сенат должен представлять все духовные общины, «...а сфера его полномочий будет ограничена только вопросами, представляющими основные национальные интересы». Таким образом, закладывалось основание для формирования парламентаризма общенационального взамен конфессионального. Следующим этапом должно было стать принятие нового избирательного законодательства, закрепляющего три принципа: 1) равенство между христианами и мусульманами; 2) пропорциональное представительство каждой из этих двух религиозных общин; 3) пропорциональное представительство регионов¹.

Однако в дальнейшем осуществление этих задач натолкнулось на массу препятствий, в первую очередь на стремление руководителей мусульманских общин, особенно шиитской, навязать религиозный, фундаменталистский характер правящим институтам Ливана. В этом шииты получали поддержку и всестороннюю помощь со стороны сирийского президента Башара Асада и его алавитского окружения, за спиной которого стоит Иран.

В 70-х гг. XX в. шиитская община была самой бедной и малообразованной среди религиозных общин Ливана. В нее входили жители отсталых сельских районов, которые управлялись традиционными помещиками-заимами. Спасаясь от их власти, крестьяне-шииты переселялись в южные пригороды Бейрута, образовав там квартал трущоб — так называемый «пояс бедности». Из их социальной организации «Движение обездоленных» со временем, в 1975 г., сформировались «Амаль» под руководством имама Мусы ас-Садра и, позднее, в 1982 г., «Хезболла» во главе с шейхом Мухаммедом Фадлалла. Кстати, именно ливанские шииты выступали против предоставления палестинцам (суннитам) ливанского гражданства, так как это могло изменить

конфессиональный баланс в стране. Успех «Хезболлы» был связан не только с поддержкой Сирии и Ирана, но и с внутренней дисциплиной, централизованной структурой и убежденностью в правоте своего дела². По некоторым данным, группировка насчитывает до 11 000 боевиков³.

Тяжелое положение, в котором сегодня оказался Ливан, в огромной степени связано с затяжным государственным, политическим и военным кризисом в Сирии. Это обусловлено не только общей границей, по которой до сих пор нет демаркации, но и историческими и личностными связями, вхождением в общие государственно-административные структуры во времена Османской империи. Однако после Второй мировой войны ставшие независимыми Сирия и Ливан получили разное государственное устройство, что было связано в первую очередь со сложным этноконфессиональным составом ливанского населения.

Внутренний конфликт в Сирии, переросший в гражданскую войну, продолжается уже три с лишним года. Он, безусловно, является политическим, поскольку связан с кризисом государственных структур этой страны, но также носит этноконфессиональный характер. Конфликт этот затянулся и не был разрешен переизбранием 5 июня 2014 г. Б. Асада на посту президента. По этому поводу спецпредставитель ООН и ЛАГ по урегулированию в Сирии Лахдар Брахими заявил, что выборы в Сирии являются препятствием на пути национального примирения⁴. Слабеющая центральная власть, даже несмотря на поддержку Ирана и других стран, позволила суннитским боевикам и группировкам самого разного толка захватить значительную часть страны.

Сирийский кризис не мог не сказаться на внутривнутриполитической обстановке в Ливане. С начала 2013 г. шиитские боевики «Хезболлы» участвовали в боях в пригородах Дамаска, защищая режим Б. Асада, а также в г. Эль-Кусейра у границы с Ливаном. Боевики-сунниты Сирийской свободной армии обстреливали южные шиитские кварталы Бейрута, угрожая, что «пламя конфликта перекинется на Ливан». В Триполи то и дело вспыхивали вооруженные столкновения между местными шиитами и суннитами. Нарастающая радикализация враждебности и фанатизма с обеих сторон — тревожный сигнал обострения ситуации в Ливане⁵.

С начала войны границу с Сирией, которую Ливан не закрывал в течение всего времени конфликта, пересекли 900 тыс. сирийцев, в основном суннитов (при том что все население Ливана составляет около 4 млн человек)⁶. Это значит, что число беженцев к концу 2013 г. достигло $\frac{1}{5}$ части населения страны. Кроме прочего, массовый исход беженцев в Ливан объясняется и родственными связями между ливанскими и сирийскими семьями. Но это не только не отменяет возможность обострения межконфессиональных конфликтов в Ливане, где насчитывается 18 конфессиональных общин, но и усиливает внутреннюю напряженность в стране. Ситуация обострилась настолько, что правительство Ливана в октябре этого года обратилось к государствам Запада с просьбой принять у себя часть сирийских беженцев. Германия уже дала на это согласие.

Приток беженцев ложится тяжким бременем на государственную казну Ливана, поступления в которую резко снизились за последние годы. Многие ливанцы эмигрируют из-за растущей стоимости жизни⁷.

У Сирии в Ливане имеются жизненно важные экономические интересы. Так, бейрутский порт служит основным перевалочным пунктом при поставке сирийских товаров за границу; в Ливане трудится огромное количество сирийских рабочих, которые переводят деньги на родину.

В Дамаске, так же как и в Иране, и в Ливане, продолжают считать, что главной причиной нападков на Сирию является желание разрушить антиизраильскую ось сопротивления. В то же время на Западе некоторые эксперты считают, что надо готовиться к десятилетию нестабильности в Сирии по примеру Ливана 80-х гг. прошлого века. Так, в мае 2014 г. именно крупномасштабное вмешательство ливанской «Хезболлы» переломило ход гражданской войны в Сирии в решающий момент, когда инициатива была полностью на стороне оппозиции. Лидер «Хезболлы» Хасан Насралла заявил тогда, что, по его мнению, «фаза свержения режима и разрушения государства закончена... мы преодолели риск распада Сирии»⁸. И действительно, спустя месяц Башар Асад был переизбран на пост президента. Однако, вопреки надеждам Х. Насраллы, эти победы не поставили точку в войне. Да, контроль Дамаска над центром страны усилился, сирийская армия добилась ряда успехов на границе с Ливаном и в провинции Хомс, но большинство районов Северной Сирии продолжают контролировать различные суннитские вооруженные группировки, среди которых на первый план вышло так называемое «Исламское государство». Оно объявило о создании халифата. Эта суннитская группировка ведет яростную борьбу за расширение подконтрольной ей территории, которая уже и теперь достаточно обширна.

Поскольку эта региональная война происходит недалеко от ливанской границы и поддерживается радикальными ливанскими суннитами, то Ливан, естественно, напряженно следит за ее ходом. «Хезболла» с помощью сирийских спецслужб пытается перекрывать каналы транзита оружия из Ливана сирийским боевикам. Те, в свою очередь, утверждают, что на территории Сирии действуют четыре батальона «Хезболлы». Отметим, что «Хезболла» существует и как политическая партия, и имеет под тем же названием боевую организацию, не подчиняющуюся государственной власти (этой привилегии она добилась в подписанных Таифских соглашениях). Ливанские шииты не могут оборвать связей с Сирией, так как в случае падения Асада и прихода к власти суннитских радикалов они окажутся в окружении врагов-суннитов. А их активно поддерживает Саудовская Аравия, увеличивая объем инвестиций в Ливан⁹.

Движение «Амаль» сейчас стало более умеренным и выступает за национальное единство и равноправие всех граждан страны. Оно так же, как и «Хезболла», ориентируется на Сирию. Через эти партии и их боевые отряды Сирия постоянно поддерживает напряженность в районе ливано-израильской границы. Популярность «Хезболлы» в Ливане, стремящейся установить в стране «исламский порядок», в большой степени основывается на том, что

она ведет активную социальную работу среди населения, особенно наименее обеспеченного. В итоге в 2011 г. эта партия получила 57 мест из 128 в ливанском парламенте и стала оказывать еще большее влияние на власти страны и проводимую ими политику¹⁰.

На парламентских выборах 2009 г. «Хезболла» возглавила «Коалицию 8 марта», в которую вошли Свободное патриотическое движение Мишеля Ауна, движение «Амаль», светская Сирийская национально-социалистическая партия и Демократическая партия Ливана.

Ливан как страна, зависимая от внешнего влияния и от региональной конъюнктуры, в результате сирийского кризиса фактически раскололась на два лагеря: «Коалиция 8 марта» стоит на стороне режима Асада, а другое объединение — «Движение 14 марта» — поддерживает суннитских боевиков в Сирии.

Учитывая многоконфессиональную конструкцию властных институтов страны, где президентом является христианин-маронит, премьер-министром — мусульманин-суннит, а председателем парламента — мусульманин-шиит, пост министра обороны традиционно достается другу, а министра просвещения — православному, в Ливане не может сформироваться едиличный режим, и трудно представить себе восстание по типу ливийского или египетского. Ситуация в Ливане напрямую зависит от исхода борьбы в Сирии. Иракский конфликт также косвенно влияет на нее. В случае падения режима Б. Асада в Сирии и прихода там к власти радикально настроенных суннитов, шиитско-суннитский конфликт внутри Ливана резко обострится, марониты и друзы, скорее всего, также вступят в борьбу с шиитами. И тогда здесь снова может произойти новая гражданская война.

Несколько слов о ливанских христианах-маронитах, монофелитском течении. Сейчас они составляют около 25% населения, их численность достигает примерно 700 тыс. человек. (При этом численность суннитов оценивается в 25–28%, а шиитов — в 28–35%¹¹.) Маронитская община традиционно играет важную роль в ливанской политике. Ее представители участвуют в деятельности практически всех общественно-политических сил, и это создает весьма непростую ситуацию внутри страны. Устойчивость позиций маронитов обеспечивается тесной связью с маронитской эмиграцией, маронитской оппозиции в самом Ливане и маронитской церковью. В то же время часть маронитов тесно сотрудничала с сирийским руководством (партия «Катаиб» Жмайеля), другая партия «Марада» (возглавляемая родом Франжье) жестко конкурировала с ней. Консенсуса внутри христианской общины нет до сих пор. Радикальные политические настроения выражают организации «Ливанские силы» и «Стражи кедра».

В результате маронитская община утрачивает прежнюю политическую инициативу и теряет наработанные преимущества в межконфессиональной конкуренции¹².

Возвратившийся из долгой эмиграции во Францию генерал Мишель Аун играет значительную роль во внутренней политике страны. Он сотрудничает с различными силами, в том числе с «Партией Аллаха». Ему противостоит

другой маронитский лидер, возглавляющий «Ливанские силы», Самир Джаджаа, который настроен резко антисирийски (и проведенный по этой причине 10-летний срок в тюрьме)¹³. В последнее время руководство «Ливанских сил» призывало к «правильному осмыслению итогов гражданской войны, к национальному диалогу» и политическим преобразованиям.

В глазах рядовых ливанцев, считает исследователь П.А. Рассадин, М. Аун является символом секуляризированного ливанского национализма, явления пока достаточно редкого. Он выступает за деконфессионализацию Ливана. Кроме христианской общины, он популярен и среди мусульман. Кстати, целый ряд ливанских партий включает людей самых разных конфессий. От взаимоотношений группировок маронитов во многом зависит внутривнутриполитическая ситуация в Ливане. Во многом, но далеко не во всем.

Поскольку на Ближнем Востоке продолжают то затухающий, то вспыхивающий вновь палестино-израильский конфликт, с одной стороны, и внутрисирийская разрушительная война, перспективы которой туманны, — с другой, Ливану для поддержания политической стабильности потребуется еще больше политического искусства, гибкости, прагматичного расчета и поиска новых, современных и эффективных форм государственного и общественного устройства. С развитием капиталистических отношений, в условиях экономического роста в мирные периоды жизни страны, «общинный дух» стал понемногу уходить в прошлое и отступать перед новыми условиями сосуществования различных общин¹⁴. Очевидно, что необходимо дальнейшее преодоление барьеров между конфессиями и создание конкурентной борьбы между людьми.

На нынешнем этапе не произошло полного демонтажа конфессиональной системы, можно говорить лишь о ее модернизации. По-видимому, религиозные общины еще в течение долгого времени будут сохранять определенный статус и влияние. Формирование гражданской идентичности ливанцев будет идти параллельно конфессиональной, так как она является важнейшей составной частью их национального самосознания.

Можно согласиться с директором Ливанского центра политологических исследований Сами Аталлахом, который считает, что ситуация в Ливане будет «ухудшаться до тех пор, пока сирийский кризис не закончится или не будет каким-то образом урегулирован... Это может занять несколько месяцев или несколько лет, в зависимости от того, как будет развиваться сближение между Ираном и США и как различные игроки, вроде Саудовской Аравии и Израйя, решат воспринять это»¹⁵.

Некоторые ливанцы полагают, что длящийся конфликт вообще не имеет никакого решения, что одни проблемы порождают другие проблемы.

Однако экономика Ливана, несмотря на все катаклизмы, остается довольно динамичной и диверсифицированной. Ее развитию мешают главным образом большой внешний долг, коррупция и конфликтная ситуация в обществе. В случае прекращения сирийского конфликта и удержания ситуации в рамках региона ливанское правительство могло бы проявить политическую

волю, провести реформы, что дало бы экономике перспективы развития. Главное — предотвратить угрозу новой гражданской войны.

Примечания

- ¹ Хисамов Р. Религиозные общины Ливана и их влияние на политическую жизнь страны. http://www.islam-today.ru/politika/religioznye_obshini_livana...
- ² Дрягунов К. В борьбе за Ливан. rossiyanavsegda.ru/read/632
- ³ <http://www.arabpress.net.ua/node/2877>
- ⁴ Дрягунов К. В борьбе за Ливан. rossiyanavsegda.ru/read/632
- ⁵ Российская газета. 28.05.2013.
- ⁶ <http://www.arabpress.net.ua/node/2877>
- ⁷ Хисамов Р. Ливан-Сирия: общая граница — общее будущее. 16 ноября 2013 г. <http://www.islam-today.ru/liban-siria-obscaa-granica-obscse-budusce>
- ⁸ Там же.
- ⁹ Дрягунов К. В борьбе за Ливан. 05.02.2013. <http://www.rossiyanavsegda.ru/read/632>
- ¹⁰ <http://www.arabpress.net.ua/node/2877>
- ¹¹ Там же (друзов 280–400 тыс., исмаилитов — 5%, православных — ок. 7%).
- ¹² Рассадин П.А. Конфессиональные меньшинства в общественно-политической жизни Сирии и Ливана: Автореф. канд. дисс. М., 2011. <http://www.dissercat.com/content...>
- ¹³ Рассадин П.А. Маронитский фактор в современном Ливане. 29 апреля 2005 г. <http://www.iimes.ru/?p=3601>
- ¹⁴ Хисамов Р. Религиозные общины Ливана и их влияние на политическую жизнь страны. http://islam-today.ru/politika/religioznye_obshini_livana
- ¹⁵ Там же.

Раздел VI

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ

*И.И. Иванова**

ТУРЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: КОНЦЕПЦИИ РЕАГИРОВАНИЯ НА ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ

Резюме. В статье рассматриваются актуальные проблемы турецкой ближневосточной после «арабской весны». Турция, будучи региональной влиятельной державой, должна проводить «проактивную политику» в связи с кризисом в отношениях с Сирией, Ираком, Израилем и Египтом. Таким образом, «доктрина стратегической глубины» не соответствует меняющейся ближневосточной ситуации.

Ключевые слова: Ближний Восток, турецко-сирийские отношения, турецко-египетские отношения, ИГИЛ.

Summary. The article deals with the actual problems in the Turkish Middle East policy after « the Arab Spring». Turkey being a «regional governing power» has to pursue a «proactive policy» and endures crisis in relations with Syria, Iraq, Israel and Egypt. Thus the «doctrine of strategic depth» doesn't correspond with the changing Middle East situation.

Tags: Middle East, Turkish-Syrian relations, Turkish-Egyptian relations, ISIS.

В результате «арабской весны» политическая карта и ситуация на Ближнем Востоке резко поменялась. Волна социальных протестов, прокатившихся по странам Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе сопровождавшихся внешним вмешательством, уход с арены одних и приход к власти других политических сил привели к глубокой трансформации арабских обществ, изменили геополитическую конфигурацию региона, повысив его место на шкале внешнеполитических приоритетов региональных и глобальных игроков.

Для Турции эта волна социальных протестов стала полной неожиданностью. В течение 2011–2012 гг. можно было наблюдать, как внешнеполитический курс Анкары колебался между двумя взаимоисключающими альтернативами — продвижением демократических ценностей и защитой своих интересов. Этими идеологическими метаниями во многом объясняются и достаточно резкие смены официальной позиции Анкары, и очевидные различия в подходах к событиям в ключевых странах региона — Египте, Ливии, Сирии, Ираке. Доктрина «стратегической глубины» и установка на «ноль проблем с соседями» оказалась не соответствующей быстро меняющейся ближневосточной ситуации.

Выстраивается следующая картина — Турция переживает серьезный кризис в отношениях с Дамаском, Тегераном, Багдадом, Тель-Авивом (а с лета

* Иванова Инесса Ильинична, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

2013 г. — и с Каиром), и эта ситуация ведет к тому, что может полностью закрыться южный фланг страны, «пережиты большие экономические и политические потери и созданы высокие политические риски»¹.

В последние годы турецкая ближневосточная политика связана с тем, как позиционирует себя страна в регионе. А это выражается в том, что Анкара рассматривает себя в ближневосточных событиях не просто в качестве «региональной силы», а в качестве «региональной господствующей силы», позиционируя себя как «центральную страну региона», и таким образом вынуждена проводить «проактивную политику»².

Правительство Р.Т. Эрдогана резко осудило свержение президента Египта М. Мурси (3 июля 2013 г.), роль египетской армии в его свержении и охарактеризовало эти события как государственный переворот. Более того, турецкое правительство призывало своих союзников, особенно западных, оказать политическое давление на новый режим в Египте. Однако этот призыв был проигнорирован региональными и западными союзниками. Близкая к правительству Турции газета «Йени Шафак» опубликовала жесткую статью против лидеров Саудовской Аравии, Кувейта, Иордании, а также лидера Палестинской автономии М. Аббаса, назвав их «осью зла» на Ближнем Востоке³.

Заместитель премьер-министра Б. Боздаг обрушился с критикой в адрес Совета арабского сотрудничества стран Персидского залива в связи с тем, что он не выступил с решительным осуждением переворота в Египте и устранения от власти Мурси и «братьев-мусульман»⁴.

После ухода с политической арены в Египте «братьев-мусульман» прекратила свое существование созданная на Ближнем Востоке «ось Турция — Египет», которая должна была, по мнению турецкого руководства, стать одним из сильнейших союзов в регионе. И после М. Мурси у Турции не осталось потенциального союзника⁵.

Вместе с тем усилилась критика в адрес Эрдогана ряда оппозиционных турецких партий, которые утверждали, что правительство не служит национальным интересам, а, напротив, «стремится осуществить личные мечты премьер-министра относительно создания идеальной исламской формы правления»⁶.

Турция лишилась самого важного союзника на Ближнем Востоке и оказалась в одиночестве среди сложных региональных балансировок. В то время как региональные партнеры Турции — Катар и Саудовская Аравия — рукоплещут, по словам турецких СМИ, новому египетскому руководству, турецкая сторона рассматривает происходящее с противоположных позиций⁷.

Турция и сирийский кризис

Начиная со второй половины 2011 г. турецкое руководство проводило политику, направленную на свержение режима Б. Асада и поддержку сирийской оппозиции.

В октябре 2011 г. в Стамбуле был сформирован Сирийский национальный совет (СНС), целью которого являлось отстранение Б. Асада от власти. Лидеры сирийской оппозиции призвали мировое сообщество признать СНС

единственным легитимным представителем сирийского народа. Фактически СНС допускал возможность внешнего вооруженного вмешательства.

Чрезмерная вовлеченность Анкары в сирийские дела, поддержка оппозиции в совокупности с претензиями на лидерство в регионе привели к тому, что турецкая дипломатия оказалась в трудном положении. На фоне ухудшений отношений с соседними странами происходила внутренняя неудовлетворенность внешнеполитическим курсом правительства. В таком случае правительству поневоле пришлось задуматься над корректировкой своего курса. Турция поддержала египетскую инициативу по Сирии: предложение о четырехсторонних переговорах с участием Турции, Ирана и Саудовской Аравии, но эта инициатива была блокирована Саудовской Аравией, которая отказалась присутствовать на четырехсторонних встречах ввиду противоречий с Ираном.

По мере расширения внутрисирийского кризиса для Турции создается новая опасная ситуация. В приграничном с Турцией районе сирийский город Азас перешел в сентябре 2013 г. в руки так называемого «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), имеющего на тот период связи с «Аль-Каидой». Начались столкновения между Свободной сирийской армией (ССА), активно поддерживаемой Турцией, и ИГИЛ⁸.

В сущности, ССА для борьбы с режимом Асада ставила целью собрать в своих рядах различных борцов. А теперь стало очевидным, что группы, связанные с «Аль-Каидой», начали действовать самостоятельно и имеют свои собственные цели. И ситуация складывалась таким образом, что, с одной стороны, продолжались столкновения между ССА и армией Асада, а с другой — между исламистами и сирийскими курдами, а также между ССА и исламистами. Таким образом, «захват связанными с «Аль-Каидой» группами стратегических позиций на границе с Турцией создает для нее опасную с точки зрения безопасности ситуацию».

Очевидно, что к 2014 г. «сирийская оппозиция» оказалась практически расколотой, и радикальный исламский сектор взял инициативу в свои руки. США включили группировку «Джабхат аль-Нусра» в список террористических организаций и приостановили поставку оппозиции оружия. Однако большинство сирийского народа и международная коалиция не могут принять тот факт, что радикальные исламские группировки позиционируют себя как альтернативу режиму Асада и чтобы «Аль-Каида» базировалась в этом стратегическом регионе⁹.

После вывода американских войск из Ирака в 2010 г. турецко-иракский диалог был прерван, кризис в отношениях приобретал все большие масштабы. Причины подобного ухудшения отношений можно обозначить следующим образом. В конце 2010 г. премьер-министром Ирака стал шиит Нури аль-Малики, который стал проводить враждебную политику в отношении суннитов. Он обвинил вице-президента суннита Тарика аль Хашими в террористической деятельности и попытался отдать его под судебное расследование. Хашими смог найти убежище вначале в Иракском Курдистане у Масуда Барзани, затем уехал в Катар, а потом прибыл в Турцию, где турецкое

правительство предоставило ему политическое убежище и оказало активную дипломатическую поддержку. Турция также отвергла требование Малики о возвращении суннитского политического деятеля через Интерпол.

Другой причиной обострения отношений стало развитие тесных связей Турции с Иракской курдской автономией, а также соглашения (в том числе и в области энергетики), подписанные напрямую между Анкарой и столицей курдской автономии Эрбилем. Правительство Ирака подвергло резкой критике не согласованный с Багдадом визит главы МИД Турции А. Давутоглу в Киркук через Эрбиль в августе 2012 г., назвав его «грубым вмешательством» во внутренние дела Ирака¹⁰.

После вывода американских войск из Ирака наблюдается отход Турции от принципа «равноудаленности» от всех этноконфессиональных групп Ирака. Перенос фокуса внимания Анкары с Багдада на Эрбиль также свидетельствует о принципиальных изменениях в подходе Турции к развитию отношений с Ираком. Вовлечение Турции в конфессиональные и этнические конфликты в Ираке отражает общую тенденцию развития ближневосточной политики Анкары и в значительной степени обусловлено ситуацией в регионе. В то же время данная тенденция сужала возможности Анкары на иракском направлении и усиливала в турецком обществе дискуссию о верности внешнеполитического курса правящей партии¹¹.

Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) и Турция

В начале 2014 г. можно было говорить об известной нормализации турецко-иракских отношений, однако появление на политической карте Ближнего Востока так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), осуществившего агрессию в Мосул в июне 2014 г., создало серьезную угрозу всему комплексу международных отношений в регионе.

Турция оказалась в чрезвычайно сложной ситуации. 10 июня 2014 г. генеральное консульство Турции в Мосуле подверглось нападению боевиков ИГИЛ, генеральный консул и сотрудники консульства вместе с семьями были взяты в заложники. Западные СМИ подвергли критике правительство Турции за участие в создании хаоса, в котором пребывает Ирак.

Турция оказалась перед дилеммой: с одной стороны, она должна поддерживать антиавторитарные массовые движения в Сирии и других странах региона, с другой — ей необходимо одержать победу над новым региональным врагом — радикальными исламистами — или, во всяком случае, не позволить этому врагу победить. Сейчас, когда ИГИЛ набирает силу, расширение радикальных движений в Сирии и Ираке становится необратимым¹².

С начала августа 2014 г. США начали расширять воздушную войну против джихадистов «Исламского государства» в Ираке и готовиться к распространению её на территорию Сирии вопреки протестам Дамаска. Для этого была начата дипломатическая кампания по формированию коалиции союзников — западных и региональных стран. В неё предположительно должны были войти Великобритания, Австралия, Турция, Иордания, Катар, Саудов-

ская Аравия, ОАЭ. Союзники должны были усилить поддержку сирийской позиции.

Очевидно, что в процессе формирования международной коалиции против джихадистов «Исламского государства» в августе 2014 г. Турция высказывалась очень положительно о возможности международного консенсуса и решимости в создании фронта против ИГИЛ.

Однако выдвигались и соображения, по которым Турция занимала особую позицию. В то время когда мировое сообщество выступает на словах и на деле против ИГИЛ, Анкара была вынуждена проводить очень осторожную и сдержанную политику. И основная причина этого — 49 турецких заложников, взятых джихадистами в турецком консульстве в Мосуле. Поэтому, отмечалось в турецкой прессе, не может быть и речи о том, чтобы Турция принимала участие в борьбе против ИГ совместно с союзниками¹³.

В середине сентября 2014 г. в Джидде (Саудовская Аравия) состоялась встреча представителей США, Турции, Египта, Иордании, Бахрейна, Ирака, Кувейта, Ливана, Омана, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов. В ходе заседания было принято коммюнике, в котором осуждалась идеология ИГИЛ. Были привлечены финансовые средства в борьбе с этой организацией. 10 арабских стран, подписавших коммюнике, приняли решение об участии в военной операции против ИГИЛ¹⁴.

Турция не подписала декларацию в Джидде. Премьер-министр Турции А. Давутоглу и президент Р.Т. Эрдоган воздержались от жестких высказываний, связанных с ИГИЛ. Эрдоган заявил следующее: «Пусть никто не требует от нас провокаций в отношении ИГИЛ. В руках ИГИЛ 49 наших соотечественников». Он подчеркнул, что Турция как член НАТО участвует в коалиции против ИГИЛ, но, несмотря на это, не будет участвовать в какой-либо военной операции против организации джихадистов¹⁵.

После освобождения от 101-дневного пребывания в заложниках ИГИЛ 49 сотрудников турецкого генерального консульства в Мосуле 19 сентября 2014 г. турецкий вице-премьер Б. Арынч утверждал, что «страна смогла сдать очень важный экзамен»¹⁶. Многие эксперты задавались важным вопросом «Что дальше?». Означает ли это что Турция теперь «полноценно» присоединится к международной коалиции, поскольку на этом пути устранены формальные препятствия?

Рассуждая о ближневосточной политике Турции, турецкий политолог М. Тезкан указывает, что «занять место в операциях, направленных против исламского мира, — значит привести к краху эту политику. Хотя она уже давно провалилась и “ноль проблем с соседями” свелся к нулю. Нужно вновь пересмотреть ближневосточную политику, отношения с Ираком, Сирией, Египтом, Саудовской Аравией. Отказаться от иллюзии свержения Асада». В коалиции против ИГИЛ о своем участии заявили 40 государств, и одно из них Египет. Президент Египта ас-Сиси заявил: «Что необходимо, мы сделаем. И если Турция присоединится к коалиции, Каир и Анкара, Сиси и Эрдоган встретятся в одном союзе»¹⁷.

Ситуация о возможном участии Турции в коалиции против ИГИЛ изменилась после пребывания президента Р.Т. Эрдогана в США на Генеральной Ассамблее ООН. В заявлении для прессы он указал, что «борьба с террористической организацией в регионе нами рассматривается в позитивном ключе. Нужно решительно продолжить эту дорожную карту». На вопрос, можно ли ожидать от Турции военной поддержки, он ответил, что поддержка охватит все аспекты, включая военный и политический¹⁸.

В интервью известному американскому телекомментатору Чарли Роузу Эрдоган подчеркнул, что провозгласившая халифат и называющая себя исламским государством ИГИЛ является террористической организацией, а не государством, и что Турция в рамках своего опыта сделает все возможное в борьбе с этой организацией. Вместе с тем он подчеркнул, что именно «Асад создал благоприятную обстановку для ИГИЛ» и что необходимо создать буферную зону для осуществления гуманитарной и логистической помощи¹⁹.

По возвращении из Нью-Йорка Эрдоган заявил, что Турция приняла в отношении ИГИЛ новую дорожную карту, и это стало возможным благодаря освобождению заложников. И новая стратегия Анкары предусматривает участие в коалиции под руководством США²⁰.

Турецкие СМИ выделили несколько причин принятия новой стратегии:

— Турция — страна, которая несет наибольший ущерб в связи с операциями ИГИЛ. И в первую очередь — это вопрос беженцев. А также серьезные угрозы с точки зрения внутренней и внешней безопасности страны. Вывести ИГИЛ из строя возможно только в рамках международного сотрудничества. Поэтому условием для Турции является нахождение в рядах коалиции и ведение борьбы совместно с союзниками;

— если Турция останется вне коалиции, она окажется в изоляции, её влияние ослабнет. А между тем внешняя политика Турции нацелена на упрочнение ведущей региональной и даже глобальной роли. Турецкая дипломатия может продемонстрировать эту свою роль и влияние только в рядах коалиции;

— результатом сирийского кризиса стала проблема беженцев. Полтора миллиона беженцев, расходы в 4,5 млрд долл. и серьезные социальные проблемы. Продолжающаяся проблема беженцев делает необходимыми «зоны безопасности», а это можно сделать лишь в тесном сотрудничестве с коалицией;

— Турция, предпринимая меры против ИГИЛ, должна вносить свой военный вклад в рамках коалиции. И Анкара, как региональная сила и союзник НАТО, не может избежать подобной ответственности;

— и наконец, правительство уверено, что решение проблем ИГИЛ и подобных террористических движений возможно лишь при уничтожении её с корнем. И в этой связи оно настаивает на создании новых режимов в Сирии и Ираке. А это тоже возможно лишь в солидарности с коалицией²¹.

После принятия турецким меджлисом закона о полномочиях, разрешающего турецким вооруженным силам проводить трансграничные операции в отношении Сирии и Ирака, на Турцию усилилось давление со стороны США и

Германии в отношении создания единого фронта ближневосточных стран для борьбы с ИГИЛ. И наконец, под нажимом США Турция позволила ирако-курдским пешмерга и военным ССА пройти через её территорию для борьбы с ИГИЛ в Кобани. США и коалиция выразили удовлетворение приходом сил сухопутных подразделений извне. В обстановке, когда ни одна страна, в первую очередь США и в том числе Турция, не желает посылать на фронт своих военных, решимость ССА и иракских курдов участвовать в военных действиях считается шагом вперед в борьбе с ИГИЛ²².

Вместе с тем турецкое руководство, принимая решение о прохождении иракских пешмерга, руководствовалось следующими соображениями. Партия демократический союз (ПДС), созданная в Сирии в 2003 г. и контролирующая ряд регионов на севере Сирии как террористическая организация, поддерживала связи с Рабочей партией Курдистана. Поэтому Анкара выступила против контроля над Кобани, собственно, как ИГИЛ, так и ПДС.

В этой связи Эрдоган заявил Обаме о том, что он не хочет, чтобы ПДС оказывалась помощь, но он готов оказать содействие в отправке на фронт частей пешмерга. И это с целью воспрепятствовать тому, чтобы Кобани полностью не перешел под контроль ПДС²³.

Своего рода итогом стали результаты голосования в ООН об избрании Турции в качестве непостоянного члена СБ ООН.

16 октября 2014 г. в Нью-Йорке Генеральная Ассамблея ООН выбрала пять новых непостоянных членов Совета Безопасности, полномочия которых продлятся два года. Турция в голосовании вела борьбу с Испанией и Новой Зеландией. Наблюдатели отмечали, что в наименее выгодном положении находилась Новая Зеландия. Испанию могли поддержать страны Евросоюза, а Турцию исламские и африканские страны.

Поскольку голосование является тайным, страны проводят масштабные кампании по лоббированию своих кандидатур. Ведь любой стране, которая хочет войти в СБ, нужно набрать не менее двух третей голосов всех присутствующих членов Ассамблеи, то есть 129 голосов в случае наличия всех 193 участников. Турция получила лишь 60 голосов. (А между тем на голосовании 2008 г. Турция смогла получить в ООН 151 голос.)

Результатом подобного голосования 2014 г. стало изменение восприятия Турции в руководстве ряда стран. Профессор Анкарского университета Ч. Эрхан указывает, что с 2009 г. отношения Турции с государствами Ближнего Востока пережили драматические перемены, сопровождавшиеся отзывом послов из Израиля, Сирии и Египта, а также осложнениями отношений со многими арабскими странами — от Ливана до Объединенных Арабских Эмиратов. Руководство этих стран, в отличие от голосования 2008 г., не отдало Турции свои голоса²⁴

После «арабской весны» руководство ПСР заняло позицию, которую оно характеризовало как «принципиальную, выступило против угнетения и деспотизма. Однако руководство не ограничилось лишь демонстрацией этой позиции, старалось направлять страны, которые являлись ареной внутренних столкновений, и стало соучастником во внутренних конфликтах. Турция ор-

ганизовала и поддержала силы, направленные на свержение режима Асада в Египте, заняла жесткую позицию в отношении администрации Сиси и продолжает защищать свергнутый режим Мурси. А это привело к удалению от Турции Саудовской Аравии и стран Залива, ведущих борьбу против “братьев-мусульман”²⁵.

В сентябре 2014 г. намечилось некоторое сближение между Анкарой и Каиром в рамках запланированной встречи в ООН министров иностранных дел двух стран. Однако жесткое выступление президента Эрдогана на Генеральной Ассамблее ООН и его резкие высказывания в адрес египетского режима привело к отмене данной встречи. Поэтому тот факт, что Турция потеряла в регионе симпатии и поддержку, пишет Ч. Эрхан, имеет свои причины. И для более реалистичной политики пришло время определить, какие ошибки сделаны в последний период²⁶.

В интервью ББС в середине октября 2014 г. премьер-министр Турции А. Давутоглу указал следующее: «Имеются три группы, которые мы не хотим видеть на наших границах: сирийский режим, ИГИЛ и Рабочая партия Курдистана. Все они наши враги». Отвечая на вопрос о возможных наземных операциях Турции, Давутоглу подчеркнул, что если другие страны заявляют неоднократно, что не хотят отправлять свои наземные подразделения против ИГИЛ, то как они могут ждать, что Турция может взять на себя такой риск и отправить подразделения. Турецкий премьер-министр также предложил использование базы Инжирлик в увязке борьбы против ИГИЛ и сил Асада.

В качестве сил, которые могут противостоять ИГИЛ, в Кобани он сделал акцент на пешмерга, которые он рассматривает конституционно как часть иракской армии и Свободной сирийской армии, и указал, что Турция готова оказать помощь пешмерга и ССА²⁷.

В конце ноября 2014 г. вице-президент США Джо Байден посетил Турцию, где провел переговоры с президентом Р.Т. Эрдоганом и премьер-министром А. Давутоглу. Ключевой темой стало расширение участия Турции в возглавляемой Вашингтоном международной коалиции по борьбе с воюющей в Ираке и Сирии террористической группировкой «Исламское государство», а также перспективы смены сирийского режима — на этом настаивают в Анкаре.

Главной темой, которую вице-президент США обсуждал с турецким руководством, была ситуация в Сирии, где Вашингтон и его союзники ведут борьбу с радикалами из группировки «Исламское государство». Формально Турция примкнула к коалиции в начале октября — после того, как правительство получило соответствующее разрешение парламента. Но формат, в котором Анкара готова участвовать в операции, неясен.

Едва ли не ключевое противоречие двух государств состоит в отношении к сирийскому режиму. Турция ставит во главу угла вопрос о пребывании у власти Б. Асада, для Вашингтона же приоритет — борьба с исламскими радикалами, — подчеркивает доцент турецкого Университета экономики и технологий Тогрул Исмаил²⁸. Байден и Эрдоган так и не смогли договориться о

сотрудничестве в решении сирийского вопроса. Не было сделано ни одного конкретного заявления, указывающего, что стороны сблизили свои позиции.

Таким образом в октябре–декабре 2014 г. отчетливо проявились разногласия между Турцией и США по сирийскому вопросу, ИГИЛ и Рабочей партии Курдистана. Турция не дала разрешение американским самолетам взлетать для боевых операций с турецких баз в направлении Кобани (Сирия), окруженного ИГИЛ. Несмотря на призывы США, Турция воздержалась от военного вмешательства против ИГИЛ. Анкара заявила, что не может быть и речи о её военном вмешательстве в Сирии в одностороннем порядке, однако она готова присоединиться к совместной военной операции по созданию в Сирии буферной бесполетной зоны. США, в свою очередь, отвергали идею подобной зоны. Вашингтон продолжал с воздуха поставлять военное оборудование сражающимся против ИГИЛ бойцам Партии демократический союз, которая в Турции рассматривается как крыло РПК. Боевиков ПДС и РПК, официально названных в Турции террористами, американские СМИ представляли как героев.

А между тем Анкара испытывала большую тревогу в связи с тем, что передаваемое бойцам ПДС оружие может в дальнейшем быть использовано против Турции, а вероятное провозглашение Демократической партией Курдистана в одностороннем порядке независимого кантона на севере Сирии может быть признано на международной арене и станет примером для создания на севере Ирана похожего образования²⁹.

В целом основной причиной напряженности турецко-американских отношений, подчеркивает турецкий ученый Х. Кесебалабан, является Сирия: «Несмотря на то что Турция настаивает на том, чтобы сделать основной целью Асада, США не меняют свою нерешительную позицию и стратегию без стратегии»³⁰.

Премьер-министр А. Давутоглу, заявляя о том, что «мы не хотим видеть на нашей границе Асада, ИГИЛ и РПК», подчеркивает, что рассматривает все эти три элемента в одинаковой категории. Однако начальник американского Генштаба Мартин Демпси указал, что данная ему задача — не свержение Асада, а уничтожение ИГИЛ³¹. Кесебалабан указывает, что уничтожение ИГИЛ за счет существующей плотности воздушных налетов — нереальная цель. Воздушные налеты низкой плотности обходятся США в 7–10 млн долл. ежедневно, и их общая стоимость уже приблизилась к 1 млрд долл. Воздушные операции высокой плотности обойдутся для США в 350–500 млн долл. в месяц, а в сочетании с неизбежной наземной операцией составят 1,1–1,8 млрд долл., и для администрации Обамы представляется невозможным взять на себя такую стоимость и риски³².

Таковы основные подходы Турции к событиям в регионе и взаимодействию с участниками этих событий к 2015 г., и делать в настоящее время какие-либо прогнозы в отношении происходящих процессов представляется преждевременным.

Примечания

- 1 www.ankarastrateji.org/yazar/pr.dr-erol/Turkuye-ortadogu.
- 2 Ibid.
- 3 [www.fpf.org/turkey-middle East realignment](http://www.fpf.org/turkey-middle%20East%20realignment). 23.10.2013.
- 4 Ibid.
- 5 www.yenicaggazetesi.com.tr/haberler.
- 6 [www.internationalpolicydigest.org/2013/08/13.turkey-fading-middle east-policy](http://www.internationalpolicydigest.org/2013/08/13.turkey-fading-middle-east-policy).
- 7 www.yenicaggazetesi.com.tr/haber/08.07.2013
- 8 Milliyet. 20.09.2013.
- 9 Milliyet. 29.09.2013.
- 10 www.policyleaders.org/documents. 2013. M. Ozan. Milliyet. 07.12.2013.
- 11 Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., 2014. С. 428–429.
- 12 Там же.
- 13 Milliyet. 19.08.2014.
- 14 [www.birgan.net/news/view/turkiy-neyi-imzalamadi-13 eylul-2014/cumartesi](http://www.birgan.net/news/view/turkiy-neyi-imzalamadi-13%20eylul-2014/cumartesi).
- 15 Ibid.
- 16 www.carex.ru/articles/50845.html
- 17 Ibid.
- 18 [gündem, bugün.com.tr.cumhurbaşıkan — erdogandanisid — sozu — haber/127113](http://gundem.bugun.com.tr/cumhurba%C5%9Fkan-erdogandanisid-sozu-haber/127113)
- 19 [www.aksam.com/tr/siyaset/erdogan — charlie — rosea konustu/haber/340916](http://www.aksam.com.tr/siyaset/erdogan-charlie-rosea-konustu/haber/340916). 23.09.2014.
- 20 Ibid. 30.09.2014.
- 21 Milliyet. 30.09.2014.
- 22 Milliyet. 31.10.2014.
- 23 Milliyet. 31.10.2014.
- 24 Pr. D. Ça. Erhan. Türkiye Güvenlik Konsey: Üyeligine neden seçilmedi. Türkiye. 19.10.2014.
- 25 Milliyet. 21.10.2014.
- 26 Türkiye. 19.10.2014.
- 27 <http://www.trthaber.com/haber-gundem/davutoglu-bbcye-konustu-149331.html>.
- 28 [http://www.kommersant.ru/doc. 2617765](http://www.kommersant.ru/doc/2617765).
- 29 www.aljarcera.com/tr/gorus/isidengolgesinde-turk-american-iliskilere. 21.11.2014.
- 30 Ibid.
- 31 Ibid.
- 32 Ibid.

*И.А. Свистунова**

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ С ИРАКСКИМ КУРДИСТАНОМ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТУРЦИИ

Резюме. Активное развитие сотрудничества Турции с Иракским Курдистаном является одним из новых направлений турецкой внешнеполитической стратегии последних лет. Отношения Анкары с иракскими курдами оказывают влияние на общественное мнение Турции, в которой идет процесс трансформации понятия национальной идентичности в связи с попытками решения курдского вопроса.

Ключевые слова: Турция, Ирак, Иракский Курдистан, внешняя политика Турции, курдская проблема, Ближний Восток.

Summary. Active development of cooperation between Turkey and Iraqi Kurdistan is one of the new directions of Turkish foreign policy of the last years. Relations between Ankara and Iraqi Kurds have their influence over public opinion in Turkey, which is going under the process of transformation of national identity conception in connection with the attempts to solve the Kurdish question.

Tags: Turkey, Iraq, Iraqi Kurdistan, Turkish foreign policy, Kurdish problem, Middle East.

Активное развитие отношений с Иракским Курдистаном является одним из новых направлений внешней политики Турции последних лет. Как известно, федеративное устройство Ирака представляет собой относительно новое явление государственно-политической архитектуры Ближнего Востока: оно было установлено Конституцией Ирака 2005 г. Вслед за этим начался процесс укрепления автономного статуса региона Курдистан и развития его связей с соседними странами, в первую очередь с Турцией. Особенность данной ситуации заключается в том, что отношения Анкары с иракскими курдами представляют собой не просто элемент турецкой внешнеполитической стратегии. Попытки правительства Партии справедливости и развития (ПСР) найти решение курдского вопроса определяют особое внимание турецкого общества к развитию связей между Турцией и Иракским Курдистаном. Политика Анкары на этом направлении неизбежно отражается в зеркале общественного мнения в Турции, участвуя в трансформации существовавшего многие десятилетия понятия национальной идентичности, в основе которого лежит закрепленная в конституции формула «каждый гражданин турецкого государства — турак»¹.

* Свистунова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

Современную турецкую стратегию развития отношений с Иракским Курдистаном можно разделить на несколько составляющих: политика, экономика и безопасность.

1. Политические контакты. Отношения Анкары с лидерами иракских курдов имеют длительную историю, уходя своими корнями в 1990-е гг., когда сложная военно-политическая ситуация в Ираке и обострение курдской проблемы в Турции определили необходимость таких контактов. Однако отношения турецкого руководства с иракскими курдами никогда не носили официального характера.

Новый статус, предоставленный Иракскому Курдистану Конституцией 2005 г., поставил Анкару перед необходимостью решить вопрос об официальных контактах с лидерами иракских курдов. Следует отметить, что для Турции решение данного вопроса представляло собою нелегкую задачу. С одной стороны, официальные отношения с иракскими курдами могли привести к росту сепаратизма в Турции и вызвать психологическое потрясение в турецком обществе. С другой стороны, игнорировать сложившуюся реальность было невозможно, так как это сужало сферу внешнеполитической активности Турции и ограничивало возможности развития отношений с Ираком.

На протяжении нескольких лет Анкара избегала официального признания нового статуса Иракского Курдистана и его руководства, несмотря на то что экономические связи между Турцией и регионом динамично развивались.

Поворотным моментом стал 2009 г., когда турецкое руководство признало необходимость поиска решения курдского вопроса в Турции². Осенью того же года состоялся первый визит министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу в столицу курдской автономии г. Эрбиль. Следующей вехой в развитии политических контактов между Анкарой и Эрбилем стал первый визит в Турцию президента Иракского Курдистана Масуда Барзани в июне 2010 г. В 2011 г. Эрбиль посетил премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган, принявший участие в церемонии открытия турецкого консульства.

Символическим событием стал визит Масуда Барзани в город Диярбакыр — административный центр одной из курдских провинций Турции в ноябре 2013 г. В Диярбакыре состоялась встреча М. Барзани с Р.Т. Эрдоганом, на которой присутствовали члены правительства Турции в полном составе.

В июле 2014 г. М. Барзани приезжал в Анкару, а в ноябре 2014 г. в Эрбиле побывал (уже в качестве премьер-министра Турции) А. Давутоглу. В свою очередь, премьер-министр Курдского автономного района Н. Барзани в 2014 г. побывал в Турции четыре раза (в марте, апреле, июне и июле).

В целом в последние годы официальные политические контакты между правительством Турции и руководством Иракского Курдистана приобрели регулярный характер, особенно часто посещают Анкару курдские министры.

2. Сфера экономики. Курдский регион является основным ареалом развития торгово-экономического сотрудничества между Турцией и Ираком. Это объясняется географической близостью, историческими связями и сравнительно более высоким уровнем безопасности на территории Иракского Курдистана, чем в других районах Ирака. Более 70% турецкого экспорта в Ирак остается в Иракском Курдистане³. (По официальным данным, в 2014 г. экс-

порт Турции в Ирак составил 10 896 млрд долл.⁴) Здесь же осуществляется до 80% строительных проектов с участием турецких подрядчиков на территории Ирака (общая стоимость этих проектов составляет 20,8 млрд долл.)⁵. По сообщению министра экономики Турции Нихата Зейбекчи, в 2013 г. 1210 турецких фирм вели деятельность в различных сферах на территории Курдского автономного района. Кроме того, там было зарегистрировано 300 местных компаний, созданных гражданами Турции⁶. Приблизительно 55–60% турецких компаний занимались строительством и стройматериалами, 30% — работали в сфере торговли (товары для дома и готовая одежда), оставшиеся 10–15% компаний — в прочих сферах (среди них — перевозки, логистика, туризм, отельное дело, реклама, поиск и добыча нефти, страхование и др.)⁷. В 2013 г. объем турецких инвестиций в регион был зафиксирован на уровне 700 млн долл.⁸. На территории курдской автономии действуют отделения пяти турецких банков (Зираат Банкасы, Вақыфбанк, Ишбанкасы, Банк Асья, Албарака). В марте 2014 г. было подписано соглашение о создании пяти дополнительных пунктов таможенного контроля на турецко-иракской границе (которая представляет собой границу Турции с Иракским Курдистаном), что будет способствовать расширению торгово-экономических связей между Анкарой и Эрбилем. По словам министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу, на территории Иракского Курдистана находится 110 тысяч турецких граждан⁹.

Отдельным направлением экономического сотрудничества между Турцией и Иракским Курдистаном является сфера энергетики. Необходимо отметить, что иракский экспорт в Турцию почти полностью формируется за счет продажи нефти, поступающей в Турцию по нефтепроводу Кирук — Юмурталык. Анкара, поставившая перед собой цель превратиться в международный энергетический хаб, уделяет большое внимание развитию отдельного энергетического сотрудничества с Иракским Курдистаном. В мае 2012 г. Анкара и Эрбиль, несмотря на возражения Багдада, заключили официальное соглашение о нефтяном сотрудничестве¹⁰. В соответствии с соглашением курды начали экспортировать в Турцию сырую нефть в автоцистернах, количество которых по плану должно было достигать от 100 до 200 в день¹¹.

Вслед за этим, несмотря на возражения иракского правительства, началось строительство неподконтрольного Багдаду нефтепровода, идущего от месторождений Курдского автономного района на территорию Турции и примыкающего к одной из двух веток действующего ирако-турецкого нефтепровода Кирук — Джейхан. В январе 2014 г. начались поставки курдской нефти в Турцию по новому нефтепроводу. Нефть поступает в турецкий нефтяной терминал Джейхан и скапливается там. С конца мая 2014 г. началась продажа на мировом рынке курдской нефти, которая изначально сопровождалась сложностями, вызванными противодействием Багдада. Покупателем первых партий, отправленных на танкерах под флагами третьих стран, стал Израиль¹². В ноябре 2014 г. Багдад и Эрбиль смогли достичь компромисса по вопросу нефтяного экспорта. В результате было объявлено, что в первом квартале 2015 г. поставки курдской нефти в Турцию увеличатся с 240 до 800 тыс. баррелей в день¹³. На повестке дня стоит вопрос покупки Турцией природ-

ного газа у иракских курдов с участием турецкой трубопроводной компании БОТАШ в объеме от 10 до 15 млрд кубометров в год.

3. Сфера безопасности. Анкара заинтересована в сотрудничестве с иракскими курдами по вопросу предотвращения террористической угрозы со стороны боевиков Рабочей партии Курдистана (РПК), базирующихся в горных районах Северного Ирака. Длительное время данный вопрос служил источником взаимных претензий Анкары и Эрбиля, несмотря на формальные заявления о сотрудничестве в данной сфере. Турция считала, что руководство Иракского Курдистана не оказывает достаточного содействия в борьбе с боевиками. В свою очередь, М. Барзани выражал недовольство военными операциями турецкой армии на границе с курдским регионом и артиллерийскими обстрелами районов Северного Ирака. Несмотря на разногласия, стороны были вынуждены искать возможности поддержания диалога по этому болезненному вопросу.

В последние годы наметились пути решения данной проблемы в связи с началом в Турции переговоров с отбывающим пожизненное заключение лидером РПК А. Оджаланом. Руководство Иракского Курдистана выразило поддержку данному процессу. Была достигнута договоренность о выводе бойцов РПК с территории Турции в северные районы Ирака. Однако по ряду причин процесс урегулирования начал «пробуксовывать», в связи с чем можно прогнозировать, что сфера безопасности сохранит свое значение в отношениях между Анкарой и Эрбилем.

Дополнительную остроту проблеме безопасности в отношениях между Анкарой и Эрбилем придают события в Сирии после начала «арабской весны», которая дестабилизировала регион, а также деятельность радикальной группировки «Исламское государство» (ИГ), установившей контроль над частью территории Сирии и Ирака. По договоренности с Вашингтоном Турция разрешила проход через свою территорию отрядов курдских пешмерга в район сирийского г. Кобани для помощи сирийским курдам, ведущим сражения с боевиками ИГ. Это обстоятельство создает новую грань отношений в сфере безопасности между Анкарой и Эрбилем. Так, в ноябре 2014 г. в турецкой прессе со ссылкой на пресс-секретаря правительства Иракского Курдистана появились сообщения о том, что турецкие инструкторы будут обучать бойцов курдских пешмерга, противостоящих ИГ в районе Северного Ирака¹⁴.

Турецкая стратегия развития отношений с Иракским Курдистаном находит свое отражение в официальных документах. Ярким свидетельством нового подхода Анкары служит тот факт, что в последние годы данное направление упоминается в программах внешней политики Турции, причем внимание к этой сфере постепенно расширяется.

В программе внешней политики Турции на 2012 г. об отношениях с Курдским автономным районом Ирака упоминалось исключительно в контексте противодействия терроризму, в то время как политические и экономические аспекты отношений не были отдельно выделены¹⁵.

В программах внешней политики Турции на 2013, 2014 и 2015 гг. значение дальнейшего развития и укрепления связей с Курдским автономным

районом Ирака объясняется уже несколькими причинами: продолжением экономического сотрудничества, сохранением социальных и культурных связей, а также необходимостью борьбы с террористической организацией РПК, базирующейся в северных районах Ирака. Наибольшее внимание турецкое руководство уделяет именно последнему фактору, отмечая, что борьба с терроризмом неизменно является одним из основных пунктов повестки дня переговоров Анкары как с Багдадом, так и с Эрбилем¹⁶. В этих программах говорится также о продолжении контактов на высшем уровне с руководством Иракского Курдистана.

Без сомнения, сам факт внесения отношений с КАР Ирака в официальные программы внешней политики Турции оказывает влияние на общественное мнение.

Как известно, в Турции на протяжении последних лет идет дискуссия по поводу изменения понятия национальной идентичности, во многом связанная с поисками решения курдского вопроса. В качестве примера можно привести серию статей, посвященных этой проблеме, опубликованные в проправительственной газете «Йени Шафак» в октябре–ноябре 2014 г.¹⁷. Автор этих статей — турецкий журналист Эрол Гёка — выражает точку зрения, очевидно близкую к позиции правящей партии. Суть этого подхода заключается в том, что принятые в качестве основ национальной идентичности в Турции понятия тюркизма и принадлежности к суннитскому исламу (при наличии ограничений на выражение религиозных убеждений) носили искусственный характер, не отражая «историческую и духовную реальность» существования турецкого общества. По мнению автора, тюркизм, понятый в узком этническом значении и заложенный в основу понятия национальной идентичности, и стал той трагической ошибкой, которая привела к возникновению в Турции курдского вопроса.

Руководство ПСР, признавшее наличие проблем в сфере выражения гражданами Турции своей этнической и религиозной принадлежности, выступает за пересмотр зафиксированного в конституции положения о том, что каждый гражданин Турции — турок. Несмотря на то что правительство стремится рассматривать данный вопрос в широком контексте наличия в Турции различных этнических и религиозных групп, не вызывает сомнения, что основным фактором трансформации понятия национальной идентичности служат именно подвижки в решении курдского вопроса.

В этой связи события, связанные с развитием отношений между Анкарой и Иракским Курдистаном, не могут не влиять на общественное сознание в Турции. Ниже представлены примеры реакции общества на наиболее яркие моменты изменения подхода официальной Анкары к Иракскому Курдистану.

Необходимо оговориться, что иракские курды являются всего лишь «внешним фактором» по отношению к курдскому вопросу в Турции, и связь между событиями на линии Анкара — Эрбиль и понятием национальной идентичности в Турции носит, безусловно, опосредованный характер. Однако с учетом жесткого запрета на любое публичное обсуждение курдской темы в недавнем прошлом и высокой «чувствительности» этой тематики в насто-

ящее время вопросы официальных отношений Анкары с курдской автономией в Ираке вызывают общественный резонанс, обостряют внимание к курдской проблеме в Турции и нередко дают турецким журналистам простор для свободных высказываний и размышлений.

Первое резонансное событие в этой сфере произошло в марте 2009 г. и было связано с визитом в Багдад президента Турции Абдуллаха Гюля. В турецкой прессе появилась новость о том, что в беседе с турецкими журналистами в самолете по пути в Багдад А. Гюль якобы употребил название «Курдистан» в отношении Курдского автономного района Ирака.

Сообщение вызвало бурные дискуссии. Интрига данного происшествия заключалась в том, что некоторые из сопровождавших президента журналистов уверяли, что А. Гюль произнес слово «Курдистан», в то время как другие утверждали обратное. Ранее официальная Анкара избегала использования данного этнографического названия, предпочитая географический термин «Северный Ирак» (Kuzey Irak) или, как было принято у государственных чиновников, «север Ирака» (Irak'ın kuzeyi). Президент Гюль, вынужденный отвечать на адресованные ему в этой связи вопросы, сказал, что он не произносил этого слова. Это не остановило дискуссию в СМИ, причем журналисты начали творчески «обыгрывать» данный сюжет. В частности, сообщалось, будто президент Гюль сказал, что региональная администрация — это реальность, вытекающая из Конституции Ирака. Рассказывая о дискуссиях в прессе, турецкий новостной портал «Бианет» дал следующий заголовок: «Абдуллах Гюль: я не говорил (Курдистан), но администрация Курдистана — это реальность»¹⁸.

Имели место и комментарии, побуждающие читателя к размышлениям. Колумнист газеты «Миллийет» Хасан Джемаль выражал огорчение, что общество вместо обсуждения путей решения курдской проблемы уделяет столько внимания вопросу о том, употребил ли президент слово «Курдистан». По мнению журналиста, этот вопрос не имел первостепенного значения, если Анкара уже установила официальные контакты с руководством курдской автономии. Х. Джемаль предлагал вспомнить о том, что в Ираке и в Иране название «Курдистан» употребляется по отношению к административным единицам так же, как оно употреблялось во времена Османской империи¹⁹.

Ему вторил Мюмтазер Тюркёне — один из журналистов известной газеты «Заман» (принадлежащей общине исламского проповедника Фетхуллага Гюлена), рассказывая о том, что в Эрбиле до сих пор нередко можно увидеть висящие на стенах османские карты Курдистана. Журналист напоминал, что Курдистан — это географическое название, и само по себе его использование не может привести к созданию одноименного государства. Мечты курдских националистов о «Великом Курдистане» нереалистичны хотя бы потому, что его границы не совпадают с районами проживания курдов. В частности, самым крупным «курдским городом» является Стамбул²⁰.

Другим резонансным событием стал упоминавшийся выше совместный визит в г. Диярбакыр премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана и президента Курдского автономного района М. Барзани. Организаторы визита стремились показать его уникальность и исторический характер. В присутствии

Р.Т. Эрдогана и М. Барзани состоялась церемония заключения брака для 400 пар в возрасте от 17 до 74 лет, включая тех, которые не смогли совершить официальную регистрацию по экономическим причинам. Выступая перед многотысячными толпами народа на площади, Эрдоган впервые публично произнес слово «Курдистан». «В Вашем лице я приветствую наших братьев из региона Курдистан», — сказал он Барзани²¹. Премьер-министр пообещал, что «Новая Турция» будет построена с учетом интересов всех этнических элементов, что никто не будет считаться гражданином второго сорта, что ни одна культура и ни одна идентичность не будет отрицаться²². Присутствовавший на встрече турецкий министр продовольствия, сельского хозяйства и животноводства Мехмет Мехди Экер выступил на двух языках — на турецком и на курдском. В свою очередь, М. Барзани по-турецки провозгласил лозунг «Да здравствует турецко-курдская дружба! Да здравствует мир! Да здравствует свобода!»²³.

Визит в Диярбакыр стал новым поводом для жарких дискуссий в турецких СМИ. Противники этого шага утверждали, что Барзани враг Турции, который оказывает поддержку РПК, и обвиняли Р.Т. Эрдогана в предвыборном популизме.

Однако были и сторонники более умеренного подхода. Так, известный турецкий журналист Сами Кохен писал, что в течение долгих лет отношения двух сторон носили напряженный характер, однако сложилась новая ситуация в Ираке, в АР и на Ближнем Востоке в целом. «Сейчас речь идет об общих интересах сторон и о вытекающем из них сотрудничестве. Масуда Барзани принимают в официальном статусе, который предоставлен ему Конституцией Ирака и признан мировым сообществом»²⁴.

Что касается употребления премьер-министром Р.Т. Эрдоганом слова «Курдистан», то здесь можно привести мнение журналистки газеты «Миллийет» Аслы Айдынташбаш, призывавшей не преувеличивать значение этого шага, которого недостаточно для решения курдской проблемы. В то же время не нужно полагать, что использование этого слова, которое давно применяется в регионе, приведет к расколу Турции. Эта же журналистка вспоминала о том, что в 1990-е гг. за использование в Турции слова «Курдистан» (которое официально применялось в Ираке) грозило тюремное заключение. Иракские курды, пересекавшие турецкую границу, сталкивались с серьезными проблемами, если оказывалось, что название «Курдистан» присутствует у них в документах. Это могло стать поводом для отказа во въезде в Турцию²⁵.

Другой обозреватель газеты «Миллийет» Серпил Чевикджан отмечала: «По ходу урегулирования курдского вопроса Анкара начала одно за другим нарушать националистические табу. С какой точки зрения не подойти к решению правительства представить в Диярбакыре картину “Турция — Курдистан”, оно вызовет много споров. Однако не вызывает сомнений, что этот визит внесет свой вклад в процесс урегулирования, “освежив атмосферу”»²⁶

В этой связи заслуживают внимания заголовки газетных материалов, посвященных визиту в Диярбакыр (речь идет о крупнейших общенациональных газетах): «Добро пожаловать, уважаемый Барзани», «Почему визит Барзани

носит исторический характер?», «Новый баланс сил на Ближнем Востоке», «Новый турецко-курдский экономический порядок», «Прорыв в отношениях с Барзани», «Перезагрузка внешней политики Турции», «Курдистан — это Турция, Турция — это Курдистан!», «Не преувеличивайте, даже Саддам говорил “Курдистан”» и т. д. Если вспомнить, что в недавнем прошлом существование курдов и наличие курдской проблемы в Турции отрицались, а публичные выступления по данному вопросу могли завершиться тюремным заключением, станет очевиден масштаб влияния этих перемен на общественное мнение Турции.

Интересную оценку происходящим процессам, затрагивающим также вопросы поиска новой национальной идентичности, дал турецкий политолог Кадри Гюрсель. По его мнению, «военное крыло старого режима оказывало негативное влияние на государственную политику в отношении курдов. В этой связи отношения с лидерами иракских курдов были ограничены сферой безопасности, при этом контакты осуществлялись через Национальную разведывательную организацию (MIT), что позволяло избегать политического признания курдов. Новый режим строит свою парадигму не на принципе “единой и целостной нации”, но на основе “исламского суннитского братства”. Поэтому отношения с курдами региона не ограничиваются озабоченностями и подозрениями, свойственными старому режиму»²⁷. Турецкий политолог выражает опасение того, что правительство может предложить ошибочное решение курдской проблемы, попытавшись «вписать» курдов в понятие «уммы» и дать ответ на их запрос о равенстве в рамках парадигмы исламского братства.

Заслуживает внимания употребляемая К. Гюрселем (и некоторыми другими авторами) терминология «внутренние курды» (курды, живущие в Турции) и «внешние курды» (курды, живущие за пределами Турции). Это вызывает ассоциации с известным националистическим выражением «внешние турки» (тюркские народы, проживающие в других странах). По словам политолога, «пока нет обсуждения требований внутренних курдов... никакой союз с внешними курдами не будет прочным»²⁸.

Что касается идеи исламского братства, то они действительно фигурируют в общественном дискурсе. Так, один из авторов известной своими исламскими взглядами газеты «Заман» в связи с визитом в Диярбакыр писал, что Эрдогана и Барзани сближают как исламские ценности, так и национальные интересы. Союз, формирующийся на оси Анкара — Эрбиль, опирается на прочные основы, в то время как на Ближнем Востоке происходит перманентное изменение ситуации и смена союзников²⁹.

Обозреватель газеты «Сабах» Хасан Джеляль Гюзель отмечал, что в республиканский период Турция «полностью вытеснила на задний план фактор религии», который «цементирует» национальное единство. Журналист писал: «Однопартийные режимы проводили политику ассимиляции и унификации, стремясь полностью стереть идентичность нижнего уровня — этническую идентичность... По этой причине трудно было объяснить, что такое “турецкое гражданство” как понятие и в чем суть верхнего уровня национальной идентичности»³⁰.

Приведенные отрывки свидетельствуют, что общественные дискуссии относительно развития отношений между Анкарой и Иракским Курдистаном нередко переходят в обсуждение вопроса национальной идентичности в Турции.

В заключение хотелось бы отметить, что в условиях региональных потрясений, вызванных «арабской весной», Иракский Курдистан остается достаточно стабильной зоной, с которой Анкара наладила выгодное экономическое взаимодействие и прочные каналы поддержания диалога. Разрыв между руководством Турции и Сирии, неоднозначные отношения Анкары и Багдада, дестабилизация обстановки на турецко-сирийской границе в связи с войной в Сирии и появления в Сирии и Ираке районов, подконтрольных террористической группировке «Исламское государство», — все эти факторы повышают значение для Анкары сотрудничества с Иракским Курдистаном. Представляется, что в обозримой перспективе Турция будет прилагать усилия для углубления связей с Иракским Курдистаном и проводить активную политику на данном направлении.

Не вызывает сомнений тот факт, что отношения Анкары с Иракским Курдистаном способствуют активизации поиска нового понятия национальной идентичности в Турции, связанного с отходом от прежних формул, основанных на этническом национализме. Сложности урегулирования курдской проблемы в Турции и отсутствие в турецком обществе консенсуса по данному вопросу не предвещают скорого решения задачи по формулировке нового понятия национальной идентичности. В свете этого очевидно, что отношения Анкары с Эрбилем будут и дальше оказывать влияние на общественное мнение и на состояние курдского вопроса в Турции.

Примечания

¹ Türkiye cumhuriyeti anayasasi. Madde 66 // http://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2011.pdf

² Gül'den Kürt açılımı sinyali // <http://www.milliyet.com.tr/kurt-acilimi-sinyali/siyaset/siyasetdetay/11.03.2009/1069480/default.htm>; Abdullah Gül: Kürt sorunu Türkiye'nin birinci sorunudur // <http://www.milliyet.com.tr/abdullah-gul--kurt-sorunu---mesele/siyaset/siyasetdetay/09.05.2009/1092779/default.htm>

³ Mevlüt Çavuşoğlu. 2015 Yılına Girerken Dış Politikamız // http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2015-yilina-girerken-dis-politikamiz.pdf — S. 83.

⁴ Ülkelere Göre İhracat // http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1046

⁵ Mevlüt Çavuşoğlu. 2015 Yılına Girerken Dış Politikamız // http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2015-yilina-girerken-dis-politikamiz.pdf — S. 83–84.

⁶ Türk inşaat firmaları Kuzey Irak'ı sevdi! // <http://emlakkulisi.com/turk-insaat-firmalari-kuzey-iraki-sevdi/231085>

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Mevlüt Çavuşoğlu. 2015 Yılına Girerken Dış Politikamız // http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2015-yilina-girerken-dis-politikamiz.pdf — S. 83.

¹⁰ Bağdat'tan Erbil'e, Türkiye'ye petrol satışı uyarısı. 23.05.2012 // <http://www.cnnturk.com/2012/dunya/05/23/bagdattan.erbile.turkiyeye.petrol.satisi.uyarisi/662112.0/index.html>

¹¹ Bağdat'tan Ankara'ya sert uyarı. Milliyet. 16.07.2012 // <http://ekonomi.milliyet.com.tr/bagdat-tan-ankara-ya-sert-uyari/ekonomi/ekonomidetay/16.07.2012/1567494/default.htm>

- 12 Первую партию курдской нефти принял Израиль // <http://www.oilru.com/news/415776/>
- 13 Türkiye'ye günde 800 bin varil petrol akacak // <http://www.dunya.com/turkiyeye-gunde-800-bin-varil-petrol-akacak-247922h.htm>
- 14 İKBY: Türkiye peşmergeye eğitim vermeye başlıyor // http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/dunya/145339/İKBY__Turkiye_pesmergeye_egitim_vermeye_basliyor.html
- 15 Ahmet Davutoğlu. 2012 yılına girerken dış politikamız. // www.mfa.gov.tr/site_media/html/2012_butce_tasarisi.doc. — S. 58.
- 16 Ahmet Davutoğlu. 2013 yılına girerken dış politikamız. // http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2013.pdf. — s. 67; Ahmet Davutoğlu. 2014 yılına girerken dış politikamız. // http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2014-yilina-girerken-dis-politikamiz.pdf. — S. 75–76; Mevlüt Çavuşoğlu. 2015 Yılına Girerken Dış Politikamız // http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2015-yilina-girerken-dis-politikamiz.pdf — S. 82–83.
- 17 Cm.: Erol Göka. Yeni Türkiye'de kimlik sorunu. 30.10.2014 // <http://www.yenisafak.com.tr/yazarlar/ErolGoka/yeni-turkiyede-kimlik-sorunu/56676>; Erol Göka. Tarihdaşlık ve vatandaşlık. 06.11.2014 // <http://www.yenisafak.com.tr/yazarlar/ErolGoka/tarihdaslik-ve-vatandaslik/56808>; Erol Göka. Ulusal kimlikten milli kimliğe. 09.11.2014 // <http://www.yenisafak.com.tr/yazarlar/ErolGoka/ulusal-kimlikten-milli-kimlige/56861>.
- 18 Abdullah Gül: Ben Demedim, Ama Kürdistan Yönetimi Bir Gerçek // <http://www.bianet.org/bianet/siyaset/113364-abdullah-gul-ben-demedim-ama-kurdistan-yonetimi-bir-gercek>
- 19 Hasan Cemal. Silah ve şiddetten kurtulmak için çıkan fırsat kaçmasın! // <http://www.milliyet.com.tr/gul--kurdistan-dedi-demedi-tartismasi-uzerine---/hasan-cemal/siyaset/siyasetyazardetay/26.03.2009/1075485/default.htm>
- 20 Mümtaz'er Türköne. Kürdistan // http://www.zaman.com.tr/mumtazer-turkone/kurdistan_830043.html
- 21 erdogan-diyarbakir-da/siyaset/detay/1793255/default.htm
- 22 İbid
- 23 Aslı Aydıntaşbaş. Neden tarihi bir andı? // <http://www.milliyet.com.tr/neden-tarihi-bir-andi-siyaset/ydetay/1793347/default.htm>
- 24 Sami Kohen. Barzani açılımı // <http://www.milliyet.com.tr/barzani-acilimi/dunya/ydetay/1793104/default.htm>
- 25 Aslı Aydıntaşbaş. Abartmayın, Saddam bile 'Kürdistan' diyordu! // <http://www.milliyet.com.tr/abartmayin-saddam-bile/siyaset/ydetay/1793731/default.htm>
- 26 Serpil Çevikcan. Barzani ve çözüme katkı // <http://www.milliyet.com.tr/barzani-ve-cozume-katki/siyaset/ydetay/1793063/default.htm>
- 27 Kadri Gürsel. Barzani Diyarbakır'da, Erdoğan aslında nerede? // <http://www.milliyet.com.tr/barzani-diyarbakir-da-erdogan/dunya/ydetay/1793348/default.htm>
- 28 İbid
- 29 Şahin Alpay. Hoş geldiniz Sayın Barzani // http://www.zaman.com.tr/sahin-alpay/hosgeldiniz-sayin-barzani_2168133.html
- 30 Hasan Celal Güzel. Diyarbakir şad akar // <http://www.sabah.com.tr/yazarlar/guzel/2013/11/17/diyarbakir-sad-akar>

В. Петросян*
(Армения)

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ТУРЦИИ И РЕГИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КУРДИСТАНА

Резюме. В данной статье анализируются отношения и перспективы сотрудничества между Турцией и Региональным правительством Иракского Курдистана. Исследуется растущая экономическая зависимость Регионального правительства Курдистана от Турции, которая является действенным «стимулом», вынуждающим Эрбиль работать в рамках турецких «правил игры». Утверждается, что, имея в своем распоряжении альтернативные источники энергии, Анкара, по сути, имеет сильные рычаги воздействия на Эрбиль. Поэтому также утверждается, что Региональное правительство Курдистана уязвимо для давления Турции, особенно учитывая доминирование Анкары в курдской экономике, наряду с турецкими военными базами в Иракском Курдистане, при отсутствии у Регионального правительства Курдистана реальных (т. е. равносильных и соответствующих) рычагов воздействия, чтобы противостоять Турции.

Данная статья также призвана исследовать пределы сотрудничества в области безопасности между Турцией и РПК. Ставится задача прояснить турецкое восприятие самого факта существования Регионального правительства Курдистана. Кроме того, также ставится задача пролить свет на некоторые внутривнутриполитические проблемы и дискуссии как в Турции, так и в Иракском Курдистане относительно сближения между Турцией и РПК и политики курдской «инициативы», принятой ПСР. Этот анализ фокусируется на потенциальной роли РПК в трех альтернативных сценариях регионального планирования Турции, учитывая трансформацию турецкой внешней политики.

Ключевые слова: Региональное правительство Курдистана (РПК), Демократическая партия Курдистана (ДПК), Патриотический союз Курдистана (ПСК/ПУК) Севрский синдром, политика «Ноль проблем с соседями», «стратегическая глубина».

Summary. This article analyzes Turkey — KRG relations and the prospects of cooperation between Turkey and the Iraqi Kurdistan Regional Government. It explores the KRG's growing economic dependence on Turkey, which is a strong inducement for Erbil to work within Turkish rules of game. I argue that, with alternative sources of energy at its disposal, Ankara appears to have strong leverage over Erbil. Hence I also argue that the KRG is vulnerable to Turkish pressure, especially given Ankara's dominance over much of the Iraqi Kurdish economy, along with the Turkish military bases in Iraqi Kurdistan and KRG's lack of any real (i.e. tantamount and corresponding) leverage to dissuade or counter Turkey.

* Петросян Ваграм — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатии факультета международных отношений ЕГУ, директор Центра исследований Ближнего и Среднего Востока (НКР).

This paper also aims to explore the limits of security cooperation between Turkey and KRG. It also seeks to clarify the Turkish perception of the existence of the Kurdistan Regional Government. Moreover, this article also seeks to shed light on some of the domestic political concerns and discussions in Turkey and Iraqi Kurdistan over the rapprochement between Turkey and KRG and the «Kurdish opening» policy adopted by the AKP. This analysis focuses on the potential role of the KRG within the three alternative regional scenario planning of Turkey, given the transformation of Turkish foreign policy.

Tags: Kurdistan Regional Government/KRG, Kurdistan Democratic Party (KDP), Patriotic Union of Kurdistan (PUK), «Sèvres Syndrome», «Zero problems with neighbors» policy, «Strategic Depth».

Восприятие Турцией факта существования РПК

Взаимоотношения между Турцией и Иракским Курдистаном способствовали в Турции образованию своеобразных лагерей, последователей так называемого «либерально-интеграционистского» и «реалистического» и «отрицающего» подхода.

Последователями «либерально-интеграционистского» подхода являются проевропейские либералы, руководящие круги Партии справедливости и развития (ПСР) и преимущественно курдская элита, осуществляющая политическую деятельность в рамках ВНСТ в составе заменяющих друг друга прокурдских партий.

Последователи указанного подхода считают, что процессы, происходящие в Северном Ираке¹, создали реальную возможность для осуществления в Турции серьезных либерально-демократических реформ страны. Учитывая, что Турция больше не может игнорировать политические события в Северном Ираке, и признавая, что курдский вопрос в Турции существенно отличается от курдского вопроса в Ираке, последователи этого подхода, однако, считают, что возросла необходимость налаживания более тесных отношений с иракскими курдами. Они полагают, что решение курдской проблемы в Турции стало жизненно важной задачей, это позволит Анкаре избежать нежелательного развития событий, ибо в противном случае не только увеличится влияние руководства курдов Северного Ирака в отношении турецких курдов, но и Региональное правительство Курдистана (РПК) станет для них моделью, которая не будет иметь альтернативы. Именно поэтому последователи «либерально-интеграционистского» подхода считают, что Турция должна воспользоваться возможностью, которую ей предоставил Северный Ирак².

Последователями «реалистического» и «отрицающего» подхода являются гражданская бюрократия и военные и оппозиционные партии в ВНСТ, в частности Республиканская народная партия и Партия националистического действия. Последние полагают, что:

- Политика Турции в отношении Ирака и иракских курдов должна быть основана на следующем приоритете: исключить создание независимого курдского государства в регионе. Они видят в этом значительную угрозу, поскольку курды составляют значительную часть населения Турции и значи-

тельную часть территории турецкого государства составляют курдские ареалы. По мнению последователей «реалистического» и «отрицающего подхода», распад Ирака и перспектива иметь в качестве соседа на юге Курдистана достаточна для того, чтобы Турция реально почувствовала опасность. И если это вдохновит также турецких курдов изменить взаимоотношения между государством и обществом, развивая их по мультикультурному и конфедеративному пути, то это, несомненно, станет экзистенциальной угрозой для Турции. Не секрет, что курды на севере Ирака стремятся к созданию «Великого Курдистана», считая себя эпицентром курдского национализма.

- В дополнение к перспективе создания независимого курдского государства значительную угрозу представляет требование Европейского союза, предъявляемое к Турции, считать курдов отдельным национальным меньшинством. Турецкие эксперты убеждены, что Запад и международное сообщество не забыли неудачу в Севре и будут использовать любую возможность, чтобы навязать Турции Севроподобный вариант урегулирования³.

- Реальной угрозой является оформившийся в 2003 г. политический дискурс руководства иракских курдов. Последователи «реалистического» и «отрицающего» подхода убеждены, что конечной целью РПК, особенно барзанистов, является создание независимого курдского государства. Следовательно, цель руководства Иракского Курдистана состоит в том, чтобы выиграть время, пока не возникнут благоприятные условия и возможности для создания независимого курдского государства. В качестве обоснования приводится то обстоятельство, что в 2005 г. на референдуме, проведенном на территориях, подконтрольных РПК, абсолютное большинство курдов высказалось в пользу независимости. Превращение Ирака в федеративное государство, в котором курды имеют свою федеративную единицу (Региональное правительство Курдистана), большинством иракских курдов рассматривается как короткая и вынужденная остановка на пути к достижению окончательного урегулирования. В этом контексте решительные попытки включить Киркук и другие спорные территории в состав Курдского автономного района (КАР), подписание нефтяных договоров (а в перспективе — также газовых) с иностранными компаниями независимо от иракских властей, отказ иракских курдов от перспективы передать собственные вооруженные силы под непосредственное командование Багдада рассматриваются как явное стремление создать максимально благоприятные условия для создания курдского государства.

У последователей «реалистического» и «отрицающего» подхода значительное беспокойство вызывает тот факт, что в постсаддамский период РПК перестало рассматривать Рабочую партию Курдистана (РПК) в Турции как террористическую организацию. Вместо этого РПК отмечало, что Турция не должна игнорировать курдскую проблему, видя только проблему Рабочей партии Курдистана, и не нужно видеть решение проблемы РПК в Иракском Курдистане, поскольку курдский вопрос в Турции имеет внутреннее происхождение и не импортируется извне. РПК не только советовало Турции решить проблему терроризма внутри страны, но и постоянно пыталось посредством

давления США на Турцию взять на себя законную роль в решении курдского вопроса в Турции⁴. Последователи «реалистического» и «отрицающего» подхода в Турции также обеспокоены тем, что всякий раз, когда отношения между США и Турцией улучшаются, это становится большим разочарованием для иракских курдов⁵.

Проявление этих двух противоречивых подходов вполне естественно. В противостоянии между «либерально-интеграционистским» и «реалистическим» и «отрицающим» лагерями преимущество на стороне первого, поскольку ПСР является правящей партией. Но проблема в том, что в случае ослабления позиции ПСР, ухода из власти и/или отстранения от власти могут кардинально измениться и отношения между Турцией и РПК.

Перспективы сотрудничества Турции и Иракского Курдистана

Западные, российские, курдские и турецкие авторитетные аналитические центры и отдельные эксперты делают разные, порой противоречивые прогнозы, касающиеся разностороннего сотрудничества, и в частности экономических связей Турции с РПК. Основной вопрос заключается в том, является ли это полноценным и стабильным сотрудничеством между РПК и Турцией или просто ситуативным партнерством между ДПК и ПСР, содержащим преувеличенные масштабы сотрудничества и высокий уровень риска. Российский эксперт, главный редактор сайта Kurdistan.ru Вадим Макаренко высказывает следующее мнение: «Сегодня не имеющие альтернативы, турецко-курдские отношения несут значительный риск для обеих сторон. Иракский Курдистан, прибавляя день ото дня в экономическом весе, становится все более зависимым от внешних факторов с точки зрения своей экономической безопасности. Эрбилю давно пора поставить вопрос, до какой степени он, не имея железных гарантий налаженным экономическим связям, может втягиваться в новый стиль жизни. Ведь если произойдет сбой, и “турецкое окно” по какой-то причине даже на время захлопнется, это введет Курдистан в ступор.

Гарантией нынешнего уровня и типа отношений, которые формально намного превышают то, что можно позволить в отношениях с регионом другой страны, выступает исключительно премьер-министр (с августа 2014 г. президент. — В. П.) Эрдоган, но его собственное положение в стране не является столь уж надежным, чтобы только на этом одном факторе можно было строить серьезную политику»⁶. Эту точку зрения можно обосновать множеством доводов. Однако курдский эксперт, советник международного центра мирных исследований Среднего Востока Азиз Барзани утверждает обратное. Он, в частности, отмечает: «Конечно, сближение между иракскими курдами и Турцией произошло в период, когда правительство возглавляла ПСР, однако это не означает, что иракские курды в отношениях с Турцией рассматривают последнюю только как правительство ПСР. На наш взгляд, иракские курды сотрудничают с Турцией как с государством. Они поддерживают отношения с такими государственными структурами Турции, как министерство

иностранных дел, министерство энергетики и др. Более того, они сотрудничают с турецкими компаниями, независимо от их идейной и политической принадлежности. В течение последних нескольких лет ПСР — не единственная турецкая партия, которая отправила приглашение курдским лидерам Ирака на участие во встречах и конференциях. Народно-демократическая партия направила приглашение руководителю внешних связей Демократической партии Курдистана (ДПК) на участие в конференции 28–29 апреля (2012 г. — В. П.), посвященной “арабской весне”⁷. Однако сам доктор Азиз Барзани признает, что «Масуд Барзани принял участие в форуме ПСР в качестве руководителя как РПК, так и ДПК. Многие из сопровождавших его лиц являлись высокопоставленными членами ДПК», и было очевидно, что «участие Барзани привело к большому сближению с Турцией ДПК, чем Патриотического союза Курдистана (ПСК/ПУК)...»⁸. Более того, бесспорным является и тот факт, что «настоящими инженерами отношений Турции с иракскими курдами являются два человека: президент Иракского Курдистана и председатель РПК Масуд Барзани и его племянник, заместитель председателя ДПК и премьер-министр РПК Нечирван Барзани, которым удалось за прошедшие годы в условиях напряженной ситуации между двумя сторонами не сжечь мосты между Анкарой и Эрбилем, и что до сих пор руководители ПНК считают важным сотрудничество с Барзани с точки зрения решения проблемы Рабочей партии Курдистана...»⁹.

Высказывается также мнение, что сотрудничество между Турцией и РПК — это просто «ситуативный» альянс¹⁰, который обусловлен прежде всего событиями в Сирии и предстоящими выборами разных уровней в Турции, в которых президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган не только хочет одержать убедительную победу (учитывая противоречия с Фетхуллахом Гюленом), но и получить голоса в курдских районах Турции. Тем не менее против него может обернуться идея, что более тесное сотрудничество в торгово-экономической сфере между Турцией и Иракским Курдистаном может перейти в политическое и стратегическое сотрудничество и открыть новую страницу в турецко-курдских отношениях.

Эта точка зрения разрабатывается в течение последних четырех лет, в частности в турецких СМИ и некоторых курдских источниках. Орхан Мироглу, например, в газете «Today's Zaman» высказывает следующую мысль: «Возможно, мы открываем новую страницу в курдско-турецких отношениях, которые начались с битвы за Маназкерт в 1071 г. между Византией и государством сельджуков. Во всяком случае, долгое время так я предпочитал рассматривать эти факты. Маназкертская битва стала первой встречей турок и курдов. Еще одной важной вехой была Чалдыранская битва 1514 г., в которой султан Селим I Грозный победил Шаха Исмаила Сефеви. В этой битве курды выступили на стороне османов. После этого шага вождям курдских племен была предоставлена автономия, которая продлилась до восстания Бедирхана в 1843–1847 гг.»¹¹.

Таким образом, взгляды экспертов существенно отличаются как с точки зрения отношений РПК — Турция, так и с точки зрения возможных проблем.

Предметом отдельного обсуждения является рассмотрение фактора энергоносителей в контексте отношений Турции и РПК. Профессор Тюрель Елмаз Шаин, эксперт Центра ближневосточных стратегических исследований (ORSAM), утверждает, что, если Турция в обход центрального правительства Ирака подпишет с РПК договоры об энергоносителях, последствия этого шага в долгосрочной перспективе не будут выгодны для Турции и всего региона в целом¹². Хотя Шаин признает пользу для Турции от урегулирования отношений и сближения с РПК, тем не менее он полагает, что подписание сделок между Турцией и РПК в обход Багдада приведет к распаду Ирака — факт, который обострит процесс разобщения во всем регионе. Шаин также полагает, что, если конфликт по спорным территориям (включая Киркук) между иракской национальной армией и курдскими пешмерга выльется в войну, это больше всего навредит Турции. Тем более что еще в 2012 г. иракская армия и силы пешмерга разместили на спорных территориях войска, чтобы установить там свою власть¹³.

В свою очередь, эксперт-аналитик Центра стратегических исследований по Ближнему Востоку «Билгесам» Али Семин считает, что в отличие от опасений, что Турция может подорвать целостность Ирака, она может предотвратить его распад до тех пор, пока улучшает свои отношения с Северным Ираком, при условии, что она не будет действовать в обход Багдада. Учитывая теорию разделения Ирака на три части, Али Семин, однако, считает, что хорошие отношения Анкары с РПК могут способствовать удержанию арабов-суннитов и курдов в рамках режима, приводя к тому, что позже последний образует более слабую, однако более свободную конфедерацию с шиитским Ираком¹⁴.

По мнению Али Семина, как Квебек имеет особые отношения с Францией, так и Турция имеет право на особые отношения с РПК. Более того, Семин полагает, что Турция, учитывая возможность создания полунезависимого или даже независимого курдского государства на севере Ирака, пытается держать его в зависимости от Турции и сделать его менее враждебной реальностью¹⁵.

Отмечая, что Ирак имеет большие запасы неразработанных энергоресурсов, почти все турецкие эксперты сходятся во мнении, что Турция должна воспользоваться этими ресурсами. По их мнению, Турция сравнительно поздно повернулась в сторону Курдского автономного района, за счет которого сейчас удовлетворяет 7% своих энергетических потребностей. И как государство, переживающее в регионе подъем, в вопросе энергоносителей Турция не может зависеть только от двух государств — России и Ирана. Более того, по мнению турецких экспертов, кроме Ирана и России, которые стремятся распространить свое влияние в курдском регионе, Израиль также стремится пользоваться энергоносителями Иракского Курдистана, и Турция не может покинуть эту площадку в пользу других держав, учитывая то, что имеет главенствующие позиции на территории КАР. Однако турецкие эксперты полагают, что в условиях напряжения в Ираке по поводу нефтяных контрактов лучшей политикой для Турции будет сконцентрироваться на отношениях с Багдадом, Басрой и Наджафом, наряду с отношениями с Эрбилем. Если Турция сможет достичь расширения экономических связей со всем Ираком, турецкой сто-

роне это принесет намного больше выгоды. Тем более что очень трудно противостоять преимущественно шиитскому иракскому правительству, сильным союзником которого является Исламская Республика Иран¹⁶.

Будучи хорошо знаком с курдскими реалиями, турецкий политический аналитик Ильнур Чевик по поводу Иракского Курдистана высказывается более принципиально. По его мнению:

➤ Турция в первую очередь должна уточнить свою позицию по вопросу варианта провозглашения независимости иракскими курдами. То есть необходимо уточнить, примет ли она декларацию независимости Иракского Курдистана и потребует объяснений по вопросу статуса Киркука, и/или какие предварительные условия выдвинет для признания независимости Иракского Курдистана.

➤ Турция должна уже сейчас создать безопасные условия для иракских туркоманов на территории Ирака путем оказания давления на курдов и арабов-суннитов. По мнению турецкого аналитика, у Турции есть нефтяной козырь — сильный рычаг и тесные связи с Масудом Барзани — для осуществления указанного проекта. Затем Анкара, конечно, «должна убедиться, что туркоманов переместят в эту безопасную зону и создадут для них собственную автономную зону или даже туркоманский штат в Ираке». Чевик считает важным, чтобы в этом вопросе Турция предпринимала последовательные шаги и действовала оперативно.

➤ Наряду с этой задачей, турецкая сторона должна сконцентрировать свое внимание также на сирийских туркоманах, гарантируя защиту их интересов. Правда, Реджеп Тайип Эрдоган сейчас занят предвыборной кампанией, но он должен уделить время иракским туркоманам. А Ахмет Давутоглу «должен способствовать этой миссии вместе с руководителем Национальной разведывательной службы Гасаном Фиданом»¹⁷.

В настоящее время Турция обеспокоена целым рядом фактов:

- Царящий в Сирии хаос создал беспрецедентные условия для курдского (включая курдов Турции) движения. Последние консолидируют свои усилия. Курды понимают, что в условиях такого хаоса они нуждаются в сохранении вооруженных формирований и создании вооруженных сил. Не имея подобных сил, курды окажутся в роли жертвы. Поэтому курды больше не будут поддерживать программу по полному разоружению Рабочей партии Курдистана (с которой связывает большие надежды Турция), поскольку это поставит под угрозу их позиции, по крайней мере, в Сирии¹⁸.

Программа турецкого правительства по урегулированию курдского вопроса предусматривает разоружение и роспуск HGR, однако в создавшихся условиях эта программа невыполнима.

- Все больше курдов начинают поддерживать вооруженные курдские группировки или вступать в их ряды, так как они их защищают¹⁹.
- Возрастает международная легитимность курдских группировок. Курды рассматриваются как сила, имеющая значительные человеческие ресурсы, она может бросить вызов ИГИЛ. Многие западные аналитики высказывают мысль, что Запад должен поддерживать курдов в борьбе против

исламистов²⁰. В настоящее время поддерживают только пешмерга Иракского Курдистана, а не HGR и военные формирования партии Демократический союз Сирии (ДСС), с чем связано недовольство последних. Однако Турция опасается, что часть оружия²¹, предоставленного пешмерга, рано или поздно окажется в распоряжении военных формирований Демократического союза Сирии — Курдских сирийских «Отрядов народной самообороны».

- В результате конфликта с ИГИЛ курдские военные формирования становятся более организованными и начинают действовать как квазигосударства. Иначе говоря, ситуация вокруг ИГИЛ делает курдские формирования не только политическим фактором, но и политическим органом.

- Создавшаяся ситуация не может не влиять на курдский вопрос в Турции. Становится менее вероятным разоружение РПК. Более того, становится все труднее удовлетворять РПК, учитывая как уже полученные от Турции дивиденды, так и предполагаемые приобретения от других сил в результате конфликта с ИГИЛ²²

- Турция бы предпочла, чтобы международное сообщество придавало большое значение борьбе как против ИГИЛ, так и РПК. Однако в условиях конфликта между ИГИЛ и РПК это становится сложнее сделать. ИГИЛ представляет более серьезную угрозу для международного сообщества. Более того, для курдских формирований ИГИЛ превратился в государствообразующий механизм. Именно в результате военных действий против ИГИЛ РПК, ДСС и другие силы становятся более организованными и международно легитимными²³. Руководители военных ведомств США признают, что недостаточно наносить исламистам удары только с воздуха. Однако проблема заключается в том, что Соединенные Штаты официально поддерживают противников Асада. В более сложном положении находится Турция, так как ИГИЛ становится реальной угрозой для Турции, которая раньше не считала ее таковой.

- Политические эксперты в Турции все более склоняются к мысли, что процесс сближения с курдами был разработан и оформлен до «арабской весны» (в частности, до сирийских событий). Сейчас ситуация изменилась и чувствуется необходимость в «освежении» процесса сближения с курдами.

Заключение

В контексте региональных процессов Турция значительно отошла от своей доктрины «ноль проблем с соседями». Создавшаяся ситуация иногда характеризуется как политика «нулевых соседей»²⁴. А «стратегическую глубину» Ахмеда Давутоглу определенные турецкие политические аналитики охарактеризовали как «стратегию без глубины»²⁵. Турецко-сирийские отношения крайне напряжены, поскольку Турция в полной мере вовлечена в сирийский конфликт и поддерживает сирийскую оппозицию, а Башар Асад при возможности намерен снова применить рычаг РПК. Турецко-иранские отношения также носят прохладный характер, поскольку в сирийских событиях Иран однозначно поддерживает Башара Асада. Иранская ядерная программа и переговоры ИРИ с Западом беспокоят турецкую сторону; новое качество получила региональная конкуренция между Турцией и Ираном, а Турция на-

мерена разместить на своей территории (на границе с Ираном) натовские средства противовоздушной обороны. Отношения между Анкарой и Тегераном обострились также в связи с событиями в Йемене. Отношения между Анкарой и Багдадом также далеки от того, чтобы называться теплыми. Раньше отношения были напряженными, поскольку Турция была обеспокоена влиянием ИРИ на премьер-министра (нынешнего вице-президента) Ирака Нури аль-Малики, выдвигала обвинения в монополизации власти и углублении религиозных и этнических противоречий. В свою очередь, Ирак обвинял Турцию в предоставлении убежища суннитскому вице-президенту Ирака Тарику аль-Хашеми, в тесном сотрудничестве (в том числе в обход Багдада) с Иракским Курдистаном и др.²⁶ Однако в отношениях Багдада и Анкары продолжает преобладать атмосфера недоверия и противоречий. В создавшихся условиях Турция намерена применить курдский козырь и углубить свое сотрудничество с Иракским Курдистаном. В иракском контексте Турция в лице своего нового стратегического партнера — КАР будет иметь влияние в иракских процессах и своеобразный буфер против распространения нестабильности и шиитского влияния. Через Иракский Курдистан Турция будет иметь выход на сирийских курдов, пытаясь вовлечь их в действия сирийской оппозиции (что маловероятно, так как сирийские курды, находящиеся под влиянием и РПК, и Иракского Курдистана, предпочитают действовать отдельно) и расколоть их, или попытается ослабить влияние РПК среди сирийских курдов. При наличии определенных условий Турция попытается также использовать курдский рычаг против Ирана. Курдский рычаг необходим Турции и для восстановления регионального баланса и углубления своего влияния в регионе. Однако для всего этого необходимо не только улучшить отношения между Анкарой и Эрбилем, но и решить курдскую проблему (или хотя бы проблему РПК) в Турции, а это процесс, в котором существенную роль может сыграть и РПК. В свою очередь, ослабление фактора РПК превратит Иракский Курдистан в основной центр курдских процессов.

По мере того, как Турция увеличивает свою политическую, военную, экономическую, культурную и разного рода экспансию в Иракском Курдистане²⁷, и чем больше Региональное правительство Курдистана попадает в поле зрения Турции, одновременно отдаляясь от центральных иракских властей (Багдада), тем больше в курдском обществе высказывают опасение по поводу того, что Региональное правительство Курдистана просто заменяет один тип зависимости (или зависимость от политической силы) другим.

Однако еще в 2007 г. Нечирван Мустафа, который сейчас является лидером движения Перемены (Горан), отмечал, что будет лучше, если Турция «проникнет в Иракский Курдистан, осуществляя бизнес-деятельность, чем с помощью танков», одновременно поддерживая в Киркуке туркоманское население²⁸.

Тем не менее планы РПК в сфере развития энергоносителей усиливают обеспокоенность в связи с «туркизацией» Иракского Курдистана. Чем больше нефть становится для РПК стратегическим фактором, тем более уязвимым может почувствовать себя РПК перед политической волей Анкары, особенно если оно будет опираться на Турцию как на вариант транзитного

энергетического коридора. Отсутствие инфраструктуры и альтернативных путей для экспорта (в ближайшем будущем ни Иран, ни Сирия не могут стать альтернативой) и слишком большая опора на нефтяной фактор в качестве источника доходов (он составляет около 95% доходов бюджета РПК) делает более очевидной эту уязвимость. Осуществляя «экспорт независимой нефти» в обход Багдада вместо расширения и углубления автономии, Курдистан может в результате стать менее автономным, превращаясь в полунезависимое от Багдада государство, находящееся в экономической зависимости от Турции. Тем более что Иракский Курдистан, не имея выхода к морю, зависит от региональных держав, и в частности от Турции, в поддержании своего политического и экономического существования.

До углубления противоречий между Эрдоганом и Гюленом и появления Демократической партии народов курдская интеллигенция в отношениях РПК и Турции стремилась увидеть «взаимосвязь» и «взаимозависимость», а не одностороннюю зависимость. В частности, курдский интеллигент Азад Бшеири высказывал следующую мысль: «Интересно, однако, что так называемое “турецкое” влияние в Иракском Курдистане, в свою очередь, является турецко-курдским. Действительно, фирмы, имеющие тесные связи с Иракским Курдистаном, — это главным образом фирмы Восточной Турции, т. е. Турецкого Курдистана. В самом Иракском Курдистане работает большое количество турецких бизнесменов курдского происхождения, да и если говорить о джамаате Гюлена, то ведь нельзя забывать, что Гюлен является последователем курда Саида Нурси (он же Саид Курди). И говоря о “турецкой экспансии” в Курдистане, можно с тем же правом говорить о “курдской экспансии” в самой Турции. Действительно, курды все больше и больше проникают во все сферы турецкого общества как в территориальном отношении (распространяясь по всей Турции), так и в социальном — заполняя все его слои и страты, включая высшие. Если значение того факта, что курдом является самый влиятельный политик турецкой оппозиции — глава Народно-республиканской партии Кемаль Киличдароглу — и ограничивается приверженностью этой партии кемалистским традициям “нации-государства”, то гораздо большее значение имеет обилие курдов в правящей АКП, включая ее депутатов в турецком парламенте (среди них курдов 75 человек). Это, несомненно, сильно влияет на позицию партии в курдском вопросе, и не зря руководство АКП любит подчеркивать, что именно за нее, а не за номинальную представительницу интересов курдов — Партию мира и демократии — голосует курдское большинство, выставляя себя таким образом истинными представителями интересов турецких курдов»²⁹.

Однако в настоящее время некоторые правящие круги в РПК и рядовые члены полагают, что Турция является более надежным и предсказуемым партнером, чем Багдад, особенно по причине интересов в сфере энергоносителей и необходимости удовлетворения своих растущих энергетических потребностей за счет дешевой курдской нефти и газа. Действительно, Турция может многое достичь в отношениях с курдами Ирака и в плане их амбиций. Учитывая перспективу экономической выгоды, по меньшей мере с финансовой точки зрения, маловероятно, что Анкара или тесно связанные с ней деловые круги подвергнут опасности политические отношения³⁰.

Тем не менее мы согласны с доводом знаменитого эксперта Национального института стратегических исследований Национального университета обороны США Дениза Натали о том, что зависимость РПК от Турции как от единственного пути экспорта энергоносителей дает РПК меньше пространства для лавирования, особенно если политический выбор Эрбиля или его стратегические союзы будут бросать вызов Анкаре, или если отношения РПК с Турцией в дальнейшем ухудшатся. Хотя Турция имеет возможность пользоваться дешевыми курдскими энергоносителями, спрос на них составит лишь небольшую часть энергетических потребностей и импорта Анкары, одновременно составляя почти весь объем экспорта и доходов РПК. По мнению Натали, эти отношения зависимости могут разрушить полученный на сравнительно большой территории внутренний курдский суверенитет и ослабить независимый характер внешней политики, которую РПК осуществляет по меньшей мере с 2003 г., несмотря на разногласия с иракскими властями³¹.

Однако, по нашему мнению, основная угроза увеличения беспрецедентного влияния Турции по отношению к РПК заключается в игнорировании существенного различия и несопоставимости стратегических интересов двух сторон.

Турция составляет неотъемлемую часть так называемой «суннитской оси». Активными членами «суннитской оси», которая пользуется поддержкой США, являются также Саудовская Аравия, Иордания, Ирак (в основном центральные и западные части Ирака) и сунниты Сирии.

«Суннитской оси» определенным образом противопоставляется так называемая «шиитская ось», которую иногда называют «шиитским полумесяцем»³². Последний включает Иран, центральные власти Ирака, в основном находящиеся под контролем шиитов (те части Южного Ирака, которые населены шиитами), алавитское правительство Сирии под руководством Башара Асада (в том числе населенные алавитами районы Сирии) и действующую на юге Ливана «Хезболлу».

В результате сближения Турции и РПК Турция определенно направляет РПК в сторону «суннитской оси»³³. Однако стратегические региональные интересы «суннитской оси» и РПК кардинально отличаются. Естественно, совершенно различны и перспективные стратегические региональные интересы Турции и РПК, входящих в «суннитскую ось». Столкновение интересов особенно резко проявляется в Сирии и Ираке. В частности, в Сирии Турция выступает за создание и становление «сильного, централизованного и умеренного суннитского правительства», которое не только будет сдерживать курдский сепаратизм и расчленил цепочку «шиитского полумесяца», но и лишит Иран перспективы расширения влияния в регионе³⁴. Этим объясняется то, что Турция изначально является движущей силой антиасадовских сил и поддерживает сирийскую оппозицию. Турция разорвала торговые контракты с Сирией и на дипломатическом поприще взяла на себя роль изолирующего Сирию государства. Однако возник фактор Партии Демократического Единства (ПДЕ), который в определенной степени сдерживает Турцию. По мнению Анкары, Партия Демократического Единства является сирийским отделением Рабо-

чей партии Курдистана. Анкара выразила озабоченность тем, что контроль над населенными курдами территориями Сирии перейдет к силам, поддерживающим РПК, что еще больше активизирует курдов Турции, в то же время предоставив РПК возможность кроме баз в Кандильских горах Иракского Курдистана иметь дополнительные опорные пункты и базы и на некоторых участках населенных курдами территорий в Сирии.

В противовес Турции интересы Иракского Курдистана направлены на то, чтобы Сирия превратилась в слабое государство, что сделало бы возможным создание курдской автономии в Сирии и обезопасило бы западные границы Иракского Курдистана, более того, дав возможность иракским курдам провать цель окружения соседних стран, враждебно настроенных против КАР³⁵. Более того, теоретически КАР мог получить альтернативный маршрут экспорта своих энергоносителей по территории Сирии.

Столкновение интересов Турции и Иракского Курдистана проявляется также в Ираке. Турция поддерживает арабов-суннитов, рассматривая последних в качестве своих естественных союзников³⁶.

Конечно, Турция кроме КАР могла рассматривать вариант создания отдельной федеративной единицы арабов-суннитов или туркоманов. Однако подобная федеративная единица не имела бы ресурсов и находилась бы в финансовой зависимости от центральных властей Ирака. Между тем среди первоочередных задач «суннитской оси» и Турции должно было быть укрепление отдельной федеративной единицы арабов-суннитов и туркоманов. Одним из способов хотя бы финансового укрепления, пожалуй, может считаться присоединение нефтяных областей Киркука к суннитским областям. Однако это может привести к серьезному конфликту между «суннитской осью» и КАР, так как для полноценной независимости Иракского Курдистана необходимы крепкие экономические основы, что невозможно без богатых нефтью киркукских областей.

На наш взгляд, в контексте отношений между Турцией и Иракским Курдистаном со стратегической точки зрения у Турции есть три альтернативных плана. Для Турции и, пожалуй, для «суннитской оси» первым вариантом является создание единой арабо-курдо-туркоманской федеративной единицы, которая включит и киркукские, и другие спорные территории, а также нефтяные и газовые ресурсы КАР, находясь преимущественно под покровительством Турции. Сложно предсказать вероятность создания такой единицы. Проблема в том, готов ли Иракский Курдистан потерять свой полунезависимый статус, войдя в «Суннистан». Причем «Суннистан» сможет быть как альтернативным вариантом в случае распада Ирака, так и ловушкой для сохранения целостности Ирака. Проблема в том, что в случае определенного развития событий наряду с арабо-курдо-туркоманской единой федеративной единицей может возникнуть перспектива создания «Шиистана», возможно, под эгидой Ирана. И снова может быть избран нейтральный вариант, и для спасения целостности Ирака будет образована конфедерация или федерация «Суннистана» или «Шиистана», то есть Ирак будет разделен на две части. Таким образом, первый вариант: объединить арабов, курдов и туркоманов под управлением единой администрации, приведет к тому, что позднее она образует чуть более слабую, но свободную конфедерацию с шиитским Ираком.

В контексте отношений между Турцией и Иракским Курдистаном со стратегической точки зрения вторым альтернативным вариантом, на наш взгляд, может стать создание конфедерации Турция — Курдистан, в рамках которой Курдистан будет включать как нынешний полунезависимый Иракский Курдистан, так и стремящихся к независимости курдов Турции, имея территориальные претензии в отношении курдонаселенных территорий Северной Сирии, одновременно уравнивая также влияние Ирана в регионе. Возможность создания такого нового турецко-курдского неоосманского союза сейчас отнюдь не исключена.

Частью турецкой политики является и третий вариант — план фрагментации расположенных на юге от Турции соседних стран (в том числе Сирии и Ирака). Для достижения этой цели Турция должна спекулировать религиозными и национальными проблемами в этих странах, содержащими потенциал разобщения. Это не является самоцелью, но этот план имеет стратегическое значение. Тем самым турецкая сторона «может установить экономический, политический и стратегический контроль над южной осью Турции». Следовательно, вмешательство Турции в дела Ирака и Сирии может рассматриваться как проявление, «соответствующее политической схеме», о которой шла речь выше³⁷.

Отношения между Турцией и Иракским Курдистаном представляют собой единство различных альтернативных вариантов стратегического и тактического характера, оно нацелено на решение не только внешних, но и внутренних проблем. Первоочередной задачей Турции, осуществляющей в Иракском Курдистане социально-экономическую, торговую, военно-политическую, образовательную и культурную экспансию, является решение курдской проблемы (или, по крайней мере, проблемы Рабочей партии Курдистана)³⁸ — сдерживать иракских курдов, представляющих угрозу и имеющих большой потенциал, взять Иракский Курдистан под свой контроль и сделать его предсказуемым, расширив сферу своего влияния.

Среди важнейших целей турецкой стороны укажем на социально-экономическую интеграцию Турции и Иракского Курдистана. Это даст Турции новые поводы и рычаги в планировании новой политики. Не случайно, что в апреле 2013 г. премьер-министр Турции Али Бабаджан в Вашингтоне даже заявил, что с экономической точки зрения Северный Ирак стал «как бы естественным продолжением Турции»³⁹. Роль Иракского Курдистана возрастает не только с точки зрения торгового и инвестиционного потенциала, но и того, что он является воротами в остальной Ирак.

Официальная Анкара намерена, указывая на сотрудничество с Иракским Курдистаном, сохранить его, по сути, как исключительный действующий элемент доктрины «ноль проблем с соседями».

Хотя часто говорится о том, что концепция «ноль проблем с соседями» фактически свелась к проблеме и политике «нулевых соседей»⁴⁰, а «стратегическая глубина» — к «стратегии без глубины»⁴¹, действие начального варианта крайне важно для Турции. Не случайно, преодолев некоторые комплексы в курдском вопросе, турецкая сторона смирилась с мыслью о том, что хотя

де-юре Ирак является соседом Турции, де-факто у Турции в лице Иракского Курдистана есть новый сосед⁴².

Примечания

¹ Несмотря на сближение Турции и РПК, даже либерально настроенные в курдском вопросе турецкие политические деятели избегают использования понятий «Региональное правительство Курдистана», «Иракский Курдистан». В частности, даже Абдуллах Гюль, Реджеп Тайип Эрдоган, Ахмет Давутоглу, упоминавшие в каком-либо контексте эти понятия, вынуждены были отказаться от сказанного или вступить в серьезную полемику с оппонентами.

² Oğuzlu T. Turkey's Northern Iraq Policy: Competing Perspectives // *Insight Turkey*. Vol. 10/№ 3/2008. P. 5–22.

³ В этом важную роль играет их Севрофобия или Севрский синдром. — См.: Hovsepyan L. The Fears of Turkey: The Sevres Syndrome. Manifestations of the «Sevres Syndrome» in Turkey's Socio-Political Discourse // Yerevan — «Information and Public Relation Center», 2012.

⁴ В условиях крайне напряженных отношений между Турцией и РПК Масуд Барзани наряду с угрозами в адрес Турции выдвигал следующее обоснование: если Турция вмешивается в иракские проблемы, проблемы иракских туркоманов, то иракские курды также могут вмешиваться в связанные с курдами процессы в Турции. — См.: Massoud Barzani warns Turkey not to intervene in Kirkuk // *EKurd Daily* (April 7, 2007) — <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2007/4/kirkukkurdistan240.htm>

⁵ Op. cit. P. 5–22.

⁶ Макаренко В. Курды в политике Эрдогана и турецкие риски Иракского Курдистана // *Kurdistan.ru* (25. 12. 2013) — http://kurdistan.ru/2013/12/25/articles-20330_Kurdy_v_politike_Erd.html

⁷ Barzani A. AKP and Iraqi Kurds: the participation of Massoud Barzani in the AKP general congress // *Today's Zaman* (2 October 2012), http://www.todayzaman.com/news-294091-akp-and-iraqi-kurds-the-participation-of-massoud-barzani-in-the-akp-general-congress-by-aziz-barzani*.html

⁸ Aziz Barzani, AKP and Iraqi Kurds: the participation of Massoud Barzani in the AKP general congress, — *Today's Zaman* (2 October 2012), http://www.todayzaman.com/news-294091-akp-and-iraqi-kurds-the-participation-of-massoud-barzani-in-the-akp-general-congress-by-aziz-barzani*.html

⁹ Barzani A. AKP and Iraqi Kurds: the participation of Massoud Barzani in the AKP general congress // *Today's Zaman* (2 October 2012), http://www.todayzaman.com/news-294091-akp-and-iraqi-kurds-the-participation-of-massoud-barzani-in-the-akp-general-congress-by-aziz-barzani*.html

¹⁰ К чему ведет ситуативный альянс Турции и Иракского Курдистана // Народный Собор. 25.11.2013 http://www.narodsobor.ru/events/geopolitics/18276-k-chemu-vedyot-situativnyj-alyans-turczii-i-irakskogo-kurdistan#.UqjJ8_QW0ll

¹¹ Цит. по: Amin A. Difficult partnership: Turkey and Kurdistan // *The Kurdish Globe*, № 353, 2012. P. 2.

¹² Есть определенные сведения о том, что в ноябре 2013 г. РПК и Турция уже подписали секретный договор (сроком на 50 лет), который включает проблемы безопасности и нефтяного экспорта. — См. Honar Nama Rasheed. Turkey-Iraqi Kurdistan 'secret agreement': Matter of national security? // *EKurd.net*, April 24, 2015 — <http://ekurd.net/turkey-iraqi-kurdistan-secret-agreement-matter-of-national-security-2015-04-24>

¹³ Hanife Sevde Köse. Iraq's division no longer a deal breaker for Turkey-KRG ties // *Today's Zaman*, 24 March 2013. <http://www.todayzaman.com/news-310559-iraqs-division-no-longer-a-deal-breaker-for-turkey-kr-g-ties.html>

В настоящее время курдские пешмерга контролируют Киркук. Однако проблема как Киркука, так и других спорных территорий еще существует в контексте отношений как РПК с Турцией, так и Багдада с Эрбилем.

¹⁴ Hanife Sevde Köse. Iraq's division no longer a deal breaker for Turkey-KRG ties // Today's Zaman, 24 March 2013.

<http://www.todayszaman.com/news-310559-iraqs-division-no-longer-a-deal-breaker-for-turkey-kr-g-ties.html>

¹⁵ Hanife Sevde Köse. Iraq's division no longer a deal breaker for Turkey-KRG ties // Today's Zaman, 24 March 2013 <http://www.todayszaman.com/news-310559-iraqs-division-no-longer-a-deal-breaker-for-turkey-kr-g-ties.html>

¹⁶ Hanife Sevde Köse. Iraq's division no longer a deal breaker for Turkey-KRG ties // Today's Zaman, 24 March 2013 <http://www.todayszaman.com/news-310559-iraqs-division-no-longer-a-deal-breaker-for-turkey-kr-g-ties.html>

¹⁷ İlnur Çevik. Turkey has to Protect Iraqi and Syrian Turkmens // Daily Sabah, 12 July 2014 — <http://www.dailysabah.com/columns/ilnur-cevik/2014/07/12/turkey-has-to-protect-iraqi-and-syrian-turkmens>

¹⁸ Gökhan Bacik. Turkey and the Kurds: What next? (August 24, 2014) // Today's Zaman, http://www.todayszaman.com/columnist/gokhan-bacik/turkey-and-the-kurds-what-next_356578.html

¹⁹ Gökhan Bacik. Turkey's position on ISIL and the Kurds (September 28, 2014) // Today's Zaman, http://www.todayszaman.com/columnist/gokhan-bacik/turkeys-position-on-isil-and-the-kurds_360098.html

²⁰ Gökhan Bacik. Turkey's position on ISIL and the Kurds (September 28, 2014) // Today's Zaman, http://www.todayszaman.com/columnist/gokhan-bacik/turkeys-position-on-isil-and-the-kurds_360098.html

²¹ Германия поставила Курдистану новую партию оружия // Kurdistan.Ru (01.05.2015) http://kurdistan.ru/2015/05/01/news-23987_Germaniya_postavila.html, Президент Курдистана принял военную делегацию Великобритании // Kurdistan.Ru (30.04.2015)-http://kurdistan.ru/2015/04/30/news-23976_Prezident_Kurdistana_prinyal_voennuyu_delegaciyu_Velikobritanii.html

²² Gökhan Bacik. Turkey's position on ISIL and the Kurds (September 28, 2014) // Today's Zaman, http://www.todayszaman.com/columnist/gokhan-bacik/turkeys-position-on-isil-and-the-kurds_360098.html

²³ Gökhan Bacik. Turkey's position on ISIL and the Kurds (September 28, 2014) // Today's Zaman, http://www.todayszaman.com/columnist/gokhan-bacik/turkeys-position-on-isil-and-the-kurds_360098.html

²⁴ Turkey's Kurdish policies complicate ties with Iran, Iraq // «Al-Monitor», June 1, 2013, <http://theiranproject.com/blog/2013/06/01/turkeys-kurdish-policies-complicate-ties-with-iran-iraq/>. См. также: From Zero Problem with Neighbors to Zero Neighbors, — Al-Alam News Network (October 28, 2014)- <http://en.alalam.ir/news/1644379>

²⁵ Doğu Ergil. Strategy without debth // Today's Zaman (March 31, 2015).

²⁶ Bashdar Pusho Ismaeel. Turkey and Kurdistan's new focus on «what unites us rather than what divides us» // Kurdish Globe, 28 May 2012.

²⁷ Петросян В. Экономическая экспансия Турции в Иракском Курдистане. Ось мировой политики XXI в.: Обострение борьбы за ресурсы в Азии и Африке. М., 2012. С. 298–354. См. также: Петросян В. Военно-разведывательная деятельность Турции в Иракском Курдистане // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке: Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы. М., 2014. С. 431–456.

²⁸ Natali D. Iraqi Kurds Criticize Growing Turkish Influence // Al-Monitor (June 4 2013), — <http://www.al-monitor.com/pulse/fa/contents/articles/opinion/2013/06/iraqi-kurds-critical-turkish-influence.html>

²⁹ Азад Бшеири. Большой Курдистан на путях формирования общекурдской элиты // *Kurdistan.ru* (01.11.2011) — http://kurdistan.ru/2011/01/11/news-8643_Bolshoy_Kurdistan_na.html

³⁰ Natali D. Iraqi Kurds Criticize Growing Turkish Influence // *Al-Monitor* (June 4 2013), — <http://www.al-monitor.com/pulse/fa/contents/articles/opinion/2013/06/iraqi-kurds-critical-turkish-influence.html>

³¹ Natali D. Iraqi Kurds Criticize Growing Turkish Influence // *Al-Monitor* (June 4 2013), — <http://www.al-monitor.com/pulse/fa/contents/articles/opinion/2013/06/iraqi-kurds-critical-turkish-influence.html>

³² Abdülhamit Bilici. Is the Shiite Crescent a myth? // *Today's Zaman* (30 December 2011) http://www.todayzaman.com/columnists/abdulhamit-bilici_267198-is-the-shiite-crescent-a-myth.html

³³ Hakan Güneş. Turkey and Iran: A Sunnite Axis against the Shiite crescent? // *Heinrich Böll Stiftung Turkey Representation* <http://www.tr.boell.org/web/51-1724.html>

³⁴ B. Mohammed Barzani's foreign policy risks Kurdistan's long term future // *KurdishMedia.com* (03/02/2013) — <http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16929>

³⁵ B. Mohammed. Barzani's foreign policy risks Kurdistan's long term future // *KurdishMedia.com* (03/02/2013) — <http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16929>

³⁶ Не случайны были усилия Турции по формированию в Ираке еще в 2011 г. правительства суннитского большинства. Турция, США и Саудовская Аравия планировали, что коалицию должен возглавить Ияд Алауи, который, получив на выборах большинство голосов, смог бы сформировать и возглавить следующее правительство. По мнению аналитика Дженигиза Чандари, Турция в то время стремилась вместо курдского президента Ирака Джалала Талабани привести на этот пост другого политического деятеля, суннита. В этом плане наиболее приемлемой и вероятной считалась кандидатура Тарика аль-Хашими. Не будучи уверенной в курдах и полагая, что курдские политики, занимающие высокие посты в Ираке, планируют создание независимого курдского государства, Турция была намерена ослабить курдское присутствие в Багдаде. Выборы были подходящим поводом для этого. Однако расчеты Турции не только не оправдались, но и вызвали определенное недовольство как среди курдских, так и шиитских политических деятелей Ирака.

Seyfeddin Kara. Turkey learns rules of the game in Iraq // *Asia Times Online (Middle East)*, April 1, 2011 http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MD01Ak03.html

³⁷ Munir Chalabi. Who Will Have the Upper Hand in the New Turkish-KRG Energy Alliance? // *USLAW* (June 12th, 2013) — <http://www.uslaboragainstar.org/section.php?id=6>

³⁸ Aziz Barzani. AKP and Iraqi Kurds: the participation of Massoud Barzani in the AKP general congress // *Today's Zaman* (2 October 2012), http://www.todayzaman.com/news-294091-akp-and-iraqi-kurds-the-participation-of-massoud-barzani-in-the-akp-general-congress-by-aziz-barzani*.html

³⁹ Butter D. Ankara looks to build Kurdish ties // *Middle East Business Intelligence* (2 June 2013) — <http://www.meed.com/supplements/2013/turkey-and-the-middle-east/ankara-looks-to-build-kurdish-ties/3182035.article>

⁴⁰ From Zero Problem with Neighbors to Zero Neighbors // *Al-Alam News Network* (October 28, 2014) - <http://en.alalam.ir/news/1644379>

⁴¹ Doğu Ergil. Strategy without debth // *Today's Zaman* (March 31, 2015).

⁴² Zafer Burakmak. Yeni Komşumuz Kürdistan // *Islah Haber* (03 Şubat 2013), - <http://www.islahhaber.com/yeni-komsumuz-kurdistan-31730h.htm> В деле укоренения идеи нового соседа Турции в лице Иракского Курдистана существенную роль сыграла последовательная работа, проводимая курдскими политическими деятелями. — См.: Demirtaş: Kürdistan Komşunuz Olacak (28 Temmuz 2013) // <http://www.haberler.com/demirtas-simdi-kurdistan-komsunuz-olacak-diye-niye-4880814-haberi/> Ne Irak ne İran ne Suriye: Yeni Komşumuz Kürdistan. Harita değişiyor (27 Ağustos 2013) — <http://www.kapsamhaber.com/gundem/yeni-komsumuz-kurdistan-h5305.html>

Е.И. Уразова*

**СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ
(ТЮРКСКИЙ СОВЕТ) — НОВОЕ ИНТЕГРАЦИОННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ В ЕВРАЗИИ**

Резюме. Статья содержит оценку целей и результатов первых лет деятельности созданного в 2009 г. под эгидой Турции интеграционного объединения тюркоязычных стран Кавказско-Центральноазиатского региона.

Ключевые слова: Турция, тюркоязычные страны, интеграция, экономическое и культурно-образовательное сотрудничество, тюркский мир, международные связи.

Summary. The article contains the assessment of the goals and results of the first active years of the association of the Turkic-speaking states of Central Asia and the Caucasus, created in 2009 under the aegis of Turkey.

Tags: Turkey, Turkic-speaking states, integration, economic, cultural and educational cooperation, Turkic world, international ties.

Одним из последствий распада СССР и создания новых государств явилось появление в 90-е гг. XX в. — начале XXI в. на евразийском постсоветском пространстве ряда крупных интеграционных объединений (СНГ, ЧЭС, ОЭС, ЕврАзЭС, ШОС), в которые наряду с Россией и соседними странами — обычно их инициаторами — включились вновь образованные республики региона Южного Кавказа и Центральной Азии.

На рубеже 10-х гг. текущего века к ним прибавилась еще одна структура — ССТГ или кратко — Тюркский Совет. Хотя формально предложение о его создании было выдвинуто президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым, этот проект был инициирован Турцией, для которой объединение под своей эгидой постсоветских тюркоязычных государств после распада СССР становится одним из важных приоритетов внешней политики.

Обретение независимости этой группой постсоветских государств было встречено в Турции с большим энтузиазмом и надеждами на быстрое и тесное сближение. Еще в начале 90-х гг. XX в. президентом Турции Тургутум Озалом была предпринята попытка создать Ассоциацию тюркских государств, которая не увенчалась успехом, так как не получила поддержки их руководства, сохранявшего приверженность связям с Россией. Удалось лишь договориться о регулярных встречах глав государства, а в 1998 г. в Баку начала работать тюркская Парламентская Ассамблея.

Все последующие годы Турция прилагала усилия для налаживания всесторонних связей с новыми тюркоязычными государствами. В 1992 г. на

* Уразова Елена Измайловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник-консультант ЦИСБСВ ИВ РАН.

правительственном уровне была создана специальная структура — Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТІКА), на которую были возложены обязанности по оказанию финансовой и технической помощи и содействию новым государствам. Наряду с оказанием гуманитарной помощи, начатой с первых лет обретения ими независимости, когда они оказались в крайне тяжелом экономическом положении, Турция быстро наладила с ними двустороннюю торговлю, одновременно оказывая поддержку турецким предпринимателям, устремивших в «братские» страны в надежде на успешный бизнес.

Наряду с государственным и частным секторами в сотрудничество и оказание помощи новым государствам активно включились и турецкие неправительственные общественные организации — вакфы и дернеки. С каждым годом сферы деятельности и участия турецкой стороны в тюркоязычных государствах расширялись, приобретая все новые направления и формы¹.

Важной частью сотрудничества стала передача им опыта проведения рыночных реформ и институциональных преобразований, необходимых для формирования экономической и правовой среды, отвечающей требованиям перевода хозяйства на конкурентную основу, включению их в глобальные мирохозяйственные и региональные процессы, созданию условий для использования внешних источников ресурсов как в виде кредитов, так и прямых иностранных инвестиций.

В подготовке и проведении рыночных преобразований были привлечены структуры ООН и западные эксперты. Деятельность Турции в Кавказско-Среднеазиатском регионе с самого начала координировалась и согласовывалась с международными финансовыми организациями — МВФ и Всемирным банком (большинство тюркоязычных государств уже в первой половине 90-х гг. вступили в них при посредничестве Турции), а также с Евросоюзом и США, для которых регион вскоре превратился в важную сферу геополитических и экономических интересов.

На рубеже XX–XXI вв. произошел спад в экономических связях Турции со странами региона, вызванный серьезным финансово-экономическим и политическим кризисом, пережитым Турцией, и сокращением ее возможностей оказывать помощь «братским» странам, что стало одной из причин взятых ими курс на развитие многовекторных экономических связей.

Однако уже вскоре после прихода к власти в конце 2002 г. происламской Партии справедливости и развития все направления и формы помощи и сотрудничества Турции с постсоветскими тюркоязычными республиками не только возобновились, но и получили еще больший размах.

За истекший более чем 10-летний период практически во всех основных народнохозяйственных, социальных и культурных сферах тюркоязычных государств было выполнено большое число проектов, начиная от строительства средних и относительно крупных инфраструктурных сооружений в сферах транспорта, связи и гидроэнергетики, создания торговых, медицинских, культурных центров, преобразований в банковской системе и кончая многочисленными сравнительно небольшими проектами, включая тепличные и рыбоводческие хозяйства, пасеки, борьбу с вредителями леса, создание и

оборудование университетов, школ, больниц, налаживание статистической службы, стандартизации, архивного дела и т. д. и т. п.

Многokrратно выросли суммы, выделяемые Турцией новым тюркским государствам. Если до 2003 г. среднегодовая официальная «помощь на развитие» по линии турецкого госбюджета составляла 70–80 млн долл., то в 2011 г. — 1273 млн долл. В том же году частным сектором в виде прямых инвестиций было вложено 879 млн долл. и 211 млн долл. было выделено неправительственными организациями². Следует также отметить, что в поддержку турецкой объединительной идеи стали активно выступать на Курултаях представители тюркоязычных федеративных образований других постсоветских государств, в частности России. Например, в совместной декларации прошедших в Анталье 10-го международного Курултая и 8-го «саммита» глав тюркоязычных государств содержался призыв к «выработке общей политики тюркских государств в отношении Афганистана, Ирака, Палестины, в урегулировании кипрской и карабахской проблем»³. Страны — участницы этих мероприятий обязались взаимно поддерживать друг друга в достижении таких целей, как вступление Турции в полные члены Евросоюза, избрание Турции, Казахстана и Кыргызстана в непостоянные члены Совета Безопасности ООН.

Достигнутое к концу первого десятилетия текущего века реальное экономическое и политическое сближение Турции со странами региона, в первую очередь с наиболее быстро развивающимися, обладающими крупными запасами углеводородного сырья (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), широкомасштабное культурно-образовательное сотрудничество, активное содействие новым государствам на международной арене — все это позволило Турции предпринять решительный шаг для воплощения в жизнь давней мечты тюркских идеологов-националистов об объединении стран и народов тюркских стран.

В начале октября 2009 г. на очередном, 9-м, саммите глав тюркских государств, проходившем в Нахичевани (Азербайджан), президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым, как уже упоминалось, было выдвинуто предложение о создании в целях сближения и дальнейшей интенсификации уже существующих связей интеграционного объединения — Союза сотрудничества тюркских государств (ССТГ) или иначе — Тюркского Совета. Это предложение было, хотя и не единогласно, принято. И 3 октября 2009 г. соответствующее соглашение было подписано главами 4 государств (Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции). Главы Туркмении и Узбекистана предпочли тогда от этого воздержаться.

Реальное оформление нового объединения произошло в октябре 2011 г. на саммите глав стран — участниц ССТГ в Астане. По словам выступившего на нем турецкого дипломата Х. Акынджи, возглавившего секретариат ССТГ, «важнейшей целью создания Тюркского Совета является принятие конкретных мер и шагов для продвижения дальнейшего развития уже существующего сотрудничества, создания реальных механизмов для взаимодействия»⁴.

Деятельность этого интеграционного объединения, как следует из его деклараций и выступлений лидеров, рассчитана на долгосрочную перспективу,

цели которой фактически выходят за пределы одного только интеграционного союза между Турцией и постсоветскими тюркоязычными государствами.

Об этом свидетельствует и официально утвержденная структура Тюркского Совета, которая включает:

- секретариат с местоположением в Стамбуле;
- совет президентов, которые должны встречаться два раза в год;
- совет министров иностранных дел;
- совет старших должностных лиц;
- совет старейшин (аксакалов);
- мТюркская Академия (в Астане).

В структуру Тюркского Совета также были включены ранее возникшие общетюркские организации. В их числе Парламентская Ассамблея, основанная в 1998 г. в Баку, Фонд тюркской культуры и искусства (TÜRKSOY). Представительство в Тюркском Совете всех заинтересованных лиц должно обеспечивать всестороннее обсуждение и достижение необходимого единства мнений (консенсуса) при принятии решений всеми заинтересованными сторонами.

Согласно заявлениям, сделанным в Астане, целью вновь создаваемого регионального объединения должно стать укрепление взаимопонимания и сотрудничества тюркских народов, популяризация их общего культурного наследия, их интеграционное сближение и выработка единой позиции на международной арене.

Появление новой интеграционной группировки сопровождалось реорганизацией ТІКА. Согласно принятому в мае 2011 г. и вошедшему в силу в ноябре того же года закону было уточнено ее название : вместо Агентства по сотрудничеству оно стало Агентством по координации, что отвечало новым условиям после создания Тюркского Совета. Хотя по существу основные направления и задачи ТІКА мало изменились, их формулирование получило более общий характер и теперь включает следующие позиции: «выполнение программ сотрудничества», «вклад во взаимное развитие», «техническая поддержка и гуманитарная помощь», «сотрудничество с национальными и международными организациями»⁵. Как и раньше, из турецкого госбюджета выделяются средства, на которые в ТІКА финансируются те или иные программы и проекты , выполняемые в регионе. Только в 2013 г. по линии официальной помощи было выделено: Кыргызстану 131,5 млн дол., Казахстану — 39,3, Азербайджану — 8,7, Туркменистану — 15,8, Узбекистану — 7,0 млн дол.⁶.

Основным приоритетным направлением деятельности Тюркского Совета, как это было определено на саммите в Астане, является развитие и углубление экономического сотрудничества между странами-участницами. В принятой на нем декларации говорилось, что его главной задачей должно стать обеспечение необходимых условий для свободного движения капиталов, услуг и технологий между странами-участницами. Также указывалось на продолжение усилий государств ССТГ по гармонизации законодательства о приобретении собственности, в том числе недвижимости, а также о необходимости создания Ассоциации страховых компаний для обеспечения безопасности торговых операций.

Были сформированы рабочие группы по выработке мер для улучшения инвестиционного климата, диверсификации экономики нового объединения, по развитию транспорта, в том числе предусматривалось создание Транспортного агентства тюркских государств⁷.

2-й саммит, который в 2012 г. прошел в Бишкеке (Кыргызстан), был в основном посвящен сотрудничеству в сфере культуры, науки и образования, которая была объявлена вторым по значению приоритетным направлением деятельности Тюркского Совета. Было подтверждено решение саммита в Астане о создании междуниверситетского союза и Тюркского фонда научных исследований. Выступивший на саммите министр образования Турции Наби Авджи говорил о важности развития туризма по Великому шелковому пути при «создании единого экономического и культурного пространства и укрепления уз дружбы на основе ценностей и традиций гуманитарного сотрудничества». Была поставлена задача оказывать поддержку и принимать меры для укрепления тюркских диаспор в других странах и расширения сфер их влияния на международной арене. В этой связи было намечено создание региональных тюркских центров, в том числе в Вашингтоне, Берлине и Париже. Существенным моментом, характеризующим прозападную ориентацию ССТГ, явилась договоренность участников саммита о сотрудничестве в рамках международных организаций, своем стремлении развивать диалог с Советом Европы. Они приветствовали сотрудничество, установленное между Тюркским Советом и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также договорились о необходимости развивать взаимодействие в рамках Организации исламского сотрудничества.

В последующий период Тюркским Советом, по данным его секретариата, проводилась активная повседневная работа. Только в 2012 г. было проведено более 20 встреч в целях активизации сотрудничества в разных сферах. Было принято решение о создании Союза тюркских университетов, в который должны были войти 15 вузов из четырех тюркоязычных стран. В связи с развернувшейся в Турции работой при участии ЮНЕСКО по созданию единого тюркского языка было проведено заседание комитета, на котором обсуждались вопросы общетюркской терминологии, подготовки и публикации тюркских словарей и топонимических атласов⁸.

Важным событием стало принятие в августе 2012 г. решения о едином флаге, включающем элементы флагов стран – участниц ССТГ. По словам нынешнего премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу, тогда занимавшего пост министра иностранных дел, «...новый флаг будет наподобие флага Евросоюза обязательным для всех тюркоязычных государств наряду с национальным»⁹.

3-й саммит проходил в 2013 г. в г. Габала (Азербайджан). Основной его темой стали вопросы развития взаимной торговли и инвестиций. Особое внимание было уделено упрощению таможенных процедур и необходимости укрепления транспортной инфраструктуры, что является одним из важных условий углубления интеграционных процессов, особенно учитывая большие масштабы региона и отдаленность Турции от тюркоязычных государств Центральной Азии, а также их обязательства, связанные с участием в создании

Южного транспортного коридора из стран Евросоюза в Дальневосточный регион.

На 4-м саммите, который состоялся в июле 2014 г. в Бодруме (Турция), в состав Тюркского Совета вошел Туркменистан. Таким образом, в настоящее время он объединяет четыре постсоветские тюркоязычные республики. За его пределами пока остается Узбекистан, включение которого в данное объединение, как представляется, является вопросом времени.

На саммите обсуждался широкий круг вопросов двустороннего и многостороннего сотрудничества. После вступления в ССТГ Туркменистана особую актуальность приобрела тематика сотрудничества в Прикаспийском регионе, в том числе предметный характер получило обсуждение реализации проекта строительства железной дороги из Китая через Казахстан, Туркменистан и Иран с выходом к Персидскому заливу и прокладки трубопроводов для транспортировки каспийского газа транзитом через Азербайджан и Турцию в страны Евросоюза, а также вопросы, связанные не только с экспортом, но и возможной диверсификацией нефтепереработки каспийских энергоносителей на предприятиях стран Тюркского Совета. На саммите был рассмотрен вопрос расширения информационного сотрудничества — было предложено совместно создать тюркское телевидение, которое «представит международному сообществу тюркский мир, историю, культуру, традиции народов тюркоязычного пространства»¹⁰.

Саммит в Бодруме завершился подписанием декларации «Тюркский Совет — современный Шелковый путь», который рассматривается не только с точки зрения выгод от туризма, но и как средство укрепления уз дружбы на основе ценностей и традиций гуманитарного сотрудничества. Были также приняты конкретные решения для поддержки и укрепления тюркских диаспор в других странах и расширения сферы их влияния на международной арене.

Не последнее значение при оценке деятельности Тюркского Совета имеет вопрос, какими источниками средств он располагает и будет ли финансировать будущие программы и проекты, тем более что о создании собственного банка публично до сих пор речи не шло. Очевидно, что эта задача решается, во-первых, за счет ресурсов отдельных стран-членов, в первую очередь — Турции; во-вторых — займов международных банков и финансовых организаций и, в-третьих, за счет средств турецкого исламского «Банка Азии».

Этот банк, первоначально именовавшийся «Асья финанс куруму», появился в Турции в конце прошлого века наряду с еще тремя исламскими финансовыми структурами. Если эти три последние были филиалами арабских банков, то «Асья финанс куруму» был создан по инициативе и при участии влиятельного турецкого миллиардера и известного мусульманского богослова Фетхуллага Гюлена и его последователей, не говоря уже о том, что его крупнейшим акционером был Национальный коммерческий банк Саудовской Аравии.

Ф. Гюлен, под контролем которого находится большое число турецких частных предприятий, и в некоторых из них он имеет долю участия, известен своей приверженностью идеям объединения тюркского мира. В течение последних десятилетий во многих странах мира им была создана сеть

турецких школ, в том числе такие школы были созданы на его средства и в постсоветских тюркоязычных странах, а также в некоторых автономиях Российской Федерации. Его деятельность на постсоветском пространстве этим не ограничивалась. По сведениям турецких авторов, целью созданного Гюленом и его последователями банка «Асья финанс куруму» было формирование накоплений для частных инвестиций в тюркских республиках, для привлечения в них турецких бизнесменов, которые могли рассчитывать на его поддержку¹¹. Считалось даже, что большинство турецких компаний, работающих в Центральной Азии, принадлежит движению Гюлена. Многократно вырос за последние годы и капитал «Банка Азии». Если при создании он составлял сравнительно небольшую сумму в 900 млн лир, то на начало 2014 г. он достиг 1200 млрд лир¹².

Как представляется, именно средства «Банка Азии» являются наиболее существенным источником финансирования программ Тюркского Совета.

По заявлениям членов Тюркского Совета, его деятельность не направлена против каких-либо третьих стран и членство в нем не противоречит обязательствам в рамках других международных объединений, в том числе и тех, в которых участвует Россия¹³. Но это далеко не так. Потенциально Тюркский Совет при определенных условиях может стать альтернативой Евразийскому экономическому союзу (ЕврАзЭС), существующему с начала 2015 г.

Как уже отмечалось выше, в своих внешних связях Тюркский Совет ориентируется на взаимодействие и сотрудничество в первую очередь с ведущими странами и международными финансовыми организациями Запада, а также с Китаем и мусульманскими странами и их банками в гораздо большей степени, чем на Россию, даже при том что одним из учредителей и активным членом ЕврАзЭС является Казахстан.

Некоторые эксперты сомневаются в выживаемости Тюркского Совета. Например, как считает эксперт по Центральной Азии и Среднему Востоку Александр Князев, «...эффективно работающие альянсы, особенно экономически, основанные на языковой близости, в мировой практике являются большой редкостью. Пока условий для возникновения подобного среди тюркоязычных стран не просматривается. У каждой из стран — свои интересы, во многом не совпадающие друг с другом»¹⁴. С этим трудно согласиться, имея в виду уже более века существующую идеологию пантюркизма, которая в сложных современных условиях проявила гораздо большую живучесть, чем другие подобные националистические идеологии, как, например, идеология панславизма.

Программа, намеченная Тюркским Советом, как и сам факт его создания, по существу, есть не что иное, как воплощение идей основоположников пантюркизма о необходимости политической консолидации государств, населенных тюркскими народами на основе их исторической, этнической, культурной и языковой общности. Можно вспомнить, что еще Исмаил Гаспринский предпринял первые шаги по унификации тюркских языков путем их очищения от персидских и арабских заимствований. По его замыслу в будущем тюркский язык должен стать единым языком всех народов тюркского мира.

Зия Гёкальп в своей книге «Основы тюркизма» и других работах обосновал необходимость разделения светской и духовной власти и развития тюркской нации на основе достижений современной западной цивилизации. Одним из условий успеха на этом пути он считал объединение тюркских народов в рамках единого государства, настаивал на возможности совмещения принципов ислама и норм европейской цивилизации и одновременно считал необходимым сохранение тюркской культуры в ее целостном и оригинальном виде. Следует сказать, что Мустафе Кемалю — основателю Турецкой Республики и ее первому президенту — были чужды пантюркистские взгляды. Из тюркизма Зии Гёкальпа он взял его позитивные идеи — этатизм, секуляризм, общедемократические и просветительские элементы. Панисламизм и пантюркизм времен Османской империи он называл безумными химерами и считал необходимым сосредоточиться на национализме в рамках Турецкой Республики.

После создания Советского Союза идея объединения тюркских народов в значительной мере утратила былое значение, хотя сохранялись отдельные представители и даже объединения пантюркистов, оживившиеся в период Второй мировой войны, а уже с 60-х гг. их представляла Партия националистического движения во главе с Альпарсланом Тюркешем.

Свое новое дыхание эта идея обрела и стала одним из приоритетов внешней политики Турции после распада СССР и образования на его территории новых государств, в том числе пяти тюркоязычных. Создание и первые шаги ССТГ — Тюркского Совета свидетельствует о том, что турецкий национализм из идеологии преимущественно для внутреннего пользования, каким он был на протяжении ряда десятилетий республики, в настоящее время трансформируется в международную идеологическую доктрину объединения тюркского мира.

Примечания

- 1 Подробнее см.: Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012.
- 2 Türkiye kalkınma yardım raporu 2011. Ankara, 2012. S. 7, 14.
- 3 Геополитика, 11.02.12.
- 4 www.ispaloma.ru/news/detail.php
- 5 TİKA. Faaliyet raporu 2013. Ankara, 2014. S. 10–12.
- 6 Türkiye kalkınma yarım raporu 2013. Ankara, 2014. S. 10, 91.
- 7 www.ispaloma.ru/detail.php
- 8 Новости Грузии, 15.08.13 www.vestnik.kavkaza.ru/tags
- 9 Геополитика, 11.02.12.
- 10 Oğuz news, 09.06.14.
- 11 Bulent Aras and Omer Cuhc Fethullah Gülen and his liberal 'Turkish İslam' movement // Middle East Review of International Affairs, 30.11.2000.
- 12 Bugün, 21.01.14.
- 13 ru.apa.az/news/284087
- 14 Независимая газета, 06.06.14.

*И.Е. Федорова**

ЭЛЕМЕНТЫ ПАНИРАНИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА

Резюме. Паниранизм, делающий акцент на генетическом единстве иранских народов, на необходимости их культурного и политического союза, восстановлении территории Великого Ирана как идеологическое направление не присутствует в официальной внутривнутриполитической парадигме ИРИ. Тем не менее при выстраивании внешней политики в ираноязычных странах руководство Ирана делает ставку не только на ее политическую и экономическую составляющую, не только на конфессиональную общность с народами этих стран, но и на их этнокультурное единство.

Ключевые слова: Иран, паниранизм, Афганистан, Таджикистан.

Summary. Pan-Iranism, which is focused on solidarity and reunification of Iranian peoples, restoration of the territory of the Great Iran is not present in the official ideology of the Islamic Republic of Iran. Nevertheless Iranian policy in Persian speaking countries is based not only on developing political and economic relations, not on emphasizing religious unanimity, but on ethnic and cultural identity.

Tags: Iran, pan-iranism, Afghanistan, Tadjikistan.

Идеологические основы паниранизма были сформулированы в 1925–1927 гг. иранским политологом М. Афшаром в журнале «Аянде» в статьях, посвященных различным аспектам иранской идентичности, необходимости сохранения территориальной целостности Ирана и укрепления иранской государственности. Усиленное внимание к этому вопросу было во многом обусловлено желанием противопоставить иранскую точку зрения разрабатываемым в то же время теориям пантюркизма и панарабизма, создававших потенциальную угрозу территориальной целостности Ирана¹.

По мнению паниранистов, персидский язык и персидская литература, единое историческое прошлое и принадлежность к арийской расе составляют иранскую идентичность. Они считают, что иранские народы разделены и проживают в различных странах, границы между которыми искусственны и были навязаны империалистами. Цель паниранистов — объединить все ираноязычные народы, которые являются всего лишь «ветвями древнего иранского древа», и, основываясь на их культурном и политическом единстве, воссоздать Великий Иран. А великий, представший в былом могуществе Иран сможет оказать неопределимую помощь всей мировой цивилизации².

Подобные, глубоко националистические в своей основе взгляды противостоят официальной государственной идеологии Исламской Республики Иран.

* Федорова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Имам Хомейни осудил идеи национализма, которые пропагандировали как отдельные политики, так и некоторые политические партии. Он был против даже употребления слова «национальный» применительно к межджису, считая, что национализм несовместим с исламом. В своих выступлениях Хомейни подчеркивал, что «национализм противоречит исламу. Национализм — это паниранизм, панарабизм. Это противоречит указаниям Бога и противоречит Священному Корану»³.

Поэтому паниранизм как идеологическое направление официально не присутствует во внутривластной парадигме Ирана. Паниранская партия, образованная в 1941 г. и в той или иной форме просуществовавшая почти 40 лет, в 1979 г. была запрещена. Впрочем, о принадлежности к ней заявило лишь небольшое число представителей интеллигенции, изредка принимавших участие в антиправительственных демонстрациях. Некоторые из них после Исламской революции бежали за границу, некоторые были арестованы, а один из руководителей — М. Реза Амели Техрани — был осужден и приговорен к смертной казни. По некоторым данным, паниранская партия существует во многом виртуально, а ее электронный ресурс зарегистрирован в Канаде⁴.

В этой связи мы можем согласиться с американскими учеными Бернадом Льюисом и Леонардом Биндером в том, что паниранизм как таковой не был широко распространенной и влиятельной идеологией⁵.

Как мы уже отметили, националистические идеи чужды официальной идеологии Исламской Республики Иран. Цель внешней политики, определенная в конституции страны — экспорт исламской революции в ее шиитском измерении — остается неизменной на протяжении всех послереволюционных лет. Но при сохранении поставленной цели внешняя политика Тегерана отличается явно выраженной прагматичностью. Она разнообразна, разнонаправлена, и в зависимости от воздействия внутренних и внешних факторов на первый план выходят те или иные подходы к решению поставленных задач, а также те или иные конкретные методы их реализации. В одних случаях для распространения своего влияния в зарубежных странах руководство страны делает ставку на конфессиональную общность, а в других — на общее этнокультурное наследие.

При этом начиная со второй половины 90-х гг. XX столетия руководство страны стало более сдержанно относиться к реализации глобальных целей и сосредоточило свое внимание на обеспечении национальной безопасности и достижении лидерства в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии. Мусульманские страны, окружающие Иран, оказались в центре внимания иранских лидеров, а восточное направление внешней политики приобрело особое значение. Проводя свою политику в этом направлении, Тегеран сделал ставку не только на ее политическую и экономическую составляющую, а на исламскую общность с народами Центральной Азии и на их этнокультурное единство. В этой связи стоит обратить внимание на то, что в документе «Перспективы развития ИРИ до 2015», опубликованном в 2003 г., во внешнеполитическом разделе говорится о необходимости укрепления как исламской, так и иранской идентичности иранцев, проживающих за рубежом⁶.

Особую роль в парадигме внешней политики ИРИ играют Афганистан и Таджикистан, где проживают этнически близкие иранцам народы. Здесь стоит отметить, что иранское руководство, развивая различные направления своей политики в Афганистане и Таджикистане, выступило одним из инициаторов создания Союза персоязычных государств. Так, в 1992 г. была создана Организация культурного сотрудничества Ирана, Афганистана и Таджикистана, в задачи которой входило распространение письменности и литературы на фарси. Однако наибольшая активность Ирана в этом направлении связана с деятельностью президента М. Ахмадинежада, который считал, что выстраивание полноценных отношений Ирана с соседними странами во многом может помочь стране выйти из международной изоляции. Так, в июле 2006 г. во время встречи президентов Ирана, Таджикистана и Афганистана в Душанбе по его предложению было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству трех стран с координационным центром в Кабуле. А на саммите в Душанбе в 2008 г. по его инициативе лидеры трех стран подписали Соглашение о создании Экономического совета персоязычного союза. В их совместных заявлениях неоднократно отмечалась важность сотрудничества между Ираном, Афганистаном и Таджикистаном в вопросах образования и здравоохранения, науки и культуры, а также необходимость создания единого телеканала, ведущего вещание на языке фарси. Центральный офис совместного телеканала, знакомящего широкую аудиторию с историей, культурой, традициями и обычаями народов региона, планировалось разместить в Душанбе.

На наш взгляд, несмотря на многочисленные заявления лидеров трех стран, перспективы создания полноценно функционирующего союза Ирана, Афганистана и Таджикистана не слишком оптимистические. Во-первых, единению государств препятствуют различия в их государственном устройстве и внешнеполитической ориентации в целом. Во-вторых, в связи с тем, что эти государства являются членами ОЭС, трехстороннее экономическое сотрудничество между ними не развивается. В-третьих, сближение осложняется тем, что в отличие от иранцев большинство афганцев и таджиков являются суннитами. А достаточно непростые межэтнические отношения между пуштунами и таджиками внутри Афганистана создают дополнительные трудности для осуществления объявленных целей.

В этой связи сколько-нибудь значимых трехсторонних проектов в рамках этого соглашения осуществлено не было. Не был создан даже общий спутниковый ирано-афганско-таджикский телеканал, о котором договорились в 2008 г. Основным направлением деятельности может быть культурное и научное сотрудничество, в рамках которого можно отметить некоторые достижения. Например, в 2009 г. в Душанбе вышел сборник «Культура и образование в цивилизации иранских народов», состоящий из статей по проблемам культуры трех стран и рассмотрены перспективы развития образовательной системы Таджикистана и Ирана.

Учитывая трудности создания политического и экономического союза трех государств, руководство Ирана направляет основные усилия на развитие сотрудничества между Ираном и Афганистаном и Ираном и Таджикистаном на двусторонней основе. При этом Тегеран использует широкую парадигму своего влияния в названных странах: от развития экономического и полити-

ческого сотрудничества до распространения исламской шиитской идеологии и культурной экспансии.

Остановимся на отношениях Ирана с Афганистаном.

Афганистан — важнейшее стратегическое направление внешней политики ИРИ, на котором Тегеран действует чрезвычайно активно, стремясь вовлечь ИРА в орбиту своего влияния. В экономическом плане Иран представлен в соседней стране очень широко. Он помогает в осуществлении энергетических проектов, инвестирует в строительство автомобильных и железных дорог, участвует в подготовке национальных кадров, реализует более 100 инженерно-технических проектов стоимостью 420 млрд долл. Экспорт Ирана в Афганистан достиг в 2013 г. 2,5 млрд долл. На территории Афганистана действуют более 2500 частных иранских фирм, основная часть которых сосредоточена в провинции Герат. В середине июня 2013 г. Кабул посетила делегация иранских бизнесменов, заинтересованных в инвестиционных вложениях в афганское сельское хозяйство, горнодобывающую и иные отрасли промышленности. По результатам проведенных переговоров члены делегации подписали ряд торговых соглашений с Торгово-промышленной палатой Афганистана⁷.

Помимо оказания экономической и финансовой помощи Иран придает большое значение культурно-идеологической экспансии. В рамках Стамбульского процесса он возглавил группу по мерам доверия в области образования и особенно активно присутствует в афганских средствах массовой информации, рассматривая афганское информационное поле в качестве одного из приоритетных направлений для продвижения своих интересов. Летом 2013 г. все финансируемые Тегераном медиаресурсы, в частности такие популярные печатные издания, как «Ensaf», «Roshd», «Ansar», телекомпании «Tamadon», «Noor», «Ауна», «Rah-e Farda», были объединены в один журналистский холдинг под руководством Хусейна Резвани Бамиани, главы Культурного комитета Совета шиитских улемов Афганистана. В конфессиональной сфере религиозные лидеры ИРИ проводят линию на консолидацию афганских шиитов под своим патронатом. Причем в этой сфере в Афганистане Тегеран сталкивается с жестким противостоянием со стороны Саудовской Аравии и Катара. Это, в частности, выражается в строительстве шиитских и суннитских мечетей и, соответственно, шиитских и суннитских образовательных центров, финансируемых соответственно Саудовской Аравией или Катаром, с одной стороны, и Ираном — с другой. Следует отметить, что, используя конфессиональную и этнокультурную общность с таджиками и хазарейцами-шиитами, которые расселены в стратегически важных районах Афганистана, Иран обладает весьма серьезными рычагами влияния в Кабуле в парламенте Афганистана и активно продвигает свои политические интересы.

Еще одной страной, в отношении которой Иран успешно осуществляет всю совокупность экономических, политических и этнокультурных методов проведения политики, является Таджикистан.

В начале 90-х гг. XX в. правительство Ирана сделало ставку на возрождение ислама в странах Средней Азии, в том числе в Таджикистане. Известный американский политолог Зб. Бжезинский в этой связи подчеркивал, что в этот период «...возрождение ислама в Средней Азии стало органической

составной частью устремлений нынешних правителей Ирана»⁸. Однако применительно к Таджикистану эта политика не имела серьезного успеха из-за распространения там суннизма.

Поэтому руководство Ирана, в частности президент М. Ахмадинежад, при выстраивании отношений с Душанбе сделало акцент на генетическом и культурном единстве двух народов. М. Ахмадинежад неоднократно заявлял, что «Таджикистан и Иран — это два брата, которые не могут быть разделены. Правительство и народ Ирана всегда будут вместе с Таджикистаном». А в речи на церемонии пуска первого агрегата Сангтудинской ГЭС-2 в 2011 г. он подчеркнул, что у Ирана и Таджикистана «все должно быть едино — экономика, культура, искусство; надо снять все преграды, которые нас разъединяют». При этом Ахмадинежад не забыл отметить, что «безопасность Таджикистана зависит от Ирана»⁹.

Президент Х. Роухани также продолжает подчеркивать важность сотрудничества Ирана и Таджикистана, которое должно основываться на общих культурных корнях, традициях и обрядах, а также на богатом персидском языке.

Реальное экономическое сотрудничество Ирана с Таджикистаном, в отличие от Афганистана, весьма ограничено. При этом его недостаток компенсируется научно-культурным взаимодействием, в частности обменом учеными, студентами. Таджикская молодежь — и девушки, и юноши — учатся в высших учебных заведениях Тегерана, Исфагана и Хамадана и других городов. В Иране на деньги Ирана снимаются фильмы, посвященные истории таджикского народа и Таджикистана в целом. Совместно отмечаются юбилеи представителей персидско-таджикской литературы. Арабская графика и фарси активно внедряется в таджикскую систему школьного образования. Действуют иранские культурные центры, курсы по чтению Корана и т. д. Деятельность в этой области во многом ведется на деньги Комитета помощи Имама Хомейни, который постоянно расширяет свое присутствие в Таджикистане. Однако и здесь не обходится без сложностей.

Языковое единство является крайне важным фактором при интеграции двух стран. Но серьезным препятствием на этом пути является использование различных алфавитов в Таджикистане и Иране. Однако наиболее важные проблемы, мешающие сближению двух государств, кроются в различиях их внешнеполитической ориентации и отсутствии фундаментальной экономической базы, составляющей основу для развития остальных направлений сотрудничества.

В заключение можно сказать следующее. При проведении своей внешней политики Тегеран использует широкое разнообразие форм и методов. В том числе, когда это необходимо, создает образовательную и культурную инфраструктуру проиранской направленности, основываясь на этнической общности и используя лозунги и некоторые идеи паниранистов. При этом развитие отношений с ираноязычными странами, на наш взгляд, проходит и будет проходить на двусторонней основе, а не на основе трехсторонних соглашений и не на основе Союза персыязычных стран.

Примечания

- ¹ Ashraf A. Iranian Identity in the 19th and 20th Centuries. Encyclopedia Iranica. www.iranicaonline.org/article/iranian-identity-in-19th-20th-centuries 1
- ² English.paniranist.org/oldversion.htm.
- ³ Цит. по: Полищук А.И. О сборнике «Имам Хомейни о партиях и политических организациях» www.vkimo.com/node/1769
- ⁴ Lewis B. The Multiple Identities of the Middle East. N-Y., 1998. P. 140; Binder L. Ethnic Conflict and International Politics in the Middle East. University Press of Florida, 1999.
- ⁵ Паниранская партия в Иране была создана в 1941 г. в Тегеранском университете и представляла собой объединение националистически настроенной иранской интеллигенции: писателей, преподавателей университета, студентов. В 1951 г. в партии произошел раскол между Мохсеном Пезешкпуром и Дариушем Форушкарком. Первый сохранил название партии и продолжал работать внутри политической системы, созданной Мохаммадом Реза Пехлеви. А фракция во главе с Д. Форушкарком стала называться «Меллат-е Иран» и объединилась с «Национальным фронтом» М. Мосаддека. После переворота 1953 г. в Иране и запрещения «Национального фронта» М. Пезешкпур продолжал принимать активное участие в политической жизни Ирана. Однако возглавляемая им паниранская партия практически была лишена политического влияния и носила чисто символический характер. После революции 1979 г. М. Пезешкпур бежал из Ирана, его соратник Мохаммад Реза Амели Техрани, один из основателей паниранской партии, был приговорен к смерти и казнен. В начале 1990-х гг. М. Пезешкпур написал покаянное письмо Верховному лидеру Ирана Али Хаменеи. После чего рахбар разрешил ему вернуться в страну с условием прекратить политическую деятельность. По некоторым данным, несмотря на запрещение партии, некоторые ее активисты принимали участие в студенческих демонстрациях в 1990 г. Последние данные, которыми мы располагаем, относятся к деятельности партии в 2011–2012 гг. и говорят о крайне низкой ее активности и о том, что многие ее члены проживают за пределами Ирана.
- ⁶ О перспективах развития ИРИ до 2025 года // Роль и место Ирана в регионе. М., 2007. С. 183.
- ⁷ Подробнее см.: Внешнеполитическая палитра Ирана и место в ней России. Круглый стол в ДА МИД РФ. 17 апреля 2014 г. // Вестник Дипломатической академии МИД РФ. 2014. № 1. С. 58.
- ⁸ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 2003. С. 166.
- ⁹ www.regnum.ru/news/polit/1441967.html

*С.Д. Махнёв**
(Нижний Новгород)

РЕАКЦИЯ НЕРЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ НА ПЕРВЫЙ ЭТАП «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В ЕГИПТЕ

Резюме. Одним из первых крупных и наиболее неожиданных восстаний в процессе «арабской весны» стали беспорядки в Арабской Республике Египет, которые вылились в массовые погромы, вооруженное сопротивление властям и привели к свержению одного из политических долгожителей арабского Ближнего Востока — президента Египта Хосни Мубарака. Несмотря на то что существовало огромное количество внутренних противоречий и проблем, схожих с проблемами «пионера арабской весны» — Туниса, египетский режим представлялся как крайне устойчивый к такому влиянию, не в последнюю очередь благодаря хорошо налаженным связям с королевствами Персидского залива и Соединенными Штатами. Однако последовавшие события показали всю хрупкость системы и то, какую роль играет «внешний фактор» в современных революциях.

Ключевые слова: Египет, «арабская весна», иностранное вмешательство, национальная безопасность, региональная безопасность.

Summary. One of the first major and most unexpected uprisings moves of the «Arab Spring» was a revolution in the Arab Republic of Egypt, which resulted in mass riots, armed resistance to the authorities and led to the overthrow of one of the political longevity of the Arab Middle East — Egyptian President Hosni Mubarak. Despite the fact that there was a huge amount of internal contradictions and problems similar to the problems of «pioneer of the Arab Spring» in Tunisia, the Egyptian regime seemed to be extremely resistant to such influence, not least because of the well-established relations with the Kingdom of the Persian Gulf and the United States. However, subsequent events have shown the fragility of the system and the role played by «external factor» in the modern revolutions.

Tags: Egypt, «Arab Spring», civil war, foreign interposition, national security, regional security.

Многие аналитики полагают, что серьезные изменения, которые переживает сегодня глобальная международная система (ГМС), являются продолжением некоего долгосрочного переустройства мира, которое началось с крушением прежнего миропорядка еще в 1980-е гг. Распространяясь по модели «сверху вниз», этот процесс постепенно охватывает все новые регионы. Однако изменения, весьма вероятно, генерируются и «снизу вверх», оказы-

* Махнёв Станислав Дмитриевич, аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

вая влияние на всю ГМС, что проявляется в турбулентности, возникающей то в одном, то в другом регионе.

ГМС проходит период трансформации, одним из направлений которой, в частности, является перераспределение глобальной силы в пользу Азии, также очевидно расхождение, или дивергенция, иначе говоря, большая разнородность, которая, собственно, и делает мир полицентричным. Характерной чертой эволюции глобальной международной системы образца 2011 г. служит и неопределенность. А одним из главных агентов изменений, происходящих сегодня на региональном и глобальном уровнях, выступает «арабская весна», которая смела одни казавшиеся стабильными ближневосточные режимы и раскачала другие.

Для описания «арабской весны» используются различные термины-клише. Это и революция, и бунт, и политическое цунами, и мятеж, и переворот, и движение «фэйсбуковской» молодежи, и даже гражданская война. Разнобой в терминологии отражает разнородную противоречивую действительность, что стоит за процессом глубоких и начавшихся изнутри изменений арабских обществ, каждое из которых и похоже, и не похоже на другое. Хотя процесс находится в самом начале, а его развитие и конечные итоги очень трудно предсказать, уже есть основания для его первоначального осмысления в контексте эволюции мировой системы международных отношений (как ядра ГМС) и дальнейших сдвигов в балансе сил и правилах игры мировой политики.

«Арабская весна» включает в себя элементы, известные из истории, и новый опыт, необычный для региона. Новизной стало не инспирированное внешним воздействием спонтанное светское массовое движение молодежи, преимущественно образованной и либерально настроенной, что особенно ярко проявилось в Египте и Тунисе. При этом, несмотря на некоторое сходство, категорически неправомерно ставить знак равенства между тем, что произошло в Египте, Ливии, Сирии, Йемене, в Бахрейне и в других странах. В одном случае это революционное движение молодежи и среднего класса, в другом — повстанческая активность племен, в третьем — мятеж конфессиональной группы и т. д.

Тем не менее все эти массовые протестные движения нового типа вызваны не в последнюю очередь социальными, точнее, социально-экономическими причинами. Это безработица, дороговизна, коррупция, неравенство, nepотизм, многолетнее засилье правящих элит, полностью оккупировавших верхние ступени социальной лестницы и лишивших молодежь возможности самореализоваться, повышать свой статус даже в сфере мелкого и среднего бизнеса, удушаемого коррумпированным чиновничеством. Есть причины и политические: отсутствие представительства, архаичность системы управления, ее приспособленность под интересы все тех же элит, монополизировавших доступ к власти и ресурсам, жесткий авторитаризм, лишавший людей возможности отстаивать свои интересы легальным путем.

Новые движения носили сетевой характер, не имели четкой организационной структуры, единого руководства, программы и плана действий. Восставшие выдвигали простые требования — улучшение условий жизни, со-

здание рабочих мест, отстранение от власти засидевшихся диктаторов, их кланов, семейств, ближайшего окружения и реформирование контролируемых ими институтов (правительств, парламентов, партий, руководства силовых структур). В большинстве случаев требования либо изначально носили ярко выраженный политический характер, либо вскоре переходили от экономических к политическим.

Необходимо выделить следующие группы причин, которые являются общими для всех стран, которых коснулись беспорядки «арабской весны».

Социально-политическое расслоение и экономическая нестабильность

Экономическая безопасность и процветание — это основа стабильности государства. Ближний Восток является достаточно противоречивым регионом с точки зрения экономического благополучия населения. С одной стороны, в регионе есть свои лидеры, в основном это нефтедобывающие государства Персидского залива, такие как Королевство Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн и другие, и явные аутсайдеры, такие как Йемен, Тунис, Палестинская автономия. Экономический кризис 2008 г. не мог не сказаться на экономиках стран этого региона, повысив уровень безработицы и сократив доход населения. Кроме того, усиливается поддержка деструктивных элементов в регионе со стороны региональных и мировых лидеров. Все это, несомненно, повлияло на развитие процесса «арабской весны» в регионе.

Распространение идей радикальных исламистов

Экономические проблемы, политическая и социальная напряженность в странах Ближнего Востока неизбежно приводят к усилению влияния фундаменталистов. Это связано прежде всего с тем, что экономические проблемы чаще всего затрагивают маргинальные слои общества, малообеспеченных граждан и жителей сельской местности, где влияние религии традиционно сильно. При политической же нестабильности лидеры различных группировок используют религиозную риторику с целью перетянуть часть населения на свою сторону, а также, чтобы получить финансирование из иностранных источников.

Формирование устойчивых террористических группировок

Бедность, социальное и политическое неравенство, рост религиозного экстремизма неизменно влечет за собой формирование групп организованной преступности, а из-за специфики региона ими чаще всего являются террористические группировки. В этом пункте необходимо рассмотреть историю основных террористических группировок выбранных стран.

Все эти причины в полной мере относятся к Египту, анализу событий в котором посвящена данная статья.

Махаммад Хосни Сайид Мубарак был президентом Арабской Республики Египет в период с 1981 по 2011 г.

Он был назначен вице-президентом Республики Египет после длительной службы в египетских ВВС и, в соответствии с конституцией, назначен президентом после того, как президент Анвар Садат был убит заговорщиками на военном параде 6 октября 1981 г.

За годы своего президентства Мубарак стал одним из авторитетнейших государственных лидеров Ближнего Востока. Придя к власти в стране, находящейся в изоляции от арабского мира, Западной Европы и социалистического лагеря, имевшей конфликты со всеми соседними государствами, Мубарак сумел восстановить позиции Египта на международной арене. Им были восстановлены дипломатические отношения со всеми арабскими странами, дважды (в 1989 и 1993 гг.) Х. Мубарак избирался председателем Организации африканского единства¹.

В 1991 г. он поддержал решение США провести военную операцию по освобождению оккупированного Ираком Кувейта, призвал сделать то же самое другие арабские государства, а также направил значительный египетский воинский контингент для участия в операции «Буря в пустыне»².

Для большей наглядности анализа реакции международного сообщества необходимо вкратце пересказать хронологию событий, происходивших в Египте и приведших к свержению Мубарака.

Небольшие акции протеста против проводимой внутренней политики имели место и в предыдущие годы, однако основная волна манифестаций развернулась по всей стране 25 января 2011 г. Указанная дата, известная как «День гнева», была определена ещё 19 января 2011 г. революционными активистами из движения «Все мы Халид Саид»^{3, 4}. Протесты 2011 г. в мировых СМИ называют «беспрецедентными» для Египта⁵, и «одними из серьёзнейших народных волнений в последнее время» в этой стране⁶.

В течение первого дня протестующим удалось захватить один из полицейских грузовиков. Люди забрасывали камнями парламент страны, а также полицейских, пытающихся их разогнать. Одновременно с Каиром беспорядки начались и в других городах Египта⁷. Был убит один полицейский и трое манифестантов⁸.

На следующий день бунт перекинулся на другие города Египта. В Суэце протестующие пытались сжечь полицейский участок и здание Национально-демократической партии^{9, 10}.

Египетское правительство запретило гражданам собираться в группы на улицах городов и проводить массовые акции¹¹.

27 января 2011 г. после многочисленных требований со стороны толпы власти освободили 259 задержанных ранее участников демонстраций¹², однако затем было задержано более тысячи человек за участие в антиправительственных выступлениях¹³.

28 января 2011 г. в Каир были введены войска, заблокированы доступ в Интернет и сотовая связь, с помощью которых координировали свои действия протестующие, произведены аресты 5 руководителей «Братьев-мусуль-

ман»^{14, 15}. Появились признаки раскола в спецслужбах — полиция стала переходить на сторону демонстрантов¹⁶. Указом президента Мубарака в Каире, Суэце, Александрии, а затем и по всей стране был введен комендантский час с 18.00 до 7.00¹⁷. Манифестанты бойкотировали комендантский час, ими была подожжена штаб-квартира правящей Национально-демократической партии, участники массовых беспорядков в Каире пытались взять штурмом здание Министерства иностранных дел Египта. Нападениям подверглись другие здания: офис телевизионной компании и гостиница в центре города¹⁸.

29 января 2011 г. правительство было отправлено в отставку, а митингующими осуществлена попытка штурма здания МВД^{19, 20}. В ответ на лозунги и в качестве меры по реформированию государственного аппарата Хосни Мубарак реанимирует де-факто упраздненный в 1981 г. пост вице-президента, на который назначается бывший глава разведки Египта Омар Сулейман²¹. Новым премьер-министром вместо отправленного в отставку Ахмеда Назифа назначается бывший главком ВВС Египта Ахмед Шафик²².

На следующий день произошел побег тысяч заключённых из тюрьмы в Вади-Натрун, среди которых было много исламистов и участников террористических организаций²³. Кроме того, для гарантии безопасности туристов в курортной зоне правительство Египта вводит войска в Шарм-эш-Шейх²⁴.

1 февраля 2011 г. оппозиция, объединившаяся в Национальный фронт²⁵, заявила о проведении «Марша миллионов». На площадь Тахрир в центре Каира вышло около 200 000 демонстрантов, которые митинговали в окружении армейских кордонов. Активисты митинга создали отряды «народной безопасности» для выявления провокаторов. Вечером того же дня, в ответ на требования мятежников, президент Мубарак выступил с телеобращением к нации, которое транслировалось на огромных мониторах на улицах египетских городов. Он заявил, что не будет участвовать на следующих выборах осенью 2011 г., но до этого срока он сохраняет за собой президентский пост²⁶.

2 февраля 2011 г. произошли массовые столкновения между сторонниками и противниками Мубарака в Каире с использованием камней, арматуры и «коктейля Молотова». Некоторые из сторонников действующего президента атаковали оппозиционеров верхом на лошадях и верблюдах^{27, 28}. Стоит отметить, что ни полиция, ни военные не препятствовали этим столкновениям, что свидетельствовало о расколе в военной элите. Кроме того, по обнародованным данным МВД Египта, за время массовых беспорядков из тюрем сбежало около 20 000 заключённых, среди которых были активисты запрещённого движения «Братья-мусульмане» и члены палестинского движения ХАМАС²⁹.

10 февраля 2011 г., после многочисленных митингов, Мубарак передал часть президентских полномочий вице-президенту Омару Сулейману³⁰, но отказался уходить в отставку. Он подтвердил свои намерения руководить Египтом до выборов в сентябре 2011 г. и заявил, что подготовил изменения в действующую конституцию. Об этом Мубарак сообщил в телеобращении к нации. Однако на следующий день ушел в отставку, что было большой неожиданностью для оппозиции³¹.

Таким образом, события в Египте складывались по точно такому же сценарию (частично описанном Т. Шарпом в книге «От диктатуры к демократии»), как и в других странах, где прокатилась волна «арабской весны». Выдвигаются экономические требования (как правило, популистские), затем осуществляется переход к политическим требованиям, далее — требования о смене руководства страны. Требования сопровождаются многочисленными демонстрациями в различных частях страны, координируемые по времени и выдвигаемым требованиям. В дальнейшем мирные демонстрации перерастают (в том числе с использованием провокаций) в погромы и нападения на органы власти и управления, представителей правопорядка, захват оружия, во внутривластный конфликт втягивается армия, имеющая в ближневосточных странах особый статус и авторитет. Происходит дальнейшая эскалация внутреннего конфликта и перерастание мирного противостояния в вооруженный мятеж, подавление которого и наказание участников является задачей любого государства.

Дальнейшее развитие событий зависело от реакции международной общественности и СМИ, а также сплочённости национальных элит (политической, военной, спецслужб и т. д.) и готовности их противостоять внешнему давлению.

Волнения в Египте, приведшие к отставке президента Х. Мубарака, находившегося на своем посту почти тридцать лет, не оставили равнодушным мировое сообщество, задающее вопрос о будущем одного из ведущих государств арабского мира. Тем более что протестные выступления, лавинообразно распространившиеся по другим государствам Ближневосточного региона, вынуждают правящие элиты соседних стран занять определенную позицию в отношении происходящего.

Прежде всего, стоит отметить позицию Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна как руководителя этой важнейшей международной организации. «Я только что узнал о решении президента Мубарака покинуть свой пост, я продолжаю внимательно следить за развитием событий в Египте. В этот исторический момент я хотел бы снова призвать к прозрачной, упорядоченной и мирной передаче власти», — заявил Пан Ги Мун в Нью-Йорке³².

Президент США Барак Обама (а именно США в последние годы являются основным стратегическим партнером Египта), комментируя обращение главы Египта Хосни Мубарака (которое было показано по государственному телевидению 1 февраля 2012 г.), заявил, что Мубараку стоит незамедлительно оставить пост. Кроме того, было озвучено, что Египту необходимы срочные качественные политические реформы, в том числе немедленная отставка действующего главы государства Хосни Мубарака³³. Тем самым был дан однозначный сигнал египетским элитам о «сдаче» американцами своего давнего союзника.

После ухода Мубарака с поста президента США продолжили свою генеральную линию в поддержку продолжения реформ в Египте. «Уход Мубарака — лишь начало», — заявил Барак Обама, комментируя последующие события в Египте. Американский президент подчеркнул, что армия должна помочь стране совершить переход к истинной демократии.

«Нечасто в нашей жизни мы получаем шанс стать свидетелями истории, которая пишется на наших глазах. Это — один из таких моментов. Народ Египта сказал свое слово. Его голос был услышан. И Египет больше никогда не будет прежним. Жители страны ясно дали понять — победу может одержать лишь подлинная демократия», — заявил Обама, выступая в Вашингтоне.

Кроме того, президент США подчеркнул, что необходимо отменить закон о чрезвычайном положении и выработать план действий, который приведет к честным и справедливым выборам. Он добавил, что США остаются другом Египта и готовы предоставить любую помощь во время переходного периода³⁴.

Европейские страны также приветствовали смену руководства Египта, однако в своих заявлениях высокопоставленные чиновники предпочитали сохранять осторожность. «Те, кто берёт на себя обеспечение порядка в переходный период, должны знать, что мы будем внимательно следить за соблюдением интересов египетского народа. Евросоюз готов предложить свою помощь и поддержку. У ЕС большой исторический опыт и знания в том, что касается построения демократии, и мы готовы поделиться ими с народом Египта», — заявила верховный посланник ЕС по внешней политике Кэтрин Эштон.

Руководство ФРГ назвало отставку Хосни Мубарака «шансом», которым должны воспользоваться демократические силы страны. Канцлер Ангела Меркель заявила: «Президент Мубарак наконец сделал одолжение своему народу, уйдя в отставку. Мы ожидаем от будущего египетского правительства, что оно продолжит проводить мирную политику на Ближнем Востоке и будет и дальше соблюдать договор с Израилем, гарантируя безопасность еврейского государства»³⁵.

Российскую реакцию на отставку египетского президента озвучил министр иностранных дел РФ С. В. Лавров: «Российская Федерация рассчитывает, что власти Египта могут обеспечить нормальное функционирование государственных органов, а также что оппозиционные силы проявят готовность к стабилизации ситуации». Как заявил министр журналистам, последние новости из Египта, где президент Мубарак в пятницу вечером ушел в отставку, позволяют рассчитывать на такой результат. «Мы воспринимаем последние новости из Египта как результат того процесса, который ведется внутри страны между основными политическими силами», — сказал глава МИД РФ. По его словам, это свидетельствует о том, что «действующие власти подходят к проблемам ответственно и стремятся способствовать достижению внутринационального согласия». «Рассчитываем, что все последние события будут помогать восстановлению стабильности, обеспечению нормального функционирования всех структур власти, и, что не только структуры нынешнего правительства, но и оппозиционные силы проявят готовность к стабилизации ситуации», — добавил Лавров³⁶.

Не остается в стороне от событий и Турецкая Республика, которая является претендентом на региональное лидерство.

11 февраля 2011 г., в тот день, когда президент Мубарак передал власть Высшему совету Вооруженных сил Египта, турецкое правительство выступи-

ло с официальным заявлением, обозначившим позицию Турции в отношении «египетской революции». В заявлении говорилось о том, что с самого начала массовых выступлений Турция поддерживала законные требования египетского народа о демократии и свободе и высказывалась за установление в Египте порядка, основанного на плюрализме и уважении прав человека. Выражалась надежда на то, что Высший совет Вооруженных сил в кратчайшие сроки передаст власть новому руководству, избранному в результате справедливых и свободных выборов, и в Египте будет установлена конституционная демократия, определенная волей народа.

На следующий день премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган лично повторил основные идеи заявления, добавив, что турецкий народ, более чем какой-либо другой, понимает чувства и требования народа Египта, разделяя с ним все надежды, воодушевление, волнение и радость. Как лидер Партии справедливости и развития, Р.Т. Эрдоган отметил, что назревшие в обществе изменения невозможно постоянно сдерживать. Призвав египетскую армию действовать в рамках демократии и передать власть народу, Эрдоган заявил, что Турция заботится не только о собственном процветании, но также о стабильности и благоденствии соседних народов.

Президент Турции А. Гюль, отвечая на вопросы журналистов в ходе визита в Иран, состоявшегося через три дня после отставки египетского президента, сказал, что исламский мир, особенно его ближневосточная часть, переживает период глубочайших перемен, инициированных не сверху, а со стороны народа. Президент высказался за полноценную реализацию в Египте республиканских принципов, организацию прозрачных и свободных выборов с участием египетских и иностранных наблюдателей.

Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу назвал отставку Х. Мубарака историческим событием для Египта, арабского мира и региона в целом. А. Давутоглу выразил удовлетворенность тем, что египетским руководством было принято верное решение. Министр выразил надежду на то, что с тревогой ожидаемый наблюдателями «эффект домино» будет носить позитивный характер и события в других государствах будут развиваться подобным же образом.

Лидеры оппозиционных партий Турции, комментируя события в Египте, высказывали критику в адрес турецкого правительства и проводимой им политики.

При этом лидер НРП К. Кылычдароглу не разделял оптимистических взглядов турецкого руководства относительно развития Египта после ухода Х. Мубарака, считая, что будущее данного государства пока неопределенно. К. Кылычдароглу отметил, что атрибутом демократии являются не только выборы, и напомнил, что бывший президент Египта Х. Мубарак был переизбран на свой пост 87% голосов. Председатель Партии националистического движения Д. Бахчели, выступая перед парламентской фракцией своей партии, так же, как и его коллега из НРП, отметил неопределенность дальнейшей судьбы Египта и заявил, что некими скрытыми силами ведется организованная работа по перекройке политической географии исламского мира³⁷.

Для полного освещения реакции мирового сообщества на беспорядки в Египте ниже приведены высказывания авторитетных политиков и журналистов.

Бывший президент Советского Союза Михаил Горбачев заявил в интервью, что он поддерживает участников протестов в Каире, которые начались в минувшие выходные и привели к кровопролитию и заставили правительство уйти в отставку. «Я на стороне протестующих», — сказал Горбачев в интервью Associated Press³⁸.

Роб Эндрюс (член Конгресса США): «Я думаю, американцы очень рады за народ Египта, которому представилась возможность самому определять, каким будет правительство страны в будущем. Я думаю, роль США в этой ситуации в том, что наше правительство делало и будет продолжать делать — помогать процессу самоопределения граждан Египта, не вмешиваясь, однако, в содержание этого самоопределения».

Денис Кусинич (член Конгресса США): «Уход господина Мубарака — только часть пути, который предстоит пройти египтянам. В Египте сейчас мы становимся свидетелями ухода репрессивного строя. Это станет предпосылкой создания новых экономических возможностей. После революции должна начаться эволюция. Мы сейчас ответственны за то, чтобы эволюция в Египте привела к созданию свободного Египта, в котором у людей есть целый спектр экономических возможностей».

Рииз Эрлих (американский журналист и автор книги «Разговоры с террористами: ближневосточные лидеры о политике, насилии и империи»): «Рабочие и интеллигенция, атеисты и исламисты — все объединились против Мубарака. Его непреклонность лишь радикализовала людей на улицах, заставила рабочих пойти на забастовки и вызвала раскол между офицерским составом и рядовыми египетской армии. Правительство США, к сожалению, отложило требования демократических реформ и хочет, чтобы власть взял либо глава разведки, либо кто-то из военных. Это следует в русле поддержки Израиля и других арабских диктаторов, оказываемой правительством США. К счастью, ни Соединенные Штаты, ни режим Мубарака не удержат восстание народа. Администрация Обамы должна задать себе вопрос: как должна измениться политика Соединенных Штатов, когда народ Египта по-настоящему будет контролировать свое правительство?»

Георгий Мирский (профессор Высшей школы экономики, арабист, Россия): «Отставку Мубарака могут оценить как слабость власти. Власть дает слабину — значит, оппозиция может, так сказать, давить дальше и копать глубже. Стало быть, менять систему? Но как? У генералов тоже рыльце в пушку. Они понастроили себе вилл. Кроме того, армия в Египте — главный предприниматель, у нее масса лицензий: она и отели держит, и стройматериалами торгует... И лишаться своего экономического могущества военная верхушка не намерена. Поэтому для нее речь идет о том, как сохранить систему. И тут было два варианта: поступиться Мубараком или держаться до конца. И теперь, конечно, может начаться цепная реакция, ведь и вице-президент, и другие высшие сановники тоже причастны ко всем делам режима, они тоже, так сказать, поддерживали и одобряли...»

Марк Катц (профессор политологии Университета Джорджа Мэйсона, США): «Отставка Мубарака буквально через несколько часов после того, как он заявил, что не уйдет до сентября, — потрясающее событие. Рассматривая произошедшее на фоне недавнего ухода президента Туниса, можно сравнить эти события с тем, что происходило в Восточной Европе в 1989 году. Как и тогда возникают вопросы “Кто следующий?”, если этот следующий, конечно, будет. Безусловно, успех протестующих в Каире вдохновит людей и в других арабских странах на то, чтобы достичь похожих результатов».

Людмила Кулагина (политолог-востоковед, Институт востоковедения РАН, Россия): «Помимо экономической ситуации в стране, один из немаловажных факторов — недовольство египтян внешней политикой Мубарака. По мнению многих, особенно интеллигенции и среднего класса, Египет, как во времена Садата, изолирован от общеарабских тенденций. Оппозиция интерпретирует это как одностороннюю ориентацию властей страны на США и Израиль. В последний момент и сам Хосни Мубарак попытался поправить положение, подчеркнув национальный характер своего курса, но было уже поздно».

Юсуф Канли (корреспондент турецкой газеты «Hürriyet Daily», Турция): «Пока что состоялся лишь военный переворот, однако египетская революция развивается. По какому пути она пойдет? На мой взгляд, возможны два пути: “французский” — то есть путь демократизации и вестернизации, и “иранский” — ведущий к установлению радикально-исламистского режима. В стране, где “Братья-мусульмане” пользуются поддержкой более чем тридцати процентов населения, последний вариант отнюдь не исключен, и это придает разворачивающимся событиям особенно драматический характер»³⁹.

Делая выводы о реакции иностранных государств в отношении египетской революции, стоит отметить тот факт, что с момента начала протестов и до ухода Хосни Мубарака мировое сообщество, в отличие от аналогичных выступлений, не придерживалось какой-то единой позиции и лишь призывало к прекращению насилия и началу мирного диалога, однако, в отличие от Ливии, Йемена или Бахрейна, не предпринимало никаких активных шагов как в сторону поддержки действующей власти, так и в сторону поддержки оппозиции, несмотря на то что СМИ по-разному интерпретировали происходящие события, что, несомненно, влияло на общественное мнение.

Примечания

¹ Хосни Мубарак. Биография // Люди. — Режим доступа: <http://www.peoples.ru/state/king/egypt/mubarak/index3.html> (дата обращения: 29.01.2015).

² Торкунов А. Современные международные отношения // Библиотека Гумер. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/14.php (дата обращения: 29.01.2015).

³ «Братья-мусульмане» назначили дату народного восстания в Египте // NEWSru. — 2011. — 19 янв. — Режим доступа: <http://www.newsru.co.il/mideast/19jan2011/ihwan8009.html> (дата обращения: 29.01.2015).

⁴ Zayan J. Egypt braces for nationwide protests // google.ru. — 2011. — 25 янв. — Режим доступа:

- <http://www.google.com/hostednews/afp/article/ALeqM5hP30nA0bbEaHzKjlpUKhdHxoN8Cg?docId=CNG.95111380dfbe35f8a08d6124c5e915e8.71> (дата обращения: 29.01.2015)
- ⁵ Murphy D. Inspired by Tunisia, Egypt's protests appear unprecedented // The Christian Science Monitor. — 2011. — 25 янв. — Режим доступа: <http://www.csmonitor.com/World/Backchannels/2011/0125/Inspired-by-Tunisia-Egypt-s-protests-appear-unprecedented> (дата обращения: 29.01.2015).
- ⁶ Kareem Fahim Violent Clashes Mark Protests Against Mubarak's Rule // The New York Times. — 2011. — 25 янв. — Режим доступа: http://www.nytimes.com/2011/01/26/world/middleeast/26egypt.html?_r=2&hp (дата обращения: 29.01.2015).
- ⁷ В Египте начались антиправительственные беспорядки // Lenta.ru. — 2011. — 25 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/25/cairo/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ⁸ Aufrefuzweitem Protesttag in Ägypten // Reuters. — 2011. — 26 янв. — Режим доступа: <http://de.reuters.com/article/worldNews/idDEBEE70P02620110126> (дата обращения: 29.01.2015).
- ⁹ Yusri M. Egypt protesters set fire to government building in Suez // Reuters. — 2011. — 26 янв. — Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2011/01/26/us-egypt-protest-suez-idUSTRE70P7T620110126> (дата обращения: 15.10.2014).
- ¹⁰ Leyne J. Egypt protests: Anti-Mubarak demonstrators arrested // BBC. — 2011. — 26 янв. — Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12289475> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹¹ В Египте запретили уличные акции // Lenta.ru. — 2011. — 26 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/26/egypt1/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹² Зуауи Н. Власти Египта освободили почти 260 задержанных участников демонстраций // РИА Новости. — 2011. — 27 янв. — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20110127/327132246.html> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹³ Число арестованных в Египте перевалило за тысячу человек // Lenta.ru. — 2011. — 27 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/27/thousand/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹⁴ Египет полностью отключился от Интернета // Lenta.ru. — 2011. — 28 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/28/egypt/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹⁵ Египет стер себя с интернет-карты мира // BFM.ru. — 2011. — 28 янв. — Режим доступа: <http://www.bfm.ru/articles/2011/01/28/egipet-ster-sebja-s-internet-karty-mira.html> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹⁶ Египетская полиция начала переходить на сторону демонстрантов // Lenta.ru. — 2011. — 28 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/28/egypt2/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹⁷ Shenker J. Egypt protests: Hosni Mubarak orders army to enforce curfew // The Guardian. — 2011. — 28 янв. — Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/jan/28/egypt-protests-mubarak-army-curfew> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹⁸ Египетские демонстранты пошли на штурм министерства иностранных дел // Lenta.ru. — 2011. — 28 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/28/midegypt/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ¹⁹ Мубарак распустил правительство Египта // Lenta.ru. — 2011. — 29 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/29/mubarak/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ²⁰ Демонстранты в Каире начали штурм здания МВД // Lenta.ru. — 2011. — 29 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/29/egypt5/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ²¹ Мубарак назначил главу разведки вице-президентом // Lenta.ru. — 2011. — 29 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/29/omar/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ²² Президент Египта Мубарак назначил новым премьером экс-главу ВВС страны // Газета.ру. — 2011. — 29 янв. — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/29/n_1680006.shtml (дата обращения: 29.01.2015).
- ²³ Из тюрьмы в Египте сбежали тысячи заключенных // Lenta.ru. — 2011. — 30 янв. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/01/30/prisoners/> (дата обращения: 29.01.2015).

- ²⁴ Власти Египта вводят в Шарм-эш-Шейх войска // Газета.ru. — 2011. — 30 янв. — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/01/30/n_1680794.shtml (дата обращения: 29.01.2015).
- ²⁵ Египетская оппозиция объединилась в Национальный фронт // Интерфакс. — 2011. — 1 фев. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/society/news.asp?id=175635> (дата обращения: 29.01.2015).
- ²⁶ Президент Египта не будет участвовать в следующих выборах // РБК. — 2011. — 1 фев. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/01/02/2011/536657.shtml> (дата обращения: 29.01.2015).
- ²⁷ Защитники президента Египта атаковали оппозиционеров верхом на верблюдах // РБК daily. — 2011. — 2 фев. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2011/02/02/world/562949979643332> (дата обращения: 29.01.2015).
- ²⁸ Violence flares in Cairo square // Aljazeera. — 2011. — 3 фев. — Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/02/201122124446797789.html> (дата обращения: 29.01.2015).
- ²⁹ За время массовых протестов из тюрем Египта бежали 20 тысяч зеков // Комментарии. — 2011. — 2 фев. — Режим доступа: <http://world.comments.ua/2011/02/02/227620/zavremya-massovih-protestov.html> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³⁰ Defiant Mubarak refuses to resign // Aljazeera. — 2011. — 11 фев. — Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/news/middleeast/2011/02/2011210172519776830.html> |title=Defiant (дата обращения: 29.01.2015).
- ³¹ Мубарак ушел в отставку // Lenta.ru. — 2011. — 11 фев. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/mubarak1/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³² Запад осторожно призывает к построению в Египте демократии // Euronews. — 2011. — 11 фев. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2011/02/11/world-leaders-hail-mubarak-s-resignation/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³³ Обама требует от Мубарака срочно сложить полномочия // Meta. — 2011. — 2 фев. — Режим доступа: <http://meta.kz/other/224083-obama-trebuet-ot-mubarak-a-srochno-slozhit.html> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³⁴ США предлагают Египту дружбу и помощь // Euronews. — 2011. — 12 фев. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2011/02/12/obama-backs-egypt-s-desire-for-democracy/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³⁵ Запад осторожно призывает к построению в Египте демократии // Euronews. — 2011. — 11 фев. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2011/02/11/world-leaders-hail-mubarak-s-resignation/> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³⁶ Глава МИД РФ прокомментировал отставку Мубарака // Утро.ru. — 2011. — 11 фев. — Режим доступа: <http://www.utro.ru/news/2011/02/11/955756.shtml> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³⁷ Свистунова И. Реакция Турции на события в Египте // ЦентрАзия. — 2011. — 27 фев. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1298836080> (дата обращения: 29.01.2015).
- ³⁸ Горбачев о новых столкновениях в Египте: я на стороне протестующих, демократия не работала // Газета.ru. — 2011. — 22 фев. — Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/11/22/n_2106434.shtml (дата обращения: 29.01.2015).
- ³⁹ События в Египте: мировая реакция // Русская служба «Голоса Америки». — 2011. — 11 фев. — Режим доступа: <http://www.voanews.com/russian/news/11-02-2011-vox-pop-experts-egypt-115975909.html> (дата обращения: 29.01.2015).

*Е.С. Мелкумян**

СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА КАК ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН-ЧЛЕНОВ

Резюме. В статье анализируется роль Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) в обеспечении национальной безопасности своих членов. Отмечается, что организация смогла выработать общий подход к отражению внешних угроз, нарушающих территориальную целостность, суверенитет и независимость государств-членов.

ССАГЗ активизировал совместные действия по обеспечению национальной безопасности своих членов в 2000-е гг., когда осложнилась ситуация в регионе. Они опирались не только на собственные силы, но и расширяли сотрудничество со своими союзниками, прежде всего США и НАТО.

Развитие сотрудничества, направленного на отражение внутренних угроз национальной безопасности государств ССАГЗ, потребовало длительного согласования, так как было связано с опасениями утраты части национального суверенитета.

Ключевые слова: Совет сотрудничества арабских государств Залива, ССАГЗ, национальная безопасность, внешние угрозы, внутренние угрозы, США, НАТО.

Summary. The article analyzes role of the Gulf Cooperation Council (the GCC) in maintaining national security of its members. It indicates that the organization could adopted a common approach to defend them against external threats connecting with the territorial integrity, sovereignty and independence of the member-states.

The GCC increased its common activity directed to maintain national security of its members in 2000th, when the situation in the region has aggravated. They relied not only on their own forces, but also they increased the cooperation with their allies, first of all the USA and NATO.

The development of cooperation directed to repulse the internal threats for national security of the GCC states demanded a long period of consultations, because it connected with the danger that a part of national sovereignty will be damage.

Tags: The Gulf Cooperation Council, the GCC, national security, external threats, internal threats, USA, NATO.

Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) – региональная организация многофункционального типа, которая решает задачи укрепления сотрудничества в различных сферах, в том числе и в области обеспечения региональной безопасности, а также национальной безопасности своих

* Мелкумян Елена Суменовна, доктор политических наук, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник ИВ РАН.

членов. Совет объединил шесть государств, среди которых крупнейшие экспортеры нефти и газа, экономическое развитие и политическая стабильность которых затрагивает интересы значительной части мирового сообщества¹.

Отражение внешних угроз национальной безопасности государств-членов организации стало одной из ее главных задач. Поскольку организация была создана в 1981 г., когда в регионе Персидского залива шла ирано-иракская война, то обеспечение территориальной неприкосновенности участников объединения стало занимать центральное место в деятельности ССАГЗ, тем более что Иран совершал обстрел ракетами и бомбардировку нефтяных сооружений на территории Кувейта и осуществлял нападения на танкеры, перевозившие нефть, добываемую в странах Залива.

Была определена концептуальная основа обеспечения безопасности. Ею стала система коллективной безопасности, в отношении которой консенсус всех участников организации был достигнут уже на I саммите ССАГЗ. Его Заключительное коммюнике отмечало: «Ответственность за безопасность и стабильность региона несут его народы и государства. Совет сотрудничества как выражение воли этих государств и их права на защиту безопасности региона и своей независимости подтверждает неприемлемость какого бы то ни было иностранного вмешательства, считая недопустимым превращение региона в поле противостояния мировых держав и, в частности, нахождение в нем иностранных военных флотов и баз»².

Участники совещания министров внутренних дел в Эр-Рияде в феврале 1982 г. уточнили главный принцип обеспечения безопасности — «безопасность Залива — неразделима, агрессия против одного из государств-членов является агрессией против всех государств Совета, все государства Совета несут коллективную ответственность за отражение агрессии против государства-члена»³. Этот принцип коллективной системы обеспечения безопасности был претворен в жизнь в период кувейтского кризиса 1990–1991 гг., когда Ирак совершил агрессию против Кувейта. Тогда все партнеры Кувейта по Совету сотрудничества поддержали его и оказали ему политическую и финансовую помощь. Кроме того, они приняли участие в военной операции по освобождению страны от иракской оккупации и возвращения ему независимости и суверенитета.

Разрабатывая подходы к обеспечению безопасности, члены ССАГЗ столкнулись прежде всего с различиями во взглядах по такому основополагающему вопросу, как степень возможного участия иностранных государств в этом процессе. Оман высказывался за тесное сотрудничество с западными державами, прежде всего с Соединенными Штатами. Его позиция объяснялась уже сложившимися отношениями сотрудничества с Западом. В 1979 г. он, единственный среди государств этого региона, пошел на заключение военного соглашения с США, согласно которому они получили право пользования военными объектами на его территории.

Саудовская Аравия же поддерживала идею интеграции членов ССАГЗ в военной области, считая, однако, необходимой помощь со стороны Соединенных Штатов, которая не должна была быть оформлена официально в виде формального договора. Саудовское королевство имело «особые отношения» с Соединенными Штатами, прежде всего в плане получения современно-

го вооружения. Иную позицию занял Кувейт, настаивавший на преимущественной опоре стран-членов ССАГЗ на собственные силы. Кувейт диверсифицировал свои военно-политические связи с иностранными государствами, развивая отношения в военной области не только с США, но в значительно более широких масштабах, чем его партнеры по организации, со странами Западной Европы и даже с Советским Союзом.

По мере развития ССАГЗ необходимость максимальной диверсификации военных связей получила одобрение всех участников объединения. Они полагали, что это отвечает их национальным интересам и соответствует их внешнеполитической стратегии, основой которой было стремление к поддержанию мира и стабильности на глобальном и региональном уровнях.

Военное сотрудничество государств ССАГЗ развивалось поэтапно, начинаясь как взаимодействие военных ведомств. Первые совместные военные маневры всех шести государств были проведены в октябре 1983 г. на территории ОАЭ, став в дальнейшем регулярными. Дополнительным каналом военного сотрудничества стали и двусторонние армейские маневры. Лишь в феврале 1984 г. на совещании министров обороны государств ССАГЗ в Дохе был поставлен вопрос о разработке «единой оборонной стратегии», но при «сохранении самостоятельности национальной политики в сфере военного строительства»⁴. Государства ССАГЗ не были готовы поступиться частью своего суверенитета, поэтому развитие военного сотрудничества и сотрудничества в области обеспечения безопасности не выходило за определенные рамки, не ущемлявшие их самостоятельности и независимости в этих областях.

Обсуждая вопрос развития оборонного сотрудничества, состоявшийся в конце ноября 1984 г. V саммит ССАГЗ в Эль-Кувейте ограничился указанием на то, что государства-члены создадут «объединенные единым командованием совместные вооруженные силы» в составе «символических военных формирований, представляющих армии соответствующих стран», отметив, что «единое командование будет создаваться на определенное время», а вопросы закупок вооружения и подготовки кадров для этих «совместных вооруженных сил» требуют «дополнительного рассмотрения». Эти силы предполагалось использовать «для защиты любой страны Залива совместно с ее вооруженными силами». Они должны были стать прообразом «сил быстрого развертывания» не для «вмешательства во внутренние дела государств», «а для отражения угроз или внешней агрессии»⁵.

ССАГЗ не выработал четких правил использования «совместных сил», названных «Щит полуострова» и размещенных на саудовской базе. Командование было поручено представителю вооруженных сил Саудовской Аравии, заместителями которого назначались представители вооруженных сил других стран-членов. Предусматривалось развертывание различных родов войск — сухопутных, авиации, бронетанковых, сил ПВО и т. д. и оснащение их теми видами оружия, которое применялось во всех шести странах. Это делалось для того, чтобы их личный состав был подготовлен к совместным боевым действиям. Первоначально эти силы должны были состоять из двух армейских бригад. Однако это формирование не было способно решать военные задачи. Во время войны за освобождение Кувейта от иракской окку-

пации в 1991 г. объединенные войска ССАГЗ самостоятельно не участвовали в боевых действиях, а вошли в состав армий их стран.

В декабре 1994 г. на прошедшем в Манаме XV саммите ССАГЗ была вновь поставлена задача «коллективной обороны» государств-членов и подчеркнута необходимость «строительства национальных вооруженных сил на основе единой стратегии Совета». Она предусматривала развитие сил «Щит полуострова». Их предполагалось превратить в «эффективный инструмент быстрого реагирования»⁶.

В 2000-е гг. страны ССАГЗ стали уделять внимание проблеме повышения своей обороноспособности как на национальном уровне, так и в рамках всей организации. В декабре 2000 г. лидеры государств ССАГЗ приняли совместный план по оборонной политике, предполагавший усиление оборонных возможностей организации. Он основывался на тех же принципах, которые были заложены в общей военной стратегии 1984 г. Пакт обязывал государства, входившие в эту организацию, участвовать в обороне каждого своего партнера от внешнего нападения.

В 2001 г. государства ССАГЗ создали Высший оборонный совет, который ежегодно проводил свои совещания. В том же году была создана единая система идентификации и слежения за самолетами, получившая название «Пояс сотрудничества». Еще раньше, в 1995 г., было завершено создание единой системы противовоздушной обороны — «Щит мира», основу которой составила саудовская ПВО, оснащенная американскими радарными АВАКС. Для обеспечения воздушной безопасности был создан Региональный интегрированный центр по защите от нападения с воздуха и ракетной защиты, а для обороны побережья — Региональный морской координационный центр⁷.

Решение об увеличении численности сил «Щит полуострова» было реализовано Высшим оборонным советом ССАГЗ в 2002 г., когда в их составе было создано подразделение сил быстрого развертывания.

В 2003 г., накануне начала операции в Ираке, силы «Щит полуострова» были передислоцированы в Кувейт — для его защиты от возможного нападения со стороны Ирака. Они были выведены спустя два месяца⁸.

Еще одним примером использования совместных вооруженных сил ССАГЗ стал их ввод в Бахрейн в марте 2011 г, когда в ходе массовых волнений одна из радикальных группировок, поддерживаемая Ираном, требовала свергнуть королевский режим и установить республиканское правление.

Как было официально объявлено руководством Совета сотрудничества, войска были введены по просьбе правительства Бахрейна. Занимавший в то время пост генерального секретаря ССАГЗ Абдель Рахман Аль-Атыйя заявил: «Государства Совета сотрудничества положительно откликнулись на просьбу Бахрейна об отправке ему сил “Щит полуострова” для обеспечения безопасности и порядка на его территории»⁹. Он пояснил, что «введение войск “Щит полуострова” является обычным и логичным шагом, который исходит из коллективной ответственности за стабильность государств Совета сотрудничества, что определяется соглашением об оборонном сотрудничестве на коллективной основе»¹⁰.

Бахрейнский истеблишмент объяснил необходимость ввода войск тем, что действия группировок, призывавших к свержению существующего строя,

были поддержаны извне. В выступлении короля Хамада Аль Халифа были прямо названы те государства, которые вмешивались во внутренние дела Бахрейна. Он обвинил Иран и Сирию в том, что они «подстрекали граждан» к свержению правящего режима. Бахрейнский монарх также заявил, что у него есть неопровержимые доказательства того, что в Сирии были организованы тренировочные лагеря, где шла подготовка молодых бахрейнцев, которые должны были совершить государственный переворот¹¹.

В официальном заявлении бахрейнского правительства говорилось, что «печальные события, которые произошли в Королевстве Бахрейн, привели к нарушению его безопасности, а также безопасности его граждан и проживающих на его территории граждан других государств». В нем подчеркивалось, что это решение «опиралось на принцип единства судьбы государств-членов ССАГЗ и их коллективной ответственности за поддержание безопасности и стабильности, так как безопасность государств Совета сотрудничества неразделима»¹².

Войска ССАГЗ не принимали участие в разгоне демонстраций, но их присутствие позволило бахрейнским властям взять ситуацию под контроль. Действия ССАГЗ были вызваны не только стремлением стабилизировать ситуацию в одной из стран-членов ССАГЗ, но и опасениями того, что Иран может возобновить свои притязания на Бахрейн.

Отношения между Ираном и Бахрейном исторически были осложнены притязаниями Ирана на Бахрейн как неотъемлемую часть своей территории. Время от времени иранские политики их реанимируют, что приводит к очередному кризису в их отношениях. Еще одним фактором, воздействовавшим на ирано-бахрейнские отношения, была поддержка, оказывавшаяся Ираном экстремистским шиитским группировкам, целью которых было свержение правящего режима.

Бахрейн продолжал обвинять Иран в поддержке антиправительственных террористических организаций и после того, как иранский президент Роухани предпринял попытку наладить сотрудничество в регионе Персидского залива. Бахрейнский министр иностранных дел Халед бен Ахмед Аль Халифа выступил на совещании министров иностранных дел ССАГЗ в Эр-Риде в марте 2014 г. и заявил о том, что к подготовке взрывов в Манаме в начале 2014 г. причастны организации, включенные в список террористических, в которых значительную роль «играют иранские элементы»¹³.

Следующим шагом к углублению сотрудничества в оборонной сфере стало оформление Совместной оборонной стратегии Совета сотрудничества на саммите в Эль-Кувейте в декабре 2009 г., провозгласившей стремление государств ССАГЗ к «оборонной интеграции»¹⁴.

Начало XXI в. расширяло представление ССАГЗ о подходах к решению проблем безопасности. Выступая 11 июля 2012 г. в кембриджском Центре исследований Залива, генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Латыф Аз-Зияни подчеркивал: «Неустойчивость региональной ситуации и угроза терроризма требуют укрепления отношений в сфере военного сотрудничества и борьбы с террористическими движениями не только между странами Совета сотрудничества, но и между ними и дружественными государствами. Страны Совета считают, что их безопасность и стабильность должны быть обеспечены».

ны их собственными силами, а также развиваемым ими международным сотрудничеством»¹⁵. В конце марта 2011 г. в Эр-Рияде состоялось первое совещание Форума стратегического сотрудничества ССАГЗ — США. В его заключительном коммюнике отмечалось, что стратегическое взаимодействие по оборонным вопросам, а также вопросам безопасности будет включено в официальные рамки общего сотрудничества между обеими сторонами¹⁶.

Военно-политическое и оборонное сотрудничество со странами Запада неизбежно ставило вопрос об установлении прямых контактов между Советом сотрудничества и НАТО. В июне 2004 г. делегация ССАГЗ приняла участие в работе Стамбульского саммита альянса, где была принята Стамбульская инициатива «Для развития отношений с Расширенным Ближним Востоком». Инициатива подчеркивала готовность входящих в НАТО государств начать сотрудничество с «государствами-членами Совета сотрудничества арабских государств Залива — Объединенными Арабскими Эмиратами, Бахрейном, Оманом, Катаром, Кувейтом и Королевством Саудовская Аравия»¹⁷.

В свете обострения обстановки на Ближнем Востоке государства-члены ССАГЗ пошли на экстраординарные меры, направленные на защиту своей территории и путей транспортировки нефти и газа — основных статей экспорта большинства из них. 11 декабря 2014 г. они достигли договоренности с НАТО о совместных действиях по обеспечению безопасности доставки энергоресурсов на мировые рынки.

В Дохе прошла конференция «НАТО и безопасность Залива». На ней обсуждались проблемы безопасности в регионе Залива и борьбы с террористическими организациями. В первую очередь речь шла об «Исламском государстве», но также и о других террористических группировках, действующих на Ближнем Востоке.

На конференции выступил генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Латыф Аз-Зияни, который подчеркнул, что «для отражения угроз безопасности необходимо создать единый фронт, объединяющий всех союзников и друзей, которые доверяют друг другу». Еще одним выступавшим был государственный министр Катара по вопросам обороны. Он отметил, что «у государств Залива и НАТО — общие интересы»¹⁸.

Совместное отражение внешних угроз национальной безопасности государств-членов ССАГЗ было направлено на сохранение их независимости, суверенитета и территориальной целостности. В то же время отражение внутренних угроз правящим режимам не стало предметом договоренности всех членов объединения. Хотя сразу же, после создания Совета сотрудничества, руководители Саудовской Аравии выдвинули идею о том, что безопасность одного государства неразрывным образом связана с безопасностью всего региона. Они предложили свою помощь в обеспечении внутренней безопасности партнеров, вплоть до предоставления своих полицейских формирований. Саудовское предложение о заключении двусторонних предварительных соглашений в области поддержания внутренней безопасности, которые должны были стать основой для единого соглашения, обсуждалось на совещании министров иностранных дел в Эр-Рияде в феврале 1981 г. Однако это предложение не получило всесторонней поддержки из-за опасения малых

государств оказаться в зависимости от Саудовской Аравии. Последующее развитие событий в регионе вновь поставило на повестку дня этот вопрос.

Попытка государственного переворота в Бахрейне, предпринятая в декабре 1981 г. под руководством, как было официально объявлено в Манаме, экстремистской группировки, подготовленной в Иране, ускорила осуществление планов Саудовской Аравии об укреплении сотрудничества в области внутренней безопасности. В феврале 1982 г. в Манаме прошло совещание министров иностранных дел государств ССАГЗ, в ходе которого была выражена поддержка Бахрейну. В тот же период состоялось совещание министров внутренних дел государств-членов, которые выдвинули предложение о заключении единого соглашения по обеспечению внутренней безопасности.

В течение 1982 г. Саудовская Аравия заключила двусторонние договоры по обеспечению безопасности со всеми государствами-членами ССАГЗ, за исключением Кувейта. Кувейт не хотел быть включенным в орбиту саудовской системы безопасности и решительно выступил против предложения о заключении единого соглашения. Проект его, состоявший из 39 статей, которые, в частности, предусматривали унификацию законодательств, выдачу преступников, разрешение на преследование подозрительных лиц на расстоянии до 13 миль вглубь территории соседнего государства, обсуждался на совещании в верхах в Манаме в ноябре 1982 г. и не был принят. Официально было объявлено о том, что этот вопрос нуждается в более подробном изучении. Наиболее негативную позицию занял Кувейт, который заявил, что подобное соглашение нанесет удар по демократическим традициям его страны¹⁹. Кувейтский парламент отстаивал нерушимость суверенитета страны и выступал против участия партнеров по Совету сотрудничества в обеспечении его внутренней безопасности. Руководство страны должно было принимать это обстоятельство в расчет.

Соглашение об обеспечении безопасности неоднократно обсуждалось и было заключено в 1987 г., когда из-за агрессивной деятельности ИРИ крайне обострилось положение государств ССАГЗ, в первую очередь Кувейта и Саудовской Аравии. В окончательный текст соглашения не были включены пункты, вызывавшие возражения некоторых членов, в частности пункт об экстерриториальности преступников.

Сотрудничество в отражении внутренних угроз национальной безопасности стран-членов, сохранении их конституционного строя и правящего режима было упрочено после заключения соглашения по вопросам безопасности в ноябре 2012 г. Оно предусматривало тесное взаимодействие между министерствами внутренних дел и спецслужбами стран-членов для борьбы с трансграничной организованной преступностью и терроризмом.

Учитывая стремление государств ССАГЗ сохранить суверенитет в вопросах обеспечения безопасности, в соглашение были включены статьи, которые должны были гарантировать невмешательство во внутренние дела его участников и их независимость в обеспечении собственной национальной безопасности в соответствии со своими национальными особенностями. В статье 1 соглашения указывалось, что сотрудничество будет осуществляться в соответствии с национальными законодательствами государств, присоединившихся к соглашению, а также их международными обязательствами. В статье 3 говорилось о том, что лица, совершившие преступления в одной

из стран-участниц соглашения или повинные во вмешательстве в их внутренние дела, понесут наказание в соответствии с законами той страны, гражданами которой они являются или где они проживают²⁰.

Из-за обвинений в адрес Катара в невыполнении пунктов этого соглашения разразился кризис в отношениях Катара с Саудовской Аравией, Бахрейном и ОАЭ. Его удалось разрешить благодаря усилиям всех членов объединения, заинтересованных в успешной деятельности этой организации, вносящей весомый вклад в обеспечение национальной безопасности своих членов. 5 марта 2014 г. три члена ССАГЗ — Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Бахрейн — приняли решение отозвать своих послов из Катара. В совместном заявлении, с которым выступили эти три страны, говорилось о том, что Катар не выполняет своих обязательств по соглашению, которое в ноябре 2012 г. государства-члены Совета сотрудничества подписали в Эр-Рияде²¹.

Это соглашение предусматривало тесное сотрудничество между министерствами внутренних дел и спецслужбами стран-членов, направленное на борьбу с действиями антиправительственного характера и организованной трансграничной преступностью.

В совместном заявлении Саудовской Аравии, Бахрейна и ОАЭ отмечалось, что все государства-члены ССАГЗ, подписавшие «соглашение о безопасности», прилагали разносторонние усилия к тому, чтобы добиться от Катара согласия проводить «единый политический курс», как этого требует устав этой организации, а также подписанные ими соглашения, поскольку соглашение по безопасности подтверждает «принцип прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела государств, входящих в Совет сотрудничества», требует «не поддерживать тех, кто угрожает безопасности и стабильности этих государств, будь то организация или же отдельные личности, которые непосредственным образом угрожают их безопасности, пытаются оказать политическое давление или же поддерживают враждебную информацию»²².

Вместе с тем в нем указывалось и на то, что Катар взял на себя соответствующие обязательства по реализации соглашения о безопасности, поскольку эмир этой страны шейх Тамим бен Хамад Аль Тани поставил под ним свою подпись на «тройственном саммите» — совещании, проходившем 23 ноября 2013 г. в Эр-Рияде, участниками которого были также главы Саудовской Аравии и Кувейта²³.

Претензии к Катару были связаны прежде всего с нахождением на его территории видных деятелей движения «Братья-мусульмане», выступавших против ведущих политиков Саудовской Аравии и ОАЭ, «недружественной информационной политикой» Катара в отношении ОАЭ и Бахрейна, отсутствием «координации действий Катара с другими членами Совета сотрудничества по сирийскому вопросу» и созданием им «блока с Турцией и другими государствами», как и «подозрениями», связанными с «возможной» катарской поддержкой йеменских хуситов²⁴. Разногласия между Катаром и его партнерами по ССАГЗ касались и Египта, который обвинил Катар во вмешательстве в свои внутренние дела, из-за поддержки, которую он оказывал «Братьям-мусульманам».

Совет министров Государства Катара опубликовал заявление, в котором высказал свое «сожаление и удивление» по поводу решения Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна «отозвать послов из Дохи», признав существование разногласий с этими странами, но подчеркнув, однако, что имеющиеся между ними разногласия «не касаются проблем Совета сотрудничества». Как говорилось в заявлении катарского Совета министров, «эти разногласия не затрагивают интересы народов государств Залива, его безопасность и стабильность». Катар подтвердил свою «приверженность узам братства с народами государств Совета сотрудничества». Он также заверил своих партнеров по ССАГЗ, что будет и в дальнейшем придерживаться принципов, на которых основывается деятельность этой организации, выполнению всех взятых им обязательств, в том числе и обязательств по «обеспечению безопасности и стабильности всех входящих в Совет сотрудничества государств»²⁵. Таким образом, Катар воздержался от ответных мер, тем самым продемонстрировав свою заинтересованность в сохранении единства государств, входящих в ССАГЗ.

Сдержанная позиция Катара способствовала тому, что кризис, при посредничестве Кувейта, потерял свою остроту. 15 ноября 2014 г. прошла внеочередная встреча на высшем уровне Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) в Эр-Рияде, на котором состоялось примирение Катара со своими партнерами. Три государства ССАГЗ — Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн — приняли решение вернуть своих послов в Доху.

Разногласия по вопросам внешней политики между государствами ССАГЗ не стали препятствием для развития контактов в сфере обеспечения их национальной безопасности, которая оставалась приоритетной задачей этой организации.

Примечания

- ¹ Членами ССАГЗ являются: Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия.
- ² Аль-Байян аль-хитамиль ли муатамар аль-кимма аль-авваль (Заключительное коммюнике I саммита). — Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха, Визара аль-иъальян ли Дауля Катар, 1983. Т. 1–3. С. 92.
- ³ Муатамар вузара дахийийя дувваль Маджлис ат-таавун (Совещание министров внутренних дел государств Совета сотрудничества). — Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя. Т. 1–3. С. 283.
- ⁴ Аль-Муатамар ас-салис ли вузара ад-дифаа би дувваль Маджлис ат-таавун. Истратиджийя ад-дифаа аль-муштарак (Третье совещание министров обороны государств Совета сотрудничества. Единая оборонная стратегия). — Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха, Визара аль-иъальян ли Дауля Катар, 1984. Т. 4. С. 237–238.
- ⁵ Муатамар сухуфий ли вазир аль-хариджийя аль-кувейтий ан натаидж аль-кимма аль-халиджийя аль-хамиса (Пресс-конференция кувейтского министра иностранных дел по итогам V саммита Совета сотрудничества). 29 ноября 1984. — Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя (Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива). Доха, Визара аль-иъальян ли Дауля Катар, 1985. Т. 5. С. 124–125.
- ⁶ Аль-Байян аль-хитамиль ли ад-даура аль-хамиса ашара ли аль-Маджлис аль-аля (Заключительное коммюнике XV сессии Высшего совета). Манама, 19-21 декабря 1994. — Аль-Байянат аль-хитамиль ли даурат аль-Маджлис аль-аля (Заключительные коммюнике сессий Высшего совета). Эль-Кувейт, Визара аль-иъальян, 1997. С. 122.

- 7 Калима аль-амин аль-амм ли Маджлис ат-таавун фи аль-джальса аль-хиварийя ли му-атамар Кембридж (Выступление генерального секретаря Совета сотрудничества в ходе диалога в Кембридже). — Аль-Масира, 2012. № 53.
- 8 Там же.
- 9 Шарк Аль-Аусат, 16 марта 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612744&issueno=11796>.
- 10 Там же.
- 11 King of Bahrain insists his forces do not indulge in “ethnic cleansing or genocide: as he defends handling of protests”. — The Telegraph, 12 December 2011. — <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/bahrain/8951979/King-of-Bahrain-insists-his-forces-do-not-indulge-in-ethnic-cleansing-or-genocide-as-he-defends-handling-of-protests.html>.
- 12 Аль-Бахрейн туалин истианатиха би кувват Дара аль-джазира ли аль-хифаз аля амн ва аль-истикрар (Бахрейн заявил о введении сил «Щит полуострова» для поддержания безопасности и стабильности) — Аш-Шарк Аль-Аусат 15 марта 2011. — <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=11795&article=612577>.
- 13 Там же.
- 14 Аль-Байян аль-хитами ли ад-даура ас-салясин ли аль-Маджлис аль-аала (Заключительное коммюнике XX сессии Высшего совета). Эль-Кувейт, 14-15 декабря 2009 // генеральный секретариат ССАГЗ — <http://www.gcc-sg.org/index7c.html?action=SecShow&ID=303>.
- 15 Калима аль-амин аль-амм ли Маджлис ат-таавун фи аль-джальса аль-хиварийя ли му-атамар Кембридж (Выступление генерального секретаря Совета сотрудничества в ходе диалога в Кембридже). — Аль-Масира, 2012. № 53.
- 16 Леджна аманийя халиджийя-американийя ли дарс бина «дира сарухий» (Сформированная странами Залива и Соединенными Штатами комиссия по безопасности изучит вопрос о создании «ракетного щита»). 1 апреля 2012 // Аль-Хайят — <http://ksa.daralhayat.com/print/380965>.
- 17 Косач Г.Г. Саудовская Аравия, страны Совета сотрудничества и НАТО: развитие идеи сотрудничества. 30 апреля 2008 // Институт Ближнего Востока — <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/30-04-08.htm>.
- 18 Иттифак Атласий-халиджий ли химаат тадаффу ан-нафт (Соглашение между НАТО и государствами Залива для защиты поставок нефти) // Аль-Хайят 12 декабря 2014. — <http://alhayat.com/Articles/6205328>.
- 19 MEED. 22.07.1983. P. 4.
- 20 Насс аль-иттифакийя аль-аманийя (Текст соглашения по безопасности) // Аль-Ан-ба, 10 апреля 2013. — <http://www.alanba.com.kw/absolutenm/templates/print-article.aspx?articleid=373>.
- 21 Насс аль-баян аль-муштарак (Текст совместного заявления) // Аш-Шарк Аль-Аусат 6 марта 2014. — <http://www.aawsat.com/print.asp?did=763728&issueno=12882>.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Катар: нуасиф ли сахб суфара Ас-Саудийя ва Аль-Имарат ва Аль-Бахрейн ва аль-карар сабабаху хилафат хавля шуун харидж Маджлис ат-таавун (Катар: мы сожалеем об отзыве посланцев Саудовской Аравии, Эмиратов и Бахрейна, но его причины связаны с разногласиями, не затрагивающими Совет сотрудничества) // Аль-Хайят 6 марта 2014. — <http://alhayat.com/Articles/913438/>.

С.Л. Волкова*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТУРЦИИ И РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПРЕОБЛАДАЮЩИМ МУСУЛЬМАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

Резюме. В статье рассматривается важное направление турецко-российского экономического сотрудничества — отношения с республиками РФ, имеющими преобладающее мусульманское население, что является продолжением общей экспортноориентированной стратегии Турции. Анализируются основные законодательные и правовые акты, формы экономического сотрудничества и факторы, как способствующие развитию отношений (в том числе мусульманский), так и ограничивающие его.

Ключевые слова: экономические отношения Турции, республики РФ, имеющие преобладающее мусульманское население, географическая диверсификация экспорта, мусульманский фактор, торговое и инвестиционное сотрудничество, культурные связи.

Summary. The article discusses the important direction of Turkish-Russian economic cooperation — relations with the republics of the Russian Federation, with a predominant Muslim population, which is a continuation of the overall export-oriented strategy of Turkey. Analyzes the main legislative and legal acts, forms of economic cooperation and factors that enhance relationships (including Muslim), and limiting it.

Tags: economic relations of Turkey, the Republic of the Russian Federation with a predominant Muslim population, geographical diversification of exports, the Muslim factor, trade and investment cooperation, cultural ties.

Одним из новых направлений внешнеэкономического сотрудничества Турции является расширение связей с субъектами Российской Федерации, в том числе с регионами, имеющими преобладающее мусульманское население. Со второй половины 1990-х гг. в Турции развиваются новые формы содействия экспорту, нацеленные на его рост, такие как исследование новых рынков, поддержка торговых выставок в стране и за рубежом, поддержка создания филиалов или магазинов турецких компаний за границей. Однако, несмотря на абсолютный рост стоимости инвестиционных товаров в структуре экспорта, их удельный вес, который отражает наличие в стране конкурентоспособных технологий, оставался невысоким: по данным на 2013 г., 25% экспорта Турецкой Республики в РФ составляли текстильные товары и готовая одежда, около 15% — продукты питания, 12% — продукция автопромышленности и столько же — продукция общего и электрического машиностроения и бытовые приборы длительного пользования, около 8% — прочие

* Волкова Светлана Леонидовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник ЦИСБ-СВ ИВ РАН.

потребительские товары. Данные группы относятся к среднетехнологичным, доля высокотехнологичной продукции пока очень мала — около 3%¹. Поэтому очень важным для Турции направлением становится повышение в экспорте, в том числе и в Россию, доли товаров с более высокой добавленной стоимостью, современной высокотехнологической продукции. Данная политика, направленная на улучшение качественной структуры экспорта, так же, как и для всей России, актуальна и для регионов РФ, в рамках общей стратегии диверсификации экспорта, согласно которой в 2000-х гг. прослеживается весьма динамичное расширение позиций некоторых новых партнеров.

Одновременно с ростом турецкого экспорта наблюдался и рост импорта. И хотя экспорт рос более высокими темпами, данного обстоятельства оказалось недостаточно для преодоления дефицита внешней торговли. При этом видна динамика роста дефицита торговли с РФ (так, в 2005 г. он составил 10 млрд долл., в 2009 г. — 16 млрд долл. и в 2013 г. — 18 млрд долл.). При этом стоимость импорта Турции значительно превышает стоимость экспорта (в 2013 г. стоимость импорта составила 25,1 млрд долл., а экспорта — 6,9 млрд долл.)². Это объясняется тем, что Турция является покупателем энергетического сырья у РФ (на природный газ, нефть и нефтепродукты приходится 65% ее импорта из России). И положение России на турецком газовом рынке является фактически монопольным. При этом важным направлением политики турецкой стороны в отношении импорта энергоресурсов является диверсификация его источников, а в отношении России — удовлетворение своих импортных потребностей, в том числе и за счет новых регионов, субъектов РФ.

Таким образом, одновременно с важностью традиционных партнеров Турции прослеживается динамичное расширение позиций некоторых новых стран, регионов, субъектов. Во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. Турция продолжала реализовывать политику географической диверсификации экспорта. Правительством Турции был подготовлен «Стратегический план развития экспорта» на 2004–2006 гг., который предусматривал развитие данной стратегии. В «Плане развития экспорта» отмечалось, что в экспортной политике была начата «разведка и атака на новые рынки». Была разработана стратегия выхода на рынки «соседних и пограничных стран». Отмечалось, что необходимо выделять потенциальные новые «целевые» рынки, которые будут являться приоритетными для обеспечения роста экспорта; развивать отношения со странами, имеющими географическую, историческую и культурную близость, а также со странами, экономики которых имеют взаимодополняющий характер для экономики Турции³. В плане стратегического развития экспорта Турции, разработанном правительством до 2023 г., вновь отмечается важность для страны новых «целевых» рынков. При этом на фоне влияния общемировых тенденций стоит задача как сохранения традиционных партнеров, так и усиления и обновления «разведывательных» методов экспортной стратегии для выхода на новые альтернативные рынки, используя свое географическое преимущество и развивая внешнеторговые отношения с ближневосточными регионами и бывшими республиками Советского Союза⁴.

В этих условиях в отношении Российской Федерации стратегия географической диверсификации турецкого экспорта приобрела форму внутривосточной диверсификации, т. е. углубления связей с отдельными субъектами

РФ, в том числе с республиками, краями, областями Северного Кавказа, Поволжья и Урала, и особенно активно — с регионами России, имеющими преобладающее мусульманское население. По мнению турецких экспертов из Евразийского центра Международной организации стратегических исследований, «открытие новых географических пространств, городов и районов в России и Турции может привести к большому разнообразию в экономической деятельности обеих стран»⁵.

При этом республики и иные субъекты РФ представляются для турецкой стороны более привлекательными партнерами, чем центральные структуры: меньше давление налоговых и контролирующих организаций и бюрократии. Кроме того, субъекты РФ, стараясь привлечь иностранных инвесторов, принимают законы о специальных льготах и гарантиях, поощрениях иностранного капитала, а также о защите иностранных инвестиций, предоставляют все необходимые лицензии и разрешения. А в качестве формы оплаты часто используются поставки сырьевой продукции.

Особое значение сотрудничества с российскими регионами подчеркнул председатель Союза торговых палат Анатолии Т. Эзильхан: «Турция доверяет России и будет продолжать сотрудничать не только напрямую с Москвой, но и отдавать предпочтение районам, удаленным от центра». Налаживая подобные отношения, «турецкая сторона осуществляет капиталовложения в будущее»⁶. На 6-м заседании Смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, состоявшемся в Москве в ноябре 2004 г., было отмечено, что «подписание соглашений и протоколов о торгово-экономическом сотрудничестве между Турецкой Республикой и субъектами РФ, имеющими полномочия на подписание международных соглашений в соответствии с российским законодательством, внесет вклад в усилия по развитию и диверсификации торгово-экономических связей между Турцией и Россией». Кроме того, был рассмотрен ряд возможных мер, направленных на расширение ознакомительной и маркетинговой деятельности и развитие межрегиональных связей⁷. В августе 2009 г. на 9-м заседании Смешанной комиссии стороны, подчеркнув целесообразность расширения контактов между предпринимателями двух стран, отметили важность укрепления межрегионального сотрудничества. При этом было выражено удовлетворение развивающимися контактами по торговым и инвестиционным проектам между компаниями двух стран в таких регионах, как Татарстан, Башкортостан, Краснодарский край и в других регионах Российской Федерации. Отмечалась важность сбалансированного развития и диверсификации межрегионального экономического сотрудничества⁸. А в апреле 2013 г. министр промышленности, торговли и инвестиций Республики Дагестан Ю. Умавов принял участие в 12-й российско-турецкой Рабочей группе по промышленности Смешанной межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Турецкая сторона выразила желание сотрудничества в сфере авиационных технологий, судостроения и спутниковых технологий. Одним из обсуждаемых был вопрос развития промышленных парков в России и промышленных зон в Турции. Министр промышленности, торговли и инвестиций РФ отметил, что республика оказывает всевозможные меры государственной поддержки

турецким фирмам. Так, проекту российско-турецкой компании ЗАО «Нергиз Дагестан» по организации в Дагестане текстильного производства на базе индустриального парка «Тюбе» был предоставлен статус приоритетного, что дало возможность получить предусмотренные региональным законодательством меры государственной поддержки в части налоговых преференций и госгарантий⁹.

На заседании Российско-Турецкого Форума Общественности (РТФО), состоявшемся в ноябре 2013 г. в Анталии, руководитель рабочей группы по торгово-экономическому сотрудничеству РТФО А. Паланкоев обратился к турецкому бизнесу с предложением перенести свой производственный процесс на территорию России, создавать совместные предприятия с российскими компаниями и инвестировать в малые и средние производства России. Такая мера будет способствовать оптимизации многих издержек, в том числе и логистических расходов¹⁰. Перенос производственного процесса будет осуществляться в том числе и в субъекты РФ. Так, в ноябре 2013 г. в Москве состоялась встреча Президента Татарстана Р. Минниханова с турецкими предпринимателями. Глава Ассоциации российских и турецких предпринимателей обозначил инвестиционные преимущества Татарстана, такие как развитая инфраструктура, низкие бюрократические барьеры, поддержка властей¹¹.

На Российско-Турецком экономическом форуме, состоявшемся в марте 2015 г. в рамках совместного заседания Российско-Турецкого и Турецко-Российского деловых советов, отмечалось, что в связи с сокращением объемов внешней торговли РФ после введенных санкций в настоящее время ведётся активная работа по замещению товаров, ранее поступающих из ряда западных стран, что является благоприятной ситуацией для турецких поставщиков, которые могут заполнить эту нишу турецкими товарами. При этом можно надеяться, что субъекты РФ также смогут стать благоприятными партнерами с этой точки зрения, так как для Турции становится более эффективно инвестировать в производство данных товаров на территории России. Состоялась бизнес-миссия турецкой делегации в Казань, где прошла встреча с главой Татарстана Р. Миннихановым, обсуждалась возможность реализации ряда сельскохозяйственных и других проектов на территории республики. В то же время было отмечено, что остается ряд торговых и административных барьеров, которые бизнес-круги обеих стран призывают как можно скорее устранить¹².

Таким образом, в рамках общей концепции развития и расширения турецко-российского экономического сотрудничества развивается новое направление сотрудничества — с субъектами Российской Федерации, в том числе с республиками, имеющими преобладающее мусульманское население (Кабардино-Балкарская Республика (КБР), Карачаево-Черкесская Республика (КЧР), Республика Дагестан (РД), Республика Татарстан (РТ), Республика Башкортостан (РБ)).

Внимание сторон к сотрудничеству именно с мусульманскими регионами и субъектами РФ объясняется этнической общностью турок и отдельных народов, проживающих на территории РФ (карачаевцы, балкарцы, ногайцы, кумыки, татары, башкиры), схожестью ряда элементов культуры (язык, религия). Кроме того, наличие в Турции черкесской диаспоры также является одним из факторов заинтересованности ТР и способствует осуществлению сотрудничества с данными регионами РФ в связи с близостью культуры и

языков. Как отмечалось в отчете, сделанном DEIK (Комитет внешнеэкономических связей) после поездки по субъектам РФ, наличие диаспоры является первым шагом на пути дальнейшего сотрудничества¹³. На первом заседании Российско-Турецкого форума общественности (2013 г.) было предложено провести перекрестный год русского языка в Турции и турецкого языка в России, что должно вызвать немалый резонанс в тюркоязычных регионах РФ и привести к расширению сотрудничества¹⁴.

Следует остановиться и на влиянии мусульманского фактора. Существуют точки зрения, авторы которых говорят об экспансии Турции в тюркские республики и другие субъекты Северного Кавказа, Поволжья и Урала РФ, особенно мусульманские, в культурной и образовательной сфере. Сторонники этой точки зрения считают, что на протяжении многих столетий Турция стремилась стать региональной сверхдержавой¹⁵. Существует ряд фактов, подтверждающих пантюркистские идеи в системе отношений Турции и субъектов РФ, в частности турецкие школы и лицеи. Однако данная политика по поддержке турецких школ и лицеев в российских республиках не является государственной. Чаще всего учебные заведения поддерживаются мусульманским деятелем Ф. Голеном, в отношении которого в Турции возбуждено уголовное дело. Имелась также информация о помощи чеченской диаспоры, проживающей в Турции, чеченским террористам. Хотя официальные представители турецкого правительства отрицали предоставление помощи чеченским террористам, тем не менее она поступала, но только из неправительственных источников и, что весьма существенно, в рамках кампании «исламской солидарности», захватившей не только Турцию, но и другие мусульманские страны¹⁶. Как российская, так и турецкая сторона в настоящее время высказываются за активизацию взаимодействия в борьбе с международным терроризмом, в том числе по линии спецслужб.

Идея пантюркизма поддерживалась и руководителями тюркских республик. Так, появилась ассамблея тюркских народов (АТН), претендовавшая на объединение общественных движений Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Татарстана, Башкирии и тюркских народов Северного Кавказа¹⁷. Следует подчеркнуть, что АТН являлась объединением общественных организаций, а не государственных структур. В 1989 г. был создан Татарский общественный центр (ТОЦ), учредивший 140 филиалов по России и странам СНГ и дальнего зарубежья, в том числе и в Турции. Конечной целью татарских националистов являлась полная независимость от России, и их амбиции служили серьезным препятствием на пути распространения пантюркизма в его классическом варианте — как доктрины, предполагающей объединение всех тюркских народов вокруг Турции. Стремление к укреплению национальной самобытности, возрождению этнокультурных традиций так или иначе выражено и у тюркских народов Северного Кавказа. Однако на первый план в националистических движениях тюркских республик выдвигаются конкретные задачи, специфические для каждого отдельного народа, тогда как идея тюркского единства играет более скромную роль. Куда более чем пантюркистские в регионах популярны чисто националистические устремления.

Конечно же, в определенной мере можно говорить и о пантюркистских устремлениях турецкой стороны. Как писал влиятельный турецкий журналист Сами Козн, «одной из новых реалий, порожденных стремительным развити-

ем в мире, стала та значимость, которую приобрели турки, проживающие вне Турции... В таких условиях, невозможно представить, чтобы сама Турция не уделяла внимание этому явлению»¹⁸. Но добиться главного, как считает известный турколог Н.Г. Киреев, на что рассчитывали турецкие исламисты и пантюркисты, — учредить в Евразии под их патронажем некий тюркский или даже турецкий политический союз — не удалось, причем решающее слово здесь было сказано как демократической общественностью Турции, так и общественностью самих государств.

И в реальности, как показывает практика сотрудничества, основной тенденцией является использование фактора тюркской и исламской общности в совершенно конкретных прагматических целях — для успешного развития торговли и инвестиционного сотрудничества. Этническая, культурная близость способствуют расширению отношений Турции с регионами России. Исключения составляют республики Северного Кавказа, в которых акцентирование внимания на тюркско-мусульманском (мусульманском) факторе может привести к дальнейшему углублению кризисных тенденций.

И именно в этом направлении, способствующем развитию экономического, инвестиционного, культурного и научного сотрудничества, проводится основная часть двусторонней деятельности Турции и республик РФ с преобладающим мусульманским населением, имеющая положительные результаты. Турция имеет возможности экспорта товаров, в которых заинтересованы регионы РФ, и в том числе имеет возможность увеличить экспорт товаров с более высокой добавленной стоимостью. Кроме того, развитие сотрудничества с субъектами РФ обеспечивает Турции возможности импорта или совместного производства высокотехнологичных товаров, которые в настоящее время в недостаточном количестве предоставлены как в промышленности, так и в экспорте Турции. Ряд исследуемых субъектов (Дагестан, Кабардино-Балкария, Татарстан, Башкортостан) являются важным экономическим регионом России и обладают значительным природным и ресурсным потенциалом. Поэтому у Турции имеются возможности для осуществления импорта энергоресурсов и некоторых других видов промежуточных и сырьевых товаров, например алюминия, кожевенного сырья и другой продукции. Таким образом, свою положительную роль в развитии торговых отношений Турции с регионами РФ играет фактор взаимодополняемости их хозяйственных структур. Республики РФ также заинтересованы в сотрудничестве с Турецкой Республикой. Они получают возможности экспорта своего сырья и тем самым увеличивают валютные поступления. Субъекты РФ привлекают инвесторов из Турции. Кроме того, республики и регионы РФ импортируют из Турции необходимую им продукцию.

Регионы РФ богаты многими полезными ископаемыми. Имеются месторождения нефти (РТ, РБ, Дагестан, КБР, Чеченская Республика), газа (РТ, РБ, Дагестан), каменного угля (Дагестан, РТ), торфа (РТ, Дагестан), железных, вольфрамовых, стронциевых, медных руд (КБР, Дагестан, РБ), медного колчедана (КЧР, РБ), торфа (Дагестан, РТ), нерудных ископаемых — известняка, глина, сера, мрамор, облицовочные камни (КЧР, КБР, Дагестан, РТ), строительных материалов — пески, известняк, гравий, цементное сырье (Дагестан, РТ, РБ). На территориях рассматриваемых субъектов РФ расположены рек-

реационные ресурсы — минеральные источники, лечебные грязи, термальные воды (Дагестан, КЧР, КБР).

Рассматриваемые субъекты РФ имеют многоотраслевую промышленность. Развита топливная промышленность, пищевая, химическая промышленность, электроэнергетика, а также черная и цветная металлургия, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная, легкая промышленность, развито сельское хозяйство. Однако, как показывает анализ, в отдельных регионах промышленность нуждается в модернизации, применении новых технологий, использовании новейших достижений современной техники, что требует дополнительных капиталовложений. Поэтому регионы заинтересованы в иностранных инвестициях в целях модернизации производства. Турция, имеющая развитую пищевую и текстильную промышленность, имеет определенные преимущества с точки зрения инвестиционной активности в данном регионе.

В то же время отдельные субъекты РФ — Татарстан, Башкортостан, КБР, Дагестан — имеют такие развитые отрасли промышленности, как машиностроение и металлообработка, производящие разнообразную продукцию: машины, станки, электротехническое оборудование, приборы, запчасти и др. Наличие подобных отраслей дает возможность регионам экспортировать свою продукцию в Турцию, которая испытывает в ней потребность и сохраняет зависимость от импорта зарубежной техники. В остальных же регионах РФ данные отрасли развиты намного слабее. Возможно, совместные инвестиционные проекты Турции и промышленно развитых субъектов РФ помогут развитию промышленных отраслей в регионах России.

Для рассмотрения организационно-правовых и экономических предпосылок развития сотрудничества Турции с субъектами РФ нужно проанализировать правовой и юридический статус субъектов РФ в системе внешнеэкономических связей Российской Федерации.

Несмотря на предпринятые попытки урегулирования, существующая на сегодняшний день правовая база для развития внешнеэкономической деятельности субъектов РФ сохраняет определенные разночтения и несоответствия. Право субъектов на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность не отражено в Конституции РФ¹⁹. Формально они не имеют право на установление экономических отношений с иностранным государством, это является прерогативой центра. Законодательство Российской Федерации ограничивает право субъектов на установление экономических отношений правом на отношения с субъектами иностранных федеративных государств или их отдельными территориями, а также с согласия Правительства Российской Федерации — с органами государственной власти иностранных государств²⁰. Но региональные власти в своих конституциях устанавливают отдельные пункты, провозглашающие их право на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность (Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика), и тем самым входят в противоречие с законодательством РФ²¹.

В 2000-х гг. наметилась тенденция изменения акцентов в региональной политике. Центральной здесь стала задача повышения эффективности государства как средства обеспечения поступательного развития в целом. Наряду с этим регионам предоставлялась и определенная самостоятельность,

которая, однако, должна осуществляться в соответствии с законодательством РФ и не должна вести к дезинтеграции государства²².

Развитию отношений между Турцией и регионами России способствовало создание специализированных организаций государственных и неправительственных структур с последующим включением в эту схему ведущих министерств и ведомств, предприятий и банков, объединений турецкого частного сектора. Так, были созданы Смешанная межправительственная российско-турецкая комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству (1992 г.); Комитет внешнеэкономических связей и организованный в его структуре Турецко-Российский деловой совет (1991г.); Российско-Турецкий деловой совет (2005 г.); Некоммерческое партнерство турецких предпринимателей (1997 г.); Российско-Турецкий Форум общественности (2013 г.).

Поскольку, как отмечалось выше, подписание межправительственных договоров является полномочием федерального центра, то в рассматриваемом случае создание договорно-правовой базы двусторонних экономических отношений имело определенную специфику, связанную с подбором партнера с турецкой стороны. Так, например, при подписании соглашения с Кабардино-Балкарской Республикой и Республикой Дагестан им стал Союз Турецких Палат и Бирж (СТПБ) (хотя формально является организацией частных предпринимателей, он имеет тесные связи с правительственными структурами страны) и при подписании соглашения с Кабардино-Балкарской Республикой — Турецкое агентство по международному сотрудничеству (ТИСА) (будучи созданным при МИД формально находится за его рамками).

Таким образом, Турция активно развивает экономические отношения с республиками Северного Кавказа, в частности с **Кабардино-Балкарской Республикой (КБР)**. Турция занимает одну из лидирующих позиций среди торговых партнеров КБР. В 2014 г. она находилась на 5-м месте среди стран-партнеров КБР из дальнего зарубежья²³. В 2012 г. стоимостные объемы экспортируемой в Турцию продукции составили 1,7 млн долл., а импорт составил 9,8 млн долл. Импорт из Турции в 2014 г. был представлен следующими статьями: ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства (1,3 млн долл.); вторую позицию занимали трикотажные полотна машинного или ручного вязания (422 тыс. долл.); далее следовали экстракты — дубильные и красильные и изделия из черных металлов²⁴. В структуре экспорта лидирующую позицию со значительным отрывом занимали в 2014 г. алкогольные и безалкогольные напитки (2,3 млн долл.). Второе место принадлежало изделиям из драгоценных металлов (135,9 тыс. долл.). На третьем месте были представлены древесина и изделия из нее²⁵.

КБР, обладая довольно значительным ресурсно-экономическим потенциалом, испытывает недостаток в средствах для его дальнейшего развития. Поэтому инвестиционное направление является важнейшим на первом этапе сотрудничества. Турецкие инвесторы, кредитуя проекты КБР, вкладывают деньги в наиболее развитые отрасли республики. Среди основных можно выделить электроэнергетику, пищевую, нефте- и горнодобывающую отрасли промышленности. Так, турецкие фирмы участвуют в освоении нефтяных месторождений, переработке сырой нефти, сельскохозяйственного сырья, строительстве и модернизации объектов (курорта «Нальчик», аэропортового

комплекса, малых ГЭС, торгового центра). При этом турецкие фирмы предпочитали в качестве партнера не местные частные фирмы, а Правительство КБР, что должно было обеспечить им дополнительные гарантии на новом рынке.

В ходе встречи главы КБР, состоявшейся в феврале 2008 г., с губернатором вилайета Кайсери Н. Билиджи было отмечено, что Кабардино-Балкарию и Турцию объединяет очень много общего. Как известно, в Турции проживает большая черкесская диаспора, которая знает язык кабардинцев, а в КБР живут балкарцы, хорошо понимающие турецкий язык. Губернатор заявил о готовности к сотрудничеству с Кабардино-Балкарией. Глава КБР рассказал о благоприятных условиях для инвесторов, включающих в себя гарантии личной безопасности, об имеющихся, но простаивающих площадях с готовой инфраструктурой, которые требуют лишь технологического обновления. КБР нужны новые технологии и специалисты, способные их внедрять. Он также заметил, что с учетом повышения торговых пошлин для иностранцев в России турецким предпринимателям будет намного выгоднее производить и реализовывать свою продукцию на территории РФ²⁶.

По итогам визита заместителя Председателя Правительства КБР М. Кодзокова в ТР в марте 2013 г. были представлены предложения по дальнейшему развитию сотрудничества, обмена опытом в области общественно-религиозных отношений, которым в республике придается очень важное значение, в том числе и на государственном уровне²⁷.

Таким образом, КБР является перспективным партнером сотрудничества для Турции во многих областях.

В сотрудничестве Турции с **Республикой Дагестан (РД)** заметно выделяется строительный бизнес, где турецкие фирмы успели завоевать прочные позиции. В 1998 г. Турция являлась одним из основных инвесторов в экономику РД (создание совместных предприятий).

Развивается и торговля. В 2012 г. товарооборот между Республикой Дагестан и Турцией составил 47,6 млн. долл., что на 60,8% выше показателей 2011 г. Экспорт составил 22,15 млн долл., импорт — 25,5 млн долл. Основную позицию в экспорте РД в 1998 г. занимала товарная группа «необработанные шкуры и кожа» — 63,5% от общей стоимости экспорта и «алюминий и изделия из него» — 25,0%²⁸. А в 2000-х гг. товарная структура экспорта значительно изменилась. Так, в 2014 г. основную позицию по экспорту занимали ядерные реакторы (3,2 млн долл.). На втором месте — стекло (926 тыс. долл.). Далее шли печатные книги, шерсть, необработанные шкуры²⁹. Импортирует Дагестан из Турции сахар (3,2 млн долл.), ядерные реакторы (2,7 млн долл.), мебель, изделия из черных металлов, предметы одежды, ковры.

На первом этапе сотрудничества используются возможности взаимодополняющих отраслей в структуре промышленных комплексов сторон (топливная, текстильная промышленность). Впоследствии преимущественным направлением станет кооперация по модернизации машиностроительного комплекса, пищевой промышленности, производству строительных материалов.

Осуществляются инвестиции и в образовательные проекты (сеть турецких образовательных учреждений, развитие связей по линии министерства образования), развиваются отношения с дагестанскими соотечественниками за

рубежом. Однако, как отмечалось, необходимо усиление государственного контроля за данным процессом.

В июне 2012 г. Турцию с рабочим визитом посетила делегация РД во главе с Президентом РД М. Магомедовым. По итогам состоявшихся встреч и переговоров представителей холдинга «Нергиз» с руководством Дагестана подписано Соглашение о строительстве в республике турецкой компанией текстильной фабрики (объем инвестиций на первом этапе составит более 500 млн долл.). Помимо текстильного производства, с участием холдинга «Нергиз», планируется производство в Дагестане электроэнергии газогенераторным методом.

Турция занимала 3-е место в 2014 г. по объемам внешней торговли с **Карачаево-Черкесской Республикой (КЧР)**. А среди партнеров по импорту — 2-е место, с долей 2,8% от импорта республики. Экспорт КЧР в Турцию в 2014 г. был представлен в основном двумя позициями: шерсть, тонкий и грубый волос животных, пряжа и ткань (122,7 тыс. долл.), и эфирные масла, парфюмерные, косметические и туалетные средства (11,1 тыс. долл.). Причем он значительно сократился по сравнению с 2013 г. за счет статьи «котлы, оборудование и их части», которая тоже была представлена в предыдущие годы³⁰. В КЧР планируется строительство нового завода по выделке мехового сырья, овчин, кож. Это должно привлечь Турцию, которая является крупнейшим импортером шкур крупного рогатого скота и овец.

В импорте из Турции преобладает продукция машиностроения, нефтехимического комплекса и продовольственные товары. Кроме того, представители крупных фабрик и предприятий КЧР выразили готовность к сотрудничеству по поставкам из Турции офисного и других видов оборудования, запчастей к автомобилям.

Таким образом, выявляя **наиболее общие тенденции** сотрудничества Турции с республиками Северного Кавказа, имеющими преобладающее мусульманское население, следует отметить дефицитный характер их внешней торговли, который связан как с относительно невысоким уровнем развития экономик республик, так и с его снижением в результате ряда кризисных лет. Отсюда архаичная структура экспорта, в основе которой поставки необработанного сырья для кожевенной промышленности (шкуры) и некоторых видов минерального сырья, продовольственные товары. Исключение составляет в последние годы Республика Дагестан, где по экспорту лидирует статья «ядерные реакторы, котлы, оборудование и их части». Импорт является более диверсифицированным. Кроме того, в импорте республик основные позиции в последние годы также занимают ядерные реакторы, котлы, оборудование. В связи с этим следует отметить роль Турции как поставщика оборудования и техники. Однако часто возможности развития импортных поставок субъектов ограничены низким платежеспособным спросом. В результате высок удельный вес специфических поставок в рамках «челночной» торговли.

Объективные факторы, ограничивающие возможности развития торгового сотрудничества сторон, предопределяют преимущественное по сравнению с торговлей значение сотрудничества, использующего либо субсидии федерального центра для реализации промышленных и инвестиционных проектов, либо финансовые вложения самих турецких фирм. Сравнительно редко, но все-таки осуществляются инвестиционные проекты (совместные

предприятия), использующие технологический потенциал наиболее развитых республик (Дагестан) и самой Турции. Чаще всего совместные предприятия связаны с освоением природных ресурсов республик или обеспечением массовыми услугами и потребительскими товарами местного населения.

Активно развивается экономическое сотрудничество Турции с **Республикой Татарстан (РТ)**. В 1995 г. между Правительством Республики Татарстан и Правительством Турецкой Республики было подписано Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, явившееся юридической базой для развития дальнейших отношений.

Важным направлением экономического сотрудничества сторон является **торговля**. В 2006 г. Турция входила в первую десятку стран основных торговых партнеров Республики Татарстан (третье место). Товарооборот Татарстана с Турцией увеличился в 2006 г. к уровню 2001 г. более чем в 100 раз. В 2012 г. товарооборот между Республикой Татарстан и Турцией составил 926 млн долл., что на 16,6% выше показателей 2011 г. Экспорт составил 718,1 млн долл., импорт – 207,9 млн долл. Основными статьями экспорта являлись нефть и нефтепродукты (107,9 млн долл.), каучук и резина (51,4 млн долл.), пластмассы и изделия из них (7,6 млн долл.), а импорта – транспортные средства (57,8 млн долл.), реакторы ядерные, котлы, оборудование и их части (9,3 млн долл.), фармацевтическая продукция (12,8 млн долл.)³¹.

Одним из важнейших направлений в структуре взаимоотношения сторон является **инвестиционное сотрудничество**. Поступательное развитие инвестиционной деятельности во многом обеспечивается благоприятной законодательной средой, созданной за последние несколько лет усилиями руководства республики.

Сейчас в Татарстане работают более 70 совместных татарстано-турецких предприятий. Кроме того, на территории Республики Татарстан зарегистрировано около 20 представительств и филиалов турецких компаний. Основными сферами совместной деятельности являются: нефтехимическая промышленность (например, поставки продукции завода «Нижекамскнефтехим»), энергетика, кондитерская промышленность, производство лакокрасочных изделий, судов, искусственных гранитных отделочных материалов (совместно с турецким предприятием «GRAN1ST»), строительство и реконструкция. Турецкие компании открыли в Татарстане большое количество магазинов розничной торговли, торговый центр «Рамстор»³².

Активна в РТ деятельность строителей. Так, турецкие строительные компании осуществили на условиях подряда ряд следующих крупных и средних проектов: строительство мечети Кул-Шариф, реконструкцию зданий Казанского Кремля, строительство культурно-развлекательного комплекса «Пирамида», Сафар-отеля и др.

В феврале 2012 г. состоялся визит делегации Конфедерации промышленников и предпринимателей Турции в г. Казань. Было решено троекратно увеличить производство предприятия-резидента ОЭЗ «Алабуга». По итогам визита принято решение о возможности организации в Татарстане турецких мебельных производств.

Министр экономики Турции Н. Зейбекчи на встрече с главой Татарстана Р. Миннихановым, состоявшейся в Анкаре в декабре 2014 г., заявил: «Татарстан занимает для нас особое место среди регионов Российской Феде-

рации, и мы видим республику как особое объединяющее звено в наших отношениях с Россией. Активное развитие экономического сотрудничества с Татарстаном способствует развитию взаимоотношений Турции с Россией в целом»³³. Министр сообщил, что руководство Турции в настоящее время поддерживает инвестиции за рубеж, в частности в энергетике и в обрабатывающей промышленности, и Татарстан — одно из лучших мест приложения этих инвестиций. В Москве состоялась презентация Татарстана для Ассоциации российско-турецких предпринимателей. Также руководство республики вышло с инициативой о проведении очередного заседания российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня в Казани в 2015 г.³⁴.

Правовой основой двустороннего сотрудничества **Республики Башкортостан** и Турецкой Республики является двустороннее межправительственное соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 1996 г. Сторонами был создан Фонд развития и поддержки Башкирско-Турецкого делового сотрудничества, являющийся основной организацией в системе башкирско-турецкого сотрудничества.

Основным направлением сотрудничества является **торговля**. В 2012 г. товарооборот между Республикой Башкортостан и Турцией снизился на 11,5% и составил 215,4 млн долл. Экспорт составил 190,3 млн долл., импорт — 25 млн долл.³⁵. Снижение доли минеральных продуктов и топлива в экспорте предопределило общее снижение экспорта за данный период. Данное обстоятельство еще раз подтверждает то, что при сотрудничестве сторон, так же как и с Республикой Татарстан, импорт именно нефти и нефтепродуктов является основным для Турции и решающим образом влияет на общий объем внешней торговли ТР и РБ. Основными статьями импорта являлись: оборудование, изделия из черных металлов, алюминия, древесины, пластмасс, строительные материалы, электрические машины и оборудование.

Таким образом, в РБ создаются как совместные предприятия, так и ведется активная работа турецких фирм в качестве строительных подрядчиков или субподрядчиков российской стороны, которая является заказчиком. В Башкортостане работают около 80 предприятий с участием турецкого капитала. Созданные СП специализируются преимущественно в предоставлении торгово-посреднических, консультационных и информационных услуг, часть занята в строительстве и перерабатывающих отраслях промышленности, а также предоставляют услуги в секторе общественного питания.

Перспективы сотрудничества РБ с Турцией определились в области строительства, нефтехимии, деревообработки, кожевенной, чайной и табачной промышленности, туризма.

В ходе встречи представителей турецкой компании с главой Башкирии Р. Хамитовым 6 декабря 2012 г. турецкая сторона заявила о заинтересованности в инвестировании и строительстве объектов жилищной и коммерческой инфраструктуры на территории республики. Выявлен конкретный интерес к импорту из Башкортостана такой продукции, как синтетические каучуки, парафин, поливинилхлорид, полистирол, дизельное топливо и др. В настоящее время продолжают конкретные переговоры и согласования с обеими сторонами.

Мы видим, что Республика Татарстан и Республика Башкортостан имеют положительное сальдо торгового баланса с турецкой стороной. Направление

инвестиционной деятельности разнообразно и охватывает следующие сферы: строительство, торговля, туризм, гостиничный бизнес, производство хлебобулочных изделий, товаров народного потребления, разлив минеральных вод и др. При этом в качестве партнера турецкий капитал предпочитает мелкие и средние предприятия. Наличие средств у региональных органов управления позволяет им достаточно активно привлекать турецкие строительные фирмы к выполнению подрядных заказов. Кроме того, разнообразны культурные контакты на основе общности религии, культуры, языка.

Таким образом, дальнейшее развитие сотрудничества Турции с республиками Российской Федерации, имеющими преобладающее мусульманское население, требует взаимного интереса к расширению отношений и поиска новых возможностей. Наличие в Российской Федерации «групп и объединений народов, имеющих с Турцией общие исторические корни, языки и религию, дает ей преимущества перед другими странами, желающими установить связи с тюркскими республиками. Этого также достаточно, чтобы турки, не обращая внимание на обвинение в пантюркизме и пантуранизме, без каких-либо комплексов могли использовать присущую им общность для развития сотрудничества и создания тюркского союза наподобие объединений, существовавших в прошлом и имеющих в настоящем»³⁶. Конечно, использование этнического и религиозного фактора имеет место. Но не стоит на этом заикливаться, это не является единственной, и тем более, главной целью отношений Турции с субъектами РФ. И то внешнеэкономическое сотрудничество сторон, которое мы можем проследить на сегодняшний день, является ярким подтверждением взаимовыгодных интересов как Турции, так и субъектов РФ с мусульманским населением.

Политический фактор будет присутствовать всегда, однако он не должен препятствовать развитию внешнеэкономического сотрудничества сторон, а, наоборот, должен способствовать их расширению. Существует схема развития экономических, торговых, культурных и научных связей между сторонами, включающая заключение базовых соглашений с целью развития производственного сотрудничества, сотрудничества в области туризма, создания совместных предприятий по вопросам предоставления технических и консультационных услуг и иных взаимосогласованных форм сотрудничества, которые подтверждаются реальными фактами установления и налаживания контактов.

Примечания

¹ Шлыков П.В., Ульянов Н. Ю. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. С. 49.

² T.C. MerkezBankasi. TemelEkonomikGelismeler. [Электронный ресурс] URL: http://www.tcmb.gov.tr/research/ekonomikgelismeler/ekonomik_gelisme.pdf.

³ DTM.Ihracatstratejikplani. 2004–2006.

⁴ <http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2012/06/20120613-31-1.pdf/>

⁵ Ягья В.С. Новое в российско-турецких отношениях в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. С.-П., 2014. С. 220.

⁶ ©Capital. Mayıs, 1999. С. 86–89.

⁷ Из материалов Министерства внешней торговли Турции.

⁸ <http://www.lawmix.ru/abrolaw/1844/>

- ⁹ http://www.riadagestan.ru/news/tourism_events/yusup_umavov_prinyal_uchastie_v_mezhpravitelstvennoy_rossiysko_turetskoy_komissii_po_torgovo_ekonomicheskomu_sotrudnichestvu/
- ¹⁰ <http://www.rtbc.ru/news/49/>
- ¹¹ По материалам пресс-службы Президента Республики Татарстан.
- ¹² <http://www.rtbc.ru/news/55/>
- ¹³ По материалам Посольства Турецкой Республики в Москве.
- ¹⁴ Ягья В.С. Указ. соч. С. 221–222.
- ¹⁵ Larrabee F. Stephen. Turkey's New Geopolitics // Survival. Vol. 52, № 2. 2010. P. 157–180.
- ¹⁶ Надеин-Раевский В. Турция и российские автономии. М., 1998. С. 78.
- ¹⁷ Там же. С. 80.
- ¹⁸ Milliyet. 10.05.1990.
- ¹⁹ Конституция Российской Федерации. М., 2000. С. 28–30.
- ²⁰ Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» № 164 ФЗ от 8 декабря 2003 г. (глава 2 статья 8, п. 1).
- ²¹ Конституция республик в составе РФ. Выпуск 1, М., 1995. С. 114.
- ²² «Федеральный закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» № 122 ФЗ от 22 августа 2004 г. (дополнения к закону 164 ФЗ) (глава 2, статья 8, п. 8.1).
- ²³ Электронный ресурс: <http://www.sktu.cusroms.ru/>
- ²⁴ Электронный ресурс: <http://www.kbr-time.ru/>
- ²⁵ Электронный ресурс: <http://www.sktu.cusroms.ru/>
- ²⁶ Электронный ресурс: <http://www.Info-islam.ru/>
- ²⁷ Электронный ресурс: <http://www.u-f.ru/>
- ²⁸ Гичиев Н.С. Развитие межрегиональных хозяйственных связей и внешнеэкономической деятельности Республики Дагестан // Внешнеэкономические связи и региональное развитие в России. М., 1999. С. 125.
- ²⁹ Электронный ресурс: <http://www.sktu.cusroms.ru/>
- ³⁰ Электронный ресурс: <http://www.sktu.cusroms.ru/>
- ³¹ Электронный ресурс: <http://www.ptu.customs.ru/>
- ³² По материалам Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества РТ.
- ³³ Электронный ресурс: <http://www.rav.tatarstan.ru/>
- ³⁴ Электронный ресурс: <http://www.President.tatarstan.ru/>
- ³⁵ Электронный ресурс: <http://www.ptu.customs.ru/>
- ³⁶ По материалам Посольства Турецкой Республики в Москве (7-й пятилетний план – 2000 г.).

М.А. Сучков*
(Пятигорск)

ВЛИЯНИЕ ИГИЛ НА РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Резюме. Кардинальные общественно-политические трансформации на всем пространстве Ближнего Востока в результате «арабской весны», изменение политического статус-кво в регионе и рост угрозы радикального исламизма породили серьезные вызовы не только для государств Ближнего Востока, но и за его пределами.

Особые риски данные процессы несут для безопасности и стабильности Северного Кавказа как одного из наименее стабильных и наиболее уязвимых для внешнего влияния регионов России. В статье будет предпринята попытка выявить основные каналы влияния ближневосточной динамики на северокавказские «сюжеты» и оценить перспективы развития ситуации в этой области.

Ключевые слова: ИГИЛ, «Имарат Кавказ», терроризм, экстремизм, сотрудничество России — США, безопасность.

Summary. Profound socio-political transformations in the Middle East as a result of the «Arab Spring» as well as the change in the regional status quo with the rise of Islamist threat triggered serious challenges not only to the Middle East but far beyond the region.

These processes bear special risks for the security and stability of the North Caucasus — one of the less stable and most susceptible to foreign influence regions in Russia. The paper analyzes key channels in the Middle Eastern dynamics influencing the Caucasus as well as assesses prospects for developments of these rather negative trends.

Tags: ISIS, Caucasus Emirate, terrorism, extremism, U.S.-Russia cooperation, security.

Кардинальные общественно-политические трансформации на всем пространстве Ближнего Востока в результате «арабской весны», изменение политического статус-кво в регионе и рост угрозы радикального исламизма породили серьезные вызовы не только для государств Ближнего Востока, но и за его пределами.

Особые риски данные процессы несут для безопасности и стабильности Северного Кавказа как одного из наименее стабильных и наиболее уязвимых для внешнего влияния регионов России. В России успех «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) или просто «Исламского государства» (ИГ) расценивался большинством экспертов как результат провалов американской политики на Ближнем Востоке, начавшийся с вторжения в Ирак при Буше-мл. и способствовавший фактической фрагментации этой страны. В

* Сучков Максим Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ).

контексте современных российско-американских противоречий данный подход Москвы разделяется немалым числом экспертов и политиков на Ближнем Востоке и в других регионах мира.

Однако российская позиция по этому вопросу исходит не из «идеологического» противостояния с США — она мотивирована резонами внутриполитического содержания. Прежде всего это происходит потому, что ИГИЛ в значительной степени влияет на региональную геополитику и подпитывает идеологически своих сторонников по всему миру. В том числе это касается и «Имарата Кавказ». Найти общие точки для России и США в борьбе с ИГИЛ тем более сложно на фоне российской аргументации уважать суверенитет Сирии во время бомбардировок позиций «Исламского государства» и явное нежелание Соединенных Штатов предоставить России роль в этой кампании¹.

На протяжении многих месяцев «Исламское государство» закрепило за собой репутацию нового террористического объединения, одной из главных угроз безопасности Ближнего Востока и сопредельных территорий. Однако на фоне других террористических группировок ИГИЛ выделяется по трем основным критериям.

Во-первых, ежедневный доход группировки составляет, по разным данным, до 3 млн долл. США, что является рекордным показателем и делает ИГИЛ самой богатой организацией подобного рода за всю историю их существования. Группировка контролирует многие нефтяные месторождения на востоке Сирии. Месторождение Омар, ранее производящее максимально до 30 тыс. баррелей в день, сейчас работает только на треть от своей производственной способности.

Во-вторых, максимальная численность боевиков ИГИЛ — 30 тыс. человек. Хотя называются и меньшие цифры, очевидно, что это мощная, боеспособная сила с далеко идущими планами².

Наконец, профессиональная и эффективная политика «Исламского государства» на поле информационной войны также весьма внушительна. Ориентированная на набор потенциально новых добровольцев, ИГИЛ уже успело зарекомендовать себя как организация, принимающая под свое крыло всех сторонников³.

ИГИЛ стремительно расширило свой контроль над территорией Ирака и Сирии посредством захвата городов и населенных пунктов, расположенных вблизи крупных транспортных и логистических маршрутов, значимых объектов инфраструктуры и пунктов приграничного контроля.

ИГИЛ также использует своеобразные методы управления. На захваченных территориях ИГИЛ разрешает функционировать некоторым видам услуг — рынкам, пекарням и автозаправкам. Вместе с тем оно использует жесткую силу для насаждения своего видения фундаменталистского исламистского государства.

Сформированные «Исламским государством» отряды «религиозной полиции» следят за тем, чтобы магазины закрывались во время намаза, а женщины в общественных местах ходили с покрытыми головами. В свою очередь, все общественные места огорожены тяжелыми железными прутьями с закрепленными на них черными флагами ИГИЛ. Люди, которых облачают в непослушании законам ИГИЛ, наказываются жестоко и публично.

ИГИЛ похитило с военных складов в Ираке и Сирии сотни тысяч единиц оружия стоимостью в миллионы долларов. Кроме того, ИГИЛ удавалось успешно перехватывать поставки вооружений сирийским «оппозиционерам», воюющим против правительства Асада. *Conflict Armament Research* — одна из крупнейших фирм, отслеживающая поставки оружия, заявляет, что некоторые образцы оружия, применяемые ИГИЛ, продавались различными компаниями, базирующимися на территории США и Саудовской Аравии.

Среди таких вооружений автоматические винтовки М-16 и М-4, маркированные как «Собственность Правительства США». Аналогичное вооружение имеется у нерегулярных вооруженных формирований шиитов Ирака, которым США поставили сотни тысяч единиц оружия⁴.

По данным ЦРУ, из общего числа боевиков ИГИЛ более 15 тыс. человек — это представители иностранных государств — добровольцы или завербованные инструкторами ИГИЛ. Последний «набор» боевиков пришелся на близлежащие мусульманские страны — Тунис и Саудовскую Аравию. Чуть меньше прибыло из Бельгии, Китая, России и США.

Что касается российского измерения деятельности ИГИЛ, то посыл организации направлен на всеобщее объединение всех симпатизантов — своим успехом ИГИЛ обязано массам боевиков из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Европы и Северного Кавказа. Последнее особенно тревожно для России, которая давно и последовательно говорила об угрозах разрастания джихадистского подполья в сопредельные регионы⁵.

В целом тремя основными направлениями влияния «арабской весны» на Кавказ являются:

- идеологическое;
- социальное;
- информационное.

Появление ИГ разделило экстремистов «Имарата Кавказ» по вопросу лояльности. Отчасти это произошло из-за личных ориентаций эмиров, отчасти идеологических установок, интерпретации и реализации идеи «глобального джихада».

В негласном противостоянии между группировкой «Джабхат аль-Нусра» и ИГИЛ эмиры северокавказского подполья высказались в пользу последнего, что еще больше укрепило связи между двумя группами. Исследователь Фонда Карнеги в Вашингтоне Т. Де Ваал отмечает, что «многие ведущие фигуры в ИГИЛ — выходцы из Северного Кавказа, включая Омара аль-Шишани (этнический чеченец), родом из Панкисского ущелья в Грузии. Даже если часть тех средств, которыми обладает ИГИЛ, будет направлена на Северный Кавказ, то это укрепит позиции местных боевиков»⁶.

Хотя вопрос этнической принадлежности боевиков несет, скорее, эмоциональный компонент, стратегическая направленность повестки «Исламского государства» и «Имарата Кавказ» религиозная, а не этническая. Это помогает им консолидироваться по содержанию, оставаясь при этом самобытными по форме.

Тем не менее «человеческий фактор» — это первый мостик между двумя радикальными группировками. К тому же имеет место и обратная тенденция: многие из тех, кто сегодня воюют на Ближнем Востоке, начинали на

Северном Кавказе, в Афганистане, Ираке и других «горячих точках». Это неудивительно, поскольку в эпоху глобализации террористам свойственно перемещаться из одной точки в другую, подобно туристам. Хотя на Северном Кавказе нет тренировочных лагерей, сопоставимых с теми, что располагаются в Ираке и Сирии, конкуренция за человеческие ресурсы внутри сообщества «террористических сетей» сильна⁷.

Между «Имаратом Кавказ» и «Исламским государством» существуют и другие параллели. Обе группировки функционируют в «серых зонах» на соответствующих территориях. Обе имеют общую повестку, конечная цель которой — создание халифата или прочей формы государства шариата⁸.

Они могут отличаться в политике сбора средств и структурной организации, но правда в том, что «Имарат» позиционирует себя как региональная группировка, являющаяся частью «глобального джихадистского движения», в то время как «Исламское государство» претендует на центральную роль основной, новой силы этого движения. В этом отношении, как бы парадоксально это не звучало, поддержка «Имарат Кавказ» нужна ИГИЛ в большей мере, с тем чтобы стать доминирующей силой на глобальную мусульманскую умму⁹.

Вторым связующим звеном является финансовая поддержка. В декабре 2013 г. ИГИЛ признало, что получило крупные средства от Доку Умарова, возглавлявшего на тот момент «Имарат Кавказ». Логика «ты — мне, я — тебе» в отношениях между ИГИЛ и ИК работала вполне эффективно, о чем говорит усиление обеих группировок за последние годы. Если такое сотрудничество продолжится, дуга нестабильности от Ближнего Востока до Евразии будет только расти, укрепляться и постепенно превращаться во все большую угрозу всем государствам, в частности как для России, так и для США.

Успех ИГИЛ является очевидным катализатором деятельности «Имарат Кавказ» — как в аспекте финансовой поддержки, так и подготовки боевиков. Но это также и новые вызовы для российских и американских интересов в соответствующих регионах. Поэтому хотя возможности для прагматического сотрудничества в этой области ограничены, они реальны и их следует рассматривать серьезно.

Для внешних аналитиков характерен аргумент о том, что, поскольку несколько выходцев из кавказских республик (прежде всего Чечни) занимают высокое положение в иерархии «Исламского государства», основные опасения России заключаются в их потенциальном возвращении в регион, куда Москва инвестировала много финансового и социального капитала.

Причина, по которой многие аналитики по-прежнему находятся в парадигме «чеченского кризиса», кроется в разных объяснительных конструкциях того, что происходит на российском Северном Кавказе.

В то время как Москва указывает на то, что ей приходится противостоять как раз тем же вызовам, с которыми западные государства борются на Ближнем Востоке, многие на Западе убеждены, что «повстанчество» в регионе Северного Кавказа имеет этно-национальный характер. Действительно, хотя в настоящее время понимание происходящего в США более адекватное, чем в 1990-е гг., многие дипломаты и эксперты по-прежнему анализируют происходящее в российском регионе в терминах «чеченского конфликта», отказываются признавать изменение «националистической повестки» на «глобаль-

но-джихадистскую»¹⁰ и отрицать идеологическую, финансовую и оперативную связь «Имарата Кавказ» с «Аль-Каидой»¹¹.

Это приводит к тому, что многие западные партнеры полагают, что это «исключительно российская проблема», порожденная ошибками управления социально-политическими процессами, в то время как «угроза терроризма» используется Кремлем для оправдания своей политики «закручивания гаек»¹².

Даже терминология, используемая в российском и западном дискурсе по этому вопросу, отражает содержательные нюансы, выходящие за рамки чисто лингвистических различий. Она отражает полярные интерпретации происходящего российскими политиками и экспертами и их американскими коллегами.

Признание в 2011 г. Государственным Департаментом «Имарата Кавказ» террористической организацией сопровождалось дебатами в американском экспертном сообществе о том, что между ИК и «Аль-Каидой» нет никаких связей, а Россия и США сталкиваются с вызовами разной направленности.

В значительной степени этот подход в обеих странах сохранился и сегодня. Это стало не только серьезным препятствием на пути эффективного контртеррористического сотрудничества и обмена информацией, но также способствовало формированию дальнейшего недоверия и взаимной подозрительности.

В данном контексте фактор принадлежности боевиков ИГИЛ к Северному Кавказу несет два послыла для России. Во-первых, хотя в настоящее время основным фронтом борьбы для них является Ближний Восток, где возможностей продвижения своей идеологической повестки больше, они не отказались от идеи возвращения в регион, откуда они вышли с целью реализации своих идей и накопленного опыта ведения террористической активности.

Во-вторых, это открывает потенциальное окно для сотрудничества в этой сфере с США¹³. Москва и Вашингтон уже упустили две подобные возможности — после 11 сентября 2001 г. и в апреле 2013 г., после терактов на Бостонском марафоне. Вместе с тем, учитывая опыт двух стран¹⁴, именно борьба с терроризмом и экстремизмом могла бы стать продуктивным направлением в российско-американских отношениях. К слову, опрос на сайте аналитического портала *Al-Monitor* продемонстрировал, что 58,5% согласны с тем, что «США и Россия должны координировать свои ответные стратегии в отношении Исламского Государства (Ирака и Сирии) и «Имарата Кавказ» соответственно», в то время как 31,5% с этим не согласны, еще 10% не определились по этому вопросу¹⁵.

Оба этих случая, как и текущая ситуация с ИГИЛ, открыли для Белого дома неприятную правду — борьба с терроризмом за рубежом не гарантирует безопасность собственной страны. Для Кремля вывод аналогичный: подавление внутренних вызовов не означает, что они не возникнут в других регионах и не вернуться еще более сильными и опасными.

Таким образом, в борьбе с таким радикальным образованием, как ИГИЛ, уже представляющим из себя квазигосударство с регулярной армией, обеим странам необходимо выработать более целостный подход с вовлечением друг друга. Вместе с тем разнонаправленность региональных внешнеполити-

ческих стратегий США и России на текущем этапе, вкупе с кризисным контекстом двусторонних отношений, оставляют небольшую надежду, что такое сотрудничество возможно на практике.

Примечания

- ¹ Для Запада ИГИЛ в Ираке — враг, в Сирии — друг // Внешняя политика, 18 августа 2014: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/igil-v-irake-i-sirii-dvoynye-standarty-blizhnvestochnoy-politiki-zapada/>
- ² How ISIS Works // New York Times, September 16, 2014: http://www.nytimes.com/interactive/2014/09/16/world/middleeast/how-isis-works.html?_r=0
- ³ Hashem A. The Islamic State's Social Media Strategy / A. Hashem // Al Monitor, August 18, 2014: http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/08/is-clinton-atrocities-social-media-baghdadi-mccain.html?utm_source=Al-Monitor+Newsletter+%5BEnglish%5D&utm_campaign=4c13a54043-August_19_2014&utm_medium=email&utm_term=0_28264b27a0-4c13a54043-100371409
- ⁴ Истомин И.А. Политическая пропаганда радикальных исламистских организаций в США // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 94–103.
- ⁵ Suchkov M. Why it Matters that Russia and US Have Different Narratives about ISIS / M. Suchkov // Russia Direct, September 24, 2014: <http://www.russia-direct.org/content/isis-two-different-narratives-russia-and-us>
- ⁶ De Waal Th. Caucasus Emir Seeks a Re-Brand // Eurasia Outlook. — July 2, 2014: <http://carnegie.ru/eurasiaoutlook/?fa=56062>
- ⁷ Suchkov M. Islamic State Gains Victory for Chechen Jihadists / M. Suchkov // Al-Monitor, July 17, 2014: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/07/islamic-state-chechen-caucasus-emirate.html>
- ⁸ Hahn G. Getting the Caucasus Emirate Right / G. Hahn // A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. Washington D.C., August 2011. 23 p.
- ⁹ Saunders P. Russia's Role in the Fight against IS / P. Saunders // Al Monitor, October 6, 2014: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/10/russia-isis-syria-s300-missiles-assad.html>
- ¹⁰ См. подробно об этом: Markedonov S. Radical Islam in the North Caucasus: Evolving Threats, Challenges and Prospects / S. Markedonov // A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. Washington D.C., 2010. 13 p.
- ¹¹ Среди таких работ стоит выделить: Williams B. G. Allah's Foot Soldiers: an Assessment of the Role of Foreign Fighters and Al-Qaida in the Chechen Insurgency // Ethno-nationalism, Islam and the State in the Caucasus: Post-Soviet Disorder / Ed. by Gammer M., Rutledge University Press, 2007. P. 156–178.
- ¹² Markedonov S. Radical Islam in the North Caucasus: Evolving Threats, Challenges and Prospects / S. Markedonov // Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. — Washington D.C., November 2010. — 27 p.
- ¹³ Naumkin V. US-Russia Cooperation Needed in IS Fight / V. Naumkin // Al Monitor, October 22, 2014: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/10/islamic-state-syria-oil-turkey-russia-alienate.html>
- ¹⁴ О проблеме исламистских структур в Соединенных Штатах см.: Истомин И.А. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Suchkov M. Islamic State Gains Victory for Chechen Jihadists / M. Suchkov // Al-Monitor. — Дата доступа: July 17, 2014: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/07/islamic-state-chechen-caucasus-emirate.html>

CONTENTS

Foreword	8

Section I

Nationalism, Nation-states and the Contemporary Situation in the Near and Middle East

<i>V.Y. Belokrenitsky.</i> Specific features of nationalism and nation-states in the East, in the world of Islam (example of Pakistan)	15
<i>N.M. Mamedova.</i> Socio-economic model of Iran (regional inequalities in the economic development)	35
<i>N.Y. Ulchenko.</i> National features of Turkey's economic model	46
<i>S.N. Kamenev.</i> Characteristic qualities of Pakistan's economy and prospects for its development	59
<i>U.V. Okimbekov.</i> Demographic and ecological problems of the contemporary Afghanistan	75
<i>D.B. Malysheva.</i> Radical Islamism as an external challenge to nation-states in Central Asia	83
<i>K.M. Truevtsev.</i> The Middle Eastern imbroglio as the epicenter of confrontation between the modern Pan-Islamist political project and national states	93
<i>G.G. Kosach.</i> Palestinian nationalism: formation and evolution	116
<i>A.V. Sarabyev.</i> Khalifatists versus «nationally-oriented» islamists: defining the problem.	130

Section II

Historical Aspects of the Problem of Nation and Nationalism

<i>V.V. Orlov.</i> Self-identification in the Arab world: ethnical, religious and national aspects	147
<i>S.F. Oreshkova.</i> To the question of ethnical identification of the Muslim peoples: the Ottoman experience	159
<i>A.V. Vitol (St. Petersburg).</i> Turkey's entrance into the «European concert»: the European approach and the conflict with Islam	164
<i>A.V. Boldyrev.</i> Russian factor in ethno-political processes in the Ottoman empire in the middle of the XIX century	171
<i>V.I. Shlykov.</i> Language policy of Kemalists in the early republican period	185
<i>L.M. Ravandi-Fadai.</i> Ethnicity, nation and nationalism: Iranian attitude	193
<i>L.A. Chereshnyova (Lipetsk).</i> The issue of a regional Muslim nationalism (example of Hyderabad princely state in India)	207

Section III

Specific Features of Politico-Ideological Systems in the Countries of the Region

<i>V.V. Karyakin</i> . Degradation of secular state institutions in the Arab world countries in view of the rise of Islamic fundamentalism.	219
<i>N.G. Kireyev</i> . The Islamic-cum-Turkish synthesis in the state ideology of Turkey	229
<i>P.V. Shlykov</i> . National model of democracy and civil society in Turkey: the dynamics and main determinants	241
<i>B.M. Yagudin</i> . Kemalism and shaping of the political and ideological basis of the «Third Republic» in Turkey	257
<i>I.R. Gibadullin (Kazan)</i> . Mortaza Mutahhari and the ideology of Iranian nationalism.	265
<i>K. Khas (Turkey)</i> . Problem of choice of the national ideology in Kyrgyzstan and Tajikistan after attaining independence.....	278

Section IV

National Peculiarities of the Contemporary Socio-Political and Cultural Development

<i>V.I. Sazhin</i> . Specific features of the national psychology of the Iranian population	291
<i>M.S. Kameneva</i> . Persian language as a factor of national integration in Iran.	297
<i>I.N. Serenko</i> . 'Urduization' of the educational system in Pakistan as a salient feature of the state's national policy	303
<i>N.A. Zamarayeva</i> . Army and democratic institutions in the contemporary Pakistan	312
<i>G.V. Lukianov</i> . Regular Army as an institution in the national state system in Libya	328

Section V

Ethnic Nationalism and Ethnic Movements

<i>I.V. Ryzhov, M.Y. Borodina (Nizhny Novgorod)</i> . Ethnic problems in the contemporary Iran	345
<i>K.V. Vertyaev</i> . Specific features of the Kurdish national movement and its upsurge in Turkey and Syria.	361
<i>A.G. Gadjiyev</i> . Problems of national minorities in Turkey (based on the reports of European Commission on Turkey's progress on its way to the EU membership)	375

<i>M.O. Nessar</i> . Ethno-tribal factor and the political process in the contemporary Afghanistan	379
<i>N.M. Gorbunova</i> . The permanent crisis in Lebanon: role of ethno-religious factor	384

Section VI
**Islamic Factor and Trends in the Evolving International Relations
in the Region**

<i>I.I. Ivanova</i> . Turkey in the Middle East: the concept of response to challenges from the regional actors	393
<i>I.A. Svistunova</i> . Turkey's relations with Iraqi Kurdistan in the context of the transformation of the national identity concept in Turkey	403
<i>V. Petrosyan (Armenia)</i> . Prospects for Turkey's cooperation with the Regional government of Kurdistan	413
<i>E.I. Urazova</i> . Council for the Cooperation of Turkic States (Turkic Council) as a new association for integration in Eurasia	429
<i>I.E. Fedorova</i> . Elements of Pan-Iranism in the Iran's foreign policy	437
<i>S.D. Makhnyov (Nizhny Novgorod)</i> . Non-regional actors' reaction to the first stage of the "Arab Spring" in Egypt	443
<i>E.S. Melkumian</i> . Gulf Cooperation Council (GCC) as an institution for ensuring national security of the member-states	455
<i>S.L. Volkova</i> . Economic cooperation between Turkey and the Russian Federation's republics with dominant Muslim population	465
<i>M.A. Suchkov (Pyatigorsk)</i> . Influence of the Islamic State on the Russian North Caucasus	479
Contents	485

Научное издание

Нации и национализм на мусульманском Востоке

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор М.С. Грикурова
Корректор М.Я. Колесник
Верстка О.Н. Морозова

В подготовке рукописи к изданию принял участие В.И. Сотников

Бумага офсетная 80 гм². Формат 60х90^{1/16}
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 500 экз. Заказ № 761.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

Научно-издательский отдел
Зав. отделом А.В. Сарабьев
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо